ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՀՀ ԳԱԱ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ,
ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱՅԻ ԵՎ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Կ. Միրումյան

ՀԱՅ ՄԱՆԿԱՎԱՐԺԱԿԱՆ ՄՏՔԻ ԱՆԹՈԼՈԳԻԱ

Հնագույն ժամանակներից մինչև XVIII դ.

ԵՐԵՎԱՆ 2019

RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCIS OF THE RA
INSTITUTE OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND LAW

K. Mirumyan

THE ANTHOLOGY OF ARMENIAN PEDAGOGICAL THOUGHT

Since antiquity to 18th Sentury

YEREVAN 2019

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ
И ПРАВА НАН РА

К. А. МИРУМЯН

АНТОЛОГИЯ АРМЯНСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

С древнейших времен до XVIII века

ЕРЕВАН 2019

УДК 37
ББК 74.00
М 630

Печатается по решению Ученых советов
Российско-Армянского университета и
Института философии, социологии и права НАН РА

Под редакцией

доктора педагогических наук, профессора Л. Т. Асланян
доктора философских наук, профессора П. С. Аветисяна

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Я. И. Хачикян
доктор философских наук, профессор С. А. Закарян

М 630 К. А. Мирумян. Антология армянской педагогической мысли. С древнейших времен до XVIII века (ред. Л. Т. Асатрян и П. С. Аветисян). — Ер.: Изд-во РАУ, 2019. — с. 684

В книге впервые дается систематическая документальная история армянской школы и педагогической мысли с древнейших времен до XVIII века, то есть наименее изученного в историко-педагогическом ракурсе периода. В ней представлены как документы древнейшего периода истории армянской культуры (мифы, эпос, фольклор), так и отрывки просветительско-педагогического характера из произведений армянских педагогов, историков, философов, правоведов, политических и духовных деятелей и мыслителей. Книга снабжена вступительными статьями, примечаниями и списком литературы. Значительная часть материала переведена на русский язык впервые.

Книга адресована специалистам в области истории армянской педагогики, а также всем, кто интересуется проблемами развития армянской духовной культуры.

ISBN 978-9939-67-219-9

УДК 37
ББК 74.00

© К.А. Мирумян, 2019

Две силы, два противоположных начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии. Поставленная на рубеже двух миров, постоянно являвшаяся ареной для столкновения народов, вовлекаемая ходом событий в величайшие исторические перевороты, Армения самой судьбой была предназначена служить примирительницей двух различных культур.

В. Брюсов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящем издании впервые прослеживается документальная история становления и развития армянской просветительской и педагогической мысли с древнейших времен до XVIII века, состояния школьной системы, учебно-образовательного процесса, форм и методов школьного (элементарного и высшего) обучения и воспитания, места и значения школы и учебно-образовательной системы в культурно-исторических судьбах армянского народа. Этот большой исторический период распадается на отдельные самостоятельные этапы в соответствии со спецификой исторических периодов в развитии армянского народа. Развитие армянской просветительско-педагогической мысли было тесно переплетено с развитием различных областей духовной культуры, философии и науки.

О самобытности и достижениях армянской культуры выдающийся русский писатель и ученый Валерий Брюсов писал: «Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султанов. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»[1]. Сказанное в полной мере относится и к сфере об-

[1] *Брюсов В.* Предисловие и вступительный очерк к сборнику «Поэзия Армении» // Брюсов и Армения: В 2-х кн. Кн. I. Ер., 1988. С. 53.

разования, школьной системы, просветительско-педагогической мысли.

В данной антологии преимущественно представлены тексты из произведений выдающихся армянских ученых-просветителей и педагогов средних веков вплоть до XVIII века. Основное внимание уделено тем авторам и их трудам, в которых наиболее полно отражены педагогические искания, учения, идеи и принципы эпохи. Это, в свою очередь, предполагает включение также определенного философского, социально-политического, культурологического, правового, церковно-религиозного и других материалов, без которых трудно представить развитие самой педагогической мысли. Значительное место уделено трудам армянских историков, благодаря которым сохранились ценные сведения о состоянии школ, школьных программах, содержании и формах обучения, выдающихся педагогах, просветителях и других деятелях в области духовной культуры.

Более или менее разработанные педагогические теории или концепции, как правило, опирались на достижения философской науки — национальной и античной (впоследствии и европейской) как необходимой общетеоретической и методологической базы. Кроме того, и в эпоху средневековья наблюдается тесная связь, взаимообусловленность научно-философского и педагогического знания, принципов систематизации и классификации философской науки и структуры образовательной системы, программ обучения. В антологию включены также некоторые образцы армянской «народной педагогики», в которых ярко отражена народная мудрость.

Знакомство с биографиями и текстами из произведений деятелей армянского просвещения и педагогической мысли предоставляет читателю возможность составить более или менее целостное представление об уровне развития армянской школы, образовательной системы и воспитания в указанных хронологических рамках, убедиться в богатстве и самостоятельности армянской педагогической мысли, которая представляет значительную ценность и актуальность не только в историко-познавательном аспекте, но и с точки зре-

ния современных задач, стоящих перед национальной школой и всей системой образования и воспитания.

Данное издание, разумеется, не претендует на исчерпывающую полноту, не охватывает всего богатства и многообразия материалов по истории армянской педагогической мысли и просвещения. Это всего лишь первая попытка по подбору, систематизации и классификации учебно-педагогических материалов. Часть из них почерпнута из научно-критических изданий первоисточников, другая — из рукописного фонда Института древних рукописей им. Месропа Маштоца — Матенадарана, третья — из переводов на русский язык произведений отдельных авторов. Значительная часть приводимых текстов публикуется на русском языке впервые в нашем переводе.

Сложность исследовательской задачи заключалась не только в том, что из огромного пласта разнородных материалов приходилось подбирать те, которые так или иначе относятся к области школы, образования и воспитания, педагогической мысли, дидактике, методике обучения и т. д. Сложность положения исследователя объясняется и тем, что одна и та же концептуальная идея педагогического характера встречается у разных авторов в различные культурно-исторические эпохи. И чтобы не нагромождать антологию повторами, приходилось учитывать ряд моментов: временной фактор, развернутость тезиса, функциональную роль положения в контексте новых культурно-исторических эпох и многие другие факторы, знакомые всем, кто занимался подобного рода исследованиями.

Работа в этом направлении, естественно, требует коллективных усилий арменоведов различного профиля, ибо большая часть рукописей все еще ждет своего исследователя. В этом смысле настоящее издание может послужить лишь определенной подготовительной базой для более развернутых и фундаментальных исследований и изданий, в том числе антологических.

Структурно работа состоит из вводных замечаний, где представлены наиболее общие теоретические соображения и принципы относительно роли и значения школьно-образовательной системы и истории педагогической мысли в

историческом развитии народа, четырех больших разделов, включающих материалы по отдельным культурно-историческим эпохам и предваряемых большими вступительными статьями, в которых дается общая культурно-историческая характеристика эпохи, в том числе состояния школ, образования и воспитания; монографическими очерками относительно каждого автора; примечаний и списка литературы.

Мы надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга позволит в общих чертах составить представление о формировании армянской просветительской и педагогической мысли, об основных этапах развития данной сферы духовной культуры народа.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В культурно-историческом бытии каждого народа в той или иной мере прослеживается проявление закономерностей как общеисторического, так и локального, национального характера. История народа — носителя общечеловеческих ценностей (или воспринимаемых или выставляемых в качестве таковых) — это постоянный процесс трансформации, преломления и, одновременно, обогащения, нюансировки общих закономерностей, что в свою свою очередь конкретизирует, «приземляет», «индивидуализирует» саму логику всеобщего культурно-исторического процесса. При этом каждый народ в своем цивилизационном развитии специфически отражает и выражает общечеловеческие ценности, по-своему усваивает и участвует в их создании. С другой стороны, общеисторический процесс и общечеловеческие ценности не могут существовать без их конкретных носителей. Это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы.

Указанные культурные и цивилизационные процессы в значительной мере обусловлены не только конкретными историческими, политическими, экономическими, социокультурными и другими «внешними» факторами, но также и внутренней духовно-интеллектуальной и морально-нравственной потенцией данного народа. Именно совокупность вышеуказанных внешних и внутренних факторов, их сопряженность, гармония (или дисгармония) и определяют место и «лицо» той или иной нации в истории как «локальной», региональной, так и «мировой» цивилизации, которую можно условно представить в виде определенной последовательности и смены сложных, многоуровневых и многогранных культурно-исторических периодов, ценностных систем, цивилизационных парадигм, создаваемых усилиями многих народов.

Одновременно культура каждого народа — неотъемлемый компонент его исторического и национально-цивилизационного бытия. Ее состояние, направленность и уровень развития во многом обусловлены наличием или отсутствием государственности, степенью политической независимости страны, социально-экономической структурой общества, актуальными и потенциальными возможностями нации, политической системой государства — и что очень важно — местом и статусом культуры, ценностной системы в политической программе и идеологии власти, функциональной ролью, отводимой ей.

Конечно, безотносительно ко всему этому культура в широком понимании этого слова, как продукт специфической человеческой деятельности, продолжает существовать; она никогда не исчезает полностью, так как это может произойти только с исчезновением самого народа-носителя. В данном случае речь может идти преимущественно о сохранении в той или иной мере собственного культурного наследия, национальных традиций и обычаев, но отнюдь не о его развитии, тем более приобщении к общечеловеческим культурным ценностям, их усвоении и творческом обогащении посредством своей же национальной культуры.

Значение культуры как системы в истории народов и государств трудно переоценить, но она играла и сегодня продолжает играть неоднозначную роль. О культуре в любом ее значении говорилось и говорится с уважением, неподдельной почтительностью, а зачастую и пиететом. Однако на деле, то есть в области практической политики отношение к сфере культуры не всегда адекватно словесно-лозунговому отношению, не говоря уже о том, что сегодня понимается под культурой.

В истории некоторых народов культурный фактор зачастую выполнял и иные —политические, идеологические и другие функции, восполняя их пробел в политической жизни народа, то есть приобретал дополнительную, «компенсаторную» функцию. При этом имеется в виду не реально-объективное протекание исторического процесса, в ходе которого происходит естественное взаимовлияние и взаимодействие различных форм общественного и националь-

ного сознания, так называемых надстроечных явлений, или осуществление функции «культурного обеспечения» политической власти, государственного строя, а о сознательном акцентировании определенного культурного начала или системы духовно-культурных ценностей, возведенных в ранг государственной, а в условиях отсутствия государственности и политической независимости — национальной политики и национальной идеологии.

Понятно, что сказанное главным образом касается тех народов, которые в силу определенных исторических условий утратили национальную государственность и политическую независимость, но вместе с тем обладают мощной внутренней духовно-интеллектуальной энергией, потенцией, способной не только компенсировать (хотя бы частично) отсутствие политической независимости, но и продолжать создавать (а не только сохранять) культурные ценности, обогащая своими достижениями сокровищницу мировой культуры. В данном случае речь идет о политической концепции культуры, а не о культурной политике или политике, проводимой государством в сфере культуры[2]. Создать же подобную концепцию, а тем более реализовать ее на практике может только народ, находящийся на определенном, притом довольно высоком уровне социокультурного и политического развития, имеющий дифференцированные формы социального и национального сознания, обладающий высокоразвитым политическим мышлением.

Армянский народ в своем цивилизационном развитии прошел практически все этапы человеческой истории, пережив периоды небывалого мощного подъема и упадка государственной и культурной жизни. Он испытал миграции и угрозу смешения народов, этносов и религий, общался и сталкивался как с «цивилизованными», так и «варварскими» народами, волею судьбы вовлекался в мировой процесс взаимовлияния различных культур, становясь зачастую обьектом как военно-политической и религиозно-идеологи-

[2] Подробнее см.: *Мирумян К. А.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ер., 1994.

ческой, так и культурной экспансии. Однако несмотря на все это ему удалось сохранить и пронести через все исторические перипетии свою национальную и культурную самобытность, «лицо» нации.

Одной из характерных особенностей многовековой истории армянского народа является то, что Армения практически всегда находилась между двумя противоборствующими мировыми державами (Римом и Ираном, Византийской империей и Ираном, Византийской империей и Арабским халифатом, Османской Турцией и Ираном и т.д.), становясь ареной их пермонентной ожесточенной борьбы за военно-политическую гегемонию в регионе и в мире, а зачастую и «яблоком раздора» вследствие важности своего военно-стратегического положения и геополитического значения для враждующих держав. Данное обстоятельство, естественно, требовало от армянских царей и предводителей народа (светских и духовных) также способности проведения тонкой внешней политики и выработку дипломатических навыков для защиты национальных интересов на международной арене. Кроме того, Армении приходилось иногда воевать на два фронта, для чего одной только военной силы было недостаточно.

Во внешней и внутренней политике царей Великой Армении (Арташесидов и Аршакидов), то есть в течение почти семи веков (II в. до н. э. — V в. н. э.) вырисовывается одна очень важная тенденция, которая на первый план выдвигала духовно-культурный и духовно-идеологический факторы. Данная установка впоследствии стала стержневой для национально-политического мышления армянских идеологов, политических деятелей и мыслителей. Со временем сформировалась модель политического мышления, которая имела различные проявления в различных исторических периодах, в зависимости от специфики политических, геополитических условий и задач, стоящих перед армянской государственностью и нацией. Она проявилась практически во всех областях армянской духовной культуры и в первую очередь в сфере школы, системы образования и воспитания, что нашло свое отражение как в исторических трудах, так и в педагогических теориях и концепциях.

Другой характерной особенностью истории армянского народа является то, что Армения, стоящая «на грани двух разных спорящих миров», на протяжении всей своей многовековой истории безжалостно попиралась и обиралась чужеземными поработителями. Более того, «не раз она превращалась в пустыню, не раз казалось, что она погибла навеки, поверженная поднималась, замиравшая воскрешала». Кто только не посягал на судьбу Армении (персы, греки, римляне, арабы, турки и т. д.), прерывая историческое развитие страны, создавая огромные «пропасти», тянувшие целые десятилетия и столетия. Поэтому «органический процесс исторического развития Армении может быть прослеживаем прежде всего в пределах каждого отдельного периода»[3].

Данное соображение выдающегося ученого, академика Н. Марра имеет значение философско-исторического и методологического принципа. Сказанное целиком и полностью относится и к истории армянской культуры, в том числе к такой важнейшей ее составляющей, как история школьно-образовательной системы и педагогической мысли. Тем не менее исследования (хотя и немногочисленные) показывают, что армянская школьная система, просветительская и педагогическая мысль развивались как некая целостность, что они имели свою внутреннюю логику развития, обеспечивая определенную последовательность и преемственность в своем развитии.

Любая более или менее целостная педагогическая теория призвана, во-первых, на основе всестороннего исследования и глубокого анализа, отражать и концептуально обобщать реальное положение дел в сфере школы, образования и воспитания, выявлять закономерности в этой сфере общественной (и национальной) жизни, во-вторых, проецировать на эту сферу общественные (национальные) и государственные задачи, запросы и потребности, в-третьих, определять и обосновывать значение и роль школы и образовательной системы в деле реально-эмпирического национально-государственного развития, в-четвертых, выявлять и

[3] *Марр Н.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934. С. 6.

теоретически осмысливать актуальные и потенциальные возможности нации в развитии школьно-образовательной системы в условиях более совершенных общественных отношений, государственно-политической организации жизни общества, то есть включает также элементы долженствования, идеала. Хотя последнее обстоятельство свойственно педагогической теории вообще, однако оно становится определяющим при отсутствии национальной государственности.

Функционирование любого общества и государства невозможно без должным образом налаженной системы школьной сети, образования и воспитания, обеспечивающих нравственно-духовно-интеллектуальное и профессиональное воспроизводство в обществе, формирующих морально-этический облик гражданина, идейно-политическую ориентацию и гражданскую позицию членов общества. Разумеется также, что формы реализации этих функций во многом зависит от того, какие задачи и цели государство ставит перед школьно-образовательной системой, от его способности осознавать и адекватно формулировать их и тем самым способствовать реальному решению актуальных образовательных и воспитательных задач.

Поэтому во многих педагогических учениях и теориях мы находим не только анализ и теоретические обобщения школьно-образовательных явлений и процессов, но зачастую и выход в область политики и идеологии. Более того, политические принципы и доктрины относительно школьно-образовательной сферы, не прошедшие теоретического осмысления и конкретизации в педагогической теории, весьма трудно проводимы в жизнь. В этом смысле педагогические теории играют своего рода роль передаточного (связующего) звена от школьно-образовательной практики к политической идеологии власти и наоборот. Именно педагогическая теория обеспечивает системность, связывает в единое целое государственные и образовательные задачи. Такова, на наш взгляд, логика соотношения государства, общества (нации) и школьно-образовательной системы, место педагогической теории в этом соотношении. Но это — в идеале. На практике же, особенно в последнее время в Армении, да и не только в Армении, но

и во многих постсоветских республиках, намечается обратная тенденция — навязывание школьно-образовательной системе определенных принципов и стандартов со стороны государства под видом реформ, обходя при этом важнейшую составляющую этого процесса «реформирования» — педагогическую теорию, которая сегодня отброшена на задний план. Более того, она практически игнорируется и не становится предметом непосредственного научного анализа, что, по-видимому, является следствием ее негативного восприятия как наследия недалекого прошлого. Вследствие этого возникла опасная пропасть между школьно-образовательной системой и реальными задачами конкретного эмпирического государства.

Роль педагогических концепций и теорий становится особенно ощутимой в переломные периоды общественного и национального развития, когда происходит (под давлением социально-политических, идеологических, социально-психологических и других факторов) переоценка господствующей до этого системы духовных, моральных, политических и других ценностей, выбор новой жизненной и гражданской позиции, ориентации в бурных и скоротечных событиях и явлениях, когда человек с привычными дотоле достоинствами и недостатками, устоявшимися и фиксированными нравственными нормами и идеалами в одночасье теряет под собой реальную почву и остается один на один с калейдоскопом событий, не будучи в состоянии адекватно ориентироваться во всем этом. Бурные, порою драматические события и процессы, как бы проходят мимо «нормального» человека, а при определенных условиях объективируются, приобретая форму отчуждения и довлея над человеческой личностью.

Как правило, вопросы общественно-политической жизни, в том числе школьно-образовательной системы, власти пытаются решать сугубо политическими способами, мало заботясь о разработке конкретных программ и путей их реализации. Осознание этого приходит значительно позднее, но тогда их решение с необходимостью требует намного больше усилий, средств и времени. Тогда же государство по необходимости осознает всю актуальность, зна-

чимость проблем школьной системы, образования и воспитания.

В такие переломные периоды общественного развития педагогическая практика и особенно теория, как правило, оказываются на задворках. Но такое положение дел имеет и другие причины, кроющиеся в самой структуре теоретического сознания. Общественные (и национальные) сдвиги революционного характера зачастую застают теоретическое мышление врасплох. Жизнь, как известно, всегда богаче любой теории. Теоретическое мышление не всегда оказывается готовым к серьезному научному анализу, глубокому осмыслению, а тем более концептуальному решению возникающих фундаментальных проблем. Нужно время, чтобы оно само смогло адекватно ориентироваться в сложившихся новых условиях, заново и по-новому осмыслить и сформулировать основную проблематику, попытаться дать более или менее обоснованные решения в духе требований времени. Это зависит как от теоретиков, существующих научных традиций и образа мышления, так и от проводимой в сфере школы, образования и воспитания государственной политики. От этих двух факторов преимущественно зависит и сам процесс «самоопределения» теоретического мышления в сфере школы и педагогики.

Подобные периоды характеризуются выдвижением новых политических, идеологических и общественных требований и постулатов, нуждающихся в философско-теоретическом осмыслении и обосновании, что на первых порах возможно лишь на базе имеющегося в наличии теоретико-методологического и понятийно-категориального аппарата, который также лежит вне поля притяжения выдвигаемых идей. Вследствие этого возникает кризис методологического сознания, в том числе и в сфере школьно-образовательной системы и педагогической теории. Новых концепций нет, а старые (в нашем случае — марксистская) считаются неприемлемыми, порою лишь только потому, что они ассоциируются со «старым», со старой политической системой. Однако необходимость заставляет или воспользоваться наличествующим теоретико-методологическим инструментарием, в ходе которого происходит его «обновление», бази-

рующееся преимущественно на переосмыслении, новом прочтении «старого», или под влиянием, а зачастую прямым или опосредованным давлением различных внешних факторов (политико-идеологического, экономического и др.) решать вопросы национального образования и школы путем копирования (к тому же зачастую неудачного или половинчатого) зарубежных, то есть западных систем школьного образования, методики обучения, дидактики и т. д.

Однако инновационным, «продвинутым» и актуальным считается второй подход, хотя образовательная практика последних лет в постсоветской Армении (да и не только в Армении) воочию показывает не только всю несостоятельность, но и пагубность такого подхода, вследствие чего стремление к узкой специализации оборачивается на деле «фрагментаризацией» не только приобретаемых знаний, но и сознания и мышления учеников и студентов в целом. Кроме того, авторов подобных проектов и государственные структуры, проводящие в жизнь проекты-«ксерокопии», ничуть не заботит, что механически перенимаемые зарубежные варианты учебно-образовательных программ, стандартов, критериев, созданные и, возможно, вполне нормально функционирующие в соответствующих западных странах с их ценностными системами и категориями вряд ли могут так же «нормально» работать в новосозданных государствах постсоветского пространства.

При этом как-то предается забвению то обстоятельство, что еще в советский период немногочисленная национально настроенная часть армянской интеллигенции жаловалась на нивелирующую роль универсальной советской системы воспитания, школы и образования, препятствующей якобы развитию у молодежи стремления к познанию и усвоению национальных духовно-культурных ценностей, морально-нравственных традиций, в том числе в сфере воспитания, школы и образования. Сегодня, хотя политическая ситуация в мире в корне изменилась, однако на деле универсализирующая учебно-образовательная система советского образца сменилась универсализирующей системой другого — западного производства. Хотя сказанное уже подмечено многими аналитиками, однако оно еще не стало

фактом общественного и особенно национального сознания со всеми вытекающими последствиями. Глухое недовольство современной системой образования (как школьного, так и высшего), нацеленной не на обеспечение фундаментальности приобретаемых знаний, развитие логического и профессионального мышления, мировоззренческое их обеспечение, а на привитие фрагментарных, конкретных, зачастую бессистемных знаний, выхолащивает, фактически, само содержание понятия «знание».

Кроме того, к сожалению на сегодняшний день нет научных исследований, посвященных анализу национальной составляющей в советской системе образования и действующей ныне. Между тем данная исследовательская задача, на наш взгляд, является весьма актуальной как в сугубо научном, так и в политико-идеологическом плане. Независимо от результатов подобного беспристрастного научного исследования, могут быть поставлены точки над многочисленными вопросительными знаками, которые возникают при сравнении двух образовательных систем. Не исключено также, что они окажутся не в пользу современной системы образования.

Для определения места и значения теоретического мышления, научной теории и существующий социально-политический заказ в широком и позитивном смысле слова логически подводят к необходимости по-новому взглянуть и на историю теоретической мысли. С одной стороны, историческое прошлое, как правило, кажется более привлекательным и заманчивым, чем вчерашнее, от которого так и веет политико-идеологическими стандартами и ярлыками. С другой стороны, историческое прошлое настолько богато и многообразно, что в состоянии предоставить соответствующие факты и аргументы для подтверждения и обоснования любой теоретической концепции.

Во все периоды исторических перемен идеологи и теоретики обращались к своему (и не только) прошлому, как далекому, так и близкому, так как без этого невозможно создание нового (к сожалению, человечество еще не выработало других способов). В этом смысле история всегда

актуальна и современна. ***Это всегда то прошлое, которое всегда обращено в современность и в будущее.***

В периоды национально-освободительных движений, подъема национального сознания и самосознания, формирования или восстановления национальной государственности, потребности в разработке национальной идеологии как объединяющего и системообразующего фактора, взоры идеологов и теоретиков устремляются в первую очередь в национальное прошлое.

В сфере педагогической теории также невозможно создать нечто принципиально новое, отталкиваясь лишь от практических запросов и стандартов, шаблонов и стереотипов мышления сегодняшнего дня. Именно творческое обращение к историческому прошлому и его корреляция с современными потребностями общества (и нации) позволит создать мощную теоретическую базу для решения насущных национальных задач в области школы, образования и педагогики. К числу практически важных задач относится создание национальной школы, что требует, однако, разносторонне разработанной концепции. Следует отметить также, что никакие усилия в этом направлении не могут дать положительных результатов без глубокого, всестороннего и творческого изучения и усвоения исторического опыта.

Необходимость подобного подхода объясняется и тем, что данная проблема всегда являлась актуальной и всегда находилась в центре внимания армянской теоретической мысли, выступая в качестве важнейшей составляющей национально-политической программы, направленной на сохранение духовно-интеллектуального и культурно-языкового единства народа, как важнейшего фактора национального бытия и обеспечения его духовно-культурного суверенитета, а через это — и национальной безопасности.

Главная задача сегодняшнего дня видится в восстановлении прерванных традиций в деле обобщения накопленного в течение многих столетий богатейшего опыта теоретико-педагогического, методического и дидактического характера. Такого рода целенаправленная работа создаст не только историческую, но и теоретико-методологическую базу для современных педагогических концепций, в том числе

национальных. Сказанное, разумеется, ни в коей мере не исключает, а напротив, с необходимостью предполагает не только учет, но и всестороннее творческое и глубокое изучение и усвоение историко-педагогического опыта других цивилизованных народов и концептуально-теоретических построений современности. Именно так поступали на протяжении веков великие педагоги и теоретики армянского народа (да и не только!), благодаря чему и была создана богатейшая духовная культура — национальная по форме и общечеловеческая по содержанию.

Подобный синтез может подвести мощную как историческую, так и теоретико-методологическую базу также под проводимые сегодня реформы школы и образовательной системы. Но так как такой исследовательской работы не проводилось и вряд ли она, по-видимому, будет проведена в ближайшем будущем, то отнюдь не случайно, что педагогическая теория сегодня практически сведена на нет. Государственные структуры, ответственные за организацию школьного дела и соответствующие научные учреждения заняты всем чем угодно, но только не разработкой проблем педагогической теории. Поэтому эта важнейшая сфера общественной жизни оказалась лишенной всякой теоретической базы.

Именно с учетом перечисленных факторов возможно создание педагогической теории, отражающей современные потребности общества, нации и государства в сфере воспитания, образования и школы. В противном случае мы имеем дело с механическим перенесением чужих, порою чуждых систем на конкретную национальную действительность (если, конечно, это представляет для них реальный интерес).

При этом, говоря о значимости исследования истории педагогической мысли с точки зрения современных задач, мы в первую очередь имеем в виду методологическую составляющую, ибо по большому счету более или менее развернутые педагогические теории, разработанные принципы организации школьного дела и системы образования во все исторические периоды решали и сегодня продолжают, по большому счету, решать идентичные задачи,

стержнем которых является соотношение: школа — общество (нация) — государство. Все остальные задачи и проблемы, по сути, являются лишь производными от решения этой фундаментальной задачи.

В многочисленных трудах средневековых армянских авторов исторического, научно-философского, церковно-религиозного, богословского, политико-правового, назидательного характера, а также в церковных канонах и светских законодательствах, постановлениях армянских соборов, посланиях духовных и светских деятелей, памятных записях рукописей и т. д. содержится богатый материал, свидетельствующий о высоком уровне школьного дела, просвещения и воспитания в Армении, о наличии более или менее целостных педагогических учений с соответствующим философско-методологическим обоснованием. В них можно встретить множество отдельных высказываний, идей, пространных рассуждений педагогического характера, которые порой поражают современного читателя и исследователя своей глубиной, четкостью формулировки, отточенностью мысли.

Подобного рода материалы, с одной стороны, обогащают фактологическую базу, с другой — усложняют исследовательский процесс. В первую очередь это касается выбора исходных методологических установок и понятий, выработки соответствующих методов и критериев подхода к богатому и разнохарактерному материалу. При этом они преимущественно относятся к сфере педагогической образованности, педагогической культуры, являющейся достоянием образованной, интеллектуальной части нации в данную эпоху. Они представляют несомненный интерес с точки зрения характеристики культурно-исторического климата, духовной и моральной атмосферы, интеллектуально-образовательного уровня эпохи, личностной характеристики мыслителя. Вместе с тем, хотя предмет данной дисциплины — изучение истории теоретико-педагогических концепций, более или менее завершенных учений, однако без учета перечисленных обстоятельств вряд ли возможно адекватное научное исследование, ибо педагогическая теория, как было отмечено, является порождением определенных тенденций,

их концептуальным обобщением и без этого фона практически невозможно по достоинству оценить ту или иную педагогическую теорию.

В то же время исследователю приходится учитывать также специфику теоретизирования в различные культурно-исторические эпохи. Поэтому наряду с самостоятельными педагогическими трактатами, целостными системами взглядов на школу, образование и воспитание объектом историко-педагогических исследований может стать совокупность идей, положений, отдельных фрагментов, целых пассажей педагогического и просветительского характера в творческом наследии того или иного мыслителя, при условии, что они логически взаимосвязаны и достаточны для научной реконструкции более или менее завершенного концептуального целого.

Говоря о концептуальности обычно имеется в виду теоретический уровень рассмотрения проблемы и системное изложение. Вместе с тем исследовательская практика показывает, что в истории культуры нередки случаи, когда творческая деятельность отдельного мыслителя, школы или направления оказывается результатом реализации на практике определенной концепции, теоретической программы, воспринятых на уровне теоретико-педагогического сознания, но не ставших объектом специального теоретического анализа и изложения. Выяснение сущности подобного концептуального подхода, по-видимому, также входит в задачу историко-педагогических исследований.

Указывать на важность изучения наследия исторического прошлого, истории мысли, в том числе педагогической, ровным счетом ничего не значит, потому что при всем многообразии методологических подходов наследие прошлого интересует современного исследователя и читателя с позиций именно сегодняшнего дня и его запросов. Кроме того, надо выяснить каким образом, какими своими гранями оно способно включиться (или включается) в систему современного знания, служить осмыслению и решению актуальных задач сегодняшнего дня.

История педагогической мысли (как и история любой сферы гуманитарно-теоретического знания) включает исто-

рический и теоретический аспекты исследования, это — история педагогических концепций, теорий, учений. С небольшими оговорками можно сказать, что история педагогики (подобно истории философии, истории политических учений) есть теория педагогики, изложенная историческим методом, а теория педагогики — история педагогики, изложенная теоретическим методом. Именно теоретическая и особенно методологическая составляющая обеспечивает единство историко-педагогического процесса, преемственность и новизну, связь истории и современности. Следовательно, история педагогических учений выступает одновременно и как историческая и как теоретическая дисциплина.

Соответственно этому, педагогический материал можно изложить и исторически, и теоретически. В первом случае акцент ставится на хронологию и особенности возникновения и развития педагогических идей и учений, выявлению связей с породившими их конкретными культурно-историческими условиями, формы их детерминации, специфику проявления педагогических идей в культурном контексте эпохи, специфику форм их реализации в педагогической практике и т. д. Во втором случае объект исследуется преимущественно в проблемном и понятийно-категориальном плане, как история возникновения педагогических проблем, теоретических и методологических принципов их решения, понятийно-категориального аппарата, обогащения и трансформации их содержания.

История армянской педагогической мысли древнего и средневекового периодов, несмотря на все многообразие сохранившихся материалов, принадлежит к практически неразработанной области арменоведения (В этом смысле несколько лучше обстоит дело с изучением новейшего и советского периодов). В обзорных работах А. Алпояджяна, А. Х. Мовсесяна, Ц. Р. Симоняна и других в основном анализируется состояние школы, образования и воспитания, содержание и формы обучения и т. д. Исследования Е. Тер-Минасяна, Л. Хачикяна, А. Абрамяна, Л. Хачеряна, С. Аревшатяна, А. Матевосяна, Г. Петросяна и др. знакомят с состоянием школьно-просветительского дела и образования в отдельных культурно-научных и учебных центрах, с некото-

рыми сторонами педагогической деятельности отдельных выдающихся философов, ученых и педагогов. В работах упомянутых исследователей, а также в трудах по истории средневековой армянской литературы, науки и философии (Г. Алишан, Г. Зарбаналян, М. Абегян, Г. Габриэльян, В. Чалоян, С. Аревшатян, Г. Григорян, Г. Хрлопян, Гр. Мирзоян, К. Мирумян, Б. Туманян, Г. Петросян, Л. Оганесян и др.) так или иначе затрагивались и некоторые вопросы учебно-образовательного и педагогического характера.

Что касается процесса развития педагогической мысли как целостного духовно-интеллектуального образования, то он разработан весьма недостаточно, если не сказать, что почти не исследован. Это в первую очередь относится к проблеме развития и преемственности педагогических идей, выявления закономерностей и специфики истории армянской педагогической мысли, обусловленных социально-экономическими, политико-идеологическими и культурными факторами, установления места и значения армянской педагогики в контексте и на фоне всеобщего историко-педагогического процесса и т. д. Это вопросы, которые еще ждут своего исследователя. Задача довольно сложная и ответственная, решение которой требует коллективных усилий и системного подхода. Сложность задачи заключается не только в отсутствии должной исследовательской концепции, но и в том, что все еще нет разработанной фактологической и источниковедческой базы.

На протяжении долгих столетий Армения была лишена политической независимости и государственной самостоятельности. Перед народом практически всегда стояла сложнейшая проблема национального выживания, сохранения духовного облика, национального «я», духовно-культурного суверенитета. Армянский народ справился с этой труднейшей исторической задачей. Он не только выстоял, выжил, но и создал общечеловеческую культуру, обогатив различные области теоретической мысли, в том числе и педагогической. Одна из «тайн» этого феномена видится в концептуальном отношении идеологов и теоретиков к вопросам школы, образования и воспитания, получивших идейно-теоретическое и практическое воплощение.

История армянской педагогической мысли в этом смысле должна рассматриваться в первую очередь в контексте не социально-исторического, а национально-исторического бытия народа.

Сегодня, невзирая на все трудности переходного периода, армянская интеллигенция приобрела шанс во всей полноте раскрыть и реализовать свои потенциальные возможности, доказать, что она действительно является национальной. Ее долг — всячески содействовать новоиспеченным государственно-политическим структурам молодого армянского государства для выработки правильной политической линии хотя бы в области науки и культуры. Одним из мощных стимулов для этого может послужить систематическое исследование теоретических концепций прошлого, в том числе и педагогических.

Сегодня, в век тотальной интернационализации и глобализации в мировом масштабе может показаться, что проблемы истории национальной школы, образования и педагогической мысли (как и национальной культуры в целом) теряют свою значимость и актуальность, сохраняя лишь историко-познавательную ценность. Сказанное представляет собой важную, но еще не разработанную методологическую проблему. Она касается, с одной стороны, культурно-теоретического наследия (в том числе школьно-учебно-образовательного) целых народов, их исторического прошлого, с другой стороны, реальных мировых тенденций в школьно-образовательном пространстве.

Более того, на первый взгляд может показаться, что современные тенденции по универсализации, интернационализации учебно-образовательных стандартов и критериев, сближению образовательных систем различных государств с различными духовно-культурными, школьно-образовательными и т. д. традициями сводят на нет всю значимость, ценность, самодостаточность, фундаментальность наработанных и апробированных в течение столетий национальных учебно-образовательных систем и педагогических концепций и теорий.

Однако, как нам представляется, эта проблема, как и многие другие проблемы современности, также не нова и

также имеет свою историю. Стремление к универсализации, унификации, стандартизации в политической, правовой, культурной и других сферах общественной жизни обнаруживается во все периоды цивилизационного развития человечества. Говоря о мировых цивилизационных процессах, однако, следует выяснить, уточнить обьем и содержание целого ряда используемых понятий и точку отсчета, призму, через которую эти понятия рассматриваются.

Так, для античного грека мир — это мир древнегреческих полисов и основанных ими колоний. Для грека эпохи Александра Македонского он значительно расширился и включал не только эллинский, но и эллинистический мир, возникший после завоеваний Александра Македонского и представляющий синтез эллинского и восточного начал. Для римлянина эпохи расцвета Рима — это римская империя и те территории, на которые распространялись власть, военно-политическое и культурное влияние Рима (романский мир). То же самое можно сказать относительно Византийской империи, Арабского халифата и сфер их влияния, христианского мира, Священной римской империи, латинского мира и т. д. Разграничение этих понятий, разумеется, проводится по различным основаниям — военно-политическому, культурному, религиозному, языковому и др. К тому же эти «миры» рассматривались как «миры цивилизации», а все остальные народы и страны подводились под понятие «варварский мир», «нецивилизованный мир». Однако, как показывает ход и логика исторического процесса, то, что считалось цивилизованным миром со временем воспринималось как «варварский мир», и наоборот.

Понятие «мир» получает новый смысл и значение в Новое время, особенно после «географических открытий», объединительных тенденций в Европе, приобретая более четкие очертания.

При этом во все времена считающее себя «цивилизованным» государство или группа таких стран считали вполне закономерным и правомерным распространение своего господства и влияния на другие («варварские», «нецивилизованные») страны. Экспансия перечисленных и других цивилизаций, «цивилизованных миров» на «варварский мир»

осуществлялась не только военно-политическим путем (как правило, это составляет первый этап экспансии), но и посредством языковой, культурной, религиозной экспансии. Без этого завоеватели не могли окончательно подчинить себе те или иные страны и народы. Поэтому на пути великодержавных экспансий вставали не только армия, народ, но и культура порабощаемых народов. В результате происходило столкновение не только армий, но и культур, целых цивилизаций.

В качестве универсализирующих средств и способов выступали как военные и политические, так и религиозные, языковые, культурные и другие факторы. «Культурным» (цивилизованным) считался человек (или народ), который является носителем языка и культуры греков, римлян, арабов и т. д. Однако данная задача могла быть выполнена лишь при помощи соответствующей школьно-образовательной системы.

Такие же процессы происходят и в современном мире. Одной из особенностей современных глобализационных процессов является то, что стержневым, определяющим является финансово-экономический фактор, однако он лишь затеняет, но не подменяет общеполитические цели и задачи, основу мировых политических процессов. Ибо, в конечном счете, и банковско-финансовая система и экономическая система решают политические проблемы. В результате деформационных процессов, особенно со второй половины XX века, политика стала обслуживать экономику, точнее — наднациональную банковско-финансовую олигархию, а последняя — «помогать», содействовать политике.

Однако в последнее время ситуация в мире резко изменилась. Все чаще говорится об интересах национального государства. Вновь стала актуальной проблема национальной идентичности. Иными словами, в современном мире вновь актуализируется проблема национального в широком смысле слова, что касается также сферы педагогической теории и истории педагогических учений.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ВОСПИТАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА В ЯЗЫЧЕСКИЙ ПЕРИОД АРМЕНИИ

О воспитании и обучении в древнейшие периоды истории Армении можно говорить лишь в широком значении этих слов и в связи с этнокультурными и историческими процессами, происходящими на Армянском нагорье — колыбели армянского народа. Фактологической базой данного очерка послужили результаты исследований археологических, исторических, этнографических, эпиграфических материалов, памятников прикладного искусства и фольклора, истории металлопроизводства, техно-химических, медико-биологических знаний и т. д. Подобные сведения содержатся также в трудах античных (Ксенофонт, Страбон, Тацит, Плиний Старший, Аппиан, Плутарх и др.) и армянских (Агатангелос, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Товма Арцруни и др.) авторов.

Армянское нагорье — один из древнейших очагов человеческой цивилизации, которое стало обитаемым с начала четвертичного периода — зари истории человечества. В ходе практической жизнедеятельности человека по освоению окружающего мира формировались и зачатки воспитания, которые постепенно, особенно с появлением членораздельной речи, превратились в определенную систему целенаправленных воздействий на поведение и поступки людей и, в первую очередь, детей и подростков. Процесс воспитания и обучения носил коллективно-организованный, трудовой характер и происходил в ходе живого общения представителей старшего и молодого поколений и с учетом половозрастных различий. Основными формами воспитания и обучения являлись трудовая и военно-физическая.

Важную роль при этом играло подражание, а также воздействие опытных членов коллектива на детей — один из первоначальных приемов «целенаправленного воспитания и обучения». Эти и другие элементы древнего мировоззрения встречаются в многочисленных наскальных рисунках, в которых в синкретической форме отразились мифологические, культовые, художественные представления, уровень донаучных, «опытных» знаний, приобретенных в процессе практической и созерцательной деятельности.

К числу древнейших относятся изображения охотничьих сцен. На одной из них изображена группа охотников, среди которых и вооруженная женщина с ребенком, в сопровождении собак преследует животных[1]. Один из самых распространенных сюжетов в наскальных рисунках — миф о космической катастрофе, выражающей противоборство света — добра и тьмы — зла. Эти и другие образы-представления, возникшие в IV — III тысячелетии до н. э., получили широкое распространение во II — I тысячелетии до н. э., в период формирования урартско-армянской идеологии и искусства[2].

Многие наскальные композиции изображают видимое невооруженным глазом звездное небо и представляют собой своеобразные «звездные карты». Центральное место в них занимает солнце, которое благодаря ежедневному появлению на небосклоне, наблюдаемой закономерности в его движении сыграло существенную роль в приобретении навыков и умения определять время дня, стороны земли, времена года и т. д.

В деле приобретения и накопления «специальных» знаний, в частности техно-химических, значительное место занимало освоение и употребление металла. На рубеже III — II тысячелетии до н. э. появляется слаженный механизм металлургического производства со всеми своими звеньями:

---

[1] *Сардарян С. А.* Первобытное общество в Армении. Ер., 1967. С. 274. На арм. яз.

[2] *Мартиросян А.* Наука начинается в первобытности. Ер., 1978. С. 42-43. На арм. яз.

добычей руды, обогащением плавкой, литьем, обработкой с помощью операций ковки и т. д.[3].

Остатки материальной культуры данного периода свидетельствуют о наличии высокоразвитой культуры: добывание и обработка металла (металлургический центр в Мецаморе, недалеко от Еревана, и других местах), изучение движения небесных светил (открытая обсерватория в Мецаморе), использование лунного календаря и т. д. Перечисленные и многие другие факты свидетельствуют о существовании соответствующих форм донаучного знания, навыков, опыта по их приобретению, а также ***определенной системы их фиксации и передачи последующим поколениям***. Таким образом, одним из способов фиксации и сохранения приобретенных знаний служили упомянутые наскальные изображения.

В IX веке до н. э. создается государство Урарту (Айрарат), духовная культура которого явилась преемницей и хранительницей традиций, сформировавшихся в мировоззрении протоармян. Многие представления, в частности, мифологическая сцена космической катастрофы, представления о борьбе света и тьмы, добра и зла и др. непосредственно или в трансформированном виде сохранились и получили развитие в культуре Урарту.

Высокий уровень развития хозяйства (земледелие, скотоводство, садоводство), городов, ремесленного производства, ирригационной системы и строительной техники (многочисленные каналы, крепости, городища, храмы), металлургического производства (выплавка и обработка меди, бронзы, железа), духовной культуры в урартский период объясняется также наличием клинописи, высоким уровнем развития соответствующих видов знаний. Знания и искусства (в том числе и «тайные») были сосредоточены в храмах и являлись монополией жрецов. Жречество являлось основным носителем, хранителем и передатчиком знаний, ревностно защищающим свою монополию на мудрость.

При храмах же функционировали учебно-воспитательные заведения. В них обучались преимущественно дети

---

[3] *Геворкян А. Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ер., 1980. С. 88.

духовной и светской знати. Преподавание и воспитание было привилегией жрецов. Важнейшим компонентом учебно-воспитательной системы урартского общества являлась военно-физическая подготовка молодежи, что было обусловлено постоянными захватническими и оборонительными войнами. Воспитание и обучение основной массы населения протекало в повседневной жизнедеятельности и носило в основном трудовой характер.

Наскальные надписи урартских царей содержат ценные сведения не только об их завоеваниях, грандиозной строительной и хозяйственной деятельности, но и позволяют составить представление об их отношении к своим подданным, к порабощенным народам, другим царям, о религии. Наскальные надписи — своеобразный письменный памятник, призванный зафиксировать могущество урартских царей, их воинскую доблесть в память и в назидание всем — соседям и потомкам.

Урартская цивилизация в значительной мере определила «культурное будущее исторической Армении»[4] .

В начале VI века до н. э. Урарту сходит с исторической арены, и в 612 году до н. э. создается новое армянское государство Ервандидов (Оронтидов). В VI — III веках до н. э. Армения была или независимым государством, или, сохраняя свою государственность, номинально входила в состав Мидии, Ахеменидской Персии или Селевкидской державы и управлялась местными династами — «царями». Это были века относительно мирного развития, дальнейшей консолидации армянского народа, развития материальной и духовной культуры, мировоззрения, религии, упрочения национальных традиций, обычаев, нравов, воспитания и обучения, которые в указанный исторический период претерпели сильное влияние иранизма.

Армения унаследовала традиции предшествующей культуры Армянского нагорья. Продолжали развиваться астрономия и астрология, летосчисление и математика, вра-

[4] *Манандян Я.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э) // Труды. Т. VI. Ер., 1985. С. 9.

чебное искусство и техно-химические знания. Развивается устное народное творчество: слагаются духовные, светские, трудовые песни, эпические сказания и т. д., в которых содержится значительный пласт нравственно-воспитательного и назидательного характера. Древнегреческий историк **Ксенофонт** (430/425—355 гг. до н. э.) в своем известном труде «Анабасис» рассказывает, что, проходя через Армению, он впервые увидел приготовление высококачественного пива, ароматные вина, благовонные масла, душистые мази, скипидар, секрет приготовления которых был издавна известен армянам[5]. Римский врач **Диоскорид (**I в.) в своем труде о лекарственных веществах («Materia medica») дает подробную характеристику армянских видов лекарственных растений и средств. Древнеримский историк и ученый **Плиний Старший (**I в.) в своем энциклопедическом труде «Естественная история» («Naturalis historia») сообщает, что «вонючая смола» (asa foetida) в древности вывозилась только из Армении и Мидии. Из Армении же вывозился знаменитый лазер, высоко ценимый в Риме как лечебное средство от многих болезней. Армянская глина (Bolus armena) была хорошо знакома древнегреческому философу и ученому, ученику Аристотеля **Теофрасту** (372—288 гг. до н. э.) и знаменитому греческому врачу **Галену** (129—199 гг.). Эти и многие другие факты показывают, что в древней Армении существовала самобытная рациональная медицина, что «еще в пору культивирования жреческой... медицины, на известной высоте стояла и лекарственная терапия», то есть «задолго до развития греческих культурных влияний»[6].

С V века до н. э. армянский язык постепенно превращается в основной язык общения на всем Армянском нагорье. Из свидетельства историка **Диодора Сицилийского** (ок. 90—21 гг. до н. э.) следует, что по крайней мере в конце IV века до н. э. в Армении пользовались «сирийскими

---

[5] *Ксенофонт.* Анабасис / Пер., статья и прим. М. И. Максимовой. М.-Л., 1951. С. 107—108.

[6] *Оганесян Л. А.* История армянской медицины. Т. I. Ер., 1946. С. 62.

(арамейскими) письменами»[7] для передачи армянского текста.

Сведения о моральных принципах, воспитании и наставлении, нравах, привычках сохранились в армянском фольклоре, исторических трудах, а также в сочинениях античных писателей. Так, упомянутый историк Ксенофонт в своей «Киропедии» («Воспитание Кира») рассказывает об армянском царстве VI века до н. э. Эти разделы имеют историческую основу и «переплетаются с сообщениями Моисея Хоренского»[8]. В нравственно-воспитательном плане особенно примечательны диалоги Кира с плененным им царем Ервандидом и его сыном Тиграном (сотоварищем юности Кира), с которым «проводил много времени в обществе какого-то мудреца»[9].

На вопрос Кира как он посмел выступить войной против него, свободолюбивый Ервандид отвечает: «Мне казалось прекрасным и самому добиться освобождения, и оставить свободу в наследство своим детям». Именно это возвышенное и вполне справедливое стремление предопределило все действия армянского царя, направленные на защиту своего царства и завоевание полной независимости, которые, однако, привели к печальному для него исходу — поражению и пленению всей семьи. Данное обстоятельство и служит основой затрагиваемых в диспуте Тиграна и Кира вопросов: соотношения справедливости и истины, наказания и пользы, нравственных добродетелей, силы и выгоды, духовных и физических добродетелей, страха и наказания, поражения и чувства благодарности, опыта и знания, которые интерпретируются в духе сократической диалектики.

Тигран выдвигает тезис, что главная человеческая ценность и добродетель — благоразумие, без которого «все прочие добродетели становятся бесполезными», лишь благодаря ему люди «приобретают ценность». Таковыми же люди становятся по разным причинам, основной из которых

---

[7] *Диодор Сицилийский*. Кн. XIX, гл. 23.

[8] История древнего мира. Т. I. М., 1982. С. 410.

[9] *Ксенофонт.* Киропедия // *Ксенофонт*. Сократические сочинения. М., 2003. Кн. III, гл. 1.

является столкновение с превосходящей силой, которая остепеняет и заставляет человека облагоразумиться. Человека, как и целые народы, продолжает он, можно привести к повиновению различными способами: сознательными, «без всякого принуждения» и насильственными. Тигран с различных позиций и разными логическими аргументами убеждает Кира в целесообразности именно непринудительного подчинения, так как физическое поражение не исключает возможности укрепить тело различными упражнениями и возобновить состязания, то есть побежденный в войне царь может восстановить военные силы и возобновить войну. Между тем осознанное подчинение чьей-либо власти является долговечным, ибо отвечает интересам обеих сторон и зиждется на реальной оценке объективно существующих или сложившихся условий.

В том же ключе Тигран интерпретирует идею свободы и независимости. Рассматривая их как одно из высших естественных устремлений человека и народов, он вместе с тем замечает, что безудержно и бездумно «стремясь к свободе», можно попасть в еще большую зависимость и лишиться последних остатков свободы (что и случилось с его отцом). Возникает сложная ситуация выбора: довольствоваться имеющейся свободой или попытаться добиться полной независимости. Тигран, как можно заметить, придерживается первой точки зрения.

Таким образом, Тигран придает исключительное значение благоразумию, осознанию поступков и действий, поставленной цели и наличествующих средств для ее достижения. По-видимому, благодаря реализации этих морально-этических и вытекающих из них политических принципов ему удалось заключить союз с Киром, стать его союзником и ближайшим соратником в создании Персидской державы, что обеспечило Армении фактический суверенитет при формальной зависимости от верховной власти Кира.

После поражения в битве при Гавгамеле (331 г. до н. э.) и распада Ахеменидской державы была восстановлена независимость обьединенного Армянского царства Ерванидов. Однако в I половине III века до н. э. произошло отделение от Армении Софено-Коммагенского царства, где прави-

ла одна из ветвей династии Ервандидов. Софена и Малая Армения раньше других армянских земель постепенно и *естественным образом* втягивались в политико-экономические и культурные отношения с соседними эллинистическими государствами.

С III века до н. э., в частности после установления гегемонии Селевкидов, в Армению начинают проникать элементы эллинистической образованности и культуры, чему в немалой степени способствовало установление дружественных и родственных связей с Селевкидами. Греческий язык употреблялся не только в армянской области Софене, но и в высших кругах Ервандидской Армении. Если начиная с III века до н. э. языком «официальных актов и деловых сношений стал греческий язык»[10], то для внутренних нужд применялось арамейское письмо, приспособленное к армянскому языку»[11]. О степени влияния эллинизма видно также из того факта, что верховным жрецом армавирского храма Аполлона и Артемиды, служителями которого были эллинские жрецы, был брат царя Ерванда.

В начале II века до н. э. **Арташес I** (*Артаксий*) (189 — 160 гг. до н. э.) основал независимое централизованное государство — Великая Армения, достигшей наивысшего расцвета при **Тигране II Великом** (95 — 55 гг. до н. э.). Известно, что Арташес и его родственник Зариадр (Зарех) были крупными селевкидскими стратегами и получили эллинистическое образование и воспитание. Арташесу удалось подчинить своей власти соседние племена и превратить армянский язык в средство межплеменного общения внутри страны. «Поэтому, — сообщает Страбон, — все эти народности теперь говорят на одном языке»[12], что вероятно сле-

[10] *Еремян С. Т.* Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху // «Известия» АН АрмССР, № 1, 1948. С. 72.

[11] *Борисов А. Я.* Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении // Вестник Древней Истории. М., 1946, № 2. С. 102—103.

[12] *Страбон.* География / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964. Кн. XI, XIV, 5.

дует «понимать в том смысле, что в его время в Армении наиболее распространенным и господствующим языком был армянский»[13].

Арташес предпринял также попытку на базе армянского языка и с использованием арамейского алфавита создать национальную письменность. Он хотел «наделить армянский язык буквами языка, ставшего международным»[14], что, по-видимому, можно объяснить стремлением содействовать повышению международного авторитета страны, усилению языковой автономности и независимости от стран и народов, являющихся носителями этого языка. Так, изучение надписей Арташеса (Севанские надписи) показывает, что зачастую текст, «оставаясь на почве арамейского письма переходит с арамейского языка (или, по крайней мере, арамейских слов) на какой-либо местный язык — вероятнее всего, на армянский»[15].

Более широко в сферу эллинистического культурного мира Армения включается в период царствования Тиграна Великого — наивысшего расцвета и могущества Великой Армении и его сына **Артавазда II** (55—35 гг. до н. э.). Этот процесс был обусловлен двумя встречными факторами: эллинизацией территорий бывшей державы Александра Македонского, с которыми соседствовала Армения, и усиливающимся военно-политическим противоборством Армении и Рима. Они же предопределили характер и формы эллинизации страны.

Тиграну Великому удалось не только объединить все армянские земли, но и завоевать ряд эллинистических стран и областей. Население империи представляло собой конгломерат многочисленных народов и племен, находящихся на различных ступенях культурного, социально-экономического и политического развития и поэтому не могла

---

[13] *Манандян Я.* Тигран II и Рим // *Манандян Я.* Труды. Т. I. Ер., 1977. С. 422. На арм. яз.

[14] *Алпояджян А.* История армянской школы. Ч. I. Каир, 1946. С. 3. На арм. яз.

[15] *Борисов А. Я.* Указ. статья. С. 162.

быть прочной. Тигран Великий понимал всю необходимость объединяющего, цементирующего начала, способного превратить страну в единое функциональное целое и что одной военной силы отнюдь недостаточно для упрочения и сохранения империи. Путь к упрочению своей империи он усмотрел в эллинизации всех сфер государственной, общественной, культурной и религиозной жизни, что предполагало также выработку языковой политики. В отличие от Арташеса I, Тигран Великий официальным языком империи и средством общения всех подвластных народов сделал греческий язык. Он стремился «преобразовать Армению путем широкого насаждения в ней эллинистической культуры и развития торговли, ремесел и промышленности»[16], так как сознавал, что могущество эллинистических государств, на которые он ориентировался, состоит именно «в соединении военной силы царей с богатством и процветанием торгово-ремесленных городов»[17], в развитии городской эллинистической культуры.

В 77 году до н. э. Тигран Великий основал новую столицу империи — Тигранокерт, который по его замыслу должен был стать не только политическим центром новосозданного государства, но и крупнейшим центром эллинистического мира, городом науки, искусства и литературы. Для форсирования процесса эллинизации он переселил в новосозданную столицу и другие города своей империи эллинистическое и эллинизированное население Каппадокии, Киликии, Сирии, Адиабены, Кордуены (сирийцев, евреев, греков), которые были поселены в Армении «в качестве свободных и привилегированных граждан» и должны были способствовать развитию торговли, ремесел и эллинистической городской культуры. По Страбону, из Киликии и Каппадокии было переселено население «двенадцати эллинских городов»[18]. Благодаря этим мероприятиям Тигранокерт, основанный на принципах синойкизма, скоро превра-

[16] *Манандян Я.* О торговле и городах Армении. С. 52.
[17] История древнего мира. Т. I. М., 1982. С. 415.
[18] *Страбон*. География, XI, 14, 15.

тился «в классический эллинистический город со своим самоуправлением, театром и другими характерными полисными установлениями»[19].

Особое значение придавалось распространению эллинистической образованности, искусства, литературы, науки и философии. С одной стороны, предоставлялось пристанище и оказывалась всяческая поддержка представителям эллинской интеллигенции, преследуемых Римом, с другой — армянская знать получала эллинистическое образование и воспитание. Так, о царившей при армянском дворе духовной и культурной атмосфере и эллинистической ориентации и приверженности армянской знати говорит то обстоятельство, что в Армении находили пристанище и поддержку многие известные греческие писатели, философы и актеры, преследуемые на родине римлянами. Так, при дворе Тиграна II и его жены царицы Клеопатры — дочери понтийского царя Митридата Евпатора, получившей прекрасное эллинистическое воспитание и образование, — жили и творили известный греческий поэт и ритор **Амфикрат Афинский**, изгнанный из Афин, выдающийся ритор, философ и политический деятель **Метродор из Скепсиса**, названный Плинием «римоненавистником», а Плутархом «мужем многоученым», который стал одним из ближайших советников Тиграна Великого. Здесь Амфикрат пишет сочинение «О великих мужах», которое включало также жизнеописание Тиграна II, а Метродор — исторический труд о Тигране II[20], а также научный трактат в форме диалога, посвященный вопросу разума у животных. Известно также, что когда Помпей победил Тиграна II во дворце последнего была обнаружена книга медицинского содержания, а врач Фекалеас написал для него медицинский трактат[21].

Сказанное свидетельствует о том, что скрытое военно-политическое противоборство Армении и Рима нашло свое отражение и в культурном противоборстве, в культурно-образовательной политике.

---

[19] История древнего мира. Т. I. С. 416.
[20] *Плутарх.* Лукулл, XXII; *Страбон.* География. Кн. XIII, I, 55.
[21] *Плиний.* Естественная история, III, 37.

О степени эллинского влияния и распространения греческого языка и греческой культуры в высших слоях армянского общества можно судить и по тому факту, что сын и преемник Тиграна II Артавазд II не только получил блестящее эллинистическое образование и воспитание, но и сам писал на греческом языке трагедии, речи и исторические сочинения, некоторые из которых были хорошо известны римлянам и сохранились вплоть до начала II века[22], то есть произведения Артавазда имели хождение не только в придворных кругах и городах Армении, но и вошли в культурный фонд эллинистического мира. Предполагается, что они «относились к области риторики и философии и, видимо, носили этический и назидательный характер в духе стоицизма»[23].

Знаменитые Армавирские надписи представляют собой фрагменты «литературно-философского содержания» с ярко выраженной дидактической направленностью и по мнению исследователей являются отрывками из сочинений Артавазда II на греческом языке. В воспитательно-образовательном плане наибольшую ценность представляют первая, вторая и седьмая надписи. Первая — фрагмент из «Трудов и дней» Гесиода — носит нравоучительный характер и посвящена разделу наследства; вторая — отрывок «из трагедии — еще больше потверждает дидактическое содержание цитат: в ней изложено предостережение тем, кто несправедлив и совершает дурные поступки». Примечательно и то, что «автор этого отрывка из трагедии был не только хорошо знаком со структурой античной драмы, но и был весьма начитан в этой области, так как обнаруживает знакомство как с трагедиями **Софокла** (496—406 гг. до н. э.) и **Еврипида** (480—406 гг. до н. э.), так и с комедиями **Менандра** (342—292 гг. до н. э.)». Седьмая надпись — стихотворный отрывок, содержащий мрачное предсказание, представляет собой «интереснейший отрывок из поэмы или трагедии исторического содержания II—I веков до н. э., тогда как в Риме

[22] *Плутарх.* Красс, XXXIII.

[23] *Чалоян В. К.* Развитие философской мысли в Армении. М., 1974. С. 19.

исторические персонажи появляются в литературных произведениях, по-видимому, только в I веке»[24],

Безотносительно к функциональной роли данных надписей — оракула или назидательно-нравоучительных сентенций для обозрения, то есть для ознакомления всех граждан, а также их авторской принадлежности бесспорно одно: в Армении рассматриваемого периода придавалось настолько важное значение этим проблемам, что они нашли отражение и в надписях на камнях. Они же свидетельствуют о наличии конкретных фактов относительно эллинистической образованности в стране.

К этому времени относится также деятельность **Тирана Айказна** (*Армянина*), латинизированное — «Тираннион» — крупного грамматика, ритора, педагога, «высоко почитаемого за свою ученость»[25]. Он был учеником знаменитого грамматика античности **Дионисия Фракийского** (170—90 гг. до н. э.) из Родоса. Впоследствии стал «странствующим» ученым и учителем, побывал в Пергаме, Амисе и всюду пользовался заслуженным авторитетом. После пленения Лукуллом Тиран Айказн благодаря своим глубоким познаниям приобрел большую популярность и славу ученого мужа и в Риме, стал близким другом знаменитого оратора и политического деятеля **Цицерона** (106—43 гг. до н. э.). Он основал в Риме общественную библиотеку в несколько десятков тысяч книг (по другим сведениям 3000), по просьбе Цицерона упорядочил его богатейшую личную библиотеку и открыл в его дворце риторико-грамматическую школу, в которой сам преподавал курсы по грамматике и риторике. Известно, что Тиран Айказн был учителем знаменитого географа античности **Страбона** (64/63 г. до н. э. — 20 г. н. э.) в Пергамской школе[26], а также сына и племянника Цицерона[27].

---

[24] *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры Древней Армении. М.-Л., 1953. С. 127, 147.
[25] *Плутарх.* Лукулл, XIX.
[26] *Страбон.* География. Кн. XII, 3.
[27] Письма *Марка Туллия Цицерона.* Т. I. М.-Л., 1949. С. 221, 227, 237.

Особенно значительна роль Тирана в деле восстановления, редактирования, упорядочения и размножения письменного наследия Аристотеля, почитателем которого он был, благодаря чему труды величайшего мыслителя и ученого античности стали достоянием мировой науки и культуры. Когда из Пергамы в Рим были доставлены «сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда мало кому известные», повествует Плутарх, «грамматик Тираннион,. многое привел в порядок, а родосец Андроник, *получив от Тиранниона копии привезенных книг*, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне (подчеркнуто нами — К. М.)»[28].

Интерес Тирана Айказна к трудам Аристотеля и Теофраста был продиктован, в первую очередь, его научными интересами. Так, из прямых и косвенных свидетельств Страбона и Цицерона следует, что он обладал широкими познаниями не только в области риторики, грамматики и музыки, но и географии[29], которая в тот период кроме сугубо географических знаний включала также широкий спектр естественнонаучных знаний. Тиран Айказн написал трактат «О просодии», который вызвал живой интерес среди римских интеллектуалов и о котором с большим интересом отзывается Цицерон.

Форсированное развитие всех сфер городской жизни, эллинистической культуры породило потребность в подготовке собственной эллинизированной интеллигенции для удовлетворения как духовно-культурных потребностей, так и нужд государственного и городского управления. Это, в свою очередь, предполагало организацию соответствующей школьно-образовательной системы, создание программы обучения и воспитания, в основу которых были положены принципы и методы эллинистического образования и воспитания. С этой целью открывались школы эллинистического типа, в которых значительное место отводилось интеллектуальному развитию и образованию, морально-эстетическому и физическому воспитанию. Содержание обучения

[28] *Плутарх.* Сулла, XXVI.
[29] Письма *Марка Туллия Цицерона.* Т. I. С. 110.

включало изучение грамматики, риторики, музыки, философии, математических дисциплин, а также разнообразные спортивно-гимнастические игры и упражнения. Это были преимущественно риторические школы, программа обучения в которых, помимо риторического искусства, включала грамматику, поэтику, историю, философию. Как и в древней Греции и Риме, риторы являлись одновременно и учителями философии. В эллинистической Армении, как и в других странах эллинизма, нашли распространение эпикурейская, стоическая, платоническая, перипатетическая, а впоследствии — и неоплатоническая философия.

Процесс эллинизации армянского общества отразился и на религиозном сознании. Национальная религия, испытавшая сильное влияние иранизма, постепенно приобретает эллинскую окраску. Вводятся культы греческих богов или происходит смешение и отождествление местных и эллинских богов — так называемая «теокрасия»[30]. По сообщению Мовсеса Хоренаци, из Малой Азии были привезены в Армению отлитые из меди и позолоченные статуи Аполлона, Артемиды, Геракла, а из Эллады — статуи Зевса, Артемиды, Афины, Гефеста, Афродиты, которые ставились в храмах вместе со статуями предков и богов языческих армян. Эллинизация национального религиозного мышления выразилось и в том, что в Армению приглашались греческие жрецы, которые привносили элементы не только греческих культов и ритуалов, но и своей жреческой науки. Так, одним из распространенных был культ Тира — бога мудрости и науки, которому посвящались храмы и при которых существовали школы, где обучали жреческим наукам и искусствам.

Таким образом, помимо светской науки и литературы, существовала и развитая традиционная храмовая наука и литература, которая также подверглась влиянию эллинизма. При храмах действовали духовные школы по подготовке служителей культа и жреческой науки и в первую очередь предназначались для детей духовного сословия. Они сохра-

[30] *Манандян Я.* О торговле и городах Армении..... С. 55.

нились вплоть до начала IV века, то есть до принятия христианства в стране.

Эллинский дух и эллинистическое начало нашли отражение в различных сферах искусства — театре, архитектуре, литературе, драматургии, портретном искусстве и т. д. Важнейшим компонентом эллинистической культуры языческой Армении являлся театр. Театральные здания строились по образцу театров других центров эллинистического мира. На сцене армянских театров Тигранокерта, Арташата и других городов ставились представления «из греческих драматических и музыкальных произведений»[31]. а также армянских авторов, которые исполнялись как местными, так и приезжими и приглашенными театральными труппами. Так по случаю открытия тигранокертского театра в 69 году до н. э. Тигран II пригласил греческую труппу и множество актеров для участия в намечаемых торжествах[32], а в 53 году до н. э. в Арташате в присутствии Артавазда II и парфянского царя Орода греческая труппа во главе с Ясоном из Тралл исполняла трагедию Еврипида «Вакханки»[33]. По свидетельству того же Плутарха, Артавазд II и царь Ород «часто устраивали и греческие представления», ибо им «не были чужды греческий язык и литература»[34]

Таким образом, эллинизация затронула многие стороны жизни Арташесидской Армении: политическую, городскую, воспитательную, школьно-образовательную, культурную, экономическую, религиозную и т. д. Поэтому отнюдь не случайно Тиграна II называют «последним великим эллинистическим монархом»[35]. Эта эпоха оставила существенный след на дальнейшей судьбе армянского народа, в его историческом, политическом и культурном сознании. События эпохи воспевались народными певцами-рапсодами, вокруг них слагались песни, сказания, создавались литератур-

[31] *Плутарх*. Красс, XXXIII.
[32] *Плутарх*. Лукулл, XXIX.
[33] *Плутарх*. Красс, XXXIII.
[34] *Плутарх*. Лукулл, XXII.
[35] История древнего мира. Т. I. С. 416; *Манандян Я.* О торговле и городах Армении. С. 86.

ные произведения, которые передавались из поколения в поколение, и составили один из важнейших компонентов исторической памяти народа, выполняя также значительную воспитательную функцию.

Политика защиты эллинизма, проводимая Тиграном Великим, воспринималась многими странами и народами эллинистического Востока как политический противовес экспансионистской политике Рима, романизации, как противоборство *цивилизации* и *варварства*. Поэтому некоторые страны и народы, как, например, Сирия добровольно признали верховную власть Тиграна, который стал символом свободы, мира и порядка, могучего гаранта их безопасности от посягательств «варварского» Рима.

Исследования показывают, что в этот исторический период Армения, находясь в орбите эллинистического культурного влияния и заимствуя многое из культуры эллинистического мира, сохранила свою духовно-культурную самобытность и, в свою очередь, оказывала влияние на культуру народов Средиземноморья, ибо «История показывает, что культурные заимствования по самой природе своей не могут быть односторонними и что они проявляются именно во взаимосвязи». Более того, армянская культура указанного периода, «обогащенная эллинистическими культурными традициями, творчески ею переработанными, носит самобытный характер, сохраняя местные черты, обусловленные особенностями общественного развития армянского народа, и по уровню своих достижений не уступает культуре народов соседних эллинистических государств»[36] .

Армянской, как и всякой другой эллинистической культуре, присущ синкретизм. Однако данное явление не было однозначным. В одном случае мы имеем дело с синкретизмом как сосуществованием, симбиозом местных и эллинских художественных традиций, в другом — как слиянием указанных двух форм традиций, в третьем — синтезом тенденций внутри самой эллинистической культуры.

---

[36] *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры Древней Армении. 16, 19.

Так, анализ стилистических особенностей, художественных принципов и форм, приемов и манеры исполнения сохранившихся скульптурных изображений эллинистической Армении позволяет выделить три основных направления: 1) развитие местных художественных форм и принципов, имеющих многовековые традиции; 2) слияние местных художественных традиций с эллинскими, то есть эллинистическое; 3) сугубо эллинское направление, представленное образцами эллинской скульптуры, привезенными из эллинистических стран в результате успешных походов армянских царей[37]. В последнем случае речь идет не о результатах самостоятельного художественного творчества, а о восприятии и принятии эллинского художественного мышления, формирования соответствующего художественно-эстетического вкуса, идеала, норм, ставших важным фактором эстетического воспитания армянского народа.

Изображение царей на монетах также выполнены по принципам греко-эллинистического мира. Вместе с тем они представляют собой своего рода синтез двух основных тенденций, наблюдаемых в греческом эллинистическом портрете — идеализирующе-обобщающей (портреты Александра Македонского) и индивидуализирующей (портреты эллинистических царей).

Сугубо эллинское направление было достоянием социальной и интеллектуальной элиты армянского общества, эллинистическое — городского населения, основного носителя и потребителя эллинистической культуры.

Армения эллинистической эпохи стала одним из важных центров сохранения и развития эллинистической культуры — черта, которая характерна для армянской культуры на протяжении всего Средневековья.

После победы Помпея над Тиграном (66 г. до н. э.) Армения лишилась своих завоеваний. Включенная в число «друзей и союзников Римского народа», она почти на целое столетие подпала под политическое влияние Рима. После

[37] *Тирацян К. А.* Культура Древней Армении: VI в. до н. э. — III н. э. Ер., 1988.

Артавазда II на армянском престоле с согласия Рима все еще восседали Арташесиды, но уже получившие римское воспитание и образование. Тем не менее армянское общество и армянская культура не подверглись существенной романизации, которая натолкнулась на мощное сопротивление национальных и укрепившихся эллинистических традиций.

Однако непрерывные войны и соперничество с Римом ослабили страну и в начале I века н. э. Армения вновь теряет государственную независимость.

* * *

С воцарением на престоле **Трдата I** начинается эпоха Аршакидской Армении (66—428 гг.). Страна вновь приобретает государственную и политическую независимость, происходит разложение рабовладельческих и формирование феодальных отношений.

Традиции эллинистической культуры, образованности и воспитания оставались доминирующими и в Аршакидской Армении, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники материальной и духовной культуры, произведения искусства, исторические свидетельства армянских и античных источников.

Приобщение к эллинистической образованности происходило разными путями. 1) Члены царской семьи и представители княжеских родов обычно получали эллинистическое образование и воспитание в западных научно-образовательных и культурных центрах. 2) Такое же образование и воспитание получали знатные армяне, проживающие в самой империи — особенно на территории бывших эллинистических государств, завоеванных Римом. 3) Начиная со второй половины IV века поток армянской молодежи в эллинистические центры науки и культуры увеличивается за счет представителей и низших слоев армянского общества. 4) В школах греческого и сирийского типа в самой Армении, где преподавали как местные, так и приезжие ученые-педагоги.

Исследования показывают, что «эллинистический город древней Армении и многочисленные языческие храмы не испытывали недостатка в образованных людях и жре-

цах»[38]. Армяне, получившие эллинистическое образование на Западе, принимали деятельное участие в культурно-интеллектуальной и учебно-образовательной жизни позднеантичного мира. Часть из них возвращалась на родину, другая оставалась и продолжала научно-литературную и педагогическую деятельность в центрах эллинистической науки и просвещения.

Так, в позднеантичном эллинистическом мире непререкаемым авторитетом и славой пользовался знаменитый ритор, философ и педагог **Паруйр Айказн** (276—367 гг.), латинизированное — *Проэресий*. Он родился в западных областях Армении и с целью восполнения своих знаний отправился в Афины. Высшее образование получил под руководством выдающегося ритора и учителя **Юлиана Оратора** в Афинской риторической школе. После смерти учителя занял его кафедру и стал руководителем Афинской риторической школы. Слушать его лекции молодежь приезжала из самых отдаленных стран Азии. Приезжали как язычники, так и христиане. Вместе с другими выдающимися риторами того времени — **Гимерием, Евнапием, Ливанием** — он вдохновлял молодежь, прививая им вкус к светским наукам, породив своего рода софистоманию.

Среди многочисленных учеников Паруйра Айказна следует особо упомянуть римского императора **Юлиана Отступника** (361—363 гг.), выдающихся восточно-христианских мыслителей и церковных деятелей **Василия Кесарийского** (*Великого*) (ок. 330—379 гг.), **Григория Назианзина** (*Богослова*) (329/330—390 гг.), **Евнапия** — известного ритора и философа. Известно также, что император Гонорий вызвал его в Рим и назначил наставником престолонаследника. Источники того периода, в том числе греческие, свидетельствуют, что значительная часть его учеников составляла армянская молодежь, в частности, выходцы из Каппадокии.

Перейдя от язычества к христианству, Паруйр Айказн как философ тем не менее следовал принципам греко-рим-

[38] *Аревшатян С. С.* Формирование фил;ософской науки в Древней Армении (V—VI вв.). Изд. 2-е. Ер., 2016. С. 31.

ской философии и науки, полагая, что это единственный путь обоснования христианского вероучения. Хотя его сочинения не сохранились, однако круг его научных интересов можно установить посредством биографических данных его учеников, в частности, Василия Великого, который в годы учения изучал грамматику, риторику, историю, философию, астрономию, арифметику, медицину. А тот факт, что он, в отличие от своих знаменитых учеников, не был причислен христианской церковью к лику святых, дало основание для вывода, что он «стоял гораздо ближе к светским наукам и античной философии, чем его ученики»[39]. Рим высоко оценил заслуги талантливого сына армянского народа. Свидетельством всеобщего признания Паруйра Айказна как непревзойденного оратора и учителя риторики является воздвигнутый еще при его жизни памятник с надписью: «Царица вселенной Рим — царю красноречия» (Rerum regina Roma — regi Eloquentiac)[40] .

Своей эллинистической образованностью и ориентацией выделялся епископ армянской церкви в Малой Армении **Евставий Себастаци** — руководитель еретического движения и идейный противник Василия Кесарийского. Его приверженность эллинистическим традициям проявилась в частности в том, что он вместо священнического облачения носил одежду философа.

Хотя до нас не дошли памятники философской мысли этого периода эллинистической Армении, однако исследования показывают, что содержащаяся в трудах представителей патристической философии **Месропа Маштоца** (362 — 440 гг.) и **Езника Кохбаци** (ок. 380 — 450 гг.) критика античных материалистических и дуалистических учений направлена также против их армянских последователей, что соответствующие разделы их произведений могут быть рассмотрены в качестве непосредственных или косвенных источни-

---

[39] *Габриэльян Г. Г.* История армянской философии. Ер., 1972. С. 22.

[40] *Фаррар Ф. В.* Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви / Пер. с англ. А. П. Лопухина. Т. I. СПб., 1891. С. 455, 477 — 478.

ков для освещения армянской эллинистической философии античного периода[41] .

До изобретения армянского алфавита (405 г.) в Армении действовали иноязычные школы наподобие греческих и сирийских. Наряду с другими предметами в них обучали греческому и сирийскому языкам, литературе. В этих школах вместе с учителями-армянами преподавали и приезжие педагоги, как, например, греческий писатель, ритор и педагог **Ямблих Бабелонаци** (Вавилонский).

В дохристианской Армении школы делились на государственно-светские и храмово-духовные. В школах первого типа, предназначенных для более широкого круга сословий, обучали и подготавливали кадры для несения государственной службы, а в храмово-духовных, где обучались преимущественно дети жреческого сословия, готовили служителей культа и ученых. Кроме того, имелись специальные учебные центры по военному обучению и воспитанию детей нахараров и азатов для подготовки их к воинской службе. Они функционировали независимо от указанных типов школ и были в основном государственными, реже — частными. Как и в предшествующий период школьное обучение и воспитание распространялось только на юношей. Воспитание и обучение девушек было домашним.

Идеи воспитания и просвещения в народном мировоззрении. Сведения о воззрениях армян на нравственность и воспитание содержатся также в древнейших мифах, народных сказаниях, преданиях и т. д. Народ создавал образы героев, наделенных физическими и нравственными добродетелями и являющихся образцом для подражания. В памятниках древнеармянского фольклора отражена борьба армянского народа против иноземной агрессии, идея свободы и независимости своей родины, преданность родной земле и народу, победа добра над злом. Так, в мифе о Гайке и Бэле народ воплотил идею борьбы доброго и злого начал, света и тьмы, в ходе которой добро побеждает зло. И хотя деспот Бэл обращается к Гайку — прародителю армян — с предложением: «Живи мирно в моем доме, обучая у меня

[41] *Габриэльян Г. Г.* Указ. работа. С. 22.

дома отроков-охотников»[42] , однако получает отказ, ибо гордый воин и охотник не пожелал променять свою свободу и свободу своего рода (народа) на царские милости завоевателя. Гайк с горсткой храбрецов смело выступает против полчищ Бэла и метким выстрелом из лука убивает его, избавив страну от порабощения и рабства. В представлении народа Гайк — носитель морально-эстетических и физических совершенств, олицетворение силы, мужества, красоты, смелости, свободолюбия,—ценности, которые в мировоззрении древних армян составляли нераздельное единство.

В мифе об Ара Прекрасном и Шамирам народ воспевает героя, властелина Армении, не согласившегося стать мужем ассирийской царицы-красавицы. Разгневанная отказом царица идет войной на Армению, и Ара Прекрасный погибает в сражении. Народ восхищался поступком героя, ему импонировал образ Ара, поставившего любовь к отчизне и ее свободу выше страстной любви иноземной красавицы царицы. Эти и другие мифы передавались изустно народными певцами-гусанами в течение многих веков. Они содержали значительный воспитательный заряд, воздействуя на формирование нравственного мировоззрения народа.

Касаясь генезиса эпоса, акад. М. Абегян отмечает, что «если мифы очень мало подвергались историческому влиянию и зачастую являются заимствованиями, то эпос, напротив, своим происхождением, в общем и целом, является исконным национальным, самостоятельным творчеством»[43]. Древнеармянский народный эпос состоит из нескольких ветвей, главными героями которых выступают цари и правители Армении, сыгравшие историческую роль в судьбах страны: Ерванд, Тигран Великий, Арташес, Артавазд и др. В эпосе превозносится мужество и физическая сила, мудрость и рассудительность, красноречие и красота, честность и справедливость, чувство долга и ответственности за судьбы страны и другие добродетели героев, их стремление к

[42] Себеос. История епископа Себеоса / Пер. с арм. Ст. Малхасянц. Ер., 1939.

[43] *Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ер., 1975. С. 30.

благоустройству и обогащению страны, и тем самым — к возвышению своего народа, к защите страны от вторжений внешних врагов; обличается зависть, обман, коварство, нарушение наследственных прав, клятвоотступничество и т. д. Так о Тигране говорится: «Он владел своими страстями, был целомудр и красноречив во всем полезном для человечества», «не завидовал лучшим (мужам), не презирал простолюдина, а старался равномерно простирать на всех покров своей заботливости»[44].

В другом народном эпосе центральной идеей является борьба против экспансионистских притязаний Сасанидской Персии. Здесь воспевается воинская доблесть, преданность родине и государю, готовность к самопожертвованию во имя величия страны и царя, победа добра над злом, идея родной земли, как источника морально-интеллектуальных и физических сил. Такое восхваление героев и их деяний преследовало определенные цели: внедрить в сознание широких народных масс и воспитать эти возвышенные и благородные идеи и качества, способствовать духовному и нравственному единению народа как залога успешной борьбы против агрессивной ассимиляторской политики Сасанидской Персии и Восточно-римской империи.

Таким образом, древняя мифология и сказания эпоса отражали этапы исторического развития армянского народа. В них народ пытался с определенных морально-этических и эстетических позиций осмыслить происходящее, выразить свое отношение к историческим реалиям, дать нравственную оценку через дихотомическую призму добра и зла, создать на этой основе соответствующие образы и нормы поведения, поступков и деяний, следование которым и составляло в народном сознании содержание образа истинно народного героя. Эти образы и нормы прошли через столетия, на них воспитывалось не одно поколение армянской молодежи.

Физическое воспитание. Военно-стратегическое положение Армении становилось причиной войн с могущественными соседними державами и вынуждало содержать хо-

[44] *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Кн. 24, 1.

рошо обученное регулярное войско. Это, в свою очередь, требовало разработанной системы физического воспитания и военного обучения, которая являлась одним из основных компонентов процесса воспитания и обучения в целом. В древней Армении всегда уделялось серьезное внимание военно-спортивным играм и упражнениям, охоте, которые обычно приурочивались к народным праздникам и торжествам, историческим и политическим событиям. Они глубоко укоренились в быту армян, передаваясь из поколения в поколение наряду с национальными традициями и обычаями. Традиционные национальные игры и упражнения обогащались новыми видами гимнастических и военных игр, заимствованными у соседних народов — персов, мидян, греков, римлян и др.

Известно, что Тигран II придавал большое значение военно-физическому воспитанию, что по его распоряжению была создана система военного обучения наподобие римской для более успешного ведения военных действий против римских легионов. А царь Трдат III получил прекрасное интеллектуальное и физическое воспитание в Риме во дворце у Лициния, участвовал в Олимпийских играх, нередко выходил победителем и пользовался славой атлета-борца. То же самое можно сказать и о царе Вараздате (IV в.) и полководце Смбате Багратуни (IV в.) — признанных на Западе мастерах кулачного боя, участниках Олимпийских игр и цирковых (=спортивных) состязаний.

Гимнастическим упражнениям, военно-спортивным играм, искусству владения оружием детей и юношей обучали опытные наставники-инструкторы. Имена некоторых из них сохранились. Как и в древней Греции и Персии, в Армении гимнастические игры и спортивные состязания проводились в специально оборудованных местах: площадках для борьбы («крваноц»), аренах («аспарез»), дорожках или площадках для конных состязаний и т. д.

Наиболее древними и распространенными гимнастическими играми, описанными древними историками, являются: I. ***Жезлометание*** («маканахах»). 2. ***Групповой бой***. 3. ***Бег*** —на специальных аренах или беговых дорожках; 4. ***Прыжки*** —через яму или преграду 5. ***Тяжелая атлетика*** —

поднимание и бросание тяжестей и т. д. 6. ***Борьба*** («кох» и «гюляш»). 7. ***Кулачный бой*** — примитивная форма бокса. 8. ***Стрельба из лука*** по мишеням, 9. Упражнения с ***мечом, копьем, пикой*** и т. д.

Таким образом, представления о воспитании и обучении у древних армян имеют многовековую историю и переплетаются с другими формами протознания. Они нашли отражение в сохранившихся памятниках материальной культуры, мифологическом мировоззрении, сказаниях древнеармянского эпоса и т. д. Систематическое изучение звездного неба, о чем свидетельствует сохранившаяся в Мецаморе открытая обсерватория III тысячелетия до н. э., развитое металлургическое производство, об уровне которого можно судить по сохранившимся металлургическим центрам и т. д., естественно, предполагали наличие не только определенных методов и технологий, опыта и навыков, но и определенной системы накопления знаний и передачи их последующим поколениям.

Относительно полные сведения о школьном деле, программах и содержании обучения, а также о формах воспитания касаются эпохи Тиграна Великого и армянских Аршакидов. В частности, именно эллинистические принципы организации школьного образования, в частности, содержания обучения, заложенные Тиграном Великим вкупе с национальными традициями особенно в сфере нравственного воспитания, послужили базой для развертывания школьно-образовательного процесса в эпоху армянского средневековья.

ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

(с древнейших времен до IV в. н. э.)

ИЗ «УРАРТСКИХ КЛИНООБРАЗНЫХ НАДПИСЕЙ»[1]

Из «Надписей Менуа»[2]

Величием бога Халди[3] Менуа, сын Ишпуини[4], эту крепость построил; завоевал он город Меишта, завоевал оттуда страну Мана...[5], оставил (?) там... пеших воинов... Предшествовал (?) (ему) бог Халди.

Менуа говорит: я завоевал страну Мана... оттуда... надпись.

Менуа говорит: кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его под солнцем [...].

Могуществом бога Халди Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел. «канал Менуа»[6] — имя (его).

Величием бога Халди Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили[7], правитель Тушпа-города[8].

Менуа говорит: кто эту надпись уничтожит, кто-кого нибудь заставит совершить эти (дела), кто другой скажет: Я этот канал провел, пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его под солнцем... [С. 153]

Из «Летописи царя Аргишти I»[9]

[...] Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он войско страны Мана (и) поверг (его) перед Аргишти, сыном Менуа. Величием бога Халди Аргишти,

сын Менуа, говорит: ... Аргиштихинили[10] я воздвиг, от реки (?) канал стране Аза[11] я отвел...[С. 224].

Богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Менуа, воздвиг (?). Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь великий, царь страны Биаинили, царь царей, правитель Тушпа-города.

Аргишти говорит: Кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет: «Иди! Уничтожь!», кто другой скажет: «Я (все это) совершил», пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его (самого) (и его) семью (?) под солнцем...[С. 246].

По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Город Ирпуни (Эребуни)[12] я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения вражеской страны [С. 250].

Аргишти говорит: Бог Халди мне даровал (?)... и сражение... Я канал провел, создал я благосостояние (?) (моему) царству... [С. 253].

Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Величественную (?) крепость я построил, установил (для нее) имя — Аргиштихинили. Земля была пустынной (?); ничего там не было построено; я от реки (?) четыре канала провел, виноградник (и) фруктовый сад разбил, подвиги я там совершил... [С. 263].

Из «Надписи Сардури II[13], сына Аргишти»

Сардури говорит: Явился передо мной Нидини, царь страны Уеликухи[14], ниц повергся; я его (своим) рабом сделал, пощадил я его под условием (выплаты) дани, для платежа дани (царю) Сардури [С. 287].

Сардури, сын Аргишти, говорит: Царь, который... впоследствии будет правителем (?) пусть не забросит эту крепость, пусть (ее) не испортит (?), пусть чему-нибудь из этих творений он не повредит (?)...

Сардури говорит: Кто эту крепость забросит, кто (ее) разрушит, кто чему-нибудь из этих творений повредит (?), кто что-нибудь из этих творений испортит (?), кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) скроет, кто другого заставит совершить эти (дела), скажет: «Иди! Уничтожь!», пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его (самого) (и) все (его) потомство под солнцем...[С. 315].

Из «Надписи Аргишти II[15], сына Руса»

Богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Руса, воздвиг (?) ради жизни. Да будет со стороны бога Халди Аргишти, сыну Руса, благодеяние (?), а также (?) счастье (?), жизнь, радость, величие, (подобно тому) как дали боги мне милость (и) могущество [С. 338].

Из «Новых урартских надписей Кармир-Блура»[16]

Текст I

Богу Халди, владыке своему, этот дом Руса[17], сын Аргишти, построил, а также ворота бога Халди величественные (?) города Тейшебаини[18] страны Аза (он) воздвиг, посвятил богу Халди.

Руса говорит: Скала (?) была крутой (?), земля — пустынной; ничего здесь не было построено. Когда мне бог Халди царство дал, воссел (я) на место выделенное (?), отцовское, царственное, эти ворота бога Халди величественные (?) (я) построил.

Со стороны бога Халди, со стороны халдовых ворот пусть будет жизнь, радость, величие, а также власть, сила, могущество Русе, сыну Аргишти — царю могущественному, царю вселенной (и) страны Биаинили... [С. 40].

Текст III

[...] Пусть чему-нибудь из этих предметов (созданий) не (повредит кто-нибудь); пусть теленка (?) не даст, пусть (жертвенный бык) не будет маленьким (?) (незрелым). (Все это) воистину я (установил).

Руса, сын Аргишти, говорит: Кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) скроет, кто другого заставит совершить эти (дела), кто скажет: «Я совершил (все это)»... (Если) кто-нибудь (надпись) с этого места унесет, пусть уничтожат (его) Халди, Тейшеба, Шивини, Мардук[19]; пусть не (будет) ни (его) имени, ни (его) семьи под солнцем... [С. 64].

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ценные сведения о нравственности и воспитании содержатся в древнейших армянских мифах, сказаниях, эпосах, пословицах, поговорках, сказках, народных песнях и т. д., своими корнями уходящих в глубокие пласты первобытного сознания. В фольклоре народ пытался осмыслить окружающий мир, как природную, так и социальную среду. В мировоззрении народа получили трансформированное отражение отношение человека к миру, восприятие противоположных сил и явлений природы, воздействующих на него. Эти противоположности воспринимались как носители доброго и злого начал. В противоборстве этих начал народное сознание выражало борьбу жизни и смерти, света и тьмы, что так или иначе отражало борьбу человека за свое существование, борьбу против социального зла и порабощения.

Народ создавал образы героев, наделенных высокими физическими и нравственными добродетелями. В древнеармянских мифах и эпосах красной нитью проходит идея свободы и независимости родной земли, победы добра над злом. В них аккумулированы многовековой социальный и исторический опыт народа, традиции, обычаи, передавая из поколения в поколение апробированные временем и жизнью принципы нравственности, воспитания, человеческого совершенства, нормы взаимоотношений между людьми, имеющих одновременно и познавательное значение.

ДРЕВНЕЙШИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС И МИФЫ

В древних мифах, в частности, о Хайке и Араме представлен процесс образования армянской государственности. В представлении армянского народа Хайк олицетворяет мужество, свободолюбие и красоту, которые воспринимались в синкретическом единстве. Мифическим героям свойственна также любовь к родной земле и преданность своему народу.

Другой сквозной идеей героических повествований является нравственное, психологическое, идеологическое обоснование и оправдание борьбы армянского народа против агрессивной политики Сасанидского Ирана. Формулируется ряд идей и добродетелей, которые необходимы для защиты национально-государственного суверенитета, в частности, преданность родине и своему царю, готовность к самопожертвованию во имя страны и царя, идея родной земли как источника морально-духовно-интеллектуальной и военно-политической мощи страны. Основная задача этих сказаний заключается в внедрении в народное сознание упомянутых возвышенных и благородных идей и представлений, воспитание народа в этом духе, создание определенной ценностной системы, что оказало существенное влияние на дальнейшее развитие и кристаллизацию национального сознания и мышления.

В отличие от мифов, которые зачастую являются заимствованиями, эпос своим происхождением, в общем и целом, является «исконным национальным, самостоятельным творчеством» (М. Абегян). Древнеармянский народный эпос состоит из нескольких ветвей, главными героями которых выступают цари и правители Армении, сыгравшие выдающуюся роль в судьбах страны: Ерванд, Арташес, Тигран Великий, Артавазд и др. В эпосе превозносится мужество и физическая сила, мудрость и рассудительность, красноречие и красота, честность и правосудие и другие добродетели героев, их стремление к благоустройству и обогащению страны, а тем самым — к возвышению своего народа, к защите страны от внеш-

них врагов; обличается зависть, обман, коварство, нарушение наследственных прав и т. д.

[О Хайке][1]

О восстании Хайка

Сей Хайк[2], говорит он (летописец — К. М.), благолепный и статный, густокудрый, ясноокий и могучий, славился среди великанов своей храбростью и выступал против всех, кто стремился к единоличной власти над всеми великанами и богородными героями. Он горделиво поднялся против тирании Бела в то время, когда род человеческий распространялся по всей шири земли, среди скоплений неимоверно тупоумных силачей-великанов. Так как каждый старался там обрести власть над другими, в буйстве вонзая меч в бок своего собрата, то Белу и выпала в то время удача завладеть всей землей. Хайк же, не желая подчиниться ему, после рождения сына своего Араманеака в Вавилоне, снявшись вместе со своими сыновьями, дочерьми, сыновьями своих сыновей, могучими мужами числом около трехсот и прочими домочадцами и приставшими к нему пришельцами и всем людом и скарбом, отправляется в землю Арарадскую, расположенную в северных краях. По пути он поселяется у подножия горы, на равнине, где осели и проживали немногие люди из числа рассеявшихся еще раньше. Подчинив их, Хайк строит там дом. — господское обиталище — и отдает в наследственное владение Кадмосу, сыну Араманеака. Это подтверждают упомянутые древние устные предания.

Сам же, говорит (летописец), вместе с остальными людьми и скарбом продвигается на северо-запад, приходит и поселяется на высокогорной равнине и дает этому нагорью название Харк [...] Строит и деревню и называет ее по своему имени Хайкашеном. Также и в этом месте истории упоминается небольшое число людей, поселившихся прежде в южной стороне этой равнины, у горы с вытянутым основанием, которые добровольно подчиняются бого-

родному герою. Это тоже подтверждают упомянутые устные предания [С. 18—19].

О сражении и о смерти Бела

[...] Бел Титанид, утвердив над всеми свою царскую власть, посылает одного из своих сыновей в сопровождении преданных людей в северный край, к Хайку, [с предложением] подчиниться ему и жить в мире. «Ты поселился, говорит он, в краю лютого холода; но согрей и растопи стужу льда своего возгордившегося сердца и, подчинившись мне, спокойно живи в стране моего обитания, где только тебе угодно». Но Хайк отсылает прибывших от Бела с суровым ответом, и посланец возвращается обратно в Вавилон.

Тогда Бел Титанид ополчается на него с толпой пешей рати, добирается до северного края, до земли Арарадской, до окрестностей дома Кадмоса. Кадмос бежит к Хайку, заслав вперед скороходов. «Знай, великий среди богородных героев, сообщает он, что Бел идет на тебя, собрав бессмертных героев и бойцов-великанов ростом до небес. Я узнал о том, что он находится вблизи моего дома, и убежал, и вот поспешно иду к тебе. Итак, поторопись обдумать, что ты будешь делать».

Бел же, с неукротимым и чудовищно-громадным полчищем, подобным бурному потоку, низвергающемуся с крутизны, спешил достигнуть пределов обитания Хайка, полагаясь на храбрость и силу [своих] могучих мужей. Тут разумный и мудрый великан, густокудрый и с искрящимися глазами, поспешно собирает своих сыновей и внуков, храбрых мужей-луконосцев, числом весьма немногих, а также прочих, бывших в его подчинении [...] Собрав своих воинов, он говорит им: «Встретившись с полчищами Бела, старайтесь подобраться к месту, где будет находиться Бел в окружении толпы храбрецов. Либо умрем и наши люди попадут в рабство к Белу, либо покажем на нем искусность перстов наших и, рассеяв полчище, добьемся победы» [С. 19—20].

Когда великаны обеих сторон сошлись, от их яростной схватки страшный грохот огласил землю; они наводили ужас друг на друга разнообразием способов нападения. Немало было повержено там лезвием меча на землю могучих мужей с обеих сторон, и обе стороны оставались непобежденными в сражении. Столкнувшись со столь неожиданным и сомнительным положением вещей, царь Титанид пришел в ужас и, повернув вспять, стал подниматься на тот же холм, с которого было спустился. Он надеялся продержаться в толпе, пока подоспеет вся рать и он сможет возобновить нападение. Увидев это, Хайк, вооруженный луком, устремляется вперед, приближается к царю, туго натягивает широкий как озеро [лук] и трехперой [стрелой] попадает в нагрудную пластину; стрела, пройдя насквозь между плеч, вонзается в землю. И тут возгордившийся Титанид, грянувшись о землю, испускает дух [...]

Страна же наша, по имени нашего предка, Хайка, называется Хайк [С. 20—23].

О Тигране; каким он был во всех отношениях

Теперь обратимся к Тиграну[3] и его деяниям, ибо это самый могущественный и разумный из наших царей, превзошедший в храбрости не только их, но и всех остальных. Он при помощи Кира сокрушил владычество маров[4] и, покорив греков, долгое время держал их в повиновении. Он раздвинул пределы страны нашего обитания, доведя их до крайних древних ее рубежей. Он вызывал зависть всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам — заветная мечта.

Кто из настоящих мужчин, следующих путями доблести и разума, не стал бы тешить себя памятью о нем и не хотел бы походить на него? Отважно возглавив мужей, он возвысил наш народ и нас, угнетенных, сделал угнетателями, налагающими дань на многих. Он обильно снабдил всех мужчин и женщин золотом, серебром и драгоценными камнями, а также нарядами и разноцветными тканями, так что невзрачные стали выглядеть изумительно красивыми, а красивые и вовсе обратились, по понятиям времени, в богородных героев [С. 39].

Немало еще подобного [...] доставил нашей стране сей Ервандов Тигран, отличавшийся светлыми, вьющимися на концах, кудрями, прекрасным цветом лица, приветливым взором, величавый и плечистый, с крепкими икрами красивых ног, умеренный в пище и питье, воздержанный на пирах; наши древние, игравшие на пандирне, сказывали, что он был умерен в желаниях плоти, высокомудр и красноречив и наделен всеми человеческими достоинствами. Что же может быть приятнее для меня в этой книге, как не распространяться о доставшихся ему похвалах и связанных с ним историях? Справедливый и нелицеприятный в суждениях обо всех вещах, он взвешивал образ жизни каждого на весах своего разума. Не завидовал лучшим, не презирал низших, но стремился простереть покрывало своей заботливости в равной мере над всеми [С. 39—40].

Народный эпос «Персидская война»[5]

Во втором древнеармянском эпосе, созданном в IV веке, центральной идеей является борьба против экспансионистских притязаний Сасанидской Персии во имя независимости родины. В отличие от первого эпоса, для которого характерно сочетание элементов сверхъестественного и чудодейственного, здесь превозносится воинская доблесть, преданность родине и государю, готовность к самопожертвованию во имя величия страны и государя, победа добра над злом, принципы гуманизма и патриотизма. Сказания эпоса преследовали определенные цели — внедрить в сознание народных масс и воспитать в них эти возвышенные идеи и благородные качества, способствовать духовному и физическому единению народа, как необходимого условия противостояния захватнической и ассимиляторской политике Сасандской Персии и Византийской империи.

О том, как Шапух, советуясь с волшебниками и магами, искушал Аршака и заключил его в крепость Ануш. И

затем приказал он убить лютой смертью военачальника армянского Васака.

Вот призвал царь персидский Шапух
Звездочетов и магов и деющих чары людей.
С ними он говорил и сказал:
«...Царь армянский Аршак
Вот уж тридцать воюет с арийцами лет.
Мы давали Аршаку отпор,
Но ни разу его сокрушить не могли.
Ныне к нам он по собственной воле пришел...»
И молвили волхвы: «...При себе его держи.
И пошли ты в армянскую землю людей,
И оттоль привезти повели
Мех воды и два воза земли.
Пол наполовину в палатке твоей
Ты покрой привезенной землей...
Ты, после за руку возьмешь царя армян
И сперва проведешь ты его по персидской земле,
Побеседуешь с ним и вопросы задашь,
И опять его за руку с лаской возьмешь,
На армянскую землю его возведешь
И внимай — что он скажет тогда

Если, встав на армянской земле,
Станет гневно с тобой говорить,
Знай, как только в отчизне очутится он,
Вероломство покажет свое;
И подымет он распрю, и воздвигнет вражду,
И с тобою придет воевать!»...

Через несколько дней воротились гонцы,—
Привезли, что им царь повелел.
И Шапух приказал:
Половину пола в палатке своей
Засыпать армянской землей,
А сверху водою полить,
Половину пола, как прежде была,
Под персидской оставить землей.

И Аршака призвал перед очи свои,
Остальных из шатра удалил.
И, Аршака взяв за руку,
С ним прохаживался по шатру;
И, прохаживаясь, говорил,
Когда шли по персидской земле:
«Ты за что ненавидишь меня,
Царь армянский Аршак?...»

Отвечает Шапуху Аршак:
«Грешен я! Моя вина!
Как сперва с полками я пришел,
Сокрушил твоих врагов,—
Ждал тогда награды от тебя.
А потом мои враги соблазнили меня,
Устрашили меня тобой
И душу мою оторвали от тебя...»
И Аршака Шапух снова за руку взял.
И, невинным прикидываясь, он его
На армянскую землю возвел.
Но едва царь Аршак на армянскую землю вступил,
Горделиво и яростно он
Гневным голосом рек:
«Прочь от меня,
Преступный раб, что господином стал
Своих владык!
Отомщу я тебе и сыновьям твоим
За предков моих...»
А едва на персидскую землю вставал,—
Сокрушался и каялся вновь.
Так с утра до вечерней зари много раз
Персов царь искушал властелина армян;
Ибо, только Аршак до родимой касался земли,—
Становился надменен, грозил;
А к чужой прикасался земле,—
Сокрушался и каялся в дерзких словах. [С. 41—43]

Армянский народный героический эпос «Давид Сасунский»[6]

Армянский национальный эпос имеет несколько названий, каждое из которых имеет множество смысловых оттенков, что затрудняет их адекватный, однозначный перевод. Распространенными являются: «Сасна црер» — «Неистовые сасунцы», «Сасунские близнецы», «Яростные сасунцы», «Храбрые до безумия сасунцы»; «Джоджанц тун» — «Дом исполинов», «Дом великих», «Дом старших», «Дом предков», «Давид Сасунский» — это «подлинно великий армянский эпос. Эпос этот называется народным не только потому, что он живет в народных толщах и им сказывается, он народен прежде всего потому, что все мировоззрение его героев неразрывно связано с подлинно народными низами...» (И. Орбели).

Исторической основой возникновения эпоса послужили, с одной стороны, завоевание Армении арабами, их захватническая политика, с другой — ожесточенная борьба армянского народа против завоевателей и тяжелое социальное и экономическое положение народа. Он состоит из четырех ветвей или поколений героев. Центральным, наиболее полным, народным и человечным образом является герой третьей ветви — Давид Сасунский, по имени которого назван эпос в целом. В первых двух ветвях представлена героическая родословная Давида, созданная на основе древнейших армянских мифов и эпических сказаний и уходящих своими корнями в глубокую древность человеческого рода.

В образе Давида армянский народ отразил свои чаяния, надежды, стремления к избавлению от чужеземного порабощения; в нем воплощена идея силы народной. Эпос воспитывает чувство любви к труду и презрения к тунеядству, безделью и праздности, уважительное отношение ко всем народам, даже к тем, с которыми воюют, осуждает национальное высокомерие и чванство, стремление к господству над другими народами, насилие и вражду.

Ветвь вторая
Мгер Старший

[...] Мгер молвил: — Выслушай, жена!
С Меликом клятвою связались мы,
Жена его меня зовет,
Потому что умер Мелик.
Нарушу я обет, коль не поеду в Мсыр.
Пусть тот умрет,
Кто слово не сдержал свое! [С. 117].

Тут Мгер стал проклинать свою судьбу:
— Ослепнуть бы мне тогда,
Чем бросить дом!
Я поле чужое полил —
Зазеленело оно!
Я поле свое позабыл —
И высохло поле мое!
Ах! Что наделал я!...
Сасунский светоч я потушил,
А Мсырский светоч зажег! [С. 122].

И открыла дверь Армаган, сказав:
— Муж — это голова; а жена —
Нога, послушная голове!
Жена не может дверь пред мужем запирать.
Я дверь открою — ты войдешь,
Нарушим клятву мы,
У нас родится сын потом,
Но мы с тобой умрем...
И сиротой останется дитя.
И Мгер сказал:
— [...] Вот мы с тобой живем теперь,
Но ведь пробьет наш смертный час;
Когда ж умрем —
Сын будет жить за нас,
И снова в нем мы оживем,
И с нами род наш не умрет! [С. 124—125].

Ветвь третья
Давид Сасунский

[...] Он поскакал. Коню сказал:
— Стой! Я предупрежу сперва,
А после — нападу. —
И Давид со скалы закричал: — Эгей!
Эй! Кто спит — поскорей вставай! [...]
Не говорите потом, что Давид,
Как вор, пришел и ушел тайком! [С. 221]

В войсках Мелика был араб-старик,
Отец семи сынов.
Его и семерых сынов его
Насильно на войну пригнал Мелик [...]
Он выступил из гущи войск,
Сказал: — Дорогу мне! К Давиду я иду,
Ему я все скажу, спасу от смерти вас! —
Пришел, перед Давидом стал [...]
Сказал: — Давид, мой дорогой,
Ведь это — люди, существа живые!...
Все они — обездоленный, бедный люд.
Это войско несчастное ты пожалей!
Тот — опора матери старой своей,
Тот — женился недавно и пригнан сюда,
Тот — оплот и надежда бедной семьи,
Тот — родителей престарелых звезда.
— Зачем же воевать со мной они пришли? —
Старик сказал: Что ж было делать нам?
Мелик насильно нас привел.
Мы не враги тебе! Твой враг — Мелик...
Коль ты убьешь его, Давид,
Молиться будут за тебя бойцы.
Они домой уйдут, где ждут их дети и отцы!
И сжалился тогда Давид,
Убийства прекратил... [С. 221—222]

Покинул Давид шатер.
Он к войску коня Джалали повернул.

Кто из полководцев и войск уцелел,
Он всех их призвать повелел и сказал:
— Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили,
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружье против нас,
Коль нападете вновь на нас, то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими жерновами
Не укрылись вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас Молния-Меч сразит... [С. 232—233].

Ветвь четвертая
Мгер Младший
Эпилог

...Говорят, как-то раз,
На вознесенье в ночь,
Одному пастуху довелось там быть.
Раздвинулась Мгера скала.
Вошел пастух, глядит:
В пещере исполин сидит.
Спросил пастух:
— Когда отсюда выйдешь, Мгер?
Ответил Мгер:
— Коли встану, выйду на свет, —
Не удержит меня земля!
Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,
На свете мне — не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница как лесной орех,

Как шиповника ягода будет ячмень,
Тогда придет мой день,
Отсюда я выйду в тот день!
Ушел пастух,
Вновь сдвинулись камни,
друг в друга вросли... [С. 297—298].

Армянские народные сказки[7]

Сказки, как и другие жанры устного народного творчества, обладают значительным воспитательным зарядом, оказывая существенное воздействие на формирование нравственного и умственного облика человека. В армянских сказках отражены флора и фауна Армянского нагорья, социальные и классовые отношения эпохи, быт и нравы, религиозные представления, этические, эстетические принципы армянского народа. Часть армянских сказок построена на «международных», или «бродячих» сюжетах, другая часть имеет национальное происхождение.

Ремесло — дороже золота

Жил некогда богатый царь. Он часто тайком от везиров одевался в рубище нищего и ходил странствовать по городам и селам, послушать, что о нем говорит народ.

Как-то раз в одном селе царь встретил девушку, такую красивую, что кто ни видел ее — говорил: ни пить, ни есть, на нее смотреть. Царь вернулся к себе во дворец и сказал своим везирам:

— В такой-то деревне живет прекрасная девушка. Пойдите и скажите, что царь хочет на ней жениться.

Везиры отправились в ту деревню, нашли дом девушки и тоже удивились и восхитились ее красотой. Сказали они отцу и матери девушки, что царь очарован их дочерью и хочет на ней жениться.

Отец девушки был бедный крестьянин. Не поверил он, что царь удостоил его дочь такой чести...

И обратился к дочери:

— Дочь моя, царь послал своих везиров, сватается за тебя. Что им ответить?

Девушка спросила:

— А какое у царя ремесло?

— Что ты, дочь моя, ума лишилась? Какое у царя может быть ремесло? Он владеет миром, что захочет — сделает, а мы все — его слуги.

— Нет, мой муж должен владеть каким-нибудь ремеслом, иначе я за него замуж не пойду...

Удивился царь, но ничего не поделаешь, ради девушки решил выучиться ремеслу. Выбрал он самое легкое ремесло, — стал учиться ткать ковры. Овладев этим ремеслом, царь соткал для своей невесты красивый ковер и послал ей в подарок. Девушке понравился ковер. Распрощалась она с отцом и матерью...

Раз во время одного из таких странствий царь попал в руки разбойников, которые, узнав о его ремесле, не убили его, а продали богатому купцу...

Жена купца сказала мужу:

— Пусть он выткет большой ковер. Отнесешь его в подарок царю, а он, авось, в долгу не останется...

Царь, услышав это, очень обрадовался, а длину и ширину своего зала он хорошо знал. И соткал он такой ковер, какой требовал хозяин. А в углу ковра выткал буквы (так, чтоб только одна царица могла прочитать), что попал он в беду и просит освободить его. Купец остался доволен работой и понес ковер в царский дворец. Царица расстелила ковер, увидела, что он ни на волос не больше и не меньше комнаты, удивилась очень, осмотрела весь ковер и в одном углу увидела буквы. Прочитав надпись и узнав, что случилось с ее мужем, царица побледнела.

Царица тотчас повелела привести того, кто соткал этот ковер, целым и невредимым во дворец...

Как вошел царь в палату, царица тотчас же бросилась к нему, обнялись они, поцеловались.

— Истинная правда, — сказал царь, — что ремесло — дороже золота.

Добро здесь, а зло у врага.

Пер. И. Карумян

По одежке протягивай ножки

Созвал однажды царь всех портных, какие были у него в стране и повелел сшить ему одеяло по его росту — не длиннее и не короче. Ни одному портному не удалось исполнить повеления, и всем им поотрубали головы.

В конце концов явился к царю смельчак. — Много лет здравствовать тебе, государь, — говорит, — я могу сшить такое одеяло, какое ты хочешь не длинное и не короткое. Если прикажешь сошью....

Был наш портной себе на уме: сшить-то одеяло сшил, да парочно малость покороче того, что надо. И прежде чем предстать перед царем, припрятал под полою плеть.

Много лет здравствовать, — молвил портной. — Вот оно, одеяло. Подходящее?

А ну-ка погляди не наперточил ли ты часом — говорит царь.

Улегся, натянул себе одеяло, а наш — то снаружи торчат. Портной не мешкая выхвалил плетку, хорошенько огрел царя по пяткам, и мигом подобрал ноги под одеяло.

Много лет здравствовать тебе, государь, — говорит портной, — Ножки протягивай по одежке.

Как услыхал царь мудрые эти слова, промолчал, звука не проронил в ответ, щедро одарил портного да и отпустил с миром.

И впрямь—хорошо сказано: по одежке протягивай ножки. [С. 225]

Пер. Г. Кубатьяна

Крестьянин и кровля

Крестьянин со своей семьей жил в ветхом доме под плоской земляной кровлей. Со временем в кровле стали появляться щели. Крестьянин каждый раз замазывал эти щели глиной.

Однажды он вернулся с поля домой и увидел, что кровля рухнула, а дети получили ушибы. Крестьянин. рассердился:

— Ах, ты, злосчастная кровля, неужели не могла предупредить меня, что должна рухнуть?

— Сколько раз я раскрывала рот, — ответила кровля, чтобы сказать тебе об этом, но ты каждый раз замазывал его глиной. Ты не захотел выслушать меня, кто же виноват?

Молоток

Багдасар сказал сыну:

— Иди, сынок, к нашему соседу Ашоту и попроси молоток.

Сын пошел к соседу и вернулся без молотка.

— Почему не принес молоток? — спросил отец у сына.

— Дядя Ашот не дал молоток.

— Ну, ладно, иди попроси молоток у Вагана.

Багдасар обиделся:

— Ваган тоже не дал молотка.

— Что поделаешь с этими скупердяями. Принеси наш молоток.

Свидетели вора

Вора поймали и судили. На суде свидетели уличили его. Но вор стоял на своем, отрицал свою вину и говорил, что он не воровал.

Напрасно упрямишься, — сказал судья, — признавайся, и дело с концом. Своим «нет» ничего не выиграешь, у нас есть шестеро свидетелей.

Шестеро? — воскрикнул вор. — У вас есть шестеро свидетелей, которые видели, как я воровал? Хотите, я приведу вам сто шесть свидетелей, которые подтвердят, что они ничего не видели!?

Из пословиц и поговорок[8]

Активность – пассивность

Много не сделаешь, пока не выучишься, но много надо сделать, чтобы выучиться.

Не тот больше знает, кто больше жил, а тот, кто больше ходил.

Труд и горы сравнивает.

Усердие и ремесло — родичи.

Акция – реакция

Кто не наказывает своих детей, тот будет наказан сам.

Кто трудится, тот голодным не останется.

Лживый хоть и правду скажет, никто не поверит.

На добро отвечать добром — дело каждого, на зло добром — дело отважного.

Уважай, чтобы и тебя уважали.

Бедность – богатство

Бедняк нуждается в хлебе, а богач — во всём.

Бедняка многие уму-разуму учат, да хлеба никто не даёт.

Богатый и солжет — ему поверят, бедный и правду скажет — назовут лжецом.

Закон создан для богатого, а наказание — для бедного.

Кто обогащается, отказывая себе во всем, под конец разоряется.

Большое – малое

Бывает один стоит тысячи, бывает и тысяча одного не стоит.

Велика шапка, да под ней пусто.

Голова большая, а ума мало.

Кто гонится за большим, упустит и малое.

Вещь – среда (окружение)

Кто с вором живет, научится воровать.

Человека узнают по его друзьям.

Видеть – слышать

Внимательно выслушаешь — многому научишься. Достоверно то, что видел, а не то, что слышал.

Видимость – сущность

Бойся не крикуна, а тихони.
Змея красива снаружи, человек – изнутри.
Лицо – зеркало сердца.
Привычка характером становится.

Дети – взрослые

Дай родителю, чтобы передал сыну, но не давай сыну – он не отдаст родителю.
Не иметь ребенка все равно что не иметь души.

Добро – зло

Вино человека не убьет, но до собачьей жизни доведет.
Доброе дело и в воде не тонет.
Зло приносит зло.

Друг – враг

С родней пируй, но не торгуй; с врагом торгуй, но не пируй.

Единство – разобщенность

Голос народа сильнее грохота пушек.

Жизнь – смерть

Кто боится смерти, тот покойник среди живых.
Страх смерти страшнее самой смерти.

Знание – невежество

Кто меньше испытал, тот меньше знает.
Кто много читает, тот много знает.
Образование – что золотой браслет на руке.
Обтесанный камень на земле не останется.
Ученый голодным не останется.

Материальное – духовное

Деньги языка не имеют, но сами себе дорогу находят.
Лучше знание, чем богатство.
С умом и дело спорится.
Справедливому нет наказания.

Много – мало

Много знаешь — меньше говори.
Один ум — хорошо, а два — еще лучше.

Начало – конец

Всякого дела начало трудно.
Лучше быть головой мухи, чем хвостом льва.

Неизменность – изменчивость

Сорок раз побывал осел в Иерусалиме, да остался все тем же ослом.

Новое – старое

Кто слушается старшего, о камень не споткнется.
У старшего и терпенья больше.
Ум молодого — что мельница без воды.
Ум не растет вместе с бородой.

Порождающее – порождаемое

И хорошее и плохое у сына (детей) — от отца и матери.

Правда – ложь

Кто идет по прямой дороге — не устанет.
Плоха та шутка, в которой нет половины правды.
Пока правда придет, ложь весь свет проглотит.
Тысяча неправд не стоит одной правды.

Предыдущее – последующее

Сперва обдумай, (подумай), затем слово скажи.
Сперва обдумай, потом дело делай.

Сам – не сам

В глазах дурака умный – дурак.
Нет, нет, взять не могу, положите мне в карман.

Ум – глупость

Дурак сказал – умный поверил.
Дураку дело поручи, а за ним и сам сходи.
Как бы ты ни был умен, но если чего не знаешь, спроси и у глупца.
Несоленый обед можно посолить, а глупца уму-разуму никогда не научить.
Пропажа коровы у глупца – урок для мудреца.
Ум – от природы, за деньги не купишь.

Умение – неумение

В руках мастера ремесло как в плену.

Цельность – противоречивость

Дешевая вещь обходится дорого, дорогая – дешево.
Каждая неудача – назидание.

Честь – бесчестье

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТРУДОВ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

КСЕНОФОНТ

«КИРОПЕДИЯ»[1]

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

[...] Кир так начал свою речь:

— Царь Армянский! Прежде всего хочу посоветовать тебе говорить на суде правду, чтобы предостеречь тебя от поступка, вызывающего, среди прочих, особенно сильную ненависть. Ты должен хорошо знать, что человек, изобличенный во лжи, менее всего может рассчитывать хотя бы на самое малое сочувствие. Кроме того, о всех твоих делах знают и твои дети, и вот эти женщины, и те из армян, которые здесь присутствуют. Если они услышат, что ты говоришь неправду и не рассказываешь о том, что действительно происходило, а я дознаюсь до истины, они будут считать, что ты сам приговорил себя к самому тяжкому наказанию.

— Спрашивай, Кир, меня обо всем, о чем только захочешь, — отвечал царь Армении, — я же буду говорить только правду, чего бы мне это ни стоило.

— Тогда скажи, не вел ли ты некогда войны против Астиага, отца моей матери, и против всех остальных мидян?

— Да, вел.

— А будучи побежден им, не согласился ли ты выплачивать дань, выступать вместе с ним в поход со своими войсками по первому его требованию, а также не иметь в своей стране крепостей?

— Да, так было.

— Тогда почему ты ныне и дани не платишь, и войска не присылаешь, и сооружаешь укрепления?

— Я хотел стать свободным. Мне казалось прекрасным и самому добиться освобождения, и оставить свободу в наследство своим детям.

— Действительно, — отвечал Кир, — это прекрасно — сражаться за свободу. Но если человек, побежденный на войне или порабощенный каким-либо другим способом, будет изобличен в том, что пытался бежать от хозяина, — разве ты станешь считать его доблестным человеком, совершившим прекрасный поступок? И разве ты первым не накажешь его как преступника, если поймаешь?

— Накажу, конечно; ведь ты не позволяешь мне говорить неправду.

— Отвечай тогда ясно на каждый из следующих вопросов. Если у тебя какое-либо должностное лицо совершит преступление, ты оставишь его на занимаемой им должности или же поставишь вместо него другого?

— Поставлю другого.

— А если у него окажется много денег, ты оставишь ему его богатство или же отнимешь его?

— Разумеется, отниму все, что у него окажется.

— А если ты узнаешь, что он перешел на сторону врага, как ты поступишь в этом случае?

— Казню его, — ответил армянский царь. — Чем умирать, будучи изобличенным во лжи, я лучше умру, говоря правду [...].

Тогда Кир [...] сказал:

— Пусть будет так. Таков, значит, тот взгляд на вещи, который ты полагаешь справедливым. Но, основываясь на этом, как ты посоветуешь нам поступить?

Царь Армении замолчал, не находя в себе сил посоветовать Киру казнить его, но и затрудняясь в то же время предложить Киру поступить иначе, чем он сам, по его же словам, поступил бы в подобном случае.

Тут сын его Тигран обратился к Киру со следующим вопросом:

— Скажи мне, Кир, — поскольку мой отец, по-видимому, затрудняется с ответом, — разрешишь ли ты мне дать совет, как с ним поступить? Он, как я полагаю, будет для тебя наиболее выгодным.

Кир еще в те времена, когда они вместе охотились, знал, что Тигран проводил много времени в обществе какого-то мудреца, которым он особенно восхищался. Поэтому Кир загорелся желанием услышать, что он может сказать, и с готовностью разрешил Тиграну говорить все, что он сочтет нужным.

— Я советую тебе, Кир, если ты с одобрением относишься к тому, что мой отец намеревался совершить или уже совершил, подражать его образу действий; напротив, если тебе кажется, что он во всем действовал ошибочно, я рекомендую тебе не следовать ему.

— Итак, поступая справедливо, я ничуть не буду походить на человека ошибающегося?

— Да, это так.

— Тогда, если следовать твоему совету, надо покарать твоего отца, поскольку справедливо карать человека, совершившего преступление.

— Но скажи, Кир, назначая то или иное наказание, желаешь ли ты, чтобы оно было сопряжено с твоей выгодой, или же, напротив, чтобы оно нанесло тебе ущерб?

— Я сам себя наказал бы в таком случае, — отвечал Кир.

— Но ты, Кир, много потеряешь, если казнишь находящихся в твоей власти людей, тогда как, сохранив им жизнь, ты извлечешь огромную выгоду.

— Но, Тигран, какую ценность могут представлять собой люди, содержащиеся под стражей за совершенное ими преступление?

— Они приобретают ценность тогда, когда становятся благоразумными. Мне представляется, Кир, что дело обстоит именно так; ведь без благоразумия все прочие добродетели становятся бесполезными. Что пользы в сильном и мужественном человеке, если он лишен благоразумия, [что в искусном наезднике]? Чем полезен богатый или могущественный в подобном случае? Между тем всякий друг, отличающийся благоразумием, всегда полезен, и всякий слуга, обладающий благоразумием, — хороший слуга.

— Ты утверждаешь, таким образом, что твой отец в течение одного дня из неразумного стал благоразумным?

— Да, именно так.

— Следовательно, ты считаешь благоразумие определенным душевным состоянием, подобно огорчению, а не предметом познания. Но ведь нельзя в короткий срок из неразумного превратиться в благоразумного, поскольку сначала надо обрести разум и лишь после этого можно приобрести благоразумие.

— А почему бы и нет, Кир? Разве ты не встречал таких людей, которые необдуманно нападали на более сильного противника, но затем, оказавшись побежденными, тут же избавлялись от своих безрассудных устремлений? И опять-таки, разве тебе не известны такие случаи, когда некоторые государства первыми начинали войну против других, а затем, оказавшись побежденными, изъявляли готовность повиноваться победителю?

— О каком поражении своего отца ты говоришь, Тигран, которое, как ты настаиваешь, так его образумило?

— Да о том, которое, клянусь Зевсом, он глубоко переживает в своей душе. Стремясь к свободе, он вместо этого стал рабом более, чем когда-либо; то, что он надеялся сохранить в тайне, стало явным, а попытка оказать сопротивление обернулось для него собственным поражением. Теперь он сознает, что ты сумел перехитрить его [...]

— Следовательно, ты полагаешь, что подобная неудача и признание превосходства другого над собой могут сделать человека благоразумным? — спросил Кир.

— В гораздо большей степени, чем военное поражение, — отвечал Тигран. — Ведь в борьбе побежденный может надеяться, укрепив свое тело различными упражнениями, возобновить состязания. И государства, побежденные более сильным противником, рассчитывают, приобретя союзников, добиться возможности возобновить борьбу. Напротив, люди очень часто и без всякого принуждения повинуются тем, превосходство которых над собой они с готовностью признают.

— Ты, Тигран, по-видимому, считаешь, что люди дерзкие в жизни своей ни разу не видели людей благоразумных, воры — честных, лжецы — правдивых, а несправедливые — справедливых. Неужели ты не понимаешь, что и отец

твой нынче обманул нас и нарушил договор, заключенный с нами, хотя хорошо знал, что мы-то ни в чем не нарушили условий договора, заключенного некогда Астиагом

— Я ведь и не утверждаю, Кир, будто одно знакомство с людьми, превосходящими нас, делают нас более благоразумными; для этого необходимо нести ответственность перед ними, подобно тому, как держит ныне ответ перед тобой мой отец.

— Но твой отец пока не понес никакого наказания, хотя мне и хорошо известно, что он опасается самого тяжкого.

— Но что может больше подавить человека, чем сильный страх? Разве, Кир, ты не знаешь, что люди, получившие ранения мечем — а он считается самим сильным орудием наказания, — горят желанием, несмотря на это, вновь сразиться со своими врагами, тогда как испытывающие сильный страх перед своими врагами, тогда как испытывающие сильный страх перед своим противником не решаются поднять на него глаза, даже тогда, когда их ободряют.

— Ты утверждаешь. Тигран, что страх перед наказанием сильнее действует на людей, чем само наказание?

— Ты, Кир, сам знаешь, что я говорю правду. Тебе ведь известно, что люди, опасающиеся изгнания или поражения, когда им предстоит сражаться, всегда ведут себя малодушно. Равным образом [и те, кто плывет на корабле и опасается кораблекрушения], и те, кто боится попасть в рабство или в тюрьму, не могут ни есть, ни пить от страха. Напротив, став изгнанниками, или уже потерпев поражение, или даже попав в рабство, они могут спокойно есть и спать, и притом еще больше, чем живущие благополучно. Как сильно подавляет людей страх, особенно ясно можно увидеть из следующего. Бывает, что люди, боясь, как бы их не захватили в плен и не убили, от страха сами умерщвляют себя заранее: одни бросаются в пропасть, другие вешаются, иные закалываются. Так страх поражает души сильнее, чем все прочие беды. Теперь ты можешь представить себе состояние моего отца, который страшится не только за свою жизнь, но и за меня, за жену, за всех своих детей.

На это Кир ответил:

— Теперь и мне представляется весьма вероятным, что он чувствует себя именно так. Но кажется мне, что одному и тому же человеку свойственно при благоприятных обстоятельствах вести себя дерзко, а в несчастье — падать духом, и освобожденный из-под стражи может вновь повести себя высокомерно и вновь доставлять неприятности окружающим.

— Наши ошибки действительно могут служить причиной твоего недоверия к нам, Кир, клянусь Зевсом. Но ведь у тебя есть возможность выстроить крепости, занять укрепленные пункты и вообще получить любые залоги верности, какие захочешь. И можешь быть уверенным, что мы не станем сильно огорчаться по этому поводу; ведь мы будем помнить, что сами во всем виноваты. Но если ты передашь управление в этой стране лицам, ничем перед тобой не провинившимся, и станешь проявлять к ним недоверие, то смотри, как бы они в ответ на твое благодеяние не стали твоими врагами. А если ты, опасаясь проявлений их ненависти, не наложишь на них крепкой узды. чтобы упредить их дерзкие поступки, то как бы тебе не пришлось применять к ним еще более сильные меры, возвращающие благоразумие, чем даже к нам.

— Но клянусь богами, Тигран, мне было бы неприятно иметь таких союзников, которые, как я знаю, служили бы мне только по принуждению. Кажется, мне будет легче переносить ошибки людей, с преданностью и искренней привязанностью выполняющих свой долг, чем ненависть тех, кто точно, но по принуждению исполняет мои повеления.

На это Тигран ответил:

— Но где еще найдешь ты более искреннюю любовь, чем та, которую ты ныне можешь приобрести у нас?

— Я полагаю, Тигран, что смогу найти ее у людей, никогда не проявлявших ко мне враждебных намерений, если захочу оказать им такое благодеяние, какого ты ныне у меня просишь.

— А можешь ли ты отыскать сейчас человека, которого ты смог бы облагодетельствовать больше, чем моего отца? Ведь если ты оставишь жизнь человеку, ничем перед

тобой не провинившемуся, на какую благодарность ты сможешь рассчитывать? Поскольку ты не отнимал у него ни жены, ни детей, будет ли он питать к тебе такие искренние чувства признательности, какие станет питать к тебе человек, сознающий, что ты имел полное право отнять их у него? И знаешь ли ты людей, которые бы огорчились более, чем мы, если наш отец не получит Армянского царства? Отсюда ясно и следующее: кто испытает столь сильное огорчение, потеряв царскую власть, тот, получив ее, почувствует к тебе самую глубокую благодарность. А если тебя беспокоит мысль о том, кому бы ты смог оставить наше царство наименее потрясенным, когда будешь покидать его, то подумай сам, в каком случае здесь лучше сохранится спокойствие: при новом управлении или же при сохранении прежнего? И если ты хочешь получить как можно большее число воинов из нашей страны, то кто же, по-твоему, сумеет скорее собрать их, если не тот, кто неоднократно собирал это войско? И если тебе недостает денег, то кто доставит их тебе быстрее, чем хорошо знающий возможности страны и располагающий соответствующими средствами? Доблестный Кир, ты должен остерегаться, как бы, расправившись с нами, ты не навредил себе сам больше, чем мог навредить тебе мой отец.

Так говорил Тигран.

Слыша эти слова, Кир был чрезвычайно обрадован, понимая, что исполняется все то, о чем он говорил Киаксару. Он ведь помнил, что обещал сделать армянского царя другом более преданным, чем он был прежде.

— Пусть будет так, — сказал Кир. — Но скажи, сколько ты мне уплатишь за то, чтобы получить обратно свою жену?

— Все деньги, сколько я смогу собрать!

— А сколько за то, чтобы получить своих детей?

— И за этих столько же.

— Таким образом, ровно вдвое против того, что есть у тебя в наличии. А ты, Тигран, какой выкуп ты готов заплатить, чтобы вызволить свою жену из плена?

Тигран недавно женился и до безумия любил свою жену.

— Я, Кир, — сказал он, — готов и жизнь свою отдать за то, чтобы она не изведала долю рабыни.

— Тогда получай свою жену и веди к себе. Я не считаю ее своей пленницей, поскольку ты никогда не убегал от нас. И ты, царь Армянский, бери свою жену и детей безвозмездно; пусть они сознают, что возвращаются к тебе свободными [...]

После ужина, когда все стали расходиться, Кир спросил Тиграна:

— Скажи, куда делся человек, бывший вместе с нами на охоте, которым, как мне казалось тогда, ты особенно восхищался?

— Его казнил присутствующий здесь мой родитель, — ответил Тигран, показывая на отца.

— За какое преступление?

— Отец заявил, что этот человек меня развращает. В действительности же он оказался настолько благородным и доблестным мужем, что накануне казни призвал меня и сказал: «Тигран, не гневайся на своего отца за то, что он приказал меня казнить. Он делает это не по злому умыслу против тебя, а по неведению. Проступки, которые люди совершают по неведению, я считаю непредумышленными преступлениями».

— Жаль этого мужа, — сказал Кир.

Услышав эти слова, царь Армении обратился к Киру:

— Скажи, Кир, разве мужчина, застав у своей жены любовника, убивает его только за то, что тот толкнул его жену на безрассудный поступок? Разве в действительности причиной убийства не является чувство, что он, законный муж, обворован и чужой человек воспользовался любовью принадлежащей ему жены? Ведь именно за это мужчины расправляются с любовниками своих жен, как с врагами! Так и я проникся ненавистью к этому человеку, сумевшему, как мне казалось, внушить моему сыну любовь к себе более сильную, чем та, которую Тигран испытывал ко мне.

— Ты, царь Армянский, совершил свойственную людям ошибку, — сказал Кир. — Но ты, Тигран, все же прости своего отца.

ПЛУТАРХ

«СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»[2]

СУЛЛА

XXVI. Сулла отплыл из Эфеса со всеми кораблями и на третий день вошел в гавань Пирея. Его посвятили в таинства, и он забрал себе библиотеку теосца Апелликона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне.

ЛУКУЛЛ

XIX. В числе других попал тогда в плен и грамматик Тираннион. Мурена выпросил его себе и затем отпустил на волю, недостойно воспользовавшись этим подарком. Конечно, Лукулл не хотел, чтобы такому человеку, высоко почитаемому за свою ученость, пришлось стать сначала рабом, а потом вольноотпущенником: подарить ему мнимую свободу означало отнять настоящую.

XXI. При нем (Тигране II Великом — К. М.) находилось много царей на положении слуг, а четырех из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами — становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости: принимавшие ее как бы отдавали в распоряжение господина вместе со своим телом и свою свободу и выражали готовность все снести, стерпеть без возражений.

XXII. Цари (Тигран II и Митридат — К. М.) устроили тайное совещание, стараясь устранить причины для взаимного недоверия — на беду своим приближенным, ибо на

них они сваливали вину. В числе последних оказался Метродор из Скепсия, человек немалой учености и не чуждый красноречия, который при Митридате достиг такого влияния, что его называли «отцом царя». Рассказывают, что когда Митридат послал его к Тиграну просить помощи против римлян, Тигран спросил: «А сам ты, Метродор, как посоветуешь мне поступить в этом деле?» То ли желая блага Тиграну, то ли зла Митридату, Метродор ответил, что как посол он просит за своего государя, но как советчик рекомендует отказать ему. Теперь Тигран все рассказал Митридату, попрасив его не быть с Метродором слишком жестоким; но тот был немедленно умерщвлен, и Тиграну пришлось раскаиваться в своей откровенности [...] Тигран устроил Метродору великолепные похороны, не пожалев никаких трат, чтобы почтить после смерти того, кого он предал при жизни.

При дворе Тиграна нашел конец и ритор Амфикрат, если только стоит упомянуть и его ради его афинского происхождения. По рассказам, он изгнанником прибыл в Селевкию на Тигре, и, когда его попросили там давать уроки красноречия, он кичливо и презрительно ответил: «В лохани дельфин не уместится!» Потом он уехал ко двору Клеопатры, Тиграновой супруги и дочери Митридата, но вскоре был оклеветан; ему запретили всякие сношения с греками, и он уморил себя голодом. Он тоже был с почестями похоронен Клеопатрой [...]

XXIX. Узнав, что в городе (Тигранакертах) находится множество актеров, которых Тигран отовсюду набрал для торжественного открытия выстроенного им театра, Лукулл использовал их для игр и зрелищ по случаю своей победы.

КРАСС

XXXIII. В то время, как все это происходило, Гирод уже примирился с Артабазом Армянским и согласился на брак его сестры и своего сына Пакора. Они задавали друг другу пиры и попойки, часто устраивали и греческие представления, ибо Гироду были не чужды греческий язык и литература, Артабаз же даже сочинял трагедии и писал речи и исторические сочинения, из которых часть сохрани-

лась. Когда ко двору привезли голову Красса, со столов было уже убрано и трагический актер Ясон из Тралл декламировал из «Вакханок» Еврипида стихи, в которых говорится об Агаве. В то время как ему рукоплескали, в залу вошел Силлак, пал ниц перед царем и затем бросил на середину залы голову Красса. Парфяне рукоплескали с радостными криками, и слуги, по приказанию царя, пригласили Силлака возлечь. Ясон же передал одному из актеров костюм Пенфея, схватил голову Красса и, впав в состояние вакхического исступления, начал восторженно декламировать следующие стихи:

Только что срезанный плющ —
Нашей охоты добычу счастливую —
С гор несем мы в чертог.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV – IX вв.)

1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ. СОСТОЯНИЕ ШКОЛЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

К IV веку в Армении начали складываться феодальные отношения, которые постепенно проникали во все сферы хозяйственно-экономической и социально-политической жизни страны. Появление новых общественно-экономических отношений, неблагоприятная для страны международная политическая обстановка, обусловленная перманентным противоборством двух могущественных соседних держав – Сасанидского Ирана и Восточно-римской империи, усиление центробежных устремлений армянской знати привели к определенным изменениям и в общественной надстройке.

Свержение парфянской династии и воцарение на иранском престоле персидской династии Сасанидов (226 г.), возрождение древнеиранского зороастризма в качестве государственной религии и активизация в связи с этим экспансионистской политики сопровождалось искоренением эллинистических традиций как в самом Иране, так и в других странах, в том числе в Армении. С целью религиозного и политического подчинения Армении Сасаниды всеми средствами стремились уничтожить «синкретичный армянский эллинистический пантеон», эллинистические храмы[1], эллинистическую культуру, что получило в Армении мощный отпор. Политика насильственного насаждения в Армении религии

[1] История армянского народа. Т. 2. Ер., 1984. С. 53. На арм. яз.

зороастризма и противоборство Армении в этот период ***фактически приобрели характер столкновения не только двух форм религиозной идеологии, но и двух форм мировоззрения, систем культурных ценностей, цивилизационного развития и духовно-интеллектуальной ориентации. В этой неравной борьбе Армения в очередной раз выступала как носитель и защитник эллинистических традиций, как представитель эллинистического культурного мира.***

Перед страной встала историческая задача по нейтрализации и пресечению этих губительных процессов и тенденций, укреплению центральной царской власти, политической консолидации нации, что, в свою очередь, предполагало объединить все слои общества, весь армянский народ посредством формулирования единой идеи, общенациональных задач и интересов. При этом идеи сильной централизованной (царской) власти, государственной целостности, национальной и культурной самобытности должны были восприниматься как идентичные, как составляющие национального суверенитета. ***Такую функцию могла выполнить лишь хорошо разработанная идеологическая система,*** которая подкрепляла и обосновывала бы идею верховенства и незыблемости центральной царской власти, способствовала бы консолидации всех социальных слоев народа, сохранению и упрочению национального единства. Между тем господствующий в стране языческий политеизм как мировоззрение и особенно как идеология в новых исторических и политических условиях был не в состоянии способствовать решению указанных проблем.

Среди множества разноликих религиозных течений и культов, распространенных в регионе, этим требованиям в наибольшей мере отвечало набирающее силу, но еще не имеющее официального статуса христианство с его ярко выраженным монотеизмом. Именно благодаря этому в 301 году царем **Трдатом III Великим** (293—330 гг.) впервые в истории человечества христианство было провозглашено государственной религией Армении.

Принятие христианства в качестве государственной религии явилось не только важной вехой в духовно-религиозной жизни страны, но и крупным историческим и по-

литическим актом и во многом предопределило дальнейшие судьбы армянского народа, в том числе вектор духовно-нравственно-интеллектуального воспитания и школьного образования. Монотеистическое христианство было призвано укрепить центральную царскую власть, обеспечить идейно-политическое единство армянского народа в период усилившейся экспансионистской и ассимиляторской политики Сасанидского Ирана и Восточно-Римской империи. Поэтому отнюдь не случайно, что новая религия в Армении была внедрена «сверху» царем и его ближайшим окружением. Кроме того, так как армянская знать, как правило, получала эллинистическое образование и, следовательно, свободно владела греческим и сирийским языками, то приобщить ее к христианскому учению было несравненно проще, чем другие социальные слои. Христианизация страны проводилась под непосредственным руководством выдающегося церковного и культурного деятеля **Григора Партэва** (ок. 239 — 325 гг.), прозванного **Лусаворичем** (Просветителем) Армении, и царя Трдата III Великого.

Этот процесс протекал весьма мучительно и долго с применением порой жестких форм принуждения и насилия. Народ не сразу воспринял новую религию, ему намного ближе и понятнее были древние языческие культы и обычаи, которые казались ему более естественными и привычными. Поэтому народ еще долгое время продолжал поклоняться своим древним языческим божествам, любить, как отмечает историк **Фавстос Бузанд,** «свои мифические песни, свои сказания, на них они воспитывались, им верили и постоянно предавались им»[2]. Не могли легко отказаться от многовековых традиций и многие представители высшего светского и духовного сословия. По свидетельству того же **Бузанда,** «они уподобились [людям] своего века, гордились своим земным благородством и родством»[3]. А патриарх **Завен** (376—380 гг.), потомок известного епископа Албианоса,

[2] *Фавстос Бузанд*. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворкяна. Ер., 1953. Кн. III, 13.
[3] Там же.

ввел обычай, чтобы священники вместо «подрясников до пят», носили короткую военную одежду[4].

Естественно, что поведение знати оказывало сильное влияние на сознание остальных слоев населения, создавая питательную почву для сохранения и периодического усиления языческих традиций, переходящих порой в мощные всплески языческого духа.

В Армении, как это было и в других странах, с принятием христианства началось жестокое преследование языческой религии и культуры, насильственное насаждение христианской идеологии, морали, мировоззренческих принципов, в ходе которого были уничтожены многочисленные языческие храмы, памятники языческой культуры, устоявшаяся в течение веков система школьного образования и воспитания. Эта участь постигла и «храм мудрости» и «школу» бога Тира. Вместо, а чаще на месте (или на фундаменте) языческих храмов строились христианские церкви, а вместо храмовых школ основывались церковные и монастырские. Подобная политика была призвана обеспечить некую преемственность в духовной жизни армянского народа, облегчить восприятие новой религии.

Важным условием повсеместного распространения христианства и укрепления его позиций Григор Просветитель и Трдат III считали создание новой школьно-образовательной системы, призванной ускорить процесс «просвещения» всех слоев народа и воспитания его в духе христианских добродетелей, подготовки молодых кадров для проповеднической и церковно-религиозной деятельности. С этой целью по личному повелению царя из различных областей страны собирают одаренных и пытливых отроков, распределяют их по группам и обучают «новоявленному учению». «И, разделив их на две части, — пишет Агатангелос, — одних стали обучать сирийской грамоте, других — греческой». Для того чтобы оторвать учеников от языческих традиций и обычаев, лишить возможности общения и ускорить процесс приобщения к новым — христианским духовно-нравственным ценностям их переселяли в отдаленные от их

[4] Там же. Кн. VI, 2.

места жительства районы страны, «просвещая» и воспитывая там в уединении[5].

Особое внимание, при этом, уделялось обращению в христианскую веру, приобщению к христианскому учению детей жреческого сословия. (Многие из них впоследствии стали крупными церковными деятелями и удостоились сана епископа). Понимая всю важность задачи, воспитанием и обучением жреческих отпрысков занимался лично Григор Просветитель. Привлечение в новооткрытые школы детей жрецов преследовало также конкретные практические и социально-политические цели. Во-первых, благодаря этому уменьшалось сопротивление все еще сильного класса жрецов, которые могли усмотреть в этом определенную гарантию личной безопасности и социально-политическую перспективу для своих детей. Во-вторых, к делу привлекалась талантливая молодежь, которая получила добротное духовно-интеллектуальное воспитание и образование, в той или иной степени была приобщена к существующим знаниям и культуре, владела языками цивилизованных народов того времени, что так или иначе должно было способствовать более успешному усвоению основ новой христианской религии. В-третьих, благодаря этому дети жрецов могли сравнительно легко добиться того социального статуса, которым «обладали их отцы-язычники и обеспечить преемственность в духовном сословии», хотя и на другой религиозно-идеологической и духовно-культурной основе. В-четвертых, тем самым несколько сглаживались социальные противоречия и конфликты, нейтрализовалась опасность противодействия со стороны класса жрецов, которые представляли значительную социальную и интеллектуальную силу и могли создать серьезные трудности на пути христианизации страны[6].

Однако внимание христианских просветителей преимущественно было сконцентрировано на обучении и воспи-

---

[5] *Агатангелос.* История Армении / Пер., вступ. статья и примеч. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер., 2004. С. 243.
[6] *Мирумян К. А.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ер., 1994. С. 38—39.

тании детей из низших социальных сословий, которые по их замыслу должны были стать основными проводниками и убежденными пропагандистами христианского вероучения. С целью содействия процессу распространения и внедрения в народное сознание христианского учения Григор Лусаворич основывает многочисленные школы греческого и сирийского типа для обучения этим языкам, подготовки переводчиков и приобщения к текстам Священного Писания. Историк V века **Лазар Парпеци** называет эти школы «школами для обучения паствы», то есть простого народа.

Обучение в школах велось на греческом и сирийском языках, так как, с одной стороны, существующая церковно-религиозная литература была на этих языках, с другой — еще не было своих, национальных письмен. Поэтому на первых порах функцию учителей-наставников выполняли приехавшие вместе с Григором Лусаворичем из Кесарии Каппадокийской его греческие и сирийские сподвижники. Однако их усилий было явно недостаточно для широкого и повсеместного внедрения христианства. Возникла потребность в подготовке местных кадров, что могло быть реализовано посредством создания разветвленной школьной сети. В этом состояла главная задача, вставшая перед открытыми в начале IV века армянскими школами.

Историк Агатангелос сообщает, что католикос Григор Просветитель лично распространял христианство в восточных провинциях Армении — историческом Арцахе и основал там одну из первых в стране христианских церквей в поселении Амарас. Вскоре Амарасский монастырь стал крупным духовно-церковным и культурным центром края (Ныне находится на территории Арцахской республики).

Языковая раздвоенность армянской школы была сопряжена с раздвоенностью религиозной жизни страны. Род Просветителя традиционно получал греческое воспитание и образование и, естественно, придерживался греческой церковно-политической и культурной ориентации, а род Албианоса, получившего сирийское воспитание и образование — восточной, проперсидской или «суверенной» национальной политики, выступая против не столько распространения эл-

линской образованности[7], сколько ее гегемонии. В сложившихся условиях, когда идейные противоречия и столкновения будоражили тогдашний цивилизованный мир, упрочение христианской морали и идеологии стало одним из реальных факторов повышения нравственно-воспитательного уровня народа вообще, создания духовного единства народа, а это, в свою очередь, предполагало расширение сферы распространения просвещения, образования, наставническо-проповеднической деятельности.

После смерти Григора Просветителя учрежденные им школы вследствие неустойчивости политического положения в стране и в регионе пришли в упадок. Этим объясняется тот факт, что католикосу **Нерсесу Великому** (353 — 373 гг.) пришлось фактически заново открывать школы, к тому же более многочисленные, чем при Григоре Просветителе. Школьное дело, подбор учеников и учительских кадров находились под непосредственной опекой и контролем церкви. Программа обучения в армянских школах была схожа с программой начальных греческих школ: учеников обучали *читать, писать и считать.* Главная задача этих элементарных школ состояла в обучении чтению и устному переводу с греческого и сирийского на армянский язык текстов Священного Писания для массы верующих, а также их комментарий. Нерсес Великий ввел в армянскую церковь монастырский устав или каноны, установленные **Василием Кесарийским** *(Великим)*, согласно которым монашество в обязательном порядке должно заниматься как умственным, так и физическим трудом. При нем широкое распространение получили благотворительная деятельность, идеи милосердия, призрения больных и нищих. Были основаны различные учреждения по уходу за ними. По свидетельству армянских историков, Нерсес Великий стремился превратить страну в огромный и единый монастырь со своими всеобщими канонами, едиными порядками, нормами поведения[8].

---

[7] *Мартиросян А.* Маштоц. Ер., 1988, с. 24.
[8] *Фавстос Бузанд.* Кн. III, 13.

Монастыри постепенно превращались в очаги просвещения и образования, выполняя также функции школы. Они пришли на смену храмовым школам. Наряду с этим учреждаются также светские школы, которые содержались за счет государства, князей-нахараров, местных общин и охватывали более широкие слои населения. Примечательно, что в этих школах обучались дети и из низших слоев общества — «достойные из местных [детей]»[9]. Именно в этот период закладывается традиция по предоставлению низшим социальным сословиям права получать школьное образование, которая сохранилась и в последующие периоды армянского средневековья. Многочисленные школы, открытые в этот период, также должны были способствовать дальнейшему распространению и упрочению христианского вероучения. До изобретения армянских письмен обучение в монастырях и государственных школах продолжало вестись на греческом и сирийском языках.

С IV века, то есть с принятием христианства в качестве государственной религии и созданием широко разветвленной школьной сети значительно расширяется поток армянской молодежи в мировые центры эллинистической образованности и культуры — Александрию, Кесарию, Константинополь, Эдессу, Афины для получения высшего образования.

Принятие христианства наметило пути дальнейшего развития армянского народа и армянской государственности, ориентиры и критерии духовной жизни, культуры, мышления, мировоззрения, школы и системы образования. Христианство, хотя и с трудом, но постепенно проникало в национальное сознание, в образ жизни, в быт. Со временем оно превратилось в национальную идеологию, в мощное духовное оружие против внешних идейно-политических и духовно-религиозных притязаний.

После насильственного раздела Армении между Восточно-Римской империей и Сасанидским Ираном (380-е гг.) и окончательной потери государственной независимости (428 г.) страна на 4,5 столетия (до 885 г.) подпала в зависимое

[9] *Агатангелос.* История Армении. С. 242.

или полунезависимое положение от Сасанидского Ирана, Восточно-Римской империи и Арабского халифата. В западной (римской) части Армении царство было упразднено сразу. В Восточной же Армении хотя царство номинально просуществовало до 428 года, тем не менее опасность потери государственной целостности стала реальностью и на повестку дня был поставлен вопрос самого существования армянской государственности и нации как целостного духовно-культурного феномена. Проблемы, связанные с укреплением центральной царской власти и сохранением государственного суверенитета, уступили место другой, более трудной и судьбоносной — проблеме национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия и культуры, национальной идентичности, остатков государственности, решение которых усугублялось усиливающейся политической и религиозно-идеологической экспансией извне. Это требовало организационного и духовного единства народа. Данную историческую миссию взяла на себя армянская церковь, игравшая к этому времени главную роль в политико-идеологической и культурной жизни народа, особенно после потери политической независимости и государственной целостности[10].

Между тем христианство, несмотря на столетнее существование в качестве официальной государственной религии, на все попытки светских властей и церковных иерархов внедрить христианство в сознание широких народных масс, не смогло полностью раскрыть свои потенциальные возможности и не стало общенациональной религией, потому и не могла превратиться в единую духовную и идеологическую силу, охватывающую всю территорию Армении, все социальные слои общества. Благодаря поддержке со стороны государства Армянская церковь организационно и институционально оформилась, укрепилась как политический и социально-экономический институт, став своеобразным нахарарством (княжеством), но еще не стала символом идейного и духовного единства нации, не воспринима-

[10] Ср.: История армянского народа. Т. 2. С. 12—13.

лась национальным сознанием как выразитель и носитель общенациональных интересов.

Решению этой весьма актуальной задачи препятствовали не только историческая память народа, богатое языческое прошлое, жизненность устоявшихся в течение столетий традиционных форм мировосприятия, но и то обстоятельство, что в Армении распространение христианства и церковное богослужение велись на чуждых и непонятных для широких народных масс языках — греческом и сирийском, к тому же зачастую проповедниками-иностранцами. Это обстоятельство, естественно, порождало отчуждение и неприятие новой религии со стороны основной массы народа. Лишь незначительная часть народа, преимущественно знать, владеющая греческой и сирийской письменностью, могла понять суть и значение этой религии. Многие же приняли христианство по «принуждению, без ревностной веры, не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало»[11].

Это обстоятельство мешало полноценной и масштабной деятельности Армянской Апостольской церкви, повсеместному распространению христианства, превращению христианской религии в национальную веру, в духовно-нравственное убеждение, то есть процессу превращения ее в национальную церковь. Иными словами, будучи государственной религией, следовательно, и государственной идеологией в течение столетия, христианство не превратилось в ***общенациональную религию и общенациональную идеологию***.

Кроме того, хотя после раздела Армении обе ее части (особенно восточная) пользовались определенной внутренней самостоятельностью, однако вскоре обе соседние державы возобновили политику духовно-религиозной ассимиляции, что прежде всего проявилось в сфере языковой политики. В персидской части Армении был наложен запрет на греческий язык, являвшийся официальным языком армянской церкви, учебно-образовательной системы, культурной деятельности, деловых сношений — внутренних и внешних, а в византийской части — на сирийский и пер-

[11] *Фавстос Бузанд.* Кн. III, 13.

сидский языки, выполнявших, особенно сирийский, идентичные функции. Каждая из держав стремилась посредством языкового фактора решить вопросы духовно-религиозного и идейно-политического характера, подчинить их своим геостратегическим имперским интересам, в реализации которых Армении, вследствие ее географического и военно-стратегического положения, отводилась первостепенная роль. То есть проблема языка в конкретных исторических и политических условиях приобрела политическое содержание и направленность, выйдя за рамки сферы культуры.

Армянские идеологи, правильно ориентируясь в сложнейших политических перипетиях эпохи, пришли к выводу (возможно единственно правильному), что для решения проблем национальной самозащиты и сохранения идентичности необходимо прежде всего придать армянскому языку статус официального языка церкви, а значит — и управления, политической, культурной и школьно-образовательной деятельности. Реализация же этой задачи с необходимостью предполагала создание национальных письмен, церковно-религиозной, богослужебной, богословской, научно-философской и другой литературы на армянском языке.

Кристаллизация идеи о необходимости создания национальных письмен и ее реализация — длительный и трудный процесс, который был обусловлен не только и не столько языковой и культурной сложностью задачи, сколько наличием ряда препятствий общехристианского религиозного и идейно-политического характера. Без учета, осмысления и решения подобных проблем невозможно было даже думать, а тем более приступить к решению более конкретной задачи — созданию национальных письмен.

Создание национальных письмен было призвано, во-первых, укрепить позиции Армянской Апостольской церкви и христианского вероучения, вывести страну и народ из своеобразного тупика. Во-вторых, создать своеобразный языковой, а через это и культурный заслон на пути идейно-религиозной экспансии Ирана и домогательств покровительствуемой им сироязычной церкви — проводницы политики Сасанидов. В-третьих, усилить национальный характер Армянской церкви, предоставляя возможность на языковой

основе проводить самостоятельную церковную, а опосредовано и национальную политику.

Отнюдь не случайно, что Восточно-Римская империя впоследствии усмотрела в этом проявление центробежных, сепаратистских устремлений Армянской церкви. Вместе с тем в империи понимали, что нейтрализация в перспективе влияния сирийской церкви (соперницы греческой церкви, в том числе в борьбе за позиции и влияние внутри армянской церкви) на армянскую вполне отвечает интересам империи и греческой церкви. Что касается позиции Сасанидского Ирана, то он (как и империя) в тот период не мог проводить активную внешнюю политику и вынужден был, по-видимому, довольствоваться тем, что изобретение армянских письмен объективно противоречило также интересам греческой церкви и империи. В итоге обе державы проявили ощутимую терпимость к созданию армянского алфавита, так как политическая чаша весов в принципе не склонялась в пользу ни той, ни другой из противоборствующих соседних держав.

Таким образом, идея создания армянского алфавита явилась не «неизбежным» результатом общественного развития[12] или естественным следствием социально-экономических, политических и цивилизационных сдвигов в IV — V веках, а выражением оригинального политического мышления национальных деятелей и идеологов. Эта задача была блестяще выполнена в 405 году великим ученым и просветителем **Месропом Маштоцем** (362 — 440 гг.) при активном участии армянского католикоса **Саака Партэва** (388 — 439 гг.) и всемерном содействии царя **Врамшапуха** (388 — 414 гг.).

Культурное самосознание каждого народа воспринимает создание национальных письмен как выдающееся культурно-историческое событие, выражение степени цивилизованности, необходимая предпосылка для создания и развития собственной письменной культуры. В то же время изобретение письмен тесно связано с уровнем развития государственности, когда возникает необходимость «культур-

[12] Ср.: *Аревшатян* С. С. Формирование философской науки в Древней Армении (V-VI вв.). Изд. 2-е. Ер., 2016. С. 37.

ного обеспечения», цивилизационного обоснования военно-политического, экономического и т. д. могущества государства. В этом случае государственная политика, проводимая в сфере языка и письменной культуры вообще, выступает как «продолжение», конкретизация общегосударственной политики. Такова историческая закономерность, такова и история создания письмен у различных народов.

Однако в истории культуры, в частности, изобретения письмен известны отдельные случаи, нарушающие эту общую «закономерность», когда самому факту создания национальных письмен и национальной культуре изначально придается роль главного идейно-политического фактора, посредством которого их создатели пытаются решить актуальные государственные (или национально-политические) задачи. Иными словами, когда в соотношении культура—политика происходит изменение не только в акцентах, но и на функциональном уровне. Яркой иллюстрацией этому служит история создания армянских письмен и письменности.

Изобретение национальных письмен явилось поворотным событием в культурно-исторической жизни армянского народа и было продиктовано следующими обстоятельствами: 1) потерей государственной целостности (сер. 80-х годов IV в.) и угрозой потери государственности как таковой; 2) необходимостью создания мощного идеологического заслона с целью пресечения политико-идеологической экспансии извне и в первую очередь со стороны маздеистской Персии; 3) потребностью широкого распространения и повсеместного внедрения в народное сознание христианского учения как единственного в то время дееспособного духовно-идеологического оружия; 4) потребностью ведения богослужения на родном языке для обеспечения внутренного духовного и идейного единства народа; 5) для создания христианской переводной, а затем и оригинальной литературы.

Месроп Маштоц на основе тщательного изучения алфавитов многих цивилизованных народов и учета лучших принципов письма и графики создал алфавит более богатый по сравнению с использованными письменами, а также са-

мобытные буквенные знаки. «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» — первые слова, написанные армянскими письменами на родном языке.

Изобретение армянского алфавита сыграло непреходящую роль в духовно-интеллектуальном развитии народа, создало мощный фундамент для развертываемой борьбы за духовную и культурную самобытность, а через это и борьбы за «сохранение или восстановление национальной» или государственной независимости[13]. Хотя этот осознанный культурно-исторический акт был «опосредован потребностями церкви и религии», однако они, в свою очередь, являлись порождением конкретной политической и идеологической ситуации в стране, будучи в конечном счете подчинены общенациональным интересам.

Создание национальных письмен позволило также избавиться от «засилья» греческого и сирийского языков, духовного, политического и идеологического влияния через эти языки соответствующих христианских церквей, что означало также ***создание своеобразного культурного заслона на пути политико-идеологической агрессии стоящих за этими церквами держав*** — Восточно-Римской империи и Сасанидского Ирана.

После создания национальных письмен Маштоц при активном содействовании и участии католикоса Саака Партэва и с санкции царя Врамшапуха разворачивает бурную учебно-просветительскую и литературно-переводческую деятельность, открывает многочисленные школы для обучения армянским письменам. Центром образования и подготовки учительских кадров становится столица Армении Вагаршапат, где обучали преимущественно придворную знать и азатов. По окончании учебы юношей отправляли в разные области Армении для обучения народа армянской грамоте и распространения христианства на родном языке. Маштоц во время своих многочисленных поездок по стране открывает армянские школы, а на месте существующих греческих и сирийских школ основывает армянские, сохранив,

[13] Там же. С. 39.

однако, обучение греческому и сирийскому языкам. Он же основал и первую в Арцахе (при Амарасском монастыре) школу. Естественно, что создаваемые в Арцахе школы по своим учебным программам, содержанию учебно-образовательного процесса, формам и методам преподавания были идентичны школам в других провинциях и областях Армении.

Наиболее одаренных юношей направляли в научные и культурные центры Византии, Сирии и Александрии для совершенствования в науках, языках и подготовки к переводческой деятельности.

Важнейшим элементом разработанной Сааком Партэвом и Месропом Маштоцем программы являлось обеспечение необходимой церковно-богословской литературой на родном языке. Естественно, что на первых порах речь могла идти о переводной литературе. Поэтому Месроп Маштоц и Саак Партэв со своими многочисленными учениками, получившими прекрасное образование в лучших греческих и сирийских культурных центрах, приступили к переводу основных памятников церковно-богословской литературы, творений отцов церкви и в первую очередь — Библии, дабы «облегчить просвещение своего народа»[14]. Перевод Библии способствовал превращению армянского языка в «общенациональный литературный язык, дал официальное признание живому разговорному языку»[15].

До середины V века армянские переводчики перевели с греческого и сирийского основную церковно-богословскую литературу, в частности, произведения видных христианских писателей — **Василия Кесарийского** (330 — 379 гг.), **Иоанна Златоуста** (ок. 350 — 407 гг.), **Афанасия Александрийского** (295 — 373 гг.), **Евсевия Кесарийского** (ок. 260 — 379 гг.), **Ефрема Сирина**, **Григория Назианзина** (329/330 — 390 гг.), **Григория Нисского** (335 — после 394 г.) и др. В своей деятельности первая школа армянских переводчиков руководствовалась строгой программой, включающей основные разделы христианской литературы — библи-

[14] *Корюн*. Житие Маштоца. Ер., 1981. С. 213.
[15] *Аревшатян С. С.* Указ. работа. С. 41.

ку, герменевтику, апологетику, литургику, патристику, мартирологию и агиографию, канонику, историю[16].

К числу наиболее известных произведений, переведенных «первой школой» армянских переводчиков относятся:

1) Библия (первый перевод 405 — 409 гг., второй 432 — 435 гг.);

2) Служебники Василия Кесарийского и Иоанна Златоуста (пер. с греч.);

3) Речи и толкования различных частей Библии Иоанна Златоуста (пер. с греч.);

4) Пятнадцать духовных речей Афанасия Александрийского (пер. с греч.);

5) Толкование «Книги Бытия» и «Посланий Павла», «Слово о св. Троице», письма к Нестору и 12 проклятий Кирилла Александрийского (пер. с греч.);

6) «Предисловия и толкования Деяний Апостолов и Посланий апостола Павла» Евтихия (пер. с греч.);

7) «О 24 Посланиях к евреям» Иеронима (пер. с греч.);

8) «Церковная история» Евсевия Кесарийского (пер. с сирийского в 416 — 420 гг.);

9) «О кончине пророков» Епифания Кипрского (пер. с греч.);

10) Речи Севериана Гавальского (пер. с греч.);

11) Сочинения Евагрия Понтийского (пер. с греч., многие речи и толкования Евагрия сохранились лишь в армянском переводе);

12) Речи Евсевия Эмесского (пер. с греч.);

13) «Книга о посвящении в сан» («Катехизис») Кирилла Иерусалимского (пер. с греч.);

14) Толкования и речи Ипполита Бострийского (пер. с греч.);

15) «Беседы на Шестоднев», речи, толкования и наставления Василия Кесарийского (пер. с греч.);

---

[16] *Акинян Н.* Классический период древнеармянского языка. Вена, 1932. С. 26—27. На арм. яз.

16) «Апология христианской веры» Аристида Афинского (пер. с греч.);

17) «Хроника» Евсевия Кесарийского (пер. с греч., выполнен в 430-х гг., греческий оригинал не сохранился);

18) Речи и послание Прокла, епископа Константинопольского Сааку Партэву и Месропу Маштоцу (пер. с греч., 430-е гг.);

19) Два послания Акакия, епископа Мелитинского Сааку Партэву и Месропу Маштоцу (пер. с греч., 430-е гг.);

20) Толкования различных частей Библии, речи и молитвы Ефрема Сирина (пер, с сирийского, многие из них сохранились лишь в армянском переводе);

21) «Мученичество св. Апостола Фаддея и св. Девы Сандухт» (пер, с сирийского, 430-е гг.);

22) «О свободе воли» («О самовластии») Мефодия Олимпийского (пер. с реч., сохранилась большая часть текста в сочинении Езника Кохбаци «Опровержение лжеучений»; греческий оригинал не сохранился, 440-е гг.);

23) «Против ересей» («Panarion») Епифания Кипрского (пер. с греч., сохранились фрагменты в «Опровержении лжеучений» Езника Кохбаци);

24) «Опровержение всех ересей» («Philosophumena») Ипполита (частичный перевод, использованный Езником в его «Опровержении»);

25) «О рождестве Христовом», «О Благовещании» и др. Сочинения Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского (пер. с греч.);

26) Речи и проповеди Афраата, прозванного Мудрым Персом, приписанные Якову Нисибинскому (пер. с сирийского);

27) Речи Зеноба (Зиновия) Амидского (пер. с сирийского);

28) «Слово» Айиталы Эдесского (пер. с сирийского);

29) Речи и толкования Григория Назианзина (пер. с греч.);

30) Проповеди, речи и панегирики Григория Нисского (пер. с греч.);

31) Каноны, установленные церковными соборами в Антиохии, Гангре, Лаодикее, Неокесарии и Никее (пер. с греч.);

32) Пять апокрифических текстов — «Послание Пилата императору Тиберию», «Христос перед Понтием Пилатом», «Письмо Абгара, царя города Эдессы», «Послание Якова к Кондратию», «Поучения апостолов» (пер. с греч., кроме «Письма Абгара», переведенного с сирийского);

33) Жития отцов церкви и мученичества святых (переводы с греческого и сирийского)[17].

Приведенные и другие переводные произведения создали необходимую религиозно-литературную и догматико-богословскую базу для развертывания полномасштабной деятельности Армянской церкви, духовно-культурного и школьно-образовательного движения в стране. Переводная литература послужила также основой, мощным стимулом для становления и оригинальной армянской христианской литературы.

Переводная и оригинальная литература, созданная в первой половине V века, была призвана решать конкретные духовно-культурные и политико-идеологические задачи и была направлена главным образом против экспансионистской политики Сасанидского Ирана.

Вместе с тем Месроп Маштоц и Саак Партэв прекрасно понимали, что предпринятых усилий недостаточно, что необходимо расширить фронт борьбы и создать надежный тыл. С целью «создания единого фронта и обеспечения тыла» в деле успешного отражения религиозно-идеологической экспансии со стороны могущественных соседних держав Маштоц приступает к созданию письмен также для иверского и агванского языков и при поддержке правителей и епископов этих стран налаживает школьно-просветительское и переводческое дело, оставив там в качестве наставников и надзирателей своих учеников. В значительной мере этому способствовало то обстоятельство, что церкви этих соседних народов были тесно связаны с Ар-

[17] Данный список переводных произведений приводим по: *Аревшатян С. С.* Указ. работа. С. 44—45.

мянской Апостольской церковью и фактически «находились под той же угрозой»[18].

Укрепив таким образом тыл, Маштоц сумел распространить армянские письмена и в византийской части Армении (421 — 422 гг.), где проживала «другая часть армянского народа» (*Корюн*), и добился того, что в армянских церквах богослужение впредь уже совершалось на армянском языке. Тем самым были созданы предпосылки для обеспечения языкового и культурно-духовного единства обеих частей армянского народа, языковой автономности, ослабления вследствие этого влияния греческого языка и литературы, а одновременно, и идейно-политического подчинения.

Итак, был создан широкий фронт борьбы, было развернуто мощное культурное движение за идейную и духовную самобытность, призванных компенсировать отсутствие государственности, рудиментарность и зыбкость политической независимости.

Благодаря этому христианство, *официально* принятое в стране столетием раньше, за короткий исторический период превратилось также в ***господствующую и общенациональную*** религию, а Армянская Апостольская церковь стала выразителем и защитником общенациональных интересов, вследствие чего борьба за христианскую церковь и веру в то время правомерно отождествлялась с борьбой за национальную, государственную и политическую независимость. Национально-освободительное движение армянского народа и особенно Аварайрская битва (451 г.) явились ярким выражением идейно-политических сдвигов в национальном сознании. Мощный заслон, созданный на пути политико-идеологической экспансии Сасанидского Ирана заставил его отказаться от проводимой агрессивной захватнической политики, а Армения вскоре приобрела статус самостоятельного государства. Позиции христианства в Армении значительно укрепились, а персидская угроза отошла на второй план.

---

[18] *Абегян М.* Месроп Маштоц и создание армянского алфавита и письменности // *Корюн.*. Житие Маштоца. Ер., 1981. С. 183.

Таким образом, создание армянского алфавита и письменности было обусловлено не только и не столько потребностями церковного богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. «Основные стимулы имели не религиозно-церковный, а национально-религиозно-политический характер, и не следует особо разделять их и выискивать грани различия». Кроме того, изобретение «алфавита было порождено вовсе не необходимостью иметь церковную литературу на родном языке. Национальную письменность и национальную христианскую литературу призвали к жизни политические тенденции пробуждающегося национального самосознания и необходимость организовать сопротивление надвигающейся опасности»[19].

Создание армянского алфавита вряд ли правомерно рассматривать и как результат закономерного общественно-политического и социально-экономического развития страны. В период после раздела Армении, потери государственного суверенитета трудно говорить о развитии (тем более закономерном) указанных сфер национальной жизни. Что касается обусловленности создания национальных письмен необходимостью создания христианской церковной литературы на родном языке, то эта проблема была более актуальной особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, то есть столетием раньше. Кроме того, как показывает история других христианских народов, церковь стремилась управлять народом, направлять его, всячески подчеркивая свою богоизбранность и статус в том числе путем сакрализации официального языка церкви. Логика армянских политических деятелей и мыслителей шла в противоположном направлении — развернув на базе армянских письмен мощное культурно-духовное и идеологическое движение, обеспечить культурную самобытность и суверенитет нации, гарантию ее духовно-культурной безопасности. Изобретение национальных письмен должно было послужить основой для развития высоких форм национальной культуры — научно-философской, ис-

[19] *Мартиросян А.* Указ. работа. С. 38.

торической, художественной и др., для подъема национального сознания и самосознания. А это не только культурная, но и общеполитическая, общенациональная задача. Следовательно, стержневым, определяющим фактором был фактор ***национально-политический***, а остальные — производными и вспомогательными.

***

С 60-х годов V века на первый план выдвигается опасность духовно-идеологической экспансии со стороны Восточно-Римской империи (Византии). Победа диофизитской партии на Халкидонском соборе (451 г.) повлекла за собой новую волну ожесточенной борьбы с монофизитскими церквами. Армянская церковь, не принявшая участия в работе Собора и уклонившаяся от официального объявления своей позиции в разгоревшемся споре и следовавшая решениям первых трех Вселенских соборов, фактически оказалась в поле критики диофизитов. Усиление конфессиональных споров внутри христианского мира, экспансионистских притязаний со стороны Восточно-Римской империи и греческой церкви поставили перед Армянской церковью новую задачу: определиться в выборе религиозно-идеологической и церковно-политической ориентации, выработать соответствующую идейную концепцию.

Однако конфронтация с опытным идейным противником из христианского же лагеря требовала больших духовных и интеллектуальных усилий, логической и философской виртуозности, утонченности мысли, учета тончайших конфессиональных и мировоззренческих нюансов, умения конструировать на этой основе логически стройную и теоретически обоснованную систему воззрений. Армянским идеологам предстояло дать идейно-теоретическое и логическое обоснование своего понимания христологической и тринитарной проблем в рамках того же вероучения. Все это породило необходимость в форсированном развитии таких научных дисциплин как грамматика, риторика, логика, философия и другие, без которых невозможно было дать рациональное осмысление и решение теологических проблем.

что и обусловило «необходимость создания специальной философской и иной светской научной литературы...»[20].

Предпринятые в этом направлении шаги, однако, были адресованы главным образом ***потенциальному*** идейному противнику. Не будучи уверенными в окончательном исходе борьбы между церковно-религиозными партиями внутри империи, армянские идеологи стремились создать прочную теоретическую и духовно-интеллектуальную базу ***независимо от того, с кем придется иметь дело: с получившим в империи официальный статус диофиситством или все еще сильным монофизитством***[21]**.** Важно было другое: быть идейно и теоретически подготовленным к конфессиональным спорам с греческими теологами, независимо от того с кем придется иметь дело, к защите идейных основ национальной церковно-религиозной концепции, духовно-идеологического суверенитета.

Естественно, что в свете указанных общенациональных задач армянские теоретики и идеологи не могли довольствоваться тем античным наследием, которое они получали из вторых рук — через труды византийских мыслителей, отцов восточно-христианской церкви. Недостаточно было и того, что многие представители армянской знати получали эллинистическое образование, не только на языке оригинала изучали античное научно-философское наследие, но многие из них активно участвовали в создании эллинистической культуры, занимались преподавательской деятельностью в центрах эллинистической образованности.

В сложившейся во второй половине V века ситуации задача заключалась в другом. Необходимо было самим непосредственно обратиться к сокровищнице античной мысли, создать научно-литературную и учебно-образовательную базу для приобщения к античному наследию на армянском языке в самой Армении, включить его в школьно-образовательную систему, что обеспечило бы более массовое усвоение античности. Эта задача была выполнена армянской грекофильской (эллинофильской) школой, предста-

[20] *Аревшатян С. С.* Указ. работа. С. 149.
[21] См.: *Мирумян К. А.* Культурная самобытность. С. 59.

вители которой — **Давид Керакан** (V в.), **Лазар Парбеци** (V в.), **Мовсес Хоренаци** (V в.), **Давид Анахт** (V — VI вв.), **Анания Ширакаци** (VII в.) и многие другие получили блестящее для своего времени образование в научных и культурных центрах эллинистического мира — Александрии, Эдессе, Константинополе, Афинах.

Деятельность грекофильской школы охватывает почти три столетия: с середины V века до 20-х годов VIII века. За это время были переведены сотни сочинений выдающихся мыслителей античности и раннехристианских авторов, часть которых сохранилась только в армянском переводе, и созданы десятки оригинальных трудов. Благодаря грекофильской школе были заложены основы светского направления в армянской теоретической мысли, проделана огромная работа по разработке и кристаллизации научно-философской, естественнонаучной и грамматико-эстетической терминологии на армянском языке, внедрению достижений античной мысли в национальную систему образования.

Появление грекофильской школы, однако, нельзя объяснить одними лишь конфессиональными спорами, так как без подготовленной «первыми переводчиками» и писателями теоретико-методологической почвы ее деятельность протекала бы по крайней мере в ином русле, в других формах. Сформировавшаяся в первой половине V века традиция заключала в себе внутренние, потенциальные возможности теоретического обоснования деятельности грекофильской школы, которая затем приобрела собственную логику развития.

Деятельность грекофильской школы шла в следующих основных направлениях:

1. Переводческая, предполагающая наличие национальной письменности. Она находится в прямой зависимости от того, какие цели преследовались, какие задачи ставились и решались, насколько глубоко она затрагивала научно-философские и культурные традиции, тип и стиль мышления, систему школьного образования, потребности культурно-исторического и духовно-интеллектуального развития народа.

При наличии разработанной национально-культурной программы переводческая деятельность обычно носит целенаправленный и системный характер, что, в свою очередь, предполагает всестороннее и основательное знание античного наследия, разработку принципов и критериев подбора подлежащих переводу античных памятников, отвечающих потребностям интеллектуально-образовательной жизни страны. Таким образом, составление программы, выбор сочинений и сам процесс перевода требовали высокой языковой и философской культуры, творческого подхода, свободного «лавирования» в богатейшем античном наследии.

Как и предшествующая школа армянских переводчиков, грекофилы следовали четкой программе. Однако, в отличие от первых переводчиков, грекофилы в своей деятельности опирались на античную классификацию наук, в частности, аристотелевскую, которая впоследствии послужила основой системы средневекового образования в Армении и стала доминирующей в учебных и научных центрах того времени.

Согласно этой классификации наук человеческое знание включает разумные и практические искусства. Разумные искусства, в свою очередь, подразделяются на грамматику, риторику и диалектику (логику), то есть предметы «тривиума» (trivium), составившие основу средневекового гуманитарного образования — первую ступень высшего образования. Философия состояла из двух частей — теоретической и практической. Теоретическая философия делилась на физику (естествознание), математику и метафизику (теологию). Математика в свою очередь включала арифметику (теорию чисел), музыку (теорию), геометрию и астрономию. Эти четыре математические дисциплины — предметы «квадривиума» (quadrivium) или «точных наук» того времени — составили вторую ступень системы средневекового высшего образования. Практическая же философия делилась на этику, экономику и политику. В такой же последовательности шло и изучение указанных дисциплин в средневековых высших школах. Предметы «тривиума» и «квадривиума» —«семи свободных искусств» — составили основной стержень высшего образования и в эпоху Высокого

средневековья, в том числе в средневековых армянских университетах.

Поэтому не случайно, что первым переводным памятником стало «Искусство грамматики» греческого ученого II века до н. э. **Дионисия Фракийского.** Однако этот факт свидетельствует не об отсутствии грамматических знаний в армянской действительности, а «о создании армянской грамматической науки в той новой системе образования, которая вводилась в научную и школьную жизнь как обязательная дисциплина». Затем был переведен риторический сборник «Книга хрий» («Книга пользы»), который сохранился лишь в армянском переводе.

Армянские грекофилы, получившие первоклассное эллинистическое образование, и в совершенстве владевшие армянским, греческим и сирийским языками, перевели значительное количество произведений античной науки, философии и литературы, что послужило основой для: а) разработки армянской научной и философской терминологии, б) создания оригинальной научно-философской литературы и в) организации учебно-образовательного процесса. Это, в свою очередь, стимулировало арменизацию переводимых памятников, что, в частности, проявилось в замене греческого иллюстративного материала армянским, во включении целых пассажей, приближающих текст к армянской действительности и способствующих более лучшему его восприятию и усвоению национальным сознанием.

Особую ценность представляют переводы тех памятников античности, оригиналы которых или утеряны, или же сохранились в неполном и искаженном виде. К числу утерянных оригиналов относятся: семь работ **Филона Александрийского** (I в. до н. э. — I в.) — «О провидении», «О разуме животных», «Толкование Бытия», «Толкование Исхода», «О Самсоне», «О Ионе», «О Боге», анонимные толкования «Категорий» и «Об истолковании» **Аристотеля**, «О природе», «Ритор, О природе», «Философские определения», «Доказательство (или толкование) апостольской проповеди» видного представителя патристики **Иренея** (II в.), «Опровержение решений Халкидонского собора» **Тимофея Элура** (Александрийского).

Из работ, греческий оригинал которых дошел до нас не полностью и в искаженном виде, следует упомянуть «Прогимнасмы» **Теона Александрийского** (в греческом оригинале не достает последних четырех глав), сборник риторических произведений «Книгу хрий».

Ряд армянских переводов философско-логических произведений античности принадлежит к числу древнейших в мире. Так, армянский перевод «Введения» Порфирия является вторым после латинского, выполненного в IV веке **Марием Викторином**. Затем следует сирийский перевод **Сергия Решайнского** (ум. в 536 г.) — ученика **Иоанна Филопона** (ок. 470 — ок. 550 гг.) , за ним — арабский (IX в.). Армянские переводы «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля сделаны одновременно с первыми латинскими переводами знаменитого **Боэция** (ок. 480 — 524 гг.) и первым сирийским переводом «Об истолковании».

Значение древнеармянских переводов не ограничивается их культурно-исторической ценностью. Благодаря принципу материального перевода, высокой философской и переводческой культуре, а также блестящему знанию языков армянские грекофилы обеспечили высочайшую точность переводов, что позволяет исследователям на их основе уточнить многие греческие оригиналы, в частности, сочинений Платона, Аристотеля, Порфирия, псевдоаристотелевских работ «О мире» и «О добродетели». Вместе с тем переводы целиком или частично утраченных греческих оригиналов приобретают значение первоисточников, без которых ряд страниц мирового историко-философского и вообще культурного процесса невозможно осветить.

Анализ переводной продукции грекофильской школы позволяет выделить три основные группы: 1) выдающиеся памятники античной научно-философской мысли (Аристотеля, Платона, Дионисия Фракийского, Филона Александрийского, Порфирия и др.), 2) произведения раннехристианских мыслителей, не порвавших с традициями античного теоретического мышления (Кирилл Александрийский, Григорий Нисский, Василий Кесарийский, Немесий Эмесский и др.), 3) философско-богословские трактаты из-

вестных деятелей и теоретиков христианства (Тимофей Элур, Евтихий Константинопольский и др.).

Список известных переводов грекофильской школы:

Первый этап (с середины 450-х гг. до начала 480-х гг.)

1) «Грамматическое искусство» Дионисия Фракийского;
2) «Книга хрий»;
3) Сочинения Филона Александрийского

Не сохранившиеся на языке оригинала

а) О провидении
б) О разуме животных
в) Толкование Бытия
г) Толкование Исхода
д) О Самсоне
е) О Ионе
ё) О боге

Сохранившиеся на языке оригинала

а) О ессеях или созерцательной,
б) Жизнь мудрецов, или святых патриархов,
в) Об аллегорическом понимании божьих установлений,
г) О священниках,
д) О жертвенном алтаре,
е) О десяти заповедях,
ё) О том, что не следует прелюбодействовать.

4) «Повесть об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена;
5) «Физиолог»;
6) «Истолкование апостольской проповеди» и «Против ересей» Иренея;
7) «Определения» Гермеса Трисмегиста;
8) «О риторических упражнениях» Теона Александрийского.

Второй этап (с 480-х гг. до 510-х гг.)

1) «Опровержение» Тимофея Элура (480 — 484 гг.);

2) «Введение» Порфирия;

3) «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля;

4) «Толкование «Категорий» Аристотеля» и «Анализ книги Аристотеля «Об истолковании», приписываемые Ямблиху.

Третий этап (с 510-х гг. до 600 г.)

1) «Евтихрон», «Тимей», «Апология Сократа», «Минос» и «Законы» Платона;

2) «Определения философии», «Анализ «Введения» Порфирия», «Толкование «Категорий» Аристотеля» (приписываемые Элиасу) и «Толкование «Аналитики» Давида Анахта (Непобедимого);

3) «Всякое зло наказуемо» Григория Нисского;

4) «О разделении» (приписываемое Давиду Анахту);

5) Ананимный фрагмент «Толкования «Категорий» Аристотеля»;

6) «Решения в пяти главах» неизвестного автора (в рукописях приписывается Давиду Анахту);

7) «Толкование пяти притч Григория Назианзина» Псевдо-Нонноса;

8) «О мире» и «О добродетели» Псевдо-Аристотеля;

9) «О природе» Зенона;

10) «Ритор, о природе» и «Философские определения»;

11) «О различии природы и ипостаси» патриарха Евтихия (577 – 578 гг.)

12) «Ответы философа Секундоса императору Адриану».

Четвертый этап (с 610-х гг. до 720-х гг.)

1) «Изречения философов»;

2) «Слово о знаках зодиака» Павла Александрийского;

3) «Об облаках и знамениях» Аратоса из Сол;

4) «О рождестве Спасителя» Василия Кесарийского (660 г.);

5) «Житие папы Сильвестра» (676 г.);

6) «Шестоднев» Георгия Писиды;

7) «Церковная история» Сократа Схоластика (695 г.);

8) «О природе человека» Немесия Эмесского (712 г.);

9) «Книга ученых бесед» Кирилла Александрийского (714 — 715 гг.);

10) «О строении человека» Григория Нисского (716 г.);

11) «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О божественных именах», «О таинственной теологии» и 10 писем Псевдо-Дионисия Ареопагита (716 — 717 гг.)[22].

2. Комментаторская научно-философская литература. В многочисленных «толкованиях», «анализах», «комментариях», созданных в этот период, можно выделить три широких пласта: а) комментарии, цель которых состояла в том, чтобы сделать удобопонятными отдельные понятия, идеи или высказывания комментируемого источника, ввести их в философский и культурно-образовательный обиход, б) комментарии, ставящие целью объяснить, истолковать основную понятийно-категориальную систему, фундаментальные для конкретного трактата и данной области знания положения и идеи, отражающие основное содержание, внутреннюю логику и структуру комментируемого труда, перевести их не только на национальный язык, но и на язык своей эпохи. Вследствие этого предметом восприятия и усвоения становится произведение в целом, как целостный феномен вписываясь в научный и культурный контекст эпохи, в) литература, в которой толкование, анализ, комментарий выступают в качестве литературной формы, исследовательского метода, посредством которых армянские философы, отталкиваясь от положений греческих авторов, излагали свои взгляды, свое видение и понимание проблем на основе античных и национальных культурных и философских традиций, выработанных систем знания. В этом случае происходило своего рода углубление, развитие, детализация античных теорий, понимаемых как актуализацию теоретических и идейных потенций античной мысли в новых культурно-исторических условиях. Классическими образцами

[22] Список приводится по: *Аревшатян С. С.* Указ. работа. С. 193—195.

данной группы толкований являются три произведения Давида Анахта («Толкование "Аналитики" Аристотеля», «Анализ "Введения" Порфирия», «Толкование "Категорий" Аристотеля»).

При этом во всех трех случаях подлежащие толкованию положения и понятия имеют как выборочный, так и системный характер.

3. Самостоятельная научно-философская литература, в которой также можно выделить следующие группы: а) произведения, опирающиеся на идущие из античности философские традиции, б) произведения эклектического характера, в которых античное и христианское начала мирно сосуществуют, в) произведения, созданные на основе творческого переосмысления и синтеза античного научно-философского наследия и национальной философской мысли и представляющие более или менее разработанную систему знаний. К данной группе произведений можно отнести «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, «Определения философии» Давида Анахта, «Космографию», «Географию» и ряд других сочинений Анания Ширакаци и т. д.

Многогранная и плодотворная деятельность грекофильской школы в упомянутых направлениях способствовала широкому включению античного научно-философского и культурного наследия в контекст формирующейся армянской христианской культуры, превращению его в достояние национальной теоретической мысли и культурологического мышления, в мощный стратегический ресурс нации, обогащению учебно-литературной базы армянских школ, особенно высшего типа. В армянскую действительность были привнесены важнейшие достижения античной науки, философии и литературы — сочинения Аристотеля, Платона, Филона Александрийского, Порфирия, Дионисия Фракийского и др., создана богатая и самобытная историческая, грамматическая, философская, риторическая, натурфилософская литература, разработана соответствующая научная терминология.

Армянская духовная культура усвоила, переварила античное наследие и превратила его в важный компонент национальной культуры в рамках общей парадигмы хрис-

тианского миривоззрения. Но это могло стать возможным лишь в том случае, если созданная на базе творческого синтеза национальных, античных и христианских традиций национальная культура станет достоянием более широких народных масс. Эта задача была выполнена посредством хорошо отлаженной школьно-образовательной системы, которая стала действенным механизмом наследования античной культуры[23].

Однако сказанное отнюдь не означает, что лишь в этот период и благодаря грекофильской школе армянская интеллигенция стала приобщаться к античной науке и культуре. С трудами античных авторов образованная часть армянского общества была хорошо знакома задолго до создания армянской письменности, тем более деятельности грекофильской школы. Речь идет здесь, с одной стороны, об усвоении и распространении наследия античности на базе национальной письменности как в научных, так и учебно-просветительских целях и адресованного более широким слоям общества, с другой стороны, о включении этого наследия в новую мировоззренческую, идеологическую, культурную, морально-психологическую, школьно-образовательную систему ценностей, принципов и норм, обусловленных в свою оче*редь* ***политико-идеологическими*** процессами и связанного с ними исторического акта принятия христианства.

Подъем эллинистического начала в армянской культуре в период его повсеместного упадка обычно объясняется существующими в стране эллинистическими традициями и потребностями, возникшими в связи с обострением церковно-богословских споров в середине V века. Однако эллинистические традиции были у многих народов. Более того, если речь идет об извлечении логико-теоретического инструментария, то эта задача была в достаточной мере решена в рамках патристической философии, в частности в сочинениях Езника Кохбаци и Егишэ, факт, который наблюдается

---

[23] *Мирумян К. А.* Школьно-образовательная система в раннесредневековой Армении как фактор национальной политики // Вестник РАУ. Гум. и общ. науки, 2017. № 2.

также в трудах восточных и западных представителей патристики. Кроме того, и латинские и греческие мыслители-богословы находились по сути дела в идентичном положении.

Грекофильство школы выражалось не только «в приверженности к греческой науке, литературе и богатейшим культурным традициям греческого мира», «в научно-литературной ориентации на наследие греческой культуры, как мерила духовного развития и образованности»[24] (данная характеристика касается оценки светской эллинистической культуры в Армении в целом), не в отсутствии политической направленности и ориентации вообще, а о такой политической подоплеке, которую никак нельзя назвать прогреческой, точнее — проимперской[25]. Греческое культурное наследие в Армении призвано было решать такие задачи, которые не укладывались в рамки политических задач в отношении Армении наследницы греческого культурного мира — Византийской империи.

Приведенные соображения требуют привнесения некоторых корректив в логику рассмотрения вопроса, которые, в свою очередь, отчасти меняют и сами исходные положения.

И как бы парадоксально ни звучало, но реальные процессы, происходящие в Армении и Восточно-Римской империи, позволяют утверждать, что ***армянские грекофилы более творчески и более непосредственно обращались к греческому культурному и особенно научно-философскому наследию, чем византийские авторы.*** Именно различие в формах наследования и использования этого наследия создавало необходимые идейно-теоретические предпосылки для реализации различных культурных и научных, а через это и политических задач, что в свою очередь, подготовило мощный теоретический фундамент для противостояния византийскому культурному, идеологическому и наконец — политическому экспансионизму. Следовательно, ***борьба за идеологическую и политическую независимость сопровож-***

[24] Ср.: *Аревшатян* С. С. Указ. работа. С. 196—197.
[25] См.: *Мирумян К. А.* Культурная самобытность. С. 66—67.

далась, точнее — была опосредована борьбой за культурную самобытность, что в условиях Армении зачастую приобретала форму опосредованной, «снятой» конфронтации с политикой, проводимой соседними державами в области культуры, языка, науки, философии и образования[26]**.**

Выделение подобного исследовательского аспекта позволяет несколько иначе подойти к оценке культурно-исторической роли деятельности и научно-литературного наследия таких корифеев философии и науки раннесредневековой Армении как **Давид Анахт** и **Анания Ширакаци** (VII в.), в частности, факта возвращения Давида на родину (последнее обстоятельство молчаливо обходилось исследователями).

В рамках армянской патристической философии получили права гражданства концепция непротиворечивости, даже совместимости античной научно-философской и христианской культуры, принцип аппелирования при необходимости к языческим источникам (Езник Кохбаци), следование в известной мере традициям неоплатонической философии, в частности, пифагорейской и неоплатонической космологии и мистике чисел (Егишэ). В своей совокупности перечисленные моменты стали идейно-теоретической основой для восприятия и усвоения философской системы Давида Анахта.

У самого Давида античное знание и эллинский дух выступают в относительно чистом виде, а его философия претендовала на самостоятельное существование. Другое дело, насколько она содержала потенциальные возможности для обоснования христианского учения.

В V — VII веках в Армении наблюдается усиление эллинистического начала, светской культуры. Даже тогда, когда при **Юстиниане I Великом** (527 — 562 гг.) в Восточно-Римской империи был положен конец эллинистическим традициям (в 529 г. был закрыт последний центр эллинистической культуры и образования — Афинская академия), в Армении они не только не были прерваны, но и получили новый импульс развития, что дало основание назвать дан-

[26] См.: Там же. С. 68—69.

ный феномен «поздним эллинизмом»[27]. Данное явление, как правило, объясняется следующими факторами:

1) Наличием в Армении многовековых эллинистических традиций, охватывающих различные сферы общественной и культурной жизни страны, системы государственного устройства и правления. В этом (и только в этом) смысле следует говорить о естественном и органичном продолжении армянской эллинистической культуры и вообще эллинистических традиций как одного из основных внутренних факторов данного феномена.

2) Тем, что эти традиции выступали как средство для эффективной идейно-теоретической борьбы против халкедонитов[28], как реакция «на углубляющуюся вероисповедную и вообще идеологическую борьбу армян с византийцами»[29].

Действительно, обострение конфессиональных споров в середине V века явилось одним из внешних факторов, стимулировавших деятельность грекофильской школы, укреплявших эллинский дух в армянской культурной среде. Вместе с тем приведенные выше соображения дают основание для признания еще одного компонента, придающего политический оттенок как деятельности грекофильской школы, так и эллинистической культуре Армении того времени в целом. Это — ***усиление духа античности в период его упадка в Восточно-Римской империи, что обеспечивало научно-философскую и вообще культурную автономность, самобытность, независимость от византийской теоретической мысли, что прикрывало еще один, хотя и весьма опосредованный канал идейно-теоретического влияния и духовного подчинения могущественного соседа***[30].

Наличие указанных факторов обеспечило Армении то специфическое место, которое она занимает в истории ци-

---

[27] *Чалоян В. К.* Развитие философской мысли в Армении. М., 1974. С. 53.

[28] См.: *Аревшатян С. С.* Указ. работа. С. 142.

[29] *Еремян* С. Т. Характеристика эпохи // Культура раннефеодальной Армении: IV—VII вв. Ер., 1985. С. 20.

[30] *Мирумян К. А.* Культурная самобытность. С. 73.

вилизации в смысле отношения к античному наследию и формам его усвоения и развития. В самом деле, «V — VII вв. были временем, когда в древнем мире единственным хранителем синтезированной с христианской культурой» античной культуры являлась Армения. Они же явились теми стимулирующими причинами, которые привели к тому, что «в культурном развитии феодализирующейся Армении не было перерыва и резкого отрыва христианской культуры от «языческой» — эллинистической культуры»[31].

«Безболезненность», сама возможность такого культурно-научного явления, крена в эпоху усиления христианского мировоззрения и политико-идеологического статуса церкви в раннесредневековой Армении объясняется наличием комплекса «внешних» факторов, затеняющих в данную культурно-историческую эпоху «внутренние» закономерности. Поэтому смещение акцентов, уровней задач и целей не воспринималось как нечто неприемлемое, тем более, что предпринятые в этом направлении шаги в конечном счете служили одной цели — сохранению культурной самобытности народа, духовного единства, возрождению политической назависимости и государственной самостоятельности, то есть цели, которую преследовала в своей деятельности армянская церковь и ее идеологи, передовая и патриотически настроенная часть армянского общества[32].

Следует оговориться, что сказанное отнюдь не умаляет культурно-исторического значения византийской цивилизации и ее самобытности. Оно не означает также возрождения в той или иной форме распространенной в свое время концепции, рассматривающей византийскую культуру как регресс по сравнению с культурой античной, как слабую реминисценцию последней. Вместе с тем византийскую культуру периода перехода от античности к средневековью не следует рассматривать и с точки зрения теории континуитета, то есть непрерывного развития[33].

---

[31] *Еремян С. Т.* Указ. статья. С. 8.

[32] *Мирумян* К. А. Становление естественнонаучной мысли в Армении. Ер., 1991. С. 53.

[33] Культура Византии (IV—первая пол. VII в.). М., 1984. С. 10.

В настоящем очерке речь идет лишь о некоторой *специфике путей формирования христианской культуры в Армении и Восточно-Римской империи, о различиях, наблюдаемых в формах усвоения и включения античного культурного наследия в новую систему духовных ценностей, в новую — христианскую мировоззренческую парадигму.*

Из вышеизложенного следует, что V — VII века являются переходными в культурном развитии Армении. Именно в этот период происходит своеобразный синтез национального, античного и христианского начал, в результате чего формируется самобытная национальная культура с сильно выраженным античным духом. Подобную направленность армянской культуры, как уже отмечалось, трудно объяснить одним лишь культурным фактором, прогреческой культурной ориентацией или внутренней логикой развития национальной культуры.

Первая национальная школа была основана Месропом Маштоцем при поддержке католикоса Саака Партэва и царя Врамшапуха. В различных областях Армении открывались многочисленные школы, а функционирующие до этого греко- и сироязычные школы превращались в армяноязычные с сохранением преподавания греческого и сирийского языков.

Помимо языков, в новооткрытых национальных школах изучали арифметику, историю, музыку, богословские дисциплины, приобщались к естественнонаучным знаниям. В армянских школах обучение буквам и искусству счисления проходило одновременно — буквы армянского алфавита имели как фонетическое, так и арифметическое значение. В школах высшего типа (вардапетаранах) содержание обучения включало также предметы тривиума — грамматику, риторику, философию, литературу. Ученики приобретали и определенные педагогические знания, навыки и умения, необходимые для будущей деятельности на ниве школьного образования и проповедничества.

Новооткрытые учебные заведения по их уровню и назначению можно подразделить на школы, училища, семинарии и вардапетараны. Первоначально они открывались

государством и церковью, а с низложением династии Аршакуни — при содействии церкви и общины. В начале V века в духовно-интеллектуальной жизни страны важную роль играли государственно-светские школы, находящиеся под опекой и на содержании государства и предназначенные для относительно более широких слоев общества. Доминирующее положение занимали также духовные школы — церковно-монастырские, в которых и, особенно в монастырских высших школах, учебно-образовательная и воспитательная работа находились на сравнительно более высоком уровне. Здесь, помимо изучаемых в государственно-светских школах предметов (правописание, арифметика (логистика), музыка, религия), обучали также грамматике, риторике, философии, богословию и т. д. Одним из важнейших школьно-образовательных предметов, преподаваемых в большинстве школ, было каллиграфическое искусство. Для обеспечения учеников и учителей соответствующей учебно-образовательной литературой, создания школьных библиотек как необходимой базы для организации нормального учебного процесса, требовалось значительное количество рукописных книг, что, в свою очередь, требовало умелых переписчиков.

Эти специальные учебные заведения — вардапетараны, функционировали отдельно от начальных (элементарных школ). К числу известных вардапетаранов V — VII веков относились школы Арарата, Сюника, Аршаруника. После успешной сдачи выпускных экзаменов слушатели получали ученую степень вардапета и право на самостоятельную преподавательскую работу и проповедничество. При этом, в деятельности высших школ существовала определенная специализация по обучению и подготовке кадров. Это, в свою очередь, предполагало наличие соответствующих учебных программ. Так, Вагаршапатская высшая школа занималась преимущественно подготовкой учителей для школ различных типов, искусных каллиграфов, переводчиков и церковных деятелей. Сюникская высшая школа специализировалась на изучении философско-богословских наук и переводческому делу. Аршаруникская же высшая школа специализировалась в области каллиграфического

искусства, которое кроме искусства письма (правильное, красивое копирование рукописей) как правило включало также художественное оформление рукописных книг.

После упразднения Армянского царства Аршакидов (428 г.) государственно-светские школы были закрыты. Вместо них в VI — VII веках основываются новые церковно-монастырские и частные школы, содержащиеся на общинные средства и материальную поддержку отдельных лиц.

Важной формой высшего образования и приобщения к достижениям мировой науки и культуры оставалась отправка талантливой молодежи в западные центры науки и просвещения.

Тем не менее в V — VII веках произошли определенные сдвиги в области преподавания «семи свободных искусств»: предметов «тривиума» — грамматики, риторики и логики и наук «квадривиума» — арифметики (теории чисел), геометрии, музыки (теории музыки) и астрономии. Важную роль в деле внедрения «квадривиума» в систему высшего школьного образования сыграла естественно-математическая школа Анания Ширакаци.

Церковно-монастырские школы были доминирующими вплоть до IX века, то есть до создания Багратидского царства. В этот период светская школа отступила на второй план, а в некоторых областях и вовсе перестала функционировать. Содержание образования, обучения и воспитания в них в основном носило религиозно-этический характер.

С конца IX века, то есть возрождения армянской государственности вновь открываются светские школы. Государство само организовывало и финансировало школьное дело, определяло круг изучаемых предметов, всячески заботилось о распространении образования и просвещения. Существенному изменению подверглось содержание образования и обучения. Наряду с доминирующими в системе образования «тонкими» (или «внутренними»), то есть духовными науками, большое внимание начинают уделять изучению также «внешних» (светских) наук — грамматики, логики, философии, естественно-математических дисциплин, медицины, теории календаря и т. д.

Существовавшие в раннесредневековой Армении различные школы можно классифицировать следующим образом. По характеру они делились на духовные и светские, по форме — на государственные, общинные, монастырские, церковные, частные — домашние, по степени — на начальные (элементарные), средние и высшие. К светским школам относились государственные, общинные, частные, к духовным — монастырские и церковные.

Почти все крупные мыслители и педагоги, а также общественно-политические и духовные деятели этой эпохи в той или иной степени затрагивали вопросы образования, обучения и воспитания или сами занимались преподавательской деятельностью. Выдающимися представителями культурно-просветительской и педагогической мысли этого периода являются **Саак Партэв, Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци, Давит Анахт, Анания Ширакаци, Степанос Сюнеци** и многие др., которые в своих воззрениях аккумулировали педагогические искания и идеи своей эпохи, той или иной школы или идейного направления с учетом достижений эллинистической науки и образованности. Разумеется, развитие педагогической мысли как по форме, так и по содержанию, как в этот, так и в последующие периоды не всегда протекало по восходящей линии, а было обусловлено конкретными социально-политическими и историческими условиями.

Таким образом, идеологи армянского народа как в этот, так и в другие исторические периоды прекрасно сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и систему национальных ценностей, творчески переосмысливая их с позиций национальных интересов и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. И как бы парадоксально не звучало, но именно таким путем возможно создание действительно самобытной национальной культуры — жизнеспособной и действенной, способной решать разнородные проблемы национального бытия. ***Культурная самобытность не только не исключает, а наоборот, с необходи-***

мостью предполагает творческое заимствование, взаимовлияние, следовательно, и взаимообогащение культур. Ярким свидетельством этому является многовековая история культуры армянского народа, которую можно представить как один из множества вариантов постоянного синтеза различных культурных традиций и ценностей, а Армению как место встречи и скрещивания начал Востока и Запада. Более того, указанный процесс имеет не столько естественный или стихийный характер, сколько значение важнейшего теоретико-методологического и идейно-политического принципа.

Программной сверхидеей, пронизывающей все политическое мышление армянских деятелей, как светских, так и церковно-религиозных, была идея государственной целостности, национального единства, а с их потерей — восстановления национальной, политической и государственной независимости. ***То, что было потеряно в реальной государственно-политической сфере, они стремились сохранить в сознании армянского народа, отсутствие государственной целостности и политической независимости стремились компенсировать, заменить идейным, языковым и культурным единством народа.***

Уже беглый ретроспективный взгляд на прошлое армянского народа показывает, что его идеологам удалось в общем и целом решить эту общенациональную задачу. Важная роль в этом процессе отводилась школьно-образовательной системе и воспитанию.

Сказанное имеет не только историко-познавательное значение, оно одновременно может послужить живым уроком, образцом и для нашего поколения. Деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков фактически выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство и, особенно, школьно-образовательная система и др. Этим можно объяснить то обстоятельство, что созданию

школ, распространению просвещения, разработке общепедагогических и дидактико-методических принципов всегда уделялось особо пристальное внимание. Даже в тяжелейшие, драматические периоды истории армянского народа школьно-образовательное дело было предметом особых забот со стороны духовных и светских властей.

Выдающуюся роль в деле организации и развития школьно-образовательного процесса в раннесредневековой Армении сыграли крупные духовные деятели, мыслители и педагоги Григор Маштоц (ок. 362—450 гг.), Саак Партэв (389—439 гг.), Езник Кохбаци (ок. 380—450 гг.), Давид Непобедимый (V—VI вв.), Анания Ширакаци (605/610—685/690 гг.) и многие другие. Они в своей практической и научно-педагогической деятельности на базе синтеза эллинистических и национально-культурных традиций создали школьную систему и положили начало формирования армянской педагогической мысли, которая достигла апогея в трудах Давида Непобедимого и Анания Ширакаци.

2. ПАМЯТНИКИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV — IX вв.)

ГРИГОР ЛУСАВОРИЧ (Просветитель)[1]

(ок. 239 — 325/326 гг.)

Выдающийся армянский церковно-политический деятель, основатель армянской церкви и первый патриарх (католикос) Армении. В детстве, спасая от мести Аршакидов, его увезли в Кесарию Каппадокийскую,[2] где учился и воспитывался у епископа Фирмилиана, был крещен именем Григор. В 287 году Григор с проповеднической миссией возвращается в Армению, поступает на службу к царю ***Трдату III Великому*** *(298 — 330 гг.) и начинает готовить почву для распространения христианства в стране. Вначале его деятельность не нашла поддержки у царя, и он был даже осужден. Вскоре Трдат III оценил преимущества новой религии для упрочения центральной царской власти, обеспечения духовного и идейного единства армянского народа. В 301 году христианство было провозглашено государственной религией Великой Армении. Крещение народа происходило под непосредственным предводительством царя Трдата III и Григора, то есть «сверху». Так как народ вначале воспротивился новой религии, были использованы также силовые методы. Таким образом, Армения стала первой страной в мире, где христианство стало государственной религией. Григор вложил много труда и сил в дело распространения христианства в стране, упорядочения церковной жизни и иерархии, просвещения народа новым вероучением, за что и был прозван Лусаворичем — Просветителем. Большую*

роль он сыграл и в налаживании школьного дела в Армении. Многочисленные школы по образцу греческих и сирийских, были призваны подготовить кадры учителей и проповедников христианства для ускорения процесса христианизации страны.

КАНОНЫ[3]

III. Священник, который отдает свои деньги в наем, должен быть отлучен от церкви.

IV. Те, кто посещают дома язычников и пьют без разбора, должны каяться три года и лишь потом заслуживают причащения.

XXIII. Кто оставляет свою жену из-за ее прелюбодеяния, пусть оставляет, однако после этого он в течение года должен очищаться.

XXIV. Мужчина, который оставляет свою жену по причине ее набожности, пусть будет проклят при жизни и при смерти.

МЕСРОП МАШТОЦ
(362 — 440 гг.)

Выдающийся ученый и мыслитель, общественно-политический и духовный деятель, создатель армянского алфавита и национальной письменности, основатель первых армянских школ, «первый учитель» и «первый переводчик». Месроп Маштоц родился в селе Хацекац Таронской провинции[1] исторической Армении. Здесь же он получил первоначальное образование, овладел греческим, сирийским и персидским языками, после чего отравился в столицу Вагаршапат[2] и поступил на службу в царскую канцелярию секретарем, затем перешел на воинскую службу. С 394 года он посвящает себя отшельничеству, занимается миссионерской и подвижнической деятель-

ностью. Недоступные простому народу официальные языки армянской церкви — греческий и сирийский — препятствовали распространению христианства в стране и влиянию новой идеологии на широкие народные массы. Поэтому прогрессивные деятели армянской церкви стремясь избавиться от влияния греческой и сирийской церкви, их идейно-политических притязаний, пришли к идее о необходимости изобретения армянского алфавита и национальной письменности, создания почвы для превращения армянского языка в официальный язык Армянской Апостольской церкви. Эту назревшую социально-религиозную и духовно-культурную потребность сознает и Маштоц, с идеей реализации которой он обращается к католикосу Сааку Партэву. Идея создания армянского алфавита была одобрена и царем Врамшапухом[3].

Царь сообщил также, что некий сирийский епископ Даниил нашел армянские письмена, по получении которых Маштоц, собрав учеников, стал обучать их так называемым «данииловым письменам». Но вскоре обнаружилось, что они не соответствуют фонетическому строю армянского языка. Тогда с санкции царя и католикоса Маштоц с группой учеников отправляется в Эдессу[4], где на основе тщательного изучения алфавитов цивилизованных языков и учета лучших принципов письма и графики создает армянский алфавит, значительно богатый по сравнению с использованными алфавитами, самобытные буквенные знаки. Порядок же расположения букв в армянском алфавите, по мнению исследователей, в основном соответствует греческому. «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума» — первые слова, написанные армянским алфавитом на родном языке. Научные исследования показали, что к числу основных принципов армянского алфавита относятся: 1) каждому звуку армянского языка соответствует одна буква и наоборот, за исключением ***у****; 2) в отличие от большинства алфавитов того времени, в основу маштоцевского алфавита был положен принцип горизонтального письма слева направо; 3) отсутствие в армянском алфавите диакритических знаков, характерных для многих алфавитов эпохи (в том чис-*

ле и греческого); 4) принцип фонемного письма. Перечисленные качества и определили совершенство армянского алфавита, не претерпевшего существенных изменений вплоть до наших дней. Изобретение армянского алфавита сыграло неоценимую роль в духовном и интеллектуальном развитии народа, послужило основой для развертывания борьбы за культурную самобытность, сохранение или восстановление национальной (или государственной) независимости. Однако этот осознанный и исторически обусловленный акт был опосредован также интересами Армянской церкви и церковно-религиозной идеологии.

Маштоц вместе с Сааком Партэвом[5] развертывает бурную учебно-просветительскую и литературно-переводческую деятельность, открывает многочисленные школы. Центром образования, просвещения и подготовки учителей и наставников становится столица Вагаршапат. По окончании учебы ученики отправлялись в разные области Армении для обучения армянской грамоте и словесности, а наиболее одаренные — в Византию, Сирию и Александрию для совершенствования в науках, языках и переводческой деятельности.

Маштоц создает письмена также для иберийского и агванского языков, после чего, получив одобрение и санкцию восточно-римского императора, отправляется в западную часть Армении для основания школ и распространения армянской грамоты среди этой части армянского народа. Основав там школы и упорядочив учебно-образовательную систему, он возвращается в Восточную Армению и до конца своей жизни занимается литературно-просветительской и переводческой работой. 45 лет своей жизни он посвятил великому делу образования и просвещения родного народа. Он иногда объезжал основанные им школы, знакомился с состоянием школьного дела и выступал с проповедями перед народом.

На склоне лет Маштоц стал сочинять назидательно-поучительные проповеди-речи, размноженные списки которых рассылались во все концы Армении. Таким способом великий учитель и подвижник продолжал поддерживать связь с народом, наставляя и просвещая его. Эти

проповеди впоследствии были сведены в один сборник («Многовещательные речи»).

Вместе с его «Поучением Григора Лусаворича (Просветителя)» «Многовещательные речи» явились первыми оригинальными трудами, созданными на базе национальной письменности и первыми памятниками армянской патристической литературы. В них наряду с апологетикой содержится значительный пласт философских и естественно-научных идей, выдержанных главным образом в духе христианского учения. В своих произведениях Маштоц стремился представить в доступной для народа форме основы христианского учения на родном языке и обосновать его преимущество по сравнению с языческими учениями, что в свою очередь требовало основательной критики языческого миропонимания, продиктованной как религиозными домогательствами маздеистской Персии, так и остатками языческих верований, идейных течений и философских учений, возникших в древней Армении. Просветительный характер маштоцевской критики язычества был продиктован необходимостью ликвидировать внутреннюю опасность, идейную разобщенность, объединить народ единой идеологией, организовать общий фронт борьбы для отражения внешней политико-идеологической экспансии.

Долгое время «Поучение» и «Многовещательные речи» традиционно приписывались основоположнику армянской церкви и первому католикосу Григору Лусаворичу.

МНОГОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ[6]

И дал [Бог] нам, самовластным творениям двух наставников как сыну своему — страх и благовещание: трепетать от страха [божьего] и избегать зла, стремиться к добру и идти по пути справедливости. И ради этого дал [Бог] пророков и апостолов, патриархов и вардапетов и учителей-наставников, дабы сделать нас опытными, сведущими и искусными, постигающими добрые намерения Бога [С. 17].

Грехи наши раздражают, гневят Бога и он наставляет нас наказанием и в гневе проявляет милосердие, дабы наставленные мы обрели испытание от Творца [С. 20].

Для преисполненных благостью мысли и благочестивых достаточно и немногих слов предостережения, чтобы наставить на путь истины, а для неверных и лишенных дарований, мысли которых затуманены и далеки от этой благости, и многочисленные назидания не приносят никакой пользы. Итак, внимай всем священным наставлениям, которым просвещаемся мысленным светом, который является светозарным и нет в нем даже частицы тьмы. [С. 42].

Тот, кто обучен кузнечному или ювелирному делу или другому искусству содержит в своем уме образ [создаваемой] вещи и готовую вещь и всегда старается, чтобы приготовить красивое оружие или украшение или какую-нибудь другую вещь. Точно также и врачи, которые по кровеносным жилам определяют болезнь и с помощью лекарств дарят [людям] здоровье. Так же и портной, и строитель, и земледелец, и повар, а также и другие искусства, существующие ради [удовлетворения] нужд человека, не поистине ли от божьей милости имеют разумение, и которые достойны всяческих похвал и почестей, а также того вознаграждения, которое они получают. А те, кто своей нерадивостью и с презрением злоумышляет сходственно искусству ремесел, то они делают их бесполезными. И от нерадивости уводят мысль от упомянутых искусств и появляется уродливость и беспорядок сообразно их невразумительности, и искусства приходят в упадок. И дело это становится достойным презрения и непригодным, а представители этих искусств оказываются отвергнутыми и опороченными, осуждаемые со стороны каждого. [С. 52—53].

По своей природе ни зло, взятое в отдельности не является злом, ни добро —добром, а лишь в человеческом разуме содержится возможность быть добрым или злым. Так как с любовью к Богу любить добро и ненавидеть зло значит утверждать добро, а ненавидеть добро и любить зло является злом. Завидовать добру и быть добрым является доб-

ром, а [завидовать] злу — злом. И зависть подобным же образом. Желать добра есть добро, а желать зла — зло. Желание то же самое. Точно также в каждом добром и злом деянии можно узреть зависть и желание, так как Всевышний посеял в людях добро и наделил их свободной волей, дабы они стремились к добру или ко злу как сами они того пожелают. А благодеяние против зла, согласно святым, достойно славы и почести. [С. 56].

Бог устроил мир подобно школе, чтобы [разумные] создания научились постепенно познавать старание Творца в сотворении и устроении мироздания, как видимые, так и невидимые вещи. Он (Бог) и само познание своих созданий устроил по образцу [обучения] знакам письменности и дал им [соответствующие] названия, чтобы наименования дали [возможность] отличать буквенные знаки друг от друга и составлять слова на основе букв. [С. 71—72].

Свет [разума] побуждает людей ко всяким полезным вещам, ибо всякое изобретение в мире есть [результат] человеческого труда или искусства — будь то кузнечное дело или земледелие, будь то путешествие или другие различные полезные искусства, дарованных Богом самовластным существам в знак уважения как сынам своим в помощь [С. 72—73].

Слава и хула, уступая друг другу, пребывают в себе, а если преступают меру, то наносят духовные и телесные раны как это хорошо известно всем. И по наименованиям мы познаем вещи. Точно так же благодеяние и наказание не едины. И оба они необходимы в земной жизни, ибо одно из них побуждает к добрым делам, а другое препятствует впаданию в грехи, смягчает проступки, направляя людей к добру [С. 74].

Глупость и мудрость необходимы для земной жизни. Глупец с преклонением и послушанием относится к мудрецу, осведомляясь у него о добре, так как мудрость обладает напутствующей мыслью, которая поучает и направляет по праведному пути [С. 75].

Подобно тому как земля принимая добрые семена дает добрые всходы, возвращая нам сторицей, точно так же впитанные нами наставления [вардапетов] дают многократную пользу благодаря [нашей] свободной воле [С. 104].

Подобно тому как душа находится в гармонии с телом и укрепляется вместе с телесным ростом, точно так же разумная [часть] души исследует все и отделяет хорошее (доброе) от дурного (злого) [С. 122—123].

Когда благодаря питанию тело растет и переходит в зрелый возраст, то по мере роста тела и при помощи наставлений учителей и обучения искусствам разумная и мыслящая душа соответственно проявляет знание и мудрость [С. 148].

Хочу писать и наставлять вас, братья и дети мои. Так как те, кто посвящает себя доброму делу и обучению истине (справедливости), тем самым они уже остерегаются зла и различными способами размышляют о добродеянии, дабы стать примером добродетели и обучать [этому] всегда. [С. 187].

Как младенцы, которые не могут словами потребовать от матерей нужное им, а слезами дают понять об этом и добиваются чрезмерным старанием, так как не перестают плакать до тех пор, пока мать не удовлетворит их нужду, после чего перестают [плакать], смеются и успокаиваются, точно так же и нам надлежит быть в отношении всеблагого Господа, который печется о нас невидимой любовью Творца [С. 205].

ИСТОРИЯ СВ. ПАТРИАРХА СААКА И ВАРДАПЕТА МАШТОЦА[7]

В это же самое время и великий Месроп неустанно трудится над созданием нашей письменности, дабы освободить [язык] наш от вычурного, шепелявого, ломаного греческого. Особенно же потому, что весьма многое оставалось недоступным для нас из духовной сокровищницы вследствие иноязычной речи и чуждой [нам] письменности.

И если поблизости не бывало св. Саака или великого Месропа, никто не мог понять смысла Св. писания, тщетно прислушиваясь и напрасно силясь [вникнуть в содержание]. Посему блаженный Месроп возлагает на себя великую заботу и, в надежде найти выход из создавшегося положения, не перестает странствовать по различным странам, однако не находит решения. Он отправляется в Сирию к некоему грамматику, по имени Даниил, и возвращается ни с чем; пускается в путь в Эдессу к известному ритору Епифанию, но и здесь, не получив никакой пользы, он терзается теми же заботами. Ибо выход из положения зависит от Бога, а не от людей.

И вот, как в древности Бог даровал Израилю через Моисея[8] древние заповеди, так и великий сей дар был пожалован нашему народу Богом [...] Блаженный муж Месроп, имея при себе 40 учеников, живет в горах и пещерах во власянице, ходит босой, проводит ночи в бодрствовании и неумолчных молитвах, прося Бога об этом [даре] И вот святому и счастливому вардапету Месропу предстало видение, не во сне и не наяву, а в самом сердце [увидел он] писавшую десницу, которой были даны нам божественные письмена. И если пророк говорит, что написанное на плотяных скрижалях сердца гораздо [славнее] того, что написано на каменных скрижалях, то и пожалованные нам письмена не уступают заповедям, дарованным через первопророка Моисея [С. 36—37].

Придя к св. Сааку, великий Месроп принес с собой божественный дар, т. е. письмена нашего языка, пожалованные Божьей благодатью. Чрезвычайно обрадовавшись этому св. Саак вознес большую благодарственную молитву всеблагому Богу [...] Поистине, — [говорил он], — Господь воздал нам не по грехам нашим, приумножив милость свою к имеющим страх Божий, он отдалил от нас темное невежество наше и, смилостившись над творениями рук своих, возвеличил нас по своему щедрому человеколюбию, создав для нас [письмена]... Ныне слепые узрят, глухие услышат, выправится хромота языка нашего, который не мог говорить на горловом сирийском и шепелявить на ломаном гре-

ческом. Ныне будут истолкованы труднодоступные языки, и слабость наша, идущая от невежества нашего, во славу и хвалу человеколюбивого Бога, сменится силой. Впредь никто не скажет «хуж»[9] и не услышит «дуж»[10], но из уст народа, прославляющего служителей [церкви], будет раздаваться «аминь», и он, внимая, будет слушать чтеца; простолюдин познает величие Божьих заповедей, крестьянин воздаст хвалу Господу-Чудотворцу. Отныне никто не будет нуждаться в переводе и ни один не обратится к другому со словами: «Прочти мне это». А обьединенные общностью мысли в самой [Армении] и за ее пределами, далекие и близкие, от мала до велика — все познают истину, все познают справедливость и будут прославлять вознаградителя. Уста разомкнулись, рассеялся мрак, столп облака освещает [нам путь], духовная грудь вскармливает [нас], поглощаемая без разбора [неоднородная духовная] пища сменилась истиной [С. 37—38].

По приказу великого Саака тотчас же отбираются умные, смышленые, рассудительные ученики, обладающие нежным голосом. Он открывает в разных областях школы, обучение в которых ведется с великим упорством.

Так были изобретены наши письмена на 120 году рождения св. Григория[11]. До этого они испытывали затруднения при использовании иноязычных книг. Посему святые мужи особенно пекутся о скорейшем обучении юношей на местах. Отбирают 60 особо любознательных учеников, обладающих голосом и долгим дыханием, и посылают к разным народам и языкам чужих краев изучать философию и риторику и делать переводы. Среди них были Мовсес Хоренаци[12] и брат его Мамбрэ[13], Давид Непобедимый[14] и Егишэ[15], Иосеп[16], Езнак[17], Ардзан[18], Аган[19], Муше[20] и многие другие, отправившиеся с ними в Александрию, Византию, Афины и иные страны изучать философию подобно другим народам, ибо в то время у всех народов замечалась тяга к учению и в мире процветали науки.

Так [св. Саак и великий Месроп] собирают всех наших [учеников], одевают, снаряжают, подготавливают и отправляют в путь. И они пускаются в длительное странствие [С. 38—39].

По их примеру многие во все века и времена вступали на ту же стезю, посвятив себя благим делам. Готовя себя к тяжелому труду, они дерзают, бодрствуют по ночам, трудятся, приобретают [знания], обучая, наставляя, направляя [других], проявляя любознательность. Готовя себя для полезных трудов и благих дел, одни осваивают каллиграфию, другие постигают содержание наук — [изучают] математику, естествознание, геометрию, арифметику, музыку, астрономию, грамматику и поэзию, практическую и теоретическую философию с ее двенадцатью разделами. Одним [ученым] они становятся равны по своим знаниям, других — превосходят, третьих — приводят в изумление. Своим упорством, любознательностью, исследовательским [умом], ученостью, изобретательностью для иных становятся примером, достойным подражания. С некоторыми [избранными мудрецами] общаются, становясь равными им по знаниям, с другими [не спорят], не удостаивая их ответа; с сотоварищами приятны в обращении, со служителями приветливы, любознательны, пытливы, прилежны, старательны, трудолюбивы, рачительны, ревностны и самоотверженны в науках, книголюбивы [...]

Они возвращаются в Армению с огромными богатствами — купцы [наши] духовные [...], имевшие при себе прибыльный и полезный груз — чудесные жемчуга и драгоценные каменья, обогатившие [нас] полемическими, судебными, торжественными и богословскими трудами и пустившие в них желанные корни мудрости. Многих они научили тому, что значит знание, воображение, разум, мнение и ощущение, искусство и наука и все остальное [С. 39].

По возвращении из многолетнего странствия духовные купцы наши не нашли пославших их [людей] — святых уже не было в живых, царство было низложено, благолепие [страны] разрушено, прилежания не было, царил беспорядок, померкла истина и укоренилась ложь. [Видя это], они стали скорбеть и рыдать, стенать и, проливая слезы, со стонами причитать [...] Напрасны были наш долгий путь, величайшие лишения, огромные труды, странствия по бурному

морю, приобретения на суше, напрасны накопленные драгоценные грузы. Покупатели готовые стоим, но нет продавцов, Венец близок и венцевозлагатели согласны, но нет венчающихся. Уста полны речей и вестники мудры, но нет нуждающихся в слове. Кормилицы близки и груди полны молока, но нет желающих кормиться. Вот ученые и возвышенное учение, но нет учеников [С. 40].

И великий Месроп, после столь огромных трудов по изобретении нашей письменности, данной нам благодатью Божьей, и повсеместного основания школ для юношей [...] направляет свои стопы в Иверию и там создает для их языка алфавит, открывает для них школы и ставит учителей. После этого он отправляется в Агванк[21] и создает письменность также для их горлового варварского языка, открывает и там школы, согласно пословице — «От львиной охоты кормится множество лис, и при венчании престолонаследника на царство богатеют многие принцы» [С. 42—43].

Они (Саак Партэв и Месроп Маштоц — К. М.) открыватели письма, смысла алфавита и слогов, возвышенных букв с долгим дыханием, одевшие нематериальное в материальное. О, дивные достохвальные письмена! О, изумительные знаки, великолепно очерченные! Героическая ступень нашего подъема, непознанная и познанная, близкая и далекая! Безгласная и красноречивая, словоохотливая и молчаливая! Гонец наш, постоянно скачущий на оседланном коне! Бескрылая птица! Безногий ходок, оставаясь, ты в то же время уходишь, быстрый и неподвижный, пребывающий на месте и не имеющий места, телесный и бестелесный. Четырьмя [органами] чувств служат тебе разумные существа — они переполняются, оставаясь пустыми, прорываются, оставаясь порожними, насыщаются, оставаясь голодными. Как же теперь тебя называть? Мысленным или осязаемым, небесным или земным, божественным или человеческим — не знаю, каким словом тебя назвать [...]

Древнейшие письмена были открыты Енохом, седьмым [человеком] после Адама [...] Вторые [письмена], начертанные глиной, были найдены на башне, откуда переня-

ли халдеи свою письменность, а от них позаимствовали латиняне. Итак, письменность всех народов является плодом изобретательности людей, за исключением письменности армян и израильтян, которым она была дарована Богом. И поскольку вначале человеческая природа была чиста, люди хранили память о величайших делах милосердного Бога. Но после того, как наша природа погрязла в грехах, ею овладело забвение, вследствие этого было решено чрез посредство письмен вновь восстановить в нашей памяти чудотворения Бога. Однако апостолы Божьи, получившие нетленную природу, не хотели письмом говорить людям о чудотворениях — воплощениях Глагола Божия, поскольку все люди, храня в памяти дела Божьи, пожелали бы стать такими же, как они. Но они не смогли ограничиться [устным повествованием] и вынуждены были написать для верующих заповеди Божьи. И, как уже было сказано, израильтянам письменность была дарована Богом через первопророка Моисея, с помощью которого по велению Божьему они получили [древние] заповеди. В новое же время лишь нам были дарованы Богом письмена — через св. Саака, имя которого значит «радость», и великого Месропа, что значит «серафимовидец» [С. 45—46].

СААК ПАРТЭВ
(389 — 439 гг.)

Армянский католикос[1], крупный культурно-политический деятель, «первый учитель» и «первый переводчик»[2]. Он был сыном знаменитого армянского католикоса Нерсеса Великого. Саак Партэв получил прекрасное греческое образование и придерживался греческой ориентации. Владел также сирийским и персидским языками. Активно поддерживал Маштоца в создании армянского алфавита. После изобретения армянских письмен Саак Партэв вместе с Маштоцем и с санкции армянского царя Врамшапуха разворачивает бурную школьно-просветительскую и литературно-переводческую деятельность.

Он становится организатором и одним из руководителей школьно-образовательного дела в Армении. По его инициативе и непосредственном содействии были открыты многочисленные школы, куда привлекались представители различных сословий, в том числе и царского двора, обучением которых занимался лично Саак Партэв.

Особое значение имел перевод Библии. Саак Партэв сыграл в этом деле первостепенную роль. В 405 — 409 годах он перевел с сирийского языка на армянский основные части Библии, а в 430-е годы вместе с Маштоцем и Кохбаци сверил данный перевод с привезенным из Константинополя (432 г.) отборным греческим текстом Септуагинты. Так появился новый и окончательный вариант армянского перевода, который позднейшие исследователи назвали «царицей переводов»[3]. Перевод Библии сыграл непреходящую роль в становлении и развитии древнеармянской литературы и науки, литературного языка и стиля. Саак Партэв перевел или участвовал в переводе и других памятников догматического и богословского характера.

Кроме того, ему приписываются «Каноны» и послания константинопольскому патриарху Проклу и епископу Мелитенскому Акакию (по два ответных послания, написанных вместе с Месропом Маштоцем).

Будучи широко образованным и эрудированным человеком, Саак Партэв в своей педагогической и литературной деятельности уделял большое значение вопросам воспитания и просвещения, которые он подчинил одной цели — сделать доступным и понятным для самых широких слоев народа христианское учение. Монастырские, церковные и другие школы, по его мнению, должны стать очагами просвещения, так как от уровня организации школьного дела зависит и дело просвещения. Он требует от всех родителей, в особенности представителей духовенства, отдавать своих детей в школу для совершенствования в знаниях, рассматривая это как богоугодное дело, ибо знания совершенствуют и украшают души человеческие. Приобретение знаний, книжная премудрость необходимы для всех и в первую очередь для духовных

пастырей, достоинство которых проявляется в их «отношении к наукам». Он особо подчеркивает значение и силу личного примера, правильных советов и назиданий наставников, требуя также учить не только словом, но и делом.

КАНОНЫ[4]

10. Поэтому [вы] должны непрестанно сохранять (держать) убранными школы в монастырях и других достойных местах, дабы озаренные светом божественных заповедей просветили бы всех, ибо когда вероисповедание и глава церкви будут достойными, тем более [таковым будет] и народ. И если кто-то из прихожан окажется нерадивым, [то] добродетельной жизнью легко направить его на путь истинный, так как немало таких обязанностей и забот [лежит] на хорепископе — навещать прихожан и расследовать их поступки и в соответствии с прилежанием в [исполнении] обета воздержаний (поста) и молитвами утешать проповедью священных книг, спасти впавших в грех и дать [нужные] советы для воспитания и сохранения непорочной веры.

13. Любезным братьям иереям и монахам, так как из различных мест поступило к нам обвинение на пристрастных к мирскому священников [относительно того] как нерадиво отправляют они службу церковную и [читают] молитвы и все другие важные настоятельства, [и] особенно презирают науки, ибо говорят, что они сами [мол] не обучены и [поэтому] детей своих не отдают в школу. И по причине [своего] невежества [таковые] недостойны сана священника. Нам же они [доставляют] оскорбление и беспокойство, так как опустошаются по их причине [души людские] и [остаются] вовсе несведущими и неутешными в Священных Книгах. То, что вы услышали о них, узнали и мы и многое поняли, потому что во многих местах не нашли кого-либо достойного сана священника по причине их невежества, а народ пребывает в варварстве, оставаясь непросвещенным и мы в нерешимости, обеспокоенные [этим состоянием] не нашли [нужным] рукоположить их в священники, а удалив

их из обители другим — достойным и сведущим [людям] пожаловали их место [...]

И все ваше достоинство проявится в вашем отношении к наукам и в должном отправлении церковной службы, [в умении] убедить и уверить народ в доброе наставление и скромность.

14. Итак, выкиньте из себя впредь подобное бесчестие и детей своих отдавайте в школу и знайте: дабы стали они сведущими, совершенными [в науках], ибо как слепота глаз противна телу, также и невежество души противно Богу, особенно [это касается] священников.

26. Наставляйте также народ, чтобы избегали, были подальше от всякого рода пороков и разврата: от обжорства, бражничанья, свары, от обмана нищих и своих друзей, [дабы не были] спорщиком, товарищем в складчине, коварными, дабы ненавидели прелюбодеев, воров, блудников, разбойников, чтобы совсем не общались с подобными [людьми] и не давали [им] пристанища [...]

Пусть воспитывают и поучают детей своих в страхе перед божественными заповедями, так как [только] подобной воздержанностью доброе намерение, упование их души приобщатся к Богу и [найдут] посредничество, украсят тело всяким здоровьем.

27. Предпишите им (прихожанам), дабы отроки не разговаривали с невестами, не совершали [обряд] венчания без их [предварительного] знакомства друг с другом и обоюдного согласия. А вы, священники, не благославляйте вовсе бракосочетание (венец) отроков до исполнения их совершеннолетия. А тех, которые достигли совершеннолетия, но не узрели друг друга и дали согласие [на брак], не смейте благославлять без [предварительного] расследования и расспрашивания (опроса) их самолично — может статься, что по принуждению родителей, а не по доброй воле дали свое согласие. И [освящение] такой свадьбы не смейте брать на себя, так как на сегодняшний день от подобных беспорядков множество бед наступило в стране — как духовных, так и телесных.

КОРЮН
(V в.)

Ученик Месропа Маштоца, один из первых учителей армянской грамоты и словесности, Корюн учился в вагаршапатской школе, затем учительствовал в различных областях Армении. В 424 году Корюн был отправлен в Константинополь для углубления в греческой литературе, языках и подготовки к переводческой работе. По возвращении на родину он занимается педагогической и просветительской деятельностью. Около 443 года Корюн приступает к изложению «Истории жизни» своего учителя. Будучи современником изобретения армянских письмен, Корюн глубоко сознавал всю значимость этого события в духовной и культурной жизни народа, поэтому обстоятельно описывает историю жизни, педагогическую и литературную деятельность Маштоца. Ценность первоисточника имеют также сообщаемые им сведения относительно состояния школьного дела и образования в соседних странах — Иверии и Агванке. Многогранная просветительская и наставническая деятельность Маштоца (и Саака Партэва) имеет, по мнению Корюна, также и назидательный характер, — образы этих великих просветителей являются живым примером не только для их непосредственных учеников и слушателей, но и для грядущих поколений армянской молодежи, посвятивших себя делу образования, обучения и воспитания. Он убежден, что личный пример и морально-нравственные качества учителя имеют первостепенное значение в сложном процессе обучения и воспитания подрастающего поколения. К числу необходимых и важнейших личных качеств и способностей настоящего учителя, по Корюну, относятся: повседневное и безустанное углубление в книги; жажда просветления и обогащения знаниями; постоянное стремление к совершенствованию своих знаний и добродетелей, усвоение духовных и культурных ценностей прошлого; передача приобретенных знаний и добродетелей ученикам и др.

Это — первое произведение исторического характера в раннесредневековой Армении. В нем впервые в армянской литературе использована хронология.

ЖИТИЕ МАШТОЦА[1]

(2)

Но прежде всего предварим сие [повествование] предисловием: позволительно ли написать житие мужей совершенных? Мы не будем красноречиво рассуждать, с собственным мнением вступая в спор, а лишь имеющимися примерами докажем обратное. Ибо благодетель Господь столь доброжелательно относится к своим любимцам, что не только не считает достаточным прекрасное и наивысшее воздаяние им в непреходящей вечности за [их] благочестивую жизнь, но и прежде того здесь (на этом свете) повествовать о них, дабы они в своей преходящей жизни, возвышенно прославившись в книгах, засияли и духовным и телесным сиянием [С. 197—198]

(6)

И после многих дней пребывания там по тому же [делу][2], прибыл он (Маштоц — К. М.) к святому католикосу Великой Армении, по имени Саак, который одобрил его мысли и выразил готовность помочь ему в той заботе [...]

Затем пожалован был им от всеблагого Бога созыв совета блаженных братьев, пекущихся о стране [армянской], дабы создать алфавит для армянского народа.

Долго они занимались расспросами и поисками и много трудностей претерпели. Затем они оповестили о непрестанном поиске своем царя армянского Врамшапуха.

Тогда царь рассказал им о неком сирийце, благочестивом епископе по имени Даниэл, внезапно нашедшем письмена алфавита армянского народа. И когда царь рассказал об этой находке, они уговорили царя об их обретении [...]

Затем блаженные радетели, взяв внезапно найденные [письмена], попросили еще у царя отроков, дабы иметь возможность применить [на деле] письмена. И когда многие из них усвоили, приказал [царь] повсюду обучать этими же [письменами]. Тем самым блаженный [Маштоц] был удостоен прекрасного звания вардапета[3]. Около двух лет он занимался преподаванием и вел [занятия] этими письменами.

Но когда выяснилось, что эти письмена недостаточны, чтобы выразить [все] силлабы-слоги армянского языка, поскольку эти письмена были погребены под другими письменами и [затем] воскрешены, тогда они вновь стали хлопотать о том же и некоторое время искали выхода [из положения] [С. 203]

(7)

Потому и блаженный Маштоц, по велению царя [Врамшапуха] и с согласия святого Саака, взял с собой группу отроков и, простившись друг с другом священным лобзанием, двинулся в путь в пятом году царствования царя армянского Врамшапуха и прибыл в страну Арама[4], в два сирийских города, из коих первый называется Эдессой, а второй — Амидом[5].

А любящий своих учеников вардапет [Маштоц], разделив на две группы отроков, поехавших с ним, поставил одних [изучать] сирийскую письменность [в городе Эдессе], а других отправил оттуда в город Самосат[6] [изучать] греческую письменность [С. 204].

(8)

Так претерпел он (Маштоц — К. М.) много лишений в [деле] оказания доброй помощи своему народу. И ему было даровано такое счастье всемилостивейшим Богом святой десницей своей, он, как отец, породил новое и чудесное дитя — письмена армянского языка. И там[7] он поспешно начертал, дал названия и расставил [письмена по порядку], расположил [их] по силлабам-слогам [...]

Там же (в Самосате — К. М.) он нашел некоего каллиграфа греческой письменности по имени Ропанос, с помощью которого он оформил и окончательно начертал все различия письмен (букв) — тонких и жирных, коротких и длинных, отдельных и двойных и приступил к переводам вместе с двумя мужами, учениками своими... [С. 204]

Начали они перевод Библии с притчей Соломоновых, где в самом начале он (Соломон) предлагает познать мудрость, говоря: «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» [С. 205]

(9)

Даже великий Моисей не так ликовал, спускаясь с горы Синайской; не скажем, что больше, а гораздо меньше [радовался]. Ибо муж-боговидец, получив у Бога богописанные заповеди и держа их в руках, спускался с горы; но был он печален из-за неблагодарного народа, который, повернувшись спиной к господнему и пав ниц, вероломно поклонялся идолу, отлитому им самим, чем заставил носителя заповедей Божьих сокрушаться сердцем и горько рыдать, ибо по сокрушенным скрижалям очевидна была скорбь несшего их. Но с этим блаженным (т.е. Маштоцем)... случилось не так, как это было в примере том [С. 205]

(10)

Вскоре [Маштоц] получил повеление царя начать [обучение] с диких [жителей] краев маров, которые были труднодоступны не только из-за дьявольско-сатанинских чудовищных нравов, но также из-за весьма ломаного и грубого языка. Долгие годы, взявшись за воспитание многих отроков, они (Маштоц и соратники его) сделали их ясноговорящими, красноречивыми, образованными, ознакомили их с мудростью, дарованной Богом. И так глубоко они вникли в законы и заветы [Господа], что даже вовсе вышли из своего прежнего естественного (грубого) состояния [С. 206]

(11)

Затем принялись они (Саак, Маштоц и ученики) боготворным трудом [своим] за евангельскую науку — переводить, переписывать, обучать, особенно следуя высоким повелениям, возвещенным Господом свыше, данным блаженному Моисею — записывать в книге обо всех происшедших событиях, дабы сохранить [память о них] на грядущие времена [С. 206]

(12)

И когда убедились в правильности созданного (т. е. алфавита), они (Маштоц и Саак) с еще большим усердием и еще большей смелостью [начали] собирать учеников для новонайденного учения, чтобы обучать, наставлять и подгото-

вить их для распространения [учения] среди невежественных людей. Впрочем, они сами с разных концов и областей страны Армении устремлялись и прибывали к пробившемуся роднику божественного учения [...]

И в самом деле, они, столпы церкви, начали смелой рукой творить дело евангелистов Христа, группами направлять в разные края, в разные гавары и местности страны Армении учеников правды, достигших совершенства в учении, достаточного для обучения других. Примером и каноном для них они (Маштоц и Саак) ставили деяния свои и наставляли придерживаться этих канонов.

Сами же стали обучать божественной мудрости [весь] двор, находившийся при них, вместе со всем станом азатского войска[8]. Блаженный Саак больше занимался со [знатными] людьми [из рода] Мамиконеанов[9], обучая их [божественному] учению [С. 207—208]

(15)

Затем спустя некоторое время любимец Христа [Маштоц] позаботился также о варварских странах[10]. И принялся он составлять письмена иверского языка, милостью, дарованной ему Богом. Начертил он, расположил и наладил, как надлежало, и, взяв с собою кое-кого из лучших учеников своих, пустился в путь и прибыл в края иверов[11]. Тут он представился царю иверов, по имени Бакур[12], и епископу страны Мовсэсу. Царь и воинство вместе со всеми областями по Божьему велению покорно слушались его.

И он, развернув перед ними свое искусство, наставлял и увещевал их. И все они обязались исполнить желание его (Маштоца). И [тогда] нашли одного переводчика иверского языка, мужа просвещенного и верующего, звали которого Джала. Затем царь иверов велел из разных областей и из разноплеменных гаваров[13] своего владычества собрать отроков и отдать вардапету [на обучение]. А он взял и бросил их в горнило учения и, всей силой духовной любви соскреб с них зловонную ржавчину и грязь дьявольскую и суеверное поклонение идолам и столь отдалил их от преданий предков, что позабыли они все свое прошлое [...]

И вот тех, которые были собраны из отдельных и разрозненных племен, он (Маштоц) связал божественными заветами и сделал их единым народом, восхваляющим единого Бога [С. 209].

(16)

Затем он стал вновь разъезжать по устроенным им местам и по обученным гаварам страны Армении, дабы придать силу, обновить и упорядочить их [...] Он задумался и о другой половине армянского народа, находившейся под властью императора ромеев.

И поспешно двинулся он в путь со многими своими учениками, чтобы поехать в страну греков [...]

[Маштоц] доложил императору необходимые подробности дела и взял от него неукоснительное повеление со скрепленными [печатью] императорскими грамотами о наборе отроков с [греческой] половины армянского народа для обучения [С. 210].

[...] Приехал к нему некий иерей, алуанец по имени Бениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена [для алуанцев] и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил [С. 211].

(17)

И затем, после этого он простился [с ними], чтобы отправиться в страну Алуанк· И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Алуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они — оба равные — епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на [их] пропитание [С. 212].

(19)

Вскоре они (Саак и Маштоц) отправили в Сирию, в город Эдессу двух братьев из числа своих учеников, чтобы они [там] с сирийского языка переводили на армянский писания святых отцов их (сирийцев). [Первого звали] Иовсэп, о котором мы упомянули выше, а имя второго — Езник из гавара Айрарат, из села Колб.

Переводчики же, прибыв туда, куда были направлены, выполнили повеления их, и, отослав переводы почтенным отцам, [сами] отправились в края греков, где, поучившись, приобрели опыт и были поставлены переводчиками с греческого языка [С. 213—214].

Блаженный Саак перед тем с греческого языка перевел на армянский собрание церковных книг, а также многие истинные премудрые писания патриархов. После того он вместе с Езником взял прежние поспешно сделанные переводы, проверил и уточнил их по вновь привезенным экземплярам. Они перевели также множество толкований писаний [С. 214].

(22)

Так он (Маштоц) поступал для себя и для страны в течение всей своей жизни, ибо истинные учители имеют обыкновение свои добродетели ставить в пример своим ученикам [С. 216].

Вот почему этот блаженный [Маштоц] нес добродетели предшественников и то же самое наказывал делать всем, следующим за ним. Так и в дальнейшем, преисполненные благолепия божественных сокровищ, обогащенные [ими], долгое время они (ученики) вели свою жизнь подобным образом, рано просыпаясь и ежедневно пребывая в ней (добродетели) [С. 217].

(28)

Что отцы скончались [именно] так, как это описано у нас, [явствует из того, что] мы расположили [все] это по порядку и написали не по стародавней молве, а лишь то, что

мы сами воочию видели их облики, присутствовали при исполнении духовных деяний, слушали вдохновенное учение их, [сами были] прислужниками их согласно евангельским повелениям. Не лживому красноречию поддавшись, — но своими словами повествовали мы об отце своем, опустив многое и черпая у видных знатоков [сведения], мы кратко изложили [все], что известно не только нам, но и всем, кто прочтет эту книгу.

Ибо нам действительно было не под силу описать все деяния каждого, а потому мы прибегли к более легкому и доступному, а именно, апостольскому. Мы прошли мимо многочисленных заслуг святых, дабы подробно исследуя, рассказать лишь важнейшие обстоятельства. И это мы рассказали не в честь святых Господа, которые [и без того] были известны своей всесветлой верой и жизнью и почитались, но как вдохновляющий пример духовным сынам их, а также всем тем, кто будет учиться у них из поколения в поколение. [С. 220—221].

АГАТАНГЕЛОС[1]

(V в.)

Историк, автор первого исторического труда в древнеармянской литературе, освещающего историю Армении III — IV веков. Труд Агантагелоса состоит из «Предисловия», «Жития и истории св. Григория», «Мученичества Рипсимянских дев», «Учения св. Григория» и «Спасительного обращения страны нашей Армении».

Особое место в «Истории Армении» занимают вопросы возникновения и развития армянской церкви, распространения христианского учения и искоренения язычества,доступного изложения основ нового вероучения, основоположений Священного Писания, то есть вопросы, которые оставались актуальными и в V веке. Автор показывает основательное знание не только библейских текстов, но и сочинений многих выдающихся раннехристианских мыслителей. Труд Агатангелоса выражал интересы и устремления армянского духовного сословия в

его борьбе как против язычества, так и засилия сирийской и греческой церквей. В «Истории Армении», помимо реально-исторического повествования, имеется также мифологический пласт. Автор сообщает также определенные сведения о состоянии школьного и учебного дела в стране. В частности, мы узнаем, что в открытых царем Трдатом III Великим (297 – 330 гг.)[2] многочисленных школах обучали на основе греческой и сирийской словесности, что ученики и наставники содержались за счет государственной казны, в том числе дети бывших жрецов, которых «просвещали» христианским вероучением и т. д. Данный труд имел непреходящее значение для становления и развития различных жанров христианской литературы, в том числе, исторической, философско-теологической, комментаторской и др.

Еще в средние века «История» Агатангелоса была переведена на греческий, арабский, сирийский, латинский, эфиопский, коптский, славянский и грузинский языки. Широкому распространению данного труда способствовал греческий перевод. Как установлено исследователями большинство иноязычных ее редакций восходят именно к греческому переводу, осуществленному в VI веке. Впервые на языке оригинала труд Агатангелоса был опубликован в 1709 году в Константинополе. Научно-критический текст издан в 1909 году в Тифлисе. Он переведен с древнеармянского на итальянский, французский, шведский, английский, современный армянский языки.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[3]

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИСТОРИИ АГАТАНГЕЛОСА

8. Что же касается духовного величия и добродетели истинных боголюбцев [св. мучеников за веру], то они щедро и достойно украшают собой корону царей, подобно изумительному светлому жемчугу совершенной формы, не имеющему изъяна или трещины, ибо [подобны] благородным каменьям из страны Индийской, которые своим вели-

колепием украшают царские короны и венцы. Но может ли кто-нибудь случайно найти [все] это? Разве что богатые купцы, затрачивающие много труда, пекущиеся о довольствии и длительных странствиях и прилагающие огромные усилия, дабы найти [сокровища] и украсить ими царей. Но их сияющего света хватает не только для украшения ими царей и лицезрения другими, но и для украшения всех: [они] освещают всех, всех наполняют, всех удовлетворяют, всех лечат. Царям [они] придают великолепие, подобно сияющему венцу, завершающему корону, [они] обогащают также бедных, очищая, подъемлют из праха (Пс.112.7), делая их равными князьям [С. 24]

15. Итак, сяду на коня разума и, выйдя на ристалище мудрости, направлюсь к цели замысла, напрягу силу десницы, придам крепость пальцам писцовым, языком взволную мысль, дабы уста мои могли произносить мудрые слова. Обрету устойчивость, дабы, плавно вращая колесо моих повествований, я мог бы уверенно плыть по волнам моря хронологии. Свое повествование я дам грядущим поколениям этого народа, которые восхвалят Господа и которые придут после этого времени. И когда они обратятся к своим отечественным книгам, те возвестят им [С. 27]

17. Поспешим же открыть торговлю наших купеческих лавок, начнем продавать внимающим плоды наших трудов, получая [от них] внимание и отдавая [им] сию историю. Особенно же следуя твоему повелению, о благороднейший из мужей Трдат, царь Великой Армении, поставим прибыль от нашей продажи на службу благоденствия страны и к твоим сокровищам прибавим то, что мы приобрели в нашем путешествии по морю [книг] [С. 28]

УЧЕНИЕ СВЯТОГО ГРИГОРА

520. То же самое при проповеди Евангелия, которая [будет бесполезна], если сперва не будут выкорчеваны накопившиеся долги от достойных осуждения собственных непристойных, диких привычек, грехов, совершаемых по собственной воле, желанию и произволу, какие сейчас мы

видим в вас. Ибо если вы не вырвете из ваших мыслей бесполезные вредные корни пагубных грехов, укоренившихся и разветвившихся в ваших мыслях, [не только] препятствующих цветению и плодоношению, но и высушивающих вас, повергающих вас в сомнения безверия или уводящих в скалистую безводную местность, которую если и вспашет человек, то она так и останется бесплодной и нерождающей. Подобным же образом и вы, если не откажетесь от питающих вас привычек, то не сможете принять то семя, которое внутри вас дает полезный плод [С. 157]

521. Итак, братья, мудрой мыслью вглядитесь в собственные души и, вникнув в самих себя, подумайте и разгляди те свои души [С. 158]

СПАСИТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СТРАНЫ НАШЕЙ АРМЕНИИ ЧЕРЕЗ СВЯТОГО МУЖА-МУЧЕНИКА

839. CXX. [Григор] убедил царя собрать из разных областей и местностей из среды жителей с дикими нравами и звериными инстинктами множество детей, для обучения которых, взяв, окунул в горнило учения и горением духовной любви соскреб зловонную дьявольскую грязь порока и ржавчины суетного поклонения [идолам]. И так отдалил он их от родных преданий, чтобы они говорили: «Забыл я свой народ и дом отца моего» (Пс. 44.11).

840. И царь Трдат повелел из разных местностей пределов Армении, его державы, из краев и областей привезти многих отроков для обучения искусству письма и поставить над ними преданных учителей. Особенно же [приказал] отбирать детей из мерзкого рода жрецов, в удобных местах распределить по группам и назначить пособие. И, разделив их на две части, одних стали обучать сирийской грамоте, других — греческой. Благодаря этому, немедля дикие, пустые и животного нрава обитатели страны вскоре стали знатоками пророков и апостолов и наследниками Евангелия и не остались в неведении от всего того, что было заповедано Богом [С. 243—244].

845. CXXI. И затем он (Григор — К. М.) обосновал в населенных и ненаселенных местах многочисленные сонмы монахов, [названных] степными и горными, пещерными и затворными. Некоторые им были взяты из сыновей жрецов, он сделал их учениками, растил, проявляя заботу об их учебе, и воспитывал в страхе [Божьем], духовно заботясь о них. И кто был достоин епископства, получил от него рукоположение. Первым среди них был Альбианос[4].

846. И мужа праведного и боголюбивого Альбианоса он поставил епископом царского двора. Сам же время от времени поднимался в безлюдные горы, являя собой пример [для других]. Взяв с собой из каждого монастыря по нескольку учеников, он жил в горах отшельником в пещерах и в расщелинах скал, удовлетворяя насущную потребность в пище травами [С. 245].

863. И боголюбивый царь Трдатиос как последователь веры Христовой, с благочестием отдавшись служению, преисполненный страха [Божьего], познал и усвоил божественные повеления, став желанным для блюдящих веру [Христа] и добрым примером для всей страны. Он ревностно предался также чтению божественных книг. Тем паче, что изначально был обучен греческой светской науке, земной мудрости, особенно был искусен в философской премудрости, ибо учился этому [С. 249]

886. Затем [...] блаженный Григор своей превысокой ученостью начал составлять и сочинять многовещательные речи, [разъясняющие] труднодоступные места глубокомысленных положений [...] пророческих книг, изложив со вкусом, легкодоступным языком многозначительные речи [...] В них он приводит множество примеров и подобий о преходящей земной жизни, дабы сделать [христианское учение] легкодоступным и понятным для людей необразованных и занятых телесными делами и образумить, пробудить их, дав им твердую уверенность в обещанных дарах [С. 254]

889. Итак вместе с царем и всеми учениками они денно-нощно все свое время проводили в чтении писаний и,

украшенные, обогащенные этим, стали добрым примером для любознательных последователей [С. 255]

892. И мы, получив твое царское повеление, о храбрый среди мужей Трдат, написать обо всем этом, запечатлели по правилам летописных книг, изложив по образцу греческого риторического искусства.

897. И вот, согласно тому, что намеревались изложить, мы достигли завершения, расположив все по порядку, и записали, осведомившись не по древним преданиям, но, [написав] лишь о том, чему сами были очевидцами и видели их воочию, были сопричастны их духовным делам [...] В своих речах мы не следовали лживому красноречию, но, оставив в стороне многое, черпали [сведения] у хорошо осведомленных людей и кратко изложили все. И когда, о царь, прочтут сию книгу перед тобой, [истина] станет известна не только нам [С. 256]

ФАВСТОС БУЗАНД[1]

(V в.)

Фавстос Бузанд — крупный армянский историк V века. *Биографических сведений о нем практически не сохранилось. Известно только, что он получил эллинистическое образование. Единственное его произведение, которое дошло до нас — «История Армении» — ценный исторический и литературный памятник, посвященный историческим событиям, начиная с царствования* ***Хосрова II*** *до раздела Великой Армении между Римской империей и Сасанидским Ираном (380—е гг.). Это был период ожесточившейся борьбы между царской и церковной властями, между царем и нахарарскими родами, что, в свою очередь, усугублялось экспансионистскими поползновениями могущественных соседних держав.*

Характерная особенность труда Фавстоса Бузанда — отсутствие хронологической канвы: это своеобразное переплетение исторических и эпических материалов, что придает повествованию эмоциональность, непосредственность и красочность. Основная его идея — идея госу-

дарственной и политической независимости страны, ставшей традиционной для армянской историографии. По Бузанду, земля отцов есть источник силы и жизнеспособности армянского народа, борьба и осознанная смерть за свободу и независимость своей родины есть одновременно и смерть за Бога, за веру отцов. В этом заключается гражданский долг каждого человека, независимо от его социального происхождения и положения. Таков предсмертный наказ спарапета Армении Манвела Мамиконяна своему сыну, в этом — лейтмотив и идейно-воспитательная направленность труда в целом.

Касаясь сущности воспитания и школьного образования, автор подчеркивает их социальную и общенациональную значимость и относит их к сфере компетенции духовной власти. Хотя для понимания и усвоения христианской религии необходимо внутреннее, духовное стремление и соответствующее воспитание и образование, однако, отмечает автор, образованность одновременно ведет к увлечению и светскими занятиями и науками. Значительное место он уделяет освещению нравственных, религиозных и политических взглядов армянской знати и духовенства, рассматривая усилившуюся в этот период борьбу между светской и духовной властью как противоборство безнравственного и нравственного начал.

Отражая реальное положение дел в стране, «История Армении» Бузанда содержит две основные тенденции — церковно-религиозную и национально-политическую. Данный принцип становится теоретико-методологической установкой для всей средневековой армянской историографии. Труд Бузанда имеет и художественную ценность.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[2]

Книга третья

Глава I

[...] О прошедших событиях и о житии добродетельных лиц, как и о сопротивлявшихся им и противодейство-

вавших лицах,— обо всем этом уже написано другими. Но и мы тут в нашем повествовании кое-что отметили, не оставили без внимания, дабы соблюсти должный порядок. Так как в нашем повествовании есть и то, что было в начале, и то, что было в конце, а что было в промежутке, то уже написано другими. Но, чтобы в нашем повествовании не было заметно пробела, мы немного отметили, подобно тому, как вкладывают кирпич в строение стены для довершения здания. После всего этого, далее что произошло, рассказывается здесь последовательно [С. 7].

Глава XI

XI. Великий [патриарх] Вртанес утешал [людей] и говорил:

«Утешьтесь во Христе, ибо те, кто умерли ради нашей страны, церквей и богоданной веры, умерли, чтобы страна наша не была заполонена и разрушена, чтобы святые церкви не были осквернены или мученики поруганы, или святая утварь не попала в руки нечестивых и неверующих людей, святая вера не была изменена, крещеный народ не пошел в плен и не подвергся всяким мерзостям культа неверных [...] Не будем оплакивать их, а достойно почтим их наравне с мучениками, и установим порядок во всей нашей стране на вечные времена, чтобы все ненарушимо поминали их за их доблесть, как христовых мучеников» [С. 23—24].

Глава XIII

После того как помер блаженный [патриарх] Иусик, побитый палками, говорящие на языке Торгомовой (армянской — К. М.) страны, оставшись без руководителя, сбились с пути, подобно слепым. Ибо им был дан дух заблуждения —глаза, чтобы не видеть, уши, чтобы не слышать, и сердце, чтобы не понимать и не стремиться к покаянию [...] Они смело шли по пагубному пути, добровольно творя зло и добровольно предаваясь гневу, и блуждали без Бога по стране, — этот упрямый народ армянской страны [С. 28].

В то время[3] люди брали дурной пример с царя, стали подражать ему и поступать как он. Ибо хотя они и давно приняли христианство, но лишь как какую-то человеческую религию, как обычное человеческое заблуждение, которое они приняли по принуждению, без ревностной веры. Они приняли не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало, и только немногие, мало-мальски знакомые с греческой или сирийской письменностью, отчасти понимали эту [религию]. Что же касается тех, кто не был посвящен в искусство грамоты, то есть до всей остальной разношерстной народной массы, будь то нахарары[4] или ишханы,[5] то если бы учители сидели с ними день и ночь и изливали на них свет учения, наподобие обильных дождей из облаков, — все равно никто из них ни слова, ни полслова, ничего не мог бы понять, и крупицы того, что слышал, не мог бы запомнить. Ибо их мысли были заняты праздными, бесполезными вещами, как у малых детей, которые в младенчестве увлекаются своими детскими игрушками; относясь с пренебрежением к полезным и важным делам, по незрелости своего разума они вследствие варварского невежества [время] свое растрачивали на занятия предосудительными искусствами, древними языческими обычаями. Они любили свои мифические песни, свои сказания, на них они воспитывались, им верили и постоянно предавались им. [С. 28—29].

Тогда царь, князья и вся страна держали совет о том, кто достоин этого сана (патриарха — К. М.), потому что оставшиеся двое детей-близнецов, из которых одного звали Папом, другого Атанагинесом,[6] были известны, как неисправимые гуляки, которые не были обучены божественному писанию и не были воспитаны в правилах добродетели, которые не были похожи на предков своих и не следовали по стопам родителя своего Иусика (патриарха — К. М.), не обращали внимания на добродетели великого Григория,[7] не помнили о духовном своем благородстве и даже о чести вечной жизни; они уподоблялись [людям] своего века, гордились своим земным благородством и родством и избрали себе военное поприще. Поэтому они не были избраны, а были отвергнуты по причине своей гордости. [С. 30].

Книга четвертая

Глава IV

Он (католикос Нерсес Великий — К. М.) отстраивал разрушенные церкви и восстанавливал развалившиеся алтари; для маловерных он учредил порядок покаяния, дабы они могли уверовать в Бога и спастись [...] Он давал отпор злословящим и заставлял их молчать, в корне пресекал беззаконие как на словах, так и на деле. Он боролся за правду до конца, поддерживал и защишал правую сторону и дождем своего учения кропил и вспаивал праведные дела на благо [людям]. И всю страну Великой Армении, где раньше отцы его сеяли проповедь животворящего слова, он оросил дождем своей [проповеди].

Неизреченные великие силы носил он в себе; особенное внимание он обращал на то, чтобы упорядочить дела милосердия; во-вторых, сам лично благотворил, затем служил другим примером благотворительности и вообще поучительным словом увещевал всех, направляя их мысли в сторону добра. Поучал, что величайшими благами являются любовь, надежда, вера, святость, ласковость, кротость, незлобливость. [С. 62].

Он (Нерсес Великий — К. М.) поехал в гавар Тарон и вызвал к себе всех епископов армянской страны. Съехались они в селении Аштишат[8] [...] Все охотно явились на собор и имели полезное совещание об упорядочении мирских дел церкви и об установлении общих правил веры. Тут они наладили и установили порядок, и весь народ армянской страны превратили как бы в единую общину монахов во всем, кроме брака. Патриарх Нерсес на всех распространял установленные апостолом правила; всех наставлял, увещевал, влек усердно к благотворительности; сначала сам делал, потом других поучал тому же. И то же приказывал делать во всей армянской стране, в гаварах, странах, во всех уголках. Подыскивали подходящие места и отводили их под постройку домов для призрения бедных, где должны были быть собраны зараженные, прокаженные, увечные и припадочные. Постановили построить убежища для прокажен-

ных, определить им питание и лечение, а для бедных — приют. Ибо великий патриарх Нерсес приказал, и святой собор единодушно одобрил, чтобы такие люди оставались в своих убежищах, не выходили нищенствовать, выставляя напоказ свои страдания и не ступали ногою за свой порог, а чтобы все считали себя обязанными помогать им. Нужно, говорили они, чтобы не нарушался порядок мира, а следует, чтобы все без различия были милосердны и осторожно носили им пищу и удовлетворяли их нужды. Так и устроил, организовал и утвердил.

Он научил страну многим способам благотворительности и утвердил много установлений и правил своих отцов. Он поучал, что всегда нужно иметь в виду надежду на воскресение, не думать, что смерть человека бесповоротна [...] Дабы браки были законные, он поучал, чтобы вступившие в брак не обманывали друг друга, не строили козней друг против друга, чтобы более всего воздерживались от кровосмесительного брака с близкими родственниками, в особенности от сожительства с невестками и от других подобных дел. [С. 62—63].

[Он осуждал] коварство, лицемерие, жадность, зависть к другим, похотливые страсти, несправедливость, мужеложество и содомию, сплетню, разгульное пьянство, чревоугодничество, хищничество, блуд, мщение врагам, ложь, вражду и немилосердие, ложную клятву и кровавое убийство; мерзкое скотоложество, неверие в воскресение, безнадежное оплакивание умерших — все это ведет в ту же гибельную пропасть, — говорил он. Приказывал всей стране и самому царю, вельможам и вообще тем, кто имеет власть над другими, чтобы были милосердны к своим *царай* (рабам, слугам), к меньшей братии и ученикам, чтобы любили их как членов своих семейств, чтобы незаконным путем и чрезмерно не обременяли их податями, напоминая им, что и для них есть бог на небе. *Царайям* тоже предписывал быть верными и покорными своим *тэрам* (господам), за что получат воздаяние от господа. [С. 63—64].

В разных местах во всех гаварах Армении он основал школы греческого и сирийского языков. Многих угнетен-

ных спасал, томящихся в плену выкупал из плена, одних — проповедью страха христова, других за выкуп освобождал и возвращал в свои места.

И что делал сам, тому учил и других [С. 64].

Книга пятая

Глава XXXI

Армянский царь Пап [...] старался расстроить и уничтожить все те добрые порядки, которые Нерсес установил в церкви [...] Открыто приказал разрушить сиротские и вдовьи приюты в стране [...] и разрушить женские монастыри, которые построил тот же Нерсес и укрепил стенами, чтобы предохранить от похищения [монахинь].

[...] При жизни Нерсеса, если кто-нибудь умирал, то никто не осмеливался вне церковного канона безутешно плакать над умершим, выть и рыдать и причитать над умершим, а только со слезами, с пением приличествующих псалмов и гимнов, с лампадами и зажженными свечами провожали [тело] умершего.

По смерти Нерсеса, когда оплакивали умерших, мужчины и женщины составляли хороводы, при звуках труб, кифар и арф, с растерзанными руками и лицами, при омерзительных, чудовищных плясках, совершаемых друг против друга, били в ладоши, и таким образом провожали умерших [С. 175—176].

Глава XLIV

[...] Полководец спарапет[9] Манвел заболел смертельной болезнью. Он призвал своего сына Арташира, передал ему свою власть танутэра[10] и свою должность полководца — спарапета. Приказал ему быть послушным и покорным царю Аршаку, быть верным, стараться и работать, воевать за армянскую страну. «С радостью прими смерть за страну, подобно твоим храбрым предкам. Ибо, — сказал он, — это справедливое и угодное Богу дело, и если так будете поступать, Бог не оставит вас. На земле оставьте имя храброго, а справедливость свою посвятите небу [...] Держитесь вдали от коварства, порока и зла, и чистым сердцем и верностью

служите господу Богу. Смело умирайте за благочестивую страну, ибо это и есть смерть за Бога, за его церкви и за верующих, за прирожденных государей этой страны — за Аршакуни»[11] [С.196].

Шестая книга

Глава II

Этот Завен был из рода знаменитого епископа Албиана из селения Манавазкерт. Был он человеком злодейского, крутого и завистливого нрава. И он в свое время ввел обычай, приучил всех священников носить воинскую одежду. Они оставили обычай апостольских церквей, стали поступать каждый по своему разумению, потому что священники больше не одевали подрясников до пят, как было заведено, а стали носить короткую военную одежду до колен. Свои одежды они украшали разноцветной тесьмой, надувались и важничали, и священники без разбора одевались в меха павших зверей, что тоже не подобало [С. 202—203].

ЕЗНИК КОХБАЦИ

(ок. 380 — 450 гг.)

Крупный армянский просветитель и мыслитель, переводчик и церковный деятель. Езник Кохбаци родился в селе Кохб Чакатской области Айраратской провинции. Учился в Аштишатской школе[1] у Маштоца и Партэва. Затем был послан в Эдессу с напарником для перевода с сирийского языка на армянский духовных книг. Отправив на родину тексты переводов, они направились в Константинополь[2] для изучения христианской и античной литературы, переводов с греческого языка на армянский. Они привезли в Армению также отборный греческий текст Библии, писания отцов церкви и постановления Никейского[3] и Эфесского[4] соборов. Кохбаци участвовал в сличении с отборным греческим списком ранее сделанный армянский перевод Библии с сирийского, а также в переводе почти всех трудов, выполненных в первой половине V века.

После смерти своих учителей он назначается епископом Багревандской области,[5] участвует в Арташатском соборе (449 г.). Является автором (или соавтором) принятого на соборе известного «Ответа персам»,[6] в котором выдвигается требование о свободе совести и вероисповедания, о праве всех народов на политическую и культурную независимость, подвергается на этой основе критике ассимиляторская политика Персии. Данное послание явилось идейным обоснованием правомерности народного восстания 451 года. Эти идеи развиваются и в сочинении Кохбаци «Опровержение лжеучений».

Хотя у Кохбаци центральной является онтологическая проблема, однако она тесно связана с морально-психологической проблематикой, в частности, свободой воли. Зло есть результат деятельности человека — творца и зла и добра, его свободы воли (выбора). Поэтому человек полностью ответственен за совершаемые деяния. Но свобода ограничена всеобъемлющими нравственными нормами (=божественными предписаниями), являющихся критериями человеческого поведения. Рассмотрение данной проблемы в политическом ракурсе приводит Кохбаци к критике фатализма: опасность порабощения, нависшая над страной, есть проявление злой воли захватчиков, людей. Поэтому необходимо оказать сопротивление, в том числе вооруженное, злу. Это *— единственный путь его искоренения.*

Структура труда, его полемический характер, преследуемая цель — преподать истинное учение, наставлять и обучать, — обусловили постановку ряда этических и педагогических вопросов. Так правильное осмысление преподносимого материала требует соответствующих знаний и способности от слушателей; для постижения наук и искусств необходимы не только природная способность, но и внутреннее стремление и повседневный труд. По Кохбаци способного ученика следует не только наставлять, но при надобности и заставлять. В качестве крайней меры он принимает и телесное наказание. В процессе обучения и воспитания важное значение придается принципу наглядности, силе воздействия живого примера. Он оста-

навливается на вопросе о человеческих способностях, знаниях и добродетелях в потенции и в действительности, разрешая его в социально-этическом плане. Знание и добродетели являются таковыми лишь тогда, когда они становятся достоянием также других людей, всего общества (или нации). Это в первую очередь касается учителя-наставника, призвание которого в постоянной передаче накопленных знаний ученикам, в просвещении и воспитании слушательской аудитории. То есть Кохбаци ставит вопрос о социальной значимости и ценности знания, о преемственности в их развитии. В этом же духе он рассматривает проблему физического и духовного развития человека. Жизнь человеческого индивида и человечества вообще делится им на три основных периода: детство, юность и зрелость, каждый из которых имеет определенные возможности и уровни. Во всех этих вопросах Кохбаци исходит из человеческого фактора, человеческой деятельности, что было обусловлено идеологией народно-освободительной борьбы, выразителем которой он был.

«Опровержение лжеучений» — это единственное сохранившееся произведение мыслителя. Продолжая линию Маштоца, Кохбаци на более высоком научном и литературном уровне дает философское обоснование христианского учения и опровержение маздеизма на фоне общей критики язычества, что, в свою очередь, служило основой для морального и идеологического оправдания борьбы армянского народа против политических и религиозных домогательств Персии. Езник, в отличие от Маштоца, широко использует возможности философской спекуляции, средств формальной логики, предпринимает попытки по созданию философской терминологии. Книга Езника Кохбаци, по мнению исследователей,—классический образец мировой патристической литературы, она «поднимается перед нами как исключительное явление в патристической литературе» (П. Феттер). Им использовано множество источников, часть из которых не сохранилась на языке оригинала. Теоретическая полемика с античными учеными требовала оперирования античным арсеналом знаний и соответствующими логическими приемами, что

в свою очередь стимулировало распространение античного научно-философского мышления в армянской действительности. Наиболее отчетливо эта связь проявляется в естественнонаучных взглядах Езника, в частности, в медико-биологических.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЖЕУЧЕНИЙ[7]

Книга первая

Опровержение языческих ересей

V

[...] Но мы вынуждены по причине любви к друзьям и ошибочности воззрений противников и из-за нашей слабости уповая на милость Бога, приступить к исследованию [природы зла], потому что особенно надеемся на добрую волю и внимательность справедливых слушателей. Таким образом они смогут воспринять истину, а мы не растратим слова впустую. Потому что мы стремимся победить [в споре], не греша против справедливости, а праведным путем дознаваясь истины [С. 18—20].

X

А теперь давайте перейдем к рассмотрению самих вещей, ибо когда спор ведется по правилам, то легко определить доказательность противоположных положений [С. 30].

Таким образом ясно, что злодеяния совершаются тогда, когда [человеческие] потребности удовлетворяются незаконным путем [С. 32].

XI

Бог пожелал почтить человека таким образом, чтобы он был готов к усвоению добрых дел для чего даровал ему свободу воли, благодаря чему он мог бы поступать так, как пожелает и наставил использовать свободу воли для добродеяний С. 34].

Подобно тому отцу, который наставляет своего способного к усвоению какого-либо знания сына не быть нера-

дивым в учении и заставляет его стремиться к полезному и преуспеть в этом. Так как он знает, что сын может стать преуспевающим, поэтому и требует от него образования, на [приобретение которого] был отдан [С. 36].

XIV

[...] Наставник боевого искусства использует все средства для обучения своих учеников, демонстрируя приемы и способы ведения боя, [при помощи] которых они смогли бы победить своих противников; отправляет их на арену состязаться с соперниками и наставляет добиваться победы, пренебрегая даже своей жизнью, ибо полагает, что лучше погибнуть ради доброго имени, нежеле остаться в живых обесславленными. И они, памятуя советы своего учителя, и [в ожидании] наград за победу, одерживают верх над противником и увенчанные [лаврами] подходят к учителю и преподносят ему венок в знак труднейшей [схватки] с противником. А если они не помнили бы [наставлений] своего учителя и не стремились к победе и славе, то оказались бы поверженными своими противниками и обесславленными. После этого они заслуженно удостоились бы поношения и мучений, а за трусость — и смертной казни [С. 46].

XV

Если [зло] существует по природе, то почему со стороны царей учреждаются законы, князей — запреты, судей — наказания? Не ради ли пресечения зла [предпринимается все это]? Более того, если бы зло существовало по природе, то законадателю не следовало бы устанавливать законы, а князьям — наказывать злодея. Зачем наказывать того, кто не по своей воле является злодеем, кому [скорее] следовало бы посочувствовать, проявляя сострадание, и не подвергать наказанию? [С. 48].

Но если мы видим, что царь требует наказания [за нарушение] его законов и карой уменьшает нанесенный вред, и судья крепко связывает и пытает вора и разбойника для устранения зла, а отец отдает в руки судей своего жестокого сына, как заслуживающего смерти, и все остальные [поступают таким же образом], ибо каждый требует наказа-

ния за нанесенное оскорбление: или лично сам или через князей. Ясно, что совершаемое зло есть порождение [свободной] воли [человека], а не существует от природы [С. 48—50].

Из других [примеров] также можем узнать, что природа человека стремится к добру, а не ко злу. Ибо если прелюбодея, даже когда он совершает блуд, кто-либо назовет прелюбодеем, он возмущается; блудница, которая открыто занимается развратом, не желает и слышать, когда ее называют блудницей. Точно так же [поступают] вор и разбойник и другие злодеи, которые хотя и совершают злодеяния, однако не хотят принять на себя имя злодея [С. 50].

XX

Одержимость имеет место из-за гордыни людей, потому что если у кого-либо сын является благоразумным, то он не удостаивается побоев, а если [оказывается] неблагоразумным, то в его присутствии многократно избивают слугу, дабы взирая на него он образумился. Но если и после этого он не исправится, тогда его самого подвергают телесному наказанию [С. 58].

XXVIII

Итак, дело Божьей церкви заключается в том, чтобы внешних [врагов христианства] обличать доводами истины без [помощи] Писания, а внутренних — мнимых и неистинных [христиан] — Священным Писанием [С. 90].

Книга вторая

Опровержение персидской религии[8]

VI

Счастье не есть нечто личностно присущее [человеку], но результат случайной удачи, подобно тому, как [некто] за свою справедливость называется справедливым и за храбрость — храбрым, так и из-за своей славы [называется] счастливым [С. 106].

Подобно тому, как нельзя в одном месте держать огонь и воду, так как преобладающая сторона уничтожит

своего напарника, точно так же невозможно, чтобы доброе и злое проникли в одно место. Но если это и случится, то или то уничтожит этого, или это — того [С. 108].

X

Таким же образом имя сатаны не есть обозначение какой-то сущности, а [определенного] нрава, как, например, некто за свою доброту называется добрым, а злобу — злым. И все они являются не врожденными, а приобретенными качествами (нравами). И это явствует из того, что мы зачастую видим безумных образумившимися и благоразумных бездушными, наглецов — остепенившимися и воздержных — обнаглевшими. Это то, что происходит у разумных существ [С. 116].

XI

Кроме того, узрев их (зверей) зловредность, [люди не должны] причинять вред друг другу. Ибо если необходимо ненавидеть их зловредность, которая проявляется неосознанно, то насколько больше [следует ненавидеть] преступление людей, которое совершается преднамеренно и коварно? [С. 118].

XV

Ясно, что подобно тому как не звезда является причиной царствования, точно так же [она не является причиной] могущества и богатства, особенно когда мы видим богатых обнищавщими, а нищих — разбогатевшими. Неужели они (астрологи) могут также утверждать, что одна и та же звезда может быть причиной и богатства, и нищеты, и могущества, и бессилия? Ведь и сильных мы часто видим обессилевшими, а немощных — ставших сильными, злых — присмиревшими, а умных — озлобившими [С. 130].

Или же когда захватчик нападает на страну, чтобы опустошить ее и истребить людей, пусть не собирают войско и не составляют полки за полками для изгнания разбойника из страны. И пусть предоставляют ему это право, говоря: если стране предопределено быть разоренной захватчиком, зачем нам идти наперекор судьбе? Однако, собирая

войска и изгоняя врага из страны, [люди] показывают, что насилие происходит не по какому-то предопределению рока, а от произвола завоевателя, который, вторгшись, алчно разоряет страну, чтобы лишить ее богатства и достояния [С. 130—132].

Предусмотрительность не является причиной зла, ибо когда кто-либо видит, что его товарищ направляется по скользкому пути и предупреждает, что тот поскользнется, ведь не он же станет причиной падения товарища... [С. 113—114].

Книга третья

Опровержение учений греческих философов

XI

А пятилетнее молчание, которое было установлено [Пифагором][9] для новоприбывших учеников, хотя и являлось примером большой воздержанности — ибо никто не имел права спрашивать о чем-либо, а только слушать,— однако ж оно не [имело] большой пользы. Так как если кто-либо из них скончался бы до истечения пятилетнего срока, то хотя и стал бы весьма сведущим благодаря слушанию, однако ни сам не пользовался бы своей ученостью, ибо не смел говорить, ни кто-либо другой, потому что [не] слышал его мудрости.

И является чрезмерной глупостью, когда потом, как говорят, [Пифогор] назвал себя богом, что случилось с ним от чрезмерной гордыни [С. 182].

XVII

Подобно тому как некто владеет каким-либо искусством — или музыкой, или врачеванием, или плотничеством, — но не проявляет в деле своего мастерства, то он напрасно считается обладателем знания [данного] искусства, ибо ни он сам не пользуется [им], ни другим не открывает знание этого искусства. Точно так же когда кто-либо является благодетельным, но [при этом] нет [людей], пользующихся его благодетельством, то кому нужна [такая] благодетель-

ность? Ибо добродетель благодеяния проявляется тогда, когда другие им пользуются, но если нет [таковых], которые пользовались бы благодеянием, то какая польза от такого благодеяния? [С. 192—194].

Книга четвертая

Опровержение ереси Маркиона[10]

V

Невозможно, чтобы справедливый, который является справедливым по своей природе, мог дать какое-либо злое повеление, как и невозможно, чтобы злой, который является злым по природе, [мог] дать доброе наставление [С. 208].

И еще: негневливость не есть что-то противоположное неубиению, а [наоборот] весьма согласное, потому что если человек не разгневается, то он и не подумает о совершении убийства. Так же и отсутствие вожделения не есть что-то противоположное непрелюбодеянию, но более того — сообразное, ибо покамест у кого-то не [появится] вожделение, он не дерзнет совершить прелюбодеяние. И совершенный отказ от клятвы не есть что-то противное отказу от ложной клятвы, а [наоборот]—нечто сходное, так как если кто-либо не привык часто клясться, то он никогда не даст и ложной клятвы [С. 193].

«НАСТАВЛЕНИЯ» вардапета Езника

Кто весной пребывает в покое, тот зимой прозябает от голода и холода [С. 210].

Юный инок, который не находится под опекой старцев, является легкой добычей для сатаны [С. 211].

Слишком юному иноку не раскрывай своих потаенных мыслей, ибо [это] для него является смертью [С. 211].

Никого не оскорбляй и ни от кого не огорчайся [С. 212].

Не сердись на ученика, допустившего ошибку, так как больной заболевает не по своей воле [С. 212].

Когда сидишь за столом, то опусти голову — ни на кого не смотри, а только на себя и ешь с [чувством] благодарности [С. 215].

Праздная пчела лучше деятельной осы [С. 217].

[...] Люди более следуют примеру, чем истине [С. 217].

Если недуг всех братьев не причиняет тебе боль, то не становись предводителем [С. 217].

Если недостойного [ученика] не журишь по необходимости, то не будь учителем [С. 217].

Сладок мед, но немощному телу он вредит; полезны назидания и увещевания, но они бесполезны для тех, кто отвратил свой взор в противоположную сторону [С. 219].

ЕГИШЭ

(ок. 415 — 470-е годы V в.)

Армянский историк и мыслитель. Егишэ был одним из младших учеников Саака Партэва и Месропа Маштоца. Помимо армянского владел также сирийским и персидским языками. С целью совершенствования образования с группой юношей был отправлен в центры западной учености (Эдесса, Александрия, Рим, Афины, Константинополь). Около 441 —442 годов он вернулся в Армению. Егишэ — участник Аварайрской битвы (451 г.). По некоторым сведениям был секретарем предводителя армянских войск спарапета Вардана Мамиконяна[1]. Впоследствии он оставил воинскую службу, посвятив себя отшельничеству, и приступил к изложению своего знаменитого труда «О Вардане и войне армянской», освещающего героическую борьбу армянского народа против персидских завоевателей во имя свободы и независимости своей страны, а также других произведений философско-богословского характера. «О Вардане» — это «поэтическая история» или «лирическая эпопея», проникнутая нравоучительной тенденцией, цель которой воспитать потом-

ков в духе патриотизма, борьбы за свободу, национальную независимость и веру (которые отождествляются Егишэ), вселить в сознание народа дух героизма и неприязни к измене, насилию. Автор оценивает и обобщает исторические события с нравственных и патриотических позиций, сопровождая моральными сентенциями и акцентируя их непреходящее воспитательное значение в грядущем. Художественные же средства используются им для воздействия на сознание читателя или слушателя и достижения намеченной цели. Вследствие этого труд Егишэ вырастает в величественный памятник назидательной литературы. Созданные им образы героев народной войны в течение всех последующих веков считались образцом патриотизма, преданности родине и сыграли важную роль в деле воспитания молодого поколения, утверждения и сохранения национального духа.

Егишэ полагает, что для целостного воспроизведения и оценки исторического феномена необходимо последовательно изложить его начало (причина появления), середину (основное содержание) и конец (последствия) — основной принцип исторического повествования. При этом необходимо всестороннее изучение всех имеющихся источников — письменных и устных. Особое значение он придает сообщениям непосредственных участников и очевидцев. Он выдвигает ряд принципов, имеющих духовно-нравственную окраску. Так основу благоденствия страны, организации успешного отпора внешним врагам составляет внутреннее «согласие» народа, национальное единство, ибо «согласие — мать благ, а несогласие — родитель зла». Смерть во имя родины, веры и национальной идеи — возвышенное деяние, достойное героев. Физическая смерть героя, как осознанный личностью акт, ведет к духовно-нравственному бессмертию, ибо «смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная есть бессмертие». Воспитание гражданских и патриотических чувств по Егишэ требует соответствующего уровня просвещения и образования.

Исторический труд Егишэ дошел до нас в многочисленных рукописях, наиболее древняя из которых относит-

ся к 1174 году. Труд Егишэ неоднократно издавался на языке оригинала в Константинополе, Петербурге, Венеции, Москве, Иерусалиме, Смирне и т. д. Первый русский перевод издан в Тифлисе в 1853 году П. Шаншиевым (Шаншяном), второй — в Харькове в 1884 году Эмилием Дилленом. Он переведен также на английский, французский, итальянский и другие языки. Егишэ — автор также многих философско-богословских трудов: «Назидательное слово об отшельниках», «Толкование книги Иисуса Навина и книги судей», «О явлении господа на горе Фавор», «О человеческих душах», «Толкование книги Бытия». Последняя работа содержит солидный материал социально-политического, философско-этического и естественнонаучного характера. В них пробиваются ростки неоплатонического мышления, которые наряду с другими теоретическими достижениями подготовили почву для формирования неоплатонической философии в Армении.

О ВАРДАНЕ И ВОЙНЕ АРМЯНСКОЙ[2]

Слово, которое ты поручил [написать], о благороднейший[3], я завершил. Ты повелел [рассказать] об Армянской войне, в которой большинство, а не немногие, отличились доблестью.

В этих семи главах я по порядку и с исчерпывающей полнотой изложил начало, середину и окончание, чтобы ты повседневно читал, внимая доблести добродетельных и негодности отступников [...] Как сказали некие из славных историков: «Согласие — мать благ, а несогласие — родитель зла» [С. 25—26].

И мы, получив твое повеление, охотно приступили к сему, что есть утешение для любимых, надежда для надеющихся, ободрение для доблестных, добровольно набрасывающихся на смерть, видя впереди военачальника победы [...]

Итак, поелику получили мы повеление от тебя, по природе своей не ведующего зависти, — начнем, откуда достойно начинать, хотя и противно нашему желанию оплакивать бедствия нашего народа [С. 26].

Глава вторая

У тех, чьи души ослабли [в отношении] небесной добродетели, телесная природа весьма подвержена страху. От каждого дуновения ветра она колеблется, и от всякого слова смущается, и ото всего дрожит. Такой [человек] в жизни своей как бы гадатель по снам и направляется он при смерти на безвозвратную погибель. Как и сказал кто-то из древних: «Смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная есть бессмертие». Кто не осознает смерть — боится смерти, а кто осознает смерть — не боится ее. И все эти беды проникают в мысли человека от невежества. Слепой лишен лучей солнца, а невежество лишено совершенной жизни. Лучше быть слепым глазами, чем слепым разумом. Как велика душа в сравнении с телом, так зрение умственное больше, чем телесное.

Если кто чрезмерно возрос в мирском величии, а разумом он беднее, такой более достоин жалости, как мы это и видим не только в заурядных людях, но и в наиболее выдающихся. Царь, если он не имеет у себя сопрестольной мудрости, не может соответствовать своему уделу. А если это так в мирских [делах], то насколько же больше в духовных?! [С. 33].

И это все он делал [в расчете], что может быть расколется согласие и рассеется община церковная и что заставит он монахов бежать и шинаканов разорит, и они от крайней нужды поневоле обратятся к законам могов [С. 39].

«А если ты совершишь ошибку по неведению, я, который твердо знаю истину, не могу следовать за твоим заблуждением. Если я пойду в ученичество к твоей необученности — мы оба будем преданы безвозвратной погибели, быть может, я еще строже, чем ты, ибо имею я свидетелем слово, сказанное самим Богом: «Слуга, говорит, который не знает волю господина своего и творит дело, достойное палки, да получит удары, но в меньшей мере», а кто более осведомлен о воле царя и проступится в чем пред ним, без заступничества да будет наказан во много раз больше [С. 48].

А армяне, хотя и получили обманное письмо царя[4] с увещаниями, которое внешне содержало благую весть о жизни, а внутренне — горечь смерти, удивлялись скудоумию его и говорили они друг другу: «Сколь бесстыден его коварный обман, ибо дважды и трижды он пытался и был уличен, а не стыдится! И зная о нерушимом нашем обете, все еще бесстыдствует и нагличает; преследуя нас, стремится подавить наш дух.

«Верить ли нам его ненадежному повелению? Какое благодеяние мы видели в отношении всех наших церквей, что в стране Персидской?!

«Ибо кто сам для себя зол, тот не может быть благ для другого, и кто сам бредет во тьме, не может другого вести светом истины. Как нет праведности от вероломства, так нет и истины из лжи, подобно же и при войнолюбивых мыслях нет надежды на мир» [С. 86].

Глава четвертая

До этого места я нисколько не робел рассказывать о [перенесенных] нашим народом ударах, которые злейшим образом обрушили на нас внешние враги истины; из них (врагов) меньшая часть побила нас, а в большинстве побитыми оказались они от нас, потому что тогда еще мы были единодушны и дружны. Хотя некоторые затаили коварное двоемыслие, но в глазах внешних [врагов] единодушие наше казалось опасным [...]

Когда раскол, крадучись, проникает внутрь, с нарушением единомыслия удаляется и небесная благость, и так как [люди] становятся себялюбивыми, то весьма умножаются стоны и плач [С. 88].

Глава пятая

«Страх есть признак маловерия, — маловерие мы давно отвергли от себя, так пусть и страх с ним вместе бежит из мыслей и помыслов наших!» [С. 98].

«Зная это, братья, да не впадем в ослабление, но с твердым сердцем и с крепкой верой охотно нападем на вра-

гов, которые, воспрянув, идут на нас. Нам надежда является вдвойне: если умрем, — будем жить, а если умертвим, — предстоит нам та же жизнь» [С. 103].

Глава седьмая

А многие из блаженных, что были моложе, научились грамоте своей родной страны, и было им это пищей духовной, которою они себя ободряли и товарищей утешали. Настолько восхитились в мыслях и думах своих, что и те [из блаженных], что были постарше, смягчились, освежели, помолодели. Ибо, хотя для них времена учения прошли, но они, распевая совместно множество псалмов, духовно сливались с новооперившейся стаей отроков [С. 167—168].

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

(ок. 410 г. — кон. V в.)

Выдающийся мыслитель и просветитель, «отец армянской историографии», один из основателей и крупнейших представителей армянской грекофильской школы, светского направления в армянской теоретической мысли. Учился в Вагаршапатской школе Саака Партэва и Месропа Маштоца, где изучал Библию, овладел также греческим, сирийским и персидским языками, проникся любовью к наукам, в том числе светским. По завершении учебы он в числе других одаренных юношей был отправлен Месропом Маштоцем и Сааком Партэвом в Александрию для совершенствования в традиционных для того времени науках; искусстве письма, поэтике, риторике, грамматике, греческой философии и литературе, языках и приобретения навыков для переводческой работы. По дороге они остановились в Эдессе, ознакомились с книжными и архивными сокровищами этого культурного и научного центра, побывали также в Италии и Афинах. По возвращении на родину Хоренаци, несмотря на неблагоприятные условия, начал активную переводческую и научно-литературную деятельность.

В его «Истории Армении» на основе письменных (нарративных и документальных), устных, языковых и материальных источников впервые на широком фоне всемирной истории систематически освещается тернистый путь, пройденный армянским народом с древнейших времем до середины V века. Богатая источниковедческая база подчинена впервые разработанной научно-исторической и философско-политической концепции. Труд был завершен накануне нового патриотического движения против персидского гнета (80-е гг. V в.). Автор, проникнутый высоким чувством гражданственности и патриотизма, стремится примерами героического прошлого народа воодушевить своих соотечественников в настоящем, воспитать в них чувство национального достоинства и патриотизма, вооружить их идеей национальной и государственной независимости; показать глубокую древность и культурную самобытность своего народа, и на этом фоне убедить массы, что всенародная борьба во имя свободы своей страны против захватнических притязаний извне оправдано как в культурно-историческом, так и моральном отношении. Прошлое не есть лишь история. Оно должно стать уроком и служить примером для настоящего и будущего. Хоренаци выполнил поставленную перед ним важнейшую и труднейшую задачу: его «История Армении» на протяжении многих столетий являлась основным учебным пособием в средневековых армянских школах, по ней обучалось и воспитывалось не одно поколение молодежи, к ней обращались как к первоисточнику и ей подражали многие армянские историки.

Общая направленность труда, а также содержащиеся в нем идеи и положения педогогического и воспитательного характера свидетельствуют о том, что Хоренаци был крупным просветителем и педагогом своего времени. Он — сторонник распространения образования и просвещения, развития наук и искусств — полагает, что при необходимости следует обращаться и к помощи других, более цивилизованных народов, приобщаться к их духовным и культурным ценностям. Величие царей и полководцев, их место в истории определяется не только одер-

жанными победами, но и тем, в какой мере они содействовали образованию и культуре, увековечению в книгах событий в жизни страны, что является источником знания, образцом подражания, важным средством воспитания для потомков. Все это предполагает мирную жизнь — захватнические же войны препятствуют делу просвещения.

К числу научно-методических и дидактических принципов Хоренаци относятся: 1) из множества мнений относительно факта ученый должен принимать лишь достоверное (принцип достоверности); 2) при изложении или обучении необходимо опираться на основные факты, не нагружая читателя или слушателя второстепенными сведениями; 3) возможность и даже необходимость повтора важнейших фактов с целью усвоения и закрепления материала; 4) из источников наиболее авторитетными являются письменные свидетельства и мнения сведущих людей; 5) критическое отношение к использованному материалу — как письменным, так и устным; 6) познание должно быть нацелено на выявление сущности; любое знание должно опираться на предыдущие разыскания; 7) только теоретически и морально подготовленный человек имеет право быть учителем и наставником; 8) значимость народного, общеупотребительного языка в деле распространения образования и просвещения среди широких масс, в частности, привлечения к чтению «отечественной истории».

Хоренаци не только разработал, но и реализовал определенную методику исторического исследования, основными пунктами которой являются: история — правдивое отображение исторического прошлого; она должна опираться на достоверные факты; критерий достоверности — письменно зафиксированные свидетельства, логическая и историческая обоснованность фактов; количество источников, содержащих эти сведения; необходимость освещения событий во всем их развитии; изложение истории может идти как в хронологической последовательности (от начала до конца), так и в обратном направлении.

Данный труд переведен также на латинский, русский, французский, итальянский, немецкий, венгерский, анг-

лийский и другие языки. Это ценный первоисточник политической и культурной истории как древней Армении, так и ряда соседних стран — Ирана, Византии, Сирии, Грузии. Хоренаци приписывается также ряд других работ, авторская принадлежность которых окончательно еще не разрешена в арменистике. Среди переводов на армянский язык, приписываемых ему, следует выделить «Повесть об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена и «Книгу хрий» (или «Книгу пользы»), составной частью которой является «Риторическое искусство» Афтония. По-видимому, именно последнее обстоятельство имел в виду армянский историк XI века Степанос Таронеци (Асохик), когда писал, что Мовсес Хоренаци «утвердил науку риторики в Армении».

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[1]

Книга первая

РОДОСЛОВИЕ ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ

[...] Если жившие до нас и нынешние вельможи и правители Армянской страны не повелели мудрецам, вероятно, имевшимся в их окружении, составить такого рода летописи и не подумали прибегнуть для этой цели к помощи чужеземной мудрости, а ты[2] ныне на наших глазах совершаешь все это, то ясно, что именно ты должен быть признан самым возвышенным из всех твоих предшественников, заслуживающим самых высоких похвал и достойным включения в подобные летописи.

Поэтому я охотно соглашаюсь на твою просьбу и приложу все старания, чтобы осуществить ее и оставить этот [труд] как бессмертный памятник тебе и грядущим после тебя потомкам [С. 5—6].

2

Пусть никто не удивляется тому, что хотя, как это общеизвестно, историки имеются у многих народов и, в осо-

бенности, у персов и халдеев[3], и у них сохранилось больше упоминаний о разнообразных событиях, касающихся нашего народа, мы отметили только греческих историков и обещали представить в нашем родословии именно их указания. Ибо не только цари греческие, покончив с устройством своих домашних дел, взяли на себя заботу о том, чтобы поведать грекам как о своих державных делах, так и о плодах науки. Так, Птолемей, он же Братолюб[4], счел полезным перевести книги и сказания всех народов на греческий язык [...]

Но пусть не примут нас ныне за неуча, обвиняя в неискушенности и невежестве за то, что Птолемея, египетского царя, мы здесь обозначили как царя греческого. Дело в том, что он подчинил себе также греков и стал называться царем Александрии[5] и Греции; из Птолемеев и других властителей Египта более никто так не назывался. Будучи большим греколюбом, он всю свою деятельность осуществлял на греческом языке. [С. 6].

Но и многие именитые и посвятившие себя науке мужи из греческого мира пеклись о том, чтобы ввести в греческую словесность не только записи из царских и храмовых архивов других народов [...] Мужи, имена которых нам хорошо известны, собрав все это, посвятили славе эллинского мира. Они, как любители мудрости, достойны похвалы за усердие и за то, что сумели найти [плоды] мудрости у других; но еще более достойны ее те, кто воспринял и оценил эти приобретения науки. Поэтому я не устану называть всю Грецию матерью и кормилицей наук [С. 6—7].

3

Не хочу оставить без упоминания и порицания нелюбознательный нрав древних наших предков, но здесь же, в начале нашего предприятия, произнесу по их поводу слова осуждения. Ибо, если поистине достойны восхваления те из царей, которые письменно, в историях, закрепили ход событий своего времени и увековечили все мудрые и доблестные деяния в сказах и историях, а вслед за ними удостоились нашей похвалы также те, кто тяжко трудился в архи-

вах над созданием книг, благодаря чему мы, читая их сочинения, обретаем знание мирских законов и гражданских порядков, когда особенно вчитываемся в мудрые речи и истории халдеев и ассирийцев, египтян и эллинов, и при этом кажется и завидуем мудрости мужей, кои взялись за такой труд, — то, конечно, всем нам известно невежество наших царей и прочих предков в науках и незрелость их разума. Ибо хотя мы и небольшая грядка, и числом очень ограничены, и обделены могуществом, и многократно бывали покорены другими государствами, но ведь и в нашей стране свершено много подвигов мужества, достойных быть письменно увековеченными, которые, однако, никто из них не позаботился записать в книги. Итак, если они не подумали даже о собственной пользе и не оставили миру памяти о самих себе, то есть ли нам смысл обвинять их и предъявлять им еще большие требования — [почему они не сделали этого] и в отношении прошлого?

Но могут сказать: [это произошло] из-за отсутствия в то время письма и литературы, либо же из-за разнообразных войн, следовавших вплотную одна за другой. Но это мнение несостоятельно, ибо были же промежутки между войнами, как и персидское и греческое письмо, на котором написаны хранящиеся у нас по сей день многочисленные книги, содержащие сведения о собственности деревнях и областях как и в каждом доме, об общинных тяжбах и сделках, особенно же — о наследовании исконных состояний[6] [С. 7—8].

19

В этих главах я, приведя все в соответствие, последовательно представлю старейших мужей и предков нашего народа, предания о них и свершения каждого из них, не прибавляя ничего вымышленного к тому, что сказано в книгах и, следовательно, к словам мудрых мужей, знатоков всего этого, в чьих [трудах] мы постарались тщательно отобрать все записи о древности. И скажу, что мы в этой истории придерживаемся истины по приверженности нашей к правдивости. Что [все] составлено именно так, — то известно Богу; люди же пусть хвалят или поносят —это нам безразлично, и мы далеки от этого [С. 33].

21

И вот я испытываю немалую радость и ликую, дойдя до времени, когда потомки нашего коренного предка достигают царского сана. Поэтому нам стоит приложить здесь большие усилия, изложить много сведений и глав, коих основу мы удостоились прочитать в четырех разделах [книги] плодовитого в повествованиях и мудрого, мудрейшего из мудрецов [С. 36].

Если же спросишь — откуда нам так хорошо известны имена наших предков, а во многих случаях — и их деяния, отвечу: из древних халдейских, ассирийских и персидских архивов; ибо их имена и деяния, как должностных лиц, управителей и великих наместников, назначенных царями, были включены в их записи [С. 37].

Книга вторая

ИЗЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ НАШИХ ПРЕДКОВ

59

Так как в дни Арташеса[7] было свершено много дел, то мы и распределили их по многим главам, дабы длинные рассказы не были в тягость читателям. Эта же последняя глава предназначена как бы для упоминания всего остального, что имело место во времена Арташеса. Ибо хотя Валаршаком и другими нашими древними царями было введено множество прекрасных порядков и обычаев [...], но они, занятые набегами и нашествиями, упустили важнейшие умения и знания. Они либо пренебрегали этими знаниями, либо же не постигали их, скажем, смену недель, месяцев и годов. В их времена не ведали о таких вещах, которые у других народов были давно приняты [С. 108].

64

Мы сколь возможно избегали излишних речей и прикрас и всего того, что придавало бы словам и мыслям неточность, и по мере сил следовали как в заимствуемом,

так и в собственном только справедливому и истинному. Так же поступаю и здесь, удерживаясь от потока неуместных слов и от того, что может породить неправильные мнения. А тебя[8] умоляю и теперь, как уже делал многократно, — не принуждай нас к излишнему и к тому, что скудостью или чрезмерностью слов может обратить весь наш большой и достоверный труд в напрасный и ненужный, ибо это нанесло бы вред равным образом и мне, и тебе [С. 113—114].

68

Но да не посетуешь ты на нас как на потрудившегося втуне, за то что мы как бы повторили однажды уже рассказанное, но знай, что мы повторились с охотой, чтобы читатели получили более основательное представление о сородичах нашего Просветителя[9] [С. 117].

75

Что же касается царствования Трдата, как и последовавших за ним событий, то [опишем их], не допуская ни ошибок, порожденных леностью или неосторожностью, ни прилаживания изложения к ним посредством сознательных отклонений, а следуя тому, что упомянуто в греческих книгах, основанных на архивах. По этому примеру мы рассказали тебе без утайки также и все то, что досконально узнали из известий мудрых мужей и знатоков древности — любителей словесности [С. 122].

82

[...] Без хронологии нет подлинной истории [С. 127].

Книга третья

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

1

Изложу я эту историю общедоступным языком, чтобы люди как можно чаще и без устали брались за чтение истории нашего отечества, привлеченные не красноречием наших слов, а правдивостью нашего повествования [С. 147].

47

Во время своего проповедничества блаженный Месроп испытывал немало трудностей, ибо он был одновременно и чтецом, и переводчиком. Если же читал кто-либо другой, а его при этом не было, то народ ничего не понимал за отсутствием переводчика. Поэтому он замыслил изобрести письмена для армянского языка и, всецело отдавшись этому делу, тяжко трудился, перебирая разные способы [С. 186 — 187].

54

В это время вернулся Месроп с письменами нашего языка и, отобрав по велению Врамшапуха и Сахака Великого умных и здоровых детей, обладавших мягкими голосами и долгим дыханием, учредил школы во всех областях и стал учить во всех уголках персидского, но не греческого удела, где [народ], оказавшийся из-за рукоположения в подчинении кесарийского престола, вынуждали пользоваться греческой, а не сирийской грамотой [С. 193].

68

Оплакиваю тебя, Армянская страна, оплакиваю тебя, благороднейшая из всех северных [стран], ибо отняты у тебя царь, священник, наставник и учитель; потревожен мир, укоренился беспорядок, пошатнулась правоверность, невежество утвердило иноверье [С. 212].

Как я смогу вынести эти страдания? Как я закалю свой ум и язык, чтобы воздать словами отцам[10] за мое рождение и воспитание? Ибо они подарили мне жизнь своим учением и, воспитав, отправили к другим совершенствоваться. И в то время как они ждали нас, полные надежд, готовые восторгаться моими всесторонними познаниями и совершенной оснащенностью, а мы со своей стороны спешно двинулись из Византия и неслись с безудержной быстротой, надеясь танцевать и петь на свадьбе, — ныне только стенаю, поменяв пир на плач над могилой. Не довелось мне даже увидеть смежение их очей, услышать последнее слово и благословение [С. 213].

Кто теперь оценит наше учение? Кому будут в утеху мои, его ученика, успехи? Кто выразит отеческую радость по поводу сына, в чем-то превзошедшего его? Кто обуздает дерзость ополчающихся против здорового учения, которые, шатаясь и разлагаясь от любого слова, только и заняты частой сменой учителей и книг, как сказал один из отцов? Они равно обижаются на все слова, а сами являют дурной пример тем, что издеваются над нами и презирают нас как людей несостоятельных, чуждых какому-либо полезному умению. Кто же заставит их замолкнуть угрозой, утешит нас похвалой и определит меру слову и молчанию? [С. 213].

Наставники безграмотные и самодовольные, присвоившие свой сан, а не призванные Богом, избранные при помощи серебра, но не Духом, стяжатели, завистники, утерявшие кроткость, в коей обитает Бог, и обратившиеся в волков, терзающих свое стадо.

Монахи лицемерные, чванливые, тщеславные, предпочитающие почести Богу.

Епископы горделивые, сутяги, суесловные, ленивые, ненавистники наук и назиданий, любители торжищ и скоромошества.

Ученики нерадивые в учении и скорые на поучения, богословы прежде [изучения] теории.

Простолюдины дерзкие, непокорные, бражники, вредоносные, бегущие от наследственного [надела].

Воины робкие, хвастливые, ненавидящие брань, бездельники, сластолюбивые, нестойкие, грабители, пьяницы, похитители, собратья разбойников.

Начальники мятежные, приспешники воров, скаредные, рвачи, скупые, алчные, расхитители, разорители, сквернолюбцы, сообщники слуг.

Судьи бесчеловечные, лживые, обманщики, взяточники, не чтущие закон, изменчивые, придирчивые [С. 214].

«КНИГА ХРИЙ», ИЛИ «КНИГА ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ»

Это выдающийся памятник переводческой и литературной деятельности грекофильской школы, созданный в

70-х годах V века. В основном он включает «Риторическое искусство» («Chrea Aftoniana» или «Art rhetorica») известного греческого ритора III — IV веков Афтония, а также отрывки из трудов Теона Александрийского (I в.) и Николая Мюрского (I-я половина V в.). Перевод данного сборника не без оснований приписывается Мовсесу Хоренаци, который не только арменизировал его, приблизив к армянской действительности, но и включил множество самостоятельных кусков, что дает основание рассматривать его отчасти и как самостоятельное произведение. «Книга Хрий» — хронологически второе произведение в продукции грекофильской школы (после перевода «Искусства грамматики» греческого ученого-грамматика II — I веков до н. э. Дионисия Фракийского). Она способствовала распространению и усвоению риторики — второй ступени наук тривиума, формированию риторической науки, зарождению литературно-эстетических концепций, философско-риторической и грамматико-эстетической терминологии. Данный труд на протяжении столетий служил в качестве учебного пособия в средневековых армянских школах.

Появление этого труда было обусловлено как потребностями школьного образования в Армении, так и потребностями идейно-политического характера — необходимостью овладения логическими и литературными средствами для отстаивания национальных, конфессиональных и политических интересов, идейных и теоретических принципов в сложных и весьма острых идейных столкновениях эпохи. Содержащиеся в этом труде каноны и правила литературного творчества, искусства риторики и других видов «разумного искусства» имели программное значение для последующих армянских авторов. Впервые же они были реализованы Мовсесом Хоренаци в его знаменитой «Истории Армении». Ценность данного памятника заключается не только в приобщении армянских интеллектуалов и идеологов к достижениям античной мысли в области риторического искусства, но и в сохранении этого выдающегося памятника для истории науки, ибо его греческий оригинал утрачен и он стал достоянием науки благодаря армянскому переводу.

Данное учебное пособие состоит из девяти глав, в каждой из которых определяется тема, приводятся риторические и логические приемы и правила для ее раскрытия, дается их объяснение, а с целью «наставления отроков» и облегчения процесса усвоения учебного материала и соответствующие примеры. Раскрытие педагогического или морального содержания и направленности различных изречений, сентенций или деяний выдающейся личности составляет задачу и цель приводимых примеров-упражнений.

Наставление есть речь, оканчивающаяся отрицанием, [а именно]: побуждая к чему-либо или же отдаляя [от чего-либо]. И поэтому некоторые наставления [по своей природе] бывают отрицательными, как, например, нужда и потребность в чем-то. Другие являются отрешающими, как, например, утверждение: не надлежит спать всю ночь. А некоторые [наставления бывают] побуждающими к чему-то, как, например: необходимо бежать от нищеты и убожества. А некоторые — доказывающими, [как например] утверждение: всякое первоначинание есть проявление мужества. А некоторые [наставления бывают] соединяющими, [как, например,]: не является благом многовластие, ибо должен быть один повелитель. А некоторые [наставления бывают] пречедными, [как например]: ничто так не питает немощный мир, как человек. Вот [все] разновидности наставления.

А приводится оно (наставление) в действие подобно хриям, [а именно]: сказывая панегирик, [приводя] толкование, причину, природу противного, притчу, пример, свидетельства древних, словесным увещеванием.

Назидание отличается от хрий, [ибо] наставление существует безотносительно к лицу, [которому оно адресовано], а хрия существует вместе с [конкретным] человеком. Кроме того, наставление [по природе] всегда бывает разумным, а хрия — иногда и практическим. [С. 356].

Видя где-либо выступления шутов-комедиантов, доставляющих людям множество полезных вещей, всегда должен понимать, что они являются причиной удивительнейших вещей. Они в своих представлениях, смешав увесе-

лительные и приятные для слуха слова, сочинили и различные полезные сентенции, [которые] с одной стороны [наводят] на размышления, побуждающие к добру, а с другой стороны в сочетании с увеселяющим [характером] утешения отвращают и удаляют от зла. Таким образом, обе стороны в совокупности наставляют и направляют мысль многочисленных слушателей. [С. 366].

Некоторые [народы] имеют [склонность] к философии, иные — к риторике, часть их — к весьма полезному грамматическому искусству и многие другие [способности] в зависимости от склонности каждого [народа]. Многие же [народы] упражняются в практических (рукодельческих) искусствах. И от [наличия] разнообразных дарований мир наполнился благолепием.

И если было бы не так, а все [народы] обладали бы одинаковой склонностью [к какой-либо отдельной науке или же конкретному искусству], то быть может даже у древних не было бы благоустройства. Ибо если бы все [народы] занимались [только] земледельческим трудом, то какая военная [сила] защитила бы нас, что является причиной всякого мира и покоя. И опять-таки кто бы [занимался] выгодной морской торговлей, которая приносит пользу для нашей жизни или же другими неисчислимыми [полезными практическими искусствами]... [С. 367].

Из множества разумных философов, занимающихся умозрением, пристойно всегда в первую очередь удостаивать похвал тех, кто красноречиво отвергая плотские удовольствия нашли [нужным] заниматься только делом чисто разумного (теоретического) знания [...]

И в этом подлинно достоверное учение, которое поистине укрепляет человеческую природу (душу). Ибо оно, занимая срединное положение между искусством и ремеслом, в состоянии развиваться (изменяться) в обе стороны, что и стремится предпринять каждый из обучающихся и наставляемых [соответственно] своей естественной способности и по окончании достигает успеха. Прежде всего с детских лет, руководствуясь наставлением и учением, [человек] приобретает способность к рациональному [мышле-

нию]. В этом нуждаются [как] философы и риторы и все грамматики, [так] и представители всех других разумных (теоретических) искусств. Точно так же [в этом нуждаются] и все ремесленные (рукодельные) способности, будь это опытность в военном [искусстве], или земледельческом, или же мореходном — все они [благодаря] прилежности к упражнениям украшаются должным образом, поднимаясь к высшей ступени [совершенства] и это настолько, что никто и не предполагал увидеть в нем такое совершенство [С. 371—372].

Опровержение есть отрицание предлежащей вещи. Опровержению подлежит не чрезмерно достоверное и не наипаче возможное, а то, что обладает средней [по сравнению с ними] природой. И опровергая необходимо сначала вкратце осудить [того, кто] повествует о [предлежащей] вещи и потом лишь то же самое считать произведением вещей.

А опровержение [необходимо] осуществлять по [следующим] главам. В первой [главе] надо исходить из неясности [суждений о вещи]. Во второй — невероятности. В третьей — невозможности. В четвертой — ошибочности. В пятой — нелепости. В шестой — бесполезности. И обучение этому [искусству] надо признать наиполезнейшим делом, чем все другие [знания], так как о силе и возможностях всякого искусства можно судить при помощи его [способности] опровергать и творить. [С. 374].

ОВАН МАНДАКУНИ

(2-я. пол. V в.)

Крупный церковно-политический деятель, переводчик, один из последних представителей школы Саака Партэва и Месропа Маштоца. Ован Мандакуни принимал активное участие в национально-освободительном движении армянского народа против персидского владычества под предводительством Вагана Мамиконяна[1]. Будучи католикосом Армении, он упорядочил ритуал армянской церкви («Маштоц»), расширил и обогатил «Часослов», за-

нимался переводами с греческого языка на армянский. Мандакуни — автор многих речей, толкований и канонов. Он с позиций церковно-религиозной морали подвергал резкой критике народный театр пантомимы и музыкально-поэтическое искусство гусанов[2], как рассадников разврата и нравственного разложения людей. Из его текстов можно составить представление о силе воздействия народного театра и искусства гусанов на умонастроение и нравственный облик людей эпохи. Особенно резко критикуются им сопровождающие эти массовые увеселительные зрелища пьянство и разгул, как большое социальное зло, угрожающее нравственным устоям нации. Однако в данном случае речь у него идет не об осуждении театрального и музыкального искусства как таковых, как видов искусства вообще, а о конкретных формах их проявления в определенную историческую эпоху. Ибо важнейшей функцией искусства является нравственно-воспитательная. Во всем этом он требует соблюдения чувства меры, которое рассматривается в качестве основного принципа человеческого бытия. Хотя автор подвергает критике народное музыкально-поэтическое искусство с позиций определенных, христианских духовно-нравственных ценностей, однако в ней нашли отражение и те негативные последствия, к которым приводят вульгарные формы проявления народного искусства, неприемлемые не только для христианской, но и всякой нормативной морали.

В «Речах» Мандакуни освещаются также приемы и методы христианского поучения и наставления, вопросы взаимоотношения вардапета и народа, морального облика и статуса наставника и т. д., которые раскрывают один из важных аспектов средневекового обучения и воспитания.

РЕЧИ[3]

Речь о надзирании священников над народом

И то, что некто наставляет словом прежде всего следует исполнить делом... [С. 70].

Но ты будь осторожен, беспрестанно молись, непрерывно вопи, изучай и внимай всему, читай много и наставляй: некоторых [путем] наказания, других —умилостивления; некоторых побуждай утешением желанного [небесного] блаженства, других — приведением в ужас страхом геенны огненной; некоторых наставляй в самой церкви, дабы и других поучать [одновременно]; других наставляй наедине, дабы от порицания толпы, отпираясь, не пренебрегли бы увещевание. И если даже отвергнут его ты в своем упорстве не кричи [на него], ибо слуге божьему не приличествует прекословить, но быть кротким в отношении всех... [С. 73].

О злословии и неосудимости [поведения] вардапетов

Наблюдай за собой и суди о своем поведении, а не предводителей духовных. Но если в каких-то вопросах веры [вардапет] окажется непригожим и наставляет нечто недостодолжное, то беги от него, не подходи [к нему], не вкушай [его речей] и не сообщайся с ним и не приближайся, ибо если его вера несовершенна и он поучает не достодолжное [...], то не общайся с ним [...] Ибо тебе следует рассуждать относительно вопросов [истинности] их вероучения, а относительно [истинности] их поведения следует судить Богу. И если в вопросах веры священник оказывается совершенным, то будь только ему послушным и относительно его поведения ничего плохого не говори. Если ты ученик, то не осуждай вардапета. Только Христос [может] наблюдать и судить их [С. 83—84].

О безбожных пьяницах

Ибо хотя и напивается [вином] тело, однако руки отказываются работать, ноги спотыкаются при ходьбе, язык переплетается в разговоре, уши закупориваются и не слышат, глаза перестают видеть, сердце лишается ума и все органы пребывают во мраке — обесчувствованные и лишенные разума.

Вот пороки и беззакония, [идущие] от разгульного пьянства [людей], которые не обретут царство Божие и ко-

торые рассуждают подобно прелюбодеям и убийцам, ибо созданные Богом разумными, они превратились в безумцев вследствие неудержной страсти к винному похмелью. И где они находятся, куда направляются и откуда идут они вовсе и не ведают, ибо, хватив вина, их органы чувств становятся бездеятельными. Чрезмерное опьянение вином затуманивает разум, увеличивает оцепенение, разрушает мысль и лишает силы мужества. Итак, не заслуживает ли это великих мучений и страшного гнева небесного, ибо одаренные способностью речи и наделенные разумом [существа] превратились [вследствие] необузданного пьянства в бессловесных (неразумных) животных [С. 121].

Но я знаю, что ты скажешь: но для чего же в таком случае создано вино, если пить возбраняется? Не то что пить возбраняется, а напиваться допьяна, подобно тому как женщина создана для супружеской жизни, но прелюбодеяние запрещается, [или же] железо создано для [нужд] земледелия, но убийство [совершенное посредством оружия из железа] запрещается. Точно так же и вино создано для исцеления наших недугов, но безмерное его [употребление] пресекается. [Бог] осуждает не употребление вина, но наказывает пьянство. Но в то же время вино является необходимым [средством] для больных и скорбящих... [С. 122].

О безбожных дьявольских театрах

И я сам будучи полон всяких грехов беспрестанно горюю и сокрушаюсь о том же, ибо от вашего скверного безбожия сатанинские театры постоянно веселятся, содрогаясь от радости, а церкви Христовы постоянно горько рыдают. Так как, отнимая чад святой церкви, сатана заставляет их прислуживать себе в гнусных, грязных и бесстыдных театральных представлениях; он все время пытается отвратить, удалить людей от милосердного Бога и его преславной благости и сделать их своими сообщниками... [С. 123].

И вот чрезмерно погрязшие в дьявольских заблуждениях, полоненные и прельщенные тайными помыслами сатаны, вы тщитесь попасть в его западню, [несущую] горь-

кую смерть; посещать растлевающие [душу] театральные игрища, слушать обманывающие слух мерзкие звуки, [издаваемые] при скверных и гнусных, безбожных и исступленных беснованиях гусанов, которые все время преследуют благодать Святого Духа и сеют в ваших сердцах и мыслях смертоносные и гнусные намерения сатаны [...] И приобрев в душе своей всепожирающий огонь и умерщвляющий меч, [люди] выходят из театров скверны, будучи смертельно [ранеными] и глубоко пронзенными потаенными стрелами сатаны, который коварно ранит дух и заставляет верить в ничтожное, величайшее безбожие, от чего необходимо вечно трепетать и ужасаться, избегать и отвращаться с великим страхом. Ибо богопротивны обычаи, порочны и его побудители, [а именно]: вино, гусан и сатана. И разум, заблудший [вследствие] разврата и пресыщения от невоздержанности [тех людей], которые добровольно и легковерно принимают злые семена сатаны, в особенности легкомысленный и горделивый род похотливых женщин, легкопослушных, легковерных и обманчивых, своей невоздержностью впавшие в распутство, постоянно и без страха спешат в театры, дабы поглазеть на богопротивные игрища и дьявольское публичное место. И поднявшись наверх, они садятся на зрительские места, думают о себе подобных, [находящихся] в пороке и наблюдают [за ними]. И хотя они пока непосредственно не участвуют в безбожных действиях, однако уносят с собой вонзенные в их сердца смертельные стрелы, от которых они погибнут с течением времени. Подобно тому, как зверь, раненый охотничьими стрелами, хотя на какое-то время и спасается от сетей смерти, однако потом умирает от унесенных [с собою] стрел.

Итак, когда же вы потушите опасный пожар, [порожденный] этим слепящим пламенем? Или же окажетесь ли вы в состоянии когда-нибудь отыскать средство для исцеления от [наносимых] невидимых ран? Или же когда вы, разрушив, стерете с лица земли места театральной скверны, губительную западню, скопище бесчисленных зол, кузницу всякого рода пороков? Потому что именно там побуждают девиц к разврату, замужних [женщин] — к блуду; там жены становятся противными для мужей, а мужья — прене-

брегаемы для жен; там сыновья враждуют с отцами, а слуги — с господами; оттуда проистекают дурной вкус стариков и распутство молодежи; оттуда же бесстыдство старух и рукоблудие юных вдовиц; наглость мужчин и неистовство женщин; оттуда лесть, оставление своих жен и умерщвление [внутриутробных] младенцев и другие насилия ради поощрения обмана... [Театральные зрелища] сообщают также и невоздержность человеческой душе, малодушие, помрачение рассудка, наглость взгляда, пустословие языка, беспечность к работе и приводят ко всякого рода порокам, которые, отвратив, удаляют [людей] от милосердия Божьего и, отлучив, вырывают из [лона] христианского вероучения. И я не в состоянии перечислить все виды пороков, которым обучают театры: гордыня, богохульство, коварство, обман, злоба, зависть, злословие — вследствие чего ниспосылается на землю кара Божья, которой [Бог] в великом гневе обрекает [людей] на мучения. И вот все это безбожие приобретается теми, кто посещает театральные игры и приумножает в своих телах порочные плоды семян, [брошенных] сатаной [С. 124—125].

Итак, ради чего ты предаешь себя этим мучениям? Или же что ты получил от [посещения] этих скверных [театральных] игрищ, [мест] разврата, самодовольства и легкомысленности? И никакой от этого пользы, но лишь бесчисленное множество ужасных пороков. Ибо хотя непотребным [людям] бывает по душе смотреть гнусные театральные [представления] и которых от распутной жизни постоянно снедают и точат страсти, однако и у лишенных этих пороков людей [при взирании на театральные представления] появляется отвратительная скверна и бесстыдная похотливость.

[При этом] женщины сообразовывают [свои поступки] с поведением блудниц, а мужчины — похотливых лошадей, которые безбожным сквернословием опускаются даже ниже животных [...] Ибо где мимы и гусаны, [театральные] игры и шутовство похабные там вместе с ними пускаются в пляс и дэвы, сея множество скверны в мыслях пьянствующих развратников, а к еще большему исступлению побуждают [в особенности] нечестивые гусаны — гонители свя-

той благодати [...], которых следовало бы побить градом камней и сжить со света, отобрав у них растлевающих в пьяном разгуле [зрителей] из увеселительных мест [театральных] игрищ, куда входят здоровыми, а выходят раненными [...]

[Люди] с гораздо большим удовольствием отправляются в стан бесов, спеша на зов сатаны, чем в святую церковь Христову. Ибо становищем бесов являются [места] театральных игрищ и всяких разгульных пиршеств с участием гусанов..., [где] рассуждают и говорят обо всем в согласии с волей сатаны и не распознают его злых стрел [С. 126—127].

Ибо нет такого человека, который огнем бы тушил огонь, как и нет [человека], который посредством зла достиг бы добра. Кто этот [человек], что посадил терновник и собирает виноград или же посеял плевелы и убирает пшеницу? [...] И кто живет в таком безбожном распутстве и неудержной страсти к пьянству и проводит [жизнь] в дьявольских театрах [среди] шутов-гусанов, тот пусть нисколько не надеется избегнуть геенны огненной. Помни грозное предостережение о том, что горе тем, кто смеется сейчас, ибо они опечалятся [потом], что горе тем, кто веселится нынче, ибо они [потом] будут проливать [горькие] слезы и скорбеть, что горе тем, кто пьет вино дабы упиться и натираются душистыми маслами... [С. 128].

ЛАЗАР ПАРБЕЦИ

(ок. 443 г. — кон.V или нач. VI в.)

Выдающийся историк Лазар Парбеци родился в селе Парби области Арагацотн Айраратской провинции. Детство провел в Грузии вместе с будущим спарапетом и марзпаном Армении Ваганом Мамиконяном. Первоначальное воспитание и образование получил в семье Мамиконянов, а затем — под руководством сведущего в греческой учености Агана Арцруни[1]. Парбеци ок. 465 — 466 годов был отправлен для продолжения учебы в Византию, где изучал языки, античную и христианскую литературу.

Вернувшись на родину, он развернул церковную и школьно-просветительскую деятельность в Ширакe[2]. В 484 — 486 годах он находился в Сюнике[3] с целью упорядочения вопросов церкви и образования. В 486 году он назначается настоятелем Эчмиадзинского монастыря[4].

Однако интриги противников вынудили Парбеци переехать в город Амид, где он и написал свое знаменитое «Послание к Вагану Мамиконяну», в котором разоблачается невежество и косность реакционного духовенства. Марзпан вызвал его и поручил написать политическую и церковную историю Армении в воспитательных и просветительских целях, которая была завершена в конце V века. Труд Парбеци, как и «История Армении» Хоренаци, в течение многих веков служил источником знаний, примером для подражания. Он призывал к единству и сплоченности народа, усматривая в этом залог политической и государственной независимости.

Парбеци выдвигает и осуществляет ряд методических и исследовательских принципов: критическое осмысление источников (как письменных, так и устных), определение достоверности источников, объективность и логическая последовательность изложения материала и т. д.

Одним из характерных для него литературных приемов является выдвижение сперва более аргументированных положений, а потом лишь — менее аргументированных. Парбеци высказывает ряд идей, касающихся школьного дела и воспитания в Армении. Он особо подчеркивает воспитательную силу личного примера, необходимость сочетания физических и духовных добродетелей — основу истинного человеческого совершенства, конкретное практическое деяние, как критерий оценки деятельности людей. Он считает, что создание собственной национальной письменности является важнейшим условием духовно-интеллектуального развития народа, его успешной борьбы за культурную самобытность и независимость. Существование же школ невозможно без соответствующей учебной и другой необходимой литературы.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[5]

3. Итак, может ли быть, чтобы муж Фавстос [Бузанд][6], получивший воспитание и образование в таком городе (Константинополе) и среди столь образованного множества [людей], включил в свою историю какие-либо неприятные для слушателей вещи? Нет, этого быть не может! Поэтому, по скудоумию моему, считая такое дело весьма сомнительным, я полагаю, что, может быть, кто-то другой, наглый и несведущий в письменности [человек], приложил руку к книге и написал то, что счел надобным по своему усмотрению. Или же кто-то, неспособный к достодолжному и пристойному, испортил [книгу] иносказаниями и решил ошибки, идущие от его наглости, прикрыть именем Фавстоса. И это очевидно всем читателям, потому что имеются некоторые в Греции, а еще больше в Сирии, множество раз тайно [прибегавших] к такому бесстыдству. Невежественные и дерзкие люди, сами написав пустые и нелепые речи и перемешивая их включили в книги, [предназначенные] для сведущих слушателей. Однако критический ум отчетливо различает речи ученых и бредни глупцов [С. 12].

4. Он (Ваган Мамиконян), подобно тому как пекся всеми другими своими благими деяниями о стране Армянской, еще более необходимым и достодолжным счел это: продолжить с оставшегося места Второй книги истории[7] дальше и написать о происходивших с того времени в стране Армянской событиях. С великой осторожностью изложить и расположить один за другим добродетели всех духовных лиц и доблести храбрых мужей, дабы услышав о добродетельной жизни духовников толпы народа и люди возжелали подражать их мученичеству, а храбрецы, услышав о совершенных в прошлом другими храбрецами делах, умножили бы свое мужество, оставив славную память после себя — [память] себе и народу. А нерадивые и порочные [люди], видя [все это] лично и слыша осуждение других — просвещаясь от доброй зависти, стремились бы исправиться, сделаться лучше.... [С. 14].

Глава первая

10. Во время его (Врамшапуха) царствования от всемилосердного Бога была ниспослана божья благодать одному праведному мужу по имени Маштоц, который происходил из области Таронской, из деревни Ацекац, сын мужа, имя которого Вардан. В детские годы, изучив греческую словесность, [Маштоц] поступил на службу при дворе армянского царя Хосрова[8], был включен в группу придворных писцов-секретарей, так как государственные секретари вели в то время дела царей армянских — указы и грамоты — сирийскими и греческими письменами. И прослужив там несколько лет благопристойно, после возжелал [принять] монашеский чин [С. 28].

Блаженный муж Маштоц постоянно беспокоился и горевал, видя огромные усилия и прежде всего — расходы отроков страны Армянской, которые большой дорожной провизией, дальними странствиями и длительным передвижением истощали, иссушали свои дни в школах сирийской учености. Так как богослужение и чтение [Святого] Писания в монастырях и церквах народа Армянского совершалось на сирийском языке, поэтому народ этой большой страны не мог ничего понять и получить [какую-либо] пользу. И от незнания, непонимания сирийского языка — тщетность усилий церковнослужителей и бесполезность для народа... [С. 30].

И святой католикос Армении Саак вместе с блаженным Маштоцем пришли к царю Врамшапуху и объяснили ему всю важность этого дела (создание армянского алфавита) [...] И они торопили его, говоря: «Спеши, чтобы это великое и полезное для страны Армянской открытие произошло в период твоего [царствования], которое принесет тебе в грядущем большую пользу, незабвенную память и небесные удовольствия, чем твоя царственная власть или же власть бывших до тебя, твоих предков из рода Аршакуни» ... [С. 32].

Упорядочив затем [...] армянские буквенные знаки и приведя их в соответствие с расположением букв греческого алфавита, решили основать школы и обучить множество детей, так как каждый ободренный [изобретением] человек жаждал обучиться армянской грамоте. И спешили изба-

виться от мук, [причиненных] сирийской [ученостью], подобно тому как, избавившись от мрака, стремятся к свету. Однако [они] были обеспокоены отсутствием Священного Писания, так как пока еще не существовали на армянском языке святые заветы церкви. И блаженный Маштоц и бывшие с ним именитые священники не могли решиться приступить к такому чрезмерно важному делу — переводу [Священного] Писания с греческого языка на армянский, потому что еще не были достаточно сведущи в изучении греческого [С. 36].

11. Тогда собрались все старшие священники страны Армянской вместе с блаженным Маштоцем и всеми нахарарами страны Армянской и крупными танутэрами у царя Армянского Врамшапуха и вместе с царем начали молить святого католикоса Саака взять на себя духовный труд и перевести Священное Писание с греческого языка на армянский. И священники старших чинов сказали святому патриарху: «Мы, что стоим пред тобой, вместе с блаженным Маштоцем, в котором божественная благодать пробудила это желание — упорядочить давно начертанные буквенные знаки, которые никто не позаботился ввести в употребление, а многотрудным и бесплодным сирийским образованием мучались высокомерно. Вследствие этого толпы народа без пользы и порожние, отрекшись, удалялись от церкви, а учителя со вздохом и стоном сожалели о тщетности своих усилий, в которых никто из собравшихся любознательных [мужей] не видел пользы от проповеди духовных увещеваний, что является пищей и живительным источником для жаждущих познания мудрости людей, пока не были найдены [армянские] письмена [...] Упорядочение всех этих дел должно быть осуществлено знанием твоей добродетели. Итак, подобно тому как святой мученик Христа Григориос[9] в мучениях был сохранен невредимым десницей всемогущего [Бога] ради распространения в стране Армянской истинного знания, [точно так же], сохранив, подарил тебе, его потомку, судьбу этого светлого наследства — положить начало этой культурной работе и уподобиться своему святому предку, который повел страну Армянскую от невежества к истинному богопознанию» [...]

И когда святой патриарх Армянский Саак завершил дело огромного духовного труда, немедленно основали школы для обучения армянской [грамоте], умножилось число писцов, превосходящих друг друга. Украсилось богослужение святой церкви [С. 38].

Глава третья

62. А оставшиеся еще в младенческом возрасте сыновья принявших вместе со святым Варданом[10] мученическую смерть [мужей], были из того же рода Мамиконянов, или из рода Камсараканов, или же из других [именитых] родов. Жены погибших за веру мужей и [оставленных] заложницами при [персидском] дворе хотя и находились в крайней нужде, однако [вели себя] не как беспечные и низкопробные женщины, а подобно своим храбрым мужам воспитали и превеликой заботой дали на обучение, увещевали, наставляли своих детей, превосходно позаботились о полезной [жизни] благовоспитанных ими отроков в грядущем. И особенно жена брата святого Вардана, погибшего Амаяка Мамиконяна, которая была женщиной именитой и [своими] умственными способностями превосходила всех и выделялась среди всех женщин страны Армянской [С. 266].

75. И спарапет Армении Ваган Мамиконян, отвечая Миграну, сказал: «...Между тем ныне те, [происходящие] из порочного рода и презрительные из людей, кого вы назначили князьями страны Армянской, вследствие своей низости упразднили в стране Армянской храбрость, доброе имя и добрые деяния. Так как войско, военачальнпк которого плохой, не может быть хорошим, также и страна, князья которой являются низкими: невозможно этой стране быть первенствующей и известной [...]

Узнавайте и различайте людей — хороших и плохих, и от каждого требуйте деяний, а не шутовства. Взирайте на дела, [дабы] воздать должное по заслугам, а не по коварству» [С. 334—336].

91. Нихор[11] начал говорить с Ваганом Мамиконяном и сказал: «Хотя мы и не соотечественники и естественно ты

не жил со мной, но по тому, как многократно видел тебя при [персидском] дворе и слышал от многих людей страны — от армян и от персов — не от несведущих и презрительных людей, а от храбрых, усмотрительных и мудрых азатов, в чем теперь на деле мы воочию убедились и уразумели все это. Так как исход войны разрешается как храбростью, так и даже в большей мере — благоразумием и знанием, как ты и дал узреть и понять всей Арийской стране[12] эти две [способности] полностью в твоем лице. Так как ты проявил храбрость небольшим числом людей, ибо желаешь воюя малыми силами против многочисленных [войск], нанести такой огромный ущерб и причинить столько беспокойств [...] Ибо если эти две способности в тебе не были бы совершенными, то каким образом тебе удалось бы таким чрезмерно малым количеством людей устоять против столь несметного множества воюющих с тобой азатов — иногда одерживать крупные победы, а иногда навести страх и тревогу [...]

Потому что для храброго мужа чем долгое время находиться и жить под ударами, намного лучше в один день показать свою храбрость и умереть. И никто из арийцев не может обвинить тебя, что ты задумал и совершил такое [дело] — ни тот, кто ныне является властелином Персии, ни вельможи [персидского] двора, которых ты знаешь. Потому что, если царь царей Пероз оказался не в состоянии позаботиться о своей личности и своих детях, как он мог подумать и по достоинству оценить доброту хорошего подданного. Так как те деяния, которые ты совершил, никто в то время не отважился бы совершить, но каждый подданный, видя безмерность его наглости, каждый день помышлял бы совершить, и не будучи в состоянии сделать это, счел бы лучше умереть» [С. 400—402].

[...] Выслушав Ваган Мамиконян ответил на слова Нихора и сказал: «...Если бы мы находились в согласии и единении, и не были бы разделены и распылены — мы на деле дали бы узнать идущим на нас войной являемся ли храбрыми мужами или же подобны сирийцам» [С. 408].

ДАВИД КЕРАКАН (ГРАММАТИК)

(V – VI вв.)

Граматик, ритор и переводчик, представитель светского, эллинистического направления в армянской теоретической мысли, один из создателей грамматико-эстетической терминологии. Его «Толкование грамматики» – один из первых оригинальных трудов эллинофильской школы, посвященный анализу армянского перевода «Искусства грамматики» Дионисия Фракийского[1]. Это первое из известных нам многочисленных толкований грамматики, которое заложило основы целого направления в средневековой литературе. Однако Давид и последующие армянские толкователи грамматики анализировали не греческую грамматику или самого Дионисия, а армянскую грамматику, но по грамматическим категориям и принципам греческого ученого.

Это самобытный памятник армянской философско-эстетической и грамматико-риторической мысли, в котором принципы античного теоретического мышления переплетаются с нормами христианского мировоззрения. Давид Керакан творчески осмысливает и интерпретирует сочинение Дионисия, опираясь на особенности армянской художественной и языковой культуры, эстетического сознания, художественного мышления и т. д. При этом он выдвигает ряд новых для того времени философско-эстетических принципов, касающихся, в частности, оснований и методов грамматической науки и искусства вообще, анализа и оценки художественных ценностей, проблем классификации наук и искусств, их учебно-воспитательную значимость и т. д.

Давид Керакан впервые в истории армянской эстетической мысли вводит понятие «среднего» искусства, что имело не только художественно-эстетическое, но и мировоззренческое значение. Впоследствии благодаря сочинениям Давида Анахта этот принцип становится доминирующим в армянской эстетической мысли.

Хотя Давид Керакан, подобно античным и армянским авторам искусство и ремесло (и науку) обозначает

*терминами **арвест** и **aphect,** как идентичными, однако в содержательном плане он проводит различие между ними как различными сферами человеческой деятельности. Подобное терминологическое «смешение» и разнозначное употребление названных понятий сохранились вплоть до Нового времени, в том числе и в европейской науке.*

Эти и ряд других положений армянского мыслителя имеют также методическое и дидактическое содержание (использование в процессе обучения дедуктивного и индуктивного методов, принципа наглядности, доступности, ясности, учет очередности рассматриваемых вопросов, акцентирование значения образца для подражания и др.).

ТОЛКОВАНИЕ ГРАММАТИКИ[2]

Из двух начал образовалась природа человека — из духовного и телесного. И каждому из этих [начал] соответствуют различные части искусства: душе — разумное (теоретическое), а телу — практическое [искусство], но равенством связанные друг с другом, [а именно] — одно руководствуясь мыслью, а другое — совершая то же самое практическим действием. И обе части [искусства] соответственно подразделяются на три вида; на доброе, злое и среднее[3]. Для разумного [искусства] добрым являются духовные книги и песнопения, злым —колдовство и чародейство, средним — лирические песни и им подобные [вещи]. А для практического [искусства добрым являются] полезные ремесла — плотническое и кузнечное дело и им подобные [ремесла], злым — смертоносные зелья и орудия, а средним — искусство стрельбы из лука и искусство танца[4].

И оставив злое и среднее [искусства] художник возвышается к доброму. И так как из искусств некоторые являются постоянными, а другие — преходящими, некоторые — всеобщими, а другие — частными, [то для] разумного искусства постоянным и всеобщим являются [духовные] книги [и песнопения], а преходящим — лирические песни и создаваемые ими мысленные образы. А для практического [искусства] всеобщим и постоянным являются возводимые

крепости и проводимые оросительные каналы, а преходящим и частным — все посредственные вещи [...]

По необходимости намерения разумных (словесных) искусств осуществляются благодаря следующим пяти [способам] — цели [произведения], его подлинности, заглавия, [методов] наставления и подразделения на части, в чем и проявляется их полезность.

Цель [произведения] подобна мысленному образу строящегося дома или же всепредвидящей мудрости.

Подлинность же означает создавать не что-то чуждое и отдаленное [данной цели], а истинное и доподлинное повествование.

А **заглавие** [необходимо], ибо достаточно бывает одного наименования [произведения], чтобы постигнуть смысл, определить содержание каждого сочинения, как это наглядно видно из [названия] Грамматики или же книги Деяний апостолов.

Но [способ] **наставления** имеет двоякую форму, составляющих единое целое, [а именно]: или от творения вознамериться и спуститься к его частям, как, например, к ступени индивидов, или же одновременно от них вновь подняться [до уровня целого].

Подобно этому [осуществляется] и **разделение** [искусств] **на части,** ибо хотя оно начинается с грамматики и ведет до последней части искусства или же от последней части до изначальной (т. е. грамматики), благодаря чему расположение, последовательность [частей искусства] с большей доказательностью и ясностью приобщает учеников к сказанному и полезному [С. 244—245].

Необходимо знать и то, что разумное (теоретическое) искусство подразделяется на четыре части: на философию, разумную (теоретическую) медицину, грамматику и риторику. И каждая из них имеет сходство с другими частями, [как например], философ и врач-теоретик, ибо один исследует природу неба и земли, а другой — человека. А грамматика [имеет сходство] с риторикой, так как грамматическое искусство нуждается в велеречивых выражениях риторического [искусства] и оба в одинаковой мере пользуются

мифическими сказаниями и назидательными речами, а риторическое искусство [нуждается] в пунктуации и интонации и других ее (грамматики) изобретениях.

Однако грамматика берет свое начало из музыки, потому что именно ей (музыке) от природы свойственно пользоваться долгими и краткими [звуками] при исполнении песен в сопровождении игры на музыкальных инструментах. И лишь впоследствии среди многих людей возникло искусство грамматики. Поэтому наша задача заключается [в рассмотрении частей искусства] соответственно их очередности. Некоторые [философы] начинают [изложение грамматики] со звука, так как звук по их мнению является как бы материалом для разума, подобно тому как дерево является материалом для плотнического дела и железо для кузнечного. Но и благолепие и устройство мира, как они говорят, установлены звуком, подтверждая это тем, что посредством слова учителя наставляют, а обучающиеся ученики воспитываются [С. 246].

Повествование должно вестись удоботворимо — не по примеру обычных устных бесед, а или в соответствии с творениями поэтов или же сказывать обо всем, представляя сказанное по их (поэтов) принципам, канонам.

Это необходимо [иметь в виду] и вардапету, [дабы] он знал не что-либо чуждое, а вкратце усвоил сказания на родном языке и лучшие исторические сочинения, созданные в прошлом, чтобы когда спросят легко было воспроизвести [...]

А великое искусство грамматики хотя и расположено в конце [данной классификации] является частью разумного искусства, так как для представителя разумного (словесного) искусства характерно отдавать предпочтение превосходному, как например, чтению, ибо оно (чтение) ободряет слушателей, а затем [вызывает интерес] к разумному искусству, так как создает [у слушателей] вкус к сказанному [С. 247].

Трагедия не есть [искусство] простонародное, а поэтическое творение, [повествующее] о совершенных героями деяниях и о которых в соответствии с героическим характером деяний повествуется чрезмерно величественно, возвышенным [слогом], а не спотыкаясь и гнусаво.

А **комедия** представляет собой творения поэтов, являющиеся словопорицанием одних и благоизлиянием [к другим] и которые содержат в себе также много назидательного. [И создаются они] простонародным языком [и на житейские темы], дабы были доступны и понятны всем [С. 248].

А **лирическая поэзия** (вокально-инструментальное искусство), которая является частью философии подобно астрономии, геометрии [и арифметике] и обладает свойством арифметики, ибо гармоничность звуков (благозвучие) создается сочетанием стоп и игры на струнах (мелодии) соответственно воспеваемым вещам, а не привнесением чего-либо чужеродного [С. 249].

После этого нужно сказать о поэзии, так как хотя она и не является необходимой частью искусства подобно другим искусствам, но [необходима] для обучения отроков [С. 250].

ДАВИД АНАХТ (НЕПОБЕДИМЫЙ)

(70-е гг. V в. – сер. VI в.)

Великий армянский философ, логик и просветитель. Биографические сведения весьма скудны. Известно, что Анахт родился в селении Нергин Таронской области в Западной Армении. Поэтому в армянских источниках он часто упоминается и как Нергинаци (т. е. из Нергина). С группой юношей был отправлен в западные центры науки и культуры. Получил философское образование в александрийской школе под руководством Олимпиодора Младшего[1]*. По завершении учебы он остается там и посвящает себя научно-педагогической работе. Анахт побывал также в Афинах и Константинополе, участвовал в философских диспутах с видными учеными эпохи и был удостоен почетного титула «Непобедимого философа». В западной литературе он известен и как Давид Армянин. По возвращении на родину занимается научной и просветительской деятельностью, основное внимание уделяя пропаганде античных философских знаний на родном языке. Это вызвало недовольство в среде ортодоксального духовенства. Сочинения Анахта объемлют почти все области фило-*

софского знания эпохи: онтологию (учение о сущем), естествознание (учение о материальном сущем — природе), гносеологию (учение о познании), логику (учение о формах мышления), психологию (учение о душе), эстетику (учение об искусстве), этику (учение о морали), методологию науки и знания и т. д. Конечную же цель всей философской науки он видит в интеллектуальном и моральном совершенствовании человеческой личности.

Он разработал развернутую и многоступенчатую классификацию наук, исходным методологическим принципом построения которой является признание наличия определенного соответствия между последовательностью процесса постижения сущего и чередованием разделов теоретической философии. У него проявляется тенденция к установлению связи между логической системой частей теоретической философии и историческим движением познания, идея единства проблемы классификации знаний и проблемы периодизации их исторического развития. Данная классификация наук легла и в основу средневекового образования в Армении, отражая одновременно основные этапы процесса обучения, программу и содержание изучаемых предметов. Ядро давидовской классификации составляют науки тривиума — низшая ступень высшего образования и квадривиума — высшая ступень. Грамматика, риторика и логика (диалектика) легли в основу средневекового гуманитарного образования, а арифметика, музыка, геометрия и астрономия — составили цикл точных наук. Логикой или диалектикой завершался первый этап и подготавливался переход ко второму этапу. Выдвинутая Давидом классификация наук и основанная на ней программа обучения с некоторыми изменениями и дополнениями использовалась в высших школах и университетах Армении на протяжении всего средневековья. Она предусматривала постепенное восхождение от изучения одной дисциплины к другой, от одной формы знания к другой, более высокой форме. Жизнеспособность давидовской классификации, кроме прочих факторов, объясняется и тем, что в ней удачно сочетаются почти все известные в истории классификации наук принципы, как-то: исторический, логический, линейный, общего приз-

нака, субординации, координации и др. По Давиду, философия помогает человеку не только познать внешний мир и самого себя, но и приобщиться к добродетели, то есть стать совершенным. Совершенный же философ подобен богу, однако в отличие от него человек совершенствуется постепенно путем приобретения знаний и добродетелей. Приобретение знаний требует длительного и целенаправленного обучения и воспитания, так как способность к познанию существует в человеке, особенно в детском возрасте, в потенции, которую необходимо актуализировать. В том же ключе он подразделяет человеческие качества на приобретенные и прирожденные.

В трудах Давида Анахта содержится анализ ряда принципов и методов исследования и изложения, многие из которых имеют методический и дидактический характер. По его мнению, анализ произведения или само изложение должны опираться на определенную систему принципов, дабы стимулировать интерес и направить внимание читателей. Важное значение придается методам и способам преподнесения материала, а также преподавания. В процессе обучения и научного творчества необходимо следовать принципу ясности с целью более легкого усвоения материала. Неясность же происходит или от используемых слов или от содержания учений. В первом случае она проистекает либо от многословия, либо от «качества слов».

«Определения философии» — главный труд Давида Анахта, отражающий его основополагающие мировоззренческие и научные принципы. Это один из распространенных философских трактатов в средневековой Армении, многократно комментировался последующими философами и служил в качестве учебника по философии в высших школах. Древнеармянский текст издавался в Константинополе (1731 г.), в Мадрасе (1797 г.), в Венеции (1830 г.). Греческая версия издана Адольфом Буссе в Берлине (1904 г.). Сводный критический текст издан в Ереване (1960 г.) с параллельным русским переводом С. С. Аревшатяна.

Теоретическое наследие Анахта включает также: Анализ «Введения» Порфирия, Толкование «Аналитики» Аристотеля, Толкование «Категорий» Аристотеля. Одна-

ко в период ожесточенной церковно-религиозной борьбы, бурных столкновений внутри христианского мира он вряд ли мог обойти вопросы догматики или ее философского и рационалистического истолкнования и обоснования. Научные разыскания последних лет показали, что так называемый «Ареопагитский корпус», включающий четыре трактата и десять посланий, является творением не отдельного автора, а продуктом коллективного труда, написанного по поручению византийского императора Зенона с целью примирить два противоборствующих религиозных лагеря — монофизитов и диофизитов. Текстологический анализ многочисленных рукописей, а также идейно-теоретический анализ содержания трактатов привел акад. С. С. Аревшатяна к выводу, что два из них — «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» принадлежат перу Давида Анахта[2].

*Сочинения Давида ознаменовали завершение процесса формирования философской науки в раннесредневековой Армении и заложили теоретико-методологическую базу для дальнейшего развития национальной теоретической, в том числе и педагогической, мысли и всей системы образования. Философия Давида оказала влияние не только на последующих армянских мыслителей, но и на взгляды византийских — **Иоанн Дамаскин** (ок. 675 — 750 гг.), **Никифор Влеммид** (1197 — 1272 гг.), арабоязычных — **Аль-Кинди** (ок. 800 — 870 гг.), **Ибн-Сина** (980 — 1037 гг.), **Аль-Фараби** (870 — 950 гг.) — философов. В XVIII веке «Определения философии» и «Анализ «Введения» Порфирия» были переведены на грузинский язык.*

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РАЗДЕЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ТРИЖДЫ ВЕЛИКОГО И НЕПОБЕДИМОГО ФИЛОСОФА ДАВИДА, НАПИСАННЫЕ ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ ПОЛОЖЕНИЙ ПИРРОНА ЛЖЕМУДРОГО[3]

[*Глава первая*]

Кто однажды воспылал любовью к философскому слову и лишь кончиком пальца вкусил его сладость, тот,

распростившись со всеми суетными думами, устремится к этому слову с благоразумным вдохновением [...]

Не считая предстоящую работу тяжелой и взирая на нее как на частицу божественных даров, мы думаем, что по сравнению с нею всякий труд ничтожен и второстепенен [С. 31]

Глава вторая

На это мы будем возражать двояко: способом [непримиримого] противостояния [противнику] и способом равноправного оспаривания [его положений]. Задачей [непримиримого] противостояния является с самого начала вкладывать [в спор] правильную мысль и никогда не путать ее с другой [С. 33]

Еще Платон говорил, что он называет философом не того, кто много знает, и не того, кто может говорить о многих вещах, а того, кто ведет непорочную и незапятнанную жизнь, которая и есть практическая философия [С. 36]

[...] Хотя божественное само по себе и непознаваемо, однако, созерцая Его творения и создания, а также упорядоченное движение мира, мы постигаем творца посредством мышления и умозрения. Незримое легко познается через то, что зримо [С. 36 — 37]

[...] Совершенно лишь то учение, которое не только устраняет противостоящие сомнения, но и может утвердить свое [С. 38]

Глава третья

[...] Пирроновцы[4], проводящие жизнь в раздорах, стараясь опровергнуть все, захотели посредством доказательства опровергнуть мать доказательства — философию, т. е. опровергнуть философию с помощью философии же [С. 38 — 39].

Если кто-нибудь утверждает, что философии нет, то ему нужно доказательство, с помощью которого он отказы-

вает философии в существовании. А если ему нужно доказательство, то ясно, что он философствует, ибо материю доказательства является философия. Если же кто-нибудь признает существование философии, то он опять-таки философствует, ибо он должен прибегнуть к доказательству и с помощью последнего показать, что философия существует. Следовательно, философствовать приходится и в одном и в другом случае — и тому, кто отрицает [ее существование], и тому, кто не отрицает этого, так как оба они нуждаются в доказательстве, удостоверяющем их утверждения. А если кто-нибудь прибегает к доказательству, то ясно, что он философствует, ибо материю доказательства, как мы сказали, является философия [С. 39].

[...] Если кто-либо желает верно мыслить и думать о какой-нибудь вещи, он прежде всего должен знать природу этой вещи, т. е. ее определение, ибо, кто не знает определения, тот не замечает и всего того, что вытекает из этой вещи [С. 39—40]

Подобно тому, как невозможно составить сочинение, не зная, что такое сочинение и из чего оно образуется, точно так же невозможно определять, заранее не изучив, что такое определение [С. 41]

Глава четвертая

Определение есть краткое слово, которое выявляет природу подлежащей вещи [С. 41]

Надо знать, что определение отличается от описания тем, что определение образуется из существенных обозначений и выражает сущность и природу данной вещи, например: человек есть существо разумное, смертное, способное рассуждать и восприимчивое к науке. Описание же образуется из случайных признаков и отмечает свойства данной вещи, как, например: человек есть [существо] прямоходящее, наделенное смехом, имеющее широкие ногти [С. 43]

Необходимо знать, что существенное — это то, что при [своем] наличии дает вещи существование, а при от-

сутствии упраздняет [вещь, как таковую], как, например, разумность, наличие которой обусловливает существование человека, а отсутствие упраздняет. Случайным же является то, что своим наличием не обусловливает существование вещи и отсутствием не упраздняет ее, как, например, белизна, ибо от наличия белизны не зависит существование [вещи], а от отсутствия — ее уничтожение [С. 43]

Глава пятая

Необходимо знать, что определение возникло от подражания границам сел и земельных наделов, ибо предки [наши], чтобы избежать двух крайностей, излишества и недостатка, установили границы, дабы пользоваться своим и не трогать чужого.

Подобно этому и определение, отграничивая данный предмет, отделяет его от других [вещей] [С. 46]

[...] Совершенный философ отличается этими тремя [свойствами]: благостью, мудростью и силой. Ему присуща благость, ибо, подобно тому как Бог заботится обо всех, так и совершенный философ заботится о несовершенных душах, сообщая им совершенное знание. Ему присуща мудрость, ибо, подобно тому как Бог всеведущ, так и совершенный философ стремится знать обо всем и знает, что полезно. Ему присуща сила, ибо, как Бог может совершить все, как подобает, что пожелает, точно так же и совершенный философ может сделать все, что в его силах, но он никогда не будет желать того, что ему не под силу.

Однако следует сказать, что в отношении Бога сказанное обладает обратимостью, ибо он желает столько, сколько может, и может столько, сколько желает; а в отношении философа сказанное не обладает обратимостью, ибо он желает столько, сколько может, но не может столько, сколько желает [С. 48]

Когда на основе цели мы говорим, что риторика есть искусство убеждать, то здесь налицо необратимое определение, ибо все, что относится к риторике, является искус-

ством убеждения, но не всякое искусство убеждения есть риторика. Ибо искусством убеждения является не только риторика, но и логическая философия [С. 51]

Глава шестая

Необходимо знать, что имеется шесть определений философии. Первое — философия есть наука о сущем, как таковом. Второе — философия есть наука о божественных и человеческих вещах. Третье — философия есть забота о смерти. Четвертое — философия есть уподобление Богу в меру человеческих возможностей. Пятое — философия есть искусство искусств и наука наук. Шестое — философия есть любовь к мудрости [С. 52]

[...] Философия есть мать мудрости, искусств и всех наук, ибо от не рождаются и берут начало все искусства и науки [С. 53]

Глава седьмая

Надо знать, что насчет двух определений, вытекающих из подлежащего, и одного определения, идущего от этимологии, мы говорим, что они установлены Пифагором, хотя мы и не можем показать этого в сочинениях [самого] Пифагора, ибо он не пожелал оставить какого-нибудь сочинения, сказав: «я хочу оставить свое учение не неодушевленным, а одушевленным [существам]», называя неодушевленными книги, а одушевленными учеников, которые смогут ответить и разрешить сомнения, если кто-либо будет спрашивать или же у кого-нибудь возникнут сомнения. А книги, говорящие всегда одно и то же, не могут разрешить сомнений, возникших вне их самих [С. 57]

Глава восьмая

Невозможно знать количество отдельных вещей, но можно познать их природу [...] Только философия занимается божественными и человеческими вещами. Служа

человеческому, философия не пренебрегает божественным и, служа божественному, не отмахивается от человеческого. Она следует за божественным и учится у него, а человеческое упорядочивает и совершенствует [С. 59]

Глава девятая

[...] Добродетель, действительно, есть счастье; добродетель есть мать мудрости, ибо посредством добродетели мы приобретаем любомудрие. Счастливый человек — это тот, кто живет согласно добродетели, не предается печали ни из-за телесных испытаний, ни из-за внешних вещей, т. е. из-за имущества. А кто не предается печали из-за телесных испытаний и внешних вещей, тот не убивает себя. Точно так же и философ, живя согласно добродетели, не горюет ни из-за телесных испытаний, ни из-за внешних вещей. А те, кто предается печали и грустит из-за телесного и внешнего, пусть послушают, что говорит Гиппократ: из-за чуждых [внешних] соблазнов люди наживают себе [внутреннюю] печаль [С. 61].

Глава одиннадцатая

[...] Разная мудрость у Бога и у человека. Ибо Бог знает всегда и все в целом и не бывает такого момента, когда он не знает, и знает всегда и все. А человек знает не всегда и не все в целом, ибо, родившись, он еще ничего не знает действительно, а всего-навсего знает в возможности. И если кому-либо сегодня нужно бывает что-нибудь знать, то на следующее утро он уже может забыть это. И он знает не все в целом, а только частично, ибо в одно время он знает одно, а в другое время — другое, как говорит об этом Платон[5]: «Счастлив тот, в ком ученость и благоразумие проявляются хотя бы в старости» [С. 67].

[Определение силы] для философа не обладает обратимостью, ибо, сколько он может, столько и желает, но, сколько желает, столько не может, так как если он, скажем, пожелает дотронуться рукою до солнца или сотворить небо,

то сделать этого не сможет. А если кто-нибудь скажет, что совершенный философ не станет желать невозможного, а будет стремиться лишь к тем вещам, которых возможно достичь, ибо, согласно стоикам, неудовлетворенность растущих желаний есть большое страдание, то мы скажем, что он, зная слабость своей природы, не стремится к недостижимому, а тянется лишь к тому, чего может достичь [С. 67— 68].

Необходимо знать, что, душа хотя и состоит из трех частей, имея начало разумное, яростное и вожделеющее, ей присущи четыре добродетели — мужество, справедливость, мудрость и рассудительность. И это правильно, ибо надо каждую часть души украсить свойственной ей добродетелью. Так, разумную часть украсить мудростью, яростную — мужеством, а вожделеющую — рассудительностью. Однако каждую часть нужно не только отдельно украсить своей добродетелью, но и установить между ними соответствие и гармонию; именно с этой целью их всех проникает справедливость, дабы, обозревая не одну только, а все части, соблюдать связь и гармонию [...]

Справедливость выше, чем другие добродетели, как пронизывающая их и соблюдающая гармонию между ними [С. 69].

Добродетели называются приобретенными [в отличие] от прирожденных качеств. Прирожденными же называются те качества, которые зависят от состава тела и не связаны друг с другом. Ибо, кто благоразумен благодаря составу своего тела, тот не во всех случаях бывает храбр, рассудителен и справедлив. Такие качества называются рабскими и неразумными. И называются рабскими, потому что по необходимости следуют составу тела. Ибо, например, у кого в составе [элементов] тела преобладает холод, тот невольно будет благоразумен. Неразумными же они называются потому, что не знают причину, для чего следует быть благоразумным. И еще: называются неразумными, ибо подобные добродетели присущи и неразумным животным. Например, горлица от природы благоразумна, верблюд рассудителен,

лев храбр и аист справедлив, так как кормит престарелого отца.

И вот, добродетели называются приобретенными также из-за привычных добродетелей, которые вырабатываются обычаем и наставлением, например когда кто-либо по наставлению благоразумен, не зная почему [нужно быть благоразумным], [а это уже говорит о том], что они не связаны друг с другом, ибо по обычаю можно быть благоразумным, но не быть мудрым [С. 70].

Глава двенадцатая

Так и риторика прибегает к [учению о] справедливости, т. е. политике, не зная природы справедливости, но без сомнений берет это у философии и совершенствует свое искусство. Вот поэтому и риторы, не зная природы справедливости, предпочитают совершать беззаконие, тем самым испытывать беззаконие, а философ, как знающий сущность справедливости, ни одно из них не удостаивает выбора; но если случится выбирать, то он предпочтет быть жертвой беззакония, чем совершать беззаконие [С. 72].

Необходимо знать также, что философия дает исходные начала не только разумным искусствам и наукам, но и неразумным, как, например, дает тетиву плотничьему ремеслу и огонь — кузнечному. Однако мы говорим *неразумные искусства,* но не *беспричинные,* ибо искусство, не имеющее причин, есть ничто, хотя ремесленник может и не знать причин. Неразумными же они называются только потому, что им можно научиться, не проронив ни слова [С. 73].

Необходимо знать также, что философия может не только дать исходные начала всем искусствам и наукам, но еще и исправлять в них ошибочное. Так, например, грамматики, определяя звук, говорят, что звук есть сотрясение воздуха. А философ исправляет и говорит: ваше определение плохое, так как оно не обладает обратимостью, ибо то, что является звуком, есть сотрясение воздуха, но не все то, что есть сотрясение воздуха, есть также и звук [С. 73].

Глава тринадцатая

[...] Существует два вида научного знания: одно условное, другое безусловное. Условное знание — это то, которое исходит из положений, нуждающихся в доказательстве и причины которых неизвестны, например, когда геометр принимает на веру, что точка есть нечто неделимое, но не знает почему, — это уже дело натурфилософа. А безусловное знание — это то, которое исходит из общеизвестных истин, не нуждающихся в доказательстве, например, когда мы говорим, что Бог добр [С. 75]

Надо знать, что познание бывает общим или частным, основанным на знании причин или не основанным на нем. Имеется всего четыре [вида познания]: опыт, опытность, искусство, научное знание.

Опыт есть [частное] знание единичной вещи, не основанное на знании причин, как это, например, бывает, когда кто-либо, зная какое-нибудь лекарство, только использует его, не зная причины, почему нужно применять его.

А опытность есть общее знание, не основанное на знании причин, как это, например, бывает у многоопытных врачей, которые, зная множество лекарств, не знают причин их действия. Опытность есть также запоминание и неосознанное запечатлевание в человеке многократно и одинаково повторяющихся явлений. Так, многоопытный врач применяет лекарства, запоминая и запечатлевая в себе их многократное и одинаковое действие.

А искусство есть общее знание, основанное на знании причин, или же искусство есть способность, сопряженная с воображением, ибо искусство есть определенная способность и знание; и все, что оно создает, создает, приводя в упорядоченное состояние. Мы говорим *сопряженная с воображением* из-за природы, так как и природа есть способность, ибо она обладает способностью давать существование вещам, в которых она заключена, т. е. в человеке, в камне и других вещах, но она творит согласно установленному порядку, а не по воображению, как искусство, ибо если мастер искусства для создания какого-либо изделия

сперва в самом себе формирует образ вещи, а потом только воплощает его, то природа никогда предварительно не создает в себе представления [о вещи].

Искусство есть также выработанное опытом соединение благоприобретенных понятий, цель которых — достижение чего-то полезного в жизни. Уточним это определение — *искусство есть соединение,* т. е. совокупность, ибо искусство образовалось из тех или иных знаний, приобретенных различными людьми. *Выработанное опытом* означает проверенное большим опытом, ибо виды искусства проверялись многочисленными опытами и только потом удостаивались того, чтобы войти в состав искусства. Цель которых — *достижение чего-то полезного в жизни* — говорится, чтобы отличить от суетных и порочных искусств, которые не имеют своей целью свершения полезного в жизни. Суетные искусства — это такие, как эквилибристика, жонглерство, которые не приносят жизни ни пользы, ни вреда. Порочными же искусствами являются колдовство и магия, которые не только не приносят жизни пользы, но и вредят ей.

Научное знание есть всеобщее, безошибочное и неизменное знание, ибо наука безошибочно постигает предметы познания. Научное знание есть также безошибочное знание сущности вещей, знание природы этих вещей, ибо наука познает природу вещей таковой, какова она есть. [С. 75—76].

Глава четырнадцатая

Пифагор послужил для нас началом и завершением, так как мы любовно построили начало и завершение из его определений как нечто целостное, ибо в целом начало и конец связаны [С. 77].

Необходимо знать, что философия нуждается во многих ступенях [познания] и поэтому имеется много ступеней философии. Следует знать пять познавательных способностей: ощущение, воображение, мнение, размышление, разум.

Ощущение есть частичное знание наличествующей вещи, ибо всякое ощущение есть лишь частичное знание.

А воображение есть частичное знание об отсутствующей вещи. Воображение отличается от голого размышления тем, что воображение, как мы сказали, есть воспоминание об отсутствующей вещи, а голое размышление есть представление о несуществующих вещах, например когда кто-либо в своей мысли создает козлооленя, которого в действительности нет.

Мнение же бывает двояким: основанным на знании причин и не основанным на нем. Мнение, не основанное на знании причин, — это такое мнение, как, например, когда кто-то, не зная причин, утверждает, что разумная душа бессмертна. А мнение, основанное на знании причин, — это такое мнение, когда известны и причины бессмертия. Необходимо знать, что мнение, основанное на знании причин, есть умозаключение из посылок, например: *душа есть самодвижущееся, самодвижещееся есть вечнодвижущееся, а вечнодвижущееся бессмертно.* Вот умозаключение из посылок — *душа бессмертна.* Это и называется мнением, основанным на знании причин.

А размышление есть общее знание, основанное на знании причин. Из-за этого некоторые впадают в сомнения и говорят, что если мнение есть знание общее, основанное на знании причин, и размышление есть общее знание, основанное на знании причин, то чем же они отличаются друг от друга? На это следует ответить, что мнение, основанное на знании причин, есть умозаключение из посылок, а размышление строит общепризнанные положения — посылки, связывает их и делает выводы.

Исходя из этого следует знать, что из ощущений рождается опыт, из мнения, не основанного на знании причины, — опытность. Опытность рождается также из ощущения и воображения. А из размышления и основанного на знании причин мнения рождается искусство, и из размышления и разума рождается научное знание.

Ибо когда берут за начало то, что нуждается в доказательстве, тогда научное знание рождается из размышления, а когда за начало принимают то, что не нуждается в доказа-

тельстве, тогда мы говорим, что научное знание рождается из разума [С. 78—79].

Глава шестнадцатая

Философия делится на теоретическую и практическую, так как посредством теоретической части мы познаем все сущее, а с помощью практической творим чистоту наших нравов [С. 81]

Философия же делится на две части по трем причинам. Во-первых, философия делится на теоретическую и практическую, поскольку в нас самих существуют теоретическое и практическое начала. Так, например, теоретическое начало проявляется у всех детей, которые в разговорах любят задавать вопросы, т. е. проявляют любознательность; точно так же любой из нас [всегда] хочет слышать что-нибудь [новое]. Практическое также существует в нас; оно проявляется в непрерывной деятельности души, которая даже тогда, когда мы спим, не засыпает и продолжает свою деятельность, проявляющуюся в сновидениях. А когда мы не спим и нам нечего делать, мы, например, или дергаем волосы, или играем веточкой. И вот, поскольку в нас существуют теоретическое и практическое, постольку и философия делится на них [С. 81—82]

Третья причина заключается в следующем: философия имеет целью украсить человеческую душу, а человеческой душе присущи две способности — познавательная и животная. Познавательная способность — это разум, размышление, мнение, ощущение, воображение, о которых мы сказали выше. А животной способности присущи воля, избирательное свойство, благорасположение, гнев и вожделение. Поэтому и философия делится на две части — на теоретическую и практическую, дабы посредством теоретической части украсить познавательную силу души, а посредством практической — животную, так как практическая часть философии учит нас не совершать чего-нибудь под влиянием гнева и не вожделеть к чему-нибудь неподобающему.

Вот почему философия делится на две части — на теорию и практику [С. 82].

А добро превыше истины, как наиболее общее и всеобъемлющее, так как все, что истинно, то добро, но не все доброе истинно; ведь бывает же иногда, что и ложь оказывается добром. К примеру, скажем, один человек дал другому на хранение меч, и вот в минуту гнева он пришел взять его обратно, чтобы совершить убийство, а тот отказался и солгал, что, мол, ничего ты мне не давал. Вот вам ложь, которая есть добро [С. 83].

Глава семнадцатая

[...] Так как все сущее есть подлежащее для теории в целях познания, а сущее, как мы сказали, имеет троякое бытие, то и теория делится на три части: на естествознание, математику и теологию [...]

Необходимо знать, что вначале ставится естествознание, как родственное и близкое нам и как целиком материальное. А математика ставится в середине, т. е., между естествознанием и теологией; как сообщающаяся с обоими, ибо она материальна, как естествознание, и нематериальна, как теология. Теология же, разумеется, ставится в конце, так как невозможно [непосредственно] после естествознания подняться к теологии, ибо нельзя перейти [сразу] от целиком материального к полностью нематериальному [С. 84].

Глава восемнадцатая

Но так как разделение естествознания и теологии слишком сложно и требует большого внимания, оставим их для более крупного исследования и скажем о разделении математики, т. е. дадим о математике обстоятельные сведения, ибо есть и другое очень сложное разделение, производимое при более глубоком исследовании [С. 85].

Следует знать, что финикийцы, будучи купцами, нуждались в счетном искусстве и создали арифметику. Музыку

же создали фракийцы, ибо оттуда происходит Орфей, который, говорят, впервые создал музыку. А астрономию создали халдеи, так как безоблачное и постоянно ясное небо давали им возможность изучать движение небесных тел. Геометрию же по необходимости создали египтяне, так как в Египте во время разливов Нила смешивались границы земельных наделов и среди египтян на каждой меже происходили драки и убийства, пока они не открыли мерило, которое называлось спанак[6], и, измеряя им, находили границы каждого надела; в результате этого и возникла геометрия.

Теперь перейдем к пятой главе и скажем, каковы те виды, которые близко стоят к вышеупомянутым видам [математики]. Необходимо знать, что к арифметике близко стоит счетоведение, но они отличаются друг от друга, так как арифметика исследует и изучает природу чисел, и занимается умопостигаемыми числами, и не дробит единицу. А счетоведение занимается реальными числами и дробит единицу на половину, на одну треть, на четверть. К [настоящей] музыке же близко стоит материальная музыка[7], т. е. та, которая образуется с помощью лир, флейт и тарелок, а настоящая музыка для своего образования нуждается только в разуме. А к геометрии близко стоит землемерное искусство, однако геометрия существует благодаря теоретическому мышлению, а землемерное искусство — благодаря практике. К астрономии же близко стоит наука о шарообразных телах, и они отличаются друг от друга, так как астраномия образуется из знаний о движении небесных тел, а наука о шарах занимается всеми шарообразными телами и их делением, ибо повествует о различных сечениях шарообразных тел.

Следует знать, что музыка обладает большой силой [воздействия], ибо повергает душу в различные состояния и придает ей настроение, как об этом свидетельствуют лирические песни и эллегии, которые соответственно настраивают душу. Так, некоторые сказители говорят об Александре[8], что он, будучи на пиршестве, услыхав военную мелодию, которую сыграл музыкант, тотчас же вооружился и вышел. А когда музыкант начал играть увеселительную мелодию, он вновь вернулся к пировавшим [С. 88—89].

Глава двадцатая

[...] Практика нуждается в теории, благодаря которой образуется и упорядочивается, чтобы не быть неразумной и беспричинной. И нужно сперва исследовать благо по природе посредством теории и лишь затем посредством нее образовывать практику [С. 92].

Ибо как философия называется философией, так и теория с практикой называются философией, и не только это, а можно еще и теорию назвать практикой, и практику — теорией. Теорию называют практикой потому, что теория является делом мышления, а практику [называют теорией], ибо практика является порождением теории, ибо сперва посредством теории приходят к пониманию, что нужно быть благочестивым, а затем в поступках выполняют то же самое [С. 93].

Против этого говорят также, что вот ораторское искусство, являясь родом, делится на три вида: судебное красноречие, совещательно-наставительное, торжественно-хвалебное. Насчет этого мы скажем, что это — неверное разделение, ибо разделение ораторского искусства на вышеупомянутое нельзя назвать разделением от рода к видам, так как разделение на противолежащие виды производится без временных различий, как, например, [существо], разделенное на разумное и неразумное, не имеет различий по времени [...] Вышеупомянутые же виды ораторского искусства имеют временные различия между собою, ибо совещательно-наставительное [красноречие] относится к будущему времени, так как когда кто-нибудь наставляет кого-то, то он думает о грядущем. А судебное относится к прошедшему времени, ибо всех, кого осуждает, оно осуждает за то, что уже совершено. Торжественно-хвалебное же относится к настоящему, ибо имеет целью восславить имеющиеся добродетели присутствующих [С. 93].

Глава двадцать первая

Вслед за разделением теоретической части давайте обратимся к разделению практической части [философии], и,

хотя она следует за теоретической частью, ибо упорядочивается посредством теории, с помощью разума облагораживает нравственность и укрощает страсти, ею не следует пренебрегать, ибо Платон говорит: «Я называю философом не того, кто многое знает, и не того, кто о многом может рассуждать, а того, кто ведет чистый и непорочный образ жизни». Ибо совершенным философом является не тот, кто имеет большие познания, а тот, кто может укрощать страсти.

Теперь перейдем к разделению практики. Необходимо знать, что аристотелики и платоники по-разному производят разделение практики. Так, аристотелики разделяют ее на три части: на политику, экономику и этику. И разделение на три части верно, так как если кто-нибудь облагораживает свои нравы или же нравы другого, то он занимается этикой; если устраивает дела дома, то он занимается экономикой, и если устраивает дела города, то занимается политикой [С. 95—96].

Глава двадцать вторая

И необходимо знать, что душа имеет двоякого рода способности: познавательные и животные. Познавательные — это разум, размышление, ощущение, мнение и воображение, а животные — это воля, избирательное свойство, благорасположение, вожделение и гнев. И из обоих этих [родов проявления души] некоторые являются разумными, а некоторые — неразумными. Так, даже среди познавательных способностей души одни являются разумными, другие — неразумными. Разумными являются разум, размышление, мнение, а неразумными — ощущение, воображение. И среди животных способностей души одни разумны, а другие неразумны. Разумными называются воля, избирательное свойство и благорасположение, а неразумными — гнев и вожделение.

Итак, Бог даровал философию для украшения человеческой души. Ее познавательные способности он украсил теоретической философией, а ее животные способности — практической, дабы мы через мнение не воспринимали ложного знания и дабы не творили зла [С. 99—100].

НЕПОБЕДИМОГО ФИЛОСОФА ДАВИДА АНАЛИЗ «ВВЕДЕНИЯ» ПОРФИРИЯ»[9]

Намереваясь с божьей помощью взяться за рассмотрение данного сочинения, мы [считаем нужным отметить, что] будем исследовать, как принято у истолкователей, следующие восемь глав, а именно: о цели, [которую преследует рассматриваемое произведение], о пользе, о причине названия [книги], о подлинности, о разделении на главы, об очередности [рассмотрения вопросов], о способе наставления, об отнесении [вопросов] к той или иной части [знания]. Рассмотрение указанных глав не излишнее, но [дело, порожденное] желанием вызвать усердие у читателей. И поэтому [здесь] исследуется цель, ибо она в сжатом виде содержит в себе все положения рассматриваемых произведений. Правильно также, что исследуется [вопрос] о полезности, дабы [читатель], зная, для каких нужд пригодны вещи, содержащиеся в настоящем произведении, с еще большей охотой взялся бы за чтение. Точно так же [правильно, что] исследуется причина наименования [книги], ибо хотя название и должно быть созвучным цели и сжато выражать ее, однако иногда, не будучи достоверным [выразителем содержания], оно нуждается в исследовании. Так, например, когда Аристотель[10] называет [свои сочинения] следующим образом: «О категориях», «Об истолковании», «Об анализе», то многие не могут [из названия] узнать, какова цель данного произведения.

И вот, как мы сказали, поскольку наименования часто не бывают достоверными [выразителями содержания], постольку мы вынуждены бываем прибегать к изысканию. Правильно также, что исследуется подлинность [книги], так как, зная, что перед нами подлинное произведение, мы с удовлетворением читаем труд прославленного автора, известного своей ученостью, ибо многие, не будучи в состоянии отличить истинное от ложного, полезное от бесполезного, считают, что лучше браться за чтение ради почета и славы автора, и предпочитают следовать мнениям [знаменитого] учителя [С. 103—104].

Второй же признак, согласно которому мы называем произведения неподлинными, тот, когда подлог совершается из-за честолюбия, т. е. тщеславия. Ибо некоторые бесславные и неизвестные люди, желая через название учения вызвать [у читателей] уважение к своим писаниям, надписывают их именем какого-нибудь знаменитого учителя [С. 104].

А по четвертому признаку сочинения бывают неподлинными вследствие благоволения учеников к своим учителям. Они пишут всякие сочинения и надписывают на них имя учителя, как, например, Платон на своих сочинениях поставил имя Сократа[11], а пифагорейцы — имя Пифагора на притчах, названных золотыми. И вот из-за того, что имеется [немало] подложных сочинений, мы исследуем [подлинность] любого находящегося перед нами произведения.

Между тем произведения различаются и распознаются — подложны они или подлинны — по материи и по форме. По материи — это означает по строю [речи] и по лексике, ибо строй речи и лексика являются материалом [для построения любого] произведения. А по форме — означает по образу мышления [того или иного автора].

Правильно поступают также, когда исследуют вопрос о разделении на главы, ибо, познавая главы как части, мы бываем в состоянии на основе частей с легкостью познать и целое. Правильно также, что исследуют очередность изложения [вопросов], дабы то, что следует прочесть вначале, мы не прочитали бы в конце и не перепутали бы порядок [освещения вопросов] в сочинениях. Правильно поступают также, когда исследуют способ наставления, ибо, как мы узнаем ниже, имеется множество способов преподавания. Оправдано также рассмотрение вопроса о том, к какой части [знания] относится [данное произведение], дабы сочинение, относящееся к теории, мы не вздумали бы отнести к практике, а относящееся к практике не посчитали бы [относящимся] к теории [С. 104—105].

Глава вторая

Рассмотрев то общеизвестное, что следовало сказать об [упомянутых] главах, давайте тот же вопрос о главах

рассмотрим применительно к предлежащему нам сочинению [Порфирия]. И в первую очередь скажем о [его] цели [С. 105].

Глава третья

Изучив, что является целью настоящего сочинения [Порфирия], обратимся и к [вопросу о его] полезности. Следует знать, что польза от данного произведения троякая, ибо оно полезно для нас при изучении «Категорий» Аристотеля и философии в целом и диалектического метода [С. 108].

«Категории» Аристотеля необходимы для всей философии, ибо они являются введением в философию в целом, так как с их помощью мы постигаем все сущее. И вот, если «Категории» Аристотеля полезны для философии в целом, а данное произведение [Порфирия] полезно для постижения «Категорий» Аристотеля, то, значит, данное произведение полезно и для философии в целом [...]

Следует знать, что диалектика — это когда один спрашивает, а другой отвечает. И в диалектике применяются четыре следующих метода, ибо есть нечто, что подлежит разделению, и нечто, что подлежит определению, а также то, что нуждается в доказательстве и анализе. По этой причине имеются четыре диалектических метода — разделение, определение, доказательство и анализ. Делом разделения является делить роды на виды. Делом же определения — определять любое сущее, а доказательства — доказывать и удостоверять, что нечто таково, каково оно есть. А удостоверять можно трояко: доказывать и удостоверять или частные положения, исходя из общих, или общие — из частных, или равное — из равного.

И вот, когда доказывают и удостоверяют частные положения, исходя из общего, то это называется подлинным доказательством [С. 109].

Когда же мы посредством частного удостоверяем общее, то это называется индукцией [...]

А когда мы удостоверяем нечто равное посредством равного же, то это называется парадигмой [...]

И причина того, что неправильно удостоверять общее с помощью частного, заключается в том, что частные вещи бесчисленны и несметны, и не могут достичь какого-либо предела, и поэтому не являются истинными. Неправильно также, когда мы удостоверяем нечто равное с помощью другого равного, ибо неправильно говорить: не дадим телохранителей Дионосию, так как и Писистрат стал тираном, ибо если Писистрат стал тираном, то отсюда не следует, что и Дионисий станет тираном.

Делом же анализа является расчленение сущего на то, из чего оно образовано [С. 110].

Глава четвертая

Необходимо знать, что «Категории» Аристотеля нужны нам для [постижения] всей философии. «Введение» же Порфирия нужно нам для [постижения] «Категорий» Аристотеля, как мы узнали это при рассмотрении вопроса о пользе. Следовательно, данное сочинение должно предшествовать произведениям Аристотеля [С. 113]

Скажем и насчет способа наставления. Следует знать, что имеется четыре способа наставления и он применяет все четыре — и разделительный, когда разделяет пять звучаний, и определительный, когда определяет их, и доказательный, когда доказывает каждое из них. Применяет он также аналитический способ, когда описание каждого звучания разлагает на [отдельные] слова и уточняет каждое слово [С. 113].

Глава пятая

Указание цели [произведения] привлекает нас к себе, ибо, согласно Платону, «во всяком деле для правильного его обсуждения надо начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки», ибо, кому неведома цель

предлежащего сочинения, тот не в состоянии следить за тем, что будет изложено далее.

Указание же пользы привлекает нас к себе тем, что, видя пользу, заключенную в данном сочинении, мы изумляемся. А изумление есть начало философии. А почему изумление есть начало философии, известно из следующего: если кто-либо не изумляется, тот и не начинает исследовать и не философствует. Например, если кто-либо, увидев радугу, не изумляется, не задается вопросом, что это такое и откуда берется это сочетание ее различных красок, тот и не вдается в исследование, а если изумляется, то начинает исследовать, а затем и философствовать. Таким образом, следует начинать с рассмотрения пользы, ибо она, как мы сказали, через изумление является началом философии [С. 114].

Глава шестая

Итак, неясность происходит или от слов, или от учений. От учений, как, например, в гераклитовских писаниях[12], ибо эти писания глубокомысленны и труднодоступны, о которых сказано, что для них нужно глубокое нырение. А от слов бывает неясность двоякая. Или от многословия, как, например, галеновские писания[13], которые хотя и отличаются изяществом слога, однако из-за многословия в них проникает неясность. Или же из-за качества слов, как, например, слов Аристогена, ибо он употребляет такие слова, как *дороготрудный* и *унабитый,* и мы не знаем, что означают *дороготрудный* и *унабитый.* Но почему нам показывать это на других [философах], а не на наших предводителях и кормчих философии, т. е. на произведениях Платона и Аристотеля, ибо один из них ради изящества слога допустил неясность, а другой — ради умозрения. Так, аристотелевские положения нетрудные, а слог тяжелый, ибо, если кто-либо знает, что такое энтелехия, количество и возможность, для того положения предстают приятными и легкими, а слог тяжелым. А платоновское умозрение во всех отношениях является глубоким и трудным, а слог легкий и богатый, ибо платоновские положения являются трудными, глубокими и близко стоящими ко всяким другим мыслям. И

что это так и есть, видно из того, что каждый толкователь понимает его по-своему [С. 118].

Глава десятая

Перипатетиком же был назван Аристотель, так как, пока был жив Платон, он не осмеливался садиться и так преподавать [ученикам], а делал это прогуливаясь [с ними]; другие же говорят, что это не так, что он все делал наперекор Платону, и даже, когда тот садился, он вставал. Но все это ложь, ибо Аристотель почитал Платона и преклонялся перед ним, что проявилось и в том, что он соорудил ему надгробный памятник с такой надписью: «Памятник сей Платону воздвиг Аристотель — доблестному мужу, которого злые люди восхвалять не достойны» [С. 128].

Глава одиннадцатая

И дабы никто не усомнился в том, что родина выступает в значении рода, он утверждает это, притом очень решительно, ибо оттуда идет начало рождения для каждого и именно она, родина, учит полезным нравам, законам и религии, которые необходимы для добродетельной жизни [С. 131].

Глава семнадцатая

И следует знать, что о сущем говорится в трояком смысле. Ибо сущее или ограничено по познанию и по природе, или безгранично по познанию и по природе, или безгранично по природе и ограничено по познанию, или же безгранично по познанию, но ограничено по природе. Так вот, одно из этих значений не может существовать, ибо каким образом познание может достигнуть предела там, где не имеет предела природа [С. 146].

Глава двадцать пятая

Есть потенциальное первичное, и есть вторичное потенциальное, которое мы называем средним; есть также ак-

туальное первичное и есть вторичное. Первичным потенциальным мы называем ребенка как [возможного будущего] грамматика, т. е. [который станет таковым] в зависимости от благоприятных условий, ибо, если будет достаточно времени, он сможет усвоить все [необходимые для этого] знания. Вторичным потенциальным мы называем то, что, обладая способностью к чему-то, не проявляет ее в действительности. А первичным актуальным мы называем, когда кто-то, будучи в силах быть грамматиком, будет спать и не будет хотеть заниматься грамматикой. Вторичным же актуальным мы называем грамматика, который в действительности поучает [искусству грамматики], т. е. согласно [уже имеющейся у него] подготовке. И вот, обрати внимание, что вторичное потенциальное и первичное актуальное одинаковы, ибо вторичное потенциальное мы относим к тому, кто обладает способностью грамматика, но никогда ее не проявляет. То же самое присуще и первичному актуальному. И вот, если вторичное потенциальное и первичное актуальное одинаковы, то между Аристотелем и Платоном царит согласие, ибо один говорит, что [род имеет различающий признак как] вторичное потенциальное, другой — как первичное актуальное, и мнения обоих [философов] в этом вопросе сходятся.

А некоторые, справедливо возражая, говорят, что одно и то же — обладать грамматической способностью и действовать как грамматик, ибо это же самое Аристотель показывает на различных вещах, говоря, что, если кто-либо наделен какой-нибудь способностью, тот и непосредственно проявляет ее на деле, так как я, говоря о грамматике по способности, не имею в виду одного, а говоря о таковом в действительности — другого, но одного и того же. Если это так, то одно дело быть в действительности, и другое — в возможности, ибо Аристотель потенциальным называет то, что не присуще как [природная] способность, ибо таковая немедленно проявляется через действие. А Платон присущее как способность называет присущим в действительности. И следует знать, что присущее в возможности, когда становится присущим как способность, не остается одним и тем же, ибо ребенок, который в возможности есть грамма-

тик, начиная действовать соответственно [потенциально присущей ему] способности, не остается одним и тем же [С. 171 — 172].

ТОЛКОВАНИЕ «АНАЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ[14]

Глава первая

Следует знать, что имеется пять видов суждения: доказывающее [суждение], диалектическое, риторическое, софистическое, поэтическое, оно же легендарно-мифическое. Их пять по следующей причине: те суждения, которые по своему выражению и построению целиком подтверждают правильность [положения], являются доказывающими; если они полностью лживы, то [такие суждения] являются поэтическими. Бывают и такие суждения, в которых кое-что истинно и кое-что ложно. И если в них истина и ложь содержатся поровну, то такие суждения являются риторическими; и только о риторическом суждении говорится, что в нем имеются положения как спорные, так и бесспорные, зависящие лишь от них самих. Если же истинного имеется больше, чем ложного, то суждение является диалектическим; а если ложь преобладает над истиной, то такое суждение является софистическим [С. 200].

Действительно, полезное в рассматриваемом ныне предмете заключается в доказывающем силлогизме. Так, человек, не умеющий правильно писать, можно сказать, вовсе не умеет писать; точно так же не умеет правильно рассуждать тот, кто не знает, что такое простой силлогизм. Между тем доказывающий силлогизм полезен для всякой философии — и теоретической, и практической, дабы мы [без доказательств] не принимали за истину то, что обладает видимостью истины в теории, дабы мы не воспринимали ложного знания и не творили бы зла. [в жизни, на практике].

Кроме того, польза от рассматриваемого ныне простого силлогизма состоит и в том, что с помощью одной вещи

постигается другая. Ибо не все утаила от нас природа, так как в таком случае никто ничего не смог бы постигнуть; и точно так же не сделала она все явным, ибо тогда никто уже ничего бы не исследовал. Однако она кое-что утаила от нас и кое-что сделала явным; благодаря этому и существует исследование, которое означает — искать и находить. Именно это и стало сутью силлогизма, дабы с помощью того, что нам показывает природа, можно было бы найти то, что она скрыла от нас... [С. 201].

Глава вторая

Данное сочинение озаглавлено «Аналитики», а не «Расположение» по следующим двум причинам: во-первых, потому, что анализ [суждений] встречается реже, чем их расположение; потому что тот, кто умеет анализировать, тот умеет и располагать их друг за другом, но не тот, кто умеет располагать , может и анализировать, как это видно на примере невежд, которые умеют длинно излагать всякие мысли, но разлагать их на те [элементы], из которых они составлены, т. е. на слова , слоги и буквы, не умеют. Вторая причина в том, что, [подобно данному случаю], в учении геометрии имеются и расположение и анализ, но геометры пишут только о производимом ими анализе, так как им нужна избыточная рассудительность [С. 204].

Глава четвертая

Только Аристотель не остановился перед тем, чтобы выявить способы [логической связи] высказываний, исходя из самих вещей, и выразить это [во всеуслышание], т. е. открыть закономерность. И поэтому еще Платон сказал, что Аристотель превратил философию в точное искусство.

И вот, в вопросе о том, что доказательства находятся в вещах, Аристотель и Платон согласны. Что же касается доказательств, которые содержатся в оформленных правилах, в этом у них разногласие, ибо во времена Платона еще не было правил и приемов силлогизма; и хотя не было подобных приемов во дни Платона, тем не менее это не означает,

что Платон в какой-то мере нарушал их в своих девяти диалогах. Ибо добродетельные и великие по природе не нуждаются в правилах, а действуют сверх этих правил и сами являются правилами для потомков. Ибо не Платон нуждался в науке доказательства Аристотеля, а Аристотель — в доказательствах Платона, так как у него взял он семена своей философии; и не Гомер нуждался в поэтике Аристотеля, а Аристотель — в поэтике Гомера; точно так же не Демосфен нуждался в риторике Гермогена, а Гермоген — в Демосфене [С. 208—209].

Глава пятая

Говорить сперва [о главном] — это аттический способ изложения [труда], ибо при этом подвергается рассмотрению то, что должно изучить, а именно в данном случае — что является предметом рассмотрения и кем оно должно быть выполнено [...]

И следует знать, что одно дело — доказательство и другое — доказывающая наука, ибо доказательство уже само является действием, тогда как доказывающая наука представляет собою способность [действия]. Если они находятся в одном и том же подлежащем, то творящей бывает способность действия, если же они находятся в разных подлежащих, то творящим бывает действие способности. Это так, ибо творящим является действие поучающего, т. е. поучение того, кто обладает определенной способностью [С. 211].

Глава девятая

Ибо природа не все утаила от нас, так как в противном случае не было бы возможности что-либо постичь, и не все сделала явным, ибо тогда не было бы исследования, но [все устроила природа так, чтобы ее можно было познать через] исследование и разыскание [С. 219].

Однако риторы использовали сокращенный силлогизм по четырем причинам: или для сбережения времени, ибо иногда они делали это при недостатке времени; или льстя

слушателям, как ученым, якобы знающим искусство составления силлогизмов; или по другой причине, дабы заполучить слушателей в подпевалы, как дополняющих то, чего недостает [в силлогизме], ибо всякий больше доверяет своим словам, чем чужим. И еще по другой причине, а именно они произвольно опускали большую посылку, ибо часто прибегали ко лжи, и для того, чтобы скрыть ложь, они поступали таким образом [С. 221

АНОНИМ
(VI в.)

Анонимное «Толкование «Категорий» Аристотеля» — продукт деятельности армянской грекофильской школы, древнейший в мировой логико-философской литературе комментарий к основному логическому сочинению Аристотеля, появившийся вместе с древнеармянским его переводом. По мнению ряда исследователей (Фр. Конибер, В. К. Чалоян, С. С. Аревшатян) автором данного толкования и перевода «Категорий» на древнеармянский является одно лицо — армянин с западным философским образованием.

Автор толкования в основном придерживается мировоззренческих и логико-гносеологических принципов Аристотеля, однако зачастую выражает свое несогласие с отдельными положениями античного классика, проявляя большую последовательность и самостоятельность при рассмотрении целого ряда вопросов. Язык, стиль, форма изложения, частые отступления методического и дидактического характера свидетельствуют об учебном его предназначении. Автор хорошо знаком с античными педогогическими учениями и стремится соотнести их с потребностями и нуждами армянской школы. Он не только раскрывает значение методических принципов и логических приемов Аристотеля, но и дает свое понимание многих методов и принципов исследования и обучения, както: логических приемов и упражнений, способа доказательства от противного, метода прямого и косвенного

обоснования приобретаемых знаний, принципа перехода от незнания к знанию, от известного к неизвестному, места и значения примеров, иллюстраций, повторов в процессе обучения, соотношения природных и приобретенных способностей, роли науки и философии в деле духовного и физического совершенствования человека и преодоления природных недостатков и пр. Согласно комментатору обучение – не просто процесс передачи и восприятия позитивных знаний, но и вооружение слушателей основными принципами логического искусства, как орудия познания. По его мнению, достоверные знания в сочетании с ложными являются необходимой основой для дальнейшего углубления и расширения знаний. Важное значение, при этом, придается опытному знанию и опытному методу как исследования, так и обучения.

Данное произведение оказало заметное влияние на философские и логические учения последующих мыслителей, в частности, представителей номиналистического направления в средневековой армянской философии.

[ТОЛКОВАНИЕ] «КАТЕГОРИЙ» АРИСТОТЕЛЯ, НАЗЫВАЕМЫХ ПО-ГРЕЧЕСКИ «КАТИХОРИАС»[1]

[...] Музыкант образуется из человека и искусства; а отсюда ясно, что музыкант [означает] не что-то одно, а два. А если кто-либо хочет сказать, почему он взял такой пример, пусть знает, что он в действительности не сводит дело к примеру, а лишь стремится быть более понятным для учащихся.

[...] Необходимо, чтобы всякое утверждение или отрицание имело логическую [связь] в предложении [С. 21].

[...] С помощью примера [проводя] разделение и доходя до сути, он сперва начинает ставить перед нами, [уже] знающими [вместе с ним предыдущее], вопросы [С. 23].

Для того, чтобы облегчить нам [постижение] учения о первичных сущностях и чтобы уточнить [его], он с по-

мощью повторений напоминает по возможности о том разделении, которое он произвел ранее [С. 27].

Ликуют [люди], обогащенные [этой] глубокомысленной книгой, и несмотря на то, что это — труд одного [человека], но польза [от него] — для всего общества. А философ, радуясь сейчас своему открытию, не рассказывает о [своем] ликовании, дабы не утаить [свою находку], и раскрывает ее, желая приобщить всех к [своему] знанию, а не для того, чтобы попусту наслаждаться ликованием [С. 39—41].

Одновременно он и предупреждает нас, дабы мы не высказывали без разбору неуместные [примеры] [С. 61].

Для человека, говорит он, отличительным свойством является быть счастливым, хотя и не всякий человек счастлив, но только человек среди прочих живых существ может быть счастливым [С. 67].

В подтверждение своего мнения и для того, чтобы сделать свое учение неуязвимым, он сам приводит собственные возражения, но возражения не в подлинном смысле, а [лишь] для того, чтобы впоследствии хулители не искажали бы истину, наговаривая бессмыслицу из зависти к его учению [С. 69].

Но может быть, в противовес желанию грамматиков, не всякий долгий слог является удвоением всякого короткого. Ведь говорят же об этом поэты, применяя уплотненные слоги в стихотворных песнях. А дети, обучающиеся музыке, изучая звуки, которые должны воспроизвести, могут отчетливо показать, что не всякий долгий [звук] вдвое больше всякого короткого [звука] и что не только долгий счет времени два, а короткий — один, но могут быть и больше и меньше [этого], причем, мне кажется, что и философ наш, говоря об измерении речи, скорее уподобляет это [измерению, принятому в] музыке, чем в грамматике.

И вот, дабы не было длиннот из-за рассмотрения вопроса музыки и дабы в другом месте, привлекая другие воп-

росы, мы не были бы вынуждены впадать в несуразности, необходимо придержать вопрос о размерах [для того случая], когда мы будем говорить о музыке и о каждом различии долгих и коротких [звуков в отдельности] [С. 83].

Таким образом, ошибка исходит не от вещей, а от тех, кто неточно высказывается [С. 135].

Философ наш в вопросе создания слов (наименований) проявляет осторожность, дабы кто-нибудь не вздумал пренебрегать первыми исходными членами, от которых вещи получают наименования, предостерегая нас не проявлять безумную дерзость и нововведенными словами искажать обычай. Поэтому он говорит: однако, быть может, иногда необходимо создавать слова; добавляя «быть может» он тем самым не дает смелости создавать другие слова вместо обычно принятых, но разрешает создавать лишь в том случае, когда не наша дерзость, а [потребность] вещей выдвигает настоятельную необходимость в каком-либо точном наименовании, а не в сказанном наудачу.

Итак, сперва следует, не проявляя смелости [в словотворчестве], исследовать, имеется ли в употреблении такое наименование, посредством которого осуществляется точное указание; и если оно будет найдено, то для данного случая станет выражением (указанием), если же нет, то мы не будем ответственны за смелость [в деле создания нового слова], и будем вынуждены, исходя из самих вещей, создавать слова [С. 137—139].

Одновременно он поучает нас, что мы можем создавать наименования по примеру, беря имена заведомо имеющиеся и от них отыменно создавая те, которые сейчас нужно высказать, но не болтать случайные ложные слова [С. 139].

И приводит он в пример квадратуру круга, как нечто познаваемое [...], сводя круг к простому квадрату, и называет он это познаваемым, [но не знанием], так как во времена Аристотеля знание этого еще не было найдено; возможно и сейчас это не точно, так как никто с помощью

геометрических начал не смог свести круг соответственно к квадрату, а некоторые, хотя и подумали, что это удалось им, однако потом оказалось, что они были не вполне сведущими людьми, ибо решение [задачи] было предпринято за пределами геометрических начал, как это сделал, например, Антифон[2]. Поэтому он (Аристотель) говорит, что познаваемое существует раньше знания [С. 149].

И вот, если можно считать, что это приемлемо и что не следует нам рассматривать это на других примерах, то сказанное здесь сочтем достаточным, так как дело касается логических упражнений [С. 151].

Однако сказанное философом ему самому кажется не совсем точным; это видно из того, что ни в одном случае он не сказал твердо, а в каждом случае добавил «по-видимому» или «кажется», изложив таким образом эти вопросы согласно предположению, а не согласно достоверному [знанию]. А откуда же происходят ошибки? Известно, что их допускают люди, которые имеют приблизительное и неполное образование по [науке] логики (диалектике), ибо подобный человек берет что-то как существующее по возможности и что-то, существующее как действительность, и на основании этого строит вероятную мысль. Тогда как истинное учение о вышесказанном следует излагать отдельно, как, например, об ощущении и ощущаемом, ибо всякую вещь надобно исследовать с точностью в каждом отдельном случае [С. 155].

В самом деле, то, что красивее, сопоставляется не с худшим, а с однородными себе вещами, ибо если сравнение будет производиться с инородными вещами, то соответственно тому, с чем производится сравнение, будет унижено и оно само [т. е. то, что красивее] [С. 169].

После этого он приводит свой взгляд, имея в виду скромность, [с какой он должен высказываться], так как очень часто в логических вопросах приходится иметь дело как с вещами доступными, так и недоступными. И вот, если тебе удается одолеть доступные вещи, не раздувайся от гор-

дости, ибо это свойственно невеждам — при незначительной победе возомнить огромное. Если же ты не сможешь найти что-либо из непонятных вещей, то не впадай в угнетенное состояние и грусть, что подобных вопросов достаточно [много] и что ты не располагаешь ответом на них. А трудноразрешимые вопросы, на которые не удается после долгих трудов найти ответ, не уставай в другой раз обращаться к их рассмотрению, а найдя ответ, не ленись продолжать думать о том же, ибо еще и еще раз подтвердишь найденный ответ, многократно возвращаясь к тому же вопросу [С. 173].

[...] Вкратце качество разделяется так: на природные [свойства] и на благоприобретенные [...] Но не следует упускать из виду, что возможно, чтобы одни из природных [естественных качеств] были бы среди благоприобретенных, как некоторое природное свойство, и из благоприобретенных — среди природных, ибо имея какую-либо данную фигуру, возможно иметь и другую, как какое-нибудь тело, будучи сперва четырехугольным, затем принимает трехугольную форму. Таким образом, каждое из них следует рассматривать соответственно месту — являются ли они в данном случае природными или благоприобретенными [С. 177].

А то, что сказанное нами верно, доказывает и он сам, разъясняя особенности свойства, ибо он сказал, что свойство принадлежит к числу пребывающего и с трудом изменяющегося, ибо таков всякий, приобщающийся к науке и добродетели; ведь наука принадлежит к числу того, что изменяется с трудом, если даже, говорит он, кто-либо усвоил ее (науку) в небольшой мере. Говоря «в небольшой мере», он подразумевает то, что кто-нибудь слегка прикоснется к науке, так как есть в науке люди, которые глубоко владеют знанием (доказательством), и есть люди, которые имеют приблизительные знания; и если через эти приблизительные знания они приемлют как любители такую науку, которая не проходит с легкостью и не изменяется быстро, то с еще большим трудом [она изменяется у тех], кто владеет

ею в совершенстве. Точно так же и добродетель, которой кто-либо действительно овладев не поддается легко изменениям в сторону порока.

А расположение (состояние), поскольку оно слегка воспринимается теми, кому это захочется, по этой причине оно является легко изменчивым [С. 181].

Назвав свойство и состояние, а также сказав об их различии, он преподносит это не как установленное им самим, а лишь разъясняет то, что принято всеми. В самом деле, он говорит ясно, что под свойствами имеются в виду [качества], которые пребывают более продолжительное время и изменяются с большим трудом, как это говорится, например, в отношении здоровых свойств [тела], которые от болезней изменяются с огромным трудом. Точно так же и из тех людей, которые находятся в каком-то состоянии по отношению к науке или к какому-либо искусству, одни, хорошо владеющие ими, называются обладателями свойств, а другие, владеющие ими не в полной мере, называются [обладателями лишь] расположения [или состояния] [С. 183—185].

Итак, те, кто получил подобные склонности, называются обладателями свойств, а те, кто лишь пожелал, но не довел до конца свои стремления, тот, ясно, что обладает расположением. Однако следует знать, что сперва существует состояние, а затем возникает свойство, как и сперва имеется желание, а потом — удовлетворение [С. 185—187].

И вот, из того, что он многократно говорит о способности, ясно, что он [одновременно] говорит и о неспособности [...] Он говорит об обладании природной способностью или неспособностью, вроде того, как быть склонным к чему-нибудь или не быть склонным [С. 189].

В самом деле, хорошей и дурной совокупности [качеств] сообразно природе следуют и душевные способности, как думают некоторые. Однако [человек с помощью] философии может бороться против природы, дабы от дурных склонностей перейти к добродетели [С. 205].

Производя [разделение] всех [родов качества], наш философ не теряет скромности, как бы тем самым укоряя высокомерных гордецов; ведь он мастерски изложил свое [учение] о видах качества, однако, сообразно своему кроткому нраву, он отступает, говоря: «однако, может оказаться еще какой-нибудь другой род качества». Но обучая нас своему точному учению и одновременно приучая нас к скромности, он [в то же время] и тебе дает возможность быть искателем, чтобы найти [новое], если будет замечен какой-либо другой вид качества, если только он окажется [С. 211].

Ибо занимающимся логикой необходимо руководствоваться противолежаниями, тогда как не знающие противолежаний не могут заниматься логикой (рассуждать логически). Следовательно, ясно, что сперва следует изучить это, а затем, уже владея им, использовать его по мере надобности, но научиться этому надо здесь [С. 237].

Однако следует рассмотреть [свойства] тех [людей], которые не склонны от добродетели перейти к пороку, говоря, что подлинно добродетельные [люди], у которых обладание какими-либо свойствами имеет место согласно знанию, никогда не могут подвергнуться изменению, так как линии [добродетели] запечатлены в них не как-нибудь случайно, что легко изменяется, а наоборот — они [у них] устойчивы и трудно изменяемы.

Теперь следует сказать, по какому же способу противолежат добродетель и порок, ибо если они [противолежат] не как соотнесенные друг с другом вещи, то это ясно, так как плохое и хорошее (злое и доброе) существуют не совместно, как это имеет место у соотнесенных вещей, существующих совместно (одновременно). Но они не [противолежат] и как [положительное] свойство и лишенность, ибо переход от положительного свойства к лишенности возможен, а от лишенности к положительному свойству — нет. А эти противостоят так, что [возможно] движение от порока к добродетели, а наоборот — нет. Ясно, что они [противолежат] не как положительное свойство и лишен-

ность, а также не как утверждение и отрицание, ибо там существует разница в словах, а здесь в поведении. Значит им (добродетели и пороку) остается противолежать как противоположностям. А [при наличии] противоположностей всякий субстрат сообразно [взаимному] превращению приемлет то одну, то другую [из противоположностей], хотя и положительное свойство в нем пребывает устойчиво и изменяется с трудом из-за продолжительного пребывания, однако он (субстрат) может принимать иногда и противоположное этому [определение]. Таким образом, что-либо хорошее, хотя и [своим] сильным стремлением владеет добродетелью и, будучи продолжительным, устойчиво утверждается в ней, однако находясь в теле и встретив слабую природу, становится восприемником болезни и других слабостей, которым свойственно изменять человеческое тело, о котором вовсе нельзя сказать, что оно лишено болезней [С. 265—267].

Теперь нам предстоит подтвердить нашу мысль на каком-нибудь примере: так, храбрость, которая является умеренностью, будучи серединой, имеет своими краями, соответственно избытку, дерзость, а соответственно недостаточности — трусость, ибо умеренность есть [в данном случае] деяние, совершаемое подобающим образом, в меру и своевременно, как, например, храбрость движет храбреца подобающим образом [к тому, что необходимо], скажем на войну. А в меру [столько, сколько нужно] — это значит до тех пор, пока у него будут силы воевать, чтобы одержать победу, сохраняя себя невредимым. А своевременно — это, ясно, в нужное время, при наличии врагов и когда время требует оказать помощь своей родине. Между тем крайности этого не разделяют того, что было сказано в отношении нее (храбрости), так как трус никогда не двинется из любви к войне, а всегда являет недостаточность, прячась из-за [своей] слабости. А дерзкий, поступая соответственно избыточности, не соблюдает умеренности, ибо [одинаково] может поступить не только с [вражескими] воинами, но часто и с друзьями; и если даже с [вражескими] воинами, то не знает подобающей меры, ибо заносясь, ведет себя бессмыс-

ленно (безумно). Не знает он и своевременности, так как иногда случается, что подобные люди во время веселья ведут себя так, как принято вести себя на войне. Следовательно, у мужества, которое является благом, имеется одна противоположность (т. е. трусость), которая представляет собою зло; а у каждой из двух имеющихся крайностей, которые являются пороком, есть по две [противоположности]: у дерзости — одна соответственно умеренности, а другая — соответственно недостатку. А у трусости, которая также является пороком, опять соответственно умеренности [противоположностью является] храбрость, а соответственно излишеству — дерзость. Таким образом, то, что находится посредине, по той причине, что оно является благом, не приемлет противоположности, т. е. зла. А каждая из двух крайностей, будучи злом, имеет в том, в чем она является злом, своей противоположностью благо, а в том, в чем [выступает] избыток или недостаток, — то, что им противостоит [С. 277—279].

Затем [он говорит о том, что прежде] в смысле известного порядка, как сказал он, например, о доказательных науках — о геометрии или астрономии, ибо у таких [наук] имеются первоначала, существующие по порядку прежде [чем целое], как, например, точка, линия, поверхность и все тому подобное, принадлежащее к их ряду. А во вторую очередь [выступают] чертежи, а вслед затем и [целые теории]. То же самое [имеет место] и в риторике, как, например, в речи прежде идет пролог, а затем изложение сути, как и [сперва] предшествующее изложение, а затем эпилог [С. 287].

А по исполнению замысла, как например, при постройке корабля [необходимо] прежде знание исполнения корабля, а после этого то, что последует за действием, будет [самим] исполнением, ибо исполнение бывает двоякое — одно в мысли, а другое посредством действия. Итак, [исполнение замысла] по отношению к действию является младшим , но в мысли идет прежде в отношении остального, а по отношению к самому исполнению называется идущим впереди (прежде). Однако и эти способы относятся к вы-

шеупомянутым способам, ибо один [из них] сказывается в смысле [известного] порядка, а другой — по времени или предпочтительности. Сам [Аристотель] в другом месте говорит, что части определения идут прежде, чем то, что образуется ими; и то, что обычно поступает от ощущения, для них существует прежде, чем мысленное (рациональное), ибо хотя и не по природе, однако согласно привычке (по обыкновению) мы сперва имеем дело с чувственно познаваемыми вещами, а затем переходим к познанию мысленно постигаемых [сущностей]. [С. 289].

АНАНИЯ ШИРАКАЦИ
(605/610 — 685/690 гг.)

Выдающийся педагог и мыслитель, математик и календароведь, космограф и географ. Анания Ширакаци является основоположником естественнонаучного направления в армянской философии и «точных наук». Родился в селении Анеанк (или Ширакаван) Ширакской области. Образование получил в местной Дпреванкской школе, где обучали языкам, грамматике, риторике, искусству числа и счета, богословским, философским и естественнонаучным дисциплинам. Еще в период учебы он приходит к выводу, что глубокое овладение философской наукой немыслимо без серьезной математической подготовки. Для осуществления своих замыслов он путешествует по разным городам Востока, в течение 8 лет учится у византийского ученого-математика Тюхикоса, изучает многочисленные рукописи его богатейшей библиотеки и преимущественно те, которые в Армении были мало распространены или же известны в переводах. По возвращении на родину Ширакаци в конце 30-х годов разворачивает бурную научно-просветительскую деятельность, основывает естественно-математическую школу, программа обучения которой включала арифметику (теорию чисел), музыку (теорию), геометрию, астрономию, а также географию, теорию календаря, философию, армянский язык и т. д. Вскоре

школа приобретает большую известность. Сюда приезжают учиться из разных концов страны. «Я не буду препятствовать никому, кто хочет учиться» — таков основной педагогический и гуманистический принцип Ширакаци. Естественно, светская и естественнонаучная направленность научно-педагогической деятельности Ширакаци вызвала недовольство у ортодоксальных церковников.

Ширакаци — автор многочисленных учебников и руководств, снабженных методическими советами и указаниями почти по всем известным к тому времени естественно-математическим наукам. С целью внедрения высшего образования в систему школьного обучения он в соответствии с разработанной им впервые новой программой написал сводный труд «Кнникон», включающий все основные разделы естественных и математических знаний, отдельные части которого впоследствии рассматривались в качестве самостоятельных произведений. В них обобщены, систематизированы и по-новому осмыслены и интерпретированы многие важнейшие достижения античной и предшествующей национальной философии и науки. В условиях господства церковно-религиозного мировоззрения Ширакаци обращается к наследию античности как источнику знаний, критерию научности, разрабатывая и пропагандируя древнегреческую науку.

В отличие от действующей на латинском Западе системы образования, программа Ширакаци предполагала по завершении изучения наук обоих циклов высшего образования — «тривиума» и «квадривиума» — вновь обратиться к составляющим «тривиума», но уже на другом, качественно ином уровне и с включением ряда дополнительных, не предусмотренных упомянутой системой научных дисциплин.

В учебном процессе Ширакаци придает решающее значение воспитанию и образованию, не игнорируя при этом роль генетической, прирожденной способности. Однако он выступает против преувеличения роли последней, так как в противном случае умалялось бы значение воспитательного и образовательного факторов. К числу важнейших педагогических принципов Ширакаци, некоторые

из которых были новы для того времени, относятся: простота и ясность как преподаваемого материала, так и методов его преподнесения с целью более глубокого и легкого его усвоения (метод доступности); акцентирование внимания слушателей на наиболее узловых вопросах данной научной и учебной дисциплины (принцип прочности); широкое использование в ходе обучения данных непосредственного наблюдения и опыта, иллюстративного материала из окружающего мира для наглядного раскрытия содержания теоретических положений (принцип наглядности); «упрощение» учебного материала для избежания возможных повторов, но не во вред его основного содержания и научности; логически правильное построение лекций; необходимость систематизации и классификации учебного материала, способствующие обеспечению прочности и основательности приобретаемых учениками знаний; восхождение от низшего к высшему, от простого к сложному, от легкого к трудному (законы обучения); учет образовательного и интеллектуального уровня слушателей и др.

В «Космографии» изложены основные мировоззренческие принципы ученого, его понимание стержневых для античной и христианской науки проблем. Структура, содержание и форма изложения работы говорят в пользу того, что она служила общетеоретическим введением (вводным курсом) ко всей системе естественнонаучных дисциплин. В ней разработаны основополагающие теоретико-методологические и методические принципы и положения естественнонаучного познания и знания, которые получают свое раскрытие в цикле работ, касающихся исследования конкретных структурных частей космоса. Ширакаци развивает традиции каппадокийской школы, в частности, ***Василия Кесарийского*** *(329 — 379 гг.),* ***Григория Нисского*** *(331 — 396 гг.) и* ***Иоанна Филопона*** *(VI в.), которые в отличие от других школ и направлений учитывали достижения античной науки, пытаясь совместить ее с христианским учением. Более того, исследования показывают, что Ширакаци намного ближе к традициям античной науки и философии, чем родоначальники этой*

школы. Сочинения Ширакаци свидетельствуют как об уровне и направленности армянской теоретической мысли данного периода, так и о содержании естественнонаучного образования.

Программа и методика обучения Ширакаци наметили пути последующего развития школьного дела и образовательной системы в средневековой Армении, в особенности естественнонаучного направления.

О ЖИЗНИ ТРИЖДЫ БЛАЖЕННОГО ВАРДАПЕТА АНАНИЯ ШИРАКАЦИ[1]

Я, Анания Ширакаци из села Анания, который изучил [всю] науку нашего народа армянского и стал сведущим в боговдохновенных писаниях ежедневно просвещал очи моего разума согласно словам псалмопевца. Сильно чувствуя [в себе] недостаток искусства счисления, я рассудил, что ничего нельзя обосновать без [теории] чисел, считая ее матерью (основой) всех наук. И так как я не нашел в стране Армянской [не только] ни одного человека, сведущего в философии, но даже и книг, содержащих изложение наук, то поэтому я отправился в страну Греческую[2]. И когда я приехал в Феодосиополь[3], то встретил там одного [весьма] одаренного и сведущего в церковных книгах человека по имени Илиазар. Он рассказал мне, что в Четвертой Армении[4] живет один математик и что звать его Кристосатур. Отправившись [туда[, я нашел того, [о ком] мне поведали. И пробыв у него шесть месяцев, я понял, что [Кристосатур] не в совершенстве владеет искусством [счисления]. После этого я поспешил отправиться в Константинополь. По дороге я [случайно] встретил моих знакомых, возвращавшихся оттуда, которые сказали мне: «Зачем ты предпринял такое дальнее путешествие, разве не ближе к нам (армянам) вардапет Тюхикос Византийский[5], [живущий] на побережье Понта, в городе с названием Трапезонт — муж, преисполненный мудрости и знаток армянской литературы и языка и известный царям» [...] Прибыв к нему (Тюхикосу), я нашел его в часовне святого Евгения и рассказал [о причине]

моего к нему прихода. И принял он меня радостно и сказал: «Я благодарен Богу [за то], что он послал тебя с целью [приобретения] знаний и перенести эту науку [счисления] в епархию святого Григора [Лусаворича]. А еще больше я радуюсь тому, что у меня будет учиться эта страна, ибо я в период моей молодости многие годы прожил в благоденствии в стране Армянской...»

И полюбил меня [Тюхикос] как сына своего и передавал мне все свои помыслы и настолько, что все мои товарищи по учебе, что из [числа] царских придворных, стали завидовать мне. И пробыл я у него восемь лет и полностью усвоил искусство счисления. Кроме того, я частично приобщился и к другим наукам и стал сведущим в многочисленных книгах, которые еще не были переведены на наш (армянский) язык. Ибо у него были всякие [книги]: известные и неизвестные [мне], [церковные] и языческие, [книги] по искусству и исторические, медицинские, хроники. И к чему перечислять их в отдельности, так как нет ни одной книги, которая не имелась бы у него. И обладал он таким переводческим даром, ниспосланным Святым Духом, что когда намеревался переводить какую-либо книгу, написанную на греческом, то не встречал никаких затруднений, подобно другим переводчикам, а [свободно] читал ее по-армянски, будто [книга] написана на армянском языке.

Итак, я, последний из армян, обучился у него (Тюхикоса) этому великому искусству, которое желанно царям и принес [его] в страну нашу, не будучи поддержан кем-либо, но лишь [благодаря] моим стараниям и с помощью молитв святого Григора [Лусаворича], хотя никто и не был благодарен мне и не почтил мой труд, ибо народ наш не имеет любви к мудрости и наукам, а является нерадивым и безразличным [в отношении знаний]. Так как, когда я вернулся [в Армению] многие пришли ко мне с целью получения образования и слегка вникнув [в науки] покинули меня и ушли, не дождавшись полного усвоения наук и полагая достаточным для повседневной жизни то, что они приобрели. И чуть удалившись от меня, они начали обучать [других] тому, чего они сами не знали [толком] и провозглашать себя вардапетами — чего они не удостоились. Пустосвяты и

гордецы, они выставляют [дело таким образом] будто владеют наукой и домогаются, чтобы люди именовали их учителями.

Кроме того я оставляю эти [книги] в качестве бессмертных вардапетов вам, что после меня появитесь на свет [божий] — жаждущим знаний и стремящимся к мудрости и наукам.

КОСМОГРАФИЯ[6]

[ПРЕДИСЛОВИЕ] МАТЕМАТИКА АНАНИЯ ШИРАКУНИ К ОБЕЩАННЫМ [ИМ ЖЕ РЕЧАМ]

Дабы исполнить обещанное нами дело, приступим сперва к опровержению языческих мудрецов, а затем обратимся к нашему церковному учению и благопристойно изложим приемлемое нами, ибо таким образом принято составлять [сочинение] и так устанавливается истина [...]

Однако вначале я хочу помянуть слегка о суесловии безбожников, с тем чтобы еще лучше было видно превосходство величайших [отцов]. И если в каком-нибудь другом месте мы слегка будем касаться их (языческих мудрецов) речей, то опять-таки лишь для того, чтобы упоминанием о порочных возвеличить добрых[7] [С. 35].

Начав с неба, а затем обратившись к земле и отсюда вновь вознесшись к небу, возрадуемся разумности [устройства] вселенной и поведем наше повествование, выводя последовательно главу за главой [С. 36].

Глава первая

О НЕБЕ

Для меня и всех тех, кто занимается разумным познанием, кажутся истинными изречения славных предков, и ничто [из сказанного ими] не остается неизъяснимым для слова и недоступным для разума.

И вот, поскольку мы повели разговор о разумном, необходимо [сперва] обратиться к бестелесному виду. За-

тем надлежит приступить к познанию того, что имеет начало. Ведь то, что имеет начало, происходит от некоего безначального, а вот это безначальное [само] неизъяснимо и непостижимо для разума, однако оно познается с помощью того, что доступно познанию. А то, что познается, ведь постигается разумом.

Но как может разум постигнуть непостижимое? [Это невозможно], если нет связи с самим объектом познания. Если же связь имеется, то разум приходит к его истинному [постижению] [С. 37]

Но я считаю, что воистину достойны посмеяния и презрения те, кто, выдавая себя за мудрецов, оказались глупцами, а именно те, кто считает, что небо и земля не имеют начала и конца. Возьмем, например, начертанный кем-нибудь круг, когда на него смотрит кто-нибудь другой; поскольку последний не был на месте, когда первый чертил круг, и не видел, откуда тот начал, то он думает, что круг не имеет начала. Но нужно знать, что тот, кто вывел его, там же дал ему начало, и он же, завершив, закончил его [С. 39]

Глава вторая

О ЗЕМЛЕ

Если же кто-нибудь пожелает получить от языческих философов наглядный пример, воспроизводящий положение земли, то мне кажется подходящим [пример] с яйцом: подобно тому, как в середине [яйца] расположен шарообразный желток, а вокруг него белок, и скорлупа заключает в себе все, точно так же и земля находится в середине, а воздух окружает ее, и небо замыкает собою все. Или же если кто-нибудь возьмет глиняный сосуд и нальет туда воды, растительного масла и [насыплет] песку, то ясно будет видно, что песок занял нижнюю часть сосуда, масло — верхнюю, а вода по необходимости заняла середину; тело же сосуда охватило все это [С. 43—44].

А то, что приводят злые философы в качестве примера земли, ненавистно мне, а посему я не буду приводить их

высказываний полностью, но [кое-что поведаю], ибо хочу слегка ознакомить вас и с ними [С. 44].

Глава четвертая

О НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛАХ

Пересказывать с точностью распространенные среди халдеев пустые бредни о небесных светилах я считаю бесполезным трудом. Но дабы осведомить вас об этом, кое-что поведаю.

Первыми среди людей, искусных в науке и многих других искусствах, входящих в философию, в особенности [искусных] в астрономии, были халдеи, а затем египтяне и эллины, которые, переняв [у них], еще более развили [ее]. И хотя они (халдеи) и старались постигнуть природу [неба], однако, будучи недостаточно сведущими, не смогли возвыситься и подняться выше созерцания светил и не в силах были постичь верховную причину

[...] И не следует нам пересказывать все по порядку, но мы из множества [их речей] приведем лишь малую часть, дабы и вы узнали об их ошибках, о том, что вследствие глубокого заблуждения они считали, что дневное и ночное рождение зависит от стечения господствующей звезды с блуждающимися и движущимися звездами, приходящимися на данное время [...] И говорят, что они приносят не только счастье и злополучие, но и определяют продолжительность жизни, одним большую, другим малую. И причиной всех благ, природных даров и деяний — добрых и злых, — которые бывают с нами, они считают звезды [С. 51].

Но хватит нам рассказывать никчемные истории, отныне отбросим все россказни о счастливых и несчастливых звездах, или же о звездах убивающих и приносящих смерть, или о тех, по которым, говорят, учатся предвещать будущее, или же о лживой самозабвенной ворожбе по корневищам [для общения] со звездами. Ибо не на пользу будет вам рассказывать все это подробно, дабы недалекие люди узнав не уверовали в это.

Я должен сказать, что халдеи, предающиеся подобным размышлениям, не только сами несут наказание за этот грех, но и те, кто в заблуждении будет следовать за ними [С. 54].

Искусство астрономии возникло у халдев, и от астрономии произошло колдовское лжеучение, которое несет несуразицу о связи звезд с корнями и травами [С. 55].

И вот, я буду говорить не что-либо собственное, а воспользуюсь для их обличения их собственными словами, дабы уже зараженным их кощунством доставить исцеление и предостеречь тех, кто, не поддавшись соблазну, не впал в их заблуждения [С. 56].

И посему звездочеты при составлении гороскопа с большой легкостью, на какую только способны, ошибаются и теряют момент [рождения], ибо с каждой мельчайшей частичкой времени умножаются изменения и колебания, ибо ложность их (т. е. звездочетов) сбивчивых рассуждений возрастает соответственно неточности [устанавливаемых ими] быстротечных моментов, так как замена одной кратчайшей доли времени ввергает их в несуразицу и глупость, а сами они достойны посмеяния из-за своих постоянных вздорных бредней. И я удивляюсь тому, как эти бездельники без стыда и совести постоянно занимаются враками. Но еще больше дивлюсь на тех, кто вверяет им свою жизнь, чтобы они предсказали: какой она будет — доброй или злой [С. 58—59]

В своих пустых речах они говорят не только об этом, но и мудрят об общеизвестных вещах. Например, [известно, что] мы являемся господами своих мыслей и поступков, но они имеют наглость отвергать это, говоря, что добро и зло не зависят от человеческой воли; их причиной являются небесные [тела], говорят они, ибо от них зависит — будет человек злым или добрым. Нужно высказаться также против этих [мыслей], хотя они в еще большей мере достойны презрения. Но поскольку многие находятся в плену этого заблуждения, не следует пренебрегать этим и обходить молчанием [С. 59].

И вот, если взаимное положение звезд в каждое мгновение времени из одного вида превращается в другой, а при бесчисленности таковых перемен не один раз в день составляются очертания, показывающие рождение царей, то почему не каждый день родятся цари? И почему по порядку от отцов сыновьям достается в наследство царская корона и никто из царей никогда не ищет по звездам часа своего сына, чтобы увидеть, достанется ли ему в удел царство или нет? Никто из слуг никогда не становился господином [С. 60—61].

Они говорят также, что добро и зло от нас не зависят и что их начало находится не в нас, а в непроизвольном расположении звезд в момент рождения, не зависящих от нашей воли. Если бы это было так, то излишни были бы законы, определяющие — что дозволяется делать и что нет. Излишни были бы и судьи, воздающие почести добродетельному [человеку] и карающие злодеев справедливым судом, ибо дерзость и порочность вора якобы [определяется] волей рока рождения, а не преступной волей самого убийцы, ибо даже если бы он пожелал отвратить свою руку от убийства, не смог бы жить не совершая зла, так как природа его рождения принуждала бы его итти на убийство. Точно также суетны и тщетны усилия ремесленников и бесполезен труд земледельцев, ибо, и не прикладывая своих рук к делу, они имели бы средства к существованию без нищенствования. И волею судьбы купец должен был получать огромные прибыли, мирно сидя в стороне от трудных дорог, ибо по воле рока к нему даром должны были стекаться богатства. И за праведные дела люди не получали бы ни чести, ни награды, а злодеи — ни наказания, ни осуждения. Значит, тщетны и суетны были бы надежды христиан, и все люди без страха совершали бы беззаконие, ибо не было бы мстителя, который отомстил бы за злые дела, ибо, как говорят заблудшие, это бывает не по нашей воле. И если кто-либо совершает что-нибудь не по своей воле, почему он должен за это быть наказан? Где господствует предопределение и рок, там нет места отмщению за беззаконие, которого был бы достоин злодей за свои деяния по справедливому суду [С. 61—62].

В прежние времена любомудрые люди, которые с самого детства посвящали себя изучению неба и [своей] мудростью созерцали природу, постигая все сущее, становились возвышеннее всех и получали от великих царей венец, поместия и хвалу. А церковные учителя, пройдя через все испытания, посвятили себя науке и, защищая божественную веру, погрузились в глубины знания. Поскольку писанные законы (Священное Писание) не противоречат мудрости естественной, а между ними имеется единство, прежние философы стали для нас наставниками, ибо при рассмотрении их учений увидишь, что они говорили [много] истинного. И наши первые духовные отцы восприняли у них слова истины, дабы обеими вещами — корнями и верхушками [мудрости] — держать нас в божьей вере, чтобы мы насыщались плодами верхушки [дерева] и благодаря прочному корню всегда цвели и плодоносили в науке [С. 62].

Возникновение есть начало уничтожения, а уничтожение, в свою очередь, есть начало возникновения. И от этого неуничтожимого противоречия мир приобретает вечность [С. 63].

Глава седьмая

О СЕВЕРНЫХ ЗВЕЗДАХ

[Не будем повторять всего этого], дабы многократным повторением лживых [речей] не докучать вам, но поведаем о том, что мы считаем верным [С. 69—70]

Истину принято определять с помощью достоверных вещей [С. 70]

Глава восьмая

О ЛУНЕ

О втором светиле множество вещей было сказано языческими философами и отцами церкви, но [здесь] мы сочли угодным поведать [лишь] о том, в чем их высказывания сходятся [С. 70].

Знамения, которые бывают от светил, очень полезны людям, если только не исходить из сумасбродных [языческих] воззрений, и кто внимательно отберет их полезный опыт, не примешивая к этому неправедности, тот найдет в этих знамениях множество полезных вещей [С. 73].

Глава девятая

О СОЛНЦЕ

Нет никакой надобности, чтобы мы сравнивали движение светил с движением муравья или с чем-нибудь другим подобным, как языческие философы, которые говорят: муравей может служить тебе примером; возьми муравья, положи его на жернов и посмотри, почему он движется против движения жернова. Это так, ибо он не может идти ни в сторону, ни параллельно движению жернова, так как жернов движется быстрее, чем муравей, и сбрасывает его, именно поэтому он вынужден двигаться в противоположном движению жернова напровлении. А жернов, благодаря своей скорости, уносит его с собой в ту сторону, в какую вращается сам [С. 78—79].

И вот, хотя этот пример очень походит [на движение светил], однако нам не подобает изучать движение светил на малых и сомнительных примерах [...]

Несмотря на то, что зрительно ты не можешь изучить [движение] Солнца, однако можешь постигнуть это по созвездиям так называемого Зодиака [С. 79].

Я принимаю как свою [точку зрения] древних о движении Солнца и других светил, согласно которой они движутся не по кругу, а вращаются петлеобразно, подобно волчку, запущенному на гладкое место [С. 80].

Из фрагмента «О ЗОДИАКЕ»

Я считаю делом не менее важным поведать о группе созвездий, именуемых Зодиаком, о том, каковы они и поче-

му каждое из них имеет то или иное название. И поскольку я не вправе дать им другого определения, постольку я должен привести наименования, которые вслед за халдеями дают созвездиям греки, армяне, персы [С. 89].

А то, чему Он (Бог) повелел быть по законам природы, доступно нашему знанию, что [мы и] постигли через многоопытное познание звезд [...], о чем я и задался целью написать для вас в доходчивой форме, а не труднодоступно, как языческие ученые [С. 90].

СЛОВО АНАНИЯ ШИРАКАЦИ О ТОМ, КАК ПРЕДСТАВЛЯЮТ СЕБЕ ФИЛОСОФЫ ВРАЩЕНИЕ НЕБЕС

Человеческая мысль не в состоянии проникнуть в глубины божественной сущности; что же касается постижения мира, то этому люди учатся на опыте, и делают они это трояким образом — путешествуя, обозревая и слушая, не желая оставаться в полном неведении о сущих [С. 101].

ГЕОГРАФИЯ[8]

Нигде в божественном писании не найдем [что-либо] обстоятельно изложенное относительно [науки] географии, а только редкие и разбросанные [сведения], да и то [весьма] туманные и трудно постигаемые. По причине их неудобопонятности мы вынуждены поэтому обратиться [к трудам] внешних, языческих [философов], которые создали [науку] географии на основе [сведений, полученных] во время путешествий и мореплавании и подтвердили ее [при помощи] геометрии. Сама же геометрия произошла от астрономии [С. 336].

И весь [обитаемый] мир разделили по [климатическим поясам]. Для этого прежде всего необходимо изображение

вселенной [представить] наподобие формы шара, а потом по его подобию (образцу) скроить астрономическим инструментом другой круг. [Затем] разделить им (инструментом) пополам большой круг, что составит 180 [градусов], то есть три [части] обитаемой людьми [земли]. И производя [при этом] измерения явлений долготы и широты по воздуху [при помощи] астрономических инструментов — астролябии и скиотерона. А для измерения суши необходима диоптра [С. 337].

Так как нашим людям случалось обойти вокруг морей Греческого и Каспийского, то исходя из этого мы полагаем, что и Индийское море имеет такое [расположение], а не такое, как утверждают некоторые [авторы] — мол все окружено Океаном. Но мы согласны с рассказом Птоломея, люди которого прошли от Огненного пояса до Южных широт и точно описали [населяющие] это пространство народы и измерили границы обитаемых ими пределов — от Агисимба до Лунной горы, а оттуда — до Неизвестной страны и, пройдя по Неизвестной стране от Океана до Океана. А о всей остальной [земле], на которую никогда не ступала ничья [человеческая] нога и никогда не видело око человеческое, умалчивают. Относительно этого и в божественных книгах имеются соответствующие сведения [...]

[Утверждают также], что божественного повеления достаточно, чтобы удержать в берегах воды Неизвестного моря и [что] нет надобности в земле, и [что] крайние пределы Неизвестной страны не нуждаются в воде. Однако, относительно того, есть ли море вокруг Неизвестной страны или земля вокруг Неизвестного моря, то мы, будучи не в состоянии узреть мысленное, молчим и описываем только то, на что ступала нога [человеческая] и что видело око человеческое [С. 339].

Следовательно, так как мы закончили [изложение] общих положений [географической науки], то теперь приступаем к описанию каждой страны в отдельности [С. 341].

АРИФМЕТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ[9]

Обращение Анания Ширакаци к ученикам и глава первая

О любящие мудрость, что возжелали обучиться наукам у меня, хочу предоставить вам [созданное] усилиями древних [ученых] искусство счисления, которое подобно живому гласу доброго учителя. Учитесь [по составленным] мною таблицам, несмотря на то, что я сократил имеющиеся [под рукой] более пространные таблицы. Дабы не докучать вам частыми повторениями я отчасти сократил и упростил также тексты, [содержащиеся] в сочинениях древних, чтобы вы посредством этого приобрели способность к достижению больших знаний и усвоению всего того, [что касается искусства счисления]. И вот я начинаю [свое] изложение с самого элементарного и простого, принимая во внимание соответствующий уровень [умственного развития] детей и несведущих [в искусстве счисления] людей.

Предварительное упражнение, которое называется сложением, [составляет] первый раздел [искусства] счисления. [С. 210].

Обращение Анания Ширакаци к ученикам и глава вторая

Вступившие на [поприще] искусства счисления и ставшие моими учениками, предстоящим изложением я расширяю [границы ваших познаний]. Второе упражнение, которое называется вычитанием, [составляет] второй раздел арифметики [С. 212].

Предписание Анания Ширакаци своим ученикам и глава третья

Вы, углубляющиеся в [искусство] чисел, смело ступайте по пути, который я растилаю перед вами, подобно голубым и спокойным волнам перед быстродвижущимися кораблями и которые безразличны по отношению к происхо-

дящему. Так как польза [от обучения] становится легко воспринимаемой [лишь] в результате неустанного и упорного труда.

Третье упражнение, которое называется умножением, [составляет] третий раздел арифметики [С. 212].

АРИФМЕТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ[10]

Задача первая. От отца я слышал следующую [историю]. Во время войны армян против персов Зорак Камсаракан совершил великие деяния. В течение одного месяца он трижды нападает на персидские войска. В первый раз он истребляет половину [персидского] войска, преследуя, он во время второй атаки истребляет четвертую часть, во время третьей атаки — одиннадцатую часть, а остальные, численностью в двести восемьдесят [человек] бегут в Нахичеван.

Итак, по числу оставшихся в [живых персов] мы должны определить, какова была общая численность [персидского войска] до истребления.

(Решение первой задачи: до уничтожения было 1760 всадников.)

Задача восьмая. Во время восстания армян против персов, когда Зорак Камсаракан убил Сурена, один из армянских вельмож отправил гонца к персидскому царю, чтобы сообщить ему эту весть. [Гонец] шел по 50 мгонов ежедневно. Через 15 дней, узнав об этом Зорак Камсаракан с целью перехватить гонца вслед за ним посылает преследователей, которые за день проходили 80 мгонов.

Итак, узнай, за сколько дней они настигнут гонца?

(Решение восьмой задачи: настигнут за 25 дней.)

Задача одиннадцатая. Один торговец прошел по трем городам. В первом городе у него [в качестве] пошлины взяли половину и треть [денег], которые он имел. Во втором городе посчитали то, что у него осталось, взяв половину оставшихся [денег] и треть, а в третьем городе вновь посчитали и взяли половину и треть того, что осталось. И когда

этот человек добрался до своего дома у него осталось 17 дахеканов.

Итак, узнай сколько дахеканов он имел вообще?

(Решение одиннадцатой задачи: торговец имел 2376 дахеканов.)

Задача двенадцатая. Я хотел изготовить лодку, но имел всего три драма, ничего другого не имел. [Тогда] я обратился к своим близким: «[Пусть] каждый из вас даст [мне] что-нибудь, чтобы я смог построить лодку». Один из них дал мне треть стоимости лодки, один — четверть, один — шестую часть, один — седьмую, один — двадцать восьмую. И я построил лодку.

Итак, узнай, сколько дахеканов стоила лодка?

(Решение двенадцатой задачи: лодка стоила 42 драма.)

Задача шестнадцатая. Я строил церковь. Нанял одного каменщика, который за день клал 140 камней. Через 39 дней после начала работы нанял еще одного каменщика, который за день клал 218 камней. Когда количество уложенных камней второго каменщика уравнялось с первым, то строительство церкви было завершено.

Итак, узнай, за сколько дней уравнялось.

(Решение шестнадцатой задачи: каменщик сравнялся за 70 дней.)

Задача двадцатая. Охотничьи угодья господина Ширака и Аршаруника Нерсеха Камсаракана находились у подножия горы Артин. Однажды ночью туда забрели стада многочисленных диких ослов (куланов). Слуги, не имея охотничьих навыков, побежали в деревню Талин и рассказали об этом. Камсаракан со своими братьями и знатными людьми поспешили в охотничьи угодья. Они начали убивать куланов. Половину их поймали ловушками, четверть поубивали стрелами, а молодых куланов, которые составляли одну двенадцатую часть от общего числа, поймали живыми, а 360 куланов были убиты копьями.

Итак, узнай сколько было всего [куланов].

(Решение двадцатой задачи: всего было 2160 животных.)

Задача двадцать первая. Сын Аршавира Нерсех Камсаракан, который был тезкой и предком этого Нерсеха, во время войны против северо-кавказских племен, победив их взял в плен огромное количество [людей]. Когда он прибыл к Царскому двору, то половину пленных подарил персидскому царю, а седьмую часть другой половины — его сыну. Затем, попращавшись, отправился в свою страну. По дороге он заходит в дом «начальника дворца», который чествует его гостеприимством не министра, а царя, и [Камсаракан] отдает ему восьмую часть оставшихся пленников. Затем приходит к военачальнику, которого звали Хорабараном, и удостаивается с его стороны также возвеличивания, и отдает ему четырнадцатую часть оставшихся пленных. Направляясь дальше он доходит до своей страны. Встречать его вышел младший брат Раат, которому он дает тринадцатую часть оставшихся пленных. Затем встречать его приходят армянские вельможи, которым он дарит девятую часть оставшихся пленных. Достигнув Вагаршапата, он отдает шестнадцатую часть оставшихся [пленных] святым церквам. Наконец, двадцатую часть оставшихся пленных отдает своему старшему брату Сааку. А ему остается всего лишь 570 человек.

Итак, узнай сколько было [всего] пленных.

(Решение двадцать первой задачи: общее число пленных было 2240 человек)

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ МАТЕМАТИКА АНАНИЯ ШИРАКАЦИ[11]

Пишу для вас также занимательные задачи, дабы когда вы будете веселиться во время пира и пожелаете сказать что-либо веселое и забавное [могли пользоваться ими].

Первая занимательная задача. Скажи своему товарищу, что ты можешь угадать, в котором часу он собирается обедать и сколько желает выпить вина. И если он ответит тебе, что [мол] «узнай», то скажи ему: «Держи [в уме] час, в котором желаешь обедать. Удвой его и прибавь к этому

также [число] пять. Затем [полученное число] умножь на пять и прибавь [число] десять. [Полученное число] умножь на десять и прибавь [к этому] количество вина, которое ты намереваешься выпить».

И когда он исполнят все сказанное тобою, спроси его какова полученная им [окончательная] цифра. И какое бы число он не назвал, всегда вычитывай из него число 350, [а затем] определи в остатке [количество] сотен — это и будет час [предполагаемого] обеда, а всякое оставшееся число, что меньше сотни, знай, показывает, что он выпьет такое количество вина. Но если тот, кому ты все это скажешь, окажется неопытным и возьмет [в уме] в качестве количества вина, [которое он намеревается выпить], число сто [и больше], то ты ответь ему, что в течение часа невозможно выпить сто раз.

Вторая занимательная задача. Скажи своему товарищу, что как-то во время пиршества один путешественник перс увидел группу путешественников греков. Он обратился к ним, говоря: «Если кто-то пожалует вас мне и [прибавит] столько же [людей, сколько вас имеется], а также половину вас и четверть, то я вместе с вами составил бы сто [человек]. Итак, узнай, сколько было греческих путешественников».

Если твой товарищ [из числа] сведущих [в искусстве счисления] людей, то он быстро сообразит, что их било 36 [человек]. Но если он из числа невежд, то его мешкание и незнание такой пустячной вещи позабавит и развеселит тебя [С. 233].

Третья занимательная задача. Скажи своему товарищу, что сможешь узнать, сколько денег у него в кошельке. Если он скажет «узнай», тогда скажи ему: «возьми эту сумму, столько же прибавь к ней, полученную цифру удвой, добавь к этому первую цифру и полученную сумму удвой». Если данные тобой расчеты он выполнит, то независимо от того, взятая цифра была четной или нечетной, полученную им сумму раздели на десять и полученная цифра составит количество денег в его кошельке.

Четвертая занимательная задача. Скажи своему товарищу, что один гунн сто лет был моим птичником и за день собирал от кур 100 яиц. Итак, узнай сколько яиц было итого. Если товарищ смыслит в числах, то быстро ответит, что тот собрал 3650000 яиц, а если окажется невежей, то его мучения доставят тебе радость.

Пятая занимательная задача. Скажи своему товарищу: «Если ты продашь шестьдесят кувшинов вина, каждые пять кувшинов по два драма, сколько драмов ты получишь?». Он ответит, что 24 драмов. Тогда ты ему скажи, что ты будешь продавать 60 кувшинов вина по той же цене, то выиграешь на один драм больше, чем он. Сделаешь так: 60 разделишь на два, из полученных 30 каждые три кувщина разделишь на один драм, а каждые два кувшина из остальных 30 кувшинов на один драм. Тем самым опять-таки 5 кувшинов будут стоить 2 драма. И таким образом выиграв на один драм больше ты устыдишь первого продавца и обрадуешься его удивлению.

МОВСЕС КАГАНКАТВАЦИ
(VII в.)

Крупный армянский историк, автор замечательного труда «История страны Алуанк», который был дополнен в X веке. Благодаря собранному в нем богатому историческому материалу, часть которого сохранилась только в этом труде, «История» Мовсеса Каганкатваци представляет собой ценный первоисточник по истории народов Южного Кавказа (Закавказья), Передней Азии, Византии и арабского халифата. Автор широко использует сочинения предшествующих армянских писателей, многочисленные исторические документы, каноны, послания, сказания и т. д. У него же впервые в армянской историографии приводятся сведения о русских (рузаках)[1]. Труд Мовсеса Каганкатваци содержит также интересные сведения о принятии и распространении христианства в Армении, Иверии

и Агванке (Алуанке), о создании школ, содержании обучения, распространения просвещения. Автор следует принципу исторической хронологии. По его мнению, историк должен не только использовать все имеющиеся под рукой письменные источники, но и стремиться посредством косвенных данных, устных сказаний и преданий создать более или менее целостную картину исторических событий и явлений, относительно которых нет письменных свидетельств и подробных описаний.

Древнеармянский текст издавался в Париже и в Москве (1860 г.), научно-критический — в Ереване (1983 г.). Отдельные главы переводились на французский, немецкий, венгерский языки, полный текст — на русский (1861 г.), английский (1961 г.), современный армянский (1969 г.) языки.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АЛУАНК[2]

Книга первая

Глава VIII

Было бы весьма желательно найти [сведения], повествующие по порядку обо всем том, что я рассказываю [начиная] от воцарения Арана до настоящих событий, но [наличие] множества различных племен на Востоке и сожжение книг и заветов говорит о том, как это [трудно] сделать [С. 27].

Глава XI

Слова могут лишь отразить мир, [состоящий] из четырех элементов, и то не всем это под силу, а тем, кто смело вошел в дебри наук — искусства исчисления, геометрии, астрономии, медицины, а затем дошел до самых высот пророческих, апостольских и евангельских [книг], в которых само начало и исход. И хотя были у меня все знания, обьясняющую вещественность, ты, некогда бывший из плоти, теперь уподобился бестелесным [С. 31].

Глава XIV

Приняв затем сан первосвященника [страны], пошел он (Григор — К. М.) просвещать страны Иверию и Алуанк. Прибыв в гавар Абанд, он поучал и наставлял не преступать заповеди Сына Божьего. Здесь начал он постройку церкви в Амарасе и назначил работников и мастеров, чтобы закончить ее [С. 36].

Глава XVII

[...] Тот врач искусен и более сведущ в искусстве врачевания, кто сам перенес тяжелое ранение мечом и вылечился, испытав на себе различные лекарства и травы, которыми он сумеет быстро исцелить и других раненых. Точно так же [человек] согрешивший, который затем всем сердцем приходит к Богу и исцеляет душу свою раскаянием, этим самым животворным лекарством — исповеданием и покаянием, может стать целителем и обновителем души и тела других [грешников], может всецело обратить их в святую и всесмиренную веру христианскую [С. 42].

Глава XVIII

Венчанный волею Божьей Вачаган повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере, и жизни христианской, дабы утвердить их в исповедании Троицы, направлять по пути богопочитания их отцовский неверующий род. Многих же отроков он собрал в своем собственном селении Ростак, выделил им на пропитание и назначил над ними учителей, приказав обучить их и сделать знатоками христианских порядков.

И каждый раз, когда царь приезжал в свое селение совершать богослужение в память святых, он заходил и в школу, собирал вокруг себя детей колдунов и жрецов, и те окружали его большой толпой, кто с книгами, кто с пнакитами[3] в руках. Тогда царь приказывал им громко читать хором, а сам слушал и, радуясь, гордился ими больше, чем человек, нашедший огромный клад [С. 43].

Книга вторая

Глава I

Как небеса украшаются звездами, а земля — растениями, так и труд летописца украшается сведениями других [авторов].

Есть сказания о Восточном крае[4], которые не вошли в книги древних историков, но которые мы нашли нужным внести в наше повествование [С. 65].

Книга третья

Глава XVIII

В эти времена жил Степаннос Сюнеци, совсем еще юный годами, но образованный и весьма искусный в толковании Писания. Как-то довелось ему вступить в спор с армянским аспетом Смбатом, исповедующим две природы [Христа], но не сумев переубедить его, [Степаннос] поехал к ромеям.

Там он разыскал одного православного отшельника, остался при нем и стал учиться у него. А этот Смбат написал царю ромеев, что мол «еретик Степаннос отправился отсюда [в твою страну] и живет он у такого-то отшельника». Разгневался весьма царь и потребовал привести его ко двору. А отшельник тот посоветовал [Степанносу] выдать себя перед царем за бездомного, простого нищего. Услышав об этом, тиран умерил свой гнев. Тогда, осмелев, Степаннос сказал императору: «У меня проьба к тебе, [прикажи] открыть мне сундуки с книгами». И найдя там книгу о вероисповедании, [написанную] золотыми буквами, преподнес ее царю [С. 161].

Прочитав ту книгу, император отправил Степанноса в Рим за тремя другими такими же книгами относительно истинной веры, чтобы обратить свою страну в ту веру, которой учат эти книги. Он же (Степаннос), взяв в Риме эти книги и невзирая на повеление самодержца, уехал [в Арме-

нию] в город Двин[5], ибо желал он учить [свою] страну по тем книгам. [Здесь] по просьбе Бабгена и Курдо он был рукоположен в епископы Сюника [...].

После того, как блаженный Степаннос привез из Рима те книги, епископия Сюника была возведена на третью ступень [иерархии] армянской церкви [С. 162].

Глава XXIV

Итак, первым распространителем просвещения среди нас был ученик святого апостола Фаддея святой Елиша, рукоположенный в Иерусалиме святым Иаковом. Он стал просветителем трех краев — Чора, Лпинка и Алуанка [С. 171].

ОВАНЕС ОДЗНЕЦИ (ИМАСТАСЕР)[1]

(понтификат 717 — 728 гг.)

Крупный мыслитель, церковно-политический деятель, с 717 года — католикос Армении. Ованес Одзнеци родился в селении Одзун. Образование получил в области Арагацотн Айрарата у высокообразованного настоятеля Теодороса Кыртенавора. В период арабского господства он стремился укрепить позиции армянской церкви. Ему удалось добиться от арабского халифа ряд уступок для армянского духовенства, свободы вероисповедания, прекращения гонений на христиан. Одновременно он приложил много труда для обеспечения независимости армянской церкви от притязаний халкедонитства. С этой целью он впервые в армянской действительности составил «Книгу канонов», включающей как иноязычные (греческие и сирийские), так и армянские канонические правила и постановления и призванной регулировать различные стороны общественной, духовной и семейной жизни народа. В течение IV — VIII веков армянскими церковными соборами и выдающимися духовными деятелями были разработаны и официально приняты множество канонов, правил и установлений по упорядочению церковной и гражданской жизни, санкционированию функций армянской

церковной власти, в том числе, судебной. Это привело к необходимости их кодификации, что и было выполнено Ов. Одзнеци, составившим свод канонов — «Канонагирк» («Армянская книга канонов»), куда были включены 29 уставов и каноны самого Одзнеци. «Армянская книга канонов» — один из древнейших памятников юридической мысли средневековья. В дальнейшем он дополнялся новыми юридико-политическими документами.

Одзнеци хорошо знал античную и национальную философию. В частности, он мастерски использовал логику Аристотеля для критики различных еретических и чуждых учений и обоснования идеологии армянской церкви. В своих речах он затрагивает многие вопросы философии, этики, нравственности, методов и принципов рассмотрения проблем, ведения идейной борьбы и т. д. В основе его философских взглядов лежит сенсуализм. Для него познание — длительный процесс, идущий от незнания к знанию. Представляют интерес его мысли о единстве мышления и языка. Важнейшие понятия средневековой этики — зла и добра он рассматривает в плане их абсолютной противоположности и несводимости.

ПРОТИВ ПАВЛИКИАН[2]

[...] Так, разного рода ложными речами надевают на себя личину и стремятся коварством привлечь к себе пребывающих в неведении верующих. И, подобно тому как лягушки погружают свои тела в болото, а устами выкрикивают, будучи в то же время видимы и невидимы, так и эти упомянутые мной, погрязшие в злодействе, в своей среде без стеснения творят мерзости, а от нас рассчитывают скрыться с помощью лжи и коварства. Они не ведают, что как невозможно скрыть запах, неизбежно достигающий обоняния людей, так и вести о деяниях разносятся ветром, доносясь до слуха многих... [С. 110].

Подонки бывшего мессалианства — пайлакенства, которые увещевались католикосом Нерсесом[3], но не образу-

мились, после его смерти, уйдя, скрылись в одной местности нашей страны. К ним пришли и примкнули, обличенные католикосами албанцев, некие иконоборцы, ибо отступивший от истины любит приходить к себе подобным. И пока они не нашли себе опоры в лице предтечи антихриста, они боялись и страшились истинного и достославного вероисповедания христиан. Особенно самого себя обвиняет нечестивый, будучи мучим своими помыслами. А когда они возомнили, что достигли чего-то великого и нового, что на деле было старым и изношенным, тогда выползли из вертепа своего ковоплетения и осмелились вторгнуться во внутрь страны и в населенные местности [...]

Наша речь очень затянулась с целью заставить умолкнуть болтовню пустомелей, которые рассчитывают, искажая наши мысли, повредить нам, называя нас идолопоклонниками. Им следует сказать: «Кто из беззаконных, тот делает беззаконие. Но выйдите из среды их и отделитесь и не прикасайтесь к нечистому. Ибо всякое растение, не насажденное Богом, искоренится»... [С. 111]

Они угрожают истребить нашу животворящую веру своим острым, подобно языку змеи мечом [...] Для этого, мы, вооруженные нашим божественным оружием, сосредоточим твердость наших чувств этой преходящей жизни, оберегая их в (наших) сердцах. И выбирая из них сильнейшее, пристойное слово и кладя его в пращу наших премудростей, метким ударом разобьем голову их нечестия. Именно оружием их же мерзких изречений мы истребим их, опустошая и забирая в плен их надменные умыслы против учения Бога, которые являются в то же время врагами и Бога, и нашими [...] Они злословят и лгут, говоря что согласны с нами и являются нашими единомышленниками. Для нас именно в этом самая ужасная опасность с их стороны. Они на словах отдают товарищу, а, на деле (руками) тянут к себе; жгут ранами сердце супостата, и стремятся тайком привлечь его к себе. Они обрели единственный путь для собственного успеха — лгать и позорить нас сумасбродной клеветой. Мы находимся так же далеко от них обоих, как не имеет ничего общего свет со тьмой и как волки не

связаны взаимной дружбой с овцами. Но не малая вражда существует и между ними, ибо ересь каждого из них не похожа на другую и сильно отличается от нее, ибо один следуя одним путем, другой — другим, равно ведущим к заблуждению, тщатся достичь недостижимого воплощения слова [С. 111—112].

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ
(ок. 688 — 735 гг.)

Армянский ученый, философ, переводчик, поэт, композитор и педагог Степанос Сюнеци родился в семье протоиерея города Двина. Получил солидное для того времени образование. Первоначальное воспитание и обучение получил в доме патриарха Армении, затем учился в монастырской школе Макенеац[1], и, наконец, в известном научно-образовательном центре — в Сюникской школе высшего типа — вардапетаране у крупного ученого и педагога Мовсеса Кертога. По завершении курса обучения начинает преподавать там же. Впоследствии отправляется в Афины, Константинополь и Рим, где углубляет свои познания в области внешних наук, философии, богословии, музыке, в совершенстве овладевает греческим и латинским языками. Был рукоположен в епископы Сюника. Сюнеци, несмотря на преждевременную трагическую смерть, оставил богатое литературное наследие: многочисленные речи, послания, переводы, толкования, шараканы и др. Особое место в его научном наследии занимают переводы и толкования. Прекрасно владея языками западной цивилизации, Степанос Сюнеци перевел на армянский ряд выдающихся памятников раннесредневековой научно-философской мысли: естественнонаучные труды Немесия Эмесского[2] «О природе человека» (712 г.), Григория Нисского[3] «О строении человека» (716 г.), «Книгу ученых бесед» Кирилла Александрийского[4] (714—715 гг.), сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита[5] (716—717 гг.), «Шестоднев» греческого автора VII века Георгия Писиды и др. Перево-

ды Сюнеци относятся к числу древнейших в мировой переводной литературе. В дальнейшем многие из них были включены в учебно-образовательные программы средневековых армянских школ высшего типа. Кроме того, они сыграли существенную роль в дальнейшем совершенствовании армянской естественнонаучной терминологии, культурно-интеллектуальной жизни страны вообще. Значительный научный интерес представляют его комментаторские труды, в частности, «Толкование Грамматики Дионисия Фракийского» и «Полезный анализ Определений философии и Порфирия», которые наряду с толкованиями книг Бытия, Иова, Иезекииля, Четвероевангелия и др. содержат ценный теоретический материал по самым разным областям знания. С его именем связано и введение канонов в армянскую духовную песню.

«ЖИТИЕ» Степаноса Сюнеци[6]

Святой Степанос, будучи сыном протоиерея города (Двина — К. М.), был отдан в святой монастырь Макенеац в ученики к великому отцу Согомону[7], составившему Тонакан [Торжественник]. Затем, в 701 г., он стал учеником владыки Мовсеса Сюнеци[8].

Был у него и сотоварищ, священник из того же города, некий Григор из святого монастыря Айриванк[9], построенного св. Григорием[10] в начале ущелья, у городка Гарни. Оба они были избранными и чудесными, преуспевали в постижении книг и музыкальном искусстве. Сговорившись, они отправились к философам в Афины, изучили всю философскую науку внешних мудрецов и постигли тексты Св. писания и толкователей. Оттуда они прибыли в царский престольный город Константинополь [...] Там они нашли сочинения Дионисия Ареопагита [...] и начало богословия Иеретеоса[11]. И с превеликой охотой перевели их с греческого на армянский язык. И поскольку смысл произведений был труднопостижимым, святой Степанос, по данной ему свыше мудрости, написал к ним толкования, которые имеются по

сей день. Нашли они в том городе и многомудрые сочинения Григория Нисского о природе[12] и строении человека и их также перевели [на армянский язык] [С. 51—52].

Святой же, найдя свободное время стал писать трактаты и множество толкований на труднопостижимые слова евангелистов, к писаниям Иова и пророчеству Иезекииля, а также относительно постов, установленных апостолами и патриархами, создал шараканы и множество гимнов[13].

А его сотоварищ священник Григор, по прозвищу Гырзик[14], отправился на свое [прежнее] место в Айриванк. И будучи музыкально одаренным, он переложил на музыку 150 псалмов Давида, псалмы-стологи Пятидесятницы, псалмы Поста и песни Предпразднества, Поем и многие другие, и множество кцурдов с благозвучной мелодией. То, что греками Кадмосом, Илинэ и Романом[15] было посеяно в Армении, он умножил и поставил петь на всех праздниках Господних и в память мучеников. Однако из-за сладкозвучной музыки его в нем открылся порок надменности [С. 52—53].

У святого Степаноса была сестра по имени Саакадухт, принявшая монашеский обет и отказавшаяся от всех мирских удовольствий. Покинув город Двин, она поселилась в глубоком Гарнийском ущелье на берегу реки Азат [...] Она была украшена всеми добродетелями и мудростью, воспитывала целомудренных отроков и, доводя до соответствующего возраста, рукополагала в священники; она обучала учеников, сидя за занавесью. [Саакадухт] сочинила множество [духовных] песен, мелодий и гимнов, посвященных Рождеству и Успению, одной из коих является «Пресвятая Мария» [С. 53].

ОВАНЕС (ИОАННЕС) ДРАСХАНАКЕРТЦИ

(40-е годы IX века — 925 г.)

Крупный историк, католикос, политик и дипломат. Родился в ване Драсханакерт Айраратского гавара. Он

был родственником и учеником католикоса Маштоца Еливардеци. С 897 года он — католикос Армении. В 900 — 920-х годах он развернул активную политическую деятельность. Его «История Армении» делится на две части: первая включает историю Армении с Ноя до Ашота Багратуни и представляет собой компиляцию многочисленных источников, вторая освещает современную автору историю, изложенную очевидцем и непосредственным участником событий.

Драсханакертци был хорошо знаком с армянским переводом «Искусства грамматики» греческого ученого Дионисия Фракийского, с риторической литературой, в частности, с трудами Теона Александрийского (III в.), автора руководства по риторическому искусству. В послесловии он называет свой труд «показующим зерцалом», которое, по его мнению, должно предостеречь будущие поколения от повторения ошибок, допущенных в его время. Этим он указывает и на дидактическую направленность своего произведения. В самом деле, история служила для него иллюстративным материалом для осмысления и решения политических и морально-воспитательных задач.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[1]

ВВЕДЕНИЕ

И с тех пор, словно побуждаемый неким кормчим, я стремительно поплыл на веслах в челне своего повествования, заботясь о том, чтобы скорее написать эту историю, не повторяя, впрочем, по-мужицки неискусно того, что до нас мудрецы и книжники-мужи великие и удивительные написали достойного предмета истории — о достославных делах царей и о порядке наследования *ишханов*, об обстоятельствах войн и о сооружении строений в городах и *гаварах, гюхах и гердастанах*, о деяниях отважных и о поступках слабодушных, о междоусобиях и мире, дабы по-мальчишески дерзнув, не повторить уже однажды написанное и не посрамить искусства риторов, вызвав тем самым смех у читателей [С. 43—44].

ГЛАВА I

Некий сирянин, по имени Мар Абас Катина[2], весьма сведущий в халдейской (вавилонской) и греческой письменности, отправился по повелению [царя] нашего Валаршака в архивы персидских царей, исследовав кои обнаружил в них достоверную книгу, которая по приказанию Александра, сына Нектанеба[3], была с халдейского переведена на греческий. И хотя в ней богато были представлены истории многих народов, однако, он, оставив другие, как праздную заботу, извлек только [сказания] нашего народа, кои доставил Валаршаку. После того познакомил он нас с [извлеченными] оттуда подлинными нашими сказаниями. [С. 48—49].

ГЛАВА XVI

На десятом году его патриаршества и на тридцать первом году Хосрова, сына царя персидского Кавата, исполнился, завершился круг пятисот тридцатидвухлетнего цикла, и тогда по приказанию великого Мовсеса ученые и знатоки календаря установили порядок нашего Торгомова счисления, что есть поступательное движение и основа различных частей календаря. Таким образом, представив календарь годичных праздников на армянском языке, [армяне] более не нуждались в том, чтобы подобно просящему милостыню, заимствовать у других народов обряд необходимого таинства. [С. 78].

ГЛАВА XX

Патриарх Анастас[4] был озабочен тем, чтобы суметь сделать армянский календарь неподвижным, как у других народов, дабы праздники годичные не перемещались по временам года, но были неподвижными. Поэтому он призвал к себе глубокого знатока этой науки по имени Анания Анеци[5] и повелел тому заняться решением этой задачи. И [Анания], приложив усилия и в соответствии с установленными у всех [других] народов [календарями], создал неподвижный армянский календарь, ибо отобрал наилучшее у

других и у нас, дабы не нужно было нам больше приводить его в соответствие с ромейским. В то время, когда великий Анастас намеревался утвердить сделанное на соборе епископов, наступил конец его жизни после шести лет пребывания на патриаршем престоле. Преемники его предали это [дело] забвению, сохранив прежний, постоянно смещающийся порядок [летосчисления] [С. 93].

ГЛАВА XXII

После него наследует святой престол великий любомудр Иованнес[6], который был ученым и знатоком всех грамматических сочинений, частей и части частей, а также был сведущ в науке о сущности и находящихся под нею [понятиях] рода, вида и вниз вплоть до индивида, о видовых различиях, признаках существенных и случайных, отделимых и неотделимых. Точно так же он с большим искусством навечно запечатлел письменно поучительное учение последователей Теона[7], которое в изобилии вкладывает плоды древа искусства в любителя искусства, и дал церкви Христовой в утешение ее служителям весь порядок часов службы, обогатив его и наилучшим образом объяснив и истолковав каждое правило. Он сочинил также от себя риторические речи для нужд кающихся, отвращающие от злых деяний и увещающие. С благородным праводушием отдавшись поучительному подвижничеству, он укреплял себя в духовных песнопениях постом, молитвами и всенощным бдением. [С. 97 — 98].

ОСОБОЕ СЛОВО В ПАМЯТЬ ИМЕНИ МОЕГО

А теперь я обращаюсь к вам — читателям — с мольбой, чтобы не довели себя вновь до тех страданий, в которых мы все пребываем ныне, одурманенные дымом грехов, чтобы охотно прислушались к просительным моим речам и совету быть единодушными [С. 237 — 238].

Не полагайте славу отцов ваших достаточной добродетелью для вас, и, уповая на нас, да не погрузитесь вы из-за

лени своей в глубины бездны, ибо что пользы детям, если со знанием, искусно руководимые отцом, они погибнут в кораблекрушении. Полагаю, что от искусности отца детям при кораблекрушении нет пользы. Не отдаляйтесь от матери, что новожалованным словом животворным возродила вас к упованию живому [С. 239].

ТОВМА АРЦРУНИ
(IX — X вв.)

Выдающийся армянский историк. Вероятно принадлежал к известному княжескому роду Арцруни. Жил и творил во II-ой половине IX века и в I-ой четверти X века. Автор «Истории дома Арцруни». Получил солидное образование, обладал обширными познаниями. В книге дана генеалогия рода Арцруни, который в этот период стремился к политической независимости от верховной власти армянских Багратидов. Автор основательно изучил и критически использовал труды предшествующих армянских историков, иноземных писателей, а также народные сказания и предания. Особенно ценны те части труда, где освещаются близкие ему по времени события.

Сочинения Товмы — важный источник для изучения истории последнего периода арабского господства в Армении, стран Ближнего Востока, в частности, освободительной борьбы армянского народа против арабского владычества в IX — X веках, о политических событиях в стране, социально-экономической жизни, государственного устройства армянского царства и арабского халифата, политике арабов в завоеванных странах и т.д. Товма — ученый-патриот. Излагая, порой тенденциозно, историю отдельного княжеского рода Арцруни, он в вопросах внешней политики выступает как идеолог всего народа, общенациональных интересов. Исторический материал он излагает в художественной форме, умело используя народные обороты и выражения с целью создать у читателей определенное настроение. По его мнению историография необходима для изучения прошлого своего народа, других

народов, приобщения к наукам, для духовного совершенствования, воспитания людей на конкретных исторических примерах. Труд Арцруни переведен на французский язык.

ИСТОРИЯ ДОМА АРЦРУНИ[1]

Предисловие автора

Кроме них другие [затратив] много труда изучили и написали о происходившем до нас, о том, кто из державных царей сколько лет прожил и сколько времени царствовал, или кто из них больше других пекся о стране; [изложили] последовательность войн и мирных [периодов], число побед и поражений, испытания добродетельных и невоздержанных, твердость храбрецов и слабость подлецов, непоколебимость [непреклонность] доблестных и слабодушие трусов, противоположность сведущих и невежественных, отличие умных и недалеких, благоустроителей страны или никак не пекущихся о ней... [Ученые люди установили] имена и время каждого [из властителей], как и какими они были, определили и расположили в хронологическом порядке и запечатлели в исторических книгах, раздельно написали о различных народах и языках, дабы наполнить церковь разными премудростями. Дабы кто после них воспламенится [любовью] к тем же учениям и обретениям разума [смог бы] без труда, легко и благоразумно получить от ученых из людей то, что ищет [С. 8].

И все то из повествований, что относится к ним (арабам) вкратце перескажем в этой книге. По мере наших способностей мы пользовались из древних исторических повествований пророков и новых вардапетов (учителей) Христовой церкви, а также [трудов] иностранных историков, трудолюбивых и разносторонне ученых мужей, которые подобно кормилице позаботились о нас, потомках, дабы мы вкусили здоровую и без злоупотребления приятнейщую пищу, дабы довести до совершенной зрелости, приобщить к наукам жаждущих знаний [С. 10].

Часть первая

А

И так, буду следовать [выполненным] различными способами исследованиям Евсевия, увериениям Африкана, Мовсесу Кертогу (Хоренаци) и прежде всего предприму изложение обстоятельств разветвления народов. И обнаруженные в них разногласия, вызывающие сомнения, рядоположу с критическими работами других [авторов], дабы из них выпали расхожие мысли сомнительных размышлений [С. 12—14].

ДОКУМЕНТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРОВ

«ШААПИВАНСКИЕ КАНОНЫ»

Каноны были приняты армянским национально-церковным собором, созванном тайно 12 июня 444 года в Шаапиване (область Багреванд) с целью проанализировать, осмыслить и по возможности облегчить тяжелое социальное и экономическое положение в стране и духовно-нравственное состояние народа, сложившиеся после окончательного упразднения царской власти в Армении и вследствие экспансионистских и ассимиляторских притязаний Персии. Шаапиванский собор — первый важный общенациональный церковный собор, решения которого приняли силу «гражданского закона». Он утвердил каноны первых трех вселенских соборов: Никейского (325 г.), Константинопольского (384 г.), Эфесского (343 г.), каноны, разработанные Григором Просветителем, Нерсесом Великим, Сааком Партэвом, Месропом Маштоцем, а также апостольские каноны. Впоследствии решения собора вошли в кодификационную книгу армянских канонов Ованеса Одзнеци (VIII в.), в «Судебник» Мхитара Гоша (XII в.), частично и в «Судебник» Смбата Спарапета (XIII в.).

УСТАНОВЛЕНИЯ И КАНОНЫ СВ. ЦЕРКВИ, ПРИНЯТЫЕ АРМЯНСКИМИ ВАРДАПЕТАМИ В ДОПОЛНЕНИЕ И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ АПОСТОЛЬСКИХ И НИКЕЙСКИХ КАНОНОВ[1]

Кормчему надобно и достодолжно заботиться об исправности судна, примечать стези морские и пользуясь попутным ветром плыть по волнам моря. Равно и полководец [должен] всегда выводить на бой войско из отборных мужей и коней, людей вооруженных, коней оснащенных и, уповая [лишь] на битву, выходить победителем и получать венец и славу от царя. Тем более надобно и должно вардапетам, пастырям святой церкви, предводителям законов справедливости и непреложных заповедей Бога живого размышлять всегда, денно и нощно о законах Господа и постоянно украшать в Господе отроков церкви [С. 338].

III. Итак, если кто попрал благословенную жизнь и наслаждение [...], предался блуду и прелюбодеянию и пьянству, такого человека старейшины должны исправить поркой и назидательными речами [С. 340].

XV. Нельзя, чтобы существовал лишь обычай, не то как могли бы люди знать положение и условия веры или сознавать свои преступления, или проявить свою покорность и любовь к товарищам. Таковы и звери в горах, которые пребывают мирно, пока никто не подойдет к ним. Но совершенная и истинная вера состоит в следующем: покорность в отношении близких и любовь друг к другу и к Христу, быть добрым примером и первообразом среди людей, дабы принести друг другу пользу и быть ревностным в добрых делах. А тот, кто брата бесчестного и споткнувшегося духовным назиданием выведет в число достойных, — устами Бога наречется [...] Серебро в рост не отдавай и процентов (лихвы) не бери. Скоро возвращай должнику залог его. Сыны человеческие, доколе вы будете жестокосердными, без причины нетерпеливыми? Человека нетерпеливого кто может удержать? От кровопролития, удушения, прелюбодеяния, блуда, воровства, жадности, сребролюбия, лжеприсяги, лжи, каверзы, пьянства, обжорства, кичли-

вости, упрямства, чванства, надменности. Не будь гордым зложелателем, спесивым; не участвуй в играх хороводных, в песнях наглецов, не наряжайся, не насмехайся зря, не бесчинствуй; не притесняй, не ропщи, не будь ненавидящим, дерзким, болтливым, не говори и не слушай сплетен о ком-либо, и, что тебе кажется злым, не делай и другому; не будь похотливым, сонливым, упрямым в учении, чтобы не продаться злу, не ленись в молитвах, не питай ненависти к нищим, чтобы в худой день они спасли тебя и не предали в руки врага [С. 345].

XVIII. Если вардапет своим вардапетовым словом проклял, отлучил от церкви или предал анафеме кого-либо: ученика, светского человека или священника, то вардапет или епископ или иерей других местностей не имеют права благославить проклятого или снять анафему, разве только он верой и любовью духовной исправиться; после чего миролюбивый вардапет добрыми назиданиями заступится, чтобы тот покорился своему вардапету; во всех церквях следует сохранять одно и то же согласие: достойных благословения единодушно благословлять и наказывать. Ибо от всеобщего единодушия и поучения будет устойчивым и верным для всех [С. 347].

«КАНОНИЧЕСКИЙ УСТАВ ВАЧАГАНА,[1] ЦАРЯ АЛУАНКА»

Данный Устав, точнее — Каноническая Конституция, был принят Алуэнским собором по инициятиве царя Агванка (Алуанка) или Северо-Восточного края Армении Вачагана Благочестивого. В армянской историографии нет указания на точное время созыва собра. Большинство ученых считает, что он имел место в 488 году. Исследования показывают, что Каноническая Конституция отражает социально-экономическое и политико-правовое состояние средневековой Армении, в частности, Северо-Восточного края — Агванка. Вместе с тем, они опираются на решения предыдущих общеармянских национально-цер-

ковных соборов, в особенности, Шаапиванского и на каноны армянского католикоса Саака Партэва.

I. Сельские иереи обязаны дважды в год ходить на поклон к епископу и по писаниям учиться у него духовным порядкам и, по обыкновению, полагается раз в год носить ему подарок.

VI. Если иерей монастыря или инок что-либо унесет из монастыря и если это обнаружится, следует осудить его и прогнать [из монастыря], а хостак[2] его взять в церковь.

X. Никто не смеет взять в жены родственницу в третьем колене или жену брата.

XI. Того, кто бросает жену без причины и берет [другую] жену без венчания, или того, кто обращается к волхвам, а также убийцу и беззаконника, следует связать и привести к царскому двору и осудить на смерть через пытки.

XII. Если где оплакивают [покойника], то хозяина дома и гусанов связать и привести к царскому двору и наказать. А домочадцы да не смеют причитать.

XVI. Если иерея обвинят его же товарищи или ученики, люди благочестивые, иерей должен стать перед алтарем, а обвинители — перед народом [С. 58—59]

«КАНОНЫ» ЧЕТВЕРТОГО ДВИНСКОГО СОБОРА[1]

Четвертый Двинский национально-церковный собор состоялся в 645 году в столице Армении Двине в период обострения борьбы между Византий и Арабским халифатом за гегемонию в Армении и нового подъема борьбы народа против иноземных захватчиков. Христианская Византия стремилась воспользоваться сложившейся тяжелой международной ситуацией и внутренними разгласиями армянской духовной и светской власти, чтобы в очередной раз попытаться навязать Армении постановления Халкедонского собора (451 г.) о двух естествах Христа (диофизитской формулы) с перспективой добиться ее политического присоединения. Проблема поли-

тической независимости страны приобретает особое значение на следующем Двинском соборе, созванном в 648 году, на котором идеологам политической самостоятельности удалось обеспечить курс на проведение независимой внешней и внутренней политики, умело лавировать между интересами могущественных соседей. Благодаря этому на определенное время они добились относительной политической независимости и государственной самостоятельности. Четвертый Двинский собор принял канонический устав, состоящий из 12 статей, которые впоследствии были использованы в Судебниках Мхитара Гоша и Смбата Спарапета. Подобно другим каноническим уставам, он также непосредственно отражает динамику политических и исторических реалий. Одной из его основных задач является урегулирование брачно-семейных отношений.

IV. Епископы каждой епархии и монастыря должны надзирать и попечительствовать, заботиться о просвещении, культе и школах, содержать своих служителей и уделять им от святых даров, и не совершать чего-либо насилием и из корыстолюбия (за взятку). Они должны также устраивать приюты (для бедных) и заботиться о них, а штрафы, взимаемые с блудниц и иных преступников, употреблять на их нужды; насилием и из корыстолюбия не то, что не брать нечто с приютов, а особо радеть о немощных и утешать их нищету.

V. Итак, пусть каждый владеет отцовским наследием, верноподанно служит святой церкви и с полным благоволением повинуется настоятелю. А если кто-либо заленится и станет препятствовать просвещению и церковной службе и детей причета не отдаст в школу, того епископ вправе проучить и наставить на путь истинный.

XII. Некоторые из азатов и простых всадников, прибывая в какое-нибудь селение, оставляют село и живут в монастырях и в обителях святых, оскверняя священные божьи места певцами-гусанами и танцовщицами-вардзаками, что для христиан страшно слушать, тем паче совершать.

«КАНОНЫ ОВАНЕСА ИМАСТАСЕРА», принятых на Двинском церковном соборе в 719 году[5]

XXIX. Нужно быть очень осторожными с еретиками, не общаться с ними, а (необходимо) избегать их, не иметь с ними общую духовную и светскую трапезу, чтобы (еретики) почувствовали позор и пожелали вступить в согласие с православными преданиями.

XXXII. В местностях злоеретиков мессалиан, называющихся павликианами, не нужно проживать, или примыкать и ходить к ним, беседовать с ними. А (наоборот) нужно совершенно удалиться от них, гнушаться их, ненавидеть их, ибо они — сыны сатаны и топливо вечного огня, отчужденные от доброй воли творца. Если кто-либо примкнет и вступит с ними в любовь и дружбу, нужно таковых истязать и наложить на них тяжкую кару, пока исправятся и выздоровят в вере. Но если они опять-таки опаганятся в ней (т. е. в ереси), повелеваем таковых совершенно отделить и выбросить из членов церкви христовой, как заразу.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ВОСПИТАНИЕ В АРМЕНИИ В ЭПОХУ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (X – XV вв.)

1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ. СОСТОЯНИЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Начиная с IX века происходит ослабление Арабского халифата и усиление армянского княжеского рода Багратидов, который вскоре воцарился не только на армянском, но и на грузинском престоле. С восстановлением государственной независимости и созданием Багратидского (или Анийского) царства в 885 году начинается новая страница в политической и культурной истории армянского народа. Благодаря тонкой и умелой внутренней и внешней политике Багратидов страна ожила, а относительно мирный период способствовал восстановлению и развитию экономики, расцвету городов, городской культуры и ремесел. По свидетельству армянского историка XI века **Степаноса Таронаци** – *Асохика*, «во дни Смбата I и во время управления его отца в нашем отечестве [всюду] царствовал мир. Поля превратились в селения, селения в города по многолюдству своему и богатству, страна армянская снова стала устрояться и обиловать [всеми благами] как прежде, и это – на многие годы»[1].

[1] Всеобщая История Степаноса Таронского, *Асохика* по прозванию / Пер. Н. Эмина. М., 1864. С. 109–110.

Столица Багратидской Армении Ани (с 961 г.) становится крупнейшим центром экономической, политической и культурной жизни страны. Закономерным следствием развития производительных сил явилось углубление общественного разделения труда — отделение ремесленного труда от земледельческого, объединение ремесленников в цеховые организации. Быстрый рост ремесленного производства привел к оживлению старых и возникновению новых городов. Градостроительство получило широкий размах особенно в эпоху Багратидов. По мнению академиков Н. Марра и Я. Манандяна население Ани и других городов Багратидской Армении превышало численность городов средневековой Европы.

Одним из важных факторов и стимулов роста городов и расцвета городской жизни, а вместе с ней ремесленного и сельскохозяйственного производства стала международная транзитная торговля между Востоком и Западом, проходившая через Армению. Анийская Армения становится одним из главных центров международной транзитной торговли. Более того, изучение сохранившейся продукции художественно-ремесленного производства показывает, что «культурная жизнь Ани и городов Багратидской Армении находилась на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы»[2], и что Ани «мог соперничать с прославнейшими городами Европы и Азии».

Происходят определенные изменения и в социальной структуре общества. Появляется городское сословие, в общественную и культурную жизнь проникает светский образ мышления. Усиление светского начала в сознании широких социальных слоев проявилось, в частности, в тяге к земному, в определенном игнорировании, точнее — в более свободном отношении ко всему церковному, в усилении роли и значения светской власти. Большими темпами развивается светская архитектура, прикладные виды искусства и ремес-

[2] *Манандян Я.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э.- XV в. н. э.) // Труды. Т. VI. Ер., 1985. С. 153; См. также: *Марр Н.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934. С. 35.

ла, школьно-образовательное дело и т. д. Страна вступала в период развитого феодализма или высокого Средневековья.

Однако Багратидам так и не удалось объединить под своей эгидой все армянские земли: продолжали обособленно существовать независимые или полунезависимые княжества и мелкие царства. Одной из главных причин внутренней слабости и неустойчивости Армении явилась феодальная раздробленность, затруднявшая организацию сопротивления могущественным соседям, частым вторжениям иноземных завоевателей. В результате византийской агрессии в 1045 году столица Багратидской Армении город Ани пал под ударами христианских завоевателей.

В результате усиления центростремительных сил и развития хозяйственно-экономической жизни страны в 908 году создается еще одно самостоятельное армянское царство в другом крае Армении — Васпуракане. Здесь также развиваются города, строительство, ремесленное производство, сельское хозяйство. Число городов достигало 10, а население — миллиона человек. Васпураканское царство также втягивалось в международную торговлю. Наряду с градостроительством широкое распространение получает строительство новых монастырей, число которых достигает 900. Наиболее известными были монастыри Нарека и Ахтамара, которые со временем превратились также в крупные научные, культурные и учебно-образовательные центры всей Армении.

Вскоре после падения Багратидской Армении возникает новая грозная опасность со стороны вторгшихся с Востока турков-сельджуков, которые овладели большей частью Армении. Тем не менее, ряд армянских княжеств сумели сохранить свою независимость, другие вели неравную борьбу против завоевателей. С конца XI — начала XII века происходит ослабление империи сельджуков и она распадается на множество эмиратов. Объединенные армяно-грузинские войска под командованием выдающихся полководцев князей Закарэ и Иванэ Закарянов постепенно освобождают территорию Грузии и северо-восточной Армении от сельджукского ига, в том числе город Ани. За время недолгой мирной передышки была вновь восстановлена

экономика страны, оживилась городская жизнь, ремесленное производство, внешняя и транзитная торговля, получил развитие торгово-ростовщический капитал. Появилось новое городское сословие предприимчивых и деловых людей — «паронов».

Таким образом «постепенно источник материальной мощи, а за нею власти и права в самом Ани переместился из военной доблести целиком в мирную торговлю»[3]. Более того, «через Ани прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделался средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом»[4]. Ани снова превращается в экономический, политический и культурный центр страны.

Армения сама постепенно втягивалась в мировую торговлю, поставляя продукты сельского хозяйства и ремесла. Так, историк **Табари** сообщает, что Армения вывозила свой хлеб в столицу Арабского халифата Багдад. На рынках Византийской империи большим спросом пользовались текстильные изделия армянских ремесленников. Арабский историк **Ал-Истахрий** приводит сведения о том, что «хазары одежд не выделывают, но исключительно ввозятся к ним из стран — Армении и Рума»[5]. Армения являлась одним из главных поставщиков красильных веществ: кармина, кошениля и других.

Развитие культурно-экономической жизни Армении было нарушено нашествием татаро-монгольских орд. В 40-х годах XIII века страна была завоевана монголами. Население и недовольная знать Армении неоднократно пытались свергнуть чужеземное иго. Однако вооруженные выступления были жестоко подавлены.

В конце XIV века Армения неоднократно подверглась опустошительным нашествиям полчищ Тимур-Ленга (Та-

---

[3] *Марр* Н. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934. С. 35.

[4] Там же.

[5] *Ал-Истахрий.* Из книги путей царств // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 51.

мерлана), а в начале XV века страна стала ареной военного противоборства двух воинственных кочевых туркменских племен Кара-Коюнлу («Черные бараны») и Ак-Коюнлу («Белые бараны»). Полувековое господство племен Кара-Коюнлу (1410 — 1468 гг.) сменилось игом племен Ак-Коюнлу, которое продолжалось до полного их поражения в войне с Османской империей (1473 г.). Однако несмотря на тяжелое положение страны и народа в отдельных монастырях, расположенных в труднодоступных местах, продолжали сохраняться очаги науки и образования, обеспечивающие в определенной мере непрерывность и преемственность национальных школьных и культурно-образовательных традиций.

В то время как большая часть исторической Армении находилась под чужеземным игом в 1080 году в далекой Киликии, на северо-восточном побережье Средиземного моря образовалось Киликийское армянское государство, просуществовавшее до 1375 года. Армяне поселились в Киликии еще при Тигране II Великом. Их численность резко увеличилась в XI — XII веках, вследствие сельджукского, а затем татаро-монгольских нашествий. Постепенно Киликийская Армения превратилась в центр политической, экономической и культурной жизни всего армянского народа.

В XII — XIII веках Киликийская Армения переживает период бурного военно-политического, экономического и культурного подъема. Города Айас, Арцн, Корикос, Сис и другие превращаются в центры морской и сухопутной транзитной торговли между Востоком и Западом. По свидетельству западных и восточных писателей XIII — XIV веков, Айас в то время являлся одним из немногих важнейших портов мировой торговли на Востоке. **Марко Поло** сообщает, что Лаяс (Айас) является портом, куда стекались купцы со всего Востока и Запада. А Рамузио свидетельствует, что «кто желает проникнуть в глубь Левантской страны (Востока — К. М.), пристает, во-первых, к этому порту Гиацца», то есть Айасу[6].

---

[6] *Марко Поло.* Книга / Пер. старофранц. текста И. П. Михаева. Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. М., 1956. С. 248.

Однако бесконечные оборонительные войны против Иконийского султаната, Египетского султаната мамелюков, Антиохийского княжества, Византийской империи, а также внутренние междоусобицы ослабили Киликийскую Армению, вследствие чего она пала в 1375 году.

Разрастаясь и усиливаясь экономически, средневековые города Армении приобретали определенную законодательную и политическую самостоятельность, ускользая из-под власти всесильных феодалов. Об этом, в частности, свидетельствует существование совета старейшин в Ани и других городах. С возвышением роли и значения городов в общественной жизни Армении возвышалась и усиливалась третья социальная прослойка — городское население — городской плебс и зажиточные горожане — пароны, которые наживались преимущественно за счет торговли.

Подъем экономической и политической жизни Армении, расцвет старых и строительство новых городов, развитие ремесел, изменения, происшедшие в социальной структуре и общественных отношениях, духовные потребности, возникшие в связи с этими процессами, породили и соответствующую культуру, которая отразила всю сложность и противоречивость эпохи. Усиливается интерес не только к гуманитарным, но и к естественнонаучным и техническим знаниям. В искусстве и литературе появляются светские мотивы и веяния. Исследования показывают, что в средневековой Армении получили развитие такие области научного знания, как химия, медицина, биология, математика, строительная механика, астрономия и другие, которые непосредственно были связаны не только с теоретическими изысканиями, но и с практическими нуждами армянского общества.

Увеличение спроса на ремесленные изделия, вывоз их не только в другие области Армении, но и в далекие страны, требовали расширения ремесленного производства, что в свою очередь, будило техническую мысль. Армянские ремесленники умели изыскивать новые приемы, вводить технические усовершенствования в процесс изготовления изделий. Так, например, сложный орнаментальный штамп дробили на отдельные части, из которых можно было соста-

вить множество орнаментов. Или заменяя один металл другим, ремесленники облегчали вес и удешевляли стоимость изготовляемых изделий. И. Орбели, приводя дату изготовления бронзового водолея в форме коровы-зебу (1206 г.), пишет, что в эту эпоху «индивидуальное производство, так сказать, замковое производство, еще сохраняло свою силу..., но оно уже столкнулось с более выгодным..., новым техническим приемом, рассчитанным на производство значительного числа однородных если не по форме, то по назначению и общим очертаниям предметов»[7].

Об уровне развития химических и фармацевтических знаний в средневековой Армении красноречиво говорит тот факт, что ряду латинских алхимиков присваивали фиктивные титулы, как, например, титул «царя Армении», а «философский камень» нередко называли «армянским яйцом» и т. д. (*М. Бертло*).

Об этом же свидетельствуют результаты исследований Н. А. Фигуровского, согласно которым «особо большое значение в проникновении на Русь химико-практических знаний получили «Кавказские ворота», через которые в Киев и Москву, а также в другие города Европы проникли с Востока многие практические сведения по химии. Передатчиком химических знаний явилась прежде всего Древняя Армения, откуда врачи и химики-ремесленники отправлялись на Русь и в другие страны»[8]. Армянские врачи были знакомы с лучшими достижениями эллинистического и арабского мира в области медицины. Более того, в области анатомии, хирургии и гинекологии, то есть там, где требовалось опытное исследование человеческого организма, «армянская медицина имела большое преимущество перед так называемой арабской медициной».

Имеющиеся под рукой научные факты говорят в пользу того, что в средневековой Армении мы имеем довольно высокий уровень развития естественных и точных наук и что армяне стояли на уровне высокоразвитых народов и даже опережали их по ряду научных дисциплин.

---

[7] *Орбели И. А.* Избранные труды. Т. I. М., 1960. С. 258.
[8] *Фигуровский Н. А.* Алхимия. БСЭ. Т. II. М., 1950. С. 159.

В естественных науках особое внимание уделяется опытному познанию и знанию, широко используются опытные методы исследования. Это нашло отражение во многих отраслях средневекового знания, в частности, в астрономии и медицине. Усилению крена в сторону опыта как метода познания и формы знания во многом способствовало научно-философская и педагогическая деятельность Ованеса Саркавага Имастасера.

Возрождается и развивается музыкально-поэтическое искусство, в частности, искусство гусанов и театра, различные спортивные и военные игрища (фехтование, борьба и др.), которые становились важнейшими составляющими светского образа жизни.

Светское направление в Армении нашло благоприятную почву и в архитектуре — «поэмах каменных форм», где начиная с IX века светский стиль постепенно вытесняет церковный. Об этом свидетельствуют памятники архитектуры на острове Ахтамар, храм Гагика в Ани и др. Наряду с церковными сооружениями в Армении строились и светские здания — дворцы, караван-сараи, бани, великолепные однопролетные каменные мосты и т. д. Постепенно светское зодчество переходило в обиход зодчества церковного, о чем свидетельствует и светская функция гавитов. О влиянии светского зодчества на церковное указывает и облик Санаинской монастырской библиотеки. Противоречивость эпохи отразилась и на орнаментировке храмов Гагика Арцруни на острове Ахтамар и Гагика I в столице Багратидской Армении Ани, где библейские сюжеты переплетаются со светскими.

Расцвет науки и культуры, в свою очередь, был невозможен без хорошо разработанной и функционирующей системы школьного обучения и образования. С восстановлением армянской государственности в 885 году появились благоприятные условия для развития школьного дела, распространения образования и просвещения. В средневековой Армении данного периода существовало несколько типов школ. В народных и частных школах в основном обучали чтению, правописанию, пению и счету. Основными же очагами распространения образования и просвещения про-

должали оставаться монастырские школы — элементарные и высшие. В школах высшего типа (=университетах) преподавались почти все известные к тому времени науки и искусства, готовили кадры учителей и наставников для распространения просвещения в стране, воспитания подрастающего поколения. И «есть все основания полагать, что средний уровень образованности в Армении», главным образом «в Багратидскую эпоху», стоял «достаточно высоко, пожалуй выше, чем во многих европейских странах того же времени»[9], то есть. в века глубокого средневековья.

В X — XV веках в стране функционировали десятки школ высшего типа, среди которых особенно выделялись Нарекская риторическая школа, Анийская философская школа (академия), высшие школы Санаина и Ахпата и др. Впоследствии, в XIII — XV веках возвышаются Гладзорский и Татевский университеты. Увеличилась и роль монастырских библиотек, существенно повысился интерес к книге, к книжному знанию, которые вновь стали ваьнейщей составляющей ценностной системы. Весьма примечательно, что многие князья и богатые горожане («пароны») жертвовали или дарили свои сады, виноградники и деньги не только самим монастырям, но и непосредственно монастырским школам и *библиотекам*. Нередко в качестве ценного дара преподносились рукописные книги. Эти и другие факты свидетельствуют об относительной самостоятельности, автономности научно-образовательных и культурных центров при монастырях. Монастырские школы и библиотеки являлись крупными очагами средневековой армянской культуры, центрами подготовки ученых, учителей-наставников, преподавателей и сохранения культурных и школьно-образовательных традиций.

Знаменитый Нарекский монастырь был основан в 935 году. После своего назначения предводителем монастыря **Анания Нарекаци** (X в.) создал при нем Риторическую школу высшего типа, которая благодяря его усилиям вскоре стала одной из самых лучших и известных высших школ

[9] *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа // Брюсов и Армения: в 2-х книгах. Кн. I. Ер., 1988. С. 211.

того времени. Сюда стекались многие выдающиеся музыканты, ученые, писатели, вардапеты того времени. Одним из основных направлений в деятельности школы был поиск и приобретение древнейших рукописных книг и редких экземпляров (раритетов), создание богатого книжного фонда, что было необходимо как для развертывания научно-педагогической деятельности, так и для обеспечения учебного процесса соответствующей учебно-образовательной литературой. Именно в Нарекской школе впервые в данный культурно-исторический период Армении было возрождено преподавание «семи свободных искусств» — наук «тривиума» и «квадривиума» — стержня средневекового высшего образования.

По сохранившимся сведениям в Ани существовала довольно развитая школьная система. Создание же Анийской философской школы (академии) связано с именем **Ованеса Саркавага Имастасера** (1045 — 1129 гг.). Благодаря его стараниям школа приобретает светский характер, философскую и естественнонаучную направленность, на практике реализуется программная учебно-образовательная идея Григора Магистроса о необходимости внедрения в школьно-образовательную систему высшего типа естественнонаучных дисциплин, основанной на программе естественнонаучно-математической школы Анания Ширакаци (VII в.). Нучно-педагогическая деятельность Ованеса Саркавага привела к бурному расцвету и подьему Анийской философской школы.

Анийская философская школа имеет важное значение для освещения истории армянской школы, содержания обучения и педагогической мысли, свидетельствует о высоком уровне теоретической мысли и школьно-образовательной системы. Об этом говорит тот факт, что в Анийской школе изучались: философия Аристотеля, грамматика Дионисия Фракийского, труды Филона Александрийского, математические науки, риторическое искусство и другие научные дисциплины.

Ахпатская школа высшего типа своим появлением также обязана Ованесу Саркавагу Имастасеру. Школа при Ахпатском монастыре существовала и до него (где он сам получил первоначальное образование). Заслуга Саркавага

заключается в том, что он значительно поднял уровень преподавания и образования, расширил круг изучаемых учебных дисциплин, включив в программу обучения философские, естественнонаучные и математические науки, подобно тому, что он сделал в Анийской философской школе. Благодаря своему выдающемуся таланту и организаторским способностям он содействовал небывалому взлету этой школы, превратил ее в школу высшего типа, которая просуществовала несколько столетий.

И в Анийской, и в Ахпатской школе Ованес Саркаваг возобновил преподавание многих «увядших и угасших» светских наук, которые из-за неблагоприятных исторических и политических условий, а также «невежества и лености» некоторых деятелей были приведены в беспорядок или преданы забвению. Он проделал огромную работу по поиску затерявшихся и полузабытых произведений древних авторов. После тщательной литературной обработки он поручал своим ученикам переписать, размножать и распространять их. Так, в церквах и монастырях Армении одной из распространенных была книга псалмов, которая являлась не только молитвенником, но и книгой для чтения в средневековых школах. Невежественные переписчики исказили смысл и содержание перевода, и не было ни одной рукописи, которая не претерпела бы изменений и искажений, что явилось причиной многих недоразумений. Саркаваг долго искал подлинник перевода, дабы на его основе сличить имеющиеся образцы. Наконец он обнаружил его в Ахпатском монастыре. Переписав и размножив текст он разослал копии в разные концы земли Армянской, чтобы ввести единообразие в церковных песнопениях[10]. Так Саркаваг поступал и со многими творениями античных и раннехристианских мыслителей — Аристотеля, Филона Александрийского, Григория Нисского, Григория Богослова и др. Он возродил и усилил интерес как к творениям античных мыслителей,

[10] *Алишан Г.* Ованес Саркаваг вардапет. // «Базмавеп». Венеция, 1847. С. 216. На арм. яз.; *Зарбаналян Г.* История древнеармянской литературы. Венеция, 1897. С. 614. На арм. яз.

так и к произведениям национальной мысли предшествующего периода.

В XIII — XIV веках Армения находилась под ярмом монгольских завоевателей, однако некоторым армянским князьям удалось приобрести определенную независимость от монгольских властей. Так, наследственному князю Сюника благодаря умелой дипломатической деятельности удалось получить от великого хана монголов право на «инджу», то есть признание его наследственных прав и подчинение верховной власти великого хана. В результате Сюник приобрел полунезависимое положение, что создало благоприятные условия для развития экономической и культурной жизни края. Князья Орбеляны и Прошяны всячески содействовали развитию письменности, архитектуры, просвещения. При их поддержке и материальной помощи были открыты школы.

Княжеские роды Прошянов и Орбелянов, а также духовные власти края были заинтересованы в создании мощного научно-культурного и образовательного центра. Духовные власти нуждались в высокообразованном духовенстве, которое смогло бы противостоять религиозно-идеологическим притязаниям папства. Перед нацией и ее интеллектуальной элитой встала фундаментальная задача, идентичная той, которая стояла перед идеологами нации в V веке после Халкидонского собора. Однако в тот исторический период армянские мыслители теоретически готовились к борьбе против потенциального противника — диофизитов или монофизитов. В XIII веке задача в этом смысле была более конкретной: необходимо было дать отповедь латинским униатам, получившим прекрасное образование в известных школах Франции, Италии, владеющим несколькими языками, глубоко изучившим античность, сочинения раннехристианских мыслителей, теологию. Идейная борьба требовала консолидации всех духовно-интеллектуальных потенций нации, что в свою очередь, требовало повышения образовательного уровня высших школ, подготовки большого числа ученых, учителей, проповедников. Задача усугублялась тем, что большая часть исторической Армении находилась под тяжелым игом иноземных завоевателей. Таким об-

разом, сложившаяся ситуация касалась не только церкви, но и всего армянского народа. Эту миссию взял на себя Гладзорский университет, созданный в 1282 году известным рабунапетом и ученым **Нерсесом Мшеци** (ум. в 1284 г.) при содействии вышеупомянутых княжеских родов.

Гладзорский университет был самостоятельным учебным заведением, в отличие от монастырских школ высшего типа. Его главная задача заключалась в обучении, усовершенствования в науках, распространении просвещения, в подготовке и переподготовке учительских кадров.

В XIII — XIV веках папская курия усилила религиозно-идеологическую экспансию на Востоке, в том числе в Армении, что по времени совпало с деятельностью Гладзорского и Татевского университетов. На территории Армении католические миссионеры и их армянские приспешники основали целый ряд католических монастырей, духовных, учебных и научно-просветительских центров (в Артазе, Ерынджаке, Нахичевани), призванных форсировать процесс распространения католицизма в стране, содействовать унии Армянской Апостольской и Римско-католической церквей. Среди этих центров выделялись Цорцорская и особенно Кырнайская школы.

Основателем армяно-францисканского монастыря св. Фаддея и школы в Цорцоре (Артаз) был **Закария Цорцореци**, а также крупный ученый **Ованес Ерзынкаци (Цорцореци)** — ученик ректора Гладзорского университета, одного из идейных вождей антиуниатского движения **Есаи Нчеци**. Ованес Цорцореци оставил ряд оригинальных произведений, в том числе труд по грамматике. Он же по указанию римского папы Иоанна XXII перевел с латинского на армянский язык известный труд **Фомы Аквинского** «Книга семи таинств» — «Комментарии к IV книге Сентенций Петра Ломбардского» — один из первых переводов сочинений Аквината в мировой литературе.

В 1330 — 1340-х годах с латинского языка были переведены также сочинения известных католических теологов и философов **Николая Лиры**, генерала францисканского ордена **Бонавентуры** и т. д.

Основателем армяно-доминиканского монастыря и монастырской школы высшего типа в Кырна был **Ованес Кырнеци (**ок. 1290 — 1347 гг.)**,** также воспитанник и выпускник Гладзорского университета. Появление в католическом лагере двух выпускников Гладзорского университета значительно усилило позиции униторов. Кырнайскую школу сами армяне-католики называли «вторыми Афинами». По всей видимости, она была создана в качестве противовеса Гладзорскому университету, который давно приобрел и пользовался славой «вторых Афин» — всеармянского университета. Благодаря интенсивной научной, литературной и переводческой деятельности эмиссара папской курии в регионе **Варфоломея Болонского** (*Бартоломео да Болонья*) (ум. в 1333 г.), его латинских сподвижников **Петра Арагонского** (ум. в 1347 г.) и **Джона Английского**, а также их армянских приспешников-униторов (unitores, униат) **Ованеса и Акопа Кырнеци** в течение сравнительно короткого времени было написано и переведено с латинского значительное количество сочинений богослужебного, церковно-теологического, логико-философского и естественнонаучного содержания.

Деятели Кырнайской школы ставили перед собой задачу не только распространения католицизма на армянском языке, внедрения римско-католического богослужения, но и подведения под церковно-идеологическую деятельность мощной логико-философской базы в лице философии Фомы Аквинского, что призвано было существенным образом упрочить идейно-теоретические и духовные позиции католицизма в Армении.

Ниже приводится краткий перечень важнейших оригинальных и переводных трудов созданных Кырнайской школой.

1. *Варфоломей Болонский.* «Толкование шестоднева» ("De opera she dierum"). Перевод Акопа Кырнеци под наблюдением автора (1331—1332 гг.).

2. *Варфоломей Болонский.* «Диалектика» («Brevis et utilissima compilation de Dialectica». Перевод Акопа Кырнеци под наблюдением автора (1330—1332 гг.).

3. *Варфоломей Болонский.* «О пяти общих (терминах)».

4. *Варфоломей Болонский.* «Книга проповедей» («Sermonarium»). Перевод Акопа Кырнеци (1331 г.).

5. *Фома Аквинский.* «Сумма теологии» («Summa Theologiae»). Отдельные книги переведены в 20—40-х годах XIV века Ованесом Кырнеци, Джоном Английским, Акопом Кырнеци, Петром Арагонским.

6. *Фома Аквинский.* «Сумма философии» («Summa philosophie») (Петр Арагонский составил компиляцию IV книги «Суммы философии», которая вошла в оборот под названием «Книга добродетелей». Перевод Акопа Кырнеци (1339 г.).

7. *Жильбер Порретанский.* «Книга о шести началах» («Liber de sex principiis». Перевод Петра Арагонского и Акопа Кырнеци (1334 г.).

8. *Петр Арагонский.* «Судебник, составленный на основе канонов Римской церкви» («Judiciorum Liber compilatus canones Ecclesiae Romanae»). Перевод Акопа Кырнеци (1331 г.).

9. *Петр Арагонский.* «Краткое изложение комментария на книгу о шести началах» («Compilatio brevis ehplanatoria in Librum de sex principiis». Перевод Акопа Кырнеци под наблюдением автора (1344 г.).

10. *Петр Арагонский.* «Краткий анализ Категорий Аристотеля» («Brevis explication Categoriarum Aristotelis». Перевод Акопа Кырнеци (1344 г.).

11. *Петр Арагонский.* Анализ книги, именуемой «Об истолковании» («Explication in Librum qui Perihermeneias vocatur»). Перевод Акопа Кырнеци (1344 г.).

12. *Петр Арагонский.* «Краткое изложение комментария на введение Порфирия (Compilatio brevis in Porphyrii Isagogen»). Перевод Акопа Кырнеци (1344 г.).

13. *Хуго Рипелин.* «Краткое изложение богословских истин» («Compilatio brevis theologicae veritatis»). Перевод Петра Арагонского и Акопа Кырнеци (1344 г.).

14. *Ованес Кырнеци.* «О грамматике».

15. *Беда Достопочтенный.* «Книга молний» («Liber scintillarum»). Перевод Товмаса Джаукеци.

16. «Толкование откровения Иоанна» («Explicatio Apocalypseos Joannis»).

17. «Краткое изложение против еретиков, называемое Мечом Петра» («Brevis compilation contra haereticos, quae vocatur Gladius Petri»). Составитель и переводчик Петр Арагонский при помощи Акопа Кырнеци.

18. «Книга о двух естествах и одной ипостаси во Христе» («Liber de duabus naturis et de una persona in Christo»). Авторы — Варфоломей Болонский и Ованес Кырнеци.

19. *Джон (Иоанн) Суинфорд Английский* (Англус). «Краткое изложение о душе». Перевод Акопа Кырнеци (1337 г.).

20. *Джон Суинфорд.* «О добродетелях души». Перевод Акопа Кырнеци (1337 г.).

21. *Джон Суинфорд.* «О природе ангелов». Перевод Акопа Кырнеци (1337 г.).

Указанные тексты Джона Суинфорда представляют собой сокращенные переложения частей «Суммы теологии» Фомы Аквинского.

22. *Мартин Оппавийский* (Польский). «Книга историй» или «Книга скипетров» («Liber historiarum» или «Liber Sceptrorum»). Перевод Нерсеса Палианенца (1348 г.). Завершен в Авиньоне, где пользуясь покровительством папы Клемента VI, он занимался переводами с латинского на армянский язык[11].

Перечисленные и многие не вошедшие в данный список переводы работ латинских авторов предоставили армянской теоретической мысли богатый дополнительный мыслительный материал. Наибольшее распространение в армянской интеллектуальной среде, среди ученых-вардапетов Гладзорского, Татевского, Мецопского и других университетов получили сугубо логико-философские, натурфилософские и естественнонаучные труды латинских авторов. Особого внимания были удостоены «Книга проповедей» и «Толкование Шестоднева» Варфоломея Болонского, содержащие значительный пласт натурфилософского и естест-

[11] Список приводится по: *Аревшатян С. С.* К истории философских школ средневековой Армении. Ер., 1980. С. 20—23.

веннонаучного материала, логико-философские трактаты Варфоломея Болонского и Петра Арагонского.

Хотя из работ Аристотеля на армянский язык были переведены два логико-философских трактата («Категории» и «Об истолковании»), однако это отнюдь не означает, что армянские философы не были знакомы с другими логическими произведениями и с естественнонаучными идеями античного мыслителя. Приобщение к естественнонаучным взглядам Аристотеля шло благодаря переводам на армянский трудов восточно-христианских мыслителей (Василия Кесарийского, Григория Нисского, Немесия Эмесского и др.) и оригинальным трудам представителей армянской грекофильской школы. Кроме того, многие армянские мыслители владели греческим языком и имели возможность знакомиться с трудами Аристотеля на языке оригинала. Поэтому выдержки из естественнонаучных трактатов Аристотеля у Варфоломея Болонского вряд правомерно рассматривать как «открытие» для армянских философов и ученых средневековья[12].

«Диалектика» содержит систематическое изложение «старой» (vetus logica) и «современной логики» (logica modernorum), то есть логическое учение от Аристотеля и Боэция до логики Петра Испанского. Благодаря «Диалектике» впервые в армянскую логическую литературу были введены мнемонические приемы для запоминания модусов категорического силлогизма (Barbara, Celarent, Darii, Ferio и др). Перевод «Диалектики» знакомил армянских философов и слушателей университетов с последними достижениями европейской поздней схоластики.

Более того, «Диалектика» Варфоломея использовалась в армянских высших школах в XIV и последующих веках в качестве учебника по логике. Об этом свидельствует и тот факт, что «Диалектика» Варфоломея Болонского вместе с логическими произведениями Жильбера (Гильберта) Порританского и Петра Арагонского была дважды переписана

[12] Ср.: *Хачикян Л. С.* Крнайский духовно-культурный центр и научная деятельность Ованеса Крнеци // *Ованес Крнеци.* О грамматике. Ер., 1977. С. 36. На арм. яз.

Григором Татеваци по поручению своего учителя Ованеса Воротнеци.

Своими трудами Варфоломей Болонский вызвал новый интерес у армянских ученых к античной философии, в частности к трудам Аристотеля. Однако это не было для армянских мыслителей «откровением», ибо с трудами античных авторов, в том числе и особенно Аристотеля, как на языке оригинала, так и в древнеармянских переводах армянские интеллектуалы были знакомы еще в период армянской античности и раннего средневековья. Следует напомнить, что вся многогранная деятельность (переводческая, комментаторская, самостоятельная) армянской грекофильской школы в V—VIII веках была направлена на изучение, осмысление и внедрение античной науки и философии в армянскую действительность, в систему национального научно-философского знания и высшего образования. Более того, многие переведенные на армянский язык произведения античных мыслителей служили в качестве учебных пособий в армянских школах высшего типа и в предшествующий культурно-исторический период.

Поэтому роль Варфоломея Болонского по сути сводится к пробуждению нового интереса к наследию Аристотеля и античности в контексте разгоревшейся борьбы против церковно-идеологической экспансии папской курии, ознакомлению армянских мыслителей с западноевропейским восприятием философии великого грека, с одним из ведущих направлений западноевропейской мысли — томизмом — западноевропейским вариантом синтеза Аристотеля и античной философии с христианским учением.

Наряду с трудами Варфоломея Болонского в армянских школах высшего типа были распространены также логические произведения Петра Арагонского. Сохранились многочисленные копии, сделанные в XIV—XV веках в Татеве, Мецопе, Апракунисе и других научных и учебных центрах.

Созданная латинскими и армянскими униатами оригинальная и переводная литература стала новым явлением в армянской средневековой духовно-интеллектуальной жизни. Если до XIV века преобладали переводы с греческого,

то с XIV века происходят интенсивные научные и литературные контакты с латиноязычной литературой — процесс, который продолжался и в последующие века. Хотя возникшая в ходе церковно-религиозной экспансии папской курии в Армении католическая литература прежде всего преследовала конкретные политико-идеологические цели, однако необходимо различать политико-идеологические и научно-культурные (и учебно-образовательные) аспекты данного процесса.

Так, если с политической точки зрения «латинская переводная литература служила интересам католической церкви и играла отрицательную роль, ослабляя национально-духовное единство армянского народа, то в культурно-интеллектуальном отношении она в основном имела позитивное значение», приобщала армянских книжников к течениям западноевропейской мысли, знакомила с философскими спорами и борьбой, царившей в католическом Западе[13].

Армянские мыслители данного периода, в частности деятели и идеологи антиуниатского (антикатолического) движения — ректор Гладзорского университета Есаи Нчеци, ректора Татевского университета Ованес Воротнеци, и Григор Татеваци сумели отличить отрицательные и положительные стороны в деятельности униатов, умело использовали латинскую литературу в борьбе против религиозно-идеологической экспансии папской курии. Так Варфоломей Болонский в памятной записи «Книги проповедей» пишет: «Волею христовой и главного престола (св.) Петра да будет предан анафеме и проклят тот, кто передаст эту «Книгу проповедей» в руки противников или лжеуниатов, ибо мы испытали много раз, что противники брали себе на вооружение наши же слова и нашим мечом воевали против нас и против истины»[14].

В отличие от религиозно-догматической литературы, научно-философские произведения униторов, созданные в

[13] *Аревшатян С. С.* К истории философских школ средневековой Армении. С. 27.

[14] Цит. по: *Аревшатян С. С.* К истории философских школ средневековой Армении. С. 7.

учебно-просветительских целях, и переводы логико-философской литературы стали составной частью армянской теоретической мысли, придав новый импульс научной мысли и несколько расширив круг знаний учениями ряда известных представителей философской мысли средневековой Европы.

X—XV века — это эпоха сосуществования и борьбы элементов «старого» и «нового» во всех сферах общественной, культурной и школьно-образовательной жизни. Начинают пробиваться ростки новой куьтуры, нового образа мышления и мировоззрения. Имена Григора Нарекаци, Григора Магистроса, Ованеса Саркавага стоят на рубеже становления нового направления в теоретической мысли армянского народа. Но это новое явилось органическим развитием научных и культурно-образовательных традиций народа, которые своими корнями уходили в глубокую древность.

Для более или менее полного представления об учебных программах и структуре средневековых армянских высших школ (университетов) остановимся на учебно-образовательной программе, принятой в Гладзорском и Татевском университетах, которая аккумулировала и развила, подняв на новый уровень учебно-образовательные традиции предшествующих армянских школ высшего типа и была генетически с ними связана. Кроме того, эти университеты фактически определяли и направляли деятельность многих других школ высшего типа, в том числе в вопросах учебно-образовательных программ. Учебная программа университетов опиралась на теоретико-методологические и методические принципы, разработанные еще армянской грекофильской школой в V—VI веках, в частности Давидом Анахтом, и дает наиболее полное и всестороннее представление о системе образования и обучения, принятых в средневековой Армении.

В рассматриваемых учебных заведениях функционировали 3 отделения — факультета. На одном обучали музыке по канонам «сладкозвучного пения» (искусству пения) и теории музыкального искусства, на втором — живописному искусству, разным приемам рисования, на третьем —

«внешним» и «внутренним», то есть философско-богословским наукам[15].

Независимо от способностей и предпочтения, избираемой в дальнейшем конкретной сферы деятельности (каллиграфия, живопись, музыка, философия, богословие, проповедничество, учительство и т. д.) все слушатели в течение 7—8 лет должны были пройти весь основной курс и усвоить определенный круг богословских и светских («внешних») научных и учебных дисциплин. Это, так сказать, базовый, общеуниверситетский цикл предметов, необходимых для университетского образования вообще.

Учебная программа упомянутых университетов включала 12 частей философии: естествознание, математика, богословие, этика, экономика, политика, арифметика (теория чисел), музыка (теория), геометрия. В качестве учебной литературы использовались труды по риторике, 7 книг «внешней» философии: «Грамматика», «Определения философии» Давида Анахта, «Введение» Порфирия, «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля, «О мире» и «О добродетели» Псевдо-Аристотеля, 72 книги Ветхого и Нового Заветов, труднодоступные «тонкие» сочинения и сложные, труднопостигаемые книги святых вардапетов и 51 эпических сказаний[16].

Стержнем высшего светского («внешнего») образования являлось преподавание «семи свободных искусств» — наук «тривиума» (грамматики, риторики и логики) — основы средневекового гуманитарного образования и наук «квадривиума» (арифметики, музыки, геометрии и астрономии) — цикла точных наук того времени. Указанные циклы составляли два уровня в системе высшего средневекового образования в Армении.

Как и в предшествующие периоды, курс высшего образования начинался с изучения грамматики, которая включала не только вопросы, связанные с языком, но и вопросы

[15] *Аревшатян С. С., Матевосян А. С.* Гладзорский университет — центр просвещения средневековой Армении. Ер., 1984. С. 36.

[16] *Овсепян Г.* Жизнь Товмы Мецопеци. Вагаршапат, 1914. С. 1—2. На арм. яз.

теории литературы, поэтики, теории искусства. В качестве учебников служили армянские толкования «Грамматики» Дионисия Фракийского: Давида Кераканa (Грамматика), Григора Магистроса, Вардана Аревелци, Ованеса Ерзынкаци, Есаи Нчеци и других видных ученых.

Затем следовало изучение риторики, в содержание которой входили правила и принципы риторического искусства, сведения о литературном творчестве, вопросы художественного стиля, правила составления или изложения произведений различных жанров и т. д. Учебником по этой дисциплине служила преимущественно «Книга Хрий (или Пользы)», переведенной еще грекофильской школой и включающая как риторические труды Афтония, Теона Александрийского и Николая Мюрского, так и самостоятельные тексты практического назначения.

Усвоение этих дисциплин было необходимо, чтобы приступить к изучению логики (или диалектики), которая, с одной стороны, завершала первый этап (или уровень) высшего образования, а с другой — вводила в область философских наук. Преподавание логики велось на основе логических сочинений Аристотеля («Категории», «Об истолковании»), Порфирия («Введение»), Давида Анахта («Толкование «Введения» Порфирия», «Толкование «Аналитики» Аристотеля»), Анонима («Толкование «Категорий» Аристотеля»). Ованес Воротнеци в учебную программу возглавляемого им Татевского университета включил также сочинения по логике известных западноевропейских авторов — **Жильбера Порретанского, Варфоломея Болонского** и **Петра Арагонского** в армянском переводе. «Диалектика» Варфоломея Болонского стала одним из основных учебников по логике в армянских высших школах и университетах XIV — XV веков. Благодаря этому армянская логическая (и философская) мысль ознакомилась с западно-европейской интерпретацией развития логических учений от Аристотеля до Петра Испанского, приобщилась к логико-философским достижениям латинского Запада, в частности, к философии Фомы Аквинского.

Овладение логикой открывало путь к изучению философии со всеми ее частями и разделами. Преподавание фи-

лософии начиналось с теоретической философии и завершалось практической. В теоретическую философию входили: естествознание, математика и теология (метафизика). Преподавание теоретической философии начиналось с приобщения студентов к естественнонаучным знаниям, затем приступали к изучению математических дисциплин и в конце — к самой сложной и труднопостижимой части — теологии (метафизики), что объяснялось необходимостью постепенного, ступенчатого восхождения от познания (и изучения) целиком материального к познанию (и изучению) абсолютно нематериального.

В число математических наук входили: арифметика (теория чисел), музыка (теория, гармоника), геометрия и астрономия (т. е. предметы «квадривиума»). Арифметику («искусство счисления» или античную логистику) в качестве учебной дисциплины ввел еще **Анания Ширакаци** в VII веке. В Гладзорском университете арифметику изучали по составленным Ширакаци арифметическим таблицам, в частности по таблицам полигональных чисел, и его учебнику арифметики. В качестве пособия по арифметике использовалась также работа Ованеса Саркавага Имастасера «О полигональных числах», которая состояла из таблиц и текста. Данная работа служила учебным пособием еще в Анийской и Ахпатской высших школах. В процессе обучения музыке студенты овладевали принципами искусства пения, мастерством исполнения, а также знаниями по теории музыки. Геометрию изучали параллельно с географией. Учебником по геометрии служили «Начала» (или «Элементы») Эвклида, а по географии — «Мироуказатель» («География») Анания Ширакаци и «География» Вардана Аревелци. Наряду с теоретической геометрией велось обучение и прикладной геометрии. Астрономию же изучали по астрономическим и космографическим трудам Ширакаци, в частности, «Космографии», «О движении небес» и т. д.

Успешное завершение курса теоретической философии давало возможность перейти к изучению частей практической философии: этики, экономики и политики (политической науки). Преподавание этих дисциплин велось на основе трудов Давида Анахта («Определения философии»),

Езника Кохбаци («Опровержение лжеучений»), Псевдо-Аристотеля («О добродетели»), Нерсеса Шнорали («Толкование «Определений» Давида») и т. д.

В учебных программах университета большое место отводилось изучению истории армянского народа по трудам **Агатангелоса** (V в.), **Фавстоса Бузанда** (V в.), **Лазаря Парбеци** (V в.), **Мовсеса Хоренаци** (V в.), **Себеоса** (VII в.), **Мовсеса Каланкатуаци** (VII в.) и других историков. Труды упомянутых авторов имели не только историко-познавательное значение; они служили также мощным подспорьем для внедрения в сознание студентов идей патриотизма, любви к своей родине, к своей богатой истории, развитию национального сознания и национальной идентичности, что в своей совокупности было призвано обеспечить духовное единство нации и ее безопасность.

Одним из главных учебных дисциплин в университете, как и во всех средневековых армянских школах, было искусство письма, которое включало не только красивое написание (или копирование) рукописной книги, правописание, но и ее художественное оформление. Следует упомянуть художников-миниатюристов **Момика, Тороса Таронаци**, **Ована Бджнеци** и др.

Искусство письма имело огромное значение для создания духовно-интеллектуальной продукции. При этом задача заключалась не только в красивом, но и безошибочном написании (или копировании). Это объяснялось тем, что допущенная ошибка искажает текст, содержание мысли, что недопустимо особенно в математических и календароведческих трудах.

Для упорядочения правописания в школах Киликийской Армении писец **Аристакес** (XII в.) подготовил учебное пособие по правописанию, которое в XIII веке дополнил и расширил Геворг Скевраци под названием «Наставление для письма». Эти две работы использовались в Гладзорском университете в качестве учебного пособия по искусству письма.

В Гладзорском университете изучались труды медико-биологического содержания: «О строении человека» **Григо-**

рия Нисского (331—394 гг.) и «О природе человека» **Немесия Эмесского** (IV — V вв.)

Программа обучения, как уже отмечалось, включало также изучение 51 эпического сказания, что восходит, по-видимому, к учебно-образовательной программе, разработанной еще Григором Магистросом.

Таким образом в Гладзорском и Татевском университетах обучение велось на основе трудов как христианских, так и «внешних» — языческих, античных мыслителей и их толкований. Число изучаемых «тонких» сочинений составляло более 50. К ним относились:

1) девять книг **Филона Александрийского***:* О провидении, Жизнь мудрецов или святых патриархов, О святых ессеях или созерцательной жизни, Об аллегорическом понимании Божьих установлений, Первая книга Толкования Бытия, Вторая книга, Третья книга, Четвертая книга, Толкование Исхода;

2) пять книг **Святого Дионисия (Ареопагита)***:* О небесной иерархии, О церковной иерархии, О божественных именах, О таинственном богословии, Разные послания;

3) семь книг **Григория Нисского***:* О природе человека, Об устроении человека, О девстве, Об Екклезиасте, О Песни песней, О девяти блаженствах, (Толкование) «Отче наш»;

4) четыре книги **Григория Богослова** *(Назианзина):* О рождестве Христа, «Сим победише», «К тем», «Те, кто из Египта»;

5) три книги **Василия Кесарийского** *(Великого):* О посте, Книга вопрошений и ответов, Беседы на Шестоднев;

6) две книги **Евагрия Понтийского**: О священниках, Сотни;

7) «Определения философии» **Давида Анахта**;

8) «Начала теологии» *Прокла Диадоха* и анализы *Амелахоса;*

9) «Искусство грамматики» *Дионисия Фракийского;*

10) «Определения» *Гермеса Трисмегиста;*

11) «Введение» *Порфирия,*

12) пять книг *Аристотеля:* Категории, Периармениас (Об истолковании), О добродетели, О мире, Аналитика;

13) «Книга о сущем» *Давида*;

14) «Книга Хрий (Пользы)» Мовсеса Хоренаци;

15) три книги *Ована* (*Иоанна) Майраванеци*: Поучение жизни, Исповедание веры, Ноемак;

16) Толкование Ветхого и Нового Заветов: *Ефрема Сирина*, *Енифания, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского*;

17) Толкования армянских патриархов и других отцов церкви[17].

По завершении полного курса обучения студенты высших школ обязаны были сдавать выпускные экзамены, проанализировать и прокомментировать в письменной форме сочинение какого-либо выдающегося мыслителя или Учителя церкви по выбору преподавателя и подготовить выпускную речь, которую они произносили перед преподавателями и выпускниками университета, а также приглашенными на торжественную церемонию представителей духовной и светской власти, покровителей. Кроме того, выпускники по случаю окончания учебы должны были или сами переписать одну рукописную книгу, или же на свои средства заказать ее какому-либо писцу. Не трудно заметить, что это обстоятельство преследовало цель обогатить книжный фонд университетских библиотек.

Таким образом, подготовка и особенно защита выпускных (дипломных) работ носили публичный характер, церемония защиты превращалась в культурное и научное событие не только в масштабах университета, но и всей культурной жизни страны.

После этого выпускнику присваивалась ученая степень вардапета и вардапетский посох, дающий право на самостоятельное проповедничество и преподавание в школах. В отдельных случаях присуждалось специальное звание

[17] Список приводится по: *Аревшатян С. С., Матевосян А. С.* Гладзорский университет — центр просвещения средневековой Армении. *С.* 39.

«служитель слова» (словесник). Гладзоро-Татевский университет, как и другие средневековые армянские университеты и высшие школы, готовил кадры как для науки, искусства и школьно-образовательной системы, так и кадры для нужд церкви. Исследования показывают, что образование, получаемое учеными-вардапетами, непосредственно не было связано с духовно-церковным саном. Более того, вардапетская степень считалась более высоким титулом, чем церковный сан. Именно с личностью вардапета была связана средневековая армянская школа. Вардапеты пользовались непререкаемым авторитетом[18]. Таковы в общих чертах учебно-образовательная программа, система образования и содержание обучения в двух крупнейших центрах средневекового армянского образования, просвещения, науки и искусства.

Выпускники Гладзорского университета стали активными пропагандистами науки и культуры в разных краях и областях Армении. Эту свою поистине историческую и просветительскую миссию они осуществляли также путем создания новых школ различных типов. Среди множества основанных или руководимых ими школ следует особо отметить школу Мецопского монастыря, Айридзорскую школу, школу Кохбского монастыря, Тифлисскую школу, Ахпатскую школу, Ерзынкайскую школу, Салмастскую школу, Техеникскую школу, Киликийскую Дзораванкскую школу, Кырнайскую школу, Цорцорскую школу, Таронскую школу и др.

Сравнительный анализ учебных программ армянских и европейских университетов указывает на определенную схожесть. Однако данное обстоятельство объясняется не связью Армении с европейским умственным движением, как полагают некоторые исследователи, а тем, что и в армянских, и в европейских университетах опирались на школьно-образовательные традиции античного мира. Более того, научные и школьно-образовательные традиции греко-римского мира были усвоены и развиты еще армянской

[18] *Алпояджян А.* История армянской школы. Ч. 1. Каир, 1946. С. 276. На арм. яз.; *Овсепян Г.* Хахбакяны или Прошяны в армянской истории. Антилиас, 1969. С. 254. На арм. яз.

грекофильской школой в V веке, которые после некоторого перерыва, обусловленного арабским игом, были возрождены с восстановлением армянской государственности в конце IX века. Таким образом, армянская школа развивалась самостоятельным путем и имела собственную логику.

Важную роль в деле развития традиций Гладзоро-Татевского университета сыграла Мецопская высшая школа. В период нашествий полчищ Тимур-Ленга и туркменских кочевых племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, опустошивших страну, было уничтожено также огромное количество рукописных книг. Для более или менее полноценной деятельности армянских школ всех типов и особенно высших, необходимо было за короткий срок восстановить книжный фонд школьных библиотек. Для реализации этой труднейшей задачи требовались не только многочисленные грамотные, но и хорошо образованные в различных областях средневекового знания писцы. Необходимо было также избавить многие рукописи от вкравшихся ошибок, допущенных в ходе переписывания несведущими писцами, искажающих текст, или вследствие поспешности.

В средневековых армянских школах в зависимости от эпохи, от конкретных исторических и политических условий, характера школы и других факторов продолжительность срока обучения была различной. Сроки обучения в общественных школах составляли 2—5 лет, в церковных — 4—5, в монастырских — 4—6, а в школах высшего типа (или университетах) — 7—8. Школьный возраст колебался от 6 до 25 лет. Затем следовал университетский возраст. Люди, посвятившие себя науке, и после окончания учебы совершенствовали свои познания в другом университете или у другого знаменитого вардапета в индивидуальном порядке с целью углубления в конкретных областях научно-философского знания.

Занятия в школах проводились по группам или классам. Разделение на группы проводилось в соответствии с возрастом и подготовленностью учеников Часто различные группы вели занятия в одном помещении (в основном это касалось элементарных и средних школ) и под руководством одного учителя, обучаясь, при этом, разным предме-

там[19]. В значительной мере это обстоятельство было обусловлено как численностью учеников и наличием соответствующих учительских кадров, так и материальными возможностями данной школы.

В зависимости от конкретных исторических условий, уровня и назначения школы, а также от степени подготовленности и склонности учителя использовались различные методы и способы обучения и воспитания. К числу общепринятых и достаточно апробированных методов и форм обучения относились: коллективная работа с группой и индивидуальные занятия с учеником, чтение — индивидуальное и коллективное, письмо — отдельно и совместно с группой, одновременное обучение чтению и письму, лекция, беседа — коллективная и частная, самостоятельная работа над книгой, повторы и упражнения, опрос и оценка, историко-описательный, толковательно-объяснительный, демонстративно-иллюстративный и другие методы. Одним из основных и весьма распространенных методов обучения как в начальных, так и в высших школах был метод вопросов и ответов, так как считалось, что где «нет рассуждения», там нет и «совершенного знания»[20].

С целью углубления студентов в конкретных сферах или проблемах научного знания руководители высших (и не только высших) школ часто приглашали ведущих ученых-вардапетов из других школ для чтения курса лекций или преподавания отдельной научно-учебной дисциплины. Так, великий философ и педагог Григор Татеваци читал лекции по различным дисциплинам в Мецопской, Сагмосаванкской, Ереванской и других высших школах. Глава Мецопской высшей школы Товма Мецопеци пригласил известного ученого Акопа Крымеци для преподавания курсов по естественнонаучным дисциплинам и особенно календароведению. Таким способом руководители высших школ компенсировали недостаток своих «узких» специалистов-преподавателей. Кроме того, общение с известными на всю

[19] *Мовсесян* А. Х. Из истории армянской школы и педагогики. Ер., 1968. С. 67.
[20] *Овсепян Г.* Мхитар Саснеци. Вагаршапат, 1889. С. 30. На арм. яз.

страну выдающимися учеными и педагогами, пользующихся непререкаемым авторитетом не только среди ученых кругов, но и народа (благодаря их публичным лекциям и речам) имело большое воспитательное значение, в частности в деле интеллектуального развития и формирования мировоззрения у студентов.

Труды ученых и преподавателей Гладзоро-Татевского университета обобщают и развивают педагогическую мысль предшествующих культурно-исторических эпох. Здесь мы остановимся на некоторых общепедагогических принципах, которые использовались в большинстве высших школ того времени.

Центральной фигурой учебно-образовательного процесса считался глава преподавателей — рабунапет, который пользовался непререкаемым авторитетом среди преподавательского состава и студентов и которого сравнивали с святыми апостолами. Он же был автором многих учебных пособий и учебников.

Важнейшим требованием к студентам была необходимость глубокого и всестороннего усвоения преподаваемой научной и учебной дисциплины, так как необходимо сперва самому научиться и лишь после этого обучать других. Кроме того, тот, кто мало знает, другому ничего полезного дать не может.

Средневековые армянские мыслители и педагоги душу ребенка сравнивали с чистой восковой доской для письма или вымытым пергаментом, который отражает все то, что пишется на нем. Благодаря этому природному качеству ребенок воспринимает все то, чему его учат и наставляют. На формирование ребенка существенное воздействие оказывает окружающая социальная среда. Поэтому педагог-наставник должен огородить ученика от всякого рода дурных влияний и привить ему добродетели.

Педагог должен быть терпеливым в работе, чтобы помочь ученику вобрать в себя все необходимое, все, что предусмотрено учебными программами. Подобно тому как земледелец вначале пашет, взрыхляет землю и только потом сеет, точно так же должен поступать педагог: сначала он должен выбрать все необходимое для обучения и воспита-

ния и в доступной форме передать ученику, чтобы можно было взрастить в нем семена познания и любознательности, так как в невозделанной земле посеянные семена не взрастут. Без этой предварительной работы невозможно приступить к процессу передачи знаний.

Каждый отрок имеет определенные недостатки и дурные привычки. Поэтому задача педагога заключается в предварительном устранении этих недостатков и привычек. Подобно тому как земледельцы собирают сорняки для лучшего роста растения, точно так же должен поступать и педагог: путем систематических наставлений последовательно искоренять существующие недостатки, дабы ростки познания окрепли и стали самостоятельными. Только в этом случае отрок станет готовым для приобретения научных знаний.

Каждый человек обладает как природными, так и приобретенными способностями. Педагог имеет дело преимущественно с приобретенными способностями отроков, и его задача заключается в том, чтобы путем продуманной воспитательной работы развить в них моральные качества.

Педагог в процессе работы должен учитывать возраст и умственные способности ученика. Воспитатель должен побуждать отрока к правильному поведению, но обязательно с учетом его возможностей и способностей. После развития у ученика восприимчивости педагог может приступить к обучению знаниям. Кроме того, педагог должен использовать различные подходы: детей следует увещевать страхом, юношей — сладостью познания, а взрослых — мудростью.

Педагог обязан общаться и обучать детей простым и общепонятным языком; в ходе обучения и воспитания он должен оперировать живыми и вызывающими интерес примерами, чтобы не наскучить детей и развить в них любознательность.

Педагоги и воспитатели должны быть весьма осторожными в своих высказываниях и поступках, ибо дети весьма быстро воспринимают каждое сказанное педагогом слово. Вообще, дети усваивают намного легче и быстрее, чем взрослые. Это объясняется четырьмя причинами: 1) у детей органы восприятия подобны воску, поэтому они быстрее

усваивают задание педагога; 2) дети свободны от всякого рода житейских забот, что дает возможность педагогу направить их внимание на усвоение учебного материала; 3) их воля является более покорной; 4) по своему характеру дети намного ближе к добру и добродеяниям, чем взрослые. Поэтому педагоги и воспитатели должны направить свою работу на укрепление и развитие этой способности.

Интеллектуальные способности детей также объяснялись четырьмя факторами: 1) унаследованным от родителей темпераментом; 2) влиянием окружающей социальной среды; 3) добропорядочным воспитанием; 4) дурным воспитанием.

Исходя из реальных жизненных условий армянские мыслители-педагоги полагали, что родители детей должны наряду с учебой отдать их на обучение какому-либо ремеслу, так как не владеющий ремеслом станет вором и разбойником.

В качестве крайнего метода наказания признавалась необходимость и телесного наказания.

Одной из важных задач, стоящих перед школой, было воспитание подрастающего поколения в духе национальных культурных традиций, гражданской добродетели, патриотизма, что имело первостепенное значение в эпоху военно-политической и социально-экономической нестабильности, отсутствия государственной целостности. Важнейшими формами и способами нравственного воспитания учеников являлись: личный пример учителя-наставника, назидательные беседы и речи, коллективные и индивидуальные занятия и наставления, всяческое поощрение преуспевающего и примерного ученика и порицание отстающего ученика, вплоть до применения телесных наказаний в отношении особо провинившихся учеников и т. д.. Образование и воспитание учеников рассматривались как двуединый процесс.

Особое внимание руководители школ обращали также вопросу подбора и назначения учителей и наставников, проявляя осторожность и заботу о будущем подрастающего поколения. Многовековая армянская педагогическая мысль сформулировала ряд принципов и критериев, которым должны были соответствовать преподаватели щкол и университетов. Так, преподаватель должен был обладать не только соответствующими своему призванию теоретическими знаниями в той или иной области научного знания, но и

богатым жизненным опытом и нравственными добродетелями; он должен был признан в качестве учителя со стороны как научно-преподавательского сообщества, так и родителей учеников и т. д. Кроме того, обладающий авторитетом учитель обладал правом самому, по своему усмотрению выбирать своих учеников. Этот вопрос регулировался целым рядом канонов и постановлений, суть которых сводился к тому, что учитель-наставник ***несет полную ответственность не только за судьбу ученика, но и перед всем народом.*** Так в одном из пуктов «Канонических установлений» армянского католикоса **Константина** отмечается, что «учителя, обучающие грамоте, должны назначаться по свидетельству многих лиц, дабы были они ученые и образованные, сведущие и опытные во всех отношениях, точно так же и ученики, обучающиеся грамоте, должны выбираться самим (учителем) и с большим тщанием и осмотрительностью» (пункт 10)[21]. Таким образом задача школьного образования заключалась в сочетании образовательного и воспитательного факторов, а также привлечения жизненного опыта.

Тяжелые условия, сложившиеся вследствие иноземного засилья, препятствовали естественному историческому развитию страны, прерывали процесс развития культуры, в частности школьного дела, учебно-образовательной системы. Поэтому школа и образование развивались в основном в труднодоступных горных районах Армении или в тех областях, которые обладали определенной привилегией или независимостью. Однако и это не всегда гарантировало безопасность. Поэтому часто руководители школ вместе со своими учениками вынужденно кочевали из одного места в другое. Кроме того, существовали и специально созданные, так называемые, «передвижные» школы, которые перемещаясь с места на место по стране, распространяли семена просвещения и образования среди широких слоев народа. Были и странствующие учителя, которые открывали «временные» школы (частные и народные) в различных местах с целью обучения элементарным знаниям: чтению, письму,

[21] *Киракос Гандзакеци.* История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 189.

пению и счету. Многие из них были мирянами и не имели духовного сана. Это было своего рода «хождение в народ». Так как не во всех селениях имелись школы и не все дети могли отправиться в известные школы по разным причинам (материальным, семейным и т.д.), то школа в лице преданных делу просвещения народа учителей-наставников сама шла к нему.

Поэтому не случайно, что в проповеди «О пустынниках», касаясь вопроса об условиях, необходимых для нормального развития школьного дела и обучения, автор писал: «Для учебы необходимы четыре вещи: во-первых, нужно, чтобы учителя были одержимы желанием обучать, к тому же без корысти и тщеславия; во-вторых, горячая любовь [учеников к знанию]; в-третьих, мир; в-четвертых, места пустынные и тихие»[22]. Помимо расцвета старых и основания новых школ в этот период начинается развитие школьного дела и за пределами самой страны. Учреждаются школы, училища, семинарии и т. д. в густаноселенных армянами городах — Константинополе, Крыму, Тифлисе и др.

Выдающуюся роль в деле организации и развития школьно-образовательного дела и педагогической мысли в Армении этого культурно-исторического периода сыграли крупные мыслители и педагоги **Анания Нарекаци** (нач. X — кон. X в.), **Григор Магистрос** (ок. 990 —1058 гг.), **Ованес Саркаваг Имастасер** (1045 — 1129 гг.), **Нерсес Шнорали** (1098 — 1173 гг.), **Нерсес Ламбронаци** (1153—1198 гг.), **Мхитар Гош** (ок 1130—1213 гг.), **Вардан Аревелци** (1200—1271 гг.), **Нерсес Мшеци** (ум. в 1284 г.), **Есаи Нчеци** (ок. 1260 — 1338 гг.), **Ованес Воротнеци** (1315 — 1386 гг.), **Григор Татевеци** (1346 — 1409 гг.), **Товма Мецопеци** (1378 — 1446 гг.), **Аракел Сюнеци** (1355 — 1425 гг.)**, Маттеос Джугаеци** и многие другие, которые в своей научно-литературно-педагогической деятельности не только обобщили завоевания армянской педагогической мысли предшествующего периода, но и подняли ее на качественно новый уровень, обогатив целым рядом интересных и оригинальных идей и положений.

[22] Рукопись Матенадарана, № 573. С. 39 а.

2. ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

АНАНИЯ НАРЕКАЦИ

(нач. — кон. X в.)

Выдающийся педагог, философ, ритор, музыкант и поэт, основатель и руководитель известной Нарекской риторической школы. Годы рождения и смерти неизвестны. Родом он был из Айраратской области центральной Армении, где провел годы обучения и первый этап своей деятельности. Благодаря своим глубоким и разносторонним познаниям он уже в этот период приобрел большой авторитет среди ученых-вардапетов своего времени, что по-видимому послужило основой для его назначения предводителем Нарекского монастыря (Ршуникская область исторической Армении), основанного в 40-х годах X века. Современники высоко отзывались о нем как о выдающемся ученом и педагоге.

Жизнь и деятельность Анания Нарекаци в основном связаны с Нарекским монастырем. Он превратил монастырь и школу в один из крупных очагов науки и просвещения средневековой Армении, возродил и включил в систему школьного образования преподавание «семи свободных искусств». Анания Нарекаци особое значение придает нравственно-духовному развитию человеческой личности, в основу которого ставит гармоничное единство двух добродетелей — внешнего и внутреннего «облика» или «природы» человека. Человеческое же искусство призвано способствовать осуществлению этой гуманистической цели. В своих произведениях теоретического, назидательного и художественного порядка Анания Нарекаци

выдвигает ряд ценных положений общепедагогического, методического и дидактического характера: цель обучения не только в передаче определенной суммы знаний и их усвоении учениками, но и в выработке соответствующих навыков, умения для их творческого приложения (принцип прочности); практическая реализация приобретенных знаний — критерий степени усвоения материала учениками; воспитательно-формирующая сила искусства в его образности, обладающей огромным зарядом и обеспечивающей непосредственность воздействия на внутренний мир человека; в процессе обучения и художественного творчества необходимо пользоваться наглядными примерами из окружающего материального мира (принцип наглядности) и др.

ЖИТИЕ[1]

[Анания] с детских лет взвалив на себя бремя монашеского чина и посвятив себя многочисленным добродетельным трудам, стал искусным в знании божественных книг, но еще больше стал сведущим в философских науках, так что распространившись во всех местах превознеслась непостижимая духовная добродетель его знаний. Во время царствования в Армении благочестивого Аббаса Багратуни[2], он основал в Рштуникской области[3] знаменитый монастырь, который называется Нарек. И в присутствии многочисленных монахов монастыря его избрали предводителем монашеской братии и обязали упорядочить [жизнь] братии согласно его знаниям и мудрости. И он с превеликим усердием учредил в святой обители каноны прежних святых отцов, согласно [монастырскому] уставу святого Василия Кесарийского[4]. Приумножилось это место учеными мужами и сладкогласными певцами (сладкопевцами) и благолепным установлением пребывали они в чтении священных книг [...] И из этого монастыря вышли [многие] мужи ученые и совершенные, одним из которых и был Григор Нарекаци[5], ангел во плоти, сын дочери дяди его... [С. 183 а]

О ТОЛКОВАНИИ ЧИСЕЛ[6]

Мир устроен [таким образом] ради обучения людей, дабы посредством [созерцания] упорядоченности творений они познали Творца [...] И подобно тому, как в школах чтецов и писцов вначале обучают алфавиту, а затем переходят к обучению складывания букв и слогов и [лишь потом] подводят их к искусству слова — соединению и расположению слов — точно так же Бог вначале создал свои творения [и лишь затем] наделил человека знанием для возвышения к божественному, дабы природными чувствами познавая ощущаемое мы узрели бы как в зеркале их Творца... [С. 239].

Числом четыре определяются также добродетели, посредством которых человек уподобляется Богу. Три [из них] — естественные, а одна приобретенная, ибо душа по природе состоит из трех частей, а другая, то есть приобретенная [добродетель] — справедливость, украшая их, совершенствует человека по подобию Бога. И поскольку частями души являются разум, гнев и желание, то им необходим наставник, каковым и является справедливость, украсившись которой части души приходят в совершенство. Так как прилежно обучаясь знанию [можно] приобщиться к искусству слова, которым украшается разумная часть души [...] Ибо невозможно приобщиться к знанию без трудолюбия, а трудолюбие не может дать результатов без естественной склонности [к приобретению знаний]. И этими совершенными числами разумный человек украшает свою природу, совершенствуясь [благодаря] учению, а преуспевание [в науках] постепенно приводит к умерщвлению в скором времени подлежащего, что и есть искусство смерти, от которого рождается ликование души[7]. И заключая в себе эту радость, душа, опьянивши стремится к далекому подлежащему (цели), что и есть уподобление Богу... [С. 241—242].

СЛОВО И НАЗИДАНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЕ[8]

Подобно тому как мирские [или материальные] искусства, которые называются также рукотворными — или

кузнечное, или ювелирное, или какое-либо другое искусство, и все, что существует благодаря искусству, имеет одно название — [искусство], но для этого необходимы многочисленные инструменты и этому [надо] обучаться различными способами и сделать [различные] принадлежности, так и духовная добродетель [принадлежит] к одному виду: смирение и любовь, воздержание и моление. Все добродетели имеют одно наименование, но [для ее достижения] необходимо многоучение: страх и мудрость, наставление и выбор... [С. 23 б].

Но необходимо сперва исправить нравы (склонности) и лишь потом — поступки [людей], ибо исправление нравов невидимо, незримо, а поступков — видимо, зримо. [Пути] исправления нравов — любовь, смирение, терпимость, благоволение, [которые невидимы], а исправления поступков видимы, к которым относятся воздержание, моление, нагота и все, что подобно им.

О ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИИ[9]

Подобно тому как слуга ждет повеления своего господина, так и все органы чувств управляются при помощи разума, так как добро сначала размышляет и лишь потом действует; так и зло сперва размышляет, а потом действует [С. 239 а—б].

Как, например, пока враг еще находится вне крепости — от него легко можно защититься, но если, сражаясь, он захватит крепость и ворвется вовнутрь — тогда весьма трудно выгнать его оттуда. Так и ты противоборства мыслей остерегись пока оно находится вне, за пределами «крепости» мыслей твоих, но если, сражаясь, захватит крепость и войдет вовнутрь, тогда намного больше труда потребуется от тебя, [дабы избавиться от него]. [С. 331 а].

О РАСКАЯНИИ И СЛЕЗАХ[10]

И когда ты сам возьмешься за дело и будешь сильно стремиться к этому и усердствовать, тогда Божья благодать

научит тебя искусству моления, то есть как надо это сделать. Подобно тому, если кто-то обучился [какому-либо] искусству у кого-то и [приобретенное] искусство в течение какого-то времени осуществил в деле, то тогда от этого искусства он узнает намного больше, нежели то, чему он научился от наставника. Так и ты, осуществи в деле слезные моления и оно само научит тебя [...]

Как, например, [когда] люди идут в дом, где траур и те, что там, оплакивая усопшего, испускают жалобные вопли, и [от этого] у слушателей поневоле щемит сердце и льются слезы; а когда люди идут в дом, где [играют] свадьбу и там шуты говорят забавные вещи, то слушатели поневоле начинают смеяться. Так и ты, когда сердце твое каменеет и не можешь прослезиться, вспомни слова и примеры раскаяния, ибо сердце твое придет в раскаяние и польются слезы... [С. 309 б].

Способность раскаяния является искусством и его надобно получить посредством множества средств и стараний. [С. 310 б].

И если ты скажешь, что примеры взяты мною из земной жизни и обвинишь [нас в этом], то [мы ответим, что] так как и мы являемся телесными поэтому и притчу примера этого следует сделать наглядной... [С. 315 а].

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

(ок. 951 — 1003 гг.)

Великий армянский поэт, мыслитель, педагог и музыкант. Григор Нарекаци родился в семье высокообразованного епископа Хосрова Андзеваци. Воспитание и образование получил в знаменитой Нарекской риторической школе (в Ртуникской области) под руководством ее ректора и своего родственника Анания Нарекаци По завершении образования он постригся в монахи и принял духовный сан. Благодаря своим глубоким познаниям в области богословских («тонких») наук был назначен «наставником монахов».

Критическое отношение Григора Нарекаци к духовенству вызвало недовольство среди ортодоксальных церковников, и его, как это случилось с его отцом и учителем, чуть было не обвинили в приверженности к тондракизму — широко распространенному в Армении еретического движения.

Григор Нарекаци явился крупнейшим выразителем светских художественных и научных веяний, проникших в культуру и сознание после восстановления армянской государственности (885 г.) и обусловленных социально-политическими и экономическими сдвигами в общественной жизни. Он оставил богатое письменное наследие: гандзы-гимны, таги-песни, панегирики, толкования, многие из которых имеют назидательно-поучительный характер, знаменитую философско-лирическую поэму «Книга скорбных песнопений» — жемчужину средневековой армянской поэзии. В его творчестве отразились гуманистические настроения эпохи; воспевание земной, природной красоты и чувственного мира человеческого индивида. «Грешная» материальная природа восстанавливается им в своих правах. Внешняя природа и внутренний мир человека — равноправные объекты поэтического искусства. В своей поэме Григор Нарекаци ставит проблему возможности единения человека с Богом путем слияния человеческого и божественного начал. Великий поэт и гуманист провозгласил чреватую для того времени идею о том, что человек — простое смертное существо — посредством постоянного морально-интеллектуального совершенствования, нравственного очищения может достичь божественного совершенства.

Григор Нарекаци дает реалистическое изображение социальных противоречий эпохи, негативных явлений и сторон средневековой армянской действительности, нравственного облика представителей различных социальных групп. Однако беспощадное бичевание человеческих пороков, противоположных природе человеческого бытия, он подчиняет идее создания образа человека, вечно стремящегося к избавлению от пороков, сомнений и противоречий, опутывающих и препятствующих достиже-

нию человеком морально-интеллектуального совершенства, божественной чистоты.

Поэма изобилует моральными сентенциями, афоризмами и суждениями, в которых выражается мудрость земного бытия, смысл человеческой жизни и людских взаимоотношений. «Книга скорбных песнопений» — величайший памятник человеческой личности, ищущей и сомневающейся, находящей и лишающейся, возвышенной и низменной, прекрасной и ничтожной, это гимн человеческому бытию, наполненному, в конечном счете, беспредельным оптимизмом, радостью бытия и любви.

КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ[1]

Глава 2

2

Да не останусь я бесплодным в малых трудах своих,
Подобно беспечному сеятелю на неплодоносной земле!
Да не доведется мне страдать от мук родовых и не родить,
Скорбеть и не прослезиться,
Размышлять и не вздыхать. [...],
Идти вперед и не достигнуть,
Мне призывать и тебе не слышать,
Просить с покорностью и остаться без внимания,
Стонать и не сострадать,
Молить и ничего не получить... [С. 33].

Глава 3

2

Эта заповедь новая — книга скорбных песнопений
Сочинена для живущих на земле [людей] всех возрастов,
Для всего множества рассеянных по миру христиан. //
И как хорошо осведомленный о страстях каждого соучастник
Показует [людские] пороки, подобно картине укоряющей:

И тем, что в первую пору жизни вступили,
И тем, что находятся во второй, именуемой
возмужалостью,
И старцам немощным, чьи дни подходят к концу,
Грешникам и праведникам,
Гордецам самодовольным и тем, что корят себя за
прегрешения
Добрым и злым,
Боязливым и храбрым,
Рабам и невольникам,
Знатным и высокородным,
Средним и вельможам,
Крестьянам и господам,
Мужчинам и женщинам,
Повелителям и подвластным... [С. 36—37].

3

[...] Коли написанные [мною молитвы] помогут спасению тех,
Кто приобщится к этим животворным чувствам,
Сделай волей своей, о благословенный,
Дабы и меня причислили [к ним];
Коли у кого-нибудь благодаря книге этой
Родятся из глубин сокровенных стенания,
Тебе, о боже, угодные,
Пусть, о всевышний, вместе с ним это принесет пользу и
мне [...],
Да обретет он спасение в надежде на жизнь,
Молясь по этой [книге] тебе, о животворец;
Коли чье-либо сердце будет уязвлено муками сомнений,
В благоволении своем исцели его для жизни этими
молитвами... [С. 38].

Глава 6

И вот, если человек не станет себя обманывать и
притворяться
И лицемерно делать вид, что не колеблется,
Но чрез познание самого себя
Почувствует общечеловечность своего естества,

Поймет, что он земнородный, и сохранит в себе меру [совести],
Тогда очевидным станет для него, //
Что перечислил я не напрасно
Описанные виды прегрешений [С. 47—48].

Глава 7

2

[...] Умерщвляя в себе один из терзающих меня [грехов],
Я даю силу жить другим на погибель душе моей [...],
Я немощен, когда надо творить добро,
Ленив, когда надо стремиться к добродетели,
Медлителен, намереваясь исполнить обещанное,
Бессилен, когда надо [делать] полезное и нужное,
Я — не помнящий благодеяний служитель, предавший господа. [С. 49].

Глава 15

2

Моей душе израненной,
Полностью пораженной всеистребляющим недугом,
Мне, уподобившемуся неразумным животным,
Мне, отчуждившемуся от близости мудрых,
Мне, что несхож с себе подобными;
Коли бы нашелся [такой] образец, я сказал бы,
Коли бы кто был похож на меня, я рассказал бы,
Коли бы кто был одинаков со мною, я поведал бы,
Коли бы кто был равен мне, я написал бы,
Коли бы кто так же поступал, я свидетельствовал бы,
Коли бы пример был, [мне подобный], я уведомил бы,
Коли в прошлом — утешился бы,
Коли в настоящем — надеялся,
Но поелику я [по греховности] превзошел все примеры //
И далек от сходства [с кем бы то ни было],
То один только ты можешь очистить меня от грехов... [С. 66—67].

Глава 20

1

Зная заповеди твои
Я пошел [путем] неподобающим,
Впав в заблуждение жестокое,
Это и значит грешить всячески и во всех делах.
Я ринулся вон из пределов, установленных волей твоей,
Что есть истинный пример неправедности позорной.
Умножая, я довел до предела меру злых деяний моих,
Что есть верное подобие преступления.
Грозил ты, но я не ужаснулся,
Просил, но я никогда не слушал [С. 79].

2

Безнравственное поведение совратило меня на мысли
мятежные,
Уста мои дерзнули говорить слова мирские,
Пристрастился я, не отступая, к делам постыдным,
Стал надменным, превознесся я,
Тот, кто чрез малое время мертвым в землю сойдет,
Стал самоуверен, возомнил я [...]
Стал спесивым я — пыль одушевленная,
Стал кичливым я — глина говорящая,
Стал горделивым я — прах презренный [...]
Пламенем гнева загорелся я — ил, одаренный словом,
Словно бессмертный, высокомерен стал я;
Подобно четвероногим, смерти подвластный, //
Я раскрыл объятия любви к миру,
А к тебе не лицом, а спиной повернулся;
В полете мыслей устремился я к темным помыслам,
Непорочную душу мою изнурял постоянно утехами тела.
[С. 80—81].

Глава 21

3

И как могу именовать я себя человеком,
Коли причислен к нелюдям?

И как назовусь словесным,
Коли причастен к глупости бессловесных?
Как сочту себя зрячим,
Коли сам в себе свет погасил?
Как прославлю себя познающим,
Коли замкнул мои врата познания?
Чем докажу я, что запечатлен во мне благодатью образ нетленного,
Коли сам умертвил в себе душу?
Не могу я назваться также ни движущимся и ни дышащим,
Не говоря уже о духовности и одаренности разумом... [С. 84].

Глава 29

2

Но вот исчезло и кануло [в воду]
От сияния долготерпеливой воли твоей
Зло повсеместное, как ничтожный мрак,
Под жарким солнцем рассеивающийся.
И так именно чувства природные
Показывают нравы всеобщие.
Поскольку кто же из людей, согрешив, не раскаялся?
Кто, осквернившись, не устыдился?
Кто, погрешив, не усрамился?
Кто, ошибившись, не упрекнул себя?
Кто [низко так] пал и не сетовал?
Кто соблазнился и не пожалел?
Кто был побежден и не приумолк?
Кто был обольщен и не воздыхал?... [С. 108].

Глава 71

2

А я — негодный во всём
И, сколько можно выразить в словах, достойный хулы.
Ибо, когда бодрствую, — я дремлю,
Когда бодрым кажусь — цепенею,
В благочестии своём обольщаюсь,
А когда молюсь — заблуждаюсь,

Двигаясь, я мешкаю,
А оправдываясь — согрешаю,
Успокаиваясь, я возмущаюсь,
Не собравшись в поход,
Склонен я отступить.
Отправляясь в путь — [пячусь] я назад,
С долей света соединяю мрак,
Со вкусом сладкого мешаю полынь,
В крученую [нить] добра я вплетаю и зло,
Только [на ноги] встав — я падаю вновь.
Цвету я, но не плодоношу,
Говорю [всегда], но не делаю,
Обещаю, но не исполняю,
Обет даю, но не расплачиваюсь,
[Руку] простираю и тут же отдёргиваю,
Показываю, но не отдаю,
Приближаю, но не посвящаю.
[Едва] исцелившись от ран, получаю [новые].
Когда успокаивают меня, я снова волнуюсь,
Без права [на то] выступаю [в суде],
И по справедливости осуждают меня.
[Только] запишут меня [в книгу жизни],
Как тотчас [опять] вычёркивают.
Веду корабль я, но уклоняюсь с [верного] пути.
Начинаю, но к отдохновению не прихожу,
[Лишь] приду я в себя — и вновь потрясён,
Переполняюсь — и снова пустой,
Продолжаю я здесь [благо творить] —
А там [опять] скатываюсь вниз, //
[Здесь] коплю — а там сжигаю.
Закладываю основу, но не довершаю,
Мало тружусь, много трачу,
Малую толику сокровищ коплю —
Бесчисленное [множество] их истребляю.
Других поучаю — сам неискушен,
Всегда я учусь — никогда не дохожу
До познания истины.
Угасшее зло я вновь воспламеняю,
Чуть приободрюсь — сильней изнемогаю,

Напрягаюсь — и тут же вновь расслабляюсь,
Здесь я латаю — там [на части] рву,
Вырываю крапиву и сажаю волчец,
Взмываю ввысь — сюда низвергают меня,
Влетаю голубем в гнездо — вылетаю оттуда вороной,
Прихожу я почти белым — ухожу совершенно чёрным,
Говорю, что верую в тебя, — отдаю себя [в руки] убийце,
Едва предстал пред тобою,
Как опять оборотился спиною.
Очищаюсь — и снова замаран я,
Моюсь — и вновь оскверняюсь,
Уподобляюсь внешне Давиду я — и Саула дела совершаю,
Устами правдивый — лгу утробой своей.
Правой [рукой] припасаю — левой [щедро] раздаю.
Возделывая [ниву] под пшеницу — засеваю [её] я плевелами.
[Лишь] спустившись [на землю] от мудрствований
высоких,
Я становлюсь тем, кто [в действительности есть],
Ликом уподобляюсь я ангелам,
По намерениям своим — дьявол,
Твёрдо [стою] на ногах я —
В мыслях же [вечно] колеблюсь.
Притворяюсь я лживым — совращаюсь на деле,
Представляюсь правдивым — но творю я нечестие.
Причисляю себя к сонму смиренных — но пляшу
с духами злыми.
Людьми я хвалим, а тобою, провидцем, хулим,
Земнородные говорят мне: «Блажен ты!» —
Сыны света вздыхают: «Горе тебе!»
Угодничаю я пред последним рабом —
Теряю в глазах твоих, о великий царь!
Оставив судилище правых — беспутных судей умоляю.
Отринутый великими [сими] —
Льну к простым людям;
Внешне тело своё наряжаю,
А душою — цветом на чайку похож;
Подхожу договор заключить —
Меня, как клятвопреступника, гонят [С. 225—226].

Глава 88

2

Так прими эти слова, переплетенные
со стенаниями горькими,
И обоняй сей дар словесный как жертву бескровную,
О царь небесный,
И, благословив, очисти [каждую] букву книги
сих песнопений скорбных,
Запиши и утверди ее как памятник вечный
Средь угодных тебе служений.
Пусть пребудет она всегда пред тобой
И постоянно звучит в ушах твоих,
Вопит губами твоих избранников
И говорит устами ангелов твоих,
Распростерта будет перед престолом твоим
И поднесена будет [в дар] в обиталище святости твоей,
Воскурена будет в храме имени твоего
И благоухать станет на алтаре славы твоей,
Храниться [будет] в сокровищнице твоей //
И положена будет с имуществом твоим.
Пусть рассказана будет ушам всех племен
И проповедуется во всеуслышанье народов,
Изображена будет на вратах разума
И запечатлена на порогах чувств,
Пусть, словно живая, расскажет она
Об исповедуемых мной беззакониях,
И хотя, как смертный, приму я кончину,
Однако вечностью писания сего
Пребуду живым и я.
Пусть волей твоей, о господи, останется
она нетленною,
Всегда возвышаясь предо мной, наказания достойным,
Как судия неутомимый,
Обличитель нелицеприятный,
Укоритель строгий,
Хулитель беспощадный,
Порицатель неумолимый. [С. 282—283].

3

Эта книга моим голосом, будто это я,
Пусть вопиет вместо меня,
Распространяет сокрытое,
Разглашает тайное,
Оплакивает свершившееся,
Заставляет звучать забытое,
Делает явным невидимое [...]
Пусть благодаря [книге] этой
Станут осязаемыми западни,
Обнаружатся ловушки,
Станет явным то, о чем не сказано,
Отцедятся остатки зла.
И да воцарится дарующая жизнь благодать //
Твоего милосердия, о Христос... [С. 283—284].

Глава 93

22

Опять же, коли из письмен азбуки [армянской],
Мы возьмем [дза], [показующее число, что получается]
От умножения двадцати на четыре (=80),
А затем спустимся сверху по алфавиту
До [ну] — буквы двадцать второй,
То способом этим сможем представить
Для объяснения глубин таинства [сокровенных]
Пример, весьма сообразно составленный и приятный,
Ибо, сменив в названии дзют [елей] букву дза
На букву ну, означающую четыреста, //
Мы получим согласно словообразованию
Верное [слово] *нют* — [вещество]... [С. 321—322].

ГРИГОР МАГИСТРОС

(ок. 990—1058.)

Выдающийся армянский философ, ученый, просветитель, педагог, военный деятель. Григор Магистрос происходил из знаменитого княжеского рода Пахлавуни. Детст-

во провел в доме дяди Ваграма Пахлавуни — прославленного спарапета Багратидской Армении в городе Ани, где получил блестящее по тем временам научно-философское и военное образование. Затем совершенствовал свои знания в Константинополе. Магистрос прекрасно владел греческим языком, обладал глубокими познаниями в области древнегреческой, византийской, персидской, сирийской и арабской науки, философии и литературы. После падения Анийского царства (1045 г.) он был вынужден передать свои владения византийской короне и взамен получить земли в Междуречье. Благодаря своему военному таланту он был удостоен титула магистра[1] *и назначен императорским наместником Междуречья.*

Магистрос сыграл огромную роль в деле распространения светской науки и образования, развития школьного дела и просвещения. Он открыл ряд школ, в некоторых из которых преподавал сам (школы Ани, Бджни, Кечариса, Санаина и др.). Он основал и передвижную высшую школу, которая сопровождала его во время многочисленных переездов. «Преисполнение чтением» и «просвещение себя наукой» — основной просветительский тезис, которому он следовал всю жизнь и завещал придерживаться и других.

Магистрос сознавал и резко критиковал «однобокость» религиозно-богословского образования, требуя дополнить его «светским» образованием. Важное место в деле распространения просвещения Магистрос придавал народным школам, что вынудило его заняться вопросами упорядочения и реформы учебно-воспитательного процесса, школьного дела с учетом возрастных и умственных способностей учеников и назначения школы, разработки и уточнения содержания, программы и плана обучения.

По Магистросу обучение — длительный и многоступенчатый процесс, стержнем которого выступает изучение «семи свободных искусств» — наук «тривиума» и «квадривиума». Однако для этого необходимо предварительно овладеть искусством чтения и письма, ознакомиться с текстами Ветхого и Нового заветов, «поупражняться» в области древней (языческой) мифологии, штудировать специально отобранные для учебного процесса

куски из важнейших памятников античной литературы, в частности, гомеровских и платоновских творений, приобщающих, по его мнению, учеников, помимо всего прочего, к литературному стилю, языку, вкусу и композиции античной классики, к светскому образу мышления.

Этот подготовительный этап обучения предворяет переход к изучению наук «тривиума» и прежде всего «искусства грамматики», а затем — предметов «квадривиума». Данная программа обучения исходит из принципов классификации наук и учебной программы эллинистического периода, а также армянской грекофильской школы, в частности, Давида Анахта. Развивая и углубляя идеи Анания и Григора Нарекаци, Магистрос окончательно внедрил изучение светских наук в систему высшего образования в средневековой Армении эпохи развитого феодализма.

Важное место в развитии школьного дела, образования и просвещения Магистрос отводит переводам. Он сам перевел «Геометрию» Евклида, приступил к переводу «Федона» и «Тимея» Платона. Переводческая деятельность, по его мнению, также должна исходить из предварительно научно разработанной программы, подчиненной в конечном счете требованиям учебно-образовательной системы. Развитие науки и культуры не есть самоцель: оно должно способствовать решению просветительских задач.

Подобно другим деятелям армянской культуры и просвещения Григор Магистрос глубоко сознавал всю значимость государственной самостоятельности и политической независимости в деле развития и распространения наук, искусств, школы и просвещения. Он не только возродил и включил светские науки в разработанную им учебную программу, но и наметил пути дальнейшего развития школьной системы и образования в средневековой Армении.

Письменное наследие Григора Магистроса включает многочисленные письма, «Толкование грамматики», «О назидании отроков» и другие произведения. Эпистолярное наследие Григора Магистроса включает 86 писем в прозе и в стихах, адресованных культурным и общественным

деятелям, родственникам, близким. По актуальности и охвату рассматриваемых в них проблем они выходят за рамки личной переписки, отражая научные, культурные, учебно-образовательные тенденции и искания эпохи. В «Письмах» затрагиваются вопросы, касающиеся основных сфер средневековой науки — естествознания, философии, грамматики, эстетики, теории литературы, истории, искусства, богословия, античной и древнеармянской мифологии и др. Благодаря Григору Магистросу в армянскую действительность был привнесен новый литературный жанр — эпистолярный.

ПИСЬМА[2]

Письмо 1

Духовному владыке католикосу Петросу[3]

Хотя ты, святейший владыка всех епископов и глава апостольский, обращаешься ко мне с прекрасным предложением и полагаешь, что слуге твоему следует более пространно любомудрствовать о новых положениях, чему ты радуешься как отец в отношении сына, однако мне всегда приятнее [и свойственно] писать кратко. Ибо как отдельные части целого — прямые линии образуют прямоугольник в целом, так и для мудрого [человека] одной мысли достаточно, [чтобы] последовательно вывести из нее тысячи вытекающих [из нее] других мыслей [С. 3].

Владыке Петросу

Наместник Иисуса, привыкши к твоей обильной щедрости, осмеливаемся напомнить о весьма важном и полезном [деле], дабы вы никогда не проявляли медлительности относительно сочинений Анания Ширакуни, который с превеликим усердием и в утомительных странствиях собрал [знания] из разнообразных и многообильных книг [и изложил в своем «Кнниконе»], в котором представлены как че-

тыре [математические] науки[4], так и знания о всех сущих. Ныне он находится в патриаршей резиденции, а прежде, до тебя, почерневший втайне держался под спудом. Сам он, что написал упомянутый труд, в свое время выразил множество сомнений и сетований о нерадении нашего народа относительно его труда, в котором собрано божественное учение и накоплены знания по всем наукам и прежде всего по арифметике и [теории] музыки, которые образованы из прерывного количества, [далее] по геометрии и астрономии, которые [образованы] из непрерывного количества. А после них с целью [углубления] образования [вновь] следуют искусства и науки [тривиума] и искусство библиографии и все наставления риторические. Подобно трудолюбивой пчеле, которая собирает в улее пыль с различных [цветков], он собрал здесь (в «Кнниконе») знания из повествующих о разнообразных вещах писаний халдейских и греческих [авторов] и всех прочих народов, дабы сперва ознакомить с знаниями, собранными в этих книгах, [а потом] приступить к изучению философии, ибо без этого предварительного обучения совершенно невозможно приступить к [изучению] теологии. Ибо необходимо сперва подняться от естествознания (физики) к математике и от нее уже к божественному учению (теологии) [...] Поэтому еще Платон предупреждает в своей теологии так: Не-геометр да не входит [сюда]. Говоря это, дабы никто, кто несовершенен в четырех [математических] науках не вступил в аудиторию. Так как естественно заниматься самой удивительнейшей [вещью] — теологией и обучение этому [следует] установить по примеру [искусства] плотников, которые сведущи [лишь в своем] ремесле и предварительно не спешат в лес для рубки деревьев. Ибо отличаются те, что заняты этим делом и те, кто скоблит и пилит [деревья]. И лишь после всего этого [искусные плотники] при помощи токарных станков и других инструментов приготовляют из них чудесные балдахины и стулья и многие другие подобные вещи. Точно так же и те, кто имеет дело с золотом, железом и медью [С. 8—9].

Письмо 40

Телетиса, прозываемого Григором, рекомендую твоему царскому величеству, ибо это муж искусный в нашем божественном вероучении, а также в Ветхом [завете] и весьма сведущ в книгах внешних. Соизволь удовлетворить его ненасытную страсть к чтению, ибо никогда он не пресытится им. И желаю, дабы он, обосновавшись во дворце твоего царственного пребывания, обратил его в академию, чтобы никогда письменность Асканазова и Арамова, споспешествуемая многими, не была предана забвению [...] Ибо вижу, что ты сочиняешь стихи в гомеровском плавном размере, а он (Григор Хндзаци) также украшен сим [достоинством] [С. 97].

Письмо 45

К ученикам его Барсегу и Егише относительно книг Аристотеля

Итак, слушайте, если наш наместник Бога дал вам [сочинения] Аристотеля, то мы хотим, чтобы выслали их нам. Потому что сперва надлежит полностью овладеть искусством грамматики вместе с [искусством] толкования и перевода [текстов], после этого — искусством риторики с тремя его частями, безошибочно разделяя их, а затем платоновскими и аристотелевскими определениями и пифагорейскими суждениями завершить [этот этап обучения]. Но прежде чем [приступить] к обучению этим [искусством] необходимо научить искусному чтению [текстов] Ветхого и Нового заветов, а также мифологии, извлекая их из многих и разнообразных мест (источников), а после этого с ревностным и здравым рассудком приступить к изучению отрывков из гомеровских и платоновских диалектических [высказываний] и предречений и ко всем другим искусствам и книгам. Ибо во всем и всегда ученый [человек] проповедует знание и отвергает незнание, в особенности, если он овладел четырьмя [математическими] науками: арифметикой, музыкой, геометрией и астрономией. Об этом достаточно.

Если сочинения Аристотеля содержат сказанное им относительно небесных тел и теории шарообразности земли, или же о законах и правилах поведения, в которых говорится и о разрушении человеческих качеств и о разделении страстей [...], то пришли их сюда.

Но если это всего лишь «Введение» Порфирия, написанное по просьбе Хрисаора, о пяти категориях, каковыми являются следующие: род, вид, различие, собственный и случайный [признаки], или же о восьми, кои есть: цель, полезность, причина, порядок заглавий, метод обучения, отношение, часть, различие; или [категории] самого Стагирита[5]: сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание, то эти [сочинения] мы не желаем просить прислать издалека, потому что эти положения нам довелось [изучить] еще в юном возрасте [С. 105].

Письмо 58

Не мало удивления вызвало во мне, что твое мышление дерзнуло вступить в геометрию и нас подвигнуть [туда же] по образцу галки Олимпиана или [как] сказано: «Возомнившие мухи восхотели вырвать еду из челюсти льва, найдя его спящим; он же обмахивал пау согнутым хвостом, точно опахалом, с той и с другой стороны, чтобы отогнать их прочь, но летучие твари не встрепенулись и не отстали. Тогда он заскрежетал зубами, измолотив их клыками, закрывши гортань и с улыбкой отпустил их полумертвых, спасшихся через ноздри. Затеяли тогда суд аккоранские мухи и разглагольствуют о львиных кусках, кипятясь и роясь, но не выиграли дела у судьи: «Жужжащие мухи, - сказал он, - не вступайте более в могучие челюсти льва, когда он погружается в сон. Не то вы будете стиснуты, раздавлены, много будете кипятиться. В дыре, в улье — вот где шумите, жужжите, мухи, а во дворец не ходите». И так пой псалмы там у пау в хате, в келье, в лачужке, не торопись в академии для пения, иначе будете раздавлены подобно мухам.

ВАРДАПЕТУ САРГИСУ

Мы никогда не знали отдыха также и от переводов. [Я наяал переводить] многие книги, которых не обнаружил [в переводе] на наш язык, две книги Платона, — диалоги «Тимей»[6] и «Федон», в которых содержатся все предваряюшие научные знания, и [сочинения] многих других философов [...] Вместе с тем я обнаружил на нашем армянском языке [ряд работ], написанных переводчиками — сочинение Олимпиадора[7], о котором упоминает Давид [Анахт], весьма изумительные и чудесные стихотворения, не уступающие философским трактатам; нашел также [труды] Каллимаха и Андроника на армянском языке. Кроме того, я начал переводить «Геометрию» Евклида. И если пожелает господь продлить еще нашу жизнь, то я взял на себя труд перевести [сочинения] всех остальных греческих и сирийских [ученых] и не стану медлить [С. 66].

Письмо 83

Послание сыну моему

Итак, изучай искусство стихосложения на [основе] стихов, посланных тебе. Это — искусно сочиненная эпическая песнь, песнь искристая, полная совершенства [...] Тебе, юному, я пожелал изложить это ясно и четко, дабы кое-кому не показалось сие невозможным и не поспешили они отступиться перед трудностями, а выслушали бы удобопонятное объяснение. Всосав знания вместе с молоком матери, они смогут после нас совершенствовать поэзию подобно искусным поварам, изготавляющим превосходные явства

Письмо 84

Князю Ваграму, сыну моему

Лишь только одолел ты грамоту, я с любовью непрестанно поил тебя, словно кормилица, трудами Пифагора, Платона и Стагирита [...], и взамен прошу тебя никогда не

забывать наших преданий и не гасить рвения любви к Христу — Богу нашему и к первоначальному источнику света нашего — говорю о предке твоем, Партэве.

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРТЦИ
(XI в.)

Видный армянский историк и мыслитель Аристакэс Ластивертци родился в Ластиверте[1]. Он получил ученую степень вардапета. Его «Повествование» — не только историческое, но и публицистическое произведение, цель которого — представить читателям реальную историческую действительность, тяжелую участь армянского народа, вновь потерявшего государственную и политическую независимость под ударами иноземных поработителей. Автор стремится воздействовать на чувства и сознание читателя, создать у него определенное отношение к описываемым событиям и настроение. Его скорбь — это скорбь патриота, любящего свою родину и скорбящего над ее бедами. Приводимый автором исторический материал подчинен раскрытию его основных мировоззренческих и морально-политических идей.

Ластивертци-моралист проповедует раскаяние во имя избавления и спасения всей нации, что по его мнению должно иметь место не в потустороннем мире, а в земной жизни путем нравственного совершенствования и морального урегулирования человеческих отношений. Все земные блага должны служить добрым намерениям и приобретаться честным и законным путем. Падение нравов у отдельных людей в конечном счете приводит к моральной деградации всей нации, а это, в свою очередь, к социально-экономическому упадку страны, ибо сила нации — в ее внутренней морально-духовной монолитности и нравственной чистоте. Потеря государственности требует, по Ластивертци, наращивания внутренней духовной мощи народа, актуализации всех его внутренних потенций как единственного способа противостояния внеш-

ним врагам. Он — певец благоустроенной и процветающей Армении и одновременно оплакивающий ее нынешнее состояние. Благодаря этому контрасту его «Повествование» оказывает неотразимое впечатление на чувства и эмоциональное состояние читателя. Труд Ластивертци воспитывал, внедрял в сознание народа дух патриотизма, идею свободной и благоденствующей Армении.

«ПОВЕСТВОВАНИЕ» ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ ОКРУЖАЮЩИМИ НАС ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ[2]

II

Мы же краткими словами запечатлеем эти долгие события, дабы донеслись они до слуха грядущих поколений. Пусть сыновья, что родятся, расскажут о них своим детям, дабы никто не забыл дел господа, справедливой мерой воздающего каждому [С. 62].

X

Если мудрый клянется, то неразумный верит, что подтверждают также высказывания мудрецов, и далее: лживые слова подобны жирным перепелкам, и поглощают их неразумные [С. 84].

XII

В прощлом, пока этот город[3] пребывал в изобилии, все в нем было согласно с разумом и он походил на молодую жену, которая приятной красотой и яркими украшениями всем представлялась желанной. Ибо *ишханы* его были человеколюбивы, судьи справедливы и неподкупны. Купцы возводили и украшали церкви, принимали и ублажали иереев и не оставляли бедных своими милостями и заботами. Торговали честно, обмен товарами происходил без плутовства. Если прибыль получали, давая в рост под проценты, она порицалась, а заказанная [ростовщиками] литургия отвергалась и осуждалась. Повсюду соревновались в благочестии,

иереи Арцна были непорочными молитволюбцами, смиренными служителями церкви. Посему и купцы Арцна благоденствовали и торговцы были как цари над народами. И город наш, весь украшенный и прекрасный, как ясный драгоценный камень, блистал среди прочих городов!

Но с тех пор в наши церкви проникли секстийцы и пирронии, законы правосудия утратили справедливость, сребролюбие возвысилось над благочестием. Скромность была поругана, уступила место беспутству. *Ишханы* Арцна уподобились грабителям и злодеям, стали рабами серебра. Судьи выносили решение за взятки и ради взятки попирали законы. Сирот они лишали правого решения и не уступали правам вдов. Чрезмерные проценты обрели силу закона [...] Тот, кто обманывал другого, гордился своей сообразительностью, а кто грабил, заявлял: я могуч! [С. 91].

XVI

Видя свершившееся, сокрушенная страна впала в печаль, ибо погибли ее обитатели и радостям повсюду пришел конец. Везде плач и стенания, всюду скорбь и рыдания. [Не слышно] нигде песнопений иереев, не слыхать славословия господу. Книги не наставляют и не утешают слушателей, ибо чтецы убиты на площадях, а сами книги сожжены и обращены в прах [С. 98].

XXIII

Но мы сочли неуместным описать отвратительную деятельность еретиков, ибо она преисполнена скверны. И поскольку слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже подталкивает его к подобным действиям. [С. 127].

XXIV

Таков удел неправедных городов, которые обстраиваются ценой крови чужестранцев, процветают за счет пота бедняков, растовщичеством и несправедливыми сделками укрепляют свои дома. Безжалостные к неимущим, они стремятся лишь к веселью и неге, не чуждаются грязных дел, они опьянены [недостойными] желаниями. Что станет с ни-

ми, когда постигнет их гнев господний? Они погибнут, растают, как воск от огня, будь то царь или *ишхан* [С. 129].

ПАМЯТНОЕ СЛОВО НАСТОЯЩЕГО СОЧИНЕНИЯ

Нам же тяжелее и хуже всех — нет царя и ишхана, душа и тело покинуты наставником, и не найти нам пристанища. Истомившиеся, мы вынуждены существовать в царстве язычников, день за днем испытывая тяжкие удары их бича. Мы не служили господу, так послужим чужестранцам, презрели страх божий — день за днем нас будет преследовать страх перед ними... Нерадиво отправляли мы службу господню, так послужим покорно им и днем и ночью. И [бог...] не только вразумил нас за грехи наши, но с милосердием и состраданием вверг нас в горнило, дабы наставить на путь истинный и добрый [С. 135].

Поэтому мы обратились к древним летописям, чтобы должным образом, приличествующими словами они наложили отпечаток на эту книгу, где достоверно собраны воедино события прошлого и настоящего. В этой же книге описано не все, но лишь начало постигших нас событий, ибо не в силах мы полностью осмыслить и описать их завершение. Тем не менее мы все это изложили с целью, чтобы, прочтя, вы узнали — грех был причиной всего постигшего нас [С. 135—136].

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР
(1045—1129 гг.)

Выдающийся армянский философ, ученый, поэт, педагог, руководитель Анийской и Ахпатской высших школ Ованес Саркаваг[1] родился в области Парисос[2] исторического Арцаха[3] в семье священника. Первоначальное образование и воспитание получил у своего дяди в Ахпатском манастыре[4]. Затем был послан дядей к вардапету Урчаци

для изучения богословских и «светских» наук. После этого он отправляется в один из научно-культурных центров Армении город Ани. Вероятно в 70-х годах он становится руководителем Анийской школы (а возможно, одной из анийских школ), которая благодаря плодотворной педагогической и организационной деятельности Ованеса Саркавага приобретает светский характер, философско-естественнонаучную направленность. Он возродил многие пришедшие вследствие неблагоприятных исторических условий в упадок науки и, следуя Григору Магистросу, усилил интерес к творениям античных и древнеармянских мыслителей.

Содержание обучения Анийской школы Ованеса Саркавага включало: изучение грамматики Дионисия Фракийского и ее армянских толкований, искусство риторики, логику и философию Аристотеля, математику (в частности на основе трудов Филона Александрийского, Никомаха и Анания Ширакаци), календароведение, теорию музыки, живопись, богословские науки и другие научные дисциплины. Он сам преподавал многие из названных предметов и «прежде всего грамматику». Затем обучал «тонким и труднодостижимым сочинениям» — риторике и филисофии, космографии, теории календаря, математическим наукам — арифметике, геометрии («форме вещей»), астрономии и т. д.

Судьба вновь связывает Ованеса Саркавага с Ахпатским монастырем, где он, вероятно, и реформировал армянский календарь (1084 г.), положив начало новому армянскому летосчислению, названному его именем. Благодаря его стараниям Ахпатская школа также превратилась в школу высшего типа, программа обучения которой и направленность в основном совпадали с Анийской школой. Именно это обстоятельство послужило поводом для того, что Ованеса Саркавага считают основателем Анийской и Ахпатской школ.

Ованес Саркаваг проделал огромную работу по выявлению, редактированию, размножению и распространению затерявшихся или полузабытых произведений предшествующих мыслителей — Аристотеля, Филона Алек-

сандрийского, Григория Нисского[5], Григория Богослова[6], Давида Анахта и других. Он явился реформатором и школьного образования в средневековой Армении, внедрив новую систему и методику обучения. Его многочисленные ученики сыграли заметную роль в развитии армянской письменности и просвещения. Ованес Саркаваг пользовался славой великого ученого-философа и педагога и в соседних странах — Грузии и Агванке.

В богатом теоретическом и литературном наследии мыслителя содержится множество методологических, исследовательских, методических и дидактических принципов. Он одним из первых в эпоху средневековья выдвинул тезис о необходимости опытного познания внешнего мира, провозгласил опыт в качестве критерия всякого знания. К числу его основных методов научного, в частности, естественнонаучного познания относятся наблюдение, опыт и объяснение.

Согласно Ованесу Саркавагу познавательной способностью наделен лишь человек, да и то только в возможности, в потенции, что актуализируется в процессе длительного обучения и воспитания, а потом и научного исследования. Изначально человеку дана способность чувственного восприятия, а потенциально — логического мышления. Он строго разграничивает способность и результат ее действия. Знания находятся в прямой зависимости от познавательных способностей человека.

Важнейшими педагогическими принципами Ованеса Саркавага являются: обучение должно идти от простого к сложному, от менее сложного к более сложному, от известного к неизвестному. Способы обучения не вечны и подвержены изменению и развитию; процесс обучения должен быть построен по принципу доступности и наглядности, что в свою очередь определяет и прочность усвоения материала; постоянные практические занятия и упражнения — необходимая основа формирования и развития у учеников внимательности и наблюдательности; основа приобретения знания — целенаправленное учение и упорный труд; всякая сумма знаний или научно-философская истина содержит в себе одновременно момент и

«абсолютного» и «относительного» начал; процесс обучения (и научного познания) идет от незнания к знанию, от неполного знания к более полному, от относительных знаний к менее относительному, от мнения к знанию. Относительные знания — необходимая ступень в бесконечном процессе познания и приобретения действительно истинных знаний; знание любого порядка с необходимостью должно пройти опытную проверку; необходимость учета в процессе обучения принципа смысловой определенности; внешняя природа —высший учитель и наставник обучающихся искусству; творческая фантазия — необходимое условие художественной деятельности; природное дарование — важнейшее условие для создания произведений подлинного («необученного») искусства; познавательная и воспитательная функция произведений истинного искусства; метод единовременного обучения чтению и письму, впервые введенный им в практику школьного обучения в Армении и другие.

Теоретические, методологические, методические принципы и идеи Ованеса Саркавага во многом определили дальнейшее развитие армянской теоретической и просветительской мысли. Многие его труды, в частности календароведческие, в течение ряда столетий использовались в средневековых армянских школах в качестве учебных пособий.

СЛОВО О ЖИЗНИ И СМЕРТИ БЛАЖЕННОГО МУЖА БОЖЬЕГО САРКАВАГА[7]

Он с младенческих лет, с колыбели [...] был посвящен Богу и целомудрию, [происходил] от плоти и крови священнического рода, рос и воспитывался в Ахпатском монастыре у святого дяди своего, уроженца области Парисос. Сначала отдали его учиться духовной музыке, но затем, с проявлением в нем великого сокрытого сокровища, он дядей своим был вверен и поручен вардапету Урчаци. С отроческих лет он выделялся среди себе подобных. Взрослея, стал все более превосходить своих сверстников постоян-

ным преуспеянием, не предавался забавам детских лет на воле и собирал все полезное, что находится во внешнем мире, бережно применяя это с пользой для внутренней чистоты [своей]. Распростившись со всем низменным и земным, с благоразумным вдохновением он [устремился] к мудрости, познал ее сладость, вкусил прелесть мудрых размышлений и [воспылал] любовью к святости [...] В отроческие годы он на многие дни уединялся в ущельях гор, погружался в чтение и занятия. Время от времени он [выходил из своего уединения], шел к стопам вардапетов и слушал их толкования и мудрые притчи [С. 77].

С отроческих лет и до последнего вздоха он никогда не отвлекал внимания души своей от занятий, от чтения — учебы и обучения, неустанных бдений и молитв, отвратясь от всех [мирских] и суетных дел [...] Слава о его благости была так велика, что к нему стекались люди из дальних краев для исцеления своих ран. [С. 77].

Покупатели и страстные любители сокровищ мудрости, придя, располагались у ног сладкоречивого философа и заполняли коробы мыслей соответственно своим возможностям [...]. И все померкшие и угасшие науки предков, сокрытые и преданные забвению по невежеству, отсталости и лености умов, благодаря его трудоемким сочинениям и остроте мысли вновь украсили и возрадовали души любомудрых и любознательных мужей.

Во всех видах слова и дела — в исследовании и доказательствах, в письме и чтении, в историографии и толковании учений пророков и апостолов — он был так совершенен и славен, как никто другой хотя бы в одной из этих областей [...]

Подобно мудрой пчеле, собирающей нектар и аромат с цветов всевозможных оттенков, он наполнял свою мысль [всевозможными знаниями] и нес в место, где был вскормлен — в престольный город Ани и переполнял дом сей изобилием [...].

Окружив себя отроками, он смиренно и с нежной любовью обучал их сложным и глубоким наукам. Прежде всего грамматике, ключа науки, наставника чтения и источника десятка интонаций, с помощью которых разделяются

мысли, распознается сила талантливых и услаждается слух внимающих и которые знакомят с долгими и краткими слогами, с гласными и согласными, со смысловым ударением, с ударением, приходящимся на гласный звук, с восходященисходящей интонацией и употреблением апострофа, дабы не начинать строфу с середины и, поставив запятую в конце в знак окончания мысли и получив иной смысл, не быть похожим на дурного повара, достойного осмеяния. [С. 78].

После этого он посвящал их в тонкие и труднопостижимые сочинения и, применяя каноны правильного чтения, учил постигать смысл содержания, требуя точного определения глаголов и имен [С. 78—79].

Затем он переходил к учению о постижении светил, давал группировать одинаковые и неизменные [числа] календаря для [развития] внимания и наблюдательности. Знакомил с установленными праздниками, с изменением месяцев и годов, делящихся на четыре времени. А также рассматривал то, что заключается в одной четверти и в целом году, полезное и выгодное, содержащееся в сочинениях [велемудрых мужей], [знакомил] с забеганием [дней] вперед из-за високосных годов и с неподвижным календарем. И с обращением календарного круга — с девятнадцатилетним периодом и двадцативосьмилетним полным циклом, с иносказательными речами Аристотеля, и с числовыми промежутками Филона[8], четными и нечетными [числами], и с тем, что возникает из них, с образованием семерок внутри десяток и с невозможностью особого проверочного порядка, когда имеется рост или нет его.

В ристалище подобных и родственных им знаний он устремлял отроческие умы, учил форме вещей, упражнял, оттачивал и разжевывал, запасая [знаниями] о полезном и вредном.

И в ходе обучения у них рождалось доброе соперничество. И в каждом кипела душа, желание превзойти [знаниями] другого. И каждый проявлял столь великую покорность и послушание своему вардапету, что даже когда, порицая за маленькую провинность, он говорил «замолчи», [ученик] умолкал на три года. [С. 79].

ПРОТИВ НЕСВЕДУЩИХ В ДРЕВНИХ УЧЕНИЯХ[9]

Хотя в большинстве случаев по заглавию сочинения всякий с легкостью может составить вкратце представление о той цели, которую оно преследует, однако без знания времени и места, а также без знания личностей, связанных с этими обстоятельствами, он не может овладеть достоверным знанием о мотивах и причинах [его написания]. [С. 140].

Не только о времени [событий] и людях, но и о достоверных вещах [лжеученые] врут с [неприкрытой] наглостью ради книжной известности, давая [волю своему] воображению. [С. 141].

О ПОЛИГОНАЛЬНЫХ ЧИСЛАХ[10]

Любознательные отроки, которые вознамерились и возлюбили искусство [чисел] и благодаря их (чисел) природе сделались неутомимыми и бодрыми, легко достигают по установленным ранее правилам того, чего желают.

Первый ряд арифметической таблицы содержит полигональные числа, начиная от трехугольных до четырнадцатиугольных, расположенных последовательно по группам и основаниям, дабы было легко учащемуся.

А два других ряда [расположены] не так: один [из них содержит] корень, а другой порождение, которые отделены и различены преднамеренно.

А вот с каким намерением сделано это: написано [начиная] от трехугольных [чисел] до четырнадцатиугольных не потому, что именно столько полигональных чисел надобно различать по необходимости, а только лишь для обучения отроков; не столько сколько требует природа чисел, а сколько [может] возбудить и заострить мысль любознательных.

Поэтому я счел достаточным довести их число до двадцатишестиугольных. А если кто-либо захочет продолжить еще дальше, то он может это легко [сделать на основании] данных [таблиц] сколько пожелает. [С. 148].

О ВРЕМЕНАХ ГОДА[11]

Мысли и изречения древних, добытые при помощи исследования и трудолюбия достойны нашего внимания [и изучения]... [С. 252].

Нельзя пренебрегать тем положением вещей, которое было раньше нас и тем более отбросить его, но нужно то же самое подтвердить истинным исследованием, согласуя [с нынешними знаниями]... Всякое знание и всякое искусство приумножается и укрепляется, делается более прекрасным по природе одним путем — усиленным учением и упорным трудом. [Одновременно] учение и труд исправляют ошибки, [идущие] от любознательности, жажды к знанию... [С. 253].

[При помощи] исскусства и науки можно иногда [познать] саму истину, а иногда [лишь приблизиться] к ней. И оба [момента] существуют вместе. Только доля одного [оказывается] больше, а другого — меньше. Будьте далеки от лжесловия и пустых лжемудрствований, ибо бесполезным и напрасным трудом истаскаете жизнь и вместо пользы приобретете вред. Но как ни безмерен труд многоучения и не безмерно старание премудрости, не пренебрегайте от беспечности и лености признанием любви к Богу и добродетельным людям, — что желаннее и приятнее, чем сама премудрость... [С. 255].

ТОЛКОВАНИЕ ПЯТИСОТЛЕТНЕГО КАЛЕНДАРНОГО КРУГА[12]

Краснобайство не в состоянии раскрыть чистую и непреложную истину, подобно тому как созданная художником картина не в состоянии воспроизвести находящееся в движении живое существо, ибо [всякая] картина приблизительна, в ней есть и выдумка, и нечто от лжесвидетельства. Таковы и мысли некоторых летописцев, которые добавляют [от себя], не заботясь о точности сообщаемых сведений, с чем мы не раз встречались во многих сочинениях. Ибо необходимо приложить много труда и усердия, чтобы

постичь соответствие слов и вещей: ведь не слово подтверждает наличие вещи, а, наоборот, вещь подтверждает слово. Исходя из этого и следует устанавливать истину.

И поэтому не нужно внимать словам болтунов, если даже они кажутся достоверными. Ибо вещь обозначается словом, и не правы те, кто употребляет слова вопреки вещам, а принимать слова надлежит, лишь следуя истине... [С. 238].

Хотя ни вещи, ни слова, ни названия в те времена были не такими, какими они являются сейчас. Но так как [в них] и сейчас встречается доля истины, [поэтому] мы не пренебрегли ими, а оттолкнувшись от сделанного, направились к познанию первопричины. Итак, мы отказались упорядочить таким образом и думаю не будучи осужденным и недостойным в глазах ученых. Но мы отвергли не открытия, сделанные наукой или трудолюбие некоторых [ученых], а те неистинные мнения, которые образованы ложью... Кто из любителей учения и последователей истинных мыслей сочтет нужным взять что-либо от них? Ибо многочисленны способы поучения, доступные разуму, из которых нельзя найти ни одного в вымышленных и приторных пустословиях подобных [неучей] [С. 238—239].

О РИМСКИХ МЕСЯЦАХ[13]

Итак, ничто из достигнутых учеными знаний и то, что добыто согласно искусству исследования древних, не становится бесполезным и [со временем] не подлежит забвению. Но мы отвергаем лишь ненаучные и бессмысленные умствования некоторых [лжеученых]... Итак, будь осторожен отрок любознательный, ибо всякое многоучение скудно и достойно презрения без страха и любви к Богу. Именно на этом должно основываться всякое обучение и ты не должен быть равнодушным к благому искусству образования. Потому что философия есть предмет повиновения воле Бога и обуздания упрямых и непокорных умов. И лучше приобрести эту способность к философствованию, чем целые клады золота и серебра [С. 250—251].

ПИСЬМО САРГИСУ[14]

То, что исследуется для какой-либо пользы следует определять согласно [правилам] искусства определения, потому что не только установленным и известным нужно [довольствоваться], а с превеликим старанием всесторонне исследовать [вещь], дабы то, что изучают было познано вместе с его причиной; дабы если и существует нечто скрытое — оно стало доступным, восполняя недостаток [в знании] посредством разумного познания [С. 263].

ТОЛКОВАНИЕ ЕВАГРИЯ[15]

Итак, не разум возбуждает и приводит в движение страсти или страсти [возбуждают] разум, а свободная воля [человека]. Потому и говорят, что грехи не зависят ни от души и ни от тела, а от [свободы] воли [С. 338 а].

[Отчетливое] видение [во сне] зверей или же ярко освещенных дней означает приумножение и усугубление [душевных] недугов, а движение безобразных или безликих изображений указывает на уменьшение недуга. Некоторые же вещи — золото или красивое одеяние еще больше уменьшают [недуг] и приближают душевное здоровье. Я знаю два вида покоя, два способа укрепления и восстановления душевного [равновесия]. Один — от нравоучения и исходит от естественного знания, а другой — от избегания дэвов [С. 339 а].

Порождением человеческого разума являются теоретические и практические искусства. [С. 339 б].

Учение приносит пользу себе и другим тогда, когда практическое [искусство] сочетается с теоретическим [С. 341 а].

Мужеством является не только [овладение] тем, чем спорят [истинные христиане] — повелениями и изучением Священных книг, но и тем, чем спорят наши противники (языческие философы), то есть естественными науками и деятельностью разума, разумным познанием [С. 342 б].

В НАЗИДАНИЕ ОТРОКАМ[16]

Таким же образом [необходимо] приучить и воспитывать слух, дабы не внимать и не следовать тому, что повелевают безбожники и нечестивцы. Наипаче необходимо зажать и затыкать [уши] при злословии, клевете [...], хуле, богохульстве, пустословии, шутовстве, доносах и всего того, что относится к этому роду [вещей]. И если слушать это непристойно и вредно, то насколько [опасно] говорить подобные вещи [С. 85 а].

Будь подальше от лжи или бесполезных разговоров, шутовства, злословия, самохвальства и тщеславия. И все они в совокупности с подобного рода [вещами] подразделяются на различные виды и части, а также на части частей [С. 85 а].

Так как с благоволения Бога и [ради] спасения души нашей недостаточно избегать зла, но [необходимо] также творить добро. Части человеческой души устроены и приспособлены согласно истине благодаря разуму, дабы с их помощью и он сам (разум) философствовал, размышляя о природе и сохраняя в себе все приобретенные знания. Или же исправляя [полученные знания] относительно всего сущего, снова возвращать их обратно.

А о четырех добродетелях трех частей души, противоположных четырем страстям, пристойно сказать. Так, разумная [часть души], которая является в нас совершенством и добродетелью мудрости, так как если мы не становимся мудрее от учения, [то не в состоянии узнать] каким образом порядок и устройство [мироздания] остается целостным и совершенным согласно природе или же как устанавливается согласие между одушевленными существами, так как без знания и разума действуют лишь [бессловесные] животные: иногда гнев, иногда желание, которые [являются] наиболее агрессивными и трудно преодолимыми. Но [страсти] не являются непокорными разуму, так как обогащение их посредством учения и воспитания [оказывается] достаточным, [чтобы] оттолкнуть от себя и приостановить [пагубное] действие страстей, приобрести независимую от них власть и подчинить себе все тело. Потому что [разум]

при приближении гнева повелевает властвовать и усмирять их насильственно [С. 89 а—89 б].

Необходимо знать, что везде и всюду, [во всем достодолжно] определять и выбирать умеренное, то есть то, что подлежит мере. Ограничение и удушение желания и воли является воздержанностью, ибо если разум здравомыслящего человека не заключает [волю] в себе, а [сам подчиняется] ей, то порабощенный разум заражается большим недугом [С. 89 б—90 а].

СЛОВО МУДРОСТИ[17]

Птичка бодрая и веселая, бдящая и говорливая
Зовущая и по-птичьему поющая, журчащая,
испускающая трели [певунья] благочестивая.
Приди ко мне [и я] восславлю тебя, чтобы увеличилась
слава Творца.
[Дабы] я, большой, от тебя, малютки научился
и постигнул бы подлинное искусство [...]
Средь сородичей своих ты весьма медлительна
и внешностью неблаголепна,
Телом чрезмерно малая и последняя в ряду
соплеменников [...]
Однако ты весьма учена в единстве всех частей
души своей,
Благоразумна и благопристойна, справедлива
и неустрашима.
А искусством своим ты и без учителя музыкант
превосходный.
Ты самоучка, обязанный только себе, бездомная
и обитающая в пустыне.
Недоступная и общительная, увеселительница любителей
[музыки].
Сладкозвучная и благозвучная, как и подобает твоему
[истинному] искусству.
Суровоговорящая и плавноречивая, ласкающая нежными
звуками и сочиняющая песнь плачевную.
Повелевающая и молящая, назидательные слова говорящая.

Угрожающая и смиренногласая, ластящаяся, зовущая,
но и отвергающая [...]
К мукам всегда готовая, приобретенным довольная,
Весьма скудной пищей даже не поевши удовлетворенная
Питаемая только пением и живущая его силой
Забавляешься лишь песней подобно высшим существам.
Ты — хулитель ленивцев, неписанное правило
для пустынников
Не только одной, но многими вещами ты добродетельна,
как мы увидели в прелюдии [твоего] пения [...]
В своей неприметности ты великолепна и в незнатности
величава...[...]
Но откуда ты научился говорить на понятном
и непонятном языках?
Приди и научи меня несовершенного ученого,
чтоб я смог понять все это.
Не [оставляй меня неучем], приведя в качестве причины
свою бессловесность, о ты, знаток искусных звуков.
Научи меня своим нечленораздельным голосом и возьми
меня в ученики.
И я воздам тебе — взамен приобретенной [от тебя]
мудрости.
Посвящу тебя потом хвалебную песнь, которая останется
нетленной
Во все грядущие века, неуничтожимой, совершенной
Убедительной и соразмерной
На пользу обучающимся мудрости. [С. 319—320].

О НАЗИДАНИИ ОТРОКОВ[18]

Едины два [способа], которыми научились определять становление всего [сущего], что особенно проявляется в искусстве диалектики, а именно: говорить [о существовании] в возможности и в действительности. [Существование] в возможности — основа и начало того, что станет действительностью в будущем, то есть то, что покамест не существует или же еще не есть чувственно-воспринимаемая сущность, но лишь возможность того, что будет [С. 306].

В соответствии с этим, [если] в настоящее время [нечто] еще не существует в действительности, [то оно может] существовать в возможности. Философствуй о таких вещах. А Аристотель предпочитает о существующей в нас способности к научному мышлению говорить двояко: во-первых, в возможности и, во-вторых, в действительности. В возможности логическое мышление [в равной мере] присуще всем людям, а в действительности — очень немногим, только философам. В возможности [эта способность] существует в человеке по природе, а в действительности она проявляется под воздействием извне, то есть благодаря воспитанию и образованию [человек становится] добропорядочным и рассудительным.

Данное предварительное рассуждение преследует цель показать следующее. Зрелый возраст не позволяет, чтобы внешний мир через органы чувств рассеял [содержимое] разума, но незамедлительно, подобно тискам, с превеликим искусством со всех сторон накрепко соединяет [между собой] и сковывает различные учения премудрости.

Между тем как [отроки] естественно и [постепенно] обучаются правилам научного мышления и соответственно телесному росту постоянно преуспевают и [в приобретении знаний] благодаря упорному труду и [каждодневным] занятиям. Так как с достижением зрелого возраста и появлением медлительности возникают также нерешительность и сомнительность [относительно приобретаемых знаний]

Знание преходящего и изменяющегося прошлого они (отроки) «увлекают» за собой, вмещая его в себя, и делая прошлое понятным не только в настоящем, но и в будущем. Ибо накопленные в отроках [знания] укрепляются в настоящем и становятся достоверными и для будущего. Поэтому можно легко приобрести те или иные желаемые сведения относительно предыдущих знаний [С. 307].

Рассудительность и благопристойность в отроческие годы развиваются быстрее, [чем в годы зрелости]. Тогда же [формируется] действительное благоразумие, естественным образом проявляется способность к добродеяниям; от молодости же исходят заблуждения, обман чувственных восприятий, презрение к различным добродетелям. Она же —

мать целомудрия и скромности, обиталище справедливости, школа храбрости, учитель скромности.

Разуму отроков свойственно от весьма ничтожной угрозы или от усмотрения незначительной неприязни во взгляде кого-либо сильно трепетать и избегать этого [С. 308].

Нелегко сразу преодолеть привычки, закрепленные в течение долгого времени.

А человек становится грубым больше от невежества, чем от дурного настроения и от дурных привычек, не соглашаясь любить и внимать чему-либо: ни законам, ни природе, ни созерцанию божественной сущности.

Мы полагаем, что не только в возможности, но и в действительности разум с детства воспринимает и познает истинное и наиблагое, благодаря чему укрощается и усмиряется натиск разнузданных страстей [С. 309].

[Необходимо] прославлять и воздать хвалу [Господу Богу], и потом лишь исследовать вещи природы вместе с их причинами, [а также] других бесчисленных явлений [...]. Скромный человек, осведомленный и сведущий в [научных] знаниях и [Священном] Писании, не может быть [нравственно] не чистым [С. 310].

От слов твоих ты будешь оправдан, докажешь свою невиновность и от слов твоих будешь обвинен. [От слов зависит] правильное рассуждение и вынесение справедливого приговора [...]. У доброго человека добродушность исходит от доброты его сердца, а злой человек злобствует от [таящейся в его сердце] злобы [С. 312].

Обо всем остальном, что является следствием этого не хочу говорить сейчас, а оставляю тебе самому узнать [это] и поразмыслить, ибо, во-первых, потому что это известно и очевидно и, во-вторых, чтобы не удлинять изложение [С. 313].

И следует знать, что приобретенное [свойство] не в меньшей степени чем естественное является прочным если оно оказывается сообразным человеческим способностям. И различаются друг от друга способность и расположенность [к мышлению], хотя оба понятия и указывают на

один и тот же вид качества, так как способность [к мышлению] определяется как более постоянное и продолжительное бытие. Таковыми являются в частности знания и добродетели, как например, знание о числах есть знание о пребывающем [в данном состоянии] и трудно движущемся бытии [...] Таким же образом [обстоит дело] и с добродетелями [С. 314].

И вот способность отличается от расположенности следующим образом. Способность есть [одновременно] и расположенность, но расположенность не есть по необходимости и способность, ибо те, кто обладает способностью, те соответственно этому обладают и расположением, а те, кто [обладает] расположенностью [к чему-либо], те не обязательно обладают способностью относительно всех вещей.

Итак, если некто слегка приобрел такие знания, то он не сможет с легкостью и быстро изменить их, а совершенные знания — тем более труднее. Подобным же образом и добродетели, приобретенные в действительности, иной раз нелегко бывает превратить в порок.

А расположенность, потому что очень мало воспринимает от чего-то и зависит в основном от естественного побуждения, поэтому случается, что она иногда изменяется [в зависимости] от обстоятельств, наподобие того как во врачебном искусстве [определенные состояния] именуются устоявшимися недугами, в которых изредка происходит изменение. Таким же образом предрасположенность к [овладеванию] наукой или же к какому-либо искусству означает обладание способностью к приобретению знаний, но если нет твердой предрасположенности, [то нет и способности]. Вот я и раскрыл тебе [природу] человеческой способности, не внешних переменчивых и жестко установленных, а глубинных и постоянных причин.

При этом наставнически хочу преподать тебе относительно двух вещей, в первую очередь относительно образа жизни — [практической философии], а затем — теоретической философии; по мере возможностей изучать божественные и внешние учения. Ибо необразованность есть зло и источник [всякого] безрассудства и упрямства [С. 314—315].

АНАЛИЗ «СЕМИ КНИГ» ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО[19]

Те, кто несовершенны в знании и обладают ложным суждением, стремятся воспрепятствовать мне своими речами, но я неоспоримыми и очевидными примерами, которые выставляю [против них], опровергаю их мысли [С. 242 б].

[Некоторые дети] вместо почитания и уважения обижают и мучают отца и мать. И утверждают, что поступают так не по собственной воле, а по принуждению, так как они [мол] родились под той звездой, которая наделила [их предписанием] мучать отца и мать. [С. 244 а].

Те, кто стремится [доказать] истинность своих слов, привыкли сначала упомянуть противоположное, а затем оспаривать его [С. 244 б].

Тот, кто сам является себе судьей и выбирает эти земные почести, титулы и выгоды и считает это пригожим, похож на слепца, который не различает (видит) цвета и на глухого, который не слышит гусанских мелодий. [С. 245 а].

Стихотворство есть [искусство] красноречия, которое умеет украшать и отделывать слова. А грамматиком [является тот, кто занимается] копированием и толкованием писаний.

Если некто кого-то журит и осуждает, то [зачастую] делает ему добро, а тот, кто хвалит и славословит — наносит вред.

Итак, ежели в тебе, в твоих мыслях содержится нечто такое, что не соответствует сказанному, то выскажись смело и открыто, дабы мы [посредством их сопоставления] выявили истину [С. 245 б].

Приди [ко мне], дабы я обучил тебя искусству [грамматики] и ты научился бы залатывать и соединять слова; указал бы место, чтобы ты [мог] построить свою мысль [правильно].

Те, что возжелали стать поэтами без движения души, незаметно сбились с [правильного] пути и, заблудившись, превратились в бесплодных [сочинителей].

Если блаженные достигли некоторой части [мудрости], то этого им достаточно. А то, что они не усвоили остальную часть [сочинения], то поступили благоразумно, ибо не принуждали себя более, чем [того позволяют] их способности [С. 246 а].

Мудрые люди, которые были из города, но пожелавшие благости и целомудрия, удаляются от всяких мирских удовольствий и достатка — от различных одеяний и вкусных яств. А другим восхваляют природу, что мол все это устроено для наслаждения и пользы людей. Я же говорю, что они вкушают [различную пищу] и утверждают обратное. Ибо если [проповедуемое] ими хорошо, то почему они сами не наслаждаются [только этим], а если это ложь и приносит вред, то почему поучают и убеждают нас [С. 248 а].

Какое еще существует благо, чем то, когда [ученик] оказывается в состоянии усвоить и внушить себе поучения вардапета. Легко приобретаемое [знание] бывает и легко отвергаемым [С. 248 б].

Есть такие [люди], которые не слушали и не изучали эти науки. И так они поступают умышленно, ибо когда они совершают непристойные деяния и кто-либо осуждает их за содеянное, то они отвечают, извиняясь, [мол] не обучены и [поэтому] не знаем. А те, кто обладает [способностью] либо от природы, либо [приобрел] благодаря обучению, они знают [как поступать]. И даровал им Бог эту [способность], дабы они наказали неучей как врагов своих [С. 249 б — 250 а].

Хотя книга одна, однако от читателей [зависит] то или иное ее восприятие, чем и объясняется сила слова.

Как чувство любви и сострадания отца и матери [в отношении своих детей] не являются таковыми от рождения, так и мудрая мысль [отличается] от слов тем, что при чтении она становится прекрасной и приятной для слуха.

Неужели искусством и разумом действуют пчела и паук, которые как будто обучены и способны творить? — Нет! [Эта способность] дана им от природы, без участия разума и обучения искусству, ибо [умение] изобретать и искусство являются [достоянием лишь] разумных существ.

Знаниями и мудростью обладают лишь разумные [существа], а не [всякое] одушевленное животное. Как неодушевленные [тела], так и одушевленные, но неразумные [существа, действуют] не разумом и преднамеренно, а независимо от своей воли, лишь [согласно своей] природе [С. 250 а].

Или же обучен тот мышонок, который не успев родиться и подрасти, усердствует нырнуть в норку? [Нет, ибо] часто мы можем наблюдать как [мышь] тянет своего детеныша снаружи в норку [С. 250 б].

[Животные] не подобны даже отрокам, потому что хотя разумное начало и не проявляется [в отроках] в действительности, однако в возможности оно существует в них.

Хотя наука разрастается всякого рода знаниями, однако из них только разумные являются действительным знанием и искусством мудрости. Человек не обладал [знанием] с самого начала, а приобрел благодаря обучению.

Итак, если ты скажешь, что муравей и пчела [обладают разумом, то я отвечу, что] никогда не видел, чтобы они были равно искусными, опытными и творческими [работниками], в одинаковой степени сведущими и в управлении государством [С. 250 б].

Потому что люди, хотя и одинаковы своей внешностью и равны [как разумные существа], однако же знаниями и богатством они не равны, что можно увидеть в домах и городах, построенных и заселенных ими. А пчела и муравей действуют однообразно и в их [действиях] нет никакого различия [С. 250 б—251 а].

Аист, который кормит [престарелых] родителей, делает это не потому, что этим он побеждает и наказывает несправедливость и знает, что это является справедливостью. Однако еще большей несправедливостью является

то, что [аист] не знает, что я поступаю справедливо [или несправедливо].

Неверно утверждать, что животные совершают действия избирательно и согласно какому-либо искусству, но лишь благодаря данному от природы [инстинкту]. И природа наделила [животных] этим общим свойством каждого в равной мере.

Человек вкладывает определенный смысл [в звуки музыкальных инструментов], что и воспринимается слушателями одинаково [С. 251 а].

То, что имеет одно единственное наименование заключает в себе и свою противоположность, так как является [одновременно] и добрым и злым. Добрым, ибо является созданием Бога и злым, так как противоречит Богу [С. 252 б].

Есть люди, которые в своих мыслях заключают зло и легко пользуются всеми благами в жизни, однако их тело не помогает мыслям, так как оно не является сладострастным и алчным. Но бывает и так, что [человек] телом страстно желает что-либо, однако разумом является благопристойным и непорочным [С. 254 а].

Мудрое слово [учителя-вардапета] дает правильное наставление ученикам: остерегаться зла и искать полезное [С. 254 б].

Противники, которые спорят друг с другом, часто приводят излишние и несовершенные суждения, не доказывая ни то, ни другое. Потому что каждый из них стремится доказать [правильность] своего искусства в споре с другими. И называют их упрямцами, ибо египтянин усердствует показать [преимущество] своего геометрического искусства, а халдей — астрономического. Другие поступают подобным же образом. И при этом упорствуют [настолько], что никто из участников спора не понимает другого [С. 256 б].

Тот, кто благоразумно берет на себя раскаяние, тот мало-помалу совершенствуется [в добродетели] и укрепляет [свое духовное совершенство].

Обувь надлежит [примерять] к ноге, а не ногу к обуви, что не является возможным [С. 259 а].

Истинными учеными [мужами] являются те, которые часто посещают философские школы для совершенствования своих знаний и стремятся примирить (согласовать) противоположные вещи.

Хотя и говорят, что разумом одинаковы князь и простолюдин, судья и горожанин, однако [занимаемой] должностью и [родом] деятельности они отличаются друг от друга. И если кто-либо уподобляет их, то он заблуждается [С. 261 а].

В городе пренебрегают и отвергают правду и добро, которые являются благородными [качествами] и восхваляют ложь и зло, чуждых [человеческой природе].

Хотя человеческий разум по своей природе и привык почитать возвышенные вещи, однако какая польза от того, если восхваляют и обожествляют то, что не содержит истину. Необходимо, чтобы дело и слово совпадали [С. 263 б].

Художникам, которые самодовольны и кичатся собою, надобно сказать: искусные и опытные [мастера], вы окажетесь достойными великой славы [только] в том случае, если уподобитесь вашим богам [С. 264 а].

Имеются три вида человеческого благополучия. Первый — добродетельность. Второй — телесное здоровье. Третий — достаток и изобилие.

Подобно музыканту, который не укрепляет половину струн [музыкального инструмента], а другую половину ослабляет, так как это создает неблагозвучие, но ряд струн [натягивает] средне, другие — слабо, третьи — крепко, точно так же разуму необходимо иногда приблизиться к Богу, а иногда пребывать в теле, ибо подобны друг другу эти две добродетели — боголюбие и человеколюбие.

Телесная пища и питье помогают нам и укрепляют [организм], подобно тому, как отроки [умственно развиваются от изучения] грамматики, так как если кто-либо предварительно не усвоил искусство грамматики, тот не может стать сведущим и в других [разумных] искусствах.

Еще большим злом является то, когда люди, хотя и не успевают в деле сотворить зло, однако усердствуют впоследствии, распространяя и приумножая в душе у всех порочные намерения, подобно больному проказой.

[...] Мало что ясно и доказательно выступает в мыслях ученых. Большинство составляет то, что скрыто и неизвестно ученым [С. 270 б].

Иструменты, которыми пользуются матросы, врачи и музыканты, а также лекарства не нужны неопытному, неученому и невежественному [ремесленнику], так как он не в состоянии сделать ими что-либо достойное их предназначению. А опытные матросы, врачи и музыканты владеют ими весьма искусно [и по предназначению]. Точно так же ученый муж владеет [искусством] управления государством.

Добрый и сведущий человек не хвастается [своими познаниями], как слабосильный, и не скрывает их от других, но он говорит, что может познать по мере своих способностей, или же, что знает чуть больше других, или же, что сам этого не знает [С. 271 а].

Трудно, если мысль бездействует и не упражняется. В таком случае она уподобляется камню и другим неодушевленным телам [С. 271 б].

Не достойно похвалы принужденно содеянное добро, [как] и не по собственной воле сделанная вещь. Подобно тому как мы [не по своей воле] рождаемся от порочного или от доброго отца, а независимо от нашей воли. И то, что совершается по доброй воле нельзя располагать рядом (сравнивать) с принужденно содеянным добром [С.273 а].

Случается и так, что добро и зло [внешне] действуют одинаково. Однако их намерения бывают различными. Кроме того, зло выставляет себя в ***образе*** добра, дабы тем самым прикрыть свою порочность. Но если [зло] не действует должным образом, то оно не в состоянии скрыть свою порочность [С. 273 б].

Тот, кто стремится хранить свои пороки в себе и скрывать их [от других], то кто сможет привести его к истине и указать ему правильный путь? — Никто! [С. 274 а].

Философам необходимо познавать мудрость более делом, чем словами.

Люди не в состоянии сотворить все то, что является добрым, но все то, что является [добрым] они могут в себе содержать [С. 275 а].

Те, кто поехал [в другие страны] с целью обучиться тому, чего не знали раньше и, изучив, принес в свои родные края [приобретенные знания], тот и другим доставил пользу. Так как должны считаться слепцами те, кто не отправился за пределы своей страны для совершенствования в знаниях [С. 277 а].

Поэтами [называются те], кто сочинил поэтические произведения [согласно] стихотворной метрике и количеству слогов, дабы они послужили образцом подражания для других.

МАТТЕОС УРХАЕЦИ (ЭДЕССКИЙ)

(XI в. — ок. 1144 г.)

Видный историограф. Биографических сведений почти не сохранилось. Родился в городе Урха (Эдесса) и там же умер в пожилом возрасте. Автор «Хронографии» (с 952 по 1136/37 гг.), состоящей из трех частей. Она содержит описание истории Армении того времени — периода ослабления Арабского халифата, усиления экспансионистских устремлений Византийской империи, нашествия сельджуков. Тяжелые испытания, выпавшие на долю армянского народа, потеря государственной самостоятельности не лишили его оптимизма, веры в лучшее будущее. Это обстоятельство и побудило его написать упомянутый труд, дабы оставить потомкам память о прошлом родного народа. Страстный поборник национальных традиций, Маттеос Урхаеци понимал, что в сложившихся исторических условиях это один из важных факторов существования народа. Именно с этой целью «Хронография» написана в основном на разговорном языке того времени, чтобы она оказалась доступной более широким кру-

гам читателей. Многие ее страницы посвящены описанию состояния культурной жизни страны, просвещения и образования, содержания обучения, деятельности ряда видных армянских ученых и т. д. Урхаеци ставил и другую задачу: воспитать будущие поколения на примерах исторического прошлого. История со своими многообразными событиями и фактами — не только источник знания, она обладает и воспитательной функцией.

Первое издание «Хронографии» на языке оригинала вышло в свет в Иерусалиме (1869 г.). Имеется перевод на французский (Париж, 1858) и современный армянский (Ереван, 1973) языки. «Хронография» Урхаеци была продолжена Григором Ерецом (Пресвитером) и доведена до 1162 —1163 годов. Она содержит ценные и более точные сведения по истории Грузии, Агванка, Арабского халифата, Византии, Болгарии, турков-сельджуков, крестоносцев и т. д., чем и объясняется усиленный интерес к ней со стороны как арменистов, так и византинистов, арабистов, туркологов и других специалистов.

ХРОНОГРАФИЯ[1]

[Часть вторая]

Именно в это время жил сын Аббаса Карсеци царь Гагик, любомудр, глубоко сведущий в философских и риторических науках. Он дискутировал с греческими вардапетами (учеными), в совершенстве знал Ветхий и Новый Заветы, был весьма красноречивым человеком. Подобным же образом и Григор Пахлавуни — сын Васака, который также был человеком обширных знаний. Все его ответы, адресованные греческим [ученым] вызывали всеобщее восхищение. Он был чрезмерно образованным человеком, изучившим все науки, в совершенстве усвоившим Ветхий и Новый Заветы. Он вместе с философами участвовал на собраниях в Святой Софии и вел ученые споры с греческими учеными. Он также принадлежит к ряду вардапетов армянского народа... [С. 120—121].

[Часть третья]

В 550 году [армянского летосчисления][2], обобщив и изложив в этой книге [историю] имевших место в течение 150 лет событий, приостановили наше специальное исследование и эту интеллектуальную работу и дело оставили ученым и мудрым специалистам-исследователям [...] После этого в течение 10 лет мы не проделали никакой работы над этой хронографией, [отказавшись] от искусства письма. Но видя, как божественный гнев бесконечно сыплется на головы христиан, как военная мощь верующих со временем приходит в упадок и крушится, видя, что никто не намерен изучить и изложить [историю], дабы грядущие поколения не забыли об этих разрушениях и бедах, когда придут лучшие времена, вот я с превеликой радостью, будто по Божьему повелению предпринял [этот труд], изложил и оставил [его] в память будущим поколениям. Хотя это [изложение] и не блестит духовным мастерством, оно [не есть] ни духовное искусство и не какой-то путь к добродетели, тем не менее [оно показывает] те притеснения [С. 183].

Итак, необходимо и пристойно, чтобы современники не забыли об этом, записали и оставили память грядущим поколениям, дабы они узнали, что вот это и есть плод посеянных нашими отцами и в семикратном размере пожненных грехов. Вот ради этого я, по Божьей милости недостойный Маттеос, многолетними утомительными поисками в городе Урха Междуречья, упорным умственным трудом изложил [историю] до этого места. Нам остается изложить [события] следующих 30 лет. Это было делом вардапетов и сведущих ученых, но не моим, немощного и малосведущего, однако Бог имеет обыкновение требовать от немощных и малоприметных совершить какое-либо полезное дело. Вот таким же образом и я, немощный, осмеливаюсь сказать это могучим риторам и философам, проницательным ученым и всесторонне образованным исследователям; взял на себя [смелость] представить им свое сочинение, дабы провели через горнило испытания: мы не против этого и не в состоянии противиться им. Птичка, именуемая ласточкой, правда, своим щебетаньем хочет бороться против многих,

однако все же телом она немощна. Но она своей удивительной природой напоминает нас. Каким образом она из ничего — веточками и приготовленным им самой мессивом — в высоких местах и без какой-либо основы строит прочнейшее гнездо, которое и оставляет в наследство своим птенцам? Другие, телом огромные птицы, не могут сделать это — я имею ввиду орла и ему подобных. Другие быстрокрылые птицы, правда, могут совершить другие смелые вещи, но не в состоянии сделать то, что [может] эта птичка. Вот таким же образом образованные и многоученые люди могут искусно и со знанием [дела] исследовать Ветхий и Новый божественные Заветы, но истинно и без колебаний могу сказать: никто иной не смог бы сделать то, что мы подвергли изучению и изложили [здесь] [С. 184—185].

На это предприятие нас толкало не тщеславие, как полагают некоторые, а намерение оставить память грядущим [поколениям] и воспитать их [уроками истории]. Я не обратил внимания на немощность моих умственных способностей, на скудость моих знаний. Кто глубоко сведущ в Ветхом и Новом Заветах, только они в состоянии [посредством] искусства грамматики корректировать и исправлять наши ошибки благодаря своим богоданным способностям. А мы, сколько позволяли наши скудные знания, добросовестно изучили и использовали написанные в различных местах и оставленные [различными авторами] в память о себе многочисленные книги, касающиеся этих тяжелых времен. Мы все это собрали со всей тщательностью [С. 185—186].

НЕРСЕС ШНОРАЛИ (БЛАГОДАТНЫЙ) [1]

(1098—1173 гг.)

Выдающийся поэт, педагог, композитор, мыслитель, церковный и политический деятель Киликийского Армянского государства[2]. Отпрыск знаменитого армянского княжеского рода Пахлавуни. Вместе с братом Григором рос и воспитывался у католикоса Григора Вкаясера[3] (Пахлаву-

ни), затем — сопрестольного католикоса Барсега Пахлавуни. Образование получил в Кармирванкской монастырской школе[4] высшего типа у высокообразованного вардапета Степаноса. Глубоко усвоил богословские науки, армянскую книжность, переводы церковных и «внешних» книг, музыку, науку календаря, искусство каллиграфии. В 1139 году был посвящен в сан епископа, а в 1166 году избран католикосом Киликийской Армении. Нерсес Шнорали поддерживал связи с видными деятелями армянской культуры и науки того времени (Мхитар Гераци, Григор Мличеци и др.). Искусство и литературу он рассматривает в формальном и дидактическом плане. Облекая свои произведения в доступную форму, он признает также правомерность сложного стиля, ибо он пробуждает сонные души, требует напряжения мысли. Сочетание различных стилей и форм придает произведению разнообразие и не докучает слушателей и читателей. Цель поэзии — обучение и воспитание, а стихотворная форма придает этому занимательность и способствует легкому запоминанию. Призвание литературы — в просвещении и воспитании людей, в пробуждении у читателей воспоминаний об историческом и культурном прошлом народа. Он оставил большое количество литературных произведений, написанных в самых различных литературных жанрах (известных и новых) и метрических формах (старых и новых). Нерсес Шнорали — автор первого в армянской литературе исторического повествования в стихах, нового жанра — «Притчи для развлечения людей» и т. д. В своих произведениях для иллюстрации он приводит примеры из окружающего мира. В плане истории просвещения и педагогики особую ценность имеют его дидактико-поучительные стихотворения с их учебно-воспитательным и познавательным характером. Человек должен быть скромным, воспитанным, обходительным, чуждым зависти и жадности — источников зла и пороков. Он проводит идею гармонического развития и воспитания, сводящихся к сочетанию интеллектуального и физического развития. В стихотворном письме к племяннику он советует ему «учиться верховой езде, метко метать копье, быть храбрым и му-

жественным», ибо мужество, умение сражаться с врагом до победы является одной из высших добродетелей.

Данное произведение представляет собой стихотворные поучения, написанные «от лица букв алфавита» и состоит из четверостиший, число которых соответствует количеству букв армянского алфавита, то есть 36. Это «поистине педагогическое произведение, с помощью которого поэт обучает азбуке и в то же время дает отрокам нравственные наставления», внушает им любовь к учению и науке. Другой ряд назиданий написан восьмистишиями — «Пиитическое слово в назидание всем душам от лица наших букв, каждое в четыре строфы». Каждая строфа включала две строки. Они адресованы всем: и детям, и молодым, и старикам, кроме ученых и имеют общенравоучительное содержание (М. Абегян).

Шнорали написал около 300 притч-загадок, которые «преследовали не столько развлекательные цели, сколько стремились в занимательной форме обучать людей, развивать их остроумие», умение наблюдать различные природные явления (М. Абегян). По тематике их можно подразделить на следующие группы: 1) религиозная; 2) историческая и историко-культурная; 3) природная; 4) учебно-просветительская.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ СВ. НЕРСЕСА, КАТОЛИКОСА АРМЯНСКОГО И СВЕТОЗАРНОГО ФИЛОСОФА[5]

II. В царствование благочестивого и добродетельного царя греческого Константина Мономаха[6] и в патриаршество армянского католикоса владыки Петроса[7] муж из царского дома Аршакуни, из рода Пахлавуни, кровный родственник отпрысков св. нашего Григора Лусаворича [Просветиля], сын владельца Бджни [св.] мученика Васака Пахлавуни[8], по имени Григор[9], чрезвычайно мудрый и наделенный недюжинным умом, с детских лет своих обучался духовным и светским наукам по армянским и греческим книгам, пока подобно ритору не овладел философией. Отправившись в престольный город Константинополь, он виделся там с ца-

рем и, достойно своему знатному происхождению, огромным знаниям и уму, был с почестями принят самодержцем и высшими сановниками. На протяжении многих дней он вел с греческими философами беседы, вступая в спор [в истолковании] труднодоступных сочинений философского характера, а также [в вопросах], касающихся церковных законов и порядков, и взял верх над всеми, показав их заблуждение в науке, проявив превосходство над ними своими умными и мудрыми ответами. Вследствие чего он получил от монарха титул магистра[10] и дуки[11] и был направлен в Восточный край в качестве правителя многих областей. Прибыв [туда], он не только своей светской властью надзирал над всем краем, переданным ему в управление, но, согласно воле Божьей, упорядочивал все также в жизни духовной. Он благоустроил обители и церкви, утвердив в них пресветлые божественные правила. Чтил он мудрых и добродетельных мужей и духовенство, богоугодно покровительствуя всем, созывал собрания вардапетов и неутомимо исследовал с ними глубины божественной науки, укрепляя всех в делах добродетели и богопочитания. [С. 90]

III. Он (Григор Вкаясер — К. М.), как скала веры и избранный сосуд, укрепил столпы Армянской церкви и, вновь освятив [ее], прославил подобно святому Лусаворичу и святым переводчикам Сааку и Месропу, ибо он обладал переводческим даром и постоянно изучал творения всех народов и полезное, отсутствующее в // нашей [литературе], он старательно сам переводил, а также [привлекал к этой работе] других искусных [переводчиков]. А затем [переведенное] приносил в дар святой церкви. [С. 91—92]

Он отправился в Иерусалим и поклонился святым местам. Дошел до запада, где поселилось много армян, просветил их души и, укрепив их в вере, прибыл в престольный город Константинополь, встретился с царем и патриархом. Видя столь божественного патриарха, наделенного благостью и мудростью св. Духа, они с большим почетом приняли его, особенно после того, как между ними состоялась беседа, как подобает мудрым мужам [...]. Он превосходно знал греческий язык и литературу, в делах и

словах неизменно проявляя себя как [человек] искусный и образованный: в вопросах был мудр, в ответах — рассудителен и сведущ. [...]. Тогда св. [муж] Божий по своей глубокой мудрости обратился к царю и патриарху с просьбой [разрешить] остаться на некоторое время у них для чтения и пользования рукописями. Согласившись, они зачислили всех, кто был с ним, на довольствие царской казны и приказали, не жалея, давать ему все рукописи. Он оставался там много времени и переводил [на армянский язык] жития святых отцов и истории мучеников, а также сочинения правоверных ученых монахов и хвалебные речи, посвященные праздникам Господним и памяти святых. Затем давал мужам искусным и образованным, которые были с ним, быстро переписать и изучить их. Взяв, они наскоро переписывали, целиком исправляя и шлифуя согласно [законам] нашего языка и правилам каллиграфического искусства. [С. 92—93]

V. Создавал он (Нерсес Шнорали — К. М.) также поэмы размеренным и единообразно рифмованным слогом, подобно творениям Гомера, ибо владел искусством эллинской риторики. Таким же образом он сочинил стихотворные молитвы, начиная от первоотца [нашего] и до скончания века, вливая в них мысли и силу Ветхого и Нового заветов, и сочинял все строфы на единую рифму. Писал он и священные богословские [сочинения] об исповедании св. Троицы и единого Бога и царствия Сына, согласно правоверному исповеданию святых отцов, изложив все это стихами, весьма доступно и приемлемо для всех правоверных церквей и мудрых богословов. Написал он также в стихотворной форме «Плач на взятие великой Эдессы», изложив его столь дивно и сладкозвучно, что он волнует любого читателя. Точно так же он изложил в стихах ранее написанную Мовсесом Хоренаци историю древних армян, начав с титана Бела и предка нашего Гайка и доведя до своих отцов и себя. Он писал также хвалебные речи, посвященные святым архангелам и небесному воинству, и раскрыл в этих речах глубокий смысл, скрытый в Св. писании о них. Он создал также духовные гимны для отправления литургии, приуроченные к праздникам, и даром божественной мудрости освятил все, что касалось их памяти. Расположив в очередности буквы

алфавита, написал он к ним строфы, содержащие многомудрые речи, а также создал духовные назидания, где часто из начальных букв строф слагал святое имя свое известным всем способом. [С. 98]

И так как благодаря образованию в нем были накоплены знания, он постоянно держал при себе наготове чернила для письма. И, не предаваясь праздности, всегда имел на руках [книгу] для чтения и непрестанно искал и исследовал глубокий и скрытый смысл книг [С. 98].

IX. Он (Нерсес Шнорали — К. М.) написал Соборное послание и разослал во все концы мира,—как к [обитающим] на востоке и западе, так и в Срединной земле, и к тем, кто рассеян по всей земле в различных местах; он напоминал всем о соблюдении Божьих заповедей. Епископов и пресвитеров, монахов, князей, воинов, горожан, простолюдинов и всех прочих посословно наставлял каноническим уставом [С. 103]

X. Поэтому он постоянно наставлял близких мудрыми речами, далеким же приносил пользу через духовные назидания, написанные богодарованной рукой своей. [С. 104]

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ КАТОЛИКОСА АРМЯНСКОГО НЕРСЕСА ВСЕМ СЫНАМ АРМЯНСКОГО НАРОДА[12]

Дети от природы любят своих родителей и вскормивших их кормилиц. А в отношении тех, у которых вместо любви [проявляется] ненависть и отчуждение, какая есть надежда заново родить таковых Божественным словом через раскаяние или отечески воспитывая учением и наставляя их страхом Божьим.

Как можно быть вардапетом, учителем и проповедником [...] там, где ученики рассеяны и не собраны в школы, и которые хотят обучиться не истинной мудрости, а лжи и пустословию, совершенны во зле, а в добродеянии несовершенны (подобны младенцам) [С. 57]

Как мы можем уподобиться врачам для зараженных от жала своенравного вишапа душ, стремясь исцелить их от естественных и неестественных недугов, когда сами больные не только не ищут целительное искусство духовных врачей, но и выражают недовольство [в отношении] полезности лекарства если кто-то предлагает обличение или наставление [...]. Не только это, но и возражают им, что, что, «врач, сначала исцели себя от этих болезней и только потом подходи ко мне со своими порицаниями» [С. 57—58]

Как мы можем быть предводителем тех, кто не желает следовать за своим предводителем и идти по царской дороге, ведущей к небу, а предпочитают идти по широкой и просторной дороге, ведущей в бездну ада [С. 58]

Мы делаем то, что нам велено, подобно наблюдателю с высокой сторожевой башни оповещая во всеуслышание о заповедях Божьих. После этого—исполнять или не исполнять их [зависит] от свободы воли каждого человека [С. 71]

Но пусть никто не подумает о нас, будто, считая нас здоровыми от скверны грехов, это целительное лекарство предлагаем только вам, как больным. Однако пусть все знают, что мы больше всех нуждаемся в исцелении своей души. Но как глупому больному [свойственно] отвергать исцеляющее его лекарство, которое предлагает ему больной врач при виде его телесных недугов, точно так же сведущий человек не интересуется состоянием врача, здоров он или болен, но исследует [лишь] полезность лекарства — исцеляет оно или вредит.

Так и вы по причине нашей недостойности и душевных недостатков не пренебрегайте и не отвергайте полезное для души лекарство, которое мы вам предлагаем [С. 71—72].

МОНАСТЫРСКИМ МОНАХАМ, НОСЯЩИМ ВЛАСЯНИЦУ

Хотя вы и обучены боговдохновенным книгам, непрестанно изучая [их] и не нуждаетесь в наших скудных речах (советах), однако, подобно слугам, которые получив от господ своих повеление раздать обед всем, подают его не

только голодным, но и сытым, так и мы, поелику получили Господне повеление раздать духовную пищу всем сослужителям нашим и обязаны преподнести ее всем — как богатым знаниями, так и убогим в науках, как сильным в добродетели, так и бессильным в добродеянии [С. 74]

Пусть никто не думает, будто похищение только крупных вещей считается воровством, а мелких — нет. Такой пусть знает, что хотя между [налагаемыми] штрафами имеется различие [...], однако имя одинаково [для похитителя] и большой [вещи] и мелкой, многих [вещей] и немногих [...] Прозвище вор и [соответствующее] наказание дается всем без исключения, укравшим много или мало [С. 91—92]

Вот определение, по которому человек называется вором и признается таковым. Кто протягивает руку чтобы взять какую-либо вещь, [при этом] оглядываясь по сторонам как бы или хозяин вещи не увидел и не поймал его, или кто-то посторонний не увидел и не упрекнул бы, тот является вором, а содеянное им — воровство [С. 92]

Пусть никто из вас не пристрастится к злословию, [независимо от того] сказанное справедливо [или нет] или несет понапраслину. Потому что какую пользу ты принесешь брату своему, порицая его перед другими. Своими упреками ты причинишь вред себе самому, а он не получит никакой пользы [С. 94]

Итак, пусть никто из монахов не приучает свой язык ни к пустому злословию на кого-либо, ни напрасному проклятию, ни опровержению мнения противника в бесполезных ссорах и вредных спорах, ни [к тому, чтобы] во время спора произносить враждебные и постыдные слова, подобно мирянам, но что не подобает святым [...]

Кем являются те, которые без разбору используют омерзительные и пакостные слова, особенно те, которые приучают свой язык к шутовским и смехотворным словам и уподобляются скоромохам и шутам, которые во время смеха искажают лицо и глупо ржут [С. 94-95]

Поэтому молю вас, чтобы речи ваши не были плоскими и пресными (невыразительными) подобно словам глупых

рамиков[13], но чтобы они были приправлены солью (украшены) [...], дабы принесли пользу слушателям, а не осквернили слух обольщением и отвращением.

Даже тот, кто умеет говорить мудро не должен изрекать полезные и нужные слова очень часто и в неподходящее время, дабы пресыщением не надоесть и не вызвать у слушателей отвращение, а хулители добрых слов не возымели повода для порицания, но надлежит говорить только в подходящее [для этого] время, к тому же мягко и спокойно [С. 95]

ПРЕДВОДИТЕЛЯМ СВ. МОНАСТЫРСКИХ ОБИТЕЛЕЙ

Тот, у кого один глаз открыт, а другой закрыт, то есть обладает либо знанием без добродетельных поступков, либо добродетелью без знания, не полностью [владеет] добром и является несовершенным, так как подобен одноглазому.

Ибо обладающий только мудростью, хотя и может правильными речами научить кого-либо каким образом надлежит идти по праведному пути, однако если он сам на деле не следует по этому пути, то не может убедить и других идти [по этой стезе]. Точно так же и тот, кто только живет праведной жизнью, но не обладает знанием [Священных] писаний, хотя сам лично и идет по пути Божественных заповедей, но так как не умеет должным образом мудростью предводительствовать других, то вследствие этого в церковь проникают многочисленные беспорядки [С. 97]

Раздача пищи также должна производиться соответственно мере труда каждого, больше или меньше. Не игнорируйте старцев и немощных, как бесполезных в настоящее время [...], так как они свою молодость и физическую и умственную силу посвятили служению церкви [С. 98]

СВЯЩЕННИЧЕСКОМУ СОСЛОВИЮ

Пусть никто из вас да не возлюбит слепоту невежества в отношении к священническому учению по причине ле-

ности или мирских увлечений. Хотя не каждому дано одинаково в совершенстве обладать всякого рода способностями, чего Божественный закон также требует от священников, однако в необходимых [вещах] они должны быть безупречными, то есть: церковные книги читать правильно, церковные песнопения исполнять хорошо и лишь после этого придти для рукоположения в священники.

Но относительно некоторых лжесвященников слышим, что они невежественны не только в других науках, вследствие их лености и больше того — безверия, но и псалмы Давида не разучили полностью [С. 129]

Мы слышим о некоторых священниках, что подобно воинам они занимаются верховой ездой и носят оружие и вместе с ними участвуют в скачках, в охоте на зверей, метании стрел из лука и других подобных игрищах, что не приличествует служителям церкви [С. 138]

ПРАВИТЕЛЯМ СТРАНЫ

Итак, завещаю вам первую нашу [заповедь]: не обращайтесь со своими подданными несправедливо, налагая [на них] тяжелые и непосильные налоги, [тяжесть] которых они не в состоянии нести, но установите закон и меру соответственно возможностям каждого [С. 142]

Подчиненных вашей власти людей не используйте как неразумных (бессловесных) животных, которые по природе своей являются слугами человека и не поручайте им тяжелые и невыносимые работы [...] Ограничьте время их работы, обильными кушаньями насытьте их в ходе работы и не нагружайте сверх меры, дабы смогли они своим трудом содержать свой бедный дом и обеспечить жизнь детей своих и уплатить царские налоги [С. 144]

ГОРОЖАНАМ

Завещаю вам, горожанам, торговцам и ремесленникам, чтобы вели праведную и непорочную жизнь.

Пусть никто из вас обманным путем и коварством не продает свои товары невинным покупателям и особенно не обманывает рамика и простака враньем и ложной клятвой [...] Не [относитесь] пренебрежительно к шинаканам[14], как невежам [С. 157]

В НАЗИДАНИЕ ОБУЧАЮЩИМСЯ ОТРОКАМ[15]

Гим[16] накопит тебе тысячи полезных вещей:
Записав урок сей на дощечке
Повесь ее себе на шею,
Ибо она дороже злата[17].

Дайн[18] распахивает перед тобой врата знания
В храме мудрости.
Смело открой их и входи —
Не оставайся вне его из-за лености своей [С. 370].

Жэн[19] поучает быть терпеливым в учении,
Хотя и пощечину можно получить от наставника. —
Смотри на золото, что в плавильном горшке,
Ибо молотьбой оно претерпевает очищение
[С. 371—372].

Пэн[20] предписывает быть скромным и воздержным,
Не наполнять желудок различными кушаньями,
Не прикасаться к вину совершенно
И не раскрывать рот неуместно [С. 375—376].

Вюн[21] сплетает благопристойное слово:
Не многословить пустопорожне,
Не смеяться безудержно,
Не быть сварливым и коварным [С. 377—378].

Пюрн[22] наставляет: старайся учиться прилежно
И от благодати не останешься бесплодным.
И даже если разумом ты туповат
Все равно усердно учение поглощай [С. 378].

* * *

Удостоишься ты зависти людской,
Если усвоишь вышеизложенное мною [...]
Приблизь ко мне слух твой, отрок,
Внемли и повинуйся слову моему [...]
Люби учение благодаря чему почтен ты будешь
И на небесах и на земле [С. 378—379].

ЗАГАДКИ[23]

Разум

Является бескрылым и без перьев,
Но летит он ласточки быстрей,
По разным странам шествует порожним
И возвращается со множеством гостей,
Из разных рек он набирает воду,
Сносит крепкие дома и холмы [С. 211].

Перо (грич)

Название состоит из четверицы букв,
Не будучи живым — вкушает,
И что бы ни ел — обратно изрыгает,
И этим душу нашу он питает.
Начальная [буква] — третье число в десятичном ряду[24],
Конечная — седьмое среди сотен [С. 329].

Айб и бэн (азбука)

Заключает в себе девять четверок —
Что хорошо известно образованным людям.
Половина ее составляет восемнадцать —
Чего не ведают невежественные люди [С. 330].

Грамматика

Увидел искусство я небольшое,
Но весьма полезное и прекрасное,

Содержащее в себе два дверца
И окошек числом восемь[25] [С. 330].

ПЛАЧ ОБ ЭДЕССЕ[26]

Ведь лучше сгибнуть всей семьей
И быть прославлену молвой,
Чем клятве изменить честной
И жизнь купить такой ценой [...]
Призыв на битву, словно вой,
Гудел в домах, над мостовой.
Вождем — забыт сан боевой,
И рядом с ним — бедняк простой:
Все стали равны пред бедой,
Все мыслью спаяны одной... [С. 229].

Друг друга убеждали все:
Быть твердыми перед враждой,
Держаться дружеской четой... [С. 230].

НЕРСЕС ЛАМБРОНАЦИ[1]
(1153 — 1198 гг.)

Выдающийся мыслитель, писатель, оратор, общественно-политический и духовный деятель. Отпрыск известного в Киликийской Армении княжеского рода. В младенчестве он тяжело заболел и родители дали обет посвятить его служению церкви, если поправится. Воспитание и образование получил сначала в Скеврском монастыре[2] у вардапета Ованеса, затем у своего дяди — католикоса Нерсеса Шнорали в патриаршей резиденции в Ромкла[3]. Он проявил большое усердие и тягу к учению и наукам, овладел греческим, сирийским и латинским языками, изучил философию Платона, Аристотеля, Порфирия, Давида Анахта и др., занимался литературной и переводческой деятельностью. Ламбронаци посетил монастыри Черной горы[4], ознакомился с письменными сокровищами их

библиотек. После смерти Нерсеса Шнорали новый католикос Григор Тга[5] *вызывает его в Ромкла, где в течение двух лет он углубляет свои познания в различных областях знания. В 1175 году он был рукоположен в епископы и назначен духовным предводителем Тарса, Ламброна и Скеврского монастыря. Он развернул большую работу по совершенствованию учебно-образовательной программы Скеврской высшей школы, обогащению книжного фонда библиотек, размножению и сохранению рукописных книг в подвластных ему монастырях и церквах. Участвовал во многих внешнеполитических акциях Киликийского Армянского государства, дипломатических переговорах и в управлении страной.*

Нерсес Ламбронаци оставил богатое письменное наследие, включающее многочисленные толкования, речи, послания, таги, шараканы, проповеди и т. д., а также переводы официальных документов и писем, целого ряда сочинений канонического и законодательного характера. Ламбронаци часто апеллирует к различным риторическим приемам, в частности, к повторам, которые используются для акцентирования мысли. Характерная особенность искусства его речей — воздействие на воображение и душу слушателей, наставление и обучение. Его интересовали преимущественно социальные, политические и морально-психологические проблемы. Почти во всех своих произведениях он стремится связать рассматриваемые вопросы с насущными социально-политическими и национальными задачами, выступая с идеями защиты мира, взаимопонимания и взаимоуважения между народами и отдельными людьми независимо от их вероисповедания.

Плодотворной была и переводческая деятельность Нерсеса Ламбронаци. Как знатоку классических языков ему часто поручали перевести официальные документы и письма. Он перевел также «Книгу установлений латинской церкви», «Благославление царей», собрал и перевел «Законы победоносных царей христианских Константина, Феодосия и Льва», «Новое краткое собрание законов», «Законы и скрижали Моисея из книги Исход», «Судебник, извлеченный из книги Левита» и др.

ТОЛКОВАНИЯ[6]

От природы ли зависит, что некоторые [люди] являются смышленными, некоторые — слабоумными, часть — медлительными в разговоре, другие — скороговорящими. И утверждают, что это зависит или от смешения (состава) элементов в теле, или от уподобления предкам (преемственности), или от воспитания, или же от общения (среды) [С. 63 а].

Мудрые предводители выбирают себе советников и с их помощью решают вопросы, как это делали римляне, благодаря чему достигли мирового господства [...] Предводитель, будь то духовный или светский, если самовластно вершит дела, не может обрести спасения... [С. 71 а—71 б].

Приобретение благ и богатства зависит от сноровки и способности создавать, творить, [способности] мыслить и деятельности тела. Этого лишены неповоротливые и ленивые люди, а изворотливые, которые неутомимы в путешествиях, мореплавании и работе — богатеют [С. 72 а].

Почему один от природы имеет добропорядочное поведение, другой — порочное, один от природы является здравомыслящим, другой похотливым, один от природы разумен, другой — от природы глуп? Некоторые утверждают, что это от смешения элементов в теле, другие — от порочного общения (среды), а некоторые—от образования [С. 74 а].

Князья и военачальники, если сами являются мудрыми, держат при себе в своих дворцах мудрых мужей и советников и благодаря им становятся могучими и во всем достигают порядка, а если они являются немудрыми, то и действуют подобно не мудрым мужам, а глупым и разрушают свою страну [С. 143 б].

Все злое и доброе в нас существует не по природе, а согласно самовластной (свободной) воле, так как тот, кто добр может стать злым, а злой — добрым [С. 197 а].

Пусть никто не кичится, что говорит что-то новое или совершает новое дело и бахваляется относительно содеянного, ибо все это раньше и до него [уже] было — и мудрое

слово и достойное деяние [...] Таким образом, человеческая жизнь в этом мире протекает однообразно и что совершали предшественники, к тому же стремятся и потомки [...] Ибо мы делаем то, что делали наши предки, и то, что делаем мы будут делать вновь те, которые придут после нас. И никто из людей не делает ничего нового [...], а [делают] то, что видели и чему учились: строить, сажать, говорить, действовать, править страной и наслаждаться. Эти разнообразные вещи мы восприняли от наших предков и те, кто придут после нас от нас получат то же самое и научатся им [С. 204 а].

Бог сотворил нас лишенными материальных благ в этой жизни, а именно: пищи, одежды, жилища и при удовлетворении этих нужд мы преступаем меру и из-за этой чрезмерности [люди] эксплуатируют друг друга. Отсюда — зависть и вражда, порождающие убийства и лишения и всякие бесчинства. [С. 205 б].

И знай, что закон мира не всегда является достойным одобрения, а в зависимости от времени [и обстоятельств]. Если возможно, то нужно со всеми людьми находиться в мире, но когда это невозможно-необходимо выбрать войну [С. 218 б].

И зависть имеет такое свойство: [она проявляется] в отношении ближнего, а не дальнего, ибо горожанин не завидует воину, а воин — земледельцу, но каждый [завидует] своему сотоварищу: царь — царю, князь — князю, нищий — нищему [С. 225 б].

Человек является самовластным (свободным) и обладает внутренней и внешней волей. Над внешней волей и телом могут властвовать многие, могут насильно подчинить и заставить служить себе, а над внутренней волей — никто и никогда: ни Бог, ни человек, ибо она является самовластной и подчинить ее может только любовь [С. 90 а].

Разнообразны пути, по которым ступает каждый своей самовластной волей: один женится, другой сохраняет целомудрие, кто-то посвящает себя душе, кто-то — политике [С. 175 а].

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЦЕРКОВНЫХ ПОРЯДКАХ[7]

Ошибки земледельца вредят только ему, а царя — всей стране [С. 53].

Кто называется истинно любящим своего сына отцом: тот кто всегда в лицо хвалит своего сына или тот, кто не замечая все добропорядочное, что есть в нем (сыне), выставляет отдельные пороки и наставляет его, беря пример с других отроков.

ПИСЬМО НЕРСЕСА ЛАМБРОНАЦИ... ЛЕВОНУ[8]

Для меня армянин то же самое что и латинянин, латинянин — что и эллин, эллин — что и египтянин, египтянин — что и ассириец. Если бы я был апологетом одного народа, то как я мог общаться с другими [народами], но я между ними, даже если они враги, не вижу разницы и [от этого] только выигрываю [С. 220].

СИНОДАЛЬНОЕ СЛОВО[9]

Любовь не знает зависти, но мы, воспитанные на законах ненависти, стали питать злобу друг против друга. Любовь чужда совместничества, мы же, обуреваемые завистью, не перестаем обоюдно порицать нашу правоту. Любовь не ищет своего, мы же не только ищем своего, но и несправедливым образом попираем права ближнего, стараясь восстановить свои собственные... [С. 199].

Добрый человек производит добро, а не зло; [питает] любовь, а не ненависть, мир, а не вражду [...] Быть побеждаему — вот сущность любви, которая не ищет своего, дабы от этого не пострадало ее благородство; между тем как ненависть всегда направляет меч вражды против ближнего. Зная собственную свою лживость, ненависть избегает укрощения надутой своей надменности. Бывает и то, что она, ослепленная мраком зависти, не узнает истины. Поэтому нашлись люди, которые заговорили языком зависти и злонамеренно не переставали возбуждать в нас вражду; и хотя

эти люди были из числа ученых, однако сладость любви не была им доступна [...] [С. 205].

Не раз я сам подвергал исследованию спорные пункты обеих сторон, как письменные так и устные, и [всякий раз] находил, что они направлены не друг против друга, но против еретиков, ныне уже не существующих. Благодаря ложному мнению друг о друге, они (противные стороны) как непреступную стену воздвигли между собою вражду и, поражая чужих, полагают наносить раны друг другу [...] Распаляя вражду такими суетными вещами, они, конечно, породят величайшее зло. Такого именно свойства страсти, которые христианские народы ныне питают одни против других [...] [С. 207].

Итак, братья, умоляю вас, не отвечайте как дерзкие дети тем, кои, считая нас в заблуждении, стараются о исправлении нашем. [В свою очередь] постараемся при помощи священных книг с любовью исцелять те раны противника, за которые мы до сих пор порицали его с ненавистью. [Вспомним, что] их изнеженность родит медлительность, которая делает их неподвижным, что надменность легко приводит к забвению заповеди, чем они и кичатся; что богатство, обращающее человека в раба, питает их гордость; и что, наконец наука, которую они считают матерью и на которую опираются, делает их заносчивыми [...] [С. 214—215].

Но какие неразумные цари выпали нам в удел и каким образом порядок церковный был ниспровергнут у нас бессмысленными князьями, вы [хотя и] хорошо знаете это из истории, однако же не [будет] стыдно повторить [здесь] заключающееся в ней не порицания ради, но для нашего назидания [...] Не безумию ли [наших] князей обязаны мы тем, что в нашем отечестве Персы неоднократно предавали огню наши книги и разрушали церкви наши? Поэтому мне кажется, что древность учения Греков и непоколебимость их престола свидетельствует об истинности их преданий [...] [С. 225—226].

Безумец, недобрая воля — удел только некоторых из людей; целый народ же не может быть зол по природе, бу-

дет ли он Грек, Армянин или другой какой-нибудь народ; ибо даже между Персами было много избранных [...] Но ты до того ослеплен ненавистью, что порицаешь не только мнение народа, но и целый народ и, с благодарением Господу, отвертываешься от него! Впрочем, нет возможности исчислить все зло, проистекающее от этой страсти. Речь моя своей пространностью уже выступает из своих пределов, а между тем она далеко еще не обнимает собою [всех проявлений] этой страсти, ибо она еще не коснулась многих зол, ею порожденных [...] [С. 227].

Теперь разбери самого себя: ведь ты избегаешь общения со мною не из того, чтобы посредством любви и участия навести меня на путь истины; нет, ты кичишься, а меня считаешь за ничто: это не есть исцеление, но злейшая вражда. А хуже всего еще то, что в защиту ложного своего взгляда ты приводишь правильное предписание апостола. Удалением от своего народа и церкви своей, статься может, тебе удастся кого-нибудь направить на путь истины и приобщить к себе посредством пристыжения; но есть ли возможность приобщить к себе народ, убежденный в своем перед тобою превосходстве и православии иначе, как путем любви и старания [С. 228].

МХИТАР ГЕРАЦИ
(XII в.)

Выдающийся врач, естествоиспытатель, педагог и переводчик. Мхитар Гераци родился в городе Гер[1] провинции Парскахайк исторической Армении, где и получил первоначальное образование. В дальнейшем совершенствовал свои знания в одном из культурных центров Киликийской Армении. Врачебное образование получил в медицинской школе — «бжшканоце»[2], где, по ее окончании, вел преподавательскую работу.

За свои глубокие научные познания Мхитар Гераци был удостоен ученого звания вардапета. Основной труд знаменитого ученого — «Утешение при лихорадках» —

один из лучших оригинальных медицинских трактатов эпохи средневековья, в котором обобщены достижения античной, восточной и армянской медицинской мысли, а также результаты личных наблюдений и материалов, собранных в различных районах Киликийской Армении. Данный труд написан как в научных, так и учебных целях, о чем, в частности, свидетельствует назидательно-дидактический характер сочинения. В нем содержится множество положений методологического, методического и дидактического порядка, как-то: необходимость постоянного совершенствования и углубления в искусстве врачевания, овладения всей суммой знаний, накопленных предшествующими учеными и современниками; изложение материала должно вестись по определенным принципам и канонам; всякого рода сочинения, в том числе и научные, должны излагаться на общепонятном разговорном языке с целью довести знания до широкого круга читателей и слушателей; акцентирование принципа наглядности, значения примеров для легкого усвоения материала и др. Труды Мхитара Гераци сыграли важную роль и в деле разработки армянской медицинской терминологии.

Труд этот, написанный в 1184 году, оказал сильное влияние на развитие армянской медицины, придававшей большое значение наблюдению и опыту. Сохранилась также небольшая работа Мхитар Гераци «О камнях, их качествах и лечебных свойствах». Он написал и специальные труды по анатомии, физиологии, паталогии, фармакопее, от которых сохранились лишь отрывки, включенные в работы последующих армянских врачей. Мхитар Гераци кроме армянского владел также греческим, арабским, персидским и другими языками, что позволило ему развернуть переводческую деятельность. Он перевел на армянский язык ряд естественнонаучных произведений, в том числе знаменитую в средневековье греческую сельскохозяйственную энциклопедию «Геопоника», существенно переработав ее и дополнив собственными наблюдениями и материалами по Киликии. Оригинальные и переводные труды Мхитара Гераци имели важное значение для развития средневековой армянской медицины, внедрения данной дисциплины в систему высшего образования, стиму-

лирования ее специализированного изучения, а также в деле разработки армянской медицинской терминологии.

УТЕШЕНИЕ ПРИ ЛИХОРАДКАХ[3]

[Предисловие]

Я, Мхитар Гераци, ничтожный из врачей, с детства возлюбивший мудрость и врачебное искусство и изучивший письменность арабов, персов и греков, при чтении их книг увидел, что они владели врачебным искусством полным и совершенным, согласно учению древних мудрецов, то есть прогнозом, который является основой знания и учения о врачебном искусстве. У армян же я не нашел вовсе учения и знания о прогнозе, но лишь о лечении, и то не в надлежащем и полном виде [...]

Я пожелал, по мере своих сил, написать эту книгу вкратце только о трех родах лихорадок с прогнозом и лечении их. Оставив в стороне учение о врачебном искусстве в целом, я собрал и изложил на армянском языке только о трех родах лихорадок. Причиной написания этой книги были любовь и благосклонность святого и боголепного католикоса армян Григория, прозванного Отроком [...] Ввиду этого согласился я, во имя необходимости и пользы, составить и изложить эту книгу по греческим, арабским и персидским книгам, по мере своих возможностей, умения и данных мне Господом знаний в их языках и книгах [С. 61].

Привел я в порядок и изложил, согласно расположению четырех элементов, о прогнозе, способах ухода и лечения только трех родов лихорадок, а именно-плесневых и неплесневых, острых и затяжных, с приступами и без приступов, их роды и различия, виды их, собственные признаки и особые проявления, которые возникают после болезней.

Как прежние ученые врачи принимали в основу и за правило врачебного искусства пять обозначений из «Введения» Порфирия к [учению] философа Аристотеля, так и мы изложили и составили эту книгу по канонам старых и но-

вых ученых и назвали ее «Утешением при лихорадках», так как она утешает врача увеличением знаний, а больного излечением милостью и с помощью Бога-Творца. Я изложил это простонародным и разговорным языком, чтобы оно было доступно всем читателям, дабы они поминали нас и молили человеколюбивого Бога об отпущении грехов наших [С. 61–62].

Глава первая

Каждому, кто взял на себя труд заниматься врачебным искусством и стремится к овладению медициной в совершенстве, необходимо хорошо исследовать и познать науку о всех видах лихорадок, предохранять тело от тех причин, которые вызывают чуждую лихорадку, и прилагать усилия больше для лечения лихорадок, чем других родов болезней. Не следует оставлять без внимания самую незначительную болезнь, так как если оставить легкую болезнь без внимания и опоздать, она, усилившись, распространится и одолеет тело [С. 65].

Глава вторая

Для того рода лихорадки, причина которой заложена в трех душах[4], не имеется примера, который во всех отношениях был бы подобен ему, но для того, чтобы было наглядно и легко понятно, возьми в пример мех кузнеца: когда мех втягивает в себя чистый горячий воздух, он обязательно согревается от этого горячего воздуха. Другой пример, по своей природе очень похожий: если хорошо запомнишь и поймешь, [заключается в том, что] в этом мехе будет задержавшаяся влага, особенно когда представишь себе, что пути для входа и выхода будут узкими и задержавшиеся соки не могут пройти и останутся в меху, между тем как воздух пройдет. Этот пример очень похож на природные функции человека [...] [С. 67]

Глава восьмая

[Три вида души] это суть растительная, животная и чувственная (или разумная) души. Признаки ее (лихорадки)

таковы: человек разговаривает сам с собой, бредит и становится озабоченным. Бывают и другие причины — забота, печаль, ужас и страх, волнения, зависть и похоть. Затем нужно спросить больного и узнать, от какой из упомянутых причин возникла лихорадка, о которой мы говорили, и установить признаки каждой из них в отдельности, затем лечи следующим образом.

Если он взволнован, приласкай и успокой его; если грустит, облегчи ему сердце и развесели. Если он озабочен - устрани его заботы и успокой, если он напуган и устрашен, укрепи его дух и устрани его страх; и каждую причину лечи противоположным средством, как это сказал великий философ Гиппократ[5], а именно: болезнь излечивается своей противоположностью, а здоровье сохраняется своим подобием [С. 76].

Глава десятая

Надо знать, что заботы и печаль связаны с различными местами [тела]. Так, однодневная лихорадка, которая происходит от забот, связана с чувственной (или разумной) душой; а если причиной ее является печаль, то она связана с животной душой, хотя они (т. е. заботы и печали) родственны меж собой. Заботы же бывают иногда от ужаса и страха, а иногда от радости и веселья [...]

Укажем также, что забота бывает двоякая: одна, когда человек озабочен чем-либо добрым и благородным, как, например, верой, учением и всякого рода благотворительностью, а другая забота совершенно противоположна первой, как, например, невежество и сознательное обращение сердца ко всему злому и нечистому. Та забота, которая возникает ради добра, делает душу сильной, а тело слабым; забота же, которая по невежеству [направляет] на дурное, укрепляет тело и ослабляет душу.

[...] Чрезмерная умственная работа вредит душе, ибо душа и тело тесно связаны воедино. Поэтому нужно успокоить душу приятными и веселыми размышлениями, чтобы снова восстановить обычное ее состояние [С. 78].

Лечение ее (лихорадки — К. М.) такое: развлеки играми и шутками и всякими мерами доставь ему радость. Пусть возможно больше слушает приятные мелодии гусанов и струн [С. 79].

Но всякое лечение должно соответствовать характеру болезни и силам больного, чтобы болезнь скорее разрешилась [С. 80].

Глава шестнадцатая

[...] Не упусти время лечения, ибо от нее многие получают мозговое заболевание и болезнь принимает очень тяжелый характер [С. 88].

Глава двадцать первая

Врач должен знать причину, которая вызывает эту лихорадку [...]

Причины ее (изнурительной лихорадки — К. М.), главным образом, бывают такие: скорбь и забота, умственная работа, страх и испуг, вожделение и стыдливость, бессоница, длительное чтение, дневное голодание и недоедание и недостаточное питье и все, что сушит и перегревает тело [С. 92-93].

Глава двадцать вторая

Теперь покажу и изложу признаки, уход и лечение каждой из них в отдельности, чтобы познакомились и распознали каждый вид в отдельности и лишь потом пользовали и лечили тот вид, который поддается излечению и отстранились от [лечения] той лихорадки, против которой нет средств для выздоровления [С. 94-95].

Глава двадцать седьмая

Упомянутые нами три вида опухоли, которые называются машара, хумра и флегмона, возникают из крови, которая является их причиной и источником. По этим причи-

нам мы описали и изложили их вместе с лихорадкой крови. Наряду с этим, мы, с божьей помощью, хотим упомянуть об оспе, так как ее причиной и основой также является кровь [С. 128].

МХИТАР ГОШ
(ок. 1130 — 1213 г.)

Крупный армянский ученый-правовед, писатель, педагог и общественный деятель Мхитар Гош родился в городе Гандзаке[1], где и получил первоначальное образование. Затем учился у Ованеса Тавушеци[2] и других известных ученых-педагогов того времени и получил степень вардапета. Вторично удостоился звания вардапета[3] у ученых Черной горы в Армянской Киликии. По возвращении в историческую Армению он удостоился славы и авторитета среди ученых кругов, политических и государственных деятелей, стал духовником и советником Закарэ Закаряна[4] — правителя Армении и амирспасалара[5] Грузии. Сознательная жизнь и литературно-педагогическая деятельность Мхитара Гоша были связаны с монастырями Гетик и Нор Гетик[6] (переименованный в честь его основателя в Гошаванк).

Он оставил множество произведений, среди которых выделяются «Армянский Судебник» — выдающийся памятник средневековой политико-правовой мысли и «Притчи», заложившие основы средневековой армянской художественной прозы, как самостоятельной области художественного творчества. В своих произведениях Мхитар Гош затрагивает ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к школьному делу, обучению, просвещению и воспитанию, многие из которых возведены им на уровень закона. К ним относятся: искусство и наука развиваются не отдельными лицами, а благодаря деятельности многих людей; так как люди по своему нраву бывают добрыми, злыми и средними, поэтому суд и наставление в первую очередь должны быть осуществлены в отношении не заведомо добрых и злых, а средних; не

следует укорять за допущенные ошибки, а надобно исправлять их; учитель может принять на обучение ученика другого наставника лишь с письменного согласия последнего, ибо в противном случае он должен заново пройти с учеником весь курс обучения; критерий подбора учителей — компетентность, преданность науке, нравственная чистота; обучение должно быть бесплатным; функция учителя — в наставлении, обличении и исправлении; общественная полезность всех ремесел, искусств и наук; ответственность за проступки детей ложится как на них самих, так и на их родителей и др. Мхитар Гош подчеркивал поучительно-назидательный характер притч, имеющих, по его мнению, большое значение в деле обучения и воспитания самых широких кругов читателей и слушателей, то есть «неученого» люда, чему способствовали язык и содержание его притч, охватывающих социальные, национальные, житейские проблемы. Особый интерес представляют притчи, касающиеся вопросов просвещения, обучения, человеческих способностей и т. д.

Одна из основных задач «Судебника» — упорядочение и урегулирование общественных и человеческих отношений силой единого для всех без исключения закона. Гош выступает как мыслитель-гуманист: люди родились свободными и равными, чего они лишились впоследствии в результате возникновения частной собственности; смертную казнь следует применять лишь в исключительных случаях. Он существенным образом смягчает все жестокие формы наказания, в том числе установленные законами Моисея. «Судебник» Гоша применялся как в исторической Армении, так и в армянских колониях Крыма, Польши, Молдавии, Грузии и т. д. Он лег в основу судебника Смбата Спарапета и таким образом нашел применение и в пределах Киликийского армянского государства. В XVIII веке он был включен в судебник грузинского царя Вахтанга VI (1703 — 1724 гг.), а через него, опосредовано, и в русское законодательство. Труд Гоша переведен также на латинский, польский, русский и другие языки.

АРМЯНСКИЙ СУДЕБНИК[7]

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВВЕДЕНИЕ, ОНО ЖЕ НАЧАЛО СУДЕБНИКА

Глава I

[...] Выбирать истинное определил Бог, как изначальную природу человека. Посему и мудрецы язычников постановили: кто оскорбит богов, да будет предан смерти, и кто ударит отца своего, тому отсечь руку [...] Напоминая об естественном праве, закон [Моисея] и Евангелие, однако, не устраняют личного начала [...], ибо любовь к самому себе для человека естественна.

Из этих начал второе, а еще больше первое — предоставляет воле [человека] принять учение и прочую добродетель, подтверждая тем самым, что от нашей воли зависит поступать с людьми справедливо [С. 1—2].

Глава II

[...] Зло погасило знание, которым мы обладали от природы; грех обратил совершенное творение в несовершенное; ненависть же предовратила любовь и сострадание.

[...] Ныне из-за лени люди не упражняются в законах (писаниях) пророков и Евангелии, дабы по силе их они могли отличать правый суд. Посему и нашим письменным Судебником мы захотели как бы разбудить их.

[...] Что в настоящее время убыли в нас познания, посредством которых мы могли бы испытывать и выбирать суд соответственно времени, народам и странам; потому мы и решились написать Судебник, сбирая [законы и правила] из писаний, дабы он (Судебник) был незыблемым, подобно законам [моисеевым], писаниям пророков и Евангелию.

Дух тогда (во времена Соломона и Даниила — К. М.) был законом, начертанным в их сердцах, и они не нуждались в Судебнике. Посему апостолы и пожелали благовестить Евангелие устно, но не письменно, пока не явилась необходимость в этом. Также и судебные правила они преподали не письменно, ибо радели об иных, важнейших де-

лах, а разрешили руководствоваться естественными законами, приобретенными знанием и силою Писания. Но ныне мы совратились со всего этого и посему оказались вынужденными написать [С. 3].

[...] Тленная наша природа вследствие многих немощей, душевных и плотских, всегда забывчива в отношении добра. Посему мы, хотя и желаем творить суд правый, но в час суда ошибаемся из-за этой забывчивости, а затем раскаиваемся, недоумеваем и мучаемся сомнениями в действительности или недействительности [обвинения] [С. 4].

Любое искусство и любое дело начинается не одним лицом и не им одним завершается, но многими, ибо искусство образовано отдельными открытиями в их совокупности [...] Итак, пусть никто не осуждает сказанного, ибо, если осуждающий есть невежда — да учится он, если же он совершенный — да восполнит недостаток сего. Мы готовы с любовью пойти обоим навстречу [С. 6].

Глава III

Судебник наш имеет сходство с канонами и мы должны сообразовать их друг с другом, дабы явить это сходство [...] Как канон есть исправитель души, так и суд —исправитель тела, и хотя они отделены друг от друга, но совпадают во многом. Так же душа и тело, которые, будучи по природе два и неслитных существа, соединяясь друг с другом, становятся единым и часто действуют единой волей [С. 6].

Подобно тому, как все Священные Писания установлены для того, чтобы отвлечь людей от грехов, так и Судебник наш стремится отсечь зло и неправду, дабы мы пребывали в любви и доброжелательстве друг к другу. И справедливость, как четвертая добродетель, также обнаруживается на суде, примерно как у золотых дел мастеров: золото вначале бывает скрыто в земле и руде и обнаруживается с трудом; в изделии же оно благородно. То же самое в искусстве стихотворства, которое скоблит лишние и несуразные слова и, очистив, придает им блеск.

Эти и подобные доводы мы привели для мудрецов, дабы они узнали, сколько пользы в Судебнике для всех людей вообще. Судебник устраняет замешательство и смуту и утверждает мир между людьми [С. 7].

Глава V

[...] Нравы у людей бывают троякого вида: добрые, злые и средние. И посему суд не нужен тем, которые заведомо добры и не обижают никого; суд равно не нужен и заведомо злым, например, ворам и разбойникам. Суд нужен тем средним, против которых имеется обвинение или подозрение в чем-либо [С. 8—9].

Итак, судья должен быть опытным, сильным в познании, искусным в Священном Писании, равно как в человеческих делах, дабы творить суд безошибочно. Необходимо, чтобы он был совершеннолетним, вдумчивым, развитым умственно и трезвым, дабы по неведению не совершить каких-либо ошибок. Ибо, если ни в одном малом искусстве кто-либо не может действовать без надлежащей подготовки, то тем паче в великом деле судейском, достойном Бога [С. 9].

Глава VI

И хотя наилучшее во всех делах — это милосердие, но суду приличествует правда, дабы не лицеприятствовать богатому и не потворствовать бедному [...] И хотя судье самому надлежит поступать именно так, других он должен поучать, что сильный не должен притеснять и угнетать сироту или бедного [С. 10].

Судьи должны денно и нощно читать не только книги Ветхого и Нового Завета, но и ловить слова мудрых людей всех народов и размышлять над ними. В словах этих, если они и не будут иметь специального отношения к судебным делам, судьи будут черпать силу и будут подражать самым мудрым людям. Судья должен быть во всех отношениях добрым и благочестивым и пуще всего без гнева, независтливым, дабы при разбирательстве дела тяжущиеся не подумали, что вследствие зависти или гнева судей вынесен не-

правильный приговор. Судьи должны быть также долготерпеливы и милостивы, ибо обстоятельства дел зачастую бывают трудноуловимые и неизвестные [С. 12].

Глава VII

Но здесь необходимо указать возраст [человека] и назначение каждого из них: в возрасте трех лет ребенок начинает говорить; в семь лет — обучаться знаниям; в четырнадцать лет отрок приобретает способность к деторождению; в двадцать лет — способность к военной службе; в двадцать пять лет — может стать священником. Посему я и полагаю, что будет уместно считать человека способным свидетельствовать в возрасте двадцати пяти лет, ибо если в этом возрасте он может представительствовать перед Богом и свидетельствовать в общественных делах, то тем паче может достоверно свидетельствовать перед людьми [С. 14—15].

Глава VIII

Великое и страшное веление Господне ныне мы видим попранным людьми, ибо участилась привычка присягать всуе. В то время как Христос заповедал не клясться вовсе, мы видим, что клятва стала обычным выражением, [употребляемым] без нужды на улицах, на площадях и в спорах не только детьми, но и стариками, не только мирянами, но зачастую и священниками.

Когда возникает тяжба какая между людьми, [последние] не ждут, пока явятся в суд или пока судья разрешит им присягнуть; они еще на пути в суд клянутся не переставая и неистово. Когда же тяжущиеся появляются на суде, и судья велит им присягнуть в правоте притязания, они возражают, говоря, что они присягают не из-за всяких мирских интересов. Те, которые только что клялись многократно и не принуждаемые никем, тем самым хотят показать себя соблюдающими законы. И если кто упрекнет их в праздной клятве, они оправдываются, говоря — мы клянемся, мол, только потому, что другие не верят нашим словам [С. 18].

Мы сказали — не разрешается нам клясться потому, что этого не разрешил Господь. Но мы устанавливаем

настоящие определения и каноны против зловредных привычек и праздных клятв [...]

Не для того Бог принял человеческий обычай, чтобы подчиняться закону, — он принял его, дабы учить нас непреложной верности присяге по нашему же обычаю [С. 19].

Детей не следует допускать к присяге, ибо они в возрасте незрелом и не разумеют страха перед судом Божьим. Не следует давать присягу и старикам, ибо они близки к смерти, — как бы не умерли без раскаяния. Не допускать к присяге и больного, ибо он тоже близок к смерти,— как бы не умер без раскаяния,—пусть он присягает по выздоровлении. Пусть не присягают и отбывающие эпитимию, дабы не нагромождать греха на грех. Не допускать к присяге также женщин, если они посвятили себя церкви или отбывают эпитимию, или известны своими неблаговидными поступками, или малолетние, или старухи, или близкие к родам. Мытарей, пьяниц и грешников не допускать ни к присяге, ни в свидетели, пока они не раскаятся. Говорю об этом назидая, но не законодательствуя, ибо и о присяге говорил я не повелевая, а назидая [С. 22—23].

[...] Если ныне мы вводим эпитимию мягкую и снисходительную, то делаем это не потому, что приятно нам преступать правила наших предшественников, а потому, что хотя они ввели эпитимию суровую, но люди упразднили ее вовсе. Мы же устанавливаем легкие меры, надеясь, что, вводя неограниченное в определенные пределы, быть может мы сумеем вернуться к прежним нравам [С. 23].

Глава X

Собираясь письменно закрепить наш Судебник, мне необходимо указать писания и народы, из которых и у которых заимствуем его, дабы известна была истина и никто не оставался в заблуждении [полагая], что мы составляем его на основании собственных измышлений [С. 27].

Мы положили ему (Судебнику — К. М.) начало и необходимо, чтобы он вырастал постепенно и все время,

вбирая в себя по порядку все будущие судебные решения мудрых людей и, пополняясь мало-помалу, совершенствовался и сделался совершенным [С. 28].

[...] Будет ли писаться она (эта книга — К. М.) нами постепенно или многими и в разные времена, [обстоятельство это] является ее достоинством, а не недостатком, лишь бы недочеты ее пополнять правильным воззрением и благосклонными суждениями. Но приличествует, чтобы состав//ление Судебника было произведено соборно или путем рассмотрения его многими лицами [...] Мы прибегаем к помощи писаний, приводим в свидетели их авторитет и веления, в особенности содержащиеся в них суды по действительно происходившим делам, равно и достоверные законы каждого народа в отдельности, в том же виде, как мы слышали о них и видели их. [С. 28—29].

Глава XI

КРАТКАЯ ПАМЯТКА

Хотя желать лучшего и быть непогрешимым во всем естественно для каждого из нас, но это невозможно, поскольку природа наша пребывает в состояниях становления и разрушения. И если это верно в отношении весьма искусных ораторов, то тем паче верно в отношении меня [...]. Посему прошу и умоляю всех, грядущих в разные времена отцов и братьев, исправлять ошибки, которые при чтении будут встречаться не в малом, а в большом количестве, и восполнять, как указано выше, действительные недочеты [...]. Но если вы, верные нравам нашего народа, будете укорять меня в моих ошибках, а не исправлять их, то, зная подобную привычку наших гайканцев, зная вполне меру себе, не буду винить вас за это. Если же вы встретите наш труд с любовью и восполните недостающее в нем с доброю волей, то получите от Господа возмездие за свои добрые дела и в муках своих накопите в церкви сокровища благ и оставите в ней добрую память о себе [С. 29—30].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦЕРКОВНЫЕ КАНОНЫ

Статья 3

Удостоить кого-нибудь звания вардапета могут двое или трое вардапетов, хотя бы удостоенный этого звания был учеником лишь одного из них; [но] при этом вардапеты эти заручаются согласием епископа, а тем более согласием и патриарха и князя. В крайнем же случае утвердить в звании вардапета могут двое или трое вардапетов.

Вардапета же, назначенного или избранного одним вардапетом единолично, предоставляется право отстранить [...]

Если кто, получив наставления у одного вардапета, возгордится и, пренебрегши своим воспитателем, примет звание вардапета от другого, то решение суда пусть будет такое: или вторично пройти ему учение у этого второго вардапета, или же, раскаявшись через должное покаяние, исправиться в учении у своего прежнего наставника.

Вардапет, присвоивший кому-то звание проповедника без согласия наставника последнего, должен нести наказание, если не раскается в содеянном; раскаявшись же, в порядке установленного покаяния, пусть удостоится прощения того, кого он пренебрег, призвав в проповедники воспитанника без его согласия [С. 38].

Вардапет может принять к себе ученика другого вардапета не иначе, как с письменного согласия последнего; если же он, пренебрегая им, примет [без его согласия], то пусть будет решение такое: принявший обязан начать учение сначала, хотя бы ученик тот уже учился, или же, раскаявшись, должен оставить ученика под властью бывшего его наставника [С. 39].

С тех же, кто готовится получить звание вардапета-проповедника, следует требовать отчета в их знаниях письмен с указанием, где и у кого он учился; и это необходимо потому, что, будучи часто в обьездах, мы не обращаем внимания на учение; [это необходимо] для того, чтобы несовершенные не могли обманным путем получить высокое зва-

ние и тем самым не могли вследствие своей незрелости, причинить вред.

Порядок этот пусть соблюдается в отношении готовящихся к званию вардапета; но самое присуждение звания вардапета вообще должно происходить по избранию.

В вардапеты должны выдвигаться не самовольно, по желанию [заинтересованных]; выдвигать их должны их успеваемость, страх Божий, самоусовершенствование; и лишь после того, как убедятся в этих и прочих подобных достоинствах, тогда только под влиянием душевного движения и с чистой совестью пусть призовут их к служению слова Божьего.

Выскочки же и те, которые будут добиваться звания вардапета, пусть умолкают, пока не исцелятся от этих пороков, дабы сами, больные душою, не заразили многих других [С. 39—40].

Вардапетов же праздношатающихся и алчных, [равно как] появляющихся всюду с целью показать себя учеными; служителей чревоугодия и прочих пороков; людей продажной речи и хулителей страстотерпцев справедливо заставить молчать и, отобрав у них посох, оставить им палку странника.

Если случится вардапету пойти в гости в чужой монастырь, где также находится вардапет, то пусть не побеседует с последним без оказания ему полагаемой почести; пусть он беседует сначала с младшими братьями, а затем только по желанию всех их и упрашиваемый ими, побеседует с настоятелем. Но если гость из заслуженных отцов и настоятель пожелает, чтобы сам сперва беседовал с ним, пусть беседует; однако пусть [при этом] гость не многословит, не смущает хозяина // (настоятеля) и не унижает достоинства его в глазах остальной братии.

Если же он нарушит сие правило и начнет разглагольствовать дерзновенно и без спроса, то пусть будет поставлено решение: позорно удалить его. [С. 40—41].

Статья 112

Взимание платы за обучение детей не полагается каноническими правилами. Учителям приличествует брать на

себя полное содержание детей-сирот. Если же у детей имеются родители, то последние обязаны доставлять своим детям лишь пищу и одежду. Если же родители в состоянии и по доброй своей воле сделают подношение учителям, то духовные сеятели заслуживают того, чтобы жнать земное, но ничего не требовать с них, если они бедны.

Если же кто [из учителей] пойдет против [сего предписания] и будет понуждать родителей к плате, то справедливо, чтобы уплатили ему лишь то, что ребенок издержал, но не [вознаграждение] за духовный дар (за обучение) [С. 117].

Статья 115

Вардапет не вправе изгнать священника и лишить его сана; он может лишь отлучить его. Вообще он вправе наставлять, обличить и исправлять всякого, кто принадлежит к духовному чину; изгнать же духовного может лишь начальник, то есть тот, кто рукополагал его, ибо вардапет властвует над всеми [лишь] разумным словом. Властвует над всеми католикос; над ним же имеет власть не кто-либо, а лишь посвятившие его. [С. 130].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СВЕТСКИЕ ЗАКОНЫ

Статья I

Царствовать же, хотя и полагается старшему (из сыновей царя — К. М.), но пусть посадят на престол наиболее способного из них [С. 141].

Земледелие, кузнечное дело и плотничество — необходимые и полезные искусства, и притом множество [населения] занято в земледелии. Еще большим почетом должны пользоваться железоделатели и деревообделочники. Врачевание — искусство разума, идущее на помощь нашему телесному существу; потому и оно должно быть в почете. И, хотя все искусства, кажущиеся менее важными — весьма необходимы, но те из них, польза от которых для казны не-

большая, пусть почитаются скорее как общественно полезные. Однако, из всех искусств разума наиболее полезным, необходимым и спасительным, является богословие, которое должно пользоваться предпочтением как у князей, так и при царском дворе, ибо оно — отец общий и врачеватель душ.

Люди, занимающиеся чтением настоящих моих законов (т. е. законов о царском суде), будут высмеивать их, уподобляя меня человеку, которому во сне мерещится царство и много другого приятного; пробужденный же от сна, он оказывается лишенным всего. Но пусть знают они, что мы не забываем, как преходяще и изменчиво всякое царство земное, тем более наше царство, ведь бывшего нет больше среди нас и настоящего нет у нас, видеть же его в будущем-не доведется нам.[8] Однако восполняем его своим заветным желанием и спешим сохранить в целости целесообразность наших предложений [С. 148—149].

Статья 4

За смертоубийство, [происшедшее] между детьми, убийца, если он старше двенадцати лет, несет полную ответственность за кровь и облагается соответствующим штрафом; если он моложе этого возраста, как [например], одиннадцати или десяти лет, подвергается штрафу в половинном размере; если же моложе десяти лет — в размере одной трети. И, хотя в отношении других преступлений каноны предписывают не вспоминать грехов юности лиц моложе пятнадцати лет, но для данного случая [решение свое] мы сочли законным. И, хотя, Судебник мой местами кажется отступающим от канонов и противоречащим им, как [например], в отношении наказания мужчин и женщин, но мы дерзнули на это, имея указания в исследованиях учителей [С. 150].

Статья 23

«Кто ударит отца своего или мать свою, того должно предать смерти» (Исход, XI, 15).

Таково [наказание] по закону [Моисееву]. По канонам же полагаетея эпитимия[9], по своей тяжести равная эпитимии за смертоубийство.

По нашему же суду пусть будет так: если [виновный] действовал по неразумению или малолетству, родители должны простить его; если же он действовал дерзостно и с пренебрежением, то родители, после многократных [но безуспешных] телесных наказаний, вправе в присутствии священников и старейшин отречься от него и лишить его наследства. Но если вернется с добровольным и искренним раскаянием, то пусть будет вновь принят [родителями] [С. 159].

Статья 119

Многие из врачей наносят немало вреда или тем, что испытывают лекарства на других; или злоумышленно убивают лекарствами; или по невежеству дают больному вредоносное лекарство; или по неопытности своей не умеют распознавать болезни и вследствие этого причиняют смерть больному; или относятся к больному беспечно и причиняют вред больному из-за того, что не получают платы в ожидаемом ими размере; или из зависти к своим ученикам обучают их неправильно; ученики же со своей стороны по незнанию творят много бед; или же врачи сами или через своих учеников вводят в больных пороки других болезней, все эти преступления мы признаем умышленными.

Неумышленно же, когда вред происходит от беспечности лиц, ухаживающих за больными, или от самого же больного, или когда больного лечат не по указаниям врача; или же когда врач не может явиться к больному вследствие какой-либо крайней необходимости и умирает больной; или когда врач сознательно дает лекарство жизни, но оно вызывает смерть [С. 217—218].

«БАСНИ» Мхитара Гоша[10]

Муравей

Муравей проворен в работе и весьма находчив, но завершает он свое дело стойкостью и терпением [С. 17].

Медведь и муравей

Медведь разрывал лапой муравейник, языком слизывал муравьев и ел, и муравей придумал способ убить его. Отправившись к осе, к оводу, к комару, к клену, к шмелю и к им подобным, молит он их, как своих сородичей, помочь. Они разделяют заботу муравья и жалят медведя в глаза и уши. Бился он головой о камни, и пошли у него нарывы, даже черви завелись, и от ужасной боли, разинув пасть, он ревел. А мелкота, проникнув в его чрево, ранит его внутренности. Будучи затравлен, медведь устремился к потоку и, слишком глубоко погрузившись в воду, утонул.

Сила этой басни вот в чем: сильные слабыми пренебрегают и не боятся их, но мудростью укрепляются малые и побеждают сильных, и вот мудрость: малых опасаться, как великих [С. 35].

Удод

Удода, хотя он, по праведности своей, и питает своего престарелого отца, многие упрекали за его дурной запах.

А он, найдя благовонное вещество, припрятал его на груди, но не смог скрыть своего зловония. [С. 37].

Буйвол-землемер

Буйвол пожелал стать землемером. И наскучило ему измерять, отправился он и улегся в камышах, а учитель упрекал его в лености. А он ответил: «Разве только землю нужно измерять? Буду я водомером» [С. 41].

Глупец и врач

Случилось как-то Галену поучать относительно телесного здоровья: «Кто будет осторожен в еде и пище, тот не будет нуждаться в нашем искусстве».

Некто, слыша это, не стал ни есть, ни пить, и от этого приключилась ему тяжкая болезнь, и стал он бранить Галена. А тот, услыхав, говорит: «Разве ты не знаешь, безумец,

что мы не создатели природы, а ее помощники? Почему же ты не уразумел моих слов и соответственно не действовал?». [С. 42].

Платон и слоненок

Слон отдал сына учиться философии у Платона. И тот сначала приучал его сидеть в аудитории поджав ноги, а слоненок не мог; приказал ему наклонить голову, но и этого он не смог. Вернул его отцу и сказал: «Твоему сыну подобает быть в царском дворце, всегда пребывая на ногах, а вовсе не в моей аудитории, так как он не может ни сидеть, ни склонять голову». [С. 56].

Скворец и поп

Скворец отдал своего сына в учение на священника. А сын все норовил свистеть и щебетать. И священник поучал его налегать на славословия и псалмы, от чего возникают в душе скорбь и покаяние. А тот все больше резвился, говоря: «Искусство моего отца — источник радости, а твое — печали». И став глух к учению, возвратился к себе домой [С. 59].

Солнце

Некогда солнце возомнило о себе, что оно бог. Это было при восхождении. А когда, склонившись, скрылось под землею, познало свою природу [С. 59].

Рыбы и царь

Рыбы были обвинены их царем: «Почему вы едите других, мелких рыб?»

А они смело говорят: «Потому, что научились у тебя: когда многие являлись поклониться тебе, ты, проглатывая их, обратил их себе в пищу». Вследствие этого они сами еще более осмелели [С. 65].

Унаб и дурень

Какой-то дурень срубил дерево унаб, приняв его за держи-дерево. А унаб, разгневанный, сказал: «О, безжа-

лостный, растение надлежит узнавать по плодам, а не по внешнему виду». [С. 66].

Кузнец и медник

Медник и кузнец, породнившись, раз стали похвалять-ся каждый своим ремеслом; заспорив, они даже пошли на суд к старцам.

И признали те более почтенным кузнеца, говоря: «Полезный для всех — достоин почета».

Эта басня показывает, что нет ничего более достойного почета, чем полезность для всех, как в телесных, так и в духовных делах [С. 68].

ВАРДАН АЙГЕКЦИ
(XII—XIII вв.)

Баснописец, видный представитель нового течения в духовной культуре средневековой Армении, светской художественной литературы. Родился в местечке Марата области Тлук[1], где и получил первоначальное образование. Совершенствовал свои знания в монастыре Аркакахин на Черной горе в Киликии. Получив степень вардапета, занялся проповеднической деятельностью. В 1210 году обосновался в монастыре Айгек[2] (отсюда — Айгекци), где усиленно занимался литературным творчеством, вел большую переписку с духовными и светскими деятелями. Темы его произведений в основном не новы, но они облекаются в совершенно новые, своеобразные формы. Он создал «особый литературный вид» — проповеди с притчами, поучения, которые отличаются ясностью и простотой, легкостью восприятия и усвоения, гармоничностью. Его речи — образец живой, непосредственной беседы со слушателями и читателями, не только с современниками, но и с будущими поколениями. В своих поучениях он бичевал различные человеческие пороки: прелюбодеяние, коварство, гордынь, корысть, сребролюбие, пьянство, чревоугодие и

т. д. и восхвалял средневековые добродетели: благотворительность, призрение бедных, раскаяние и др.

Произведения Айгекци не только поучительны, но и познавательны. Они отражают различные стороны социальной действительности, социальные противоречия эпохи. Он — сторонник примирения социальных антагонизмов. Предполагают, что Айгекци, отделив притчи от речей составил один или два сборника, которые впоследствии обогащались народным творчеством. Сборники притч получили широкое распространение в средневековой Армении. Они использовались в школах для обучения толкованию притч, так как из учеников готовили и толкователей текстов, в качестве иллюстративного материала в проповеднической деятельности, занимательных книг для чтения на духовные и мирские темы.

В 1668—1698 гг, один из сборников притч Вардана («Книга басен, что зовется Лисьей книгой») выдержал четыре издания. Он был переведен на арабский язык для арабов-христиан, а затем и на грузинский.

«БАСНИ» Вардана Айгекци[3]

Куропатка и охотник

Охотник поймал куропатку и хотел ее зарезать. Говорит куропатка, плача: «Не режь меня, я пригоню для тебя очень много куропаток и предам их воле твоей». И говорит ей охотник: «Сейчас ты умрешь от руки моей, ибо предаешь на смерть ближних своих и племя свое» [С. 21].

Лягушка-врач

Лягушка навесила на себя ступку и банку для мази, бродила всюду и говорила: «Я врач, ученый, и от всех болезней я знаю лекарство». И собрались к ней все животные для лечения. Пришла лиса и, увидев этого врача, говорит: «Ты сама вся, от головы до пят, в бородавках и прыщах, а других врачуешь» [С. 23].

Паук

Паук по природе своей ткет паутину, чтобы охотиться, но иногда столько наткет, что заболевает и умирает. А плод его трудов — какая-то муха [С. 26].

Львица и лисица

Львица родила львенка, и собрались все животные, чтобы повидать его и принять участие в празднестве. Приходит лиса и во время торжества, среди всего этого собрания, громко упрекнула львицу и поносила ее: «В этом ли твоя мощь, что рожаешь одного детеныша, а не многих?» Львица спокойно ответила: «Да, я рожаю одного детеныша, но рожаю льва, а не лисиц, как ты» [С. 31].

Обезьяна и рыбак

Обезьяна имеет привычку, видя, что делает человек, делать то же самое. Увидела обезьяна, как рыбак закинул сети, чтобы ловить рыбу, а сам ушел обедать. Спустилась тут она с дерева, взяла сеть, хотела подобно рыбаку закинуть ее, но запуталась в ней и говорит: «Поделом мне, ибо я взялась за то, в чем несведуща» [С. 46].

Крот

Крот по природе своей постоянно роет землю и нигде долго не пребывает; говорят, что он скверно пахнет, сам от своего запаха переходит с места на место, думая, что запах — от места, и то тут, то там роет ходы. А запах-то — от него самого [С. 50].

Кровать должника

Какой-то старейшина в царственном городе Константинополе задолжал без числа и без меры; никто о том не знал, а сам он вовсе не беспокоился, но беззаботно спал. А когда он умер, выяснилось, что он кругом в долгу. И кесарь,

услыхав об этом, сказал: «Принесите мне его кровать, ибо она чудотворна и дает сон человеку. Удивительно и достойно восхищения, как мог спать имеющий столько долгов!» [С. 52].

Петухи

Два петуха дрались на улице, и один победил другого. Возгордившись, он взлетел, взобрался на высокую кровлю, стал там надменно расхаживать, петь и топорщиться по случаю своей победы, гордясь ею. Но вдруг налетел орел, подхватил его и унес в небеса [С. 54].

Рак и рачата

Рассказывают, что рак наставлял своих детенышей ходить по дороге прямо, а сам шел криво; они же, видя, как ходит мать, так и шли. И когда мать с угрозою наказывала им ходить прямо, то они говорили: «Как ты ходишь, так и мы!» [С. 64].

Вепрь и лиса

Вепрь с великим прилежанием и стараньем оттачивал свои клыки. Пришла лиса и говорит: «Чего ты стараешься, ведь пока нет опасения войны и сражений?» И говорит ей вепрь: «Молчи, негодная лисушка, ты ничего не понимаешь в войне. Кто сможет тогда быть свободным от дела и оттачивать свое оружие? Оружие надлежит оттачивать тогда, когда не занят» [С. 75].

КИРАКОС ГАНДЗАКЕЦИ[1]

(ок. 1202 — 1271 г.)

Выдающийся армянский историк, видный общественный и церковный деятель Киракос Гандзакеци родился

в «стране Гандзак»[2]. Воспитание и образование получил в одном из прославленных учебных заведений того времени — монастыре Нор-Гетик (основанном Мхитаром Гошем), под руководством вардапета Ованеса Ванакана (Тавуши)[3] — крупного педагога и историографа. От него же Гандзакеци впоследствии получил вардапетский сан и жезл. Он владел армянским, персидским, турецким, арабским и монгольским языками. После нашествия на Армению войск хорезмского султана Ванакан со своими учениками перебирается во вновь основанную им пустынь Хоранашат. В 1236 году монголы разрушили школу Ванакана, а его вместе с учениками угнали в плен. В плену Киракос Гандзакеци благодаря знанию языков был назначен писарем и секретарем монгольского военачальника. Вскоре он бежал из плена и вновь обосновался в Нор-Гетике, где и провел большую часть своей жизни.

В 1241 году он приступает к изложению своей «Истории Армении» — общепризнанного первоисточника по истории монгольских завоеваний и политической истории государства Хулагуидов, общественному строю монголов, их быту, нравам, языку, а также политической истории всего Южного Кавказа (Закавказья) и стран Среднего Востока. Кроме того «История Армении» Киракоса Гандзакеци содержит достоверные и ценные сведения о Нор-Гетике — этом крупном просветительском очаге средневековой Армении, о других школах, функционирующих в то время, о выдающихся деятелях науки, культуры, образования и общественной жизни, о состоянии школы, содержании обучения и воспитания в армянских школах.

Киракос Гандзакеци высоко оценивает научную и воспитательную роль и значение исторических сочинений, ставя их в один ряд с божественными писаниями. «История Армении» целиком или частично переведена на латинский, английский, французский, русский и современный армянский языки.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРИОДА, ПРОШЕДШЕГО СО ВРЕМЕНИ СВЯТОГО ГРИГОРА ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ, ИЗЛОЖЕННАЯ ВАРДАПЕТОМ КИРАКОСОМ В ПРОСЛАВЛЕННОЙ ОБИТЕЛИ ГЕТИК[4]

Коренится промыслом Творца в природе человеческой страстная любознательность, дабы он (человек) изучал события как прошлого, так и грядущего.

Иного способа уразуметь и понять это, кроме как долгими стараниями и упорным трудом, нет.

Работать [должно] через силу и тяжко трудиться до изнурения, надеясь найти нечто полезное, и кто знает, может быть, и исполнит всемогущий вожделенные мечты ищущего.

Апостольски трудиться и не пройти без пользы мимо истории времен — внутренней и внешней.

Крепко знать и веровать в душе, что это всемогущий дал знания невеждам и одарил разумом несмышленых. Надо твердо веровать в него, без сомнений и слабости.

Одна лишь воля Его создает и творит все видимое и невидимое.

Свято и прямодушно следует прислушиваться ухом — внешним и внутренним —к божественным речам и книгам историческим, кои могут привести ищущего к искомому [С. 43]

Каждый из этих святых мужей[5] взял на себя заботу — оставить запечатленную письменами добрую память [о себе] грядущим [поколениям] к пользе слушателей и как награду им, святым, как незабвенную память до дня [пришествия] Христа.

Наше же начинание пусть никем не будет сочтено за дерзость, но скорее за благое дело, ибо разум наш вынуждает нас не умалчивать о таких бедствиях и несчастиях, о которых мы слышали своими ушами и [которые] видели своими глазами [С. 45].

Каждый из прежних тружеников находил место, с которого начинал [повествование]: либо [правление] прославленного царя, либо родоначалие знаменитых родов. Мы же лишены всего этого, ибо царство у нас — как Аршакидское, так и Багратидское — давно пресеклось [...]

Почему и умоляем вас, пришедших после нас, не хулить наш труд как проявление невежества, не насмехаться и не пренебрегать им, а отнестись по-братски снисходительно и сохранить его на память в грядущем, ибо, как учит писание, у учеников христовых все основано на благоговении. Мы же принялись за дело, которое начали, и укажем прежде всего имена местоблюстителей престола святого Григора, начиная с него самого и до нас, с небольшими лишь сокращениями. Дабы [книга] эта стала нашим памятником надгробным [...], живым [памятником], чтобы упоминалось в ней имя Киракоса [С. 45—46]

ГЛАВА I

Затем (Месроп Маштоц и Саак Партэв —К. М.) собирают отроков и обучают всю страну. Юных отроков, способных к учению, имеющих приятный голос и долгое дыхание, делят на две части и учреждают сирийскую и греческую школы. И отроки эти, выучившись всем наукам, как внутренним, так и внешним[6], стали истинными переводчиками. И, начав с притчей соломоновых, перевели все книги Ветхого и Нового заветов и закончили весь [труд]. Они были не только переводчиками, но и проповедниками, и учителями, и пророками, предсказывающими грядущее. Они были исполнены духа святого, говорили на других языках и переводили с разных языков, непонятные слова превращали в понятные, были хорошими толкователями мудрых слов [С. 53—54].

Они были воспитателями детей и добрым примером для юношей, украшением девственников и каноном для женатых, усладителями престарелых и утешителями страждущих, опорой падших и спасителями согрешивших, поощрителями и воскресителями нерадивых, вдохновителями приободрившихся, любителями учения и хулителями ненавистников [учения].

Наставниками и учителями их были святой Саак и Месроп.[С. 54]

Некоторые из них сверх переводов написали также и собственные книги, как, например, дивный Мовсес [напи-

сал] по просьбе Саака Багратуни «Историю Армении» и по просьбе князя Арцруни «Историю святой Богородицы и образа ее», по просьбе некоего Феодора «Книгу хрий», [затем он написал] панегирик святой Рипсимэ и сподвижницам ее, о преображенье и другие речи и философские высказывания. И Корюн, [написавший] историю святого Месропа и иных соврменников. И Егишэ, [написавший] историю святых Вардана и его сподвижников, и «Книгу канонов», и иные толкования Священного писания и страстей спасителя. И Лазар, [написавший] книгу свою. Езник оставил множество сочинений к пользе слушателей. И философ Давид — «Книгу определений», «Книгу о сущем», «Толкования Аристотеля» и «Толкование "Введения" Порфирия» и другие [труды, заключающие] вопросы и ответы, панегирик в честь святого креста и рождества господа нашего Иисуса Христа.[С. 54—55]

Много было людей, учившихся у него (Мхитара Гоша — К. М.) искусству проповедничества, ибо молва о мудрости его распространилась повсюду. Приходили к нему со всех концов, и он соответственно имени своему утешал всех [...] Все стремились увидеть и послушать его. Множество людей, имевших сан вардапета, из-за такой славы его скрывали свой сан, приходили к нему и вместе с его учениками обучались у него и заново получали сан. Многие из его учеников добились чести стать вардапетами [С. 145]

Второго звали Ванакан. [Это был] человек святой и воздержанный, во всех добрых начинаниях он всегда был впереди, здраво мыслил и был умеренным во всем, а как наставник превзошел всех своих современников плодотворностью мысли и угодными делами. Поэтому многие устраивались к нему, чтобы учиться, но не только искусству проповедничества — вся жизнь его, [любое] движение были неписанным законом для тех, кто наблюдал его. И я говорю это не только понаслышке — я был и очевидцем, ибо долгое время, чтобы получить образование, мы жили в пустыни в окрестностях крепости Тавуш, где он проживал и, подобно роднику, поил всех [жаждущих] проповедями. [С. 146].

И оставил он в память о себе как памятник надгробный мудрые книги для тех, кто любит науки: прекрасно составленные «Толкования пророчеств Иеремии» [С. 147]

Все рассуждения наши до сих пор были предисловием к истории этого племени, о котором милостью божьей мы собираемся рассказать. Я думаю, что многие еще расскажут о том же и все их повествования будут беднее действительности, ибо бедствия, постигшие все страны, превосходят рассказываемое нами[С. 152]

Город Ани был полон людей и животных. Его окружали крепкие стены. В нем было так много церквей, что в разговоре, когда клялись, говорили: «Клянусь тысячей и одной церковью Ани». Во всех отношениях город был богат, поэтому пресыщение их переросло в высокомерие, а высокомерие, как это было испокон века и по сей день, привело к нибели [С. 165]

ГЛАВА 41

А благочестивый католикос армянский Константин[7], видя разорение страны армян и муки, переносимые [народом] по воле сборщиков податей и татарских воинов, по размышлении понял, что причиной всего этого были грехи, ибо каждый, совершая зло, радел только о своих удовольствиях. Исчез брак по святому обряду, и [люди], как язычники, допускали кровосмешение, сочетаясь браком с родственниками; когда хотели, разводились, когда хотели, женились, Совершенно не блюли целомудренной воздержанности. Не разбираясь, вступали в брак с язычниками. А также — и это наибольшее из всех зол — епископы за серебро совершали рукоположение, тратя дар божий на недостойных: малолетних и невежд; не умевших даже правильно выражать свои мысли делали посредниками меж Богом и людьми. Должность священнослужителей отправляли недостойные священники, а также развратники, открыто назначенные на место; и много было иных зол, творимых людьми от мала до велика, согласно следующему: «И священники и прихожане поглупели сразу, и некому их обличать» [С. 183].

ГЛАВА 43

После долгого обсуждения мы с общего согласия и за подписью всех записали установления и каноны, умеренные, удобоисполнимые и осуществимые, собранные и подкрепленные книгами, и дали перед Богом, ангелами и людьми обет — всеми силами исполнять принятые установления. Возложили надежды свои на божью помощь и стали ждать времени, авось появится возможность лично поехать к вам и исполнить вожделенное желание повидать вас, а также потребовать у вас, чтобы скрепить, подобно нам, подписью эти установления. И так как возможность не представилась, мы послали эти установленные каноны с кратким письмом к вам и требуем свидетельством божьим, милостью и могуществом апостольского престола нашего, богоприимных святынь, первых святых апостолов и святого просветителя нашего, чтобы вы исполнили невозбранимо [наши установления].

Вот принятые установления[8]:

1. Все рукоположения в церкви, кои являются даром, святого духа достойным, должны совершаться согласно правилам и без серебра, ибо [серебро] есть [все еще] проявляющаяся кое-где из-за нищеты и невежества скверна [...]

2. Отныне лишь достойные и знающие будут получать сан епископа, и то бесплатно, после тщательной проверки, со свидетельства и согласия епархии и в возрасте не моложе тридцати лет [С. 188].

3. Первый долг епископа — назначение с большим тщанием учителей и наставников церковных школ, дабы у детей были ничем не соблазняемые, знающие и ученые наставники.

4. Затем [учеников], достигших совершеннолетия по возрасту, знаниям и святости, по их собственному желанию и [желанию] их воспитателей [епископ] без серебра возводит в сан иерея — в возрасте не моложе двадцати пяти лет и дьякона —[в возрасте] двадцати лет [...]

10. Учителя, обучающие грамоте, должны назначаться по свидетельству многих лиц, дабы были они ученые и об-

разованные, сведущие и опытные во всех отношениях, точно так же и ученики, обучающиеся грамоте, должны выбираться самим [учителем] и с большим тщанием и осмотрительностью.

11. Епископ должен поручить переписку церковных священных книг мастерам [этого дела] — правоверным и знающим [С. 189].

15. Епископы и хорепископы должны проявлять особую заботу по отношению к блудницам и прелюбодеям, колдунам и всяким преступникам, стараясь вернуть их под страхом геенны [огненной] на путь истинный. А некающихся увещевать телесными и духовными наказаниями и накладывать на них пеню, особенно же на тех, которые затесались между мужем и женой либо имеют жену-блудницу, или, оставив законную жену, идут к блуднице, или же без прелюбодеяния оставляют жен своих, [просто] из ненависти к ним. Таковых следует безжалостно наказывать, накладывать на них жестокую пеню. Если же это знатный человек и он станет нагло противиться церковным законам — да накажет его царь за явный грех, власть имущие [пусть наложат] епитимью, а если не сделают этого — предавать их анафеме. А если это женщина распутная и обманывает мужчину (женатого или холостого), то ее должен наказать иерей [С. 190].

19. Если священник помимо церковных дел занимается и другими делами – является нотариусом или промышляет охотой, следует у него отнять прихожан; точно так же и у неученых иереев, пока они не выучатся как следует; у недостойных [иереев] тоже следует отнять [приход].

20. Священник должен ежегодно собирать в церкви мужчин отдельно от женщин, юных девушек отдельно от мальчиков и, осведомляясь о нраве каждого и наблюдая без конца, должен давать каждому из них нужные наставления с мольбой и угрозами; а если он не в состоянии делать это сам, должен исполнить это через кого-либо другого... [С. 191].

ВАРДАН ВЕЛИКИЙ (АРЕВЕЛЦИ)
(ок. 1200 — 1271 г.)

Вардан Аревелци — один из энциклопедически образованных людей армянского средневековья — крупный педагог, ученый, историк, географ, философ, писатель, музыкант, переводчик и общественно-политический деятель. Вардан Великий родился в «области Гандзак» исторической Армении. Всестороннее образование получил в Хоранашатской школе высшего типа Ованеса Ванакана. Он много путешествовал, побывал в различных монастырях Армении, где занимался преподавательской и научно-литературной работой. Основал школу в монастыре св. Андрея в Кайенаберде[1], где преподавал с 1235 по 1239 год и с 1251 по 1255 год. Несколько лет Вардан Аревелци провел в Киликийской Армении, был близок к царскому двору, являлся советником католикоса, участвовал в общественно-политической жизни Киликийского армянского государства, в борьбе против экспансионистских устремлений греческой и католической церквей. Последние годы жизни провел в Хор-Вирапском монастыре[2], основав там школу высшего типа, куда приезжали учиться из многих областей исторической и Киликийской Армении.

Вардан Великий воспитал целую плеяду выдающихся деятелей науки, культуры и просвещения. Среди них выделяются известный ученый и поэт Ованес Ерзынкаци, ученый вардапет и книжник Геворг Скевраци, основатель крупнейшего армянского средневекового учебно-образовательного и научно-культурного центра — Гладзорского университета — Нерсес Мшеци и др. Еще при жизни он удостоился у современников титула «второй просветитель», «трижды великий».

Письменное наследие ученого включает произведения художественного, грамматического, исторического, законодательного, географического, комментаторского характера, а также переводы. Содержащиеся в его панегириках патриотические чувства и идеи имеют большое нравственно-воспитательное значение. Обращаясь к знаменательным историко-культурным фактам и личностям

прошлого армянского народа, он превращает их в образцы подражания как в настоящем, так и в будущем с целью воспитания и развития чувства национального самосознания и достоинства. Его многочисленные толкования содержат интересные сведения по истории армянской, древнегреческой, сирийской и византийской литературе.

По поручению царя Киликийской Армении Хетума I (1226 — 1268 гг.) он составил учебное пособие «Толкование грамматики». Вардан Великий не столько педагог-теоретик, сколько практик. Поэтому большинство его трудов имеют характер практических руководств по различным областям знания. Среди них, кроме упомянутого толкования, следует выделить «Всеобщую историю», «Ашхарацуйц» («Географию») — второй по значимости памятник армянской географической мысли, «О частях речи» — праобраз синтаксиса армянского языка. В этом плане представляет интерес и сборник «Жхланк», написанный в форме беседы — комплекс элементарных знаний по природоведению, искусству, грамматике, письменности, общественно-политическим проблемам. Сочинения и толкования Аревелци — ценные источники по истории, культуре, литературе и науке Армении и других народов: грузин, сирийцев, персов, византийцев, арабов, сельджуков, крестоносцев, египетских мамелюков, туркменских племен. Плодотворной была и его переводческая деятельность. Среди его переводов особую ценность имеет перевод «Хроники» сирийца Михаила Патриарха (XII в.), дополненный новыми сведениями.

Многогранная просветительская и научная деятельность Вардана Аревелци сыграла значительную роль в развитии средневековой армянской школы и просвещения.

ТОЛКОВАНИЕ ГРАММАТИКИ[3]

(Учебное пособие)

Некоторые утверждают противоположное, когда вместо того, чтобы богато представить грамматику, [в действительности] доходят до глупости и безрассудства, ибо не говорит-

ся, что [грамматика] есть наука, а искусство, ибо она есть предверие знания или ознакомление, ибо ознакомление вовсе не есть наука [...] И поэтому говорится искусство, ибо совершенное знание присуще только Богу, у людей же знание бывает только частным — изваянное (вылепленное) речью или отшлифованное, чему и надлежит обучать жаждущих знаний [...] И что бы ни говорилось или писалось, [все это] осуществляется десятью просодиями [...], необходимыми для речи [С. 73—74].

Мелодия тага должна соответствовать [словесному тексту], чтобы она лилась благозвучно, а подъемы и спуски [мелодии] должны быть к месту и сообразными, а слова [текста] — размеренными, согласно четырем искусствам. И когда словесный текст и мелодия, содержание (мысль) и размеры строф имеют [сообразную] форму выражения (стиль), тогда и таги бывают благопристойными и удачными [С. 78].

А создавать гармонию — это то, когда согласовываешь и направляешь звучание и песни, и тага [так], чтобы смешались они друг с другом и выступали как одно единое целое, а не звучали, струились беспорядочно и несоразмерно [С. 79].

А [существование] множества армянских письмен имеет две причины. Первая — многообразие армянского языка, шероховатость и косноязычие. Вторая причина —богатство армянского языка [...] [С. 84].

Подобно стихиям, которым присуща вражда и примирение, то есть смешение, и [которые] своим соединением порождают все [существующее], точно так же и письмена: соединение гласных и согласных, глухих согласных и «густых» (звонких) и т. д. образует слова, как узнаешь об этом в дальнейшем или как мы [уже] сказали выше. Итак, чему подобна грамматика? — Человеку, [а именно]: буква — душе, а письмо — телу. И семь гласные буквы [подобны] семи [органам] чувств, которыми украшен человек. Эти семь чувств следующие: глаза, уши, нос, рот, осязание, душа и тело. И подобно тому как один из органов [чувств] является более превосходным чем другой, так и в письменах одно превосходит другое и в большей [мере] украшает речь [...] [С. 85].

Различи, о любознательный, и отличи [звуки посредством] языка и уст: какие [звуки] произносятся кончиком языка, и какие — срединной [частью], или же какие произносятся корнем языка или же губами или небом. Различи также среди них [звуки] тупые (тяжелые), острые и средние, ибо в этом [заключается] все искусство [С. 90—91].

Оригинал — первичный пример (образец) или же искусство, которым руководствуется человек, не видевшего [и не знавшего] другого. А производное — это то, когда сверх начертанного образца пишешь нечто новое или же [посредством] искусства создаешь то, что пожелаешь. Наподобие того как дети [происходят] от родителей, или как растения — от земли, или же ученики — от вардапетов. Таким же образом создавай все [С. 103].

Дело и сила ритора заключается в том, что одну и ту же вещь он представляет многими именами и богато, что грамматики назвали «многоимянным», а другие любомудры — «одноименным» [С. 116].

Относительно союза, который расположен в конце, надобно знать, что не все расположенное в конце является превосходным или же вовсе достойно презрения, ибо вот правитель входит после всех и садится впереди [их] не из-за своего титула, а так как место требует этого. Точно так же и союз расположен здесь не по сей причине превосходства, но так как надлежит сперва собрать различные вещи, а потом связывать их. Поэтому сперва изучают все части [искусства] грамматики, а потом лишь союз, потому что связи одной вещи не бывает [...]

Изучение союза помещено в этом месте правильно, ибо сперва [необходимо наличие] вещи, а потом лишь связи. Так и здесь сперва [идет обучение] имени, глаголу и т. д., а потом — союзу.

И говорится «союз» от смешения чего-то, упорядоченного соединения и связывания слова со словом и мысли с мыслью, ибо выражает (дает) изъяснение речи, но не такое толкование, которое нуждается в чрезмерных [и глубоких] анализах, а общеупотребительных слов [...]

А какой-либо соединительный союз бывает соответственно двух видов: или когда соединив существующие от начала мира до настоящего времени вещи и в отдельности привносишь их в слушателей, или же [когда] размышляя про себя о чем-то, собираешь в себе глубокомысленные вещи и в нужном месте выражаешь их [С. 149–150].

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ВАРДАНА ВЕЛИКОГО[4]

[...] Св. Месроп устроил армянскую азбуку. Двадцать две буквы, [бывшие] у Даниила сирянина и изобретенные в древние времена, но оказавшиеся недостаточными для выражения всего разнообразия языка нашего, были брошены древними, которые после того стали довольствоваться греческими, сирийскими и парсийскими буквами. При такой азбуке Месроп не мог приступить к переводу богодухновенных книг на армянский язык; и потому, предавшись молитвам, при содействии св. Саака, получает от Бога четырнадцать букв, начертанных его десницею перед Месропом, как великому Моисею на Синайской горе, так и ему на горе Балу, где до сих пор видны на скале Богом начертанные изображения письмен.

[...] Существование армянских письмен, [оставшихся] от древности, было доказано во время царя Левона, когда в Киликии нашли монету, на которой армянскими буквами было изображено имя языческого царя Хайкида. Недостаток именно этой азбуки восполнил возобновитель и устроитель нового Израиля – новый наш Ездра, осененный божественной благодатью. Через посредство этого дара, Богом данного, Месроп принял луч Св. Троицы и [вместе] с пророками [...] вступил в Землю армянскую и в сокровищницу церквей наших внес эту непостижимую лепоту на украшение душ и тел и на вечную славу, чего не всякий народ удостаивается от Господа [С. 63–64].

Св. Патриарх Саак, обрадованный с неба посланным даром, выбирает украшенных добродетелью юношей и отправляет их к народам, дабы они у всех народов могли учиться книжному искусству [С. 64].

Мы сочли нужным, для хронологической связи, вкратце упомянуть о замечательнейших событиях и деяниях, и тем закончить наш ученый труд, давно начатый и до сих пор неоконченный: нам и без того совестно перед историками, о которых мы упомянули выше [С. 180].

СМБАТ СПАРАПЕТ (Гундстабль)

(1208 – 1276 гг.)

Выдающийся полководец, дипломат, историк, правовед, переводчик. Сын князя Константина Гетумяна, будущего гундстабля[1] и пайла[2] Киликийского армянского государства. Получил прекрасное образование, усвоил труды армянских и греческих мыслителей, в частности, Аристотеля и Иоанна Дамаскина[3], владел многими иностранными языками. В 1226 году был назначен спарапетом и находился на этой должности до конца своей жизни. Принимал деятельное участие в борьбе за суверенитет армянского государства и церкви, превращение Киликии в центр экономической, политической и культурной жизни армян, вел удачные переговоры с монголами, западноевропейскими государствами и т. д.

В отличие от латинских ассизов и судебников, относящихся главным образом к судебному праву, «Судебник» Смбата представляет собой всеобъемлющий свод законов. В его основу положен «Судебник» Мхитара Гоша. Кроме того, широко использованы нормы обычного права, церковные каноны, отдельные нормы византийского и «франкского» права, шариата и ряд других источников. Однако, все использованные материалы подвергнуты критическому осмыслению и подбору, приведены в соответствие с конкретными условиями и требованиями социально-экономической и политической жизни Киликийской Армении.

«Судебник» (1265 г.) Смбата Спарапета отражал общественно-политический строй и правопорядок Киликийской Армении, армянское обычное право и действовав-

ший в стране более века в качестве основного и официального закона; поэмы философского и исторического характера; юридические и дипломатические документы; письма. В 1253 году Смбат Спарапет перевел со старофранцузского на армянский юридический памятник XIII века «Антиохийские Ассизы»[4], подлинник которого утерян и стал достоянием науки благодаря армянскому переводу. Его труды, в частности, статьи «Судебника» содержат сведения о состоянии школы, образования и просвещения, их правовой основы, как-то: о формах и методах обучения и воспитания, о содержании обучения, взаимоотношении учителей-наставников и учеников и т. д. Они написаны в основном на простом разговорном языке, чтобы читали и понимали все. Произведения Смбата Спарапета — ценные источники для изучения истории и культуры армянского народа, социально-экономических и политико-правовых отношений средневекового Востока в целом.

СУДЕБНИК[5]

Уважайте всякого рода ремесленников, но в большей мере — кузнеца, плотника и каменщика. Еще больше — писателей и врачей, так как они имеют попечение о людях. Дворцовые сановники [или верховные судьи] заслуживают уважения всей страны. Больше всякого рода людей должны быть уважаемы вардапеты, так как они являются врачами душ и опорой церкви [С. 54].

Для вардапетов установлено следующее предписание, что никто не может именоваться вардапетом и быть допущен к делу проповедничества без свидетельства вардапетов, которые свидетельствовали бы о том, что он сведущ во всем Ветхом и Новом Заветах божьих и так образован, что все считают пристойным вручить ему жезл. И они дадут ему жезл, и жезл означает власть. А если оно (т. е. получение жезла) произошло иным способом, то это есть надменность и невежество, и другие вардапеты наложат на него запрет. Далее, если он (кандидат в вардапеты) пренебрежет

своим [учителем] — вардапетом [и получит жезл от другого], то его учитель — вардапет исправит этот [недостаток и задним числом узаконит акт получения жезла от другого], если он раскается [С. 63].

И если при преподавании вардапет побьет ученика так, что тот умрет, то он также [...] является убийцей; также и отец, если он для вразумления или при каких-нибудь иных подобных случаях [побьет сына и убьет его] — понесет покаяние, которое наложат епископ и вардапеты церкви. Но тот, кто убьет при преподавании, не понесет другого наказания [перед] светским судом; однако он больше не должен исполнять священнической обязанности [С. 68].

И главы церкви должны заставлять в принудительном порядке выполнять это; ленивого нужно образумить и наставлять три раза, и затем [если он не исправится] укротить его палками и штрафом [С. 72].

Где находится больница, никак не следует взимать налогов, ни с больного, ни с обслуживающего его человека. В противном случае пусть [это] считается как бы ограблением Христа [С. 82].

Установлен законами, что если царь, или князь или рыцарь находится в пути и ему встретится монастырь, чтобы он остановился там, а не в деревне; а монастырь предоставит ему все необходимое. При этом закон подчеркивает [как предупреждение], что когда они остановятся в монастыре и в их сопровождении будут женщины, чтобы ни одна из них не выходила [из комнаты] и не бродила по монастырю, а по принуждению [находилась в уединении и] оставалась скрытой; муж же не должен пить [настолько], чтобы быть пьяным, и гусан никак не должен песнями или изнеженной мелодией подавать голос и [тем самым] стать причиной греха девственник монахов и навлечь на себя непростительный грех. А как [подобает] в монастыре, они должны остановиться, отдохнуть и потом отправиться в путь [С. 83].

Закон повелевает, что вардапет вообще не должен брать платы за обучение чтению книг или [за обучение] другой церковной науке; совершенно недопустимо — сна-

чала получать плату, а потом обучать. Затем [закон] повелевает кормить и ухаживать за сиротами и нуждающимися и сделать работу приятной для них, чтобы многие стремились и пришли на учебу; а епископ и настоятели богатых монастырей должны предоставить им пищу и одежду; и если родители [или опекуны] этих детей являются имущими, то они обязаны обеспечить их лишь одеждой, а остальные их потребности будут [удовлетворены за счет] монастырей.

И если сам учитель является нуждающимся, а [ученик] по доброй воле ухаживает за своим вардапетом и подносит ему добровольно свой дар, то этого достаточно для духовных сеятелей, которые [этим путем] пожинают земные плоды. А если ученики не сделают этого, и по этой причине вардапеты обеспокоят их, и если они (т. е. вардапеты) предъявят иск в суд, сказав: «они (т. е. ученики) взяли от нас наше с трудом добытое добро и не дали нам пользу», то, повелевает закон, что те [ученики] должны возвратить им (вардапетам) все до последнего гроша и отвечать перед судом по достоинству [обязательства]. И этого пусть будет достаточно как правило для вас, слушавших это [С. 103].

И не следует, чтобы двое слепых вступали в брак друг с другом; иное дело, если один из них (т. е. супругов), имеет глаза и способен воспитать ребенка, который родится у них.

Также и немого вообще не следует женить, так как он не сможет воспитать ребенка. Такое установление об этом предписал божественный закон [С. 128].

Врачебное искусство большое дело для излечения людей, и множество убийств происходит по ошибке [врачей]. Частью это происходит умышленно; частью от того, что врач несведущ и не умеет распознавать болезнь и вследствие этого убивает; или от того, что он завидует своему коллеге и вследствие этого [причиняет] смерть больному; или от того, что учеников выпускают еще незрелыми и наделяют их полномочиями. И таких случаев много, когда смешивают различные роды болезней, и все подобные [случаи] по закону считаются умышленным убийством.

А причины, которые бывают по вине больного следующие: или это происходит от непослушания больного, или от питания, или от того, что он раскрывается, или от других подобных причин; или от беспечности обслуживающего [персонала] [С. 166–67].

ОВАНЕС ЕРЗЫНКАЦИ (ПЛУЗ)[1]

(1230-е гг.– 1293 г.)

Выдающийся философ, ученый, поэт, педагог и общественно-политический деятель. Один из энциклопедических умов средневековой Армении. Родился в городе Ерзынка гавара Екегяц[2] Великой Армении. Первоначальное образование и воспитание получил в монастыре св. Минаса на горе Сепух[3]. С целью совершенствования своих знаний отправляется в Северо-Восточную Армению и становится учеником известного ученого-педагога Вардана Аревелци в одном из монастырей Кайедзора. Здесь он изучает философские и естественнонаучные дисциплины, космографию, грамматику, искусство врачевания и музыки. В 1268 году получил ученую степень вардапета. 1270 - 1280 годы – период наиболее активной и плодотворной общественно-политической и научно-литературной деятельности: участвует в культурной и политической жизни страны, в борьбе против униатов, путешествует по городам Армении и Киликии, посещает Иерусалим и Тпхис (Тифлис), где выступает с научно-философскими и богословскими речами и проповедями. В своих назидательно-поучительных речах и церковных канонах отстаивает идею независимости армянского государства и церкви, сохранения остатков армянской государственности. С целью спасения и сохранения для потомков рукописных сокровищ армянской культуры он основывает ряд книгохранилищ, предназначенных как для духовенства и учеников монастырских школ, так и для широких кругов читателей, налаживает копирование и размножение ценных памятников армянской письменности. Он был духовным

руководителем и наставником «Братства» ремесленников и торговцев города Ерзынка (1280 г.). В конце 80-х годов вследствие болезни возвращается в монастырь св. Минаса и целиком посвящает себя научно-педагогической работе.

Письменное наследие Ованеса Ерзынкаци охватывает почти все области средневекового знания и творчества: философию, естествознание, космографию, грамматику, эстетику, этику, толкования, каноны, назидания, политику, богословие, поэзию и др.

Многие его произведения имеют просветительский, назидательно-поучительный характер, направлены на пробуждение интереса к учению, знаниям и наукам, на раскрытие сущности и значения нравственных ценностей и норм, что должно служить делу просвещения и воспитания народа, устранения пороков, несправедливости и порождающих их причин в общественной жизни. В мире все временно и преходяще и лишь знание — вечно, оно — вечный и неиссякаемый источник добра и справедливости. Назидания и поучения Ованеса Ерзынкаци адресованы всем социальным слоям общества с учетом возрастного и образовательного факторов. Он довел до совершенства жанр нравоучительных изречений в форме четверостиший. Он стремится к чистоте, ясности, доступности и богатству языковых форм, отстаивает светский стиль изложения, не допуская однако, увлечения просторечием и диалектизмами.

Он признает возможность и необходимость познания окружающего мира, принцип сочетания дедуктивного и индуктивного методов в процессе познания. В своих космологических работах мыслитель дает научно-популярное и занимательное обьяснение различным природным явлениям, движению небесных светил и т. д.

В его «Толковании грамматики» отражены достижения античной и армянской грамматической мысли, привнесены ряд новых и ценных идей, наблюдений и обобщений. Следуя учебно-образовательной программе и принципам обучения Григора Магистроса и в целях обучения и прочного усвоения учениками знаний, Ованес Ерзынкаци приводит отрывки из «Илиады» и «Одиссеи», биографию

Гомера в армянском переводе. Данный труд долгое время служил учебным пособием по грамматике в армянских школах высшего типа и оказал существенное влияние на творчество многих ученых-грамматиков, в частности, Есаи Ничеци, Ованеса Цорцореци и др.

Поэтическое творчество Ованеса Ерзынкаци включает произведения светского, научного и религиозного характера. В них нашли художественное отражение противоречивость и глубина человеческой мысли и чувств, любовь к земной жизни и природе, философское осмысление социальной жизни и человеческого бытия, патриотические и гражданские чувства поэта-мыслителя. Они имеют также отчетливо выраженный назидательно-поучительный и просветительский характер.

Научно-педагогическая, литературная и общественно-политическая деятельность Ованеса Ерзынкаци — одна из ярких страниц в истории науки, культуры и просвещения средневековой Армении. Его письменное наследие оказало существенное влияние на дальнейшее развитие армянской теоретической мысли, в том числе педагогической.

ВСЕОБЩИЕ НАЗИДАНИЯ[4]

3. О воспитании отроков

[...] Но надобно родителям осторожно и расположением [к себе] воспитывать и наставлять своих детей и неусыпно заботиться о них и оберегать, дабы не допустить, чтобы они занимались пустым времяпровождением и видели, слышали [развратные вещи] и научились им. И родители несут ответственность за их злодеяния [...] Потому что от трех вещей имеют место пороки и зло вселяется в человека: [они зависят] или от состава тела, или от плохого воспитания (наставления), или же от незнания. Ибо если [отрок] получает дурное воспитание и слышит и видит плохое, [то он] покоряется и не может противостоять скверным привычкам и порокам. Если же он не наставлен добрым учением, то его разум приходит в опустошение и подобно

тому как на невозделанной земле произрастают тернии и [производится] бесполезный урожай, так и ненаставленный [должным] образом и непросвещенный науками разум [отрока] порождает разнообразные пороки. Поэтому нужно, чтобы пока он еще юн заботиться [о нем] и учить добру. Ибо разум отрока подобен чистому зеркалу — не оставляй его без воспитания и учения, дабы ржавчина грехов не осела на нем и не погубила бы. Разум отрока как мягкий воск — добрые наставления и обучение премудрости запечетлевай на нем, чтобы другие, скверные и развратные вещи не запечетлелись бы в разуме. Разум отрока подобен прозрачной ключевой воде родника — не позволяй, чтобы она разлилась и иссякла, или же чужеродная — горькая и соленая вода — влилась и смешалась с ней [С. 52—53].

УСТАВ И КАНОНЫ «БРАТСТВА»[5]

(1280 г.)

А третья глава та, что и другим надобно делать добро. Те, что приезжают к нам из дальних стран или же отсюда отправляются в другую страну, они [одновременно] и приобретают пользу и приносят пользу.

Если к нам приезжает вардапет из другой страны, то старшие чины братства должны навестить и почтить его и [в свою очередь] получат пользу от поучительных его речей [...]

Да будут миролюбцами наши братья на земле: пусть с любовью (уважением) говорят и слушают людей всех народов, ибо у всех народов встречаются ученые люди; пусть возвеличивают и получают пользу от их мудрости без возражений [...]

Итак, вы, уважаемые братья, украсьте себя этим уставом, дабы стали друг для друга крепкой стеной, ибо как собранные в одном месте множество камней образуют стену для укрепления и защиты города, так и вы, подобно живым камням, соединенным любовью Бога, пребывайте своей неприступной крепостью в непоколебимости [С. 227].

ВНОВЬ КАНОНЫ И НАЗИДАНИЯ ДЛЯ ОТРОКОВ[6]

Надобно знать, что человек состоит из двух вещей — души и тела. Душа является разумной, а тело — деятельным. [Сперва] душа созерцает каждую вещь мысленно, так как разум является оком души, а потом лишь действует тело посредством рук и других частей. И тот, кто не видит сперва разумом и потом действует, тот подобен неразумному животному, которое делает все бессознательно и без размышления.

Философия бывает двоякого рода — теоретической и практической. Теоретическая [философия] есть наука и учение, при помощи которых исследуют и рассуждают о боге, о мире и о всех сущих. А практическая [философия] это та, благодаря которой [человек] совершает всякие добрые дела и исправляет себя [...]

И вот, есть люди, которые любят только науку и учение; и есть [люди], которые по неведению бессознательно заключают в себе только [способность] к действию и добродетель. И есть [такие], которые вмещают в себе [любовь] и к наукам, и к действиям.

Так вот, тот, кто обладает знанием и не действует [сообразно ему] похож на человека, который имеет один глаз. Точно так же и тот, кто действует, но не обучен наукам, является одноглазым. А тот, кто обучен и владеет наукой и действуя согласно [знанию] творит добро, тот озарен двумя глазами и является человеком совершенным... [С. 230—231]

ТОЛКОВАНИЕ ГРАММАТИКИ[7]

Великий философ Давид[8] в своем предисловии [к «Толкованию грамматики»] говорит, что человеческой природе присущи два начала: духовное и телесное. Отсюда все знания человека разделяются на теоретические [разумные] и практические, которые органически связаны друг с другом. Каждое из этих разделений имеет свои три вида — добрый, злой и средний. В области разумного доброе [искусство] — это сочинение духовных книг и песен; злое — кол-

довство и чародейство, а среднее — мрмунджи (лирические песни), танцы и тому подобное. [С. 361]

Теперь я хочу коснуться немножко великого искусства музыкального и объяснить изучающим силу его воздействия, глубины которого и сам желал бы постичь.

Сказано мудрецами, что музыкальное искусство, как и все искусства, сочетает в себе духовную и материальную стороны, подобно тому как всякое живое существо состоит из души и тела. Предмет и форма всех искусств, творимых рукой человека, — материя плотная и осязаемая.

А музыка состоит из чистой, простой сущности: то есть она — результат познавательного и слухового умения человека. И воздействует она на душу человека.

Музыкальное искусство разделяется на божественное и человеческое. Божественное поется в храмах, где оно возбуждает чувство раскаяния в сердцах людей, направляя мысли греховных к добрым размышлениям.

А человеческое поется во время пиршеств и веселых празднеств.

Поют и для больных, ибо это полезно и нужно для выздоровливания.

Музыка, будучи бестелесной, имеет родство с душой и сильно воздействует на нее. Именно поэтому первые мудрецы и изобрели музыкальные инструменты, ибо музыка — увеселительница души.

Впитывая в себя страсть веселья, душа в свою очередь воздействует на тело и соответственно изменяет его. [С. 363]

Но четырехструнная лира больше и лучше всех показывает силу сего искусства, ибо она сделана соответственно человеческой природе. Ее четыре струны соответствуют как бы четырем стихиям природы, сконцентрированным в человеке. [С. 364]

И тот, который владеет искусством музыкальным, сможет помочь больному своим пением и игрой. А в случае, если больной тоже хорошо понимает музыку, то он от этого получит еще больше пользы.

Музыка способна утешать человека при его различных душевных состояниях, например, при грусти. Душа человека вслушивается в музыку, как в голос близкого, родного, ибо музыка, как и душа, бестелесна. Она [кроме грусти] выражает и другие состояния души — как размышления, желания [...]

Я мог бы дать и другие сведения о музыкальном искусстве, если бы не предвидел справедливые упреки читателей в явном отклонении от основной темы, так что вернемся к тому, что следует понимать под «гармоничностью» лирической поэзии.

Говоря так, имеется в виду полная гармония, согласованность между голосом и инструментальной игрой, как это замечается и при исполнении гусанских песен. [С. 365]

«КНИГА РЕЧЕЙ»[9]

Судоводителем, врачом и музыкантом называются те, которые умеют [соответственно] направлять руль судна, изготовлять многосоставные лекарства и настраивать похи и кнары.

Ибо обучение [искусству игры] на похе и кнаре, как и [искусству] танцоров и всякому другому искусству, требует времени и [определенного] труда. [С. 365—366]

[Из философских изречений][10]

Наш мир подобен колесу: то вверх,
то вниз влечет судьба;
Вверх падает и вновь ему взнестись настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба.
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

Язык для речи служит нам, речь праведных —
что злата звон.
Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоен.
И у кого два языка, один колюч, другой — червлен,
Становится сродни змее и всеми ненавидим он.

Умный перед невеждою, разумей, чему подобен:
Светильник пред слепым горит, а он не ведает
об этом.
Кто умен, тот с морем схож: лей ушатами —
все вместит,
На бурдюк дурак похож: лишний ковш —
и уже трещит.

Так говорили мне цари, и каждый так мудрец твердил:
«До самой смерти человек с алчбой глаза
на все стремит,
И лишь когда во гробе он и прахом взор его покрыт,
Раскаявшись он говорит: «Довольно этого! Я сыт!».

Некий человек алмаз имел,
Но с умом воспользоваться им не сумел,
Когда же с умом собрался он,
Алмаз из рук его уплыл.

Ученый муж подобен солнцу,
Слово его светом сияет,
Невежда же змее подобен,
Он человека всегда кусает.

ВАГРАМ РАБУНИ
(XIII в.)

Выдающийся философ-номиналист, ученый, педагог, государственный деятель Киликийской Армении. Биографических сведений о нем почти не сохранилось. Известно лишь, что Ваграм Рабуни жил и творил в Киликийском армянском государстве, был канцлером царя Левона III и пользовался большим авторитетом как ученый и педагог. Его богатое письменное наследие свидетельствует, что он глубоко усвоил и переосмыслил античную философию, западноевропейскую схоластику и достижения национальной научно-философской мысли. Он выступает защитником и пропагандистом античных научно-философских традиций. Мировоззрение Ваграма Рабуни в целом противоре-

чиво, однако в его философских, естественнонаучных и логико-гносеологических взглядах проявляются позитивные научные тенденции. Будучи идеологом существующего феодального строя он вместе с тем провозглашал принципы гуманизма, взаимопонимания между различными социальными прослойками общества, соблюдения прав человека в рамках существующих законов, справедливости и т. д. Он требует от правителей, чтобы они руководствовались разумными принципами и законами, не преступали их, содействовали развитию науки и культуры, сами занимались науками, ибо знания и мудрость — основа всех благ.

Ваграм Рабуни затрагивает многие вопросы, касающиеся интеллектуального и нравственного развития человека, путей и способов приобретения и совершенствования знаний, науки, основы и критерия истинности приобретаемых знаний, различных методов и принципов обучения, их доступности и т. д. Своими трудами он сыграл существенную роль в дальнейшем развитии армянской теоретической мысли, оказав значительное влияние на представителей Гладзорского и Татевского университетов, в распространении и утверждении научно-философских знаний.

Ваграм Рабуни оставил солидное научно-философское наследие, включающее толкования к следующим известным логико-философским памятникам прошлого: «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля, «О мире» Псевдо-Аристотеля, «Введение» Порфирия, «О строении человека» Григория Нисского, «Определения философии» и «Анализ «Введения» Порфирия» Давида Анахта. В числе работ его следует указать также стихотворную «Историю Рубенидов», «Ответы» на вопросы царя Киликийской Армении Хетума, «Речь», произнесенную при коронации Левона III и ряд религиозно-богословских работ.

АНАЛИЗ «КАТЕГОРИЙ» АРИСТОТЕЛЯ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ВАГРАМОМ[1]

Понятие, находящееся в разуме, обозначает то, что им мыслится и представляется, ибо понятие по природе сперва

рождается в разуме, в течение некоторого времени и с приложением усилий обдумывается, оформляется и лишь затем изрекается. Иначе говоря, разум [сперва] постигает образ предметов и лишь затем выражает это с помощью понятия и произносит [обозначающее его слово] [С. 9].

Примером [толкователь] называет утверждение и отрицание и спрашивает, почему для категорий [Аристотель] взял такой пример, если, говоря о сущности, брал в пример человека, говоря о качестве — белый, о количестве — два локтя. [Толкователь] обьясняет так: [Аристотель] хотя и прибегнул [к этому примеру], но это сделал не для самой [категории], а для тех, которые должны изучать [их], дабы они легко могли [их] познавать и не сомневаться (не путаться) в наименованиях (понятиях) сущности и качества.

В начале главы о сущности [Аристотель] упомянул об утверждении и отрицании, чем дает нам знать, что предпочитает исходить из суждения-посылки, то есть сперва говорить об одном и [лишь] потом о других сущих. [Толкователь говорит], что необходимо также, чтобы утверждение и отрицание имели в суждениях-посылках логическую [связь] и если суждение [построено] правильно, то оно будет выражать [утверждение или отрицание], а если нет — то не будет [выражать] этого [С. 29].

«По способу действительности и возможности» означает следующее: например, разумное [существо] когда говорит, то [речевая способность] выявляется как действительность, а когда молчит, [она существует в нем] как возможность [С. 53].

Речь и мнение принимают противоположные определения не так, как сущность, ибо сущность сама изменяется, [вследствие чего] сама принимает противоположные определения. Ведь [сущность], будучи злой, меняется и делается доброй, будучи теплой, меняется и делается холодной. Между тем речь и мнение изменяются не так, как изменяется сущность; [они] путем изменения [сущности] допускают [противоположные определения], ибо вещи (предметы), к которым относятся речь и мнение, изменяются и [на основе их изменения] говорится, что [речь и мнение] допускают [противоположные определения] [С. 61—63].

Желание относится к мыслям и к нравам [человека], а не к телу (веществу), и поэтому оно не называется равным и неравным: ибо некто желает добродетели, другой — разврата, кто-то — сладкого, другой — кислого, поэтому [желание] обозначается как «подобное» и «неподобное» [С. 85—87].

Вне [человека] находится ощущаемое и познаваемое, ведь ощущение в человеке и в живом существе, а ощущаемое не в человеке, а вне его, это — камень и дерево, море и город, плоды и все прочее. Так же и познаваемое находится вне знания и [вне] обладающих знаниями людей [С. 93].

Порочность и добродетель не являются соотношением, ибо порочность не говорится о добродетельности, а порочность говорится о порочном, и порочность и порочный обладают обратимостью. Так же и добродетель говорится о добродетельном и добродетельный — о добродетели и согласно этому порочный и порочность, добродетельный и добродетель являются соотношением [С. 95].

[...] Если кто-нибудь владеет многими искусствами, а другой одним [искусством], то, согласно этому, говорится, что один более знающий, а другой — менее [С. 97].

Относительно познаваемого, что [оно] существует раньше, чем знание, [Аристотель] приводит пример квадратуры круга, ведь геометры говорят, что круг имеет квадратуру, но они не знают, как это можно [решать], и то, о чем они не знают, существует раньше, чем знание. Нам кажется, что круг имеет квадратуру потенциально [С. 107].

Сначала [Аристотель] говорил, что относительно не всех [соотнесенных] кажется верным по природе существовать совместно (одновременно), а теперь говорит, что относительно знания и познаваемого редко говорится как об одновременно существующих. А говоря «редко», как будто [этим он] называет знак и его познание одновременным [процессом], то есть, когда пером изображаем буквы, или аз, или буки, или др., то якобы с начертанием их [одновременно] образуется знание [о них]. Иначе говоря, получает-

ся, что писцы при начертании своих же знаков — или знака города, или человека, или неба, или чего-нибудь другого, одновременно образуют и знание [о них]. Однако это неверные примеры, поэтому, говоря «редко», [Аристотель] тут же добавляет, что «вернее, нет ни одного случая», ибо если точно исследуешь, то убедишься, что [выведенный] знак существует раньше, чем знание [С. 107—109].

Первейшие писцы, такие как Сократ, Агафангел и другие, обычно не имели единых знаков, а каждый из них изобретал свои знаки; [они] давали знакам такое название, какое [им] было желательно; [например], выводили знаки и одно из них называли знаком города, другое — знаком неба, а еще другие — знаками моря, храма и тому подобное. Они изобретали такие [знаки], которыми легко могли сжато писать все сказанное другими.

Ошибка, которая нами допускается, [происходит от того], что Аристотель [свою] мысль выразил с сомнением, не высказав [своего твердого] мнения. А почему [это так]? Причина в том, что [он] употребил [слово] «по-видимому» [С. 109].

[На трудно решимые вопросы] есть ответ скромный — самому себе задавать вопрос и многократно обсуждать [его] и потом [только] высказывать [свое мнение]; и есть ответ категорический — без раздумья, что близко к высокомерию. Итак, [Аристотель] учит нас скромности, когда [сам он] относительно частей сущностей говорит с некоторым сомнением, что может быть они принадлежат к соотнесенным, может быть — нет. И в самом деле, на подобные вопросы трудно дать категорический ответ [...] Прежде чем ответить надо многократно разбирать и обсуждать [вопрос]. [Нам] кажется, так нужно [поступать], а не высокомерно заявлять что сказано мной, то верно, ибо так поступают невежды [С. 117].

Одни по природе и другие по приобретению [обладают тем или иным качеством], то есть, [например], кое-кто учением является искусным в кулачном бою и в беге, [а кое-кто — от природы] [С. 123].

[...] Если кто-нибудь не очень хорошо владеет наукой, то о нем не говорится, что он обладает свойством и, наоборот, очевидно, что если кто-нибудь владеет наукой, то о нем говорится, что обладает свойством.

Находиться в состоянии по отношению к науке означает владеть [наукой], и те, которые хорошо владеют [ею], находятся в лучшем [состоянии], а те, которые владеют [ею] плохо — в худшем. А то, что одни владеют наукой в большей мере, другие — в меньшей, или же, говоря словами [Аристотеля], обладатели [наукой] владеют [ею] хорошо или плохо, это определяется согласно знаниям [С. 125].

Те [люди], которые обладают природным качеством, являются такими не потому, что [они] находятся в какомнибудь состоянии, [например, люди], способные к кулачному бою и к бегу и т. д. Ведь они не по состоянию являются такими, а имеют природную способность к этому, ибо [для них] быть сильными или быстроходными не есть [качество], приобретенное или же вытекающее из обучения, а по природной способности [С. 127].

Способность, как и неспособность, имеют много видов [проявления] [С. 129].

Первый [вид] — это, [например], способность к кулачному бою, а второй — это [пассивные качества]; ведь они [тоже] являются природным качеством, а не приобретенным. Но по порядку [пассивные качества] принадлежат к третьему виду [качеств] [С. 131].

В этом положении [Аристотель] повторяет вышесказанное, что [люди], расположенные к данному искусству, то есть обученные, когда предоставляют себя [данному искусству], то они по имени [этого] искусства получают [наименование] своего качества, как, например, от искусства борьбы называются борцами, от искусства стрельбы из лука — лучниками и т. д. [С. 139].

Близкими родами являются справедливость и добродетель, несправедливость и порок; отдаленным родом для справедливости и добродетели, а также для несправедливости и порока является желание (склонность) [С. 143].

[...] Справедливость не вытекает из рода порочности, а также несправедливость — от добродетели, иначе говоря, не на основании [родов] добродетели и порочности происходит деление на [противостоящие виды] справедливости и несправедливости, будто добродетель делится на справедливость и несправедливость, или же порочность — на справедливость и несправедливость. Их деление осуществляется на основе того [верховного] рода, на основании чего и происходит деление на [противостоящие роды] добродетельности и порочности, [то есть], как говорит сам [толкователь], на основании желания [С. 143].

Некто называется более справедливым, чем другой, потому что [он] части души — гнев и вожделение — делает более покорными разуму. А также один владеет грамматикой больше, чем другой, так как [он] больше учился [этой науке]. Между тем [одна] справедливость в отношении [другой] справедливости не называется большей [и меньшей], так и [одно] здоровье в отношении [другого] здоровья, так и [одна] грамматика в отношении [другой] грамматики [С. 145].

Наука является родом для всех видов знаний — грамматики, музыки и прочих; и она сказывается о чем-нибудь, то есть о знаниях — о грамматике и о других [видах знаний] [...] Однако каждая [наука] в отдельности, являющаяся видом, когда берешь отдельно, не сказывается о чем-нибудь. Ведь грамматика не называется грамматикой какого-то грамматика, ибо грамматик отыменно получает название от грамматики, следовательно, не принадлежит к отношению. Но грамматика по имени своего рода называется наукой о чем-нибудь, то есть наукой о письме. Так же и музыка [С. 151].

Что-либо если продвигается [в обратную сторону], то сам он приходит к противоположному свойству, например, если [человек] был злым, приобретает противоположное свойство — доброту, а если был добрым, становится обладателем противоположного свойства — зла, которое [постепенно] увеличивается [в нем] [С. 175].

Это [положение], допускающее изменение (переход) от [положительного] свойства к лишенности, но не допус-

кающее перехода от лишенности к [положительному] свойству, противоположно мнению некоторых [философов]. Они, оспаривающие это положение, при возражении отождествляют порок с лишенностью и говорят, что от лишенности, то есть от порока, совершается переход к [положительному] свойству, то есть к добродетели. Но [это неверно], ведь от [подлинной] добродетельности, что равно [положительному] свойству, не совершается переход к пороку [С. 175—177].

Буквы, то есть отдельные письмена, существуют прежде, чем то, что образуется от их сочетания, которое является слогом [С. 179].

[...] О немногих знаниях можно сказать, что познаваемое и знание о нем [возникают] одновременно, как это наблюдается в отношении изображения знака и знания, когда кто-нибудь изображает знаки [...], то есть познаваемые, то сами они и знание о них существуют одновременно, ибо с изображением этих знаков кажется, что сразу же появляется знание о них. Однако [...] если исследуешь основательно, то убедишься, что они не являются одновременно существующим, ибо сначала создают знаки, а потом только раскрывают их [смысл] [С. 231].

Приобретенное свойство тогда походит на природное, когда кто-нибудь какое-либо приобретенное свойство прочно закрепляет в себе. Вот в таком случае приобретенное свойство становится природным [С. 235].

Способности имеют много видов [проявления], есть [способность] приобретенная и есть от обучения. Также и отсутствие способности бывает от болезни или от того, что не обучен [С. 237].

ИЗ «РЕЧИ»[2]

Я подхожу к последней [части] моего выступления и, желая завершить свои канонические наставления, не могу умолчать о самом главном и потребном из всех благ [страны], каковыми являются дела судопроизводства и правосудия. Ибо царь, который стремится к непоколебимости

[своей] власти, должен придерживаться справедливого судопроизводства и правосудия. И вот, судебное решение должно быть вынесено после длительного и обстоятельного рассмотрения [дела], дабы [оно] было справедливым. При судебном разбирательстве не подобает быть поспешным или упрямым из-за утомления или же чтобы показать себя решительным и быстрым, ибо непристойно так обращаться с людьми, от чего [у них возникают] сомнения и подозрения относительно выносимых судом решений; но [надобно] с превеликим усердием изучить [дело] и тщательно вникнуть в него [С. 76-77].

Подобно тому, как для полноценного функционирования [человеческого] тела недостаточно лишь одного здорового состояния головы, ибо для этого необходима соразмерная деятельность всех частей тела, точно так же для могущества страны необходимо, чтобы не только царь был наилучшим и всесовершенным [по сравнению с подданными], но и князья были таковыми [С. 97].

Действуй избирательно и в соответствии со здравым рассудком и получая его одобрение. Ибо этим обусловлены и от его изобретательности и усилий зависит успех и продвижение вперед [С. 98].

СТЕПАНОС ОРБЕЛЯН

(1250-е гг. — 1305 г.)

Видный историк, культурный и церковно-политический деятель. В детстве Степанос Орбелян был усыновлен дядей — известным сюникским князем Смбатом, получил блестящее образование, глубоко усвоил историю, музыку, поэзию, богословские науки. В 1280 году принял духовный сан, а в 1285 году благодаря своим незаурядным способностям и всесторонним познаниям, был возведен в сан епископа и назначен митрополитом Сюника. В своей деятельности особое внимание он уделял развитию культурной жизни края, просвещению и образованию, оказал содействие созданию знаменитого Гладзорского универси-

тета (80-е гг. XIII в.), в 1297 году завершил реконструкцию Татевского монастыря. Основной труд Степаноса Орбеляна — «История области Сисакан», в котором помимо богатого исторического материала содержатся также интересные сведения по истории культуры и просвещения: историографии, архитектуре, музыкальном искусстве, школах, матенадаранах (книгохранилищах), деятельности известных ученых и педагогов и т. д. Автор выступает как патриот и идеолог единого армянского государства, освободительной борьбы народа против иноземных захватчиков, против церковных нововведений католического толка.

Текст оригинала впервые был издан в Париже (1859 г.), затем в Москве (1861г.) и, наконец, в Тифлисе (1910 г.). Имеется перевод отдельных глав на латинском (Берлин, 1717 г.), грузинском (XVIII в.), французском (Париж, 1819 г.), русском (СПб., 1873 г., М., 1883 г.) языках. Полностью текст переводился на французский (СПб., 1864 г.) и современный армянский (Ереван, 1986 г.) языки.

ИСТОРИЯ ОБЛАСТИ СИСАКАН[1]

Начало [человеческих] способностей — мудрость, ибо все способности, существующие в людях — как духовные, так и телесные — [проявляются] или в слове или в деле [ремесле, искусстве] первоначально проходят через разум. И лишь после многократных размышлений и различения хорошего и плохого, полезного и вредного возникает мнение и разумная мысль или же совершенное искусство — прекрасные творения удивительного родителя — мудрости.

Итак, Бог сотворил человека во всем подобного себе и заложил в него эти три [вещи], которыми он может уподобиться во всем Богу, а именно: [способность] созидания, любовь и мудрость, то есть разум. [Заложил способность] творения, дабы посредством этого [человек] стал сотворцом; любви, посредством чего [человек] всегда жаждал желанного и беспрестанно принуждал себя достичь и вкусить его; разумности, дабы отличался от неразумных и смог раз-

мышлять и различать нужное и ненужное, вредное и полезное и учением и трудолюбием достичь совершенной зрелости. Вот каким образом [человек] становится сотворцом: учителя посредством обучения делают незрелые души [отроков] совершенными, зрелыми мужами, священники [делают] порочных непорочными, здоровыми, людей — богом.

Вот по этой причине человек не в силах утаить в своем теле эти три способности и держать их в бездействии, но он всегда кипит, неистовствует и стремится привести все это в действие [...]

Затратив множество трудов мы не нашли упоминания о них в писаниях древних и оставленных нам, потомкам в качестве достохвального памятника. Или они не были изложены, или же были утеряны [во время] многочисленных опустошений и нашествий — не знаю. Поэтому мы не пожелали пренебречь, оставить во мраке неведения и предать забвению состояние этих княжеств и различные полезные и достохвальные сказания о духовных и светских деяниях князей и патриархов. И это по двум причинам. Первая — дабы не исчезли достохвальные героические деяния предков, и другая — дабы вовсе не стерлась и не была предана забвению для потомков память [наших] предков и наследие церквей. Кроме того, чтобы не смешивались границы этих княжеств, не нарушались, не уничтожались и не раскололись от различных пустяков, как это имело место много раз.

[...] Провел множество разысканий и исследований: осведомился о странах далеких и близких в монастырях и библиотеках (архивах), как и у сведущих и искусных в древних историях [людей], но не нашел никаких повествований об этой стране [Сюнике] отдельно или же сведения о событиях, [происходящих здесь].

Затем, ознакомившись [с трудами] всех армянских историков, мы извлекли из них со всей точностью то, что нашли. Немного [взяли] из речей Петроса[2] — епископа Сюникского, а другие сведения — из древних посланий царей армянских и князей сюникских, как и католикосов армянских и епископов сюникских, которые сохранились с давних времен в труднодоступных пещерах и в святой конгрегации Татевского патриаршества, церковных актов и памятных записей книг [...]

26

И в это время[3] в Армении существовали обновленные и благоустроенные школы, [имелись] весьма искусные и сведущие в греческом языке и литературе [люди]...

Итак, о любитель чтения, я сжато представил тебе лишь достойное [внимания]. А если пожелаешь узнать обо всем более полно и подробно, то прочти книгу Ухтанеса[4] «История Агванка», осведомляйся из «Книги посланий», а также [послания] владыки Маштоца[5], которое он написал по требованию Георга — католикоса армянского. И после многих чтений обнаружил различные произведения и с большим старанием нашел достоверное и поместил здесь. Посему я не дал [подробное] описание их сочинений, а взяв все существенное из их повествований, совокупил и изложил в той же последовательности здесь. И ты со всем своим благоразумием прими это и не сомневайся.

28

И занял в качестве местоблюстителя престол [сюникского митрополита] великий грамматик и непобедимый философ Матусага[6]. Этот Матусага был воспитан в смиренности и рос со всеми добродетелями, изучил грамматику и упражнялся в риторическом искусстве, приобщился к философским наукам, был преисполнен всякой премудрости и совершенным знанием. И так как сюникский престол среди армянских вардапетов являлся высокочтимым и первостепенным, и так как издавна святым Сааком [Партэвом] и Месропом [Маштоцем] сюникским вардапетам было предоставлено [право] делать переводы и писать толкования, быть главой и предводителем всех армянских вардапетов, по этой причине видя сияющего в то время лучами премудрости блаженного Матусагу, который был воспитан и обучен в том же месте, утвердили его в сане вардапета церкви, посадили во главе всех вардапетов [...]

Святой патриарх Комитас[7], обойдя всех вардапетов патриаршества, в том числе армянский вардапетаран, что в Аршарунике[8], где искусные и ученые [мужи] Армении собрали отроков [для обучения], — это тот вардапетаран, что в Ерасхадзоре [...], — отправляет к сюникскому грамматику

Матусаге своего юного воспитанника [...], племянника Теодороса. [Матусага] приняв его, обучил с великой осторожностью и привел к вершинам совершенства и наук, украсив его теоретическими и практическими [искусствами].

[Татевский монастырь] был полон пытливыми философами, музыкантами-певцами. Роскошной была и школа с вардапетским образованием, а также бесподобными художниками и писцами [каллиграфами].

ФРИК

(30-е гг. XIII в.— 1-я четв. XIV в.)

Крупный средневековый армянский поэт и мыслитель. Основной источник биографичеких сведений о Фрике — его поэтическое наследие, включающее светские и религиозно-нравоучительные произведения. Одна из главных тем его светской поэзии — судьба армянского народа в период монголо-татарского ига. Поэт-гражданин проводит идею независимости родины, уважения достоинства и чести своего народа. Он протестует против как иноземного, национального и экономического гнета, так и социальной несправедливости и неравенства, усматривая несоответствие между социальным статусом человека и его личными достоинствами и способностями. Однако Фрик не видит реальных путей для искоренения зла, насилия и бесправия, царящих в обществе. В религиозно-назидательных произведениях он стремится внушить читателю мысль о суетности земного бытия, осуждает невежество, безнравственность, алчность, сребролюбие. В них проявляется гуманизм поэта, его симпатии к человеку вообще и труженику, в частности, искреннее сочувствие к обделенным и несправедливо униженным. Он по достоинству оценил и использовал в своих наставлениях народный фольклор, в том числе и искусство фольклора, отразил актуальные и близкие народу вопросы и облек все это в доступную художественную форму. Он по праву причисляется исследователями к ряду лучших свободомыслящих поэтов мировой средневековой литературы.

К бОГАТЫМ[1]

(Отрывок)

Зачем же о богатых
Ты так печешься, Фрик [...]

Ты прожил век — и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришел [...]

Что черно здесь, что бело,
Постичь лишь ныне смог,
Когда расстаться с телом
Душе приходит срок [...]

При жизни совершайте
Лишь добрые дела.
Вовек не пожелайте
Себе подобным зла [С. 233]

Наградою двоякой
Добро нам воздает.
В извечном мире — благо.
Здесь — славу и почет...

Сей мир — не достоянье.
Я сам себя пытал:
«Достойные деянья
Ты часто ль совершал?»...

Вас одарить мне нечем,
Но каждый, кто умен,
Моей да внемлет речи
И будет просвелен. [С. 234].

ЖАЛОБЫ[2]

(Отрывок)

Не всяк удачею отмечен,
Один угрюм, другой беспечен.

Не все красивы и умны
И обладают красноречьем [С. 240].

Одним легко даются знания,
Другим способность созиданья,
Чтоб строить над рекой мосты,
И храмы, и другие зданья... [С. 241].

КОЛЕСО СУДЬБЫ[3]

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты не права, судьба!» — и смех услышишь
без конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется
ось времен,
Ударишь ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон [...]

Судья неправедный! Зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец —
вор иль плут.
Ошибки чаще ты творишь, судьба, чем на земле
весь люд;
Ты землю, море, небо — все завораживаешь в пять минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый головой поник,
И что кругом ты неправа, какой не вымолвит язык!
Но слышу, мне судьба в ответ: «Не лай, как пес,
пустой старик

С тех пор как я — судьба, никто еще не лгал,
как этот Фрик!» [С.235].

ОТРЫВКИ ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ[4]

С самого раннего детства
Меня снедает язва учения... [С. 480].

Хоть и многословен Фрик,
Но говорит своим умом... [С. 481].

Фрик говорит так ясно,
Чтобы понял каждый человек... [С. 499].

Я подобен тому соколу,
Что не снисходит до мелкой дичи.
Чьи глаза последуют за большим,
Тот останется голодным [...]
Сердце мое, не слушай порочного,
И вовсе места злу не давай.
Тот, кто совершит зло,
Сам столкнется с другим злом... [С. 511].

КОСТАНДИН ЕРЗЫНКАЦИ
(сер. XIII — нач. XIV в.)

Знаменитый поэт, основоположник средневековой армянской любовной лирики. Биографические сведения весьма скудные. Костандин Ерзынкаци родился в городе Ерзынка провинции Екегяц Великой Армении. Образование получил в одной из школ при Тирашенском монастыре (ок. Ерзынка). Будучи крупным центром международной транзитной торговли и связанный с городами Киликийской Армении, Ерзынка приобщался к культурным ценностям Востока и Запада. Интерес к поэтическому творчеству проявился у Костандина еще в юношеские годы, в период учебы. В философско-назидательных стихотворениях Ерзынкаци получила художественно-поэтическое воплощение тема вечной борьбы добра и зла, света и тьмы, муд-

рости и невежества. Он — певец мудрости и учености. Вместе с тем все существующее —жизнь, красота, знание и им подобные ценности есть порождение любви. Поэтическое творчество Константина Ерзынкаци сыграло важную роль в развитии светской поэзии в средневековой Армении, всей духовной культуры народа.

Касаясь поэзии К. Ерзынкаци, в частности его поэмы «Весна», В. Брюсов пишет, что она «исполнена духом почти языческим, дышит необузданным веселием бытия». И далее: «По силе, по энергии стиха и языка, поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она, всеми своими частями, принадлежит великому веянью Возрождения, которое тогда едва занималось над передовыми странами Запада...» (В. Брюсов).

ИНЫЕ ЗЛОСЛОВЯТ ОБО МНЕ[1]

Я в этом мире — как глупец,
мечты — мой сладкий яд;
Иной толкует — «он мудрец»,
иной — «он бесноват» [С.71].

НАСТАВЛЕНИЕ, НУЖНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ВСЕМ

Если ты сведущ, мудр и умен,
и проницателен, и толков,
Словно цветущее дерево — ты,
ждут от тебя благодатных даров... [С. 97].

Если ты ищешь подлинный клад,
у ювелирных учась мастеров,
Если и вправду увидеть рад
блеск самоцветов и жемчугов,
Ты мудреца назиданью внемли
и добывай сокровищ улов,
Будь же алхимиком этих богатств,
стань же одним из таких мудрецов [С. 99].

О НЕВЕЖДАХ, НЕПРАВДУ ГОВОРЯЩИХ...

Кто побеждал мудрого,
если не прибегал ко злу,
Или если слово не подменял кознями
и не злословил, говоря неправду?
Это вот свет, а это вот мрак,
и нет путей их сближения [...]

Темное дело пребывает в темноте,
оставаясь тайной и утверждаясь ею.
Покажется ли темное дело на свет?
Оно боится объявиться, открыть себя... [С. 165].

А тот, кто свят и непорочен
и своими делами не легковесен,
Тот не радуется, когда хвалят,
и не печалится, когда клевещут.
Если встретится ему нищий,
или царь с золотой короной,
Он не отличит их, увидит их
одинаковыми, похожими друг на друга [С. 169].

СТИХОТВОРЕНИЕ, КОТОРОЕ ИМЕЕТ ДВОЯКИЙ СМЫСЛ...

На других взваливай столько,
сколько взвалил на себя,
Иначе ты явишь перед людьми
прах своей души.

Если пожелаешь возвести языком
красивую ограду,
Она быстро рухнет под ветром,
ибо в нее не вложен труд... [С. 177].

Говоришь: вот мои копи,
и хочешь извлечь из камня каменья,
Но не имеешь инструмента из железа,
покроешь ранами свои руки [...]

Многим ты даешь советы,
многие верят и внемлют тебе,
Но себя ты не слышишь, — уши свои
наглухо заткнул и закрыл [...]

В роскошных одеяниях
ты внешне почитаем славой.
Но что ново, станет старым,
а старое давно прошло [С. 178].

СЛОВО ТОГО ЖЕ КОСТАНДИНА

У кого есть знания великие,
тот восхваляем людьми,
У кого нет достаточной любви,
положенной в основу знаний,
Тот кичливой душой не постиг
божественной мудрости... [С. 186].

Какого бы величия ты ни достиг
будь скромен и почтителен к людям,
Каким бы мудрым ты ни был,
не говори много среди невежд.
На нищего ты не сердись,
чтобы тебя бог не осудил.
Товарищу своему яму не рой,
ибо она будет уготована тебе [С. 187].

ОВАНЕС (ОВАН) ВОРОТНЕЦИ
(1315 — 1386 гг.)

Выдающийся армянский философ, ученый, педагог и общественный деятель, основатель Татевского университета Ованес Воротнеци родился в селе Вагади Сюникской области. Он происходил из известного княжеского рода Сисакан. Философско-богословское образование получил в Гладзорском университете под руководством его ректора

Есаи Нчеци. Помимо богословских дисциплин он изучал грамматику, риторику, логику, естественнонаучные и математические науки, философию, иностранные языки — греческий и латинский. Обучение философии в Гладзорском университете велось по трудам Аристотеля, Платона, Филона Александрийского, Порфирия, Василия Кесарийского, Григория Нисского, Немесия Эмесского, Григория Богослова, Давида Анахта и других авторов.

После смерти своего учителя и закрытия Гладзорского университета в 1338 году, Ованес Воротнеци открыл школу при Воротанском монастыре и реорганизовал Татевскую школу. В 1373 году он основал Татевский университет, превратившийся в скором времени в один из крупнейших центров науки, культуры и просвещения средневековой Армении. Воротнеци организовал и возглавил идейную борьбу против политико-идеологических поползновений и культурной экспансии латинских и армянских униатов. С этой целью он в 1379 году вместе с университетом перебирается в Апракунис (Нахичеванская область исторической Армении). Затем, оставив руководство школой своему ученику Григору Татеваци, он возвращается в Татевский монастырь и приступает к плодотворной научно-педагогической деятельности. Ованес Воротнеци воспитал плеяду талантливых учеников, которые на протяжении полувека высоко несли факел просвещения и образования, питая культурную жизнь народа в труднейших исторических условиях.

Богатое научно-философское наследие Ованеса Воротнеци объемлет многие области средневекового знания: естествознание, онтологию, гносеологию, логику, психологию, этику и др. В его трудах получил дальнейшее развитие процесс углубления демаркации границ научно-философского знания и богословия, наметившегося в мировоззрении Ованеса Саркавага, усиления эмпирико-сенсуалистических тенденций. А его умеренно-номиналистическое учение явилось логико-теоретическим обоснованием развернувшейся идейно-политической борьбы армянского народа против унии армяно-григорианской и римско-католической церквей.

Важнейшими принципами, относящимися к сфере обучения, воспитания и духовного развития личности, являются: мысль человека первоначально чиста, как зеркало, которая постепенно заполняется знаниями благодаря обучению и познанию окружающего мира; процесс обучения наукам и искусствам должен идти от «привычного» к «непривычному», от известного к неизвестному, подобно тому, как детей вначале обучают буквам, а затем лишь писанию по слогам; основа учения и приобретения знаний — ежедневный упорный труд, постоянные повторы и упражнения для прочного усвоения учебного материала и закрепления в памяти; целесообразность сомнения относительно достоверности приобретаемых знаний; критерий истинности приобретаемых знаний — внешний опыт; необходимость двоякой формы обучения — устной и письменной; обучение целесообразно начать с проявлением в ученике соответствующих склонностей и способностей; на пути к учению имеются четыре препятствия — болезнь, занятость, нужда и нелюбовь к наукам; учет природных и приобретенных в результате длительного воспитания и обучения качеств человека; учение — источник нравственного и интеллектуального совершенствования человека; в основе человеческих добродетелей и поступков вообще лежит понятие меры; достоинство — индивидуальное человеческое качество, получившее всеобщее признание и проявленное в конкретных действиях и другие. Педагогические взгляды Ованеса Воротнеци базируются на теоретическом осмыслении и обобщении школьного дела и образования в Армении. Научно-философское творчество Ованеса Воротнеци — одно из высших достижений средневековой армянской философии и педагогической мысли. Выдвинутые идеи он осуществлял в процессе своей многолетней педагогической деятельности. Еще при жизни он был удостоен почетного титула «трижды великого армянского философа и учителя».

Письменное наследие философа включает около 15 трудов, среди которых наиболее ценными в научно-философском плане являются следующие: «Анализ «Категорий»

Аристотеля», «Краткий анализ книги [Аристотеля] «Об истолковании», «Краткий анализ «Введения» Порфирия», «Комментарии к «Откровениям» Филона Мудрого (Александрийского)», «Об элементах» и др. Философские сочинения Воротнеци представляют собой лекции, прочитанные в Татевском университете и Апракунисской школе, записанные, а впоследствии отредактированные и размноженные его знаменитым учеником Григором Татеваци.

Логико-философские труды Ованеса Воротнеци способствовали повышению уровня преподавания логики в Татевском университете. Кроме того, он ввел в программу обучения труды западноевропейских авторов Жильбера Порретанского, Варфоломея Болонского, Петра Арагонского, отражающие уровень западно-европейской логической мысли и переведенные на армянский язык униатами школы в 1330 — 1340-х годах.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ 1386 года[1]

Мы же со святым и прославленным на весь мир счастливым и благодатным рабунапетом и наставником владыкой Ованесом Воротнеци предавались чтению и письму в его университете. И в то тяжелое и мрачное время имя его сияло, как солнце над миром, ибо он излечивал раны каждого и удовлетворял потребности любого — князя и азата, католикоса и мудреца, и он был великой гордостью армянского народа перед всеми народами. Ибо он собирал далеких и близких, сирот и бездетных, в трудах пестовал и обучал, и удостаивал славной кафедры, одним давая [степень] наставников и священников, других пестуя как музыкантов и философов, третьих — как художников и писцов. Нерадивых он презирал как последних людей, трудолюбивых превозносил, он был пищей и одеждой, книгой и толкованием, безмятежным спокойствием для всех, и все это во имя любви к Богу и своей духовной пользы.

И пока мы, наш наставник с шестьюдесятью учениками, в его родной области, на земле Воротана, в несказанной

радости и отрадном утешении [предавались] чтению и письму святых писаний, мои безбрежные грехи подняли полчища неверных на христиан, особенно на дом Буртела, которые пришли и овладели крепостью Воротан и лишили // наследственных владений парона Смбата, сына Наника. Они хотели схватить святого нашего наставника из-за наследственных владений, но он по воле божьей ускользнул из их рук и целых два года со своими учениками переходил с места на место, проповедуя и обучая. И я, со своим грузным телом, взвалив на спину бумагу и список сочинения, перья и чернила, шел с ним, читал, и как только прибывали куда-нибудь, писал священную рукопись, претерпевая огромные трудности и страдания, ибо где начинал, там не мог завершить [С. 33—34]

[ЖИТИЕ ОВАНЕСА ВОРОТНЕЦИ][2]

Он был велик, рабунапет Ованес, факел света и солнца церкви из селения Ваганд области Воротн Сюникского края. Сын великого, прославленного князя Иванэ, знатный родом, был он мужем богоносным, мудрым и красноречивым. Это был ученый и богослов, проповедник правоверности и защитник истины, обличитель лицемеров и преграда для уст еретиков, учитель праведников и вразумитель смутьянов, утешитель скорбящих и кормилец бедняков. Подобно солнцу, освещающему мир, он выявлял смысл правоверных книг и толковал труднопостижимые сочинения философов. Он питал горячую любовь к книгам и чтению. Имел он кроткий нрав и приветливый вид, был высок ростом и благообразен, великолепен и прекрасен, благонравен и милосерд, щедр и тароват, велемудр и рассудителен. Неутомимый в обучении и непоколебимый в ответах, кроткий и приветливый для исповедующих истиннуя веру и устрашающе грозный для имеющих дурную славу диофиситов [С. 186]

АНАЛИЗ «КАТЕГОРИЙ» АРИСТОТЕЛЯ ТРИЖДЫ ВЕЛИКОГО АРМЯНСКОГО ФИЛОСОФА И УЧИТЕЛЯ ИОАННА ВОРОТНЕЦИ[3]

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ УЧЕНИКОМ ГРИГОРОМ[4]

Но почему именно этому [сочинению] было оказано предпочтение? Говорят, по двум причинам. Во-первых, потому, что это [сочинение] яснее и известнее, чем другие, вследствие чего оно стало преддверием и введением к остальным. Во-вторых, потому, что десять наивысших родов содержат в себе все сущее. Тот, кто изучает это [сочинение], получает познание обо всем, так как оно есть начало (основание) всех сочинений, написанных им [С. 3].

[Философ] сперва учит одноименному, соименному и прочему, ибо они [...] больше всего необходимы для уразумения категорий, и поэтому [он] раньше всего этому и учит. Относительно одноименных надо знать, что заблуждение в словах бывает трех видов: во-первых, по голосу, как это происходит у дикаря и варвара, во-вторых, по смыслу, как, например, глупые слова и, в-третьих, по вещи, как, // например, лживое слово. И еще заблуждение по смыслу бывает трояким: во-первых, когда [сказанное слово] никакой вещи не означает, как, например, «аралез» или «козлоолень»; во-вторых, по неправильности речи, как если бы мы сказали: человек есть создание, камень есть сущность, следовательно, душа бессмертна; в-третьих, по одноименности, как, например, создание [означает] и человека и картину. Поэтому философы говорят, что одноименность есть мать заблуждений, о чем Аристотель, великий среди философов и наибольший искатель истины, позаботился в начале своего сочинения [С. 3—5].

[Философ] пожелал ввести нас [в науку] через привычные имена (понятия) и после учить нас непривычному, подобно тому, как обучают детей вначале буквам и после писанию по слогам [С. 27].

[...] Бытие по-возможности отличает ее (общую материю) от [того] общего, что существует по-действительности,

а бытие вообще отличается от бытия отдельного, что же касается [понятий] по-возможности и по-действительности, то, следуя различающему их признаку, надо их разуметь двояко. Во-первых, когда кто-нибудь произносит слово, то это [происходит] по-действительности, а по-возможности [он] хранит молчание, когда же он молчит по-действительности, то он по-возможности говорит [...] Во-вторых, как вещь, которая находится в состоянии (в процессе) изменения, не целиком является по-возможности и не целиком по-действительности, а содержит и одно и другое [С. 57].

Все известное из предыдущего учит тому, что не нужно легкомысленно изменять [для выражения отношения] имя, которое уже имеется, а если такого [подходящего] имени не имеется и ты создаешь [для точности] новое имя, то ты должен его создать наподобие имеющихся уже [имен], как отыменное [...] // Имей в виду, что непозволительно говорить новое слово или сочинять имя, если налицо нет одного из трех условий: либо необходимости, либо [соображения] пользы, либо [соображения] славословия; если же что-то делается из дерзости или без пользы или из личного честолюбия, то следует хранить молчание [С. 127—129].

Когда писец чертит знаки, например буквы **аз** и **буки** или изображение неба и земли, либо каких-нибудь других предметов, то вместе с начертанием тотчас приходит и наименование [начертанного]. Отсюда некоторым [людям] кажется, будто предмет познания и само познание существуют совместно, вследствие чего они утверждают, что в редких случаях [познаваемое и познание возникают совместно]. Однако, если разобрать основательно, то начертание оказывается прежде познания, вследствие чего [и] говорится, что [совместное] нельзя найти ни в каком случае. Против этого говорит то, что вместе с исчезновением познаваемого [предмета] исчезает и его познание. О знании, которое приобретается [человеком], мы говорим, что оно исчезает в душе вместе с [исчезновением] вещи, так как основание [знания] находится вовне. Иное — знание у Бога, ибо оно [существует] само по себе, а не приобретено, вследствие чего не исчезает вместе с вещью. [Зависимость знания человека от внешнего] обнаруживается двояко. Во-

первых, одно (т. е. внешее) [своим отсутствием] упраздняет другое, (т. е. знание), но последнее [своим отсутствием] не упраздняет первое, как об этом мы уже сказали; во-вторых, если упразднить живое существо, которое означает мыслящего, то уже нет мышления, ибо они существуют совместно, но то, что познается, [например],—небо и земля—продолжают существовать [С. 135].

[...] Всякое сравнение имеет точный смысл [в сопоставлении вещей] одного рода, как, например, если сказать прекраснейшее [в сопоставлении] с прекрасным, храбрейший с храбрым, то в этом случае получится сравнение надлежащее. Если же сказать прекраснейшее неопределенно, то получится только лишь мнение, но не знание, так как остается неизвестным точно, в сопоставлении с каким хорошим или дурным что-то есть прекраснейшее, ибо если скажешь прекраснейшее о дурном, то этим укажешь на наибольшее [высшее] в дурном, ибо только «дурное» [будет означать] не очень дурное, а прекраснейшее в дурном есть наидурное [С. 145].

Вслед за всем этим [Аристотель] дает скромный совет всем любителям учения — и тому, кто вопрошает, и тому, кто дает ответ, иначе говоря, всякому обучающемуся и учителю, что из слов, содержащихся в книгах, имеются такие, которые легко понятны, и такие, которые трудно понятны, и такие, которые совсем непонятны. Соответственно, он говорит так: если ты дошел до чего-нибудь легко понятного, не зазнавайся и не возносись по поводу малой своей учености, а если дошел до вещей трудных, не ленись, один раз, и три раза, и десять и двадцать и тридцать раз разбери одно и то же, так как [знание] не дается по дружбе, но только по упорству, как сказано Богом, то есть, если ты не довольствуешься тебе отпущенным, Он тебе дарует за твое усердие в труде то, о чем ты просишь, а после того, как обретешь что ищешь, вернись к нему и затверди его в своей памяти, ибо, как говорит [Аристотель], полезно по поводу всякого [такого] сомневаться и колебаться. А если встретится слово, вовсе непонятное, не огорчайся и не отчаивайся и не измышляй какой-либо неправды, так как всякая ересь происходит от того, что недостает учения и сказывается бессилие в дости-

жении истины, [и вот тогда] создается ложная идея [...] И как философ сам говорит, очень трудно по приказу ответить на вопрос, если нет [предварительно] разбора и изучения [вопроса]. Что же следует делать. На это толкователь дает такой совет: ты довольствуйся тем, что будешь исследовать вопрос, если даже и не дойдешь до решения [С. 147].

Вначале говорится ***знание,*** так как теоретическое идет впереди практического, как его руководитель. Знание двойственно, происходя от науки и искусства; двойственна и добродетель — душевная и телесная или божественная и человеческая [С. 155].

Воля, когда она порождает в нас желание к чему-нибудь доброму или злому, есть расположение и она есть родовое, но обращение к практике и совершение дела, занятие им некоторое время и [затем] изменение [своего занятия] — есть расположение, доведение же до конца [начатого] дела и в последнем длительная практика — это есть свойство. Такой же характер носят первоначальные наши расположения, которыми мы по нашей свободной воле руководствуемся, приступая к чему-нибудь, однако еще ничего [практически] не предпринимая. Во-вторых, сперва имеется расположение, которое сводится к тому, чтобы пожелать, а затем [возникает] свойство, что означает его приобретение [...] И здесь имеются четыре помехи на пути обучения [чему-нибудь]: первое — болезнь, второе — занятость, третье — нужда, четвертое — нелюбовь [к учению] [С. 157—159].

Так же как в теле определенные [стороны] имеются от рождения, а другие возникают позже, а именно — благодаря состоянию, [при чем] и то и другое бывают трудно изменчивы, между тем чувства появляются позже и они быстротечны, как, [например], покраснение или побледнение, и о душе говорится аналогичное, так как некоторые люди от рождения бывают свирепы и гневливы, другие же становятся такими позже, благодаря каким-либо несчастным случаям [или болезни], когда [человек] продолжительное время передвигается с трудом или же вовсе [остается] неподвижным. И вот, об этих [людях] высказываются по отыменному, как, [например]: гневливый от [понятия] гнев, и свире-

пый от [понятия] свирепость. У некоторых людей гнев возникает легко, вроде тех [людей], которые гневаются от досады, и у которых гнев исчезает и сменяется на добродушие, как только дело находит благополучный исход. Именно про это по-преимуществу говорится расположение, но не качественность [С. 169].

Сказанного достаточно для [человека с] мудрой душой, [чтобы] путем размышления бороться против природы и перейти от дурных побуждений к добрым.

А что представляет собой припадок свирепости? То, что в таком припадке [человек] теряет породный разум и сходит с ума и преображается, и тот, кто [обычно бывает] мудр и тих, становится свиреп и гневлив. С четырех сторон различаются страсти и пассивные качества. Во-первых, страсти [даны не от природы, но приходят] позднее; во-вторых, они быстротечны, в-третьих, легко переменчивы, в-четвертых, не отыменны. Пассивные же качества [таковы]: они [существуют] либо от природы, либо они трудно-изменчивы, либо длительны по времени, либо отыменны. Таким образом, под пассивными качествами // и страстями разумеется то, что или [люди] страдают припадком от природы, или они больны по случайности и [припадочны] поневоле, но в обоих случаях [они припадочны] бессознательно, вследствие чего заслуживают снисхождения, между тем, страсти, как известно, возникают по доброй воле, [таят] силу и сознательность, бывают неотступны, когда они длятся долго, и бывают преходящи, когда они легко переменчивы [С. 171—173].

И справедливость считается больше и меньше в соответствии с тем, в какой мере низшие части [души] подчиняются высшим, иначе говоря — чем больше подчиняются вожделение и гнев разуму, тем больше считается человек справедливым [С. 189].

Быть добродетельным или порочным присуще человеку, но также о прочем говорится то же, как, [например], о хорошем и дурном холсте, о скромной горлице и похотливом воробье, добром и злом ангеле. Также и душа не должна обязательно быть только добродетельной или порочной, но между [этими крайностями] существует многое, что не

является ни дурным, ни добродетельным, ни добрым, ни злым и т. д., ибо это есть серединное, которое не имеет названия и которое он (Аристотель) обозначает через отрицание обеих крайностей [С. 209].

То, что является природным качеством души, как справедливость и несправедливость, не имеет середины, но то, что благоприобретено, что носит телесный характер, имеет середину, [как и] то, что приобретено в результате размышлений и [силой] воли, будь доброе или злое, что есть обладание (способность), этим словом, (т. е. добром или злом) и обозначается, а то, что происходит по настроению, зовется серединой между двумя [крайностями]. [С. 209—211].

Между тем, философ в начале ставит лишенность, и после — обладание, ибо он говорит во множественном числе об обладании и о лишенности, как [он говорит] о познании, [говоря] об искусстве и о прочем подобном, которые представляют собой обладание и лишенность, о чем сейчас нет речи; здесь же через обладание он учит (разъясняет) лишенность, вследствие чего лишенность он ставит впереди обладания [С. 211].

Добродетель и порок он рассматривает как противоположности изменчивые, говоря, что когда порочный [человек] занимается благим делом, то есть находится среди [людей] мудрых и добродетельных и предается учению, то он мало-помалу изменяется в сторону лучшего и затем растет в этом направлении. Такой же пример представляет и непросвещенный человек, когда он постепенно доходит до знаний. Так и порочный [человек] растет в сторону хорошего и доходит до полной добродетели, если только время [для этого] не окажется недостаточным. [С. 229].

Однако, некоторые говорят, что подлинно добродетельный человек не переходит в порочного, и это по четырем основаниям: во-первых, душа [такого человека] проста, во-вторых, [она обладает] волей, в-третьих, [она обладает] знанием и, в-четвертых, [она обладает] способностью [С. 229].

Линия, которая начерчена на доске, стирается легко, но линия, выбитая на ней, [стирается] с трудом. // Точно

также, говорят, [происходит] с добродетелью в душе [человека]: она там [успевает] сродниться и становится прочной. На это толкователь отвечает двояко. Во-первых, указывается на то, что добродетель и порок — это не соотнесенные противопоставления, как и не принадлежат к лишенности и не образуют противоречия, но предстают противоположные противопоставления и являются изменчивыми противоположностями. И так как изменчивые противоположности иногда принимают одно [содержание], а иногда другое, то так же, как возможно из порока перейти к добродетели, возможно и из добродетели перейти к пороку. Во-вторых, он указывает на три обстоятельства: первое, наше тело по природе подвержено изменениям; второе, наши мысли и воля изменчивы; третье, силы нашей души зависят (следуют) от состава (смешения частей) души, и прежде всего таким образом, что по своей природе наше тело изменчиво [и подвержено] хвори и всевозможным болезням. Поэтому, если добродетель имелась тогда, когда тело было здорово, то при его болезни она в нем изменяется, и хотя она возникла по свободной воле [человека], болезнь и здоровье возникают в человеке часто и без всякой его воли, и несмотря на то, что [добродетель] находится в душе, силы души часто следуют за [внутренним] составом тела [и сказываются] как печаль, гнев, страх, в особеннсоти же как припадок чрезмерного возбуждения (экстаза) [С. 229—231].

Всякий мужественный человек знает величину и время во всяком деле, какое бы он ни совершал, касается ли это того, чтобы поститься или молиться или любого другого дела. А [человек] неумеренный такой разборчивости совсем не проявляет. Трусость представляет нижний предел [мужества], ибо из-за трусости человек не бывает [настолько] смелым, чтобы пойти на войну. Верхний предел [мужества] есть дерзость, которая, благодаря своей крайности, не проявляет подобной разборчивости... [С. 247].

Надо учесть и то, что меру храбрости так или иначе возможно определить мерой благоразумия, так как человек благоразумный в любом своем деле (начинании) выбирает себе [нужных] людей, с кем ему надлежит действовать, а также время, меру и, особенно, место.

К нижней крайности [добра] относится скупость, ибо скупой человек далек от того, чтобы разбираться [в указанных вопросах], К верхней крайности относится также развратник, ибо такой человек, во власти похоти, не разбирает людей, ни меры, ни времени, ни места.

Приведенное определение распространяется и на меру рассудительности, что относится к речи, ибо рассудительный человек с умом выбирает подходящее время и место и то, кому говорит и [самую] меру [своей] речи. Такой человек знает время, когда и о чем говорить, так как в пору спокойного состояния не скажешь того, что в час перебранки; он и место знает, ибо то, что говорится на похоронах, — печальное, того не скажешь на свадьбе,—веселое; он и в собеседнике станет разбираться, так как на один лад говорится с господином, на другой — со слугой; он и меру знает своему слову, чтобы сказать не меньше того, что нужно, дабы слушатель не остался недоволен, и не больше того, дабы слушателю не наскучить. [Здесь] нижней крайностью служит глупость, т. е. невежество, ибо невежда будет болтать без всякого смысла о чем угодно, где угодно и с кем угодно. Верхней крайностью служит хитрость, что означает безмерную [расчетливость] мысли. Также и хитрец покидает меру, означающую благоразумие, затевает безмерное, на что у него не хватает сил, и со всеми говорит с лукавством, не считаясь ни с местом, ни с временем, ибо считаться с этим — дело мудрости, а хитрец не обладает мерой мудрости. [С. 249].

Науки, что означают мудрость, двояко бывают предпочтительны. Во-первых, отдельные части философии имеют предпочтение одна перед другой, [а именно:] из отдельных частей теоретической философии. Сперва идет естествознание, затем математика и теология; арифметика имеет предпочтение перед музыкой и геометрия перед астрономией. Так же — и среди отдельных частей практической философии: здесь этика имеет предпочтение перед экономикой и политикой. Причины этого объясняет философ Давид в своих «Определениях». Во-вторых, предпочтение имеют начала видимого, поскольку для геометрии началами

служат: точка, линия, поверхность, диаметр, то есть тело, и уже после следует теория геометрии. [С. 261].

Достойное есть то, что само по себе прекрасно и почитается со стороны всех людей, как: золото, бриллиант, жемчуг и тому подобное, а хорошее есть то, что будь оно прекрасно само по себе или нет, оно желательно отдельным людям и предпочтительно перед другими [вещами], и так: достоин жемчуг, но хорош и камень на [кладку] стены; достойно золото, но хорошо железо в час войны для изготовления мечей,—так и остальное. [С. 263].

Разъясняя это, [толкователь] говорил, что [первое] время относится к детскому возрасту, а второе — к зрелому, но детский возраст для зрелого возраста не зовется старейшим, либо древнейшим, либо наиболее ранним. Почему это так? Потому, что детский возраст имеет срок недолгий, а взрослый возраст имеет срок долгий, а малый срок для большого не будет называться старейшим и наиболее ранним. Прими во внимание, что и старческий возраст для детского возраста не будет наиболее ранним и старейшим. Почему? А потому, что старческой возраст и время старости — это второе время для своего детского возраста и детского времени, а второе не может быть для первого прежним и старейшим [С. 265].

Они же [нехристиане] называют [философов] трижды великими [также по трем причинам]. Во-первых, совершенный философ уподобляется Богу своей добротой, мудростью и могуществом [своих познаний], как об этом говорит Давид [Непобедимый]. Во-вторых, [потому, что философ]—совершенный мудрец в теоретической философии, то есть в естествознании, математике и в богословии, и, в-третьих, [потому, что философ] полностью владеет и [составными] частями практической [философии], то есть [наукой] о нравственности, экономике и политике [С. 295].

КРАТКИЙ АНАЛИЗ МНОГОТРУДНЫХ ВОПРОСОВ ПОРФИРИЯ

Что касается познающей мысли, то она имеет две возможности: [активную —] воздействия и [пассивную —] вос-

приятия. Через силу воздействия [мысли в душе] загорается свет воображения, подобно светящему над телами солнцу, и тогда просвещенное воображение различает в материальной природе случайности и постижимую ее сущность, и тогда воспринимающая сила мысли обретает в себе знание того, что есть бестелесная сущность [С. 301].

Согласно Аристотелю, всякое действование не бывает иначе, как со знанием, как и не бывает знания без действия [С. 305].

ГРИГОР ТАТЕВАЦИ
(1346 — 1409 гг.)

Григор Татеваци — крупнейший армянский философ, педагог, музыкант, церковно-политический мыслитель и деятель эпохи. Родился в городе-крепости Тмкаберд Гугаркской области[1] в семье ремесленника. Образование получил в Татевской школе под руководством Ованеса Воротнеци, став впоследствии его помощником и секретарем. После смерти своего учителя Татеваци возглавил Татевский университет. Непрерывные опустошительные войны между туркменскими племенами Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу на территории Армении вынуждали постоянно менять местопребывание школы, организовать «передвижное» обучение. Кроме того, Татеваци исполнял функции руководителя и Апракунисской высшей школы, читал лекции по различным научным дисциплинам в Мецопской[2], Сагмосаванкской[3] и Ереванской высших школах, выступал с публичными лекциями, проповедями и речами перед мирянами и духовенством, в которых освещались также многие злободневные проблемы. Он был не только великим учителем и просветителем своего народа, но и идейным вождем развернувшейся еще при жизни Ованеса Воротнеци борьбы против политико-идеологической экспансии папской курии, завершившейся идейно-теоретической победой, в результате чего Армянская Апостольская церковь и народ сохранили свою независимость, духовно-религиоз-

ный суверенитет. Вскоре после смерти Татеваци руководимый им университет был закрыт, однако его позитивное влияние благодаря многочисленным ученикам и выпускникам сохранилось до середины XV века.

Татеваци оставил множество трудов почти по всем областям средневековой философии и науки, многие из которых были написаны в учебных целях и служили в качестве школьных пособий также и в других высших школах средневековой Армении. Немало места он уделяет вопросам обучения, образования и воспитания, проявляя зачастую оригинальный и прогрессивный для того времени подход к решению многих из них. Согласно Татеваци человек рождается от природы «голым»: все телесные и духовные блага он приобретает после рождения. Душа человека первоначально чиста как чистое зеркало и наполняется содержанием (знаниями) в процессе длительного воспитания, обучения, наблюдения и исследования внешнего мира. В человеке от природы заложена лишь потенциальная «способность к познанию» и учению, которая актуализируется постепенно благодаря воспитанию и образованию.

В раскрытии потенциальных способностей ребенка, формировании его внутреннего духовного мира важное место Татеваци отводит учителю-наставнику, основная функция которого заключается в ограждении ученика от внешних порочных влияний, в привитии любознательности и незаметного, постепенного заполнения его «душевной чистоты». Обучение необходимо начать с семилетнего возраста, то есть когда органы чувств ребенка весьма восприимчивы, а душа свободна и пока еще чиста от повседневных мирских забот и излишней информации. В процессе обучения учитель должен руководствоваться принципами наглядности, ясности и доступности. Подобно тому как природа постепенно поднимается от несовершенного к совершенному, так и процесс обучения должен строиться по принципу перехода от простого к сложному, от известного к неизвестному. При этом учитель должен учесть как индивидуальные умственные способности учеников, так и степень их физического разви-

тия. Сочетание нравственно-интеллектуального и физического воспитания — основа гармонического развития ребенка.

Преподавание учебного материала должно вестись в определенной логической последовательности. Обучение — длительный и многоэтапный процесс. Переход от одного этапа к следующему правомерен лишь после глубокого усвоения всего объема знаний предыдущего этапа. Показатель степени усвоения учебного материала заключается не в слепом заучивании текстов, а в выработке способности практического применения приобретенных знаний. Крайняя форма наказания —«наставление палкой», то есть телесное наказание. Приобщение детей к труду, обучение их ремеслам (трудовое воспитание) — одна из важнейших и необходимых форм воспитания молодого поколения.

Перу Григора Татеваци принадлежит большое количество оригинальных и комментаторских сочинений, среди которых выделяются: «Книга проповедей» (Летний и Зимний тома), «Книга вопрошений», «Краткий анализ учения Давида [Анахта]», «Краткий анализ «Добродетели» Аристотеля», «Анализ сочинения [Аристотеля] «О мире», «Краткий анализ книги Порфирия» и другие.

В упомянутых работах Григора Татеваци содержится богатейший материал по вопросам гносеологии, онтологии, натурфилософии, психологии, этики, эстетики, социально-политических и экономических учений, а также педагогики, дидактики, методики обучения и т. д. Кроме того, он написал большое количество различных речей, проповедей и толкований, в которых нашли отражение многие стороны социально-политической, экономической и культурной жизни армянского народа, переживавшего один из драматических периодов своей истории.

В двух объемистых фолиантах «Книги проповедей», как и во многих других трудах Татеваци содержится целый ряд текстов, пространных пассажей, написанных в назидание отрокам и посвященных проблемам школьного дела, образования, воспитания, нравственного и интеллектуального развития, раскрытия потенциальных спо-

собностей, заложенных в человеке от природы, соотношения природного таланта и приобретенного знания, физического и духовного начал в формировании человеческой личности и т. д.

Творчество Григора Татеваци — одна из вершин развития средневековой армянской теоретической мысли, аккумулировавшего многие завоевания предшествующих культурно-исторических эпох и в значительной степени вышедшего за рамки средневекового мышления. Однако очередное иноземное иго прервало этот процесс. Его многочисленные ученики сумели лишь на время оттянуть культурно-образовательный упадок, обусловленный внешними факторами.

ЖИТИЕ И ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОГО ТРИЖДЫ ВЕЛИКОГО НЕПОБЕДИМОГО СВ. ГРИГОРА[4] ТАТЕВАЦИ, УЧЕНИКА ВЕЛИКОГО ВАРДАПЕТА АРМЯНСКОГО, СВЕТОЗАРНОГО ВАРДАПЕТА СВ. ОВАНЕСА ВОРОТНЕЦИ[5]

Как только ему исполнилось семь лет, [они][6] стали его обучать Св. писанию. [Учеба] длилась семь лет. С каждым годом в нем все более проявлялся Божий дар. Он совершил множество чудес в детстве, о чем записано в его полной истории. К четырнадцати годам отрок Григор, на которого снизошел Божий дух, отличался столь высоким и плодоносящим умом, что к нему за пояснениями [книг] Св. писания обращались даже вардапеты, и он давал им ответы прекрасными толкованиями. И случилось как-то быть им в городе Тифлисе. Там он встретился с великим армянским вардапетом, учеником великого Есаи[7]. Увидев отрока, с горячей любовью изучавшего Божественное писание, св. Ованес [Воротнеци] взял его к себе в ученики. [И с тех пор] на протяжении двадцати восьми лет он как наставник воспитывал и обучал его. [С. 192]

Он повез его с собой в город Иерусалим, где ступал Господь, и там возвел его в чин безбрачного священника [...] И прибыв в область Екелеац, что в Ерзнка[8], [Воротнеци]

вручил ему вардапетский посох. Оттуда божественный вардапет Ованес со своими учениками возвратился в свою область. Вокруг него собралось множество вардапетов для просвещения народа армянского. Ибо знаниями своими он превзошел ученнейших людей всех народов. Блаженный великий вардапет Ованес в 807 г. нашего летосчисления [1358 г.] поручил вардапету Григору толкование Божественных сочинений, соответствующее вардапетской степени, дабы дать ему право, власть и посох архимандрита. В тот же год он захворал и понял, что должен переселиться в неизреченный свет. Тогда он призвал к себе своих учеников и благословил их духовным и Божественным благословением. Григора же поставил над всеми учителем и поручил ему свою паству [С. 192—193]

После его (Воротнеци — К. М.) смерти с согласия всех на вардапетскую кафедру возвели великого Григора, приводившего в изумление ангелов непостижимым подвижничеством, совершенной мудростью и неиссякаемым наставничеством. У учителя были две школы в Ерин джаке[9], и два года преподавал он, занимая [там] вардапетскую кафедру. Но затем со своими учениками отправился в св. обитель, в прославленный и благодатный престол апостола Евстафия[10] во владении Орбелянов, к армянскому князю Смбату, сыну Иванэ и внуку Буртела. Здесь он также набрал множество учеников и просвещал народ наш истинной верой. Правильным наставлением и поучением он раскрывал труднопостижимые мысли книг Св. писания. Ибо светлой мыслью и крыльями всесвятого Духа взлетал и возносился он к духовному саду и Божественным сочинениям, по данной ему милости Божьей выявляя глубины сокрытого. И точно пчела, летающая над многоразличными цветами в далеких краях и приносящая сладкий нектар и целебное зелье, святой вардапет Григор Татеваци Божественной мыслью проникал в Ветхий и Новый [заветы] и собирал Божественное. Отделяя также полезное из внешних наук, он сплел светлые венцы и возложил на головы отроков церкви как крепкий щит против иноверцев. Постоянно получая его от Христа, он неустанно обучал и просвещал армянскую церковь. Точно сияющее полуденное солнце сверкал он тысяча-

ми лучей. К нему приходили греческие и латинские риторы, слушали его речи, преисполненные беспредельных знаний, которые как неиссякаемый источник лились из уст его. Мудролюбы поражались и дивились этому. Ибо мудрость его была совершенна, а знания — необозримы [С. 193]

Он написал множество сочинений для церкви, сиречь: «Великое вопрошение», Толкование сочинений Аристотеля — «Категорий», «Периармениаса» (Об истолковании), «О добродетели», «Введения», а [также] Толкование «Книги ученых бесед», Выборочное толкование псалмов, Выборочное толкование «Притчей», «Песни песней», «[Книги] Премудростей», «[Книги] Еклессиаста», «Летний том», «Зимний том», Толкование «Книги Иова», Выборочное толкование Евангелия от Иоанна, Толкование книги «К тем», «Малого вопрошения Георга», Выборочное [толкование] Евангелия от Матфея, Выборочное [толкование Книги] Исайи, «Книгу Златочрев» и сочинение «О правилах посвящения в сан архимандрита».

Он написал также множество других сочинений, о которых мы здесь не упомянули, но по которым учатся по сей день и проповедуют по ним вардапеты церкви. Его называют вторым Иоанном Златоустом и Григорием Богословом за то, что он, видя нашу слепоту, поучал всенародно [...] И был так великолепен и столь [щедро] одарен милостями, что [ученики] сравнивали своего вардапета с Господом нашим Иисусом Христом. Великий и всеармянский учитель Григор был исполнен светозарного дара св. Духа. Он стал вторым просветителем армян и совершеннейшим богословом над всеми мудрецами, древними и новыми вардапетами. У него было много учеников. [С. 194]

Он начал обучать их (учеников — К. М.) сочинениям внешних философов и с совершенной мудростью, выявляя, раскрывал смысл сокровищ. И приводил всех в большее изумление, чем эллинские философы. А затем [разобрал с ними] 14 посланий апостола Павла и «К тем» Григория Богослова [...]

И двенадцать [святых] братьев, ученики великого Саргиса, после смерти своего вардапета отправились учиться к

великому вардапету Григору [...] Но затем учитель Григор из-за гонений неверных покинул Сюникскую область и, взяв с собой всех своих учеников и вардапетов, отправился в Арчешскую область. Он поселился в богоугодном св. Мецопском монастыре. [С. 194—195]

И великий вардапет Григор благословил соученика своего Ованеса со всеми питомцами. А через несколько дней, взяв своих учеников, он отправился преподавать из области в область по стране Армянской. К нему присоединился вардапет Ованес со своими учениками. Многих из раскольников он обратил к истинной вере, следуя в истолковании Ветхого и Нового Божественного писания первым святым отцам-богословам. С помощью внешнего философского искусства он заткнул рот еретикам. И они, вновь став на путь истинный, пали в ноги учителю Григору и молили его об отпущении грехов и прощении. Он написал письмо католикосу, и тот снял с них проклятие. [Григор] проповедовал также среди иноплеменных и приводил им множество свидетельств из арабских сочинений, в которых ясно говорилось, что Христос — истинный Бог, и многие уверовали в Христа и были крещены [...]. Он безбоязненно излечивал не только христиан, но и неверных. И все неверные любили его и называли святым [...]. Нательной и верхней одеждой ему, как и его ученикам, служила власяница, подпоясанная веревкой. Они не стяжали ни серебра, ни золота. И никто не имел двух одежд. Если же кто-нибудь получал подношение, в тот же час раздавал нищим. Они наполнили себя священными сочинениями и воспламенены были любовью к священному Божественному писанию.

Оттуда он отправился со своими любознательными учениками в благодатный свой престол св. апостола Евстафия [...] А затем призвал к себе своих учеников и в торжественной обстановке вручил им [вардапетский] жезл, [предоставляющий им] право проповедовать по всей земле Евангелие Христово не только христианам, но и всем иноверцам. Он учил их никого не бояться и не утаивать мыслей Св. писания, а открыто проповедовать истину [...] Вы обязаны пожертвовать своею жизнью за правду. И уста ваши да не изрекут никогда лжи». И много другого наставлял

он делать или не делать. «Смело проповедуйте, — говорил он, — истинное учение первых святых отцов в борьбе с противниками». И много другого назидательного завещал он своим ученикам. [С. 196—197]

КНИГА ВОПРОШЕНИЙ[11]

Если бы все наши высказывания были бы истинными, то не они следовали бы за вещами, а [наоборот], вещь следовала бы за мыслью, что является очевидной ложью, так как не постоянное следует за преходящим, а наоборот. Ибо следы порождаются движением ног, а не ноги — следами, как и тень порождается телом, а не тело — тенью. Следовательно ясно, что мысль не может свидетельствовать об истинности вещи, а вещь определяет истинность мысли в зависимости от того, существует вещь или не существует [...] Если бы все сказанное нами было бы истинным по необходимости, то все наши рассуждения и изыскания были бы излишними [С. 8—9].

Человеческие поступки управляются свободной волей, и свободная воля не подчиняется небесным телам [С.10].

Если бы существовало предопределение, то не было бы свободной воли, и вот, если мы обладаем волей и источник деяний находится в нас и вокруг нас, то, разумеется, нет предопределения, которое исходило бы откуда-то извне. [...]

Кому принадлежит вещь (орудие), с помощью которого совершается действие, тому должно принадлежать и деяние, как действительное, так и страдательное. И вот, человеку принадлежат душа, тело, руки, следовательно, человеку же принадлежат и дела его, как добрые, так и злые; значит, это [результат] нашего действия, а не предопределения [С. 11].

Если бы существовало предопределение, то неправомочны были бы суд и следствие, законы гражданские, не было бы достойной отплаты за добро и зло, ибо если предопределение насильственно принуждает совершать это, то

к року, а не к человеку должны относиться и почести и наказания. [С. 12]

Как от слепоты происходит физическая тьма, так и от невежества мысли — темнота и заблуждения, цепи и гири, разорванность и уродство [С. 103—104].

Известно, что ложь, сомнение и отсутствие подобия (познаваемого объекта в мысли) является мучением для разума, тогда как истина, разрешение и подобие являются для разума отдохновением (наслаждением) [С. 104].

Чего не достигла природа, того не может постичь и наша мысль... [При этом] мы познаем по частям и одно после другого, с большим или меньшим знанием и соответственно изменению вещи [С. 118].

Существуют два [вида] человеческого познания: естественное и благодатное. Естественное [познание] имеет три особенности. Во-первых, оно преклоняется перед познаваемым, находящимся перед ним. Во-вторых, соединяется с ним. В-третьих, расчленяет его на многие части и таким образом находит истину. Таково естественное познание философов. А благодатное познание противоположно этому, ибо непосредственно и просто возвышается до знания божественного... [С. 120].

Подобно тому, как видя письмена, мы постигаем их смысл, [так и] узрев качество и количество, мы познаем сущность вещи [С. 131].

Все существующее познается посредством имени или определения, однако определением в большей мере, чем именем [С. 140].

Так как [человек] обладает органами чувств, то есть глазами, ушами и т. д., по этой причине с помощью письма и речи, то есть посредством чтения и слушания мы собираем знания [...] Кроме того, известно, что письмо способствует приобретению знаний [С. 143].

Разумное познание различается многими способами. Во-первых, оно само собою познает. Во-вторых, [познает] посредством органов чувств. И то, что познает само по себе делится на два [вида]: бывает, что разумное познание собирает в себе от памяти, рассуждения, мнения и т. д. [...]. И это является высшим [видом] познания. И называется оно рациональным познанием. А бывает, что познание делится на память, на суждение и т. д. и посредством их познает и созерцает Бога. Это также является совершенным познанием и называется оно естественным познанием.

А то, что познается ощущениями [...] называется чувственным познанием. И оно нуждается в двух вещах, а именно: органы чувств должны быть здоровы и предлежащий чувственно-воспринимаемый предмет отчетливым. Только в этом случае проникает чистое видение от них (предметов); если же этого не происходит, то разум не в состоянии созерцать их [С. 143].

Письмо это то, что написано (начертано); буква же это то, что является наименованием письма, как [например] когда говорим ***а*** [С. 177].

[Земля] является нашей матерью, которая рождает всех нас. Она же является изобильным столом, с которого мы все вкушаем. Она же наша наставница и кормилица. Она же является основой для обучения искусствам, добродетели и мудрости. Она же наша могила и последнее пристанище [С. 211].

Всякой вещи необходимо наименование, ибо прежде всего с помощью имени вещь существует в нашем разуме [...]

Имя есть краткое определение, выражающее природу подлежащей вещи [...].

Ибо [Бог] изъявил желание дабы человек был самовластным, поэтому повелел ему дать наименования, какие пожелает [С. 219].

Языком столкнувшись с воздухом звук достигает слуховых органов и там остается вовне, и бестелесное слово находит пристанище в разуме слушающих [...]

Бестелесное слово является порождением разума, а звук есть движение воздуха, [возникшее] от столкновения голосовых инструментов и воздуха [С. 230].

Человек является царем и господином над всеми животными, вследствие чего все животные имеют низко опущенную голову, как слуги и подданные, а человек имеет вертикальную [походку], подобно азату и царю [...], ибо животные довольствуются только пищей и естественным побуждением, а человек удовлетворяется больше красотой восприятия, когда созерцает глазами небо и землю и собирает истинные знания [...] Ибо, если [человек] имел бы опущенную голову, подобно другим животным, то возникло бы препятствие для чувственного восприятия и произошло бы оскудение знаний [...] Голова человека поднята, дабы язык и руки служили мышлению и труду. Если же человек имел бы опущенную голову и обе руки его покоились на земле, то он не смог бы трудиться. И ему нужны были бы удлиненный язык и утолщенные губы, чтобы собирать пищу, но тогда [язык] не смог бы служить разуму как теперь [С. 233].

Именно эта созидательная сила, [заключенная в семенном веществе], сначала подготавливает материю к жизни, затем — к ощущению и лишь потом — к мышлению, И это так, ибо природа не может творить сразу, внезапно — она развивается постепенно, поднимаясь от несовершенного к совершенному. Подобно этому новорожденное дитя в скрытой форме содержит в себе [разумную] душу, однако сначала он питается, затем — ощущает и лишь потом начинает говорить. Подобным же образом разумей и внутриутробную жизнь младенца [С. 255].

Мудростью, во-первых, называется [знание] тех, кто исследует природу вещей и движение небесных светил, как, например, греческие мудрецы. Для них средством познания является запоминание, а объектом — небесные тела и сущность [земных] вещей. Во-вторых, мудростью называется изобретение различных искусств [...] Средством познания для тех, [кто занимается искусством], являются руки

и пальцы, а объектом — земные материи. В-третьих, мудростью называется и разумное изыскание тех [людей], которые, постигнув понятия, отделяют истину от лжи. Для них средством познания является размышление, а объектом — различия между понятиями. И, в-четвертых, совершенной мудростью является прикосновение познанием к Богу и божественным сущностям и идеальной жизни [С. 269].

Из одного грубого халдейского языка смешались и возникли различные [языки]..., ибо, хотя раздробление единого языка на многие и кажется наказанием, однако оно оказалось и полезным. Во-первых, для красоты языка, ибо как один цвет украшается другим цветом и одно искусство — другим искусством, точно так же [один] язык [посредством] другого языка делается прекраснее в слове. Во-вторых, [полезно] для [выявления] этимологии слов [С. 297].

Язык называется границей, которая разделяет друг от друга все народы, ибо подобно стене и [межевым] знакам устанавливает границы [между ними]. Кроме того, как граница указывает на [наличие] различных народов, точно так же и язык удостоверяет [существование] каждого народа [С. 298].

А народ, имеющий свою письменность и пользующийся алфавитом, является отдельным народом. К ним относятся: евреи, халдеи, ассирийцы, персы, мары, индийцы, финикийцы, римляне, то есть испанцы. А некоторые из арабов и македонцев [взяли письмена] у евреев, а другая часть — нет. А иверы и [кавказские] албанцы не обладают совершенной, самобытной письменностью, а взяли ее у армян, подобно тому, как ассирийцы и исмаильтяне [взяли письмена] у евреев [С. 299].

КНИГА ПРОПОВЕДЕЙ. ЛЕТНИЙ ТОМ[12]

Ощущения являются орудиями разума, посредством которых он видит, слышит и т. д. Когда они пресечены, ра-

зум также перестает действовать, подобно тому, как ремесленники, не имеющие орудий, не в состоянии ничего произвести [С. 120]

Истина есть цель разума, подобно тому как добро есть цель добродетели. Истина сильнее и возвышеннее, чем все остальное. Я полагаю, что истинное как таковое не уничтожается, а лишь удаляется от лжи. Истина есть соответствие вещи и высказывания [С. 27—28].

Истина не приемлет клятвы, ибо, во-первых, истинное не нуждается в засвидетельствовании посредством клятвы, так как оно истинно и очевидно само по себе, во-вторых, мы не знаем достоверной истины, то есть действительно она [является таковой] или же основана на мнении. Поэтому не следует клясться ни в достоверной истине, ни в воображаемой, в-третьих, когда [человек] привыкает [к клятве], то он не различает ложное и истинное, но относительно всех вещей клянется неопределенно, вследствие чего ложь кажется истиной, а истина — ложью [С. 34].

Душа [человека] имеет три силы или части: растительную, чувственную (животную) и разумную. Растительная душа, как поглощающая сила, сила роста и т. д. совершенно не подчиняется человеку; эти силы вовсе не слушаются нас — они действуют согласно собственной природе. Они более активны во сне, чем тогда, когда мы бодрствуем. А животная часть иногда подчиняется нам, иногда под давлением страха и стыда подчиняется разуму и перестает желать и гневаться. Разумная же часть полностью подчиняется человеку, как, например, познавательная способность и воля. Познавательная способность есть ум и рассудок, посредством которых мы постигаем истину, а воля есть то властвующее начало, посредством которого мы творим добро [С. 73]

Мы от природы [рождаемся] обнаженными и лишенными всех благ — как телесных, так и духовных, так как мы не имеем ни естественного одеяния, подобно животным, ни оружия, ни чего-либо другого. То же самое относится и к ду-

ховным [благам], ибо мы [изначально] не обладаем ни святостью, ни мудростью, ни чем-либо другим. Но все это мы приобретаем потом — святость и знание для души, одежду и другие необходимые вещи для телесных нужд.

И мы созданы так, дабы трудом и деятельностью приобрели и то и другое: телесные нужды удовлетворяли бы трудом, а духовные — добродетелью и образованием. Праздный человек ничего не имеет для прокормления, поэтому чтобы выжить, он замышляет воровство, насилие и разбой. Кроме того, бездеятельный человек со временем становится грузным телом и слабеет [С. 105].

Мы беспрестанно напрягаем силы и трудимся, мы все время в работе, в молитвах, в учении [...], ибо занимаемся всякой работой, то есть физическим трудом, духовной добродетелью и умственным образованием, И это по трем причинам. Во-первых, они взаимополезны и являются отдыхом в отношении друг друга, подобно тому как меняя пищу, иногда употребляя эту, а иногда — другую, мы получаем удовольствие. Точно так же [занятие] то физическим трудом, то добродетелью, то образованием приятно и полезно для человека [С. 106].

Деловой человек подобен плодоносящему дереву, тогда как бездельник похож на бесплодную смоковницу [...], а такой человек противен всем созданиям, ибо все приносят пользу другим [С. 109]

Для тех, кто обучается разумным искусствам трудиться означает усердствовать, учиться и сохранить, то есть крепко удерживать в памяти изученное, ибо обучение есть воспоминание [С. 109].

Язык у нас называется словом, так как является орудием разума [С. 218].

При помощи языка мы говорим друг с другом и тайные мысли души выражаем посредством языка; выражаем свои нужды, просим необходимое; созидание и разрушение, куплю и продажу — все это совершаем посредством

языка [...] Языком и мудростью [люди] отличаются от бессловесных [животных]; мы господствуем, повелеваем и царствуем, отправляемся из одной страны в другую, переплываем море, путешествуем и благодаря языку добываем нужное нам [С. 221].

Умеренность, прежде всего, это то, когда говорят мало и не часто, а чрезмерная болтовня является недостатком человека [...] Во-вторых, умеренной является [речь], которая произносится спокойно, а не быстро и громко.

Упорядоченная речь также бывает двоякой. Во-первых, тот, кто знает начало, середину и конец речи, говорит упорядоченно, подобно тому, как поочередно меняем ноги, сначала близко, а затем — далеко. Во-вторых, упорядоченная речь является истинной, а неупорядоченная — ложной [...] Но если ложь непреднамеренная и [проистекает] от незнания, то она становится пустословием. Следовательно, необходимо остерегаться неупорядоченного слова и лжи — умышленной или неумышленной, как прелюбодеяния языка [С. 405].

И вот необходимо знать, что когда разум ошибается, вместе с ним ошибаются также душа и тело. Так, когда ошибаются священники и князья, заодно с ними ошибаются все подданные, весь народ. Ибо страх и наставление исходят от них и, если [люди] остаются без поучения, то без стыда совершают всякие злодеяния [...] Все это показывает, что если духовные предводители и светские владыки бывают несправедливыми и порочными, то таковыми оказываются и все подданные. Поэтому необходимо, чтобы те, кто являются повелителем и предводителем следовали истине, дабы остальные, взирая на них, исправились [...]

Это так, ибо князь и подданные, учитель и ученики, пастырь и паства нуждаются друг в друге, являются сотоварищами и споспешниками. И как разум нуждается в ощущениях, благодаря которым познает сущее, так и для князя глазами, ушами и устами являются его подданные, так как сообразно их советам он творит все дела [...] Владыки и подданные чувствуют взаимную потребность [в вопросах] благоустроения страны, совещания, войны, мира, веселья и

т. д. Но наиболее полезным является совместное совещание, после чего лишь и в соответствии с наказом следует приступить к благоустроению страны.

И это правильно по четырем причинам. Во-первых, из-за внутреннего устроения человека, так как люди не являются самодостаточным существом, а нуждаются в созидании и в оказании помощи друг другу, как это видно [на примере] деревень и городов, где мы собираемся вместе и восполняем потребности друг друга. Поэтому [люди] должны советоваться друг с другом. И подобно тому как нуждаются друг в друге крепостной и парон, богач и бедняк, вардапет и ученик, так и разум нуждается в предводителе и советнике. Во-вторых, известно, что один человек может размышлять об устроении [дел] в одном доме, но относительно множества домов — не в состоянии, поэтому большинству народа необходимо собраться в одном месте и сообща искать пользу для большинства [населения] страны... [С. 422—23].

А наши предводители и князья — духовные и телесные — самовластно вершили дела [страны], не советуясь [ни с кем], вследствие чего пало наше государство, страна опустошена, народ наш изгнан из своей страны и рассеян среди других народов [С. 424].

Как зеркало отчетливо отображает в себе образы вещей, какие только окажутся [перед ним], так и разум сообразно отражает все познанное. Как зеркало в соответствии со своими размерами показывает вещь большой и маленькой, так и разум в соответствии со своей познавательной способностью [отражает] познаваемое в большей или меньшей мере. Как зеркало не утаивает полученное изображение, а показывает другим, которые не могут лицезреть самого себя, так и те, кто способен [углубиться] в глубины мысли и обладают широкими познаниями, не должны скрывать своих [знаний], а постоянно наставлять и обучать. Как зеркало может принимать изображения всяких [вещей], которые попадаются, не пресыщаясь этим и не смешивая их, так и разум принимает всевозможные, различного рода

знания и все это в целостности заключает в себе, ибо понятия не смешиваются и он (разум) не пресыщается от многочисленных понятий. [С. 444—445].

Человек есть разумное существо, способное к рассуждению и науке. Душа разумного человека подобна неисписанной грифельной дощечке или вымытому пергаменту, ибо что напишут на ней, то она и воспринимает. Таким же образом чему бы не обучали человека — порочному или доброму — то он и усваивает.

Это явственно проявляется в отроках, [живущих] в одном доме и являющихся детьми тех же родителей. [Так], каждого из них (отроков) отдают на обучение определенному ремеслу и они учатся: кто-то обучается плотническому делу, кто-то —кузнечному, кто-то — ткацкому и т.д. Таким образом, в каком бы деле не упражнялся отрок, тому же он и обучается — хорошо или плохо. Подобно этому каким языком владеет отрок, его же он и изучает, будь то армянский или грузинский и т. д. Сообразно этому и разум отрока — чему наставляют, то он и изучает — философию, искусства, богословие и т. д.

И вот, родители обязаны [предоставить] своим детям следующие четыре телесные вещи: во-первых, уход и воспитание, во-вторых, [обеспечение потребности] в еде и одежде, в-третьих, имущество и отцовский дом, в-четвертых, устроить бракосочетание: сына — женить, а дочь — выдать замуж. Подобно этому [родители] должны [привить своим детям] три духовные вещи: во-первых, обучение вере и благочестию, во-вторых, направить на путь благодеяния, в-третьих, обучение ремеслам. Последнее является более нужным и добрым, чем предыдущие, ибо [...] посредством ремесла отрок может заполучить имущество [и другие вещи]. Но если отрок не овладевает ремеслом, он становится вором и разбойником и идет на кровопролитие.

Человек имеет три возраста: отрочество, юность и зрелость. Соответственно этому существуют три формы наставления. И вот отрока необходимо наставлять страхом, юношу — учтивостью, а зрелого человека — мудростью. И достодолжно наставлять отрока посредством палки и страха [...]

У отрока многие части тела нуждаются в исправлении: руки, язык, глаза, уши и все тело в целом. Поэтому он не подвержен словесному наставлению, но только палочному. Так как органы чувств отрока являются мягкими, поэтому воспитывая палкой необходимо запечатлеть в его разуме идею образования. И подобно тому, как скорняки путем дубления обрабатывают кожу, таким же образом надо посредством наставления палкой дубить и обработать отрока, дабы он смягчился и занялся ремеслом. В противном случае он останется грубым, праздным и ни к чему не пригодным. Излишнее и бесполезное в отроке следует искоренить, после чего он станет престолом образования, обиталищем Бога и весьма полезным для людей.

[...] Разум отроков необходимо смягчить и обработать палкой, дабы он очистился и произвел бы семена учения в себе и плодоносил, если же нет — то на необработанной земле семена не всходят.

[...] Излишние ростки скверны, которые произрастают в органах чувств младых отроков, необходимо выдергивать по одному путем наставления, дабы побеги учения в нем плодились и приумножались.

Отрок обладает естественной непорочностью, робостью и скромностью. Когда отрока оставляют без присмотра и обучения, то с возрастом в нем постепенно приумножается порочность, а естественная скромность и боязнь утрачиваются. Вследствие этого он становится бесстыдным, дерзким и непотребным. Если же путем назиданий воспитывают и обучают его, то внешнее обучение добру совокупляется с естественной скромностью и совместно они уничтожают привходящую порочность. И так, упражняемый с детства в добре достигает духовного совершенства. Когда же у отрока не бывает мудрых наставников, тогда под воздействием безбожных товарищей и телесного сладострастия он постепенно привыкает к пороку. Привычка же в течение долгого и продолжительного времени превращается в приобретенное свойство (характер) и даже если потом очень стараются, все равно не могут исправить его... [С. 454—455].

И вот я, помраченный умом и немощный телом, последний из служителей церкви и недостойный из словесников, прозванный Григором, тщетный, неудачный писец, составил моей собственной рукой книгу проповедей в беспокойные времена, по большому летосчислению в 856 году (1407 г.) под покровительством престола апостола Евстафия. Для этого (написания книги) имелись три причины. Во-первых, принужденный братьями, единодушными учениками. Во-вторых, так как не было [под рукой] книги проповедей наших вардапетов, но только [их] глубокомысленные высказывания. И, в-третьих, будучи робким душой и неповоротливым телом, я не мог проповедовать многим, по этой причине сочинил эту книгу проповедей, дабы и от меня досталась вам частица [пользы]. Ибо до этого имело место одно из трех: или не поучали должным образом, или делали это с трудом, или же, взяв у других, поучали непристойно. Поэтому я сочинил два тома [проповедей] ради облегчения [дела поучения]: один — Зимний, другой — Летний [...] А то, что почерпнуто [из других мест], пусть не кажется взятым из глупых мыслей. От других также я отбирал полезное и доброе и отбрасывал лишнее [С. 720].

КНИГА ПРОПОВЕДЕЙ. ЗИМНИЙ ТОМ[13]

Мысль наша является бестелесной, так как не воспринимается ни зрением, ни осязанием, а написанная на бумаге становится видимой и осязаемой [С.35].

Написанное слово неотделимо от письма, потому что мы называем письмо словом, а слово — письмом [...] Из трех вещей несмешанным соединением образовано письмо, то есть мысли, материала и формы. Речь (слово) наша имеет двух родителей: одного — мысль, и другого — руки. Мысль наша сначала рождается в разуме и только потом изображается на бумаге.

Речь иногда воспринимается ухом, а иногда — глазами, [если] написана на бумаге [...]

Речь — это то, когда слово идет от сердца к языку и оттуда входит в наше ухо [С. 104].

Поучение вардапетов бывает двоякого рода — непрерывным (систематическим) и от случая к случаю (спорадическим). Непрерывное поучение — это обучение учеников на уроках посредством чтения и упражнений, а по случаю — наставление и поучение народа — или всех сообща или же в отдельности [...] При этом необходимо выяснить, во-первых, является ли наставник [достаточно] ученым, во-вторых, является ли поучение полезным, в-третьих, признать [целесообразность] поучения и собирать его внутри себя [С. 157].

Если что покажется тебе труднопреодолимым, не отчаивайся и не уходи от наставника.., но спроси о непонятных тебе понятиях и он растолкует их своим ответом [...] Человеку не следует быть ни легковерным касательно всех вещей, ни недоверчивым, но искать и добиваться истины и принимать ее [С. 158].

Ребенок по двум причинам более способен и предрасположен к учению. Во-первых, его органы чувств мягки как воск, [благодаря чему легко] запечатлевают в себе изображения, а вторая причина заключается в том, что его разум свободен от мирских забот и грехов. И подобно чистой грифельной дощечке легко воспринимает все написанное на ней. В противоположность этому, взрослый человек обладает отвердевшими органами чувств и заключает в себе множество грехов, вследствие чего лишь благодаря чрезмерному обучению и старанию он может стереть свой первоначальный образ жизни. Но если [удастся] стереть, то в нем вновь появится изначальная естественная чистота, подобная зеркалу.

А отрок, хотя и обладает естественным разумом и [потенциальным] мышлением, однако благодаря учению он обогащается [знаниями] еще больше, подобно тому, как исписанная дощечка богаче, чем неисписанная. Именно это [имеется в виду], когда говорят, что наставник наделяет отрока разумом и мышлением, что справедливо, ибо образовательной мыслью и душой обладает только философ.

Учение — это такая вещь, которая неуча делает образованным, а сведущего —образованнейшим, так как ученый

человек более [склонен] к восприятию поучения, чем глупый [С. 158—159].

Если [человек] обладает теоретическими [знаниями], но лишен природного ума, то будучи легкомысленным, болтливым, пустословом, непристойно и легкомысленно болтает повсюду [...], так как не может выбрать сооответствующего собеседника, место и время [С. 171]

Мудрость есть посох: кто опирается на него, тот укрепляет себя, ибо знание подобно наставнику и учителю [...] Мудрость — это голова, а у кого нет головы, у того душа безжизненна [...] Мудрость есть радость для человека [...] Мудрость является благоустроителем для человека и в телесной, и в духовной жизни, ибо упорядочивает душу и тело [С. 173]

Что мы поразмыслив выбираем и одобряем, то и делом осуществляем. Ибо человек является хозяином и господином своих поступков — что пожалает и задумает, то и делом осуществит. И неправы греческие мудрецы, которые говорят, что человеческие поступки происходят соответственно року в зависимости от того, под какой звездой родятся — доброй или злой, и что они (люди) не могут ее избежать [С. 175—176].

Всякий человек своей свободной волей отвергает, выбирает и творит как добро, так и зло. [С. 176]

Мудрый человек говорит размеренно и спокойно, дабы [сказанное] запечатлелось в мыслях слушателей как печать на воске. Нежное и спокойное слово смягчает разум слушателей и делает его наподобие мягкого воска, [благодаря чему] он и воспринимает словесный образ (слово). Существуют четыре вещи, которые делают слово более воспринимаемым: во-первых, доброе слово, во-вторых, упорядоченная речь, в-третьих, приятное слово, в-четвертых, благопристойно высказанная мысль. А злое и неупорядоченное слово, крики и торопливая речь приводят в замешательство мысль слушателей и слово остается бесполезным [С. 180].

И подобно тому, как буря, которая движет волны вод, точно так же крутая и шумная речь возмущает мысль слушателей, как холодный дождь затопляет семена и делает их бесплодными, так и торопливая речь. И как холод охлаждает воск, так и злое и беспорядочное слово отупляет мысль. [С. 180].

Мудрость есть свет, а безрассудность — тьма [...] И как свет есть добро, а тьма — зло, так и мудрость — добро, а невежество — зло [С. 187].

Местом и орудием мышления в основном является мозг [человека], который делится на три части: простые ощущения (чувствование), разумную [часть] и память. Ощущения находятся в первой выемке лба, разумное — в средней выемке, а память — в последней [С. 189].

Во-первых, толкование слово в слово есть материальное толкование, а согласно мысли—духовное [...] В-третьих, сообразно месту: толкование в этом месте отличается от толкования в другом месте. В-четвертых, по аллегории — есть различные толкования согласно слову и уподобления мысли [С. 191].

Вардапеты являются главой своих учеников, ибо они наставляют и обучают несведущих [отроков] — как разумным искусствам, так и рукотворным, [практическим] искусствам, которыми они сами владеют и доводят их до совершенства. Вардапет разумного искусства посредством словесного поучения через слуховые органы [учеников] обучает и упражняет познавательные способности их разума, а вардапет практического искусства посредством своих рук и через зрительное восприятие [учеников] упражняет и просвещает их органы чувств.

Поэтому наиболее смышленные из учеников как разумом, так и ощущениями следуют за [вардапетом] и овладевают всеми его знаниями. Подобно тому, как живописец видит и изображает все свойства и состояние первообразца, точно так же и ученику надлежит в качестве намерения

и образца иметь перед собой идею и произведение своего вардапета, учиться и подражать ему. Но он должен обучиться не только тому, что видит и слышит от вардапета, ему необходимо также раскрыть внутреннее движение души и обстоятельства появления замысла и следовать искусным мастерам и таким образом самому стать искусным [С. 195].

Родившись, ребенок сначала питается, потом начинает ощущать и лишь впоследствии — понимать и говорить, потому что таково устроение природы, что он от низшего [постепенно] поднимается к высшему [С. 229].

Когда что-либо оказывается недоступным для нашей мысли [в данный момент], то при обнаружении этого обстоятельства мы направляем свою мысль к тому, что вызвало удивление [С. 273].

Мудрость, приобретаемая нами образованием, просвещает разум, так как разумная душа без учения подобна чистой бумаге, и что напишешь на ней, то она и воспримет [С. 305].

Без наглядного примера мысль легко забывается, а благодаря удачно [подобранному] примеру она прочно закрепляется в памяти [С. 376].

ТОЛКОВАНИЕ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ[14]

Глава первая

Вопрос: Почему Соломон, пророки и Господь в Евангелии говорят притчами?

Ответ: По трем причинам. Прежде всего потому, что притча приносит пользу повествованию и раскрывает смысл сказанного. Во-вторых, ибо притча понятна близким и скрыта от посторонних и недостойных, согласно речению: «слухом услышите, и не уразумеете...» [Ис 6.9]. В-третьих, подобно тому, как при зрительном восприятии мы через видимые

предметы постигаем невидимое, так и, слушая нечто, поведанное нам наглядным примером и словом, мы постигаем смысл [слова]. Ибо есть три определения слова, а именно: общепринятое, иносказательное и философское. Так, общепринятое — это то слово, которым пользуются все люди, иносказательное — это слово, обращенное к ученикам, и философское слово предназначено для мудрецов. [С. 7]

Вопрос: Что такое притча, и что такое пример?

Ответ: Притча есть словесное выражение [мысли], а в примере [фигурируют] предметы. И еще, притча относится к действию, как это бывает, например, когда // мы имеем дело с родами действия и страдания, а пример относится к форме, когда, например, мы имеем дело [с категориями] качества и количества при их сопоставлении. [С. 7—8]

Вопрос: Почему Псалтирь и Притчи написаны стихами?

Ответ: Псалом — это песнь, поэтому он написан размером. Притчи — это наставление отрокам, поэтому и они имеют стихотворную форму и удобопонятны. Следует знать, что содержание [Св.] Писания делится на четыре вида: одни из них такие, где слово пространно, а мысль — размеренна, как у Моисея, который обращался к неразумному народу; есть такие, где пространны слово и мысль, как у Иова, в псалмах и в Песне песней; случается, когда и слова, и мысли имеют размер, как в Притчах и Сирахе, ибо они наставительны. А бывает также, когда и слова, и мысли пространны, как у Исайи и других пророков. Следует знать также, что три книги Соломона — это наставления для людей трех возрастов: Притчи — для отроков, Екклесиаст — для молодых людей. Песнь песней — для старцев. Притчи учат нас нравственным добродетелям, Екклесиаст — приобретаемым добродетелям, Песнь песней — божественным [С. 8].

Вопрос: Что такое мудрость, когда Соломон говорит: познать мудрость (Пр 1.1)?

Ответ: Слово «мудрость» имеет много объяснений, и одно из них, когда речь идет о познавательной деятельности разума, а не чувств. Прежде всего говорится о муд-

рости тех, кто исследует природу сущих, а именно, неба и земли, как греческие философы. Во-вторых, имеется в виду мудрость в достижении мастерства в различных искусствах [...]. В-третьих, имеется в виду мудрость природного разума тех, кто, познав значение слов, отличают истинное от ложного. В-четвертых, совершенная и несравненная мудрость — это значит божественным светом прикоснуться к духовной и разумной жизни, отстраниться от телесного и проникнуться любовью к Нему... [С. 8—9].

Вопрос: Что значит: «усвоить правила благоразумия?» (Пр 1.3).

Ответ: Под правилами благоразумия следует понимать [правильный] ответ, то есть то, что необходимо делать ученику: лишь внимать словам наставителя и довериться ему [С. 9—10].

Вопрос: Что значат слова одного из внешних мудрецов о том, что лишь душа философа бессмертна?

Ответ: Это значит, что без упражнения и образования нельзя достигнуть добродетели, благодаря которой душа живет вечно. [С. 10].

Вопрос: Почему «разумный найдет мудрые советы?» (Пр 1. 5).

Ответ: По четырем причинам. Прежде всего потому, что сказанное [наставники] могут подтвердить делами и стать добрым примером. Во-вторых, ибо, благодаря своему разуму, они с помощью уговоров или угроз могут убедить других. В-третьих, ибо они вершат праведный суд, как достодолжно. В-четвертых, ибо он (Соломон) знает притчи и глубокомысленные писания, речи мудрецов и их притчи, которые использует впоследствии. Следует знать также, что Соломон сообщает о десяти видах пользы от мудрости, которую получают наставляющиеся в учебе: первая, когда он говорит: познать мудрость и наставление; вторая — понять изречения разума; третья — усвоить правила благоразумия; четвертая — понять истинное правосудие; пятая — вершить делами правый суд; шестая — быть дальновидными, то есть видеть далекое; седьмая — усвоение правил благоразумия;

восьмая — мудрый станет мудрее; девятая — будет руководствоваться разумом; десятая — проникает в смысл притчей и в глубины речей мудрецов.

Вот все эти выгоды получают ученики от учителя. [С. 10—11].

Вопрос: Что значит реченное в Притчах: «В день вашей смерти будете звать меня, и я не услышу вас»? (Пр 1. 28).

Ответ: Прежде всего следует знать, что притча говорит о трех наказаниях, подстерегающих злых: во-первых, это гонения со стороны телесных судей [...] В-восьмых, кара Божья бывает двоякой, а именно, как наставление и месть. Наставление предназначено для сыновей и возлюбленных, ибо «кого любит Господь, того наказывает...» [II Зак 8.5; Евр 12.6], а месть — для чужих и ненавистных. Наставление приводит к прощению и милосердию, благодаря чему Бог слышит и спасает, а месть — к ярости, гневу, из-за чего Бог не слышит [С. 13—14].

Вопрос: Что значит: «кто оставил руководителя юности своей и забыл завет Бога своего»? (Пр 2. 17).

Ответ: Отроческий возраст не имеет терний грехов: принимает всякое наставление и не забывает. Но если, обучаясь наставлению, не упражняется, с ростом растут и пороки. Тогда он по своей воле становится наставником порока и более не признает божественного завета и заповедей [С. 17].

Вопрос: Что значит: «блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум»? (Пр 3.13)

Ответ: Мудрость — это Бог, которому можно верить, познать разумом, а не постигнуть чувствами [...] Премудрость — также размышление о благих делах, выбор в надежде на обещанное воздаяние. Премудрость — также исследование стихий и всего круга знаний [о сущем], которым следовали эллины; блаженны те, говорит [философ], кто оставляют преходящую жизнь и следуют этой [мудрости]. Но нет большей славы, чем та, когда смертный человек на-

ходит искусство бессмертия; это тоже премудрость, ибо в сей жизни человек бессмертен надеждой, а в будущей — бессмертной жизнью [С. 19].

Вопрос: Что значит реченное: «богатство и слава у меня. Плоды мои лучше золота и драгоценных каменьев»? (Пр 8.18—19).

Ответ: И воистину, кто любит серебро, тот становится алчным, копит и надмевается над бедными, и завидует тем, кто превзошел его в богатстве, а на равных, которые противостоят ему, гневается; а также не радеет о добре, которое не любит, предается обжорству, ибо богат, развратничает и прелюбодействует, ибо изнежен телом [...] После же божественных добродетелей, таких как вера, надежда и любовь, началом всякого добра является справедливость, которая разумную часть души наполняет мудростью, яростную часть — мужеством, а вожделеющую —здравомыслием [С. 29—30].

Вопрос: Кто есть философ и кто — софист, и что такое мудрец, и что — премудрость?

Ответ: Философом называют тех, кто с помощью естественного познания исследует природу сущих, как, например, Пифагор, Платон и другие [мыслители]. А софистами называют тех, кто искусен лишь в некоторых науках, как например, в грамматике или риторике. Мудрецом же называют тех, кто, во-первых, стал мудрым с помощью [присущего им] природного благоразумия, как например, праотцы Иов и Корнелий. Во-вторых, тех, кто воспринял мудрость через благость, как Веселеил и Соломон. А премудростью называется лишь Христос [С. 32].

Глава вторая

Первая глава [толкования] притчей касалась теоретической мудрости. Во второй части речь идёт о практической. Первая, естественно, была посвящена сугубо духовной премудрости, а вторая — телесной и духовной через наставления притчами.

Вопрос: Какая польза от богатства и какой вред?

Ответ: Есть два вида богатства: одно — это желанное и заставляющее заниматься им богатство, которое есть зло. И другое — богатство привходящее, когда сам человек свободен, ибо он волен общаться с сокрушенными — это богатство доброе, какое было у Авраама, Исаака, Иакова и др. Сначала скажем о вреде от богатства, а польза от него, во-первых, в том, что, как город укрепляется крепостной стеной, так и богач — от всех своих врагов, ибо одаривает щедро, как говорит притча: «имущество богатого — крепкий город» [Пр 10.15]. Во-вторых, он спасается от опасности, как говорит притча: «богатством своим человек выкупает жизнь свою» [Пр 13.8]. В-третьих, ибо он не странствует, как нищий, и не голодает, согласно реченному, потому что он богат имуществом. В-четвертых, ибо, разбогатев, он почитается всеми, как говорит притча: «слава его — крепкая защита его» [Пр 18.11]... Сущность богатого и бедного одна и та же, и таково же строение тела, то [лишь] из-за богатства мы почитаем богатого и презираем бедняка [С. 39—40].

Вопрос: Что такое несчастие бедняков?

Ответ: В-восьмых, ибо притча говорит: «не тягайся с богатым, но своей мудростью откажись от него» (Пс 23.4). В-девятых, ибо ворует, если нищенствует не по доброй воле [...] В-десятых, ибо говорит Екклесиаст: «Мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают» [Еккл 9.16] [С. 40—41].

Вопрос: В чем польза бедняка и в чем его духовное богатство?

Ответ: И есть добровольная бедность, как бедность тех, кто с удовлетворением и радостью переносят случившееся с ними. Это похвально, ибо это свобода [С. 41].

Вопрос о благодеянии

Ответ: В-пятых, ибо те, кто дают взаймы, из трех вещей желают одно, а именно, либо берут поручителя, либо — залог, либо — долговую расписку, чтобы взявший взаймы не отлынивал от выплаты. А благотворитель имеет от

Христа в качестве верного залога слово. [...] И следует знать, что много преимуществ имеет тот заем, который мы даем Богу, в отличие от заема человеку. Во-первых, потому что люди дают в долг материальные вещи, и то же самое получают обратно. Богу же дают материальное, а получают духовное, дают ничтожное, т. е. серебро, золото и съестное, а получают великое, а именно, согласно реченному, царство небесное [С. 43, 45].

Вопрошание об обманывающих в весе.

Ответ: По многим причинам мерзки таковые. Прежде всего, ибо обманывающий человек обманывает Бога, образу которого солгал. Во-вторых, ибо не верит тому, что Бог видит все дела. [...] В-третьих, ибо не верит в суды Божьи, [не верит] тому, что будет осужден вместе с ворами. В-четвертых, ибо он хуже, чем вор: ибо вор ворует тайно и в страхе, а он открыто сидит в лавке, сиречь, кухпаке, которое толкуется как гохбак: гох — вор, бак — двор. В-пятых, ибо люди, слыша о грабителях, остерегаются их, а к нему идут как к доброму близкому человеку. В-шестых, ибо вор ворует чье-нибудь имущество один раз, а он обманом много раз обкрадывает одного и того же человека. В-седьмых, ибо грабитель убивает тело другого, а он убивает свою душу, предавая ее геенне. Сколь велика душа в сравнении с телом, столь же велика ее смерть [С. 50—51].

Вопрос: Что надо царям и что — их подчиненным?

Ответ: Царю и князю необходимо пять вещей. Во-первых, благочестивые и справедливые дела, дабы подчиненные могли бы научиться у них тому же [...]. Во-вторых, царю необходима мудрость, с помощью которой он сможет возглавить народ [...]. В-третьих, ибо по правому суду наказывает зло и чтит добро, и этим земля, пребывает в мире [...]. В-четвертых, дабы быть милостивым к беднякам и странникам. И этим земля благоденствует [...]. В-пятых, чтобы не лгал и не обманывал [...], причина которого в том, что человек лжет от слабости и обманывает из трусости. А царь не может, он могущественен, поэтому не боится никого, и поэтому не следует царю лгать и обманывать [С. 53—54].

Стих третий

Что же касается третьего стиха (антифона), то это следует понимать так: усвоив теоретическую и практическую части [любомудрия], человек обретает власть над собой и господствует. И эти три стиха предназначены для наставления людей наших трех возрастов. И обрати внимание на то, что конец второго стиха является вступлением к третьему. [С. 69—70].

Вопрос: Что значит: «золотое яблоко, оправленное сардониксом — слово, сказанное премудро» (Пр 25.11).

Ответ: По многим причинам мудрые слова сравниваются с золотом и драгоценными камнями. Во-первых, потому что они своей красотой радуют глаз, как и мудрые речи, мысли [...]. Во-вторых, подобно тому как из них изготовляют драгоценные серьги для ушей, так драгоценны и мудры слова для тех, кто прислушивается к ним [...]. В-третьих, ибо, кто обладает ими, имеет прибыль, как продавцы, и внимающий ему приобретает мудрость [...]. В-четвертых, ибо ими пренебрегают слепые, а мудрые речи, к которым не прислушиваются, подобно жемчугу, брошенному перед свиньями. [...] В-шестых, ибо как их природа нетленна, так и неуничтожимы мудрые слов [...]. В-седьмых, как из многих людей немногие имеют их, так и немногие люди обладают мудростью [...]. В-восьмых, ибо золото и сардоникс — один красивее другого, и мудрые речи украшаются прекрасными праведными делами, а дела — мудростью [...]. В-девятых, ибо как золото и сардоникс выделываются трудами мастеров, так и мудрость приобретается трудом. [С. 70—72].

Вопрос: о том, почему мудрость сравнивается с медом? Что следует понимать под сказанным: «нехорошо есть много меду»? (Пр 25.27).

Ответ: Науки, как и мед, бывают разные. Есть вредные и полезные. Святые и правоверные слова иносказательно сравниваются с медом [...]. А слова еретиков сравниваются с вредным медом. И это по многим причинам. Во-первых, как тот мед, который сладок на вкус, но мучает тело и приводит к безумию, таковы и слова еретиков [...] Во-вто-

рых, вкус меда следует попробовать и выбрать и, говорит, что его много есть не полезно, также не полезно следовать речам еретиков, но лишь надо прочесть столько, сколько необходимо для того, чтобы отличить от них правоверное [...] В-третьих, как дикая пчела подобно домашней делает соты и собирает с цветов нектар, так и еретик свои речи строит сообразно правоверным, собирая свидетельства из Священного Писания, и уподобляет их виду истинного. [С. 72—73].

Нам следует уподобиться пчелам во многом. Во-первых, пчела с великим трудолюбием собирает мед [...] Так и мудрость исследуется трудом [...] Во-вторых, как пчела изо дня в день, по капелькам собирая мед, наполняет соты, так и нам следует изо дня в день расти в мудрости и в благих делах. В третьих, как пчела из чистых веществ собирает мед, так и мудрость обитает и собирается в чистых мыслях [...] В-четвертых, как она мудро работает в темном месте, сначала закрепляя углы на стенках, и затем лишь собирает мед, так и нам следует закрепить практическую добродетель и лишь затем принять теоретическую, ибо практическая является вместилищем теоретической, говорит философ. В-пятых, как они родителелюбивы, следуют за предводителем, куда бы он ни шел, примыкают к нему и за него умирают, так и нам следует любить нашего родителя Христа [...]. В-шестых, своими трудами [пчела] делает большие запасы, дабы и людям дать, так и мы обязаны из заработанных нами духовных и телесных благ выделить часть нуждающимся, подобно верному и мудрому управителю [...]. В-восьмых, и подобно тому, как пчелы выводят своих личинок не из семени, а собственным трудом, так и вардапеты должны обретать свое духовное детище, сиречь, учеников слова и радоваться ими [С. 74—75].

ТОЛКОВАНИЕ ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА[15]

Судьи четверояко искажают суд: по невежеству, взятками, страхом и чрезмерным применением каленого железа [С. 26].

[...] Вардапеты говорят, что по многим причинам князей следует наставлять больше, чем других. И это мы покажем десятью способами. Первая причина [заключается в том], что когда исправляется ишхан (князь), то вслед за ним и все, находящиеся под его властью, исправляются в соответствии с ним, ибо они (князья) являются могущественными и [поэтому] в силах своей волей наставлять подвластных // или исправлять их. [Это мы видим на примере] дурных и благочестивых царей. Третья причина: ибо грех властелина равносилен греху, совершенному всем его народом [...] Следовательно, правитель обязан совершить столько же добродеяний, сколько весь народ. Четвертая [причина] в том, что мирские заботы и мечты о величии больше владеют ишханами; поэтому их необходимо больше наставлять и они обязаны всегда слушать. Пятая [причина] в том, что он (князь) грозно властвует над множеством людей, вследствие чего духовные проповедники боятся и не могут говорить правду [в лицо]. Однако необходимо бесстрашно проповедовать им жизненную мудрость....., а он должен прислушиваться. Шестая [причина] в том, что ишхана все более и более обуревает гордость, ибо он стоит над массами народов и войск, и поэтому его больше [чем других] следует приводить к смирению, послушанию и благоразумению. Восьмая [причина] в том, что ишхан больше [других] предает забвению // божеские законы [...] ишхан ради взяток забывает их; как говорится, взятка делает зрячих слепыми и одолевает их страхом и тревогой [...]

Простолюдин достоин прощения и пощады, ибо впадает в грех не по собственной воле, а под давлением нищеты, и как говорится в притче, ворует, чтобы заморить свой голод. Тогда как ишхан совершает грех // по своей воле, ибо ни в чем не ведает нужды, и поэтому заслуживает вдвое большего наказания в потусторонней жизни [С. 41-43].

ТОЛКОВАНИЕ ПЕСНИ ПЕСЕН[16]

Отрок является недоразвитым мыслью, старец — немощным телом, а средний возраст — бодрым телом и совершенным разумом [С. 21]

Цель существует в мысли, истина — в устах, а справедливость — в делах [С. 22]

Вера является основанием, а истина — столпом, потому что каждое истинное слово и дело возникает из веры. Поэтому все ложные мысли возникают из безверия [С. 40]

Вардапет прежде всего изучает [Св.] Книги, затем учится сам и вновь обращается к ним, и только после этого обучает других, подобно тому как мать [предварительно] измельчает пищу и только потом дает ребенку [С. 41]

И надобно прежде обучиться самому, затем обучать других и лишь потом осуществлять в деле. И эти три [способности] должны быть у ведущего отшельническую жизнь вардапета. Они должны всегда присутствовать в нем, чтобы он мог всегда обучать и совершать [дела]. И их наличие является высшим светом для обучающегося, обучающего и получающего [знания] [С. 52]

[Св.] Книги имеют четыре смысла. Некоторые [из них] имеют глубокий слог и ясную мысль, как [слова] пророков. Некоторые же — глубокую мысль и ясный слог, как Евангелие. В некоторых же оба [мысль и слог] ясные, как закон. В некоторых же оба глубокие, как Притчи [С. 71]

Детям нужны четыре вещи. Во-первых, мудрость, во-вторых, страх, в-третьих, наставление старцев, в-четвертых, непорочное поведение. И эти четыре вещи нужны и старцам, в противном случае это будет не старец, а великовозрастный младенец [С. 71—72]

КРАТКИЙ АНАЛИЗ МАЛОПОНЯТНЫХ МЕСТ КНИГИ РИТОРА АРИСТАКЕСА ОБ ИСКУССТВЕ ПИСЬМА[17]

Анализ есть вразумительное объяснение [С. 196 б].

Истинный смысл скрыт внутри слов и сочинений, который извращается неучеными писцами, простаками и не-

вежественными читателями. Ясно, что и мысль искажается ими [С. 196 б].

Опять-таки, знай, о читатель, и обрати внимание на различные слова, запомни как они написаны, подобным же образом пиши и сам[...] А то, что не сможешь припомнить, [об этом] смотри в словаре и толкованиях слов [С. 203 б].

Существует семь голосовых инструментов, то есть легкое, дыхательное горло, язычок, рот, язык, губы, зубы и восьмой — воздух [...]

Надобно знать, что звуки делятся на гласные и согласные. Гласный [звук] представляет собой душу, а согласный — тело [С. 204 б].

Письмо видим глазами, а слог слышим ушами, понятие усваиваем в мыслях, как псалом, и так далее. Познание выявляет смысл и освещает его [...]

Некоторые называют букву душой, а письмо телом. Но я утверждаю: линия —когда кончик пера чертит на бумаге, письмо — когда скоблит поверхность [бумаги] и, наконец, буква, когда оформляется круглое письмо [...]

И называется буквой подобно элементу мира. Во-первых, потому что всякая мысль, дело, наименование, сущность состоит [из них], как элементов. Во-вторых, подобно тому, как из смешения четырех элементов возникают тела, так и из смешения гласных и согласных, густых и тонких букв образуются слова и суждения [С. 205 б].

Письмена имеют длинную и короткую, прямую и искривленную, округлую, треугольную, четырехугольную и т. д. форму [С. 206 а].

Почему человеческий голос является членораздельным? Во-первых, потому что слово и звук сопряжены в человеке. Во-вторых потому что голос расчленяется на звуки. В-третьих, так как голос поднимается и опускается, чего нет у животных [С. 210 б].

Искусству письма в первую очередь мы учимся у грамматиков, а затем — переводчиков [С. 211 б].

ТОЛКОВАНИЕ ПСАЛМОВ[18]

Мысль и звук в совокупности называются речью [С. 36 б].

Слова делятся на четыре вида: бывает, что и мысль и слог тяжелые, как у пифагорейцев. Бывает, что слог ясный, а мысль глубокая как у Платона. Бывает, что слог тяжелый, а мысль ясная, как у Аристотеля и бывает, что и слог и мысль ясные, как у апостолов [С. 37 б].

Прошедшее время утеряно, будущего пока нет, а настоящее скоро пройдет [С. 67 б].

Сказанное слово уходит, а письменное — остается //
С далекими и ненавистными [людьми] мы общается при помощи письма //
Из-за [опасности] забвения мы пишем [С. 80 а].

КАРАПЕТ ВИПОХ
(XIV — XV вв.)

Видный педагог и моралист своего времени, автор педагогической поэмы —одного из лучших памятников назидательно-поучительной литературы армянского средневековья. Биографических сведений не сохранилось. Поэма написана в аллегорической форме от лица Мудрости, Науки. В ней превозносится образованность, стремление к приобретению знаний, перечисляются и обосновываются правила и нормы поведения в обществе и в процессе обучения, раскрывается их нравственный и воспитательный смысл. Особое значение придается вопросам взаимоотношения учителя и ученика, между учениками как в самом образовательном процессе, так и в повседневном

общении. В качестве необходимых предпосылок образования и духовно-нравственного совершенствования человека Карапет Випох принимает внутреннее стремление к учению, скромность, воздержанность, благоразумие, послушание, трудолюбие, терпение и т. д., то есть совокупность качеств, обеспечивмющих единство учебного и нравственно-воспитательного процесса. Перечисленные и другие качества могут быть как естественными, то есть унаследованными, так и результатом воспитания, влияния социальной среды. Свои педагогические и моральные принципы Карапет Випох обосновывает теоретически и иллюстрирует на конкретных примерах. Он хорошо знает Платона, Аристотеля, Давида Анахта и других выдающихся философов прошлого, философские положения которых он прилагает при освещении педагогических проблем.

Карапет Випох продолжает и развивает традиции, заложенные его знаменитым предшественником Нерсесом Шнорали. Однако, в отличие от последнего он на первый план выдвигает обучение этикету. В XVIII веке произведение Карапета Випоха было включено в сборник работ по правилам хорошего тона, куда вошли также работы итальянских авторов в армянском переводе. Сравнительный анализ поучений итальянских моралистов и Випоха выявил сходство как по содержанию, так и по форме.

В НАЗИДАНИЕ УЧЕНИКАМ[1]

Песнь, словами армянскими сочиненная,
Слогом гомеровским украшенная,
В аллегорической форме наставляющая,
К отрокам послушным обращенная.

1.

Началом и основой всего являюсь я,
Вы наполняйтесь тем, что скажу я.
О, отроки мои, я вас наставляю,
К мудрым вещам вас приобщаю.
Ибо послушных чрезмерно люблю,
Своим письменам их обучаю,

Силой мудрости их наделяю,
В глубокомыслящие ученые их посвящаю.

2.

Стучись в мою дверь, если взялся за это,
И не робей, если нет [природного] таланта;
Ты лишь люби достойное любви,
Дабы стать знаний кладовой.
Ибо если ты, отрок, даже одаренный,
Но не находишься под моим попечением,
Излишне не утруждай себя, ибо не приобретешь
Ты от рассуждений мой дух непорочный [С. 98].

4.

Дверь моя крепко заперта для тех,
Кто вспопыхав твердит мол открой!
Изнутри отвечаю: оставайтесь вовне,
Ибо не вкусите явств мудрости все равно.

7.

Поучение мое является продолжительным и прочным
И имеет множество видов — глубоких и непреложных.
Хотя некто из преисполненных мудрости
В основу обучения ставит один только страх.

8.

К этой мысли добавь и эту:
С любовью внимай вардапету,
Не уподобься бесчувственным созданиям —
Не восприимчивым к наставлениям [С. 99].

9.

Если тебя взыскательно он поучает,
Не отчаивайся надежду потеряв,
И если к тебе отцовскую любовь питает —
Не успокаивайся подобно глупцу.
Если пощечину даст он властно—
Не трепещи перед ним раболепно,
Но по-сыновнему его проси неотступно
И как отца своего смилостивь [С. 99—100].

10.

Набирайся сил, отрок мой смышленный,
Ради этого я вновь повторяю эту мысль:
Повеление своего вардапета

Не заставляй повторять лишний раз.
Многие не воспользовались своим дарованием
Кто оказался непослушным ему,
А многие завершили образование
И хотя не обладали даром природным приобрели
знания.

12.

Послушание есть благо для тебя
Отрок, ты будь благоразумен и смел,
Уподобь свою волю глине гончарной
В отношении поучений вардапета [С. 100].

13.

Открываю тебе тайну обучения,
Заключающейся в пользе от послушания:
Суждение трезвое,
Скромность неподдельная.
И кто на их основе строит свое поведение,
Те достигают человеческого совершенства —
Среди людей весьма почитаемы,
И Богу являются угодными.

14.

Во всем ты будь умеренным, учтивым —
Не будь упрямым и преслушным.

15.

Установи для себя следующее правило:
Когда садишься со своими собратьями,
Плечо к дичи не вытягивай,
Подобно животному ноги не раздвигай,
По сторонам не озирайся,
Как во сне не застывай.
Но колени свои ровно соединяй
И тело одеждою прикрывай [С. 100—101].

16.

Всеобщие наставления соблюдай,
Предписанное непреложно знай.
А вардапета таким образом почитай:
Стоя ему прислуживай,
Если прикажет — садись

И смиренно ему внимай,
Если поучает — слушай и усваивай,
А если нет — о чем-то размышляй [С. 101].

18.

Как светильник будешь светить, отрок,
Если поймешь смысл моих слов.
Когда обедаешь с собратьями,
Непристойно не нагибайся,
Подобно скотине не торопись,
Подобно зверю не насыщайся.
Но сообразно наставлению голову прямо держи,
Дабы восхваляемым быть всеми людьми.

22.

Отрок мой разумный!
Когда глаголешь — то будь осторожен,
Размеренность голоса ты соблюдай,
В пределах правил мысли составляй.
Голову таинственно приподнято держи,
Взглядом проницательным и глубоким смотри,
Руки по правилам приличия сложи,
Благодаря чему и называешься разумным
существом [С. 102].

23.

Любящий мудрость, следуй моему наставлению
И перед старцами храни молчание.
Ты мудрецам с усердием внимай
И старших братьев почитай.
Младших товарищей поучай,
Гостям от всего сердца почтение воздай,
Перед всеми поклонись,
Негодным их слугою назовись.

25.

Не надлежит тебе, неискушенный отрок, смеяться,
Но если вынужден — то только улыбаться.
Не будь самонадеянным с собратьями
И к злым шуткам не приобщайся.

26.

Предписываю тебе во всем этом упражняться
И зеркальному принципу научиться:

По-мужицки не глазеть
И на что-либо беспрестанно не смотреть.
Но по сторонам смотреть незаметно
И головой не шевелить совершенно.
Если что полезное — примечай
И любознательность свою скрывай [С. 102—103].

27.

Если во время застолья чувствуешь жажду,
То веди себя сдержанно.
Если же наступит по-скотски зевота —
Ты сжимай губы как приличествует человеку.
И особенно когда пьешь воду,
Не испускай разнообразные звуки [С. 103].

36.

Представленные здесь образцы рассуждений
Покажутся тебе слаще сот медовых.
Как только ты вкусишь их
Откажешься от мирской жизни.
Пристрастишься к учению
И достигнешь вершин знания,
Удостоишься похвал сведущих ученых
И тогда засияешь подобно [яркой] звезде [С. 104].

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

(ок. 1355 — ок. 1425 г.)

Видный педагог, моралист, философ, поэт, грамматик, композитор. Биографические сведения весьма скудны. Известно, что Аракел Сюнеци был родственником и учеником Григора Татеваци. Получил высшее образование и степень вардапета в Татевском университете, после чего занялся научно-педагогической работой. В 1409 году он назначается епископом, а впоследствии — архиепископом Сюника. По некоторым косвенным данным после Маттеоса Джугаеци[1] руководство Татевским университетом было возложено на Аракела Сюнеци. Он оставил солидное письменное наследие, включающее произведения худо-

жественного, педагогического, философского, грамматического характера. В учебно-образовательных целях он написал комментарий к «Определениям философии» Давида Анахта и толкование грамматики. В грамматическом труде обобщены многие достижения предшествующей грамматической науки; он написан в форме вопросов и ответов, распространенной в средневековой армянской учебной литературе, но грамматика впервые использована им, чтобы и структурно и по форме облегчить процесс обучения. Кроме того, в отличие от других армянских грамматиков, объектом грамматики он считает как письменную, так и устную речь. Художественное творчество Аракела Сюнеци — лирическая и назидательно-поучительная поэзия, поэмы и речи — выражают и философско-эстетические воззрения автора, и его отношение к актуальным социальным вопросам. Он стремится возвысить и укрепить самосознание народа, чувство гражданского и национального достоинства. Его жизнь и деятельность совпали с периодом крайней политической неустойчивости Армении, разорения страны, что привело к упадническим настроениям как среди армянских интеллектуалов, так и в сознании широких слоев народа. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед деятелями армянской культуры, оставалась проблема духовного единства и национального самосохранения. Несмотря на исторический драматизм эпохи Аракел Сюнеци не теряет надежды; к будущему он настроен оптимистически. Но для этого необходимо, чтобы не повторялись ошибки прошлого, чтобы люди боролись за это будущее, постоянно занимались интеллектуальным и моральным самосовершенствованием. Приобретение же духовной свободы и гармонии — основа, пусть и опосредственно, обеспечивающая обретение действительно социальной гармонии. Всем своим творчеством и практической деятельностью Аракел Сюнеци, подобно многим другим деятелям, пытался приостановить надвигающийся упадок науки, культуры и просвещения в Армении.

«Анализ «Определений философии» Давида» — основное философское сочинение Аракела Сюнеци. В своем ана-

лизе он, в отличие от Давида Анахта, акцентирующего теретико-методологические и логико-гносеологические проблемы науки и философии, «психологизирует» давидовскую проблематику. Значительное место он уделяет разработке методических и дидактических вопросов, освещению как познавательных способностей человека и условий, сопутствующих процессу познания, так и способностей восприятия и соответсвующих предпосылок, увязывая эти два момента — познавательный и воспринимательный. На стыке этих начал и рассматривается образовательный процесс.

Перу Аракела Сюнеци принадлежат и две большие поэмы: «Книга рая», в которой исследователи усматривают параллели с «Божественной комедией» Данте, и с «Книгой рая» («Западно-восточный диван») Гете. «Адамова книга» — венец его литературного творчества, которая по замыслу напоминает «Потерянный рай» английского поэта XVII века Мильтона. «Адамова книга» имела и музыкальное оформление, некоторые части предназначались для сценического исполнения. Она «носит предметно-дидактический характер». Он написал также пространную астрономическую поэму «О двенадцати знаках Зодиака» и около 50 различных стихотворений.

АНАЛИЗ «ОПРЕДЕЛЕНИЙ [ФИЛОСОФИИ]» ДАВИДА, НЕПОБЕДИМОГО ФИЛОСОФА[2]

Необходимо знать причины, по которым Давид вынужден был написать эти «Определения», а именно: он написал эту «Книгу определений» по десяти причинам.

Во-первых, [она написана] против афинян, потому что когда великий Давид [Анахт] и Езник Кохбаци отправились на учебу в Афины, то заметили недостатки и порочность в поведении тамошних учителей и в негодовании осудили их, а те (афинские учителя), прослышав об этом, пришли в ярость и назвали армян прекословящими и искушающими и повелели, чтобы впредь никого из армян не разрешили учиться в Афинах. И при этом у них (афинских учителей)

не было никакой другой причины [поступать таким образом], кроме как знать больше, чем другие народы.

По этой причине [афиняне] подло поступили с ними. Поэтому Давид сочинил эту книгу в укор им, мол, смотрите какая мудрость имеется у армян и нет никакой нужды отправляться в Афины [...]

В-четвертых, [Давид] написал эти «Определения», чтобы у всех, кто не смотрел бы на красоту искусства определения, возникла жажда мудрости, которая содержится в нем, подобно тому, как некто увидев прекрасные плоды, приятные для глаз, желает вкусить их сладость [С. 151—152].

Давид кропотливым трудом своим приобрел знание всех частей философии и вернулся в Армению, дабы беспрестанно наполнять каждого [желающего] знанием.

И так как он должен был оставить сей мир, поэтому воздвигнул (установил) все определения философии, дабы они вместо него постоянно обучали людей. Своим последователем и наместником он оставил это сочинение в качестве учителя для нас [С. 155].

Следует знать, что знание бывает двояким, то есть разумным и чувственным. Как искусство и другие разумные науки, так и чтение бывает двояким, то есть разумным и чувственным. Итак, чувственно-осязаемым чтением называется такое [чтение], когда видимой рукой, видимым пером и видимыми чернилами пишется на осязаемой бумаге и читатель телесными глазами видит, языком читает и чувственным ухом слышит слово (речь). А разумное чтение отличается от этого, то есть оно бестелесной рукой, бестелесным пером и бестелесными чернилами пишет на бестелесной бумаге и воспринимает бестелесными глазами, читает бестелесным языком и слушает бестелесным ухом, то есть бестелесные чернила и бестелесное перо, произносимые звуки и бестелесная рука, личная способность, что существует смешано в звуке. А бестелесная бумага, бестелесные глаза, которые созерцают мысль, и бестелесный язык являются познавательной способностью разума, который читает в себе образование (форму) мысли, которая рассеяна в воздухе.

Итак, существуют семь инструментов чувственного приобщения к наукам, чтения и семь — разумного: три — для пишущего и три — для читающего и один — посредник — бумага.

И вот, каждому обучающемуся необходимо, чтобы разумным чтением учил, воспринимая в разуме качества слов, как свидетельствует разумное и бестелесное чтение, о котором свидетельствует Пифагор, который обучал не письмом, а словом, говоря ученикам: пишу бестелесные слова в бестелесных ваших мыслях, а не на чувственной бумаге, дабы неизгладимо осталось в вашем разуме [С. 167—168].

[Многотрудными называются вещи] глубокие и сложные. [Называются] глубокими, так как глубоко скрытые мысли содержатся в сочинениях и только прилежный читатель может выявить их, так как своим разумом проникает в глубины [содержания] сочинения и читает по слогам. И [называются] сложными, так как различие понятых мыслей доступно только многоученым людям [С. 187].

Как тело наше не является нагим, а облачено в одежду, так и тело письмен имеет облачение в виде бумаги и пергамента, которыми украшенный изображается начертание письмен. И подобно тому, как живой человек посредством тела отправляется туда, куда пожелает, точно так же и мудрость посредством письмен ступает из страны в страну [С. 233].

Мудрый [человек] всегда руководствуется разумом и стремится проникнуть в глубины мудрости. Вследствие этого он не утруждает себя многословием — количеством изрекаемых слов, — но принимает во внимание место, собеседников и время беседы. Затем он говорит подобно приправленными солью словами, и не бросается ими по всякому поводу, к месту и не к месту перлы (жемчужины) перед свиньями, а молчит. Если же кто-то прекословит ему, он не отвечает. Сообразно этому он накладывает стражника на уста свои, дабы не возразить виновному. И это признак мудрого человека. Соответственно этому тот, кто мудр, тот вовремя замолкает.

А глупый [человек] так как не обладает внутренним упорядоченным знанием, городит чушь, пустословит — пресно и бесполезно. [С. 288].

Сообразно телесному некоторые [люди] могут смело совершать всякие дела, как, например, опытные земледельцы, искусные воины и борцы и т. д., а некоторые соответственно своей власти могут одних одарить, других — наказать [...] А согласно способностям души одни могут [своей] познавательной способностью проникнуть в глубины мысли и приобрести новые знания [...], а другие — воспринимать [имеющиеся знания], то есть [обладают] воспринимающей способностью, а некоторые могут незабвенно хранить в памяти все то, что изучают. [Это объясняется тем], что у некоторых превалирует познавательная способность [...], у других — воспринимающая [...], у третьих — память, которая также является свойством души [...] Некоторые могут совершать практические добродеяния [...], а другие — представить результаты практической добродетели... [С. 205—206].

Есть нечто такое, чего желает человек, но не может [достичь]. Так, например, он желает быть бесподобным, стать выше солнца, летать подобно птице или же избавиться от естественных пороков, но не может [этого добиться]. Во-вторых, в противоположность этому, когда он может что-то сделать, но не желает. В-третьих, бывает и так, что [человек] ни желает и ни в состоянии сделать, как, например, он не может и не хочет превратиться в не-сущее, ибо каждый человек желает пребывать в своем бытии. В-четвертых, существует нечто, чего он желает и может добиться, как, например, общие для всех людей искусства... [С. 300].

Сомнение возникает от незнания. И знание и незнание бывает двояким. Так, некоторые без сомнения выражают знание чего-то, а некоторые сомневаются в знании вещи. Сомневающийся человек является нетвердым во всех своих делах, он бывает также и недоверчивым [...] Таким же образом и неуч бывает двоякого рода. Во-первых, есть такой, кто знает о своем невежестве, ибо знает, что не

знает. Такой [человек] называется рассудительным. Соответственно этому, если [человек] знает меру своих возможностей, то это является совершенной мудростью. А неуч иного рода это тот, кто не сознает своего невежества и не признает, что не знает, а полагает, что знает. И это является наивысшим невежеством [С. 306].

Существует множество разновидностей несовершенного: согласно вещи, согласно имени и согласно слову (высказыванию).

Во-первых, согласно вещи называется несовершенным тот, кто не знает своих недостатков и будучи неучем воображает себя мудрецом и будучи порочным воображает себя добродетельным, будучи немощным воображает себя сильным и будучи нищим воображает себя богатым. Такой человек преисполнен глупости и нет в нем места для мудрости, как и не существует каких-либо способов для его исправления.

Во-вторых, [называется] несовершенным, ибо существует и такой несовершенный человек, который знает свои недостатки, но не в состоянии сам преодолеть их. Такой человек достоин снисхождения и он близок к истине, так как различает ложь и правду.

В-третьих, существует несовершенный [человек], который не только знает свои недостатки, но и лезет из кожи вон до тех пор, пока не упразднит их. О таком человеке говорят: если он знает свою меру, то уже обладает совершенной мудростью.

В-четвертых, существует и такой несовершенный человек, который не только не безмолвствует в своей невежественности, но и прекословит и спорит с сведущими [людьми].

А согласно имени [человек является] несовершенным, во-первых, когда в нем вовсе отсутствует хотя бы частица добра или знания, как в сатане, а только зло.

Во-вторых, [человек] называется несовершенным, когда добро проявляется в нем недостаточно и неполно, ибо все изучает не до конца и [поэтому] остается несовершенным.

В-третьих, ибо все, что он ни делает остается незавершенным [...].

В-пятых, так как к чему бы он не подступился вновь оставляет это и приступает к другому делу; его также забрасывает и приступает к следующему делу — и ни одно из начинаний не доводит до конца. Вследствие этого он лишается всего, так как одно оставляет, а другое не приобретает [С. 476—477].

Человек, во-первых, изначально ничего не знает. Во-вторых, впоследствии забывает [то, что знает сейчас]. В-третьих, приобретает знания благодаря учению. В-четвертых, ребенок первоначально знает в потенции, так как способность к знаниям заложена в природе [человека], что затем в ходе учения превращается в действительные знания. В-пятых, обладает частичным знанием. В-шестых, не владеет совокупным знанием, но в данное время знает что-то одно, в другое — нечто иное. В-седьмых, не знает прошедшего времени, [то есть] того, что было до него. В-восьмых, не знает и грядущего. В-девятых, не знает того, что скрыто. В-десятых, познает вещь не до изменения, но лишь после ее изменения [С. 484].

[Истина] проявляется в мыслях слушателей и преподавателей соразмерно и достодолжно десятью способами.

Во-первых, потому что учитель преподает свои мысли в равной мере всем слушателям, но достодолжно они проявляются в воспринимающем, ибо некоторые [слушатели] схватывают смысл сказанного, а те, мысли которых [в это время] находятся в другом месте, не воспринимают.

Во-вторых, хотя все одинаково слышат слова, но достодолжно нет, так как одни [правильно] понимают смысл слов, а другие — нет.

В-третьих, ибо среди тех, кто одинаково понял мысль, некоторые сохраняют ее в памяти, а другие забывают.

В-четвертых, так как ту же мысль некоторые воспроизводят в уме — это те, кто обладает способностью воспроизведения, а некоторые не воспроизводят, ибо не обладают этой способностью.

В-пятых, так как относительно воспроизводимых мыслей некоторые знают принципы их различения, а другие — лишь их описание.

В-шестых, хотя всех [учеников] обучают одинаково, однако достоверно некоторые усваивают только теорию, а другие на практике реализуют теоретические знания.

В-седьмых, хотя все ученики воспринимают соразмерно, однако лишь некоторые из них достодолжно обучаются чему-то.

В-восьмых, хотя многие [получают] одно и то же образование, но лишь некоторые на деле завершают [курс] обучения; некоторые же оставляют [учебу] и остаются пустопорожними и бесплодными.

В-девятых, так как некоторые из вардапетов до конца своей жизни предаются чтению книг, а некоторые занимаются имущественными, патриотическими и телесными делами.

В-десятых, хотя все вардапеты в равной мере проповедуют истину, но достодолжно одни из них поучают о телесных благах, а другие — наставляют людей на праведный путь.

В-одиннадцатых, так как некоторые из [учеников] имеют свое место [в классе] и внимательно слушают [учителя] и садятся во время лекции, а другие, к [мнению] которых не следует прислушиваться, бросают все это и удаляются прочь.

В-двенадцатых, хотя слово [наставника] одинаково распространяется на всех учеников, однако в действительности одних оно восхваляет, а других осуждает. Соответственно этому достойно хвалы благопристойное, а хулы — гнусное.

В-тринадцатых, ибо слово, равномерно идущее от говорящего к слушателям, одних ранит и оскорбляет, других — утешает и ободряет сообразно достоинствам деяний каждого из них [...]

Итак, говорящий никого не хвалит и никого не хулит; это делает слово, вследствие чего слушатели ни благодарят наставника, ни бранят его: добродетельный человек благодарит себя за то, что совершает добро. Точно так же и порочный человек не обвиняет наставника, а самого себя за [допущенные] проступки... [С. 508—510].

Итак, знание бывает двояким по двадцати причинам. Во-первых нимфы и бессловесные животные обладают

врожденным знанием и не могут ни забыть его, ни приобрести новое знание, а человек, в противоположность им, обладает не врожденным, а приобретенным знанием, ибо учит и забывает.

Во-вторых, знание двояко, ибо младенец вначале обладает знанием в возможности, а затем — в действительности.

В-третьих, так как одно дело — обучение и другое — предмет обучения, то есть способность ума выступает в качестве подлежащего, а знание — его сказуемого, что касается как знания искусств, так и всякого другого [вида] знания.

В-четвертых, так как разум преподавателя, как производящий действие, отличается от разума студента, претерпевающего [действие], подобно тому как одна природа у производителя (субъекта) действия и другая — у объекта действия [...]

В-пятнадцатых, так как отличаются [друг от друга] обучающиеся наукам, то есть подобно тому как глаз способен воспринимать свет, а ухо — звук, так и некто [из них] имеет склонность к этому виду знания, а некто — к другому виду знания [С. 543—545].

Для полного овладения искусством необходимо наличие совокупности многих вещей, а именно: первое — обучающий [искусству]; второе — обучающийся; третье — знание, которое пребывает в разуме [обучающего]; четвертое — воспроизведение того, чему обучают; пятое — память, удерживающая [приобретенное] знание; шестое — воздействие на [предмет искусства]; седьмое — части [тела], то есть руки и ноги, посредством которых производится действие; восьмое — [соответствующие] инструменты; девятое — подлежащее; десятое — создаваемое произведение [искусства]; одиннадцатое — воспринимающие [произведение искусства] и наслаждающиеся им [С. 554].

Сомнение в учениках возникает по тринадцати причинам, а именно:

Во-первых, если [ученик] не отрешился от мирских забав, то не может [посвятить] себя учению [...]

Во-вторых, если кто-то даже отрекся от мира, но не избавился от порочных мыслей, наводящих [на путь] согрешения, тот не может достичь созерцания мысли [...]

В-третьих, хотя [ученик] обладает непорочным умом, но [при этом] является нерадивым, ленивым и небрежным, все равно он не может учиться [...]

В-четвертых, если он является высокомерным и непокорным и не желает общаться со всеми остальными [учениками] и справляться у них [о чем-то], то не может учиться [...]

В-пятых, если при обнаружении сложности предмета ученик колеблется, то он не сможет продолжить учебу [...]

В-шестых, если он не может собраться с мыслями во время занятий, а рассеянной и лишенной рассудочности мыслью блуждает за внешними вещами там и сям, такой не может учиться [...]

В-седьмых, кто спит и дрыхнет во время лекций, тот не в состоянии учиться и навсегда останется порожним [...]

В-восьмых, кто не обладает познавательной способностью, дабы понять сказанное и уловить его смысл, тот лишен возможности учиться [...]

В-девятых, и хотя ученик понимает мысль, но если не обладает способностью к мысленному [ее] воспроизведению, то он не сможет учиться.

В-десятых, если [ученик] обладает способностью воспроизведения, но при этом не обладает памятью, которая сохраняет связь и упорядоченность мысли, то он не может учиться из-за своей забывчивости.

В-одиннадцатых, если ученик обладает памятью, но при этом не имеет артикуляционной способности, дабы адекватно выразить выученное, то его обучение оказывается ограниченным, ибо он не владеет инструментом для выражения мысли.

В-двенадцатых, если имеются артикуляционные способности, но он не знает особенностей и различительных признаков суждений, то не в состоянии [подступиться] к изучению математических дисциплин (предметов квадривиума).

В-тринадцатых, если кто-то и владеет [знанием] всех частей теоретической философии, но не владеет [знанием

частей] практической философии, тот от всего останется в стороне [С. 558—560].

Искусство ошибается по десяти причинам, а именно: во-первых, когда [ученик] неправильно обучен вардапетом; во-вторых, когда изученное предается забвению; в-третьих, когда [ученик] предварительно не размышляет, чтобы затем действовать соответственно своим наклонностям; в-четвертых, когда подлежащее является неудобным для дела; в-пятых, когда так как инструменты являются непригодными; в-шестых, когда [ученик] болен; в-седьмых, когда он пьян; в-восьмых, когда он торопится; в-девятых, когда он действует небрежно; в-десятых, когда время для работы неподходящее [С. 564].

АКОП КРЫМЕЦИ

(сер. XIV в. — 1426 г .)

Крупный педагог, ученый-календароведи философ. Родился в Крыму. Первоначальное образование получил в местной армянской школе. Для продолжения учебы родители отправляют его в город Ерзынка, где он получил высшее образование в известной школе при монастырях Авага и Капоса под руководством ее главы Геворга Ерзынкаци — «великого рабунапета», «выдающегося ритора», выпускника Татевского университета, ученика Ованеса Воротнеци. К этому времени Ерзынка становится одним из крупных учебно-образовательных центров Армении, куда приезжали учиться из разных городов и районов исторической и Киликийской Армении. В XIV — XV веках школы при монастырях Авага и Капоса именовались «школами вардапетов», а иногда — «университетами». По завершении обучения в 1389 г. Акоп Крымеци занимается научно-литературной деятельностью. В 1393 г. он удостаивается ученой степени вардапета.

В 1408 году по поручению своего учителя он начинает читать курс календароведения и по просьбе учени-

ков составляет краткое учебное пособие, сохранившееся под названием «[Труд] полезный для всех». Наиболее плодотворный период в творческой деятельности Акопа Крымеци связан с Мецопской школой, куда он приглашается для чтения курсов по естественнонаучным и календароведческим дисциплинам. Здесь по просьбе главы Мецопской школы Товмы Мецопеци он упорядочивает, редактирует и корректирует хранящиеся в школьной библиотеке труды по календарю, редактирует двухтомную «Книгу проповедей» Григора Татеваци. Он не только упорядочил и отредактировал «Книгу проповедей», но и переизложил ряд и написал несколько самостоятельных проповедей, чтобы сделать труд более целостным и пригодным для использования в учебном процессе. Здесь же он пишет свой главный труд «Толкование календаря», в котором обобщены его лекции, прочитанные в Мецопской высшей школе.

Данное сочинение долгое время использовалось в качестве учебного пособия. Оно дает ясное представление о содержании и объеме знаний в процессе преподавания как истории и теории календаря, так и всего цикла предметов квадривиума (арифметики, теории музыки, геометрии, астрономии) в высших школах средневековой Армении того периода. Акоп Крымеци в своих работах дает философское осмысление и обобщение объекта исследования науки календаря, логическое обоснование используемых методов и принципов. Философия для него играет роль исходной теоретико-методологической базы как для изучения календаря и его составляющих, так и для создания всеобъемлющих календарных систем.

Структура и содержание его лекций так же предполагали наличие солидной философской подготовки слушателей, необходимой для правильного понимания и усвоения науки календаря, рассматриваемой в качестве подраздела теоретической философии. В вопросах классификации наук и всеобщей системы образования он продолжает традиции грекофильской школы, в частности Давида Анахта, привнося определенные, порой существенные, коррективы. В трудах Крымеци освещены многие вопро-

сы, связанные со спецификой и методикой преподавания науки календаря, выявлением взаимосвязи ее теоретической и прикладной частей, а на этой основе и дидактических принципов, места и значения календароведения в ряду предметов квадривиума.

Акоп Крымеци сформулировал ряд общепедагогических, методических и дидактических принципов, необходимых в процессе обучения: акцентирование учителем главных проблем по данной учебной дисциплине; необходимость определения сущности предмета обучения (и исследования); преподавание (и исследование) каждой научной дисциплины должно вестись на основе конкретных принципов, присущих ей; студентов-новичков не следует утруждать пространными рассуждениями, нагромождать непосильными заданиями; учитель должен подобрать отдельные кардинальные проблемы данной науки и на основе их рассмотрения довести до ученика все остальное; переход от обучения конкретному знанию к усвоению теоретического материала; детей следует сначала обучать при помощи чувственно-осязаемых примеров, а потом научить их рациональному осмыслению; переписчик рукописи должен быть хорошо осведомлен в той области знания, к которой относится книга.

Научно-педагогическое наследие Акопа Крымеци включает также: «Вопрошение рабунапета Геворга, покорно исполненное учеником Акопом», «О науке календаря». В учебных целях он написал также грамматические труды, необходимые для усвоения искусства письма. Имеются сведения и о том, что он преподавал и музыку. В аспекте развития армянской педагогической мысли и особенно освещения содержания обучения и образовательных программ определенное значение имеют памятные записи, написанные рукой Акопа Крымеци. За свою многолетнюю и плодотворную научно-педагогическую деятельность Акоп Крымеци был причислен к ряду выдающихся ученых вардапетов, а за острый ум и красноречие его прозвали «огненный язык».

[ТРУД], ПОЛЕЗНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ[1]

Итак я, Акоп Крымеци, отвращенный от греховного мира, ученик великого рабунапета[2] и выдающегося ритора Геворга Ерзынкаци[3], именуемый отшельником Акопом, духовных сынов моих — детей Сиона и суетных душой новоиспеченных безбрачных священников лишь краткими лекциями обучал искусству календаря. Они же, познав всю трудность и сложность изучения данного предмета, молебно просили меня смиренного дать соответствующие толкования и обучать в письменной форме. И повелел мой учитель исполнить их просьбу [...] Поэтому я вознамерился без промедления приступить к изложению, но не всего искусства [календаря], а лишь отдельных важнейших частей [этого вида] знания, необходимых [для обучения], и вкратце изложить мысли ученых-философов и святых вардапетов церкви в данном сочинении. Из их положений, которые распространяются на многие вещи, мы выбрали наиболее главные и собрали в одном месте. И так как иногда встречались высказывания, имеющие скрытый смысл, то мы раскрыли его простыми и общепонятными словами на радость и пользу изучающих искусство календаря... [С. 126].

Надобно знать, что существуют четыре способа наставления, посредством которых осуществляется обучение искусству календаря, а именно: разделительный, определительный, доказательный и аналитический. И подобно тому, как высший род (родовое понятие) посредством разделительного метода делится на виды, и вид посредством описательного определения отделяется от других видов и доказательным способом уточняются [виды], и аналитическим методом разлагается на то, из чего образовано сущее, точно так же и календарь как высшее родовое понятие мы делим на различные части и описываем каждую из них посредством определения как виды. И если // кто-то спросит, каковы, мол, их определения, пусть знает, что согласно требованию науки определение и положение его есть то, благодаря чему одна [часть искусства] отделяется от всех других частей. Затем доказательным методом удостоверяется их

трудность, а аналитическим методом разделяется на то, из чего оно (искусство) состоит. Так как, взяв год [как высший род] мы делим его на сутки, а сутки — на часы, а часы — на мельчайшие частицы [времени], и посредством этих частей мы анализируем, изучаем [движение] Солнца и Луны, на основе чего и составляются они (часы и сутки). Подобным же образом уразумей и другие части [искусства календаря].

Итак, сначала рассмотрим летосчисление как часть, подразделяемая от теории календаря в качестве вида, и путем определения выявим его сущность. Ибо когда задаем вопрос: «Что есть летосчисление?», то для решения вопроса и [соответствующего] вывода требуется определение, так как согласно правилу, [принятому] у философов повсеместно, сущность познается путем определения или предположения [С. 128—129].

Известно, что существует множество принципов, [знание] которых необходимо при толковании сочинений св. вардапетов [...] Однако нас в данном случае не интересуют принципы богословских поучений, так как наше исследование касается таких начал, которые применимы в науке календаря [С. 145].

Основанием для функционирования науки календаря служит число, так как без него все части подвижного календаря остаются незадействованными в искусстве, которое их исследует [С. 146].

Много чего полезного содержится в учении [о знаках Зодиака], однако нам не позволительны пространные рассуждения, дабы не затруднить новообучаемых отроков. Поэтому я изложу кратко, представляя немногие из основополагающих ученых мыслей, дабы от малого им многое стало понятным. А теперь посмотрим, во-первых, почему называются Знаками Зодиака?; во-вторых, из-за чего обозначили этим именем?; в-третьих, почему число их составляет двенадцать?; в-четвертых, [Знаки Зодиака] являются объектом влияния или же они сами оказывают влияние [на что-

то]?; в-пятых, движение [Знаков Зодиака] обусловлено их природой или же [происходит] под воздействием извне, внешней силы?; в-шестых, каким временем года они управляют?; в-седьмых, над какими частями мира они господствуют?; в-восьмых, над какими явлениями [природы] они имеют власть?; в-девятых, какие [из них] обладают мужской природой и какие — женской?; в-десятых, каково число звезд, входящих [в каждое из] созвездий? [С. 160].

Существуют два способа определения времени — общедоступный и специальный. Специальный способ присущ ученым, а общедоступный — необразованным людям, так как ученые начало и конец месяца определяют при помощи календаря, а необученные — благодаря Луне, ибо Бог сотворил Луну [в качестве] неписанного календаря для простолюдинов и неучей [С. 175].

ТОЛКОВАНИЕ КАЛЕНДАРЯ[4]

Знай, о глубокомысленный отрок, поелику для тех, кто обладает внутренней, природной способностью к [усвоению] науки календаря, но еще не обучены согласно данному искусству, для них достаточны приведенные здесь толкования. А те, кто преуспел в знании этого [искусства], то для них полагаю более достойным теоретическое исследование вопроса... [С. 188].

Надобно знать, что согласно установленным философами канонам знание подразделяется на четыре вида и четырьмя способами проявляется в познающем. И если спросят каковы эти виды, то мы ответим: опыт, опытность, искусство и научное знание. Опыт есть частичное знание познаваемой вещи. А опытность — частное знание подлежащей познанию вещи. Искусство же есть целостное беспричинное знание. А научное знание есть целостное знание, основанное на знании причины, безошибочное знание познаваемой вещи познающим. И это мы проиллюстрируем на двух примерах. Первый пример. Ибо является опытом, ког-

да отрока отдают на обучение наукам и он по мере образования начинает различать буквы — говорить ***айб*** [а], ***бен*** [б], ***гим*** [г]. И является опытностью, когда он путем соединения букв научается составлять слоги, а посредством складывания слогов образовывать различные слова и имена, как, например, слово ***«блаженный».*** И является искусством, когда он (ученик) соединяет имена существительные, глаголы и все остальные части речи [...], но не знает причины, (сущность) письма, то есть не знает что такое письмо и ради чего существует письмо. А научное знание есть знание письма вместе с его причиной, ибо если кто-то спросит, что такое письмо он (ученик) смог бы ответить, что письмо является телом мысли. Потому что мысль невидима для глаза и неосязаема для рук из-за своей бестелесности, [поэтому] любомудры и учителя церкви с помощью Святого Духа бестелесную мысль «облачили» в телесное письмо и мысль [благодаря этому] стала видимой и осязаемой, подобно тому как Логос-Бог посредством тела стал видимым и осязаемым. Кроме того, на вопрос для чего существует письмо он смог бы ответить, что [создание письма объясняется тем], что человеческому разуму свойственна забывчивость. Во-первых, из-за своей греховности, так как в начале сотворения не был таковым [...] В-третьих, из-за наказания, ибо подобно тому как в поте труда мучает, так и душой в процессе обучения наукам мучает. В-четвертых, ибо тело противоположно душе, как ржавчина блеску зеркала. В-пятых, из-за изобильности души в поисках нужного и необходимого. В-шестых, ибо подобно тому как человек изменяется в течение времени по природе, точно так же изменчивы и его знания: иногда он знает, а иногда — нет. Вследствие этого и были созданы письмена, дабы преданное забвению знание посредством чтения вновь восстановить в памяти и мыслях [С. 188—189].

Второй пример. Опытом является чтение текстов, знание письменности.

А опытностью является умение оперировать словами, как учениками письменности, осмысления используемых слов путем учения и приобретения частного знания.

Искусством же является наставление посредством слов и исследование [вещи] без выявления ее причины — независимо от того, знает, но не говорит [об этом] или и не знает и не говорит, подобно тому, как если некто рассуждает, что в искусстве грамматики имеется восемь частей речи — имя, глагол, причастие, частица, местоимение, предлог, наречие и союз. И если на вопрос кого-то он отвечает, давая одновременно и объяснение, то это — научное знание, а если [только перечисляет] и не дает объяснения, то это — искусство [С. I90].

Подобным же образом [обстоит дело] и в искусстве календаря. Так опыт есть знание лишь названий месяцев, подобно тому как простолюдины, будучи знакомы с названиями месяцев, спрашивают: что такое навасард[5] или hори[6].

И является опытностью, когда новички, которые только приступают к изучению учебника по календароведению и не овладели пока всей наукой [календаря].

А искусство есть знание определения первого дня месяца, дня недели, дня новолуния и т. д.

Научным же знанием является объяснение причин эпактов и дней недели, солнечных и лунных кругов и т. д., а также обучение всему этому.

А теперь прежде всего рассмотрим:

Что такое календарь

Но прежде чем приступить к этому необходимо рассмотреть какие на этот счет существуют правила и определения философов, так как для познания свойств всякой вещи должны быть рассмотрены следующие четыре вопроса: первый — существует ли объект [познания]?, второй — что есть объект [познания]?, третий — какова природа объекта [познания]?, четвертый — для чего существует объект [познания]? [С. 191].

Таким же образом разумей и относительно искусства календаря, так как оно также представляет собой некую вещь, [подлежащей изучению]. И на вопрос что это за

вещь, мы отвечаем — календарь, а касательно природы календаря говорим — это то, что определяет дни недели и эпакты и т. д. А на вопрос для чего определяет мы отвечаем: дабы установить дни и фазы рождения, роста и полноты Луны и т.д.

И благодаря четырем этим вопросам студенты могут стать сведущими не только в частях науки календаря, но еще больше в знании всего сущего, так как это есть общее и сжатое знание, после чего следует [приступить] к частному и систематическому знанию. Об этом столько

А теперь давайте рассмотрим их поподробнее: во-первых, что такое календарь?, во-вторых, от кого он получил свое рождение и откуда берет начало?, в-третьих, кто создал календарь?, в-четвертых, на каких [теоретических] основаниях зиждется наука календаря? Относительно первого вопроса следует знать, что согласно философам и науке астрономии, календарь является, во-первых, безошибочным знанием сфер семи планет, благодаря чему [астроном] может узнать медленное и быстрое движение [планет] [С. 192].

Во-вторых, томар (календарь) называется сводом знаний и это название согласно этимологии слова, так как называется сводом, ибо включает знания о всей совокупности звезд — не только блуждающих, но и неблуждающих, то есть // знаков Зодиака и Вишапа, северного и южного полюсов и других известных звезд. В-третьих, говорится свод знаний, ибо философы и учителя [церкви] пожелали соединить [все знания] о Космосе в этой философии, как говорит философ Эас [Александрийский], который собрал из многих стран множество мужей глубокомысленных в исследовании циклов Солнца и Луны. Безошибочное знание этого является весьма важным делом в математической науке, ибо математическая наука делится на четыре [дисциплины]: арифметику, музыку, геометрию и астрономию. И все они основаны на количестве, так как каждая из них состоит из прерывного количества, то есть числа, а число есть прерывное количество. Но они и различаются, так как хотя прерывное количество является общим для них, однако некоторые признают неподвижное непрерывное, а некоторые — подвижное непрерывное [количество] [С. 193—194]

Знание неподвижного [количества] является более доступным, чем знание подвижного, ибо то, что является неподвижным можно созерцать его внешний вид и воспринимать органами чувств, а подвижное — невозможно. И это говорится не согласно сущности [количества], так как согласно сущности можно созерцать внешний вид движения неба и небесных светил, но в знании тонкостей кругового движения светил оказываются бессильными. А знание [подвижного количества] есть знание кругов движения, но не сущности, вследствие чего то, что воспринимается разумом без [участия] органов чувств является и более трудным в познании.

Поэтому наука о движении небесных светил — астрономия является главной по сравнению с остальными тремя частями [математической науки] [С. 194].

И вот стало ясно, что искусство счисления среди математических дисциплин является более легким [для изучения], чем наука календаря, так как стоит ближе к нам и является привычным, так как дети вместе с появлением речи в первую очередь приобщаются к искусству счисления, а потом лишь к другим искусствам.

Кроме того, ребенок видит счет чисел на своих пальцах и в различных множествах вещей, которые бесчисленны, а движения Солнца и Луны чрезмерно далеки и их циклы невидимы, вследствие чего наука о них (астрономии) является высшей среди математических дисциплин [С. 197].

Музыкальное искусство также является [сравнительно] легким среди математических дисциплин, так как [обучающийся музыке] имеет в своих руках лиру с натянутыми на ней струнами, которые не расположены так высоко, как Солнце и Луна, поэтому знание о них (наука астрономия) более велико и достойно удивления, нежели другие части математики. [С. 199].

Как мы знаем, согласно философам необходимо, во-первых, выяснить, что такое сущее, то есть то, что есть число, во-вторых, откуда возникло число. Надо знать, что наука кален-

даря не есть сугубо философская наука и не просто богословие, а есть прекрасное сочетание этих двух [наук]. [С. 213].

Различают три рода книг: они бывают либо философскими, которые обучают нас науке о сущих, либо догматическими, которые учат нас богословию, изложенному в Священных писаниях, либо [содержащими] научное знание о календаре, которое дает нам знание первых двух [родов книг]. Ибо, исследование светил есть философия, а каким образом они установлены Богом на свои места — излагается в учении церкви. Поэтому наши научные размышления выстраиваются в ряд то с этой, то с другой стороны в [системе] знаний [С. 214].

Знай, сын мой, что счисление само по себе является нематериальным, так как является бестелесным, однако счисление по форме имеет сходство с материей, но не по природе, ибо сущность мысленного нематериальна, а согласно искусству, которое объясняем различными способами. Во-первых, как глина является материалом для гончара и железо для кузнеца, и дерево для плотника, бумага для писца, и книга для учителя, точно так же счисление является материей вещей, подлежащих счислению. Во-вторых, подобно тому, как без материи дело не видно, ибо именно материя являет его, точно так же без счисления не видно количество счисляемых. Более того, именно счисление показывает количество. Таким образом ясно, что счисление является материей всякого рода исчисляемых вещей для того, чтобы показать количество вещей как материальных, так и временных. В-третьих, ибо без материи ремесленник не может создать что-либо, точно так же без числа календароведу невозможно сделать что-либо из частей науки календаря. В-четвертых, так как материя присутствует во множестве [вещей], как например железо в серпе, в подкове, в гвоздях, в мечах, в кольчугах, в копьях, в шлемах, точно так же летосчисление присутствует во многих частях искусства календаря. В-пятых, так как материя дает возможность сделать дело, а летосчисление — календарь. В-шестых, так как ремесло состоит из материи, а искусство календаря — из

летосчисления. В-седьмых, так как материя в возможности может создать посох, а посох имеется в действительности, ибо до этого он был необтесанной палкой и лишь в возможности был посохом. И когда она была обтесана и отшлифована, становится посохом в действительности. Так и летосчисление лишь в возможности содержит будущее время, но только прошлое и настоящее в действительности [...] В-восьмых, так как из материи создается что-то, [которое] без материи не существует. Таким же образом и летосчисление дает существование календарю и без летосчисления календарь не является календарем. В-девятых, материя без действия существует, но действие без материи нет. Таким же образом летосчисление [может] существовать без календаря, ибо оно составляется из времени, время же существует всегда. А календарь не может существовать без летосчисления, так как все его части без летосчисления существовать не могут. В-десятых, материя первична по [своей] природе, а дело вторично [в зависимости от] обстоятельств. Таково и летосчисление по своей природе, ибо календарь до этого не существовал, а летосчисление существовало и все подвергало счислению. А календарь появился потом, вследствие стечения обстоятельств. [С. 215—216].

Знай, сын мой, что чрезмерно трудно словесно обучить неопытные умы календарному искусству касательно прибавления чисел, ибо они нуждаются в чувственно-осязаемых примерах, дабы смогли [сначала] увидеть глазами, а потом лишь понять разумом. Но предварительно я поведаю об этом словесно, а затем начертаю на бумаге примеры и представлю для чувственного восприятия глазами [С. 225].

Где нет ни меры, ни счета, там нет и науки, а там, где нет науки, там царит заблуждение, подобно количеству морского песка. Ибо если кто-либо не будет знать местонахождение каждого знака Зодиака, как он будет знать перемещение Солнца по кругу? А [не зная] движения Солнца по кругу, не будет знать также ни мельчайших частиц времени, не зная этих частиц, не будет знать ни часов, ни дней, ни недель, ни времени. Таким образом, стало ясно, что где нет количества и числа, там нет и знания [С. 301].

«ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ»

Итак, в 865 (1416) [году] армянского летосчисления я, Акоп вардапет Крымеци, читал лекции по науке календаря в знаменитой Мецопской школе по просьбе рабунапета Товмы [Мецопеци] и учеников его. И так как [имеющиеся здесь] списки книг по календарю не согласовывались друг с другом из-за непоследовательности изложения, посему нам, как подобает новому толкователю, надобно было изложить по порядку армянский календарь [Большое армянское летосчисление], что мы и сделали благодаря благодати Святого Духа, дабы легко было любознательным мужам. Наряду с этим мы для этой пользы изложили последовательно также римский [и еврейский[календари, ибо календари этих трех народов необходимы для науки календаря. Мы дали также толкование этих календарей, дабы оно находилось под рукой у всех желающих [учиться искусству календаря] [С. 181].

О НАУКЕ КАЛЕНДАРЯ[7]

Знай, о сын [мой], что многое из частей [нашего] искусства календаря искажено бездарными переписчиками из-за написания числа больше или меньше [чем требуется]. Ибо тот, кто занят переписыванием календароведческих трудов, должен быть глубоко осведомленным в науке календаря и лишь затем отважиться приступить к переписыванию, так как работы по календарю отличаются от сочинений по другим [видам научного знания].

Хотя ошибки не исключаются во всякой работе, однако ж, если они и встречаются в другого рода сочинениях, то вардапетам под силу каким-либо образом по смыслу исправить их. В науке же о календаре это невозможно, так как, например, единица не может быть двойкой, а двойка — единицей. Таким образом, нельзя увеличить или уменьшить какое-либо число, ибо в противном случае ошибется искусство календаря в целом [...]

По этой причине мы кропотливым трудом исправили искажения, [прокравшиеся в календароведческие труды], но не меньший страх у нас [вызывает] опасность привнесе-

ния новых ошибок со стороны невежественных писцов в будущем [С. 304].

И кто не усвоил искусство календаря, тот не в состоянии различать истину и ложь, а также вред, наносимый незнанием. Итак, все искажения и ошибки необходимо обнаружить с самого начала и тут же исправить их [С. 305].

ВОПРОШЕНИЕ РАБУНАПЕТА ГЕВОРГА, ПОКОРНО ИСПОЛНЕННОЕ УЧЕНИКОМ АКОПОМ[8]

Знай, о учитель мой, что не свое здесь я умение показываю, а вардапета [Ованеса] Саркавага, ибо всем смертным известна сила мужа сего в познании этой науки. Труд его общепризнанный, в котором подробнейше и великолепным слогом изложены вычисления дней, мы постарались сократить, дабы у людей любознательных он был под рукою готовым и легким для применения, против противников неправедных.

Многие писали о прошедших временах, и все они несогласны друг с другом. Ибо, подобно тому, как искусство врачевания не было сначала точно известно всем, но познавалось понемногу, точно так же и круговое движение Солнца и Луны постигалось постепенно, пока люди не пришли к открытию 532-летних циклов. И это открытие, принадлежащее Эасу Александрийскому и его единомышленникам, не вызывает ни у кого сомнений, ибо содержит точные сведения о прошедшем и не следует различным противоречащим друг другу летосчислениям [С. 177]

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ

Итак, я, Акоп, именуемый вардапетом Крымеци, пришел в Мецопский монастырь к главному учителю Товме и взял книгу проповедей в двух томах, над которой трудился знаменитый ритор великий Григор [Татеваци]. И читал с великим тщением денно и нощно 350 проповедей и по просьбе учителя Товмы [...] извлек 177 проповедей [...] изло-

жил по порядку основательные и прекрасные речи и так красивым слогом завершил изложение проповедей.

И кое-где в проповедях мы переписали так, как было у него самого, а некоторые слова или выражения, которые сами по себе нуждались в этом, мы обьяснили и истолковали их; и кое-где в проповедях был избыток или чего-то не хватало; мы по порядку изложили непреложные и прекрасные речи из двух или трех проповедей и таким образом красивым слогом завершили изложение проповедей. И некоторые были произнесены другими вардапетами: в дни торжественных празднеств, например в великую пятницу, в день воскресения, в праздник богородицы или креста, а также по случаю исповеди или смерти вардапетов, которые не были изложены по порядку, мы заново изложили. А другие проповеди, которые были написаны частично-либо более или менее того-трудились мы и завершили изложение этих речей по порядку.

ТОВМА МЕЦОПЕЦИ

(1378 — 1446 гг.)

Видный историк, педагог, общественно-политический деятель, глава Мецопской высшей школы Товма Мецопеци родился в селении Алиовит области Каджберуник в богатой и знатной семье. Первоначальное образование и воспитание получил в Мецопском монастыре у вардапета Ованеса. Затем он отправляется в Сухарский монастырь, где в течение 12 лет обучается у известных вардапетов Саргиса и Вардана. После смерти последнего в 1406 году он с двенабцатью товарищами отправляется в Татевский университет и в течение двух лет слушает лекции знаменитого ученого и педагога Григора Татеваци. Спасаясь от туркменских кочевых племен Кара-Коюнлу, Татеваци со своими учениками перебирается в Мецопский монастырь, где в течение года обучает своих воспитанников. В числе слушателей был и Товма Мецопеци.

Педагогическая деятельность Григора Татеваци в Мецопе оказала существенное влияние на учебно-образо-

вательный уровень школы. Благодаря ему и была основана высшая каллиграфическая школа. В 1409 году Товма получает из рук Татеваци вардапетский жезл. После 25-тилетней учебы в трех известных высших школах того времени Товма Мецопеци возглавил Мецопскую высшую школу, которая благодаря его стараниям и заботам превратилась в один из крупнейших скрипториев Армении, в научный и учебный центр, продолживший учебно-образовательные и просветительские традиции Татевского университета. Мецопская высшая школа сыграла неоценимую роль в спасении от гибели сохранившихся после нашествий полчищ Тамерлана рукописных книг, их размножении и распространении. Товма Мецопеци лично собирал, восстанавливал, редактировал, корректировал рукописи, копировал сам или поручал это другим. Он лично переписал «Книгу вопрошений» и «Книгу проповедей» Григора Татеваци.

По его приглашению с курсами лекций по различным научным дисциплинам приезжали видные ученые того времени. За 35 лет своей педагогической деятельности Товма подготовил большое число первокласных писцов (24) и семь вардапетов. Писцы Мецопской школы были не простыми копировщиками рукописных книг. Они также обучались по программам высших школ — вардапетаранов. Поэтому после школы они становились учителями каллиграфического искусства и сами готовили других по этой специальности. Одновременно они были корректорами и редакторами.

Подобно другим армянским рабунапетам Товма Мецопеци не раз вынужденно бежал от бесчинств кочевых завоевателей. Так, в 1430 г. он отправляется на остров Лим, а в 1436 г. бежит со своими учениками в Хлат, Арчеш и Арцке. Последние годы его жизни были посвящены делу перенесения армянского католикосата из столицы Киликийской Армении Сиса в Эчмиадзин (1441 г.). Письменное наследие Товмы Мецопеци включает «Историю Тимурленга и его преемников», которая помимо исторических событий содержит также интересные сведения о жизни и деятельности многих выдающихся педагогов и ученых того времени, о школах, действующих учебных

программах и т. д.; «Памятная запись», посвященная истории перенесения патриаршего престола. Он написал свое историческое сочинение не только в учебных целях, для студентов, но и для всего армянского народа, чтобы люди могли правильно сориентироваться в бурных и драматических сибытиях своего времени. Сохранилось также его жизнеописание, написанное его учеником Киракосом Банасером, которое содержит также ценные сведения о деятельности монастырских школ, содержании обучения, учебных программах и т. д.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ ТОВМЫ, НАПИСАННАЯ ВАРДАПЕТОМ КИРАКОСОМ БАНАСЕРОМ (СЛОВЕСНИКОМ)[1]

В 895 г. Большого армянского летосчисления [1446 г.] преставился великий учитель, трижды блаженный отец наш, счастливый и знаменитый наставник, мудрый ритор, равный непобедимому философу нашего рода армянского мудрому Давиду[2]. В последние времена лишь он меж всех вардапетов, как солнце среди звезд, был украшен всеми добродетелями, [знанием] теоретической и практической [философии] и науки. Ибо он изучил двенадцать частей философии — физику, математику, теологию, а также этику, экономику, политику, как и арифметику, музыку, геометрию и астрономию; постиг он также весь смысл риторической премудрости семи внешних философских сочинений, а именно: Грамматики[3], Определений[4], Порфирия[5], Категорий[6] Аристотеля, Периармениаса[7], О мире[8], О добродетели[9], а также семидесяти двух книг Священного писания Ветхого и Нового заветов и пятидесяти тонких сочинений[10], написанных божественными и правоверными святыми вардапетами труднопостижимым и сложным языком, знал также наизусть сочинения пятидесяти одного историографа. Он наставлял денно и нощно, неустанно учил и просвещал всех, верующих и неверующих, добрых и злых. Всех стремился привести к разумению истины Божественной веры и уподобиться Богу добротой, знанием и совершенством. Ибо

он был совершенным философом, согласно Платону, который говорит: «Я называю философом не того, кто много знает, и не того, кто о многом может рассуждать, а того, кто ведет чистый и непорочный образ жизни» [С. 211].

Неустанно изнурял себя, обучая отроков церкви псалмам, молитвам, гимнам, искусству письма, церковной службе. Он сам превосходно и безошибочно переписал из отменных списков молитвенник и толкования, а также святцы и подготовил 24 искусных писца [С. 212].

И написал он историю шестидесяти лет, начиная с 835 г. [1386] и доведя до 895 г. [1446], года своей смерти, начав с хана Тохтамыша и Тимура и закончив Джааншахом. Прекрасным слогом, преисполненным скорби описанием, с потрясающей душу печалью, с плачем и слезами, идущими от сердца, в полной мере поведал он нам обо всех печалях и горестях, бедствиях и кручине страждущего народа Арамова [...] и постоянно был занят переписыванием рукописей, [зарабатывая письмом] для нужд обездоленных и пленных, и за один год он израсходовал на это три кипы бумаги.

Святой отец наш был из Каджберунийской области Васпураканской провинции, из городка Алиовит в Хорхорунийской долине; он [происходил] из знатного рода, был сыном боголюбивого и благочестивого Степаноса и родным братом христолюбивого, нищелюбивого и гостеприимного парона Горги-Мелика. В отроческие годы он воспитывался и учился в святой Мецопской обители у врат святой Богоматери, при вардапете Ованесе, строителе святого храма. Он изучил все премудрости музыкального искусства и с детства, ведя добродетельный образ жизни, превзошел всех отроков церкви. Оттуда он и двенадцать его сверстников отправились в Сухарский монастырь к великим учителям Саргису и Вардану, и, оставаясь двенадцать лет у них, они изучили четыре метода научного мышления, а именно: определение, разделение, доказательство, анализ. Ибо имеется два вида вопрошения — диалектическое и доказательное и два ответа — способ противостояния и способ равноправного оспаривания. Оттуда он с двеннадцатью товарищами,

своими соучениками и братьями, отправился к матери мудрости святому апостолу Фаддею[11]. [...] И великий вардапет Григор Воротнеци[12], [который] подобен был факелу, зажженному в мире, вручил в городе Ереване посох монаху Товме и удостоил его степени вардапета, [обладающего] двеннадцатью правами. И пришел он в Мецопский монастырь, где провел в трудах и дерзаниях шестьдесят лет, тридцать пять лет давая уроки всем обучавшимся Писанию, и многих прославил, и семи ученикам вручил [вардапетский жезл], а некоторые, [не успев] получить [сана], переселились к Богу [С. 213—214].

И причиной этого, пособником и помощником свободы и благословения стала светлая душа, великий вардапет Товма, который, подобно солнцу, освещал армянский народ. Ибо солнце изгоняет тьму, а он изгонял мрак невежества и неверия, мрак отчаяния и ненависти, мрак лени и кичливости, мрак невоздержанности и беззакония, мрак непристойного поведения в молельнях и всякого рода грехов [...] И как солнце согревает мир и доводит до созревания плоды, так и святой вардапет наш будил во всех людях добрую волю и воспламенял в них любовь [к различным] видам Божественной и человеческой добродетели: у одних — к учению, у других — к постам и молитвам, у третьих — к неусыпным бдениям в ночные часы, у четвертых — к плачу и слезам, у других — к состраданию и милосердию, нищелюбию и любви к ближнему, у иных — к кротости, смирению и богопочитанию; и стремился каждого человека довести до совершенного добра и сам служил примером [...] И отец наш святой [был] подобен и равен солнцу, имеющему 40 свойств, которыми и ты сможешь воспользоваться, если будешь трудолюбив [С. 214—215].

ИСТОРИЯ ТАМЕРЛАНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ[13]

1. Пытливым и любознательным людям следует знать, что время делится на прошлое, настоящее и будущее. И вардапеты церкви должны быть искусны в трех [вещах]: [уметь]

рассказывать о прошлом, говорить о настоящем, знать будущее и предостерегать. Так и нам достодолжно кратко поведать о настоящем, случившемся в наше время [С. 19].

6. Будучи одним из учеников наших великих вардапетов Есаи и Тиратура[14], Ованес[15] был [мужем] велемудрым, прекрасно знал Ветхий и Новый Заветы, занимался толкованием «тонких» и «внешних» [сочинений]. Он со всех областей собрал вокруг себя множество учеников и, просветив их, украсил армянский народ вардапетами и священниками, благолепными церковными порядками и истинной верой. Осо//бенно тем, что денно-нощно боролся с раскольниками области Еринджак[16], ненавистниками христиан [С. 22—23].

С согласия и по воле великого вардапета Саргиса из святой Харабастской обители и [духовных] собратьев его — Акопа из Сагмосаванка Айраратской области и Георга Ерзынкаци и всего собрания учеников, вардапета Ованеса Мецопеци, Акопа и Мхитара из Рштуника, его преемником стал христообъемлемый источник и незаходящее солнце, второй Просветитель вардапет Григор Татеваци [С. 24].

18. И следует знать, что мы претерпели не только телесный голод, но и голод духовный за то, что не внимали голосу Господнему. [Хотя] на Сюникской земле были две школы — одна в святой Апракунисской обители, великого учителя Григора, ученика великого Ованеса Воротнеци, у которого он учился двадцать восемь лет и уже два года как занимал вардапетскую кафедру обучения, а его собратья однокашники ушли от него: великий Акоп отправился в Араратский край, и его местопребыванием стала святая церковь Сагмосаванк. Он двадцать лет учился у Ованеса Воротнеци. И вардапет Георг со своими учениками отправился в Ерзынка, область Екелеац. И остальные рассеялись по разным местам. А великий Григор с немногими своими учениками перезимовав в Апракунисской теплой долине, весной отправился в святую обитель, благотворный престол апостола Евстафия [...] Создав «Книгу вопрошений», он на-

писал ответы против всех народов и [создал] два тома проповедей и [сделал] выборки из Ветхого и Нового [Заветов], а также Толкование внешних сочинений. С 838 (1389) по 857 (1408) год он оставался там. Но по какому-то поводу он пришел на нашу землю Каджберуник, и мы с двенадцатью братьями, учениками великого Саргиса, пошли к нему и оставались при нем два года [С. 34].

19. Вардапет Саргис, придя, поселился здесь и воссел на вардапетском престоле в богообитаемой обители Святой Аствацацин. Вокруг него собралось множество [учеников], обучавшихся Священному Писанию, церковнослужителей и любознательных [отроков], более шестидесяти человек священнослужителей и учеников. И он просвещал обучением и знанием, службой и литургией все побережье Васпураканской области. И святая обитель в 838—851 гг. нашего летосчисления (1389—1402) выглядела как Верхний Иерусалим [С. 36].

26. А мы, его (вардапета Саргиса) осиротевшие ученики, покинули [нашу область] и отправились в Сюник, к великому Григору, всеармянскому вардапету, второму Просветителю и Богослову, превосходившему всех древних и новых философов и вардапетов [С. 45].

Он начал обучать их сочинениям внешних философов. И приводил всех в большее изумление, чем эллинские философы. Затем ознакомил их с пятнадцатью Посланиями апостола Павла и с сочинением Григория Богослова «К тем» [...] И мы были двенадцатью братьями, учениками великого Саргиса, после смерти которого пошли учиться к [Григору]: первым был Акоп, [затем] — Маргарэ, Ованес, третьим — Мкртич, Карапет, Мелкисет, Саргис, Маттеос, Карапет и я, недостойный Тума. Он два года утешал нас Священным писанием. Но из-за притеснений неверных, взяв [нас] с собой, покинул Сюникскую область и пришел в Арчешскую[17]. [Григор] посе//лился в богоугодном Мецопском монастыре [С. 45—46].

К нему стеклось множество вардапетов [...], а также из священников и учеников — свыше восьмидесяти иноков. Целый год он утешал всех братьев несказанной радостью. На уроках он истолковывал три сочинения: Евангелие от Евангелиста Иоанна, Книгу мученика Иова и Книгу «Об искусстве письма» двух вардапетов — Георга Ламбронаци и Аристакэса[18] [С. 46].

АМИРДОВЛАТ АМАСИАЦИ

(I-я четв. XV в. — 1496 г.)

Выдающийся армянский врач и педагог Амирдовлат Амасиаци родился в городе Амасия (Малая Азия), густонаселенном армянами и расположенном вблизи от культурных центров коренной Армении. В 50-х годах он переезжает в Константинополь, где завершает свое высшее медицинское образование под руководством ученых и многоопытных врачей и удостаивается ученой степени «бжшкапета» — главы врачей, ученого врача. Здесь он приобретает всеобщее признание и славу искусного врача, глубоко сведущего также в астрономии и философии. Вскоре его приглашают на должность лейб-медика турецкого султана Мухаммеда II. В 1459 году он пишет свое первое сочинение «Учение медицины». Здесь же завершает свой первый «Ахрабадин» — крупный труд по лекарствоведению, в котором в отличие от восточных ахрабадинов автор описывает не только сложные, но и простые лекарственные средства.

Однако быстрое возвышение Амирдовлата возбудило зависть в придворных кругах. Вследствие интриг он был изгнан из Константинополя. Изгнание длилось около десяти лет. В течение этого времени он путешествовал по Балканам, приобрел богатейший опыт врача-периодевта, расширил свои познания в лекарственных растениях как полуострова, так и Малой Азии, Армении и Ирана. После разразившейся на Балканах и в самом Константинополе эпидемии чумы (от которой бежал сам султан), Мухаммед

II в начале 70-х годов вновь приглашает Амирдовлата ко двору и восстанавливает в должности своего лейб-медика.

За первыми трудами последовал ряд фундаментальных сочинений, обобщающих достижения во всех областях средневекового медицинского знания как теоретического, так и практического характера. Его «Польза медицины», написанная на уровне лучших сочинений того времени, называлась «царственной» или «божественной» и служила настольной книгой для многих поколений врачей вплоть до XVIII века. Работа была завершена в 1469 году в Филиппополе (ныне г. Пловдив в Болгарии). В ней автор обобщил и описал свои наблюдения над эпидемией чумы. В 1481 г. в Константинополе он создает свой главный труд «Ненужное для неучей» — «подлинную энциклопедию лекарственных средств».

Наряду с вопросами научного характера Амирдовлат Амасиаци выдвигает и анализирует целую систему морально-этических требований и принципов, своего рода моральный кодекс врача. В частности, он касается чувства морального долга, норм врачебной этики и т. д., полагая, что без нравственного совершенства не может быть настоящего врача, независимо от уровня его профессиональных знаний. Врач должен быть достоин своего высокого призвания и лечить людей независимо от их социального происхождения.

К числу основных методических и педагогических принципов Амирдовлата Амасиаци относятся: в научном исследовании с целью избежания «многословия» и «затруднения» целесообразно использовать сокращения; научные знания, в том числе и медицинские, приобретаются не сразу, не насильственным путем, а в процессе постепенного испытания и многократных проверок лекарственных средств, ибо они касаются жизни человека; врач обязан свои теоретические знания и практический опыт сделать достоянием других; книга должна быть написана и построена таким образом, обладать такой внутренней логической структурой, чтобы способствовать легкому усвоению ее содержания; одним из способов обеспечения доступности книжных знаний для широких читательских

кругов является применение общеупотребительного народного языка; с целью облегчения чтения и прочного усвоения учениками книжного материала необходимо снабдить книги словарем трудных, малопонятных и заимствованных из других языков терминов, слов и т. д. Обладая поэтическим даром Амирдовлат включал в тексты своих научных произведений поэтические отрывки, афоризмы с целью образной передачи научных знаний, что должно было способствовать более легкому и адекватному восприятию текста со стороны читателя или слушателя. Широко используя достижения античной и восточной медицины, Амирдовлат Амасиаци всегда стремился проверять данные авторитетных ученых на практике. К числу широко используемых им научных методов относится метод аналогии.

Перу великого бжшкапета принадлежит также: второй «Ахрабадин» (1481 г.), так называемая «Народная книга» (1474 г.), где автор проявляет себя прекрасным знатоком средневековой астрономии (астрологии). В своих трудах он развивал традиции киликийской медицинской школы и в первую очередь Мхитара Гераци. Он является хранителем традиций армянской медицинской мысли, рукописных источников.

Используя свое высокое положение и покровительство турецкого султана Амирдовлат Амасиаци немало труда и личных средств вложил в дело спасения старинных памятников армянской письменности. По его заказу были переписаны философские сочинения Григора Татеваци, Ованеса Воротнеци (толкования трудов Аристотеля и Порфирия), отборный текст «Псалтыри», «Хроника» Самвела Анеци, армянский перевод «Хроники» Михаила Сирийца и др.

Амасиаци создавал свои труды не только для профессиональных врачей, но и для широкой учащейся аудитории, молодых врачей и естествоиспытателей, только что вступивших на поприще науки. Поэтому его сочинения носят и дидактический характер, что отразилось также в их названиях».

НЕНУЖНОЕ ДЛЯ НЕУЧЕЙ[1]

[Предисловие]

[Создатель] даровал человеку учение и мудрость и сделал его самым достойным из всех своих созданий, наделив его добродетелями и дарованиями. И Господь-Бог дал человеку чувства [и разум], чтобы он мог проявить свой творческий дар на деле: и в богословии, и в философии, и в астрономии, и в геометрии, и в арифметике, и в медицине, и в музыке, и в грамматическом искусстве. Всю эту премудрость Бог запечатлел в человеческой природе и дал ему возможность познать все творения, будь то или растение, или трава, или кустарник, или дерево, или животное, или камень, извлеченный из земли, или органы животных [...] И Господь-бог дал человеку способность узнать природу всех этих вещей, их силу и полезные, а также вредные свойства и способы предотвратить зло [С. 13]

Благословим Создателя-бога, если пожелает он,
Свершим сей труд, поведаем о названиях лекарств
В порядке букв [нашего] алфавита, о их пользе
И значении слов согласно врачебному искусству.
И завершим его на пяти языках [...]

Составлена эта книга о действии лекарств, каждого в отдельности, на основании множества иноземных сочинений рукой грешного, негодного и несведущего врача Амирдовлата Амасиаци, в память о себе и всех христианах [...]

И мы сочинили эту книгу и проверили множество слов и описаний в ней, чтобы те [сведущие люди], которые прочтут ее, с легкостью могли бы понять, а невеждам мало пользы от нее. И назвали мы сей труд «Ненужное для неучей», а себя считаем в долгу у всех ученых и слугой всех философов.

Следуй же путем познания, [о, читатель],
а иначе останешься ты врачом-невеждой.
Если хочешь стать ученым, воспользуйся книгой,
ее [недаром] называют «Ненужное для неучей» [С. 13]

И это врачебное искусство является частью [всеобщей] науки и учения, которое неизменно печется о здоровье человека. А тот, кто болен телесно, не может служить Богу душой. И этим делом занимались наши первые учителя медицины: и великий врач Мхитар[2] и врач Агарон[3], и сын его врач Степанос[4], и их род: врач Чошлин, и врач Саргис, и врач Йакоб, и врач Дегин, и врач Симавон, и врач Ваграм, которые сочинили много книг о действии лекарств и их пользе. Но они [о многом] сказали кратко: если сообщали о природе [лекарства], то умолчали о сущности, если же говорили о свойствах, то не коснулись природы. А бывало так, что знали названия, но не могли определить само [растение] или его заменители. И поэтому мы постоянно были вынуждены обращаться к иноземным [писаниям], чувствуя недостаточность наших знаний о лекарствах [С. 14–15]

И потом мы отправились путешествовать по многим городам [Армении и Ирана], а затем пересекли море, объездили Македонию и обосновались в столице Константинополе, собрали много книг разных народов, и поработали над ними, и изучили множество слов и названий [лекарств] и их заменителей на пяти языках, и их дозы, по воле Бога.

Знай, что для каждого языка мы применили особое [краткое,] обозначение: для арабского – «***а***», для персидского – «***п***», для тюркского – «***т***», для армянского – «***ар***», для греческого – «***гр***», для сирийского – «***сир***», для латинского – «***л***», для франкского – «***фр***». И эти сокращения мы применили, чтобы избежать многословия и не затруднять изложения. А также мы [поступили подобным образом] с именами учителей медицины [и их трудами], дав сокращенные обозначения: «Бт» – вместо «Багарат», «Гс» – вместо «Гегианос», «Син» – вместо «сын Сины», «Дс» – вместо «Диоск[о]ритос» [С. 15]

И говорят, что природа лекарств познается опытным путем. И это опытное познание требует [соблюдения] семи условий. Первое условие заключается в том, что применяют испытанное лекарство в чистом виде, без посторонних при-

месей, и оно воздействует своей природой [...] Второе условие заключается в том, что когда испытывают одно лекарство, надо давать его человеку с умеренной (уравновешенной) натурой так, чтобы видно было бы его действие на природу, а именно: как увеличиваются или уменьшаются ее [свойства] — теплота или холод, влажность или сухость. Третье [условие] состоит в том, что одно лекарство следует испытывать при одной болезни, а не при двух [и более] заболеваниях. Ибо оно полезно при одном [заболевании], а на другое не действует, и тогда человек не может понять, куда же делось его полезное действие [С. 15]

Четвертое условие заключается в том, что когда одно лекарство оказывается полезным при нескольких болезнях, то следует проверить, является ли это действие чем-то, присущим только ему, или же оно зависит от других посторонних обстоятельств [С. 15—16].

Пятое [условие] состоит в том, чтобы сила лекарства соответствовала бы силе болезни [...].

Шестое условие состоит в том, чтобы учитывать время года, ибо имеется такое время, когда лекарство действует, и такое, когда оно не действует или оказывает слабое действие [...] Седьмое условие состоит в том, чтобы при введении этих лекарств действие их было бы постоянным, ибо если оно то действует, а то не оказывает действия, знай, что это зависит [не от лекарства], а от посторонних причин, как я упомянул об этом выше.

И следует придерживаться этих способов при испытании [лекарств], чтобы не нанести при лечении вреда человеку и постоянно соблюдать осторожность. Таковы способы [испытания].

А также знай, что человек познал силу и свойства этих лекарств не сразу насильственным путем, а путем постепенного испытания, когда были обнаружены [эти свойства]. А затем их опять проверили и увидели, что так и есть на самом деле и написали об этом. Так, например, [увидели], что человек принял лекарство, которое помогло при его болезни и вылечило его или же вызвало послабление, а затем это проверили еще несколько раз и увидели,

что подтвердилось [действие], и тогда написали об этом в книгах и сохранили.

Но были и такие лекарства, о пользе которых [люди] узнали от птиц и зверей, увидев, как они их применяют [...] И потом [врачи] эти лекарства испытали и увидели, что они в самом деле полезны и написали в книгах [С. 16]

Но и в наши времена случается врачам испытывать лекарства, которые не были известны первым учителям медицины. Но следует помнить, что эти опыты весьма опасны, и от них бывает много вреда для [здоровья] человека. И поэтому лучше брать испытанные средства, которые проверили первые мудрецы, а их имеется немало, и польза от них велика [С. 16—17]

А вслед за этим вспомним о действии лекарств и их свойствах. Действие лекарств запечатлено в их сущности и природе. Про то узнали, [испытав] их свойства и путем сравнения. И [узнали], что некоторые из [лекарств] укрепляют тело, а другие же наносят ему вред [С. 24]

И я, негодный слуга божий, немало поработал над этим искусством, пока нашел все это, и вновь и вновь проверил, чтобы изучающие с легкостью могли бы познать и постичь это тайное искусство, ибо все учителя медицины скрыли его [от несведущих] и не написали об этом в лечебниках [...]

Знайте и поймите же, братья, что форма этой книги такова, что название одного лекарства написано на многих языках в алфавитном порядке [...] А бывает так, что название упоминается на одну букву, а затем на другую букву приводится описание лекарства и его полезных свойств [...] Есть такие лекарства, которые имеют пять-шесть названий, и каждое название упомянуто на свою [начальную] букву. А рядом с одним названием упоминается его природа, полезные свойства и вредное действие [...] Эти лекарства имеют много имен, но описание лекарства дается лишь при одном названии, а прочие же названия упоминаются в разделах на свою букву [...] Все названия можно найти по ал-

фавиту, но описание лекарства мы упоминаем только при одном названии. Так построена эта книга.

А также скажем, почему мы написали эту книгу на ашхарабаре[5]. Тому имеется три причины. Первая состоит в том, что не всякий человек может читать на древнем языке или иностранные писания, чтобы понять эти сложные вещи. А потому мы написали на ашхарабаре. А вторая причина написания на ашхарабаре в том, что мы использовали слова, которые мы нашли у тачиков и которые были нужны нам, чтобы пользоваться [книгами] тачиков[6] о лечении. А третья причина в том, что мы приводим в этой книге и арабские, и персидские, и греческие, и тюркские слова, ибо для [составления] ее мы пользовались иностранными источниками, а потому в этой книге есть множество слов, которые встречаются в ашхарабаре. А если Бог пожелает, я сам напишу в конце книги хороший словарь, чтобы растолковать все трудные слова, которые имеются в армянском языке, так чтобы читатель с легкостью понял бы ее, а учащийся хорошо усвоил, и не осталось ничего тайного, а все стало бы явным [С. 30].

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ

Из многих списков завершил я этот.
Из слов врачебных все, что смог найти,
Собрал и написал я [здесь].
И все, чему я научился в них,
Поведаю, закончив сей словарь
На [многих] языках. — Их пять:
Армянский [мой родной],
И греков, и арабов речь,
И персов, тюрок языки,
Латыни малость тоже есть.
Расположил я все слова,
Названия всех лекарств и трав,
Как поведал армянский алфавит,
[И, с буквы «Айб» начав],
Я завершил словарь в конце
Словами, что приведены на «Фэ» [С. 503]

ПОЛЬЗА МЕДИЦИНЫ[7]

Когда я углубился в искусство [медицины] и ознакомился со многими сочинениями — весьма пространными, так что человек не в состоянии в совершенстве овладеть ими и не нашел ни одной книги, которая была бы необъемистой, кратко [изложенной] и полезной и помогла бы человеку, чтобы она была легкодоступной, проверенной на практике и пригодной для [лечения], тогда я и приступил к написанию данного труда [С. 5].

Перенес я много трудностей и случайностей от нечестивцев, чужеземцев и судей, и царей, и князей. Я собрал много книг арабских, персидских и турецких. Долго жил на чужбине. Испытал за это время зло и добро и приключения, перенес я богатство и бедность. В разных странах я много занимался врачебным искусством и пробовал по своему усмотрению много лекарств и сложных соединений, много обслуживал я больных — и высокопоставленных, и князей, и тысячников, и сотников, и горожан, и бедных, и взрослых, и детей. Много видел я зла и добра и теперь дошел до такого состояния, что ни богатству не радуюсь, ни в бедности горевать не буду [С. 7].

Врач должен быть разумным и исполненным чувства долга, быть терпеливым и готовым подать совет. Он ни в коем случае не должен быть пьяницей, алчным и корыстолюбивым. Следует ему любить бедняков, быть милосердным, верным и нравственно чистым богобоязненным человеком. Если он не постигнет в чем суть болезни, то ему не следует давать лекарства, чтобы не запятнать своего имени. А если он не сведущ, то лучше не призывать его к больному и вообще не почитать за врача [С. 9].

Пристойно, чтобы каждый человек изучал [искусство] врачевания по той причине, что нет более возвышенного учения чем это, которое неизменно печется о здоровье человека, а Господь Бог не сотворил ничего прекраснее и достойнее человека [С. 17].

Врач должен иметь [хорошее] образование, обладать глубокими знаниями и быть многоопытным в своем искусстве; он не должен быть ленивым, беспомощным, коварным, злобствующим, но ему необходимо обстоятельно изучать многочисленные труды [по медицине] и учиться у опытнейших врачей быть добросовестным и наставляющим, не быть скрягой, мздоимщиком, сребролюбцем, алчным, не домогаться имущества бедных. А если [врач] окажется не таким, как я написал, то такого врача лучше не приглашать к больному... [С. 18].

Если мозг человека здоров, то его разум занят [добыванием] знаний, а память [при этом] убывает. Если же мозг поврежден, то разум оставляет его, упражняя память, и память усиливается. И все, что человек ни делает, он помнит и становится болтливым.

Все человеческие способности, память и стыдливость зависят от мозга. Когда же на мозг находит недуг, то человек лишается рассудка и он не различает полезное и вредное [...] А когда человек легкомыслен, разум устремляется в память, человек легко запоминает произносимые слова, много и быстро болтает языком и бывает бесстыдным [С. 47].

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ (XVII – XVIII вв.)

1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

В конце XIV века Армения подверглась опустошительному нашествию полчищ Ленг Тимура, а после его смерти в XV веке – кочевых туркменских племен Кара-Коюнлу и Аг-Коюнлу. С начала XVI века страна разорялась вследствие длительных войн между Османской Турцией и Сефевидской Персией.

Несмотря на неблагоприятные условия до середины XV века наука, культура и образование в исторической Армении продолжали развиваться, сохраняя традиции предшествующих столетий. Однако со второй половины XV века центры национальной культуры, в особенности школьного образования и просвещения, перемещаются в армянские колонии. С конца XVI и особенно с начала XVII века вновь намечаются тенденции к оживлению школьного дела и образования в Армении. К числу учебных центров этого периода упадка, которые достигли определенного расцвета относятся монастырская высшая школа Сюника и Багешская Амрдольская высшая школа. В Сюникской школе, основанной в конце XVII века кроме богословских дисциплин преподавали также грамматику, риторику, литературу, философские предметы. Однако основное внимание было сконцентрировано на обучении искусству письма (каллиграфии), рисованию, переплетному делу, изготовлению красок и чернил, то есть технологических составляющих организа-

ции и подготовки учебного процесса. Для чтения лекций приглашались многие известные ученые того времени. Часть выпускников этой школы впоследствии стали духовными и школьными деятелями.

Амрдольская высшая школа была основана после Сюникской известным ученым ***Барсегом Гавареци.*** Занятия велись на основе разработанной Гавареци учебной программы, которая включала также ряд преданных забвению научных и учебно-образовательных дисциплин. Кроме обучения искусному письму и рисованию важное мосто в программе отводилось изучению грамматики, литературы, истории и философии. Благодаря широкому кругу изучаемых предметов, наличию опытных педагогов школа начала привлекать внимание как любознательной молодежи, так и многих передовых и мыслящих людей эпохи, что послужило основой для развертывания культурно-просветительского движения. Это проявилось в частности в собирании, восстановлении, редактировании, корректировании и переписывании древних рукописей, в переводах на армянский язык греческих и латинских текстов, в создании новых оригинальных произведений. Выпускники школы становились активными пропогандистами просветительских идей, научных знаний, открывали новые школы, организовывали книгохранилища — библиотеки. Уже в XVII веке Амрдольская Багешская школа превратилась в «общепризнанный университет». Подобные школы в течение XVII века были созданы в Агулисе, Нор-Джуге, Исфагане и других местах.

Выдающимся событием в культурно-исторической жизни армянского народа явилось создание книгопечатания. В 1512 году в Венеции увидела свет первая армянская печатная книга («Пятничная книга»), содержащая сведения по средневековой медицине. Создателем первой армянской типографии, первопечатником является ***Акоп Мегапарт.*** Впоследствии его дело было продолжено ***Абгаром Тохатеци*** в Венеции, а потом в Константинополе. В XVII веке одним из основных центров армянского книгопечатания становится город Амстердам. Типографии были основаны также в городах Джуга (Джульфа), Львов, Мадрас и других.

Несмотря на неблагоприятные условия в этот период появился ряд сочинений исторического характера, как-то: «Книга историй» ***Аракела Даврижеци,*** «Хроника» ***Григора Даранагци***, «Путевые заметки» ***Симеона Лехаци,*** «Хроника» ***Закария Канакерци***, «История Стамбула» (в стихах) и «Дневник» ***Еремия Кеомурчяна*** и др. Крупнейшим представителем средневековой армянской медицины является Амирдовлат Амасиаци (XV в.) — основатель врачебной школы, просуществовавшей несколько веков, в трудах которого обобщены теоретические и практические разыскания средневековых врачей — греческих, латинских, арабских, персидских, сирийских, армянских. На литературном поприще появились такие деятели как Мкртич Нагаш, Григорис Ахтамарци, Наапет Кучак, Нагаш Овнатан и др.

В произведениях перечисленных и других авторов содержатся также сведения о состоянии школы и просвещения, науки, культуры и искусства в Армении, выдвигаются идеи и положения педагогического, методического и дидактического характера, что свидетельствует о том, что несмотря на общий культурный упадок, в различных уголках страны, а также за ее пределами продолжали существовать отдельные очаги образования и культуры.

Ниже приводятся отрывки педагогического характера из трудов выдающихся деятелей армянской науки, культуры и педагогики. Приводимые тексты нисколько не объемлют всего многообразия имеющихся материалов. Наша цель, как и в предыдущих разделах настоящей антологии — ознакомить читателя с некоторыми образцами армянской просветительской и педагогической мысли, с новыми тенденциями, появившимися в армянской действительности. Часть приводимых текстов публикуется на русском языке впервые. Переводы сделаны на основе рукописей Матенадарана им. Месропа Маштоца или научно-критических изданий текстов.

2. ПАМЯТНИКИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

АРАКЕЛ ДАВРИЖЕЦИ
(кон. XVI в. – 1670 г.)

Видный армянский историк и мыслитель, один из просвещенных людей своего времени. Родился в городе Тавризе персидской провинции Атрпатакан. Образование получил в Эчмиадзинском монастыре под руководством католикоса ***Филиппоса Ахбакеци*** *(1633 – 1655 гг.), где провел большую часть своей жизни. В качестве пунция патриаршего престола Даврижеци обьездил много стран и городов с армянским населением (как восточных, так и западных); был в курсе основных событий, происходящих в стране и за ее пределами. По настоянию католикоса он в 1651 году приступил к изложению своей «Книги историй», которая была завершена в 1662 году. Цель данного начинания – запечатлеть и сохранить для грядущих поколений жестокие события, имевшие место в национальной, социально-политической и культурной жизни народа в I-й половине XVII века, вследствие кровопролитной войны между Сефевидским Ираном и Османской Турцией на территории Армении, когда над народом нависла угроза исламизации, полной ассимиляции или физического уничтожения.*

Книга Даврижеци посвящена не истории царей, а народа и его бедствий в тесной связи с историей соседних народов. Именно народ выступает в качестве главного героя. Книга нацелена на пробуждение национального самосознания, воспитание высоких гражданских и патриотических чувств, призывала к борьбе против иноземных поработителей во имя свободы и независимости. Автор глубоко верит в созидательную силу и духовную потенцию народа, в его культурное возрождение и просвещение, в духовную самобытность. В этом ключе изложены разде-

лы, посвященные культурной жизни, просветительскому и школьному движению в Армении. Просветительско-наставническую деятельность ученых-вардапетов по воспитанию и обучению народа, в частности, молодежи, создание ими школ различного типа, возрождение светских наук — грамматики, логики, философии, астрономии, календароведения и др. он рассматривает как подвиг во имя настоящего и будущего армянского народа, как начало и основу духовного возрождения нации вообще, одно из основных условий борьбы за физическое существование.

По Даврижеци в основе всякого исторического исследования лежит хронология, на которой возводится здание самой истории. Он сформулировал и реализовал ряд методических и исследовательских принципов, моральные критерии труда и личности историка, как—то: добросовестное отношение к обьекту исследования; необходимость критического отношения к излагаемому материалу и сообщаемым сведениям; искренность, честность и объективность позиции исследователя, концептуальность изложения и др.

Автор использовал богатейший фактографический материал: памятные записи рукописей, исторические хроники, лапидарные надписи, письма, циркулярные послания, рассказы очевидцев, содержащие также достоверные сведения по истории соседных стран и народов — Грузии, Турции, Ирана и др., что обусловило неослабный интерес исследователей к этому памятнику. «Книга историй» переведена на русский, французский, польский, частично — на грузинский языки.

КНИГА ИСТОРИЙ[1]

Предписание к предлагаемой «Книге историй»

[...] Надлежит знать, что согласно требованию необходимости следовало бы здесь положить в основу [изложения] хронологию и затем по обычаю историков возвести над ней историю как строение. Но так как народ наш из-за грабителей, насильников и сборщиков податей разбрелся и

рассеялся [по свету], измученный и связанный, прикованный, как говорится в псалме, к нищете, как к железу, когда каждый еле-еле добывал себе дневное пропитание, мы не нашли знающего человека, сведущего вместе с историей и в хронологии. Однако, [прикладывая] большие усилия, мы искали; и там, где доискались, вместе с историей поместили и дату, там же, где не нашли, описали без дат [С. 39].

Глава 21

История благочестивых мужей — епископа Саргиса и тэр Киракоса, зачинателей построения и утверждения пустыней, что явилось причиной всяческого благоустройства монастырей, церквей и их обитателей

И святой дух [...] попечительстжует знанию содержания книг, открывал перед чистым разумом их врата знаний и наставлял их на стезе книг, которыми они (епископ Саргис и тэр Киракос) сами просветились и просветили окружающих, а через посредство их народ армянский. Ибо до этого армянский народ закоснел и огрубел в невежестве, люди не только не читали, но даже грамоты и силы книг не знали, ибо в глазах их книги стали бесполезными и валялись всюду по углам, как колоды деревянные [...] Они охотно читали книги и своею доброй волей воспитывали себя, выполняя на деле то, что прочли на словах, ибо верили, не колеблясь, что рассуждения в книгах — заветы божьи. И эти двое мужей вместе с вышеназванными людьми [...] начали посредством чтения и обучения грамоте вновь возрождать и восстанавливать все добрые порядки в пустынях, монастырях и молельнях с помощью и при покровительстве святого духа, попечительствующего глубинам смысла книг, который раскрывал, выявлял и возвещал перед мысленным взором их мудрость и стройную систему, чего они и добивались [С. 211—212].

Глава 29

Кто и каким образом стал причиной постижения стиля и содержания внешних книг и искусства грамматики, со-

вершенно утраченных и бесследно исчезнувших, и, восстановив, распространил [их] среди армянских вардапетов

Исстари, с древних времен, в городе Багеше[2] при монастыре, называемом Амрдол, существовала школа вардапетов, которые, наследуя один другому, дожили и до дней отцов наших. В то время преемником и предводителем, распорядителем и главою вардапетов того места был вардапет по имени Барсег — муж известный и прославленный, наставник многих учеников [С. 307].

Так вот этот вардапет Барсег по себе знал, что среди армянских вардапетов нет [знатока] внешних наук и грамматики, страстно мечтал познать эти науки, и не только ради себя, но наипаче ради народа, дабы, возродив, распространить их среди армян, чтобы каждый постиг эти искусства и науку.

Поэтому все время, взяв в руки внешние книги, хоть и не понимая, без конца и без устали читал их; бывало так, что он местами понимал суть и смысл слов, а бывало не понимал; но все время без устали старательно читал [С. 307—308].

[Бог] воздал [Барсегу] за то, что он все время, неустанно бдея, стоял у дверей знаний и наук и днем и ночью стучался молитвами и чтением в эти двери [...]

Сперва он начал «Книгу определений»[3], прочитал главу до конца и снова вернулся к началу главы; до тех пор читал и возвращался, пока не уразумевал все подробности, и затем только переходил к другой главе. Делая так, он прочел десять глав «Книги определений» и тогда понял, что мог бы обучать и других. Затем, отложив «Определения», взялся за Порфирия[4], дабы понять и испытать его особенности; начал с великим усердием читать [Порфирия] и обдумывать в уме [прочитанное].

Когда вардапет Барсег состарился, он призвал к себе всех своих учеников и преподал им всю мудрость, приобретенную им из внешних книг, и они запомнили и выучили все; затем он начал беседовать с ними и наказывать: «Любимые сыны мои, рожденные мною в муках душевных в господе, упоминаемые в книгах древних учителей «Род»,

«Вид», «Различающий», «Специальный» и «Случайный» признаки, «Утверждение» и «Отрицание», часто и многократно встречаются нам в книге «Объяснение», «Книге сокровищ», книге «К тем» и тому подобных — [слова, которые] мы читаем и проходим, но не понимаем, что они собой представляют, не знаем их заключений, целого, частей и других особенностей их; вардапеты же должны быть прекрасно осведомлены обо всем этом, ибо без знания ими всего этого, как бы [они] ни читали и ни думали, что поняли, — не будут понимать, как следует и как должно, ибо [книги эти] являются преддверием ко всем премудростям и книгам — как тонким, так и внешним. [С. 308—309].

[...] Я налагаю на вас великое обязательство, чтобы и вы так поступали, пока будете живы: то, что я преподал вам в качестве урока, читайте всегда, и, таким образом, читая и продвигаясь вперед, вы будете расти. Все, что даст вам Бог — святой дух, преподанное им и обнаруженное вами передайте на уроках вашим ученикам и всегда упражняйте их в одном и том же, пока не привыкнет мысль их. Вы поручите своим ученикам, чтобы они поступали так же; и если так будут делать все от отца к сыну, я верую, господь откроет и укажет все пути и двери этих чудесных и славных наук». И вот светозарная душа вардапет Барсег, как я уже сказал, стал причиной обретения знания внешних книг. [С. 309].

Когда собралось много [людей] и умножилась местная братия [на острове Лима[5]], пять других монахов присоединились к тэр Мелкисету, и они, взявшись за внешние книги, начали старательно читать. Назначили определенный час дня, чтобы собираться вместе и чтобы каждый из них разъяснил остальным все то, что он нашел в содержании книг, дабы и другие тоже усвоили и чтобы благодаря этому наука, развиваясь и распространяясь, сделала успехи. Так продолжалось два года, после чего объединившиеся монахи, утомившись, отвратились от чтения внешних книг, ибо стараний было много, а утешения мало, ибо они все еще не овладели словом и не вкусили сладости, почему и всякий труд казался им ничтожным и второстепенным, по свидетельству философа Давида [С. 310—311].

[Тэр Мелкисет] бесспорно добился понимания всех внешних книг и стал знатоком «Определений» Порфирия, «Категорий», "Пэри арменияса», «О мире», «О добродетели», «Аналитик»[6].

Он хорошо и досконально изучил также календари всех народов, образцы которых были переписаны и имеются в наших [рукописях], узнал происхождение, причины и всю последовательность их. Сверх того, он стал сведущ в грамматической науке и превратился в лучшего знатока того времени.

Дарования и знания его не только в том, о чем мы рассказали; он выучил наизусть постоянно собираемые изречения из Библии и сочинений учителей [церкви]. Но я говорю о внешних книгах и признателен ему за то, что он сам, без наставника и без учителя, изучил с начала до конца такие чуждые, инородные, разнообразные и непривычные сочинения [С. 311—312].

[...] В городе Львове, какие-то патеры из франков пришли к ученикам Мовсеса [католикоса] поспорить; и прежде всего они спросили у наших об искусстве грамматики: [...] а наши, будучи невежественны, отвечали то так то этак. Тогда [патеры] пренебрежительно и насмешливо стали издеваться над нашими [...] И наши, уязвленные до глубины души, поняли, что все, что они знают, это еще не наука, что нужно им читать внешние книги. И там же они твердо решили: поедем в Эчмиадзин к вардапету Мелкисету и, отбросив все остальное, начнем [учиться] у него читать внешние книги [...] Когда, собравшись, монахи пришли к вардапету Мелкисету и стали брать уроки, прежде всего они начали учиться грамматике[7], после чего приступили к «Определениям», а затем Порфирию, «Категориям», «Пэри арменияcу», «О мире» и «Достойно похвалы», после всего этого [перешли] к календарям всех народов [С. 313].

Тэр Симеон по природе своей обладал острым и плодотворным умом, а читать эту внешнюю премудрость пришлось ему в юном возрасте, когда все воспринимается, удерживается и взращивается [лучше], стараний же, трудов

и мучений, перенесенных им во время чтения, было неисчислимо много [...] [С. 315—316].

[...] Святой дух даровал ему речь чистую и превосходную, исполненную благодати в проповедях и спорах, в толковании книг как боговдохновенных, так и внешних, в исследовании природы и искусстве философии. И стал он несравненно выше других и превзошел всех вардапетов того времени, так что те, преклоняясь перед ним, брали у него уроки или учились каким-либо иным способом [С. 316].

Для необразованных и неопытных отроков и мужчин-тугодумов он создал новую грамматику, более понятную, нечто вроде введения в древнюю грамматику, переведенную переводчиками, дабы по ней [обучающиеся] легко постигли бы древние знания. Подлинник этот был размножен, так как многие переписали его [С. 317].

Спустя несколько лет он написал книгу и назвал ее «Логикой»[8]. Книга эта является как бы введением к внешним книгам, поскольку слова, рассуждения, мысли и содержание, изложенные во внешних книгах, с трудом усваиваются человеческим разумом и требуют больших усилий. А [книга], написанная вардапетом Симеоном в качестве введения ко всем внешним книгам и всему тому, что имеет отношение к ним, [была сочинена для того], чтобы в будущем, если наступит время, когда знание внешних книг исчезнет из среды армянского народа [как случилось это в прошлом и в наше время, о чем мы уже рассказали], кто бы ни прочел созданную этим вардапетом [книгу], названную «Логикой», смог бы легко, без учителя понять и постичь ее, а затем при ее помощи приняться за внешние книги.

То же относится и к книге философа Прокла[9], переведенной с грузинского языка на наш каким-то другим, жившим до нас, священником по имени Симеон. Этот вардапет Симеон, [о котором мы только что рассказали], исправил и эту книгу. Прежний перевод требовал от читателя больших усилий, поскольку склонения имен [существительных, прилагательных, числительных], спряжения глаголов, изложе-

ние изречений не соответствовали правилам и грамматическому искусству, вследствие чего искажался смысл слов; кроме того, во многих местах повторялось одно и то же. Читатель испытывал [при изучении] большие трудности и находил мало полезного. А он [вардапет Симеон] все привел в порядок, исправив соответственно грамматическим правилам, дабы читатель легко понял, и [тем самым] очень помог человеческому разуму[10].

После этого он приступил к духовным книгам, чтобы, исправив, облегчить и их [чтение] [С. 318—319].

И так как рисовал он (Минас) чудесно и очень похоже, многие поступали к нему в ученики, обучались у него, однако никто ни стал таким, как он, ибо от рождения у него был дар и восприимчивый ум, так что он сперва в уме представлял себе точный образ, цвет и размеры всех изображаемых предметов, а затем уже рисовал — будь то растение или дерево, скот или зверь, птица или человек. И если [изображал] людей, то, какого бы племени тот ни был — из персов или армян, евреев или индийцев, из франков, русских или грузин, т. е. внешность [представителя] какого бы племени ни рисовал, рисовал чрезвычайно сходно. Точно так же действия и настроения людей: что бы кто ни делал, в каком бы настроении ни был — смеялся или скорбел, [был] во хмелю или зевал, в веселье или в сражении, в каком бы настроении ни был человек и к какому бы племени ни принадлежал, изображал он чрезвычайно схоже. Более того, отметив у себя в уме возраст человека, в соответствии с этим и рисовал — искусно и в красках — и делал изображение человека соответственно возрасту, ибо ведь отличаются друг от друга десятилетний, двадцатилетний, тридцатилетний и сороколетний; и вот, какого возраста был образец, в в соответствии с этим возрастом он и давал его изображение — будь оно [сделано] маслом или без масла, на бумаге, холсте, доске, меди или на стене, каким бы способом ни пришлось. А еще он украшал книги, какая бы книга ни попалась, украшал, раскрасив золотом и лазурью. Он в совершенстве владел всеми отраслями ремесла, связанными с изобразительным искусством. [С. 323].

Глава 57

Как будто надменно и дерзко, уповая на храбрость свою, предприняли мы это дело, искони превышающее возможности наши. Кроме того, повеление трижды блаженного и увенчанного Христом патриарха и воспреемника святого Эчмиадзинского престола владыки Филиппоса, католикоса всех армян, вынудило нас [приняться за труд сей], ибо сам многомудрый патриарх Филиппос и все мудрые, добродельные и престарелые мужи, жившие до него и при нем и видевшие все эти события и происшествия, о которых рассказано в сей «Книге историй», а именно: разорение страны армян, пленение и истребление христиан, а также оскудение и ослабление церковного порядка, утрату славы и разорение высокого и христообитаемого престола святого Эчмиадзина, а также и восстановление их и другие исторические события, записанные в этом повествовании, — все, что эти люди с большим вожделением и бессмертной мечтой хотели увековечить в памятных записях к сведению следующих поколений, живущих в этом веке, а также тех, что [будут жить] в грядущие годы,—они без конца просили и умоляли католикоса Филиппоса приказать кому-либо выполнить эту задачу: написать историю [С. 502].

[...] Мне, несчастному и презренному, в последнюю очередь был [объявлен] грозный приказ патриарха. И я, несчастный, угодил в тенета этого дела, вырывался, подобно слабому животному, попавшему в силки и тенета и не могущему вырваться из них. Вот столько относительно сих причин.

Во-первых, как показано выше, я не смог обойти приказ патриарха, хотя и при помощи многих посредников заявлял и признавался в своей немощности, [в том], что меня не хватит на это дело.

Во-вторых, не только вынуждаемый католикосом Филиппосом, но наипаче вынуждаемый великодушным и долготерпеливым патриархом католикосом владыкой Иакобом Джугаеци...

В-третьих, сам я, видя разорение страны армян, ослабление народа нашего и злодеяния магометан, [терзался], и

сердце мое пылало от горечи и скорби, поэтому и согласился записать [все] это.

В-четвертых, и более всего, ради доброй памяти у господа, ибо, видя множество преступлений и снедаемый угрызениями совести, не имея в уединении ничего из благ [мирских], я уповал на бесконечное милосердие человеколюбивого бога [С. 503].

Вот с этим намерением и надеждой я взял на себя такое многотрудное и мучительное дело, требующее большого усердия, потеряв из-за него много дней, обошел много стран и земель в поисках рассказов для [этой] истории, расспрашивал не только христиан, но и иноплеменников и записывал все рассказанное ими. Случалось, что одну и ту же историю, дабы быть уверенным в достоверности, я записывал, повторяя десять и более раз. Потратив девять лет на это и расточив свое имущество, я еле-еле собрал воедино столько историй и записал [их] [С. 504].

СТЕПАНОС ЛЕХАЦИ

(ок.1610 — 1689 гг.)

Армянский философ, переводчик, богослов. Степанос Лехаци[1] родился в армянской колонии Львова, где получил хорошее образование, овладел латинским и польским языками. Возникшая опасность насильственного принятия католицизма заставила его родителей отправить сына на родину, в Эчмиадзин. После глубокого изучения достижений армянской культуры, овладения в совершенстве древнеармянским языком Степанос Лехаци предается научно-литературной и переводческой деятельности. Особенно значительна его роль в деле перевода с латинского и польского языков таких выдающихся памятников мировой культуры как «Великое зерцало»[2], «Книга причин» Прокла Диадоха, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Коран», Ареопагитский корпус вместе с комментариями[3], «Метафизика» Аристотеля[4], «Краткое из-

ложение о душе» Джона (Иоанна) Суинфорда Английского[5]. Предполагается, что он перевел также аристотелевский трактат «О душе». Среди оригинальных работ Степаноса Лехаци следует отметить его «Замечания» и «Комментарии» к «Метафизике» и особенно пространный «Словарь философских и богословских понятий», в котором важное место отводится также раскрытию содержания социально-политических, этических, эстетических, гносеологических и т. д. понятий, их взаимосвязи и взаимообусловленности. При этом он проявляет диалектическое мышление. Вызывают интерес его суждения относительно моральных качеств и нравственного совершенствования человека, сочетания моральных, эстетических и познавательных способностей и др.

СЛОВАРЬ ФИЛОСОФСКИХ И БОГОСЛОВСКИХ ПОНЯТИЙ[6]

Алчность — это безудержная страсть к стяжательству, что является причиной всевозможных злодеяний. Порождением алчности являются: вероломство, измена, козни, лжеклятва, насилие и безжалостность. Жадность является бóльшим пороком, чем расточительность, ибо в бóльшей степени противоречит [понятию] альтруизма. К тому же она абсолютно бесполезна и неизлечима по трем причинам, а именно: во-первых, потому что расточительность легко излечима, ибо она усмиряется с приближением старости, которая не приемлет мотовства. Во-вторых, так как [человек] быстро беднеет от чрезмерной расточительности и, оказавшись таким образом в бедности, он не может преступить [определенные] рамки. В-третьих, ибо [таким образом] легко доведенный до добродетели, [человек] вследствие имеющегося сходства [поневоле как бы] приобретает саму добродетель. А скопец не поддается так легко исцелению [от своего порока], потому что все, чем он обладает, противоречит сказанному.

Жадность приумножается из-за неослабной любви к стяжательству и сохранению [приобретенного]. Но при

этом он избегает давать [другим], а расточительность прямо противоположна этому. Жадность вызывает у людей отвращение и обусловлена безмерным себялюбием [С. 8 б—9 а].

Благородство (или *альтруизм*) — есть добродетель благого употребления богатства для удовлетворения своих личных, [но] умеренных потребностей, а также [потребностей] близких и посторонних людей [...] Альтруизм укрощает страсть к богатству, а также умеряет страх лишиться его. Альтруизму свойственна двоякая функция, а именно: на благо употребить богатство как в отношении самого себя, так и в отношении других людей и, во-вторых, предуготовить и хранить его (богатство) для благовидного и достодолжного дела. Первейшим и необходимо присущим признаком альтруизма является [способность] давать, а не брать или заполучить, держать или пользоваться лишь самому [С. 10 а].

Свобода — это власть и возможность воздействия той или вещи на противоположные вещи. В основе свободы, в качестве ее подлежащего, лежит воля, а разум выступает в качестве ее причины. Первородная свобода ослабла из-за грехопадения, но она не была утеряна полностью [...]

Свобода противоположна насилию необходимости, но не реализации необходимости. Намерение к совершению зла не является ни свободой, ни частью свободы [С.11 б].

Самовластие не есть способность как таковая, но лишь возможность, потенция. И действительно, оно тождественно воле. При этом самовластие — потенция разумная. Поэтому самовластие называется способностью и воли и разума [С. 17 а].

Справедливость бывает пяти видов: всеобщая, частичная, предписанная законом, изначальная (природная) и божественная. Все части справедливости, как и все их противоположности, существуют потенциально в воле [С. 29 а].

Искусство всегда творит добро, как и наука. Если же оно чем-то располагает ко злу, то это уже не есть искусство

как таковое. Создаваемые искусством образы образуются посредством композиции, порядка и формы [С. 30 б].

Добро и прекрасное основываются на одной и той же вещи, а именно: на виде (образе). Но добро исходит из воли, а прекрасное — из познавательной способности человека. Добро и истина взаимно заключают в себе друг друга [С. 34 а].

Прекрасное нуждается в следующих трех вещах: целостности, соответствующей гармоничности и ясности. Прекрасным является то, восприятие чего приятно, а добро приятно само по себе. Опираясь на одну и ту же вещь, они различаются смыслом [С. 39 б].

Красота и человеческая добродетель проистекают от разума. Красота сама по себе по сути раскрывается в разумном образе жизни, а моральные добродетели проявляются в непосредственном общении [людей] [С.40 а].

Осужденные раскаиваются [на суде] не из-за совершенных ими злодеяний. Раскаивание обусловлено не [осознанием] преступления, а [страхом] возможного наказания [С. 44 а].

Для справедливого вынесения судебного приговора необходимы три вещи, а именно: справедливость, достоинство и благоразумие. Если отсутствует первое [условие], то приговор является ошибочным, если второе — приговор является присвоенным, а если третье, то приговор является сомнительным или необоснованным [С. 45 а].

Ни одна моральная добродетель не может существовать без благоразумия, вследствие чего оно является превосходнейшим чем все другие моральные добродетели [С. 76 а].

Обещание может быть и не выполнено, если тот, кому было дано обещание, окажется недостойным. Или же если он отказался впоследствии, или же если изменилось поведение лиц или их намерения [С. 78 а].

Плотские наслаждения считаются более приятными, чем духовные лишь случайно, а именно: потому что у некоторых людей развиваются чувства, а разум ослабевает и так как многим людям гораздо доступнее наслаждение плотское, нежели духовное [С. 95 б—96 а].

Всякое существо естественным образом любит себя больше чем других. [Но вместе с тем] каждое творение так же естественно предпочитает благолепие вида, [к которому оно принадлежит] больше, чем свое собственное совершенство. Подобным же образом всякая часть гораздо больше любит свое целое, чем самое себя [С.155 а].

Истина — это завершение и предел процесса познания подобно тому, что добро есть предел желания. Знание является естественным [свойством человека], которое дано Богом, потому что каждый человек изначально обладает определенными знаниями начал наук и общими понятиями [С. 181 б].

Человеческие законы необходимы ради мира среди людей и борьбы против зла, потому что для них не достаточно отцовское наставление. Людям весьма трудно удается изменить [существующие] законы, что возможно разве тогда, когда в этом имеется или сильная необходимость, или же польза, ибо велика сила традиции, которая приводит к глубокому укоренению в сознании человека естественных законов [С. 181 б].

ЗАКАРИЙ КАНАКЕРЦИ
(1627 — 1699 гг.)

Видный историк и педагог Закарий Канакерци родился в селе Канакер близ города Еревана, в семье секретаря областного старосты. В 13 лет стал послушником Ованнаванского монастыря[1], где провел всю свою жизнь. Канакерци много путешествовал, побывал в Казвине (1675 г.), в Смирне (1662 г.), в Скутари (1684 г.).

Со второй четверти XVII века намечается относительный подъем материальной и культурной жизни Армении, что проявилось и в области историографии, отмеченных именами Аракела Даврижеци, Григора Даранагци и Закария Канакерци. В 1687 году Канакерци. приступил к изложению кондака — картулярия монастыря Ованнаванк, который составил III том его «Хроники». Первые же два тома он завершил в 1699 году. Труд Канакерци написан с определенной целью — «в назидание» будущим потомкам. Он содержит ценные сведения по социально-экономической истории Армении и соседних стран, о состоянии школы и просвещения в стране. Характерная особенность «Хроники» — наличие занимательных рассказов из жизни властелинов, их интимной жизни, о чудесах, святых мучениках, выразительное описание картин народной жизни. Это, а также язык историка — живой, сочный, разговорный, переходный от среднеармянского языка к новоармянскому, от которого «веет народной простотой и свежестью», дали основание причислить его к «народным писателям». «Хроника» по своей форме, языку, подходом к материалу является произведением и литературным. Она издана на языке оригинала, переведена на французский и русский языки.

ХРОНИКА[2]

Том I

Шах Аббас[3] очень любил [разные] истории, споры, шутки и забавы, религиозные рассуждения и разговоры. Однажды собрались у него вельможи и повели беседу о религии и сладкозвучии и богатстве языков. И [рассуждая] о первом языке, данном Адаму, одни говорили, что первым языком был еврейский, другие — эфиопский, некоторые [говорили] — этот, а иные — тот. Но шах ничего не одобрил из сказанного ими и дал повеление князю Лала-Беку, сказав: «Узнай, на языках скольких племен говорят в области Исфахана, собери от каждого племени грудных мла-

денцев — мальчиков и девочек, которые еще не начали говорить, и помести их в просторном и большом доме [...] И накажи матерям их никогда не говорить и не улыбаться, но пеленать и убирать, нянчить и купать [их], не разговаривая, укладывать [детей] не в колыбели и в люльки, а в постель на полу [...] Наказав сделать это, говорит: «Посмотрим, на каком языке заговорят они, тот и будет язык, данный Адаму». Князь Лала-бек исполнил сей указ. Построил он дом в стороне от [других] строений, дабы не слышны были звуки песен гусанов. И собрал он младенцев 20 племен, которые нашлись в Исфахане, 7 кристианских и 13 других. Из христиан были прежде всего армяне, греки, латиняне, сирийцы, грузины, алваны, цыгане. А других было десять племен — турки, персы, влаты, гебры, мары, луры, лакзи, озбеки, чагатаи, диляки, евреи, индусы, эфиопы. От стольких племен собрал он множество двухлетних младенцев — мальчиков и девочек и поместил в [этом] доме. И, если кто из них умирал, приносили вместо него другого. Через год заговорили они членораздельно, и вот [оказалось, что] не было это ни одним из языков, а было чем-то варварским и исковерканным. И многие приходили, молча слушали их речи и не понимали. [А дети] дрались, играли, смеялись, плакали [...] Пришел также и шах и, услышав варварскую речь их, повелел рассыпать изюм: они набросились на изюм, крича и визжа, и никто не понял, что это за язык. И сказал шах: «Уничтожьте их, дабы не распространилось наречие это». Но Лала-бек не дал истребить [детей] и вернул их матерям, говоря: «Когда уйдут они, научатся языку матерей своих». И так и поступили; и вскоре они научились разным языкам. Рассказал нам это вардапет Маркос Джугаеци, что был настоятелем Хавуц-Тара. Он же сказал: «Среди собранных детей был и брат моего отца» [С. 78—79].

Том II

По повелению вардапета Хачатура Ованнес отправился во Франкистан, в город Ливорно, и обучился искусству печатания. Вернулся он в Исфахан к вардапету Хачатуру, и основали они там, в Джуге, типографию[4], в которой напечатали много книг [С.162].

Том III

Свидетельства о временах и их история были описаны прежними историками, которые писали о временах и веках, как умели, соответственно своей мудрости, в трех эпохах, а именно: читая о прошлом, изображая настоящее и предугадывая будущее. Одни писали подробно, другие кратко, одни писали о прошлом, а некоторые о своем времени, как это видно по их стилю из их повествований. Одни [повествуют] с философским красноречием, а другие как знатоки Библии, иные с большой мудростью, а некоторые простонародно. И каким бы способом ни было, они ознакомили нас с прошлым, чтобы и мы [в свою очередь], изучая настоящее время, познакомили бы [с ним] вас, грядущие поколения [С. 233].

И каждый день думал я о том, почему нет достоверного *кондака* монастыря, где были бы записаны все надписи, [высеченные] на его стенах, и постоянно беспокоился об этом. И намеревался и исполнить [это], однако не приступал [к делу] по двум [причинам]: во-первых, находился в подчинении у владык, во-вторых, был [занят] мирскими заботами. Но после смерти моих вышеупомянутых владык, по предписанию нынешнего настоятеля, мудрого ученого вардапета Саргиса [...] я на старости лет, на шестидесятом году моей жизни, в 1136 (1687) году приступил к [этому] труду. И если святой дух даст мне силы, я вашими молитвами сообщу со всею точностью все, что знаю как от историков, памятных записей, надписей, так и из слышанного от мудрых людей и ученых старцев, дабы те, кто придут вслед за нами, читая это, уразумели [С. 233—234].

История и житие вардапета Закария

И вырос сын его Закарий, и отдали его учиться книжной [мудрости] к *джульфанцам*. Он был очень сметлив и способнее учившихся с ним мальчиков. Поэтому он очень скоро выучил Псалтырь и Шаракан, а затем книги апостолов и пророков и всю Библию. Выучился он также кругло-

му письму и скорописи. Знал он и языки пяти народностей: армянский и турецкий, персидский и французский, а также индийский, был красноречив, боек на язык, витиеватый и искусный собеседник; во всем удачливый, счастливый, был он хорошим ритором и [обладал] твердым сердцем [С. 264].

Собрал он также много книг и приобрел много учеников, среди которых и я, недостойный Закеос. Основал он школу и назначил меня, ничтожного, учителем детей.

Привез он вардапета Симеона Джугаеци, который обучал нас светской науке, и вардапета Никогайоса Львовацци, который обучал музыке [С. 265—266].

Есть богатые, которые жалуют богатым богатство, а я, малый, из малого ссужаю малое, как в картине [к цветным краскам] добавляется черный [цвет], с великим сочетается малое [С. 276].

МХИТАР СЕБАСТАЦИ

(1676 — 1749 гг.)

Выдающийся деятель армянской культуры, языковед, лексикограф, просветитель, педагог, основатель знаменитой конгрегации Мхитаристов в Венеции. Мхитар Себастаци родился в городе Себастия в Малой Азии. Начальное образование получил в местной армянской школе при монастыре Святого Ншана. В 1696 году он был возведен в сан священника, после чего недолго учительствовал в Кармирском монастыре недалеко от города Карин. В 1701 году при поддержке латинских миссионеров он основал в Константнополе конгрегацию, однако противоборство армянской просветительской церкви распространению католицизма в армянской среде вынудили его перевести в 1706 году свое детище в город Медон, находящейся под властью Венеции[1]. В 1715 году он переезжает в Венецию, а в 1717 — особой грамотой римского папы получает в свое распоряжение материальные средства, замок,

остров св. Лазаря недалеко от Венеции. Вскоре основанная Мхитаром конгрегация превращается в один из признанных центров армянской культуры.

Педагогическая и просветительско-издательская деятельность становится определяющей для Мхитара и его конгрегации. Долгое время научная продукция печаталась в итальянских типографиях Венеции. В 1789 году была открыта собственная типография, которая затем превратилась в одну из лучших типографий Италии. Здесь были изданы сотни книг по различным областям арменоведения, орган конгрегации — журнал «Базмавеп», иллюстрированный журнал «Гетуни».

Мхитар Себастаци оставил богатое оригинальное и переводное наследие. Особую ценность представляют его труды по грамматике и лексикографии, написанные на научном уровне того времени и использовавшиеся в качестве учебных пособий в армянских школах. В отличие от предшествующих латинских и армянских католических авторов — Франциско Ривола, Климента Галаноса, Ованеса Олова и др., — пытавшихся перекроить армянский язык по образцу латинского, он стремится связать новые языковые формы армянского языка с соответствующими формами древнеармянского, показать преимущество национально-традиционного подхода по сравнению с латинофильским. Он разработал целую программу по очищению армянского языка от необоснованных заимствований. Мхитар Себастаци впервые попытался объяснить внутренние закономерности армянского языка, выявить связь и формы взаимодействия древнеармянского, литературного и разговорного армянского языка, возникновения диалектов, поставил вопросы чуждых заимствований и т. д. Большую ценность имеет теоретический вывод ученого о том, что армянский язык, подобно другим цивилизованным языкам, не есть нечто замкнутое, но продукт его внутреннего и внешнего развития.

Кроме национальных школ в Венеции и Вене мхитаристы основали школы во многих городах мира с армянским населением. Они сыграли неоценимую роль в собирании и публикации многих памятников средневековой армянской

науки и литературы, переводе на армянский и издании лучших произведений греко-римской и западноевропейской литературы[2]. И по сей день этот очаг культуры и просвещения продолжает выполнять эту благородную и просветительскую функцию на гуманитарном поприще.

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИКУ РАЗГОВОРНОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА[3]

Слово к читателям

Многократно и с привеликой просьбой обращались ко мне некоторые из благочестивых [мужей], дабы я изложил склонение имен и спряжение глаголов и свойства других частей грамматики на таком разговорном языке, на котором говорят те армяне, которые проживают в Малой Азии, то есть во всей греческой стране и в Малой Армении [...] И все это я представил в двух книгах, одна из которых эта и называется «Введение в грамматику» и публикуется ныне, а другая касается учения о частях речи и их согласования, которая пока еще не готова к изданию.

Итак, данная издаваемая книга окажется полезной для тех, кто вовсе не знает армянского языка, но желает изучить его. А другая в совокупности с этой нужны тем [людям], которые уже владеют армянским языком, и желают углубиться в его изучение посредством данного [труда], ибо они могут составлять предложения на *ашхарабаре* — разговорном армянском; или же предварительно изучив его расположить себя к изучению грамматики языка нашего *грабара* — литературного армянского. Но пока для тех, для кого необходимо использование этого [учебника] при изучении армянского языка и кто знает только турецкий, я был вынужден мои наставления и поучения в предстоящей книге, то есть во «Введении к грамматике», перевести на турецкий язык и против склоняемых имен и спрягаемых глаголов армянского языка приводить их турецкие названия-эквиваленты [С. 3—4].

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА[4]

Слово к читателям относительно данного словаря

О том, что значит составить словарь, не ведает никто, но только тот, кто когда-либо сочинил его. И еще труднее человеку осуществить это намерение, если он не имеет под рукой какие-либо словари или же до него не нашлось никого, кто составил бы нечто подобное и упорядоченное, а он сам впервые [приступает] к составлению нового [словаря], как это случилось с нами [в связи] с этой работой [...]

Причин, вынудивших нас составить словарь, было множество. Во-первых, это обещание, данное нами вскользь в предисловии к книге по грамматике [грабара]; во-вторых, беспрестанные просьбы, с которыми многие из различных мест письменно и устно настоятельно обращались ко мне; в-третьих, польза для нашего университета, ибо подобно тому, как ремесленники не могут изготовить что-либо без инструментов, точно так же и любомудры [не в состоянии] выдать что-либо упорядоченное и систематическое без добротного словаря. И подобно тому, как трудно быть хорошим ученым без знания искусства грамматики, точно так же трудно быть хорошим грамматиком, не будучи сведущим в сущности слов, что и изучаем посредством словаря. Следовательно, чтобы любомудры нашего университета не мучались слишком из-за этой нужды, надобно было заиметь полный и совершенный словарь. В-четвертых, наше благое отношение к армянскому языку, ибо если Господь Бог не даровал бы нам словарь, то благолепный язык наш, померкнув, искоренился бы повсюду [С. 4].

Многие из-за отсутствия словаря, не найдя нужные слова на [литературном] армянском языке, вынужденно обращались к иноязычным или простонародным словам [С. 5].

Именно словарь является мерилом точности в процессе обучения, обеспечивая единообразное использование языка, на котором говорят или сочиняют что-либо. Если же нет [словаря], то растроившись, все приходит в беспорядок, что

проявляется [в частности] в разговорном армянском языке нашем, который став беспорядочным и не имея путеводителя (словаря), раздробился на столько [частей, диалектов] и расплодился настолько, сколько существует населенных армянами гаваров или более того, сколько существует городов или деревень, в которых язык так исковеркан, что [порою] даже не чувствуется, что там говорят по-армянски [...]

Прежде всего мы позаботились создать этот [словарь] для всех армян или для тех, кто страстно желают изучить язык нашей письменности, поэтому мы вынуждены были истолковать слова на грабаре. Ибо волею судьбы и по причине изгнания из своей родины народ наш проживает в различных чужих странах и говорит на многих языках, вместе с тем примешивая к армянскому языку бесчисленные инородные слова, то есть слова того народа, на земле которого проживает. Так, армяне — жители восточных стран [заимствуют слова] из языка индусов, персов, грузин, арабов, сирийцев, турков и тому подобное. А жители западных стран [перенимают слова] у франков, римлян, греков, болгар, скифов и т. д. Вследствие этого жители одного гавара не понимают языка другого гавара даже отчасти. И так как нам не под силу истолковать весь словарный запас сообразно каждому диалекту, поэтому мы вынуждены были давать объяснения только на грабаре, который является общим языком для всех [армян] и везде найдется хотя бы один человек, который владеет им и научит этому и других. И хотя в толкование ряда слов включены и простонародные слова, однако поступить так во всех случаях было невозможно, ибо ими могут пользоваться жители лишь определенных гаваров, как, например, анатолийцы и те, кто знает турецкий язык, но [отнюдь] не все армяне. Если же толкования на таком несовершенном разговорном армянском некоторые люди предпочитают более, чем на сугубо литературном, мол хотя и не все армяне, однако многие из них знают его, то мы ничуть не отрицаем этого. Ибо, если на то будет воля Господня, вслед за этим мы издадим и другой том словаря, где литературные слова объясним языком сугубо разговорным. И напротив разговорных слов поместим литературные, включив туда также оставшиеся литературные слова вместе со словарем собственных имен [...]

Кроме того, мы сочли целесообразным истолковать слова не одним словом, а преимущественно многими словами. Во-первых, потому что не все слова возможно объяснить одним словом и если даже дается такое объяснение, то оно не бывает исчерпывающим. Во-вторых, если некто и не поймет значение одного из них, то он поймет [значение] другого, а если не поймет и второе [слово], то по крайней мере поймет третье. Эту идею многословного толкования мы постарались осуществить и в названиях животных, растений, драгоценных камней, денежных монет и тому подобное, дабы тем самым выразить особенности и выявить сущность каждого из них. Ибо человеку присуще от знания свойств идти к знанию сущности. И хотя можно было одним словом разговорного армянского языка объяснить подобные слова [...], однако мы не пожелали поступить так, ибо многие люди не зная то или иное простонародное или инородное слово не приобрели бы никакой пользы и труд наш оказался бы для них бесполезным. А поелику возможно случится и так, что со временем исчезнут значения таких слов, то тогда будут погребены под мраком забвения и значения литературного языка [С. 6].

Более того, при толковании многих слов мы поместили против них одно или два сложных слова, оставив их без каких-либо объяснений. И вот, мы поступили так не по причине незнания, но ради избежания многочисленных повторов при толковании одного и того же слова, потому что такого рода изъясняющие слова полностью объяснены до этого места. Поэтому если бы мы дали их толкования и в других местах, то они неизбежно повторились бы [С. 6—7].

В настоящем словаре мы дали толкование также множества простых слов, как-то: *азат, кав, хац, мард* и другие. И это [сделано] не случайно, а с определенной целью, ибо, во-первых, необходимо было их включить для полноты словаря. Во-вторых, чтобы многие [люди] ознакомились также с некоторыми их скрытыми значениями или же должным объяснением. В-третьих, чтобы показать, что они являются литературными словами, дабы какой-либо неуч, встретив их

в знаменитых книгах, не счел бы их простонародными. В-четвертых, чтобы привести правильную и неправильную [формы] их написания и закрепить это при помощи правила, дабы при возникновении среди учеников спорных вопросов относительно [этих форм] они могли обратиться к словарю и разрешили бы свои сомнения. В-пятых, для объяснения их склонения или спряжения, в которых обычно часто путаются ученики. В-шестых, если найдется невежда или какой-нибудь чужестранец, который только стал изучать армянский язык и пока еще не знает значения всех [слов], смог бы изучить это по словарю.

Да будет известно также, что при толковании слов с целью иллюстрации мы из разных мест привели образцы из письменных источников. Во-первых, чтобы убедительно показать правильность толкования слов [...] Во-вторых, для наиболее полного проявления силы слова, так как имеется множество слов, которые сколько бы их не толковали, все равно невозможно запечатлеть в мыслях читателей так, как они запечатлеваются, когда приводят [соответствующие] примеры. И, в-третьих, для предупреждения любомудров, дабы они не слишком бросались словами, ибо одно дело знать какое-то слово, и совсем другое — знание правил его употребления [...]

В другого рода произведениях человеку достаточно обладать знаниями относительно одного предмета, как, например, грамматики или логики. Однако при составлении словаря необходимо иметь сведения о всех вещах, так как все [существующее] выражается через слово и истинность всего у разумных [существ] объясняется посредством слов. Следовательно, чтобы кто-то смог истолковать все слова, ему надлежит быть сведущим во всем, хотя бы в грамматическом плане, а во многих — и в философском и в богословском. Поэтому кто не постиг этих знаний, но отваживается на толкование всевозможных слов, тот неотвратимо совершает многообразные ошибки. Во-вторых, хотя некто и обладает сведениями обо всем, однако ему надлежит ознакомиться и со словарями других языков, как-то: латинского, греческого, арабского, персидского, халдейского и тому подобное [С. 7].

МИКАЭЛ ЧАМЧЯН
(1738 — 1823 гг.)

Выдающийся армянский историк и языковед, просветитель. Чамчян родился в Константинополе. В 23 года он едет в Венецию и вступает в Конгрегацию мхитаристов. Он овладевает несколькими древними языками. В звании вардапета он отправляется на Восток с проповеднической миссией. По возвращении в 1774 году в Венецию он посвящает себя научной и педагогической работе. Он преподавал грамматику и армянский язык в школе при Конгреции мхитаристов. В 1795 году Чамчяна направляют в Константинополь, где он провел оставшуюся часть жизни.

Он — автор многих фундаментальных трудов, однако широкую известность приобрел благодаря работам в области грамматики армянского языка и истории Армении. Созданием учебника по грамматике он стремился не только дать систематическое изложение предмета исследования, но и очистить армянский язык от всего наносного, проникшего в него, оградить его от чуждых влияний. По этому учебнику долгое время обучали родному языку и грамматике в армянской школе. В нем содержится и ценный материал по методике обучения, отражены некоторые педагогические принципы и идеи Чамчяна.

Венец его творческой деятельности — фундаментальная трехтомная «История Армении», в которой кроме богатейшего материала содержится также разработка целого ряда теоретических и методических принципов исторического исследования. Научно-литературная деятельность Чамчяна сыграла существенную роль в дальнейшем развитии армянской культуры, в частности, арменоведения. Его труды способствовали повышению самосознания народа, воспитанию патриотического духа среди молодежи.

Труд Чамчяна состоит из трех объемистых томов, каждый из которых в свою очередь состоит из двух частей. В первой части дается изложение собственно исторического материала с соответствующими ссылками на источники, во второй, по объему близкой к первой, ав-

тор излагает свою интерпретацию исторических сведений. Следуя принципам Мхитара Себастаци, Чамчян стремится сгладить противоречия и различия между католической и армянской церквами, защищая тезис, что армянская церковь изначально не противопоставлялась католической церкви.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ[1]

Введение

Конечно, всем хочется ознакомиться с историей возникновения своего народа и осведомиться о перипетиях, через которые он прошел. Поэтому все те народы, которые оказались в состоянии, достигли этого и изложили историю и деяния своих предков. Хотя такое намерение возникало и в нашем народе, однако оно не получило должного развития, так как нашлись лишь немногие, которые взялись за это [весьма трудное] дело. Но их сочинения дошли до нас не в первоначальном виде, а с многочисленными ошибками различных переписчиков, искаженными мыслями и испорченными словами. Вместе с тем многие из тех иностранных [ученых], которые достаточно много написали о нашем народе, но вследствие изобилия ошибок и особенно домыслов и лжи, и вовсе исказили сведения об исторических деяниях нашего народа. Видя все это, я давно решил изложить упорядоченную историю нашего народа, чтобы и в этой области мы не отставали от других народов [С. 3].

Следует отметить также, что истории почти всех народов при рассмотрении их в отдельности кажутся правдивыми, но когда [историю одного народа] сопоставляют с историями других народов, с которыми имело место то же самое событие, то [на фоне] множества [историй] она кажется как бы ложной. И чрезмерно трудно обнаружить что-либо истинное в них, не искажая при этом историю других народов [С. 5—6].

Много чего полезного есть для вашего ознакомления в этом введении, но чтобы избежать многословия, считаем нужным опустить их. Однако вкратце укажем на некоторые из них. Во-первых, желая приподнести историю народа нашего в удобопонятной и приемлемой для всех читателей [форме], мы постарались изложить ее весьма ясным слогом [...] Во-вторых, все, что мы сохранили из [предыдущих] повествований, постарались представить путем беспристрастного исследования и без какого-либо ухищрения, ничего не подчиняя воле того или иного [автора]; но мы стремились показать просшедшие [события] истинно, насколько это было возможно проверить.

В-третьих, мы избегали многословия не только [в смысле] стиля, но и в том, относительно чего было бы пристойно составить речи, предсказывающие его и описывающие последствия, ибо частое употребление различных словоизлияний утомляет читателей. Таким же образом во многих случаях мы не включили в изложение различные увещевания и плачи, хотя бесчисленные бедствия, пронесшиеся по стране нашей, и заставляли нас привести также их; но мы представили лишь сами бедствия, а рыдания [по их поводу] оставили на долю читателей... [С. 8—9].

В-седьмых, в случае сомнительных или же нуждающихся в [дополнительном] исследовании или освидетельствовании фактов, мы не сочли уместным смешать их с упорядоченной историей, дабы не возникло путаницы, а в виде специального приложения поместили в определенном порядке в конце каждой книги... [С. 9—10].

В заключении моего [вступательного] слова я советую вам, читатели, правильно понять при чтении этой истории и прилежно [использовать] сведения, содержащиеся в ней. Ибо, если чтение и ознакомление с историей имеет место сугубо ради [удовлетворения] любопытства, то оно является суетным; и если только для накопления [сведений] в памяти, то является обременительным [занятием], так как в первом случае оно не плодоносит, а во втором — гораздо утомляет, чем услаждает. Но если [чтение и изучение истории]

имеет целью приобретение знаний для исправления своего поведения, то это приносит добрые всходы и приводит к [душевному] покою [С. 42].

Ты легко осилишь все это, [о, читатель], если при чтении этой истории будешь преследовать не сугубо одну цель — лишь [изучить] изложенные здесь события прошлого, которые подобны сору, но и их значение, смысл, которые безмолвно наставляют тебя к благоразумию и справедливости и предоставляют [возможность] познать, что достойно [человеческого] деяния [С. 44].

ГРАММАТИКА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Предисловие

В конце [нашего предисловия] наставляем и одновременно предостерегаем обучающихся, в особенности несведущих новичков, в точности следовать грамматическому [искусству] и никоим образом не отклоняться от него. В точности следуют [в том случае], когда обучаются соответственно установленным в нем канонам, которыми руководствуются и при словосочетании [С. IX].

Следовательно, если обучающийся руководствуется грамматическими правилами, то он составляет правильные предложения, если же следует своим склонностям — ошибочные [...]

Здесь уместно наставить также учителей, дабы они неусыпно бдели относительно трех вещей, во-первых, чтобы они продемонстрировали ученикам всю важность и необходимость обучения искусству грамматики, во-вторых, без зависти и всецело передавать им все то полезное, что заключено в нем и, в-третьих, обучать их (учеников) этому искусству легкодоступным путем, а не вести их по ухабистой дороге, обучая трудным и утомительным способом, а также не наводить на них страх, указывая на непостижимость чего-либо, не запутывать что-либо, объясняя невразумительными словами. В противном случае немногие захотят

изучать это [искусство], многие же впадут в отчаяние, потеряв надежду, а те, кто обучаются — останутся несовершенными. Именно в этом кроется причина того, что в нашем народе не много найдется людей, осведомленных в грамматике. Между тем в настоящее время, когда у нас вновь стали пробиваться ростки премудрости, нужно стремиться приобрести все, что имеется относительно этого [искусства] и тем самым достичь высших сущностей, ибо тот, кто приобретает это, приобретает почти все знания относительно словесности в целом. Ибо, постоянно упражняясь и обучаясь этому, он может посредством этого легко воспринимать и усваивать [различные] сочинения, благодаря чему становится мудрее и услаждает душу; и растрачивая драгоценное время на пристойное [дело], он тем самым сам становится достойным почитания [С. X].

Восемь родов слов называются *частями речи*, относительно которых грамматика говорит в трех своих разделах. В первом разделе она просто показывает употребление частей речи, во второй — рассматривает их сущность, а в третьей — говорит об их согласовании между собой. Соответственно этому мы и построили этот грамматический труд [С. 2].

Часть первая

Об употреблении частей речи

Этот раздел грамматики — наиболее полезная и необходимая ее часть, так как является введением армянского языка, а также инструментом для всех слов, благодаря которому приготавливают и как бы скоблят и шлифуют всякого рода слова посредством их склонения, спряжения и словообразования. И вот те, кто пожелал изучить армянский язык, то прежде чем приступить к чему-либо, должны всем сердцем стремиться к усвоению этой [части], охотно обращаться к ней, неустанно заниматься и все изложенное здесь в точности собирать и в первую очередь склонение имен и местоимений, затем — спряжение глаголов, и лишь потом — все остальное, что мы и представили в этой последовательности [С. 3].

Часть вторая

О сущности частей речи

То, что мы преподали новообучающимся в первой части [грамматики], здесь надлежит изучить [более основательно] и выяснить что они из себя представляют, какова их природа и какими признаками или обстоятельствами они обладают, дабы обучить всему этому учеников. Но для этого они (ученики) должны иметь непринужденное прилежание [...], ибо подобно тому, как для изучения первой части [грамматики] необходима хорошая память, точно так же для этой части требуется предрасположенность разума, ибо там предлагается усвоение через заучивание, а здесь — исследование мысли. И этому может посодействовать учитель, если прежде чем приступить к [изучению] этой части, он даст ученикам ознакомиться с краткой грамматикой, [которую мы поместили в конце книги], разъясняя им по порядку все, что содержится в ней, дабы благодаря этому несколько укрепившаяся и приобщившаяся к этому искусству мысль новообучаемых смогла бы легко подступиться к этой части грамматики. [С. 145]

Часть третья

О согласовании частей речи

Праздник грамматического искусства блистает в этой его части, ибо в ней все слова, совокупившись друг с другом, посредством многообразного согласования, образуют пир разума, благодаря чему мысль учеников, узрев эту трапезу слов, любуется и тешится. Ученики с удовольствием вкушают плоды трудов своих, которые они приобрели [при изучении] первых двух частей грамматики [...]

Послесловие

Если после обстоятельного усвоения частей речи и грамматических канонов, а также частичного обучения анализу словосочинения, ученики пожелают еще больше углу-

биться в особенности нашего армянского языка и вкусить всю прелесть грамматико-поэтического искусства, то они должны сочинять и сами. Но прежде чем приступить к этому им надлежит предварительно некоторые слова на ашхарабаре перевести на грабар, а затем постепенно увеличивать их [число]. И чтобы в их душе пробудилась жажда к этому делу, считаю нужным поместить здесь ряд слов на ашхарабаре [по образцу и порядку словаря ашхарабара] с параллельным переводом на язык грабара, указывая также их значения [С. 583— 584].

ПАЛТАСАР ДПИР
(1683 — 1768 гг.)

Видный грамматик, историк, философ, педагог, издатель и поэт-музыкант. Биографические сведения скудны. Известно, что Палтасар Дпир[1] родился в городе Кесария в семье ремесленника. После переезда семьи в Константинополь он обучается сапожному делу, посещает местную школу Аствацатура Джугаеци и поет в армянской церкви. В молодые годы он усваивает издательское дело, занимается музыкально-поэтическим творчеством. В 1719 — 1731 годах благодаря его стараниям и при непосредственном участии были изданы десятки ценнейших памятников средневековой армянской письменности, в том числе сочинения Давида Анахта, Григора Нарекаци, Григора Татеваци, Аракела Сюнеци, Симеона Джугаеци и т. д. В 1740-х годах Константинопольский патриарх Акоп Налян при своей резиденции открывает школу, руководство которой возлагает на Палтасара Дпира. Они возрождают программу и методы обучения средневековых армянских университетов, преподавание «семи свободных искусств». Сам Палтасар Дпир преподает историю, философию, музыку.

Он оставил более 20 оригинальных, комментаторских, филологических работ, большое количество стихотворных произведений. С целью возрождения национально-

го самосознания среди насильно отуреченной части армянского населения, обучения армянскому письму он некоторые свои работы, в частности, нравоучительного и назидательного характера написал на турецком — армянскими буквами. Подобно своему старшему современнику Мхитару Себастаци, но независимо от него, он защищает древнеармянский язык от латинофилов, одновременно стремясь облегчить его изучение путем совершенствования методов обучения и создания соответствующих учебных пособий, дабы сделать литературный язык доступным для широких слоев народа, открывая путь для становления новоармянского литературного языка.

Большую известность грамматика снискали ему и другие учебники по грамматике грабара и ашхарабара.

Музыкально-поэтическое творчество Палтасара Дпира — новая страница в истории армянской поэзии, впитавшее в себя народно-гусанское и классическое искусство. Оно включает стихи о любви, природе, борьбе общественного и личного начал в человеке, внутренней духовной борьбе человеческой личности. Автор ставит вопрос о гармонии и совершенствовании человека, о противоречиях между телом и душой, добром и злом, идеей и страстями и т. д., увязывая все это с социально-экономическими и национально-политическими проблемами. Он осуждает власть силы, лелеет надежду, что потерявший свою государственность армянский народ пробудится от «царственного сна» и избавится от иноземного ига путем единения рассеявшихся по всему свету своих сынов. Основанная им поэтическая школа явилась предвестником армянской классической поэзии XIX века.

Перу Палтасара Дпира принадлежат также: «Книга, называемая конкордансом Нового Завета» (1753 г.) — первый печатный образец словника, «Сокрашенная История Мовсеса Хоренаци» (не сохранилась), «Хронография» (Ер., 1951), «Краткое толкование логики», «Образцы приветствия» (Константинополь, 1752 и 1787) — сборник образцов писем и заявлений официального и личного характера, преследующего практические цели и составленного простонародным языком.

ТОЛКОВАНИЕ ГРАММАТИКИ[2]

Послесловие к книге, адресованное благомысленным читателям

Да будет вам известно, дорогие любомудры, что знание божественных и человеческих деяний передается нам благодаря письменам, и что с ними мы знакомимся не иначе, как чтением сочинений. А предметом и каноном правильного чтения, как и действительного понимания [прочитанного] является именно это искусство грамматики, подобно тому, как всякое искусство — и прикладное, и свободное — заключает в себе некое безошибочное правило (инструмент), которое направляет и упорядочивает его.

Таким образом, все те искусства, которые руководствуются письменами, их путеводителем и орудием в первую очередь является грамматика, а потом лишь собственные методы каждого из них. А если это так, то, следовательно, любителям учения потребно и надлежит сначала обучиться правилам чтения и затем лишь приступить к изучению [искусств]. Именно так разумей полезность этого искусства, которое называется ***каноном*** для всякого учения, то есть [изучения] как богословских, так и философских [наук] и т. д., последователи которых не могут ступать прямо и твердо без знания грамматики. Поэтому кто не переступил через этот порог, через знание словесности, хотя и многое изучил и знает, тот не называется представителем словесности. И хотя по сравнению с другими всеобъемлющими науками грамматика сама по себе является наукой небольшой [по объему] и бедной [по содержанию], однако так как она является вступлением к всеобъемлющим наукам, то является превосходной и высокопочитаемой, изучается раньше, чем все остальные науки [С. 594—596].

Подобно тому, как ключ, хотя и представляет собой небольшой кусок железа, но без него никто не может воспользоваться [находящимися под замком] сокровищами, так и без грамматики, являющейся ключом ко всем словесным

искусством, хотя и не заключающей в себе их знания целиком, все они не могут проявляться в должной мере.

Надобно знать, что, как сказал некто из мудрецов, не надо размышлять о том, кто месил тесто или выпек хлеб — человек благородного происхождения или простолюдин безродный, но следует лишь заметить, что он утоляет голод. Таким же образом по поводу данной книжки — не надо уточнять кем она написана — последним ли из писателей или учеником учеников. Ты только посмотри есть ли в ней что-нибудь полезное, достойное внимания и изучения. И подобно тому, как при выпечке хлеб местами обжигается, но голодные не то что не едят его вовсе, но отрезав этот кусок, едят все остальное, так и в этом сочинении если содержится нечто бесполезное, или же я в чем-то ошибся или же не домыслил, то по этой причине не стоит отбрасывать всю книгу, ибо в остальных [местах] можно будет обнаружить, пожалуй, нечто полезное. Поэтому смышленным [читателям] необходимо отбросить ненужное и усвоить полезное [С. 596 — 597].

Из философских изречений[3]

Будь ученым сам или следуй за мудрецами,
Пребывая в стороне от человекообразных животных;
Ибо знание украшает мудрецов,
А невежество есть западня для глупцов [С. 133].

Тому, что книги вещают, внимай
И с пониманием их изучай,
Ибо впустую не написано
В них даже буквы одной [...]

Грамматика является началом знания,
Так как она — основа учения;
Каноном речи, исправителем словесных искажений
И ключом [к раскрытию] этимологии слов [С. 134].

СУДЕБНИК АСТРАХАНСКИХ АРМЯН XVIII ВЕКА

Данный судебник — плод коллективного труда, в создании которого участвовали жители Астрахани Е. Григорян, Гр. Кампанян и Саргис, сын Ованеса. Появление судебника связано с указом императрицы Екатерины II Великой о предоставлении российским армянам права на самоуправление. «Судебник» освещает историю Астрахани, Кизляра, Моздока, Ново-Нахичевана на Дону, социально-правовое положение и другие стороны жизни армян в этих регионах, где он применялся армянскими судами.

Предисловие авторов Судебника астраханских армян[1]

Людям ученым известно, что, дабы читатели могли по достинству оценить величие труда и намерений автора, в особенности если он пишет о чем-то совершенно новом, о чем никто прежде не писал, или восстановил нечто написанное в древности, но оставшееся неизвестным или забытым, автор должен написать предуведомление (предисловие). Это обязывает и нас написать предваряющее слово касательно того, почему предстоящая книга названа армянским судебником. Хотя мы не можем сказать, что прежде нас в Армении [никто] не писал судебники, однако, поскольку таковые по многим причинам (о коих мы сообщим ниже) остались неизвестны армянскому народу и почти все ничего не знают о существовании средь них (армян) книги законов, поэтому мы не могли уклониться от обязанности написать предваряющее судебник весьма подробное предисловие, поскольку судебно-правовые определения никто не может написать как ему вздумается, по своей воле, ибо написанное подобным образом никогда не будет считаться приемлемым. Правда, мы читали, что философ Солон написал для эллинов книгу законов, однако [он это сделал] согласно единодушной воле греческого народа, попросившего его об этом из-за необычайной прозорливости ума и чрезвычайной учености его. Однако не все могут быть подобны

философу Солону, так же как не может быть сравним образ жизни нашего народа с образом жизни греческого тех времен. Поэтому канонические законоположения должны устанавливаться по воле императоров и царей, либо нации или народа мужами учеными и мудрыми. Вот почему мы желаем показать здесь к сведению читателей, с твердой доказательностью верность истине нашего судебника и то, что все, написанное в нем, написано не поверхностно, по воле и желанию нашему, а на основании судебников прежних императоров и царей, а также древнего обычного права. Поэтому нам подобает остановиться на [следующих] четырех обстоятельствах. Первое: почему была написана данная книга и почему были сочтены недостаточными написанные прежде? Второе: почему вышеупомянутые каноны и обычаи не известны армянскому народу и не все знают о них? Третье: по какой причине именно теперь написана // данная книга и почему были сочтены недостаточными прежде написанные? Четвертое: каким образом будет применяться данная книга? [С. 650—651].

[...] Пока армяне имели государственную власть, во время которой все правовые дела велись согласно этому кодексу[2], он был известен всем и все его знали, но после того, как прекратилась государственная власть в Армении и армяне попали под иго служения иноплеменникам и рассеялись по разным краям земли, стали оскудевать знания армян в // областях разных наук, и одной из них оказались сведения о судебниках и знакомство с ними. Все это произошло по многим причинам. Прежде всего те армяне, которые живут в подчинении государственной власти турок, не свободны вести правовые дела согласно армянским законам и вынуждены подчиняться их гражданским законам. Поэтому у них полностью забыт армянский судебник. Возможно, о нем (армянском судебнике) осведомлены предстоятели [армянской] церкви и немногие ученые среди них, однако и те, которые знают [судебник], не могут применить его на деле, ибо власть имущие и начальники иноплеменников, то есть турок, не простят им ведения дел по таким канонам, которые не соответствуют их законам и канонам. Вот поэ-

тому [армяне], живущие в стране турок, знают турецкие законы и право и не знают законов и права армян. Во-вторых, те армяне, которые проживают на [территории] Великой Армении под властью персов и в пределах Персии [...], несмотря на то что свободны вести свои правовые дела, руководствуясь армянскими канонами во всех случаях, за исключением связанных с кровопролитием, однако и они не пользуются [армянским] судебником. Причина этого состоит в том, что, как это хорошо известно, по всей стране персидской в гражданских судах нет судебников, все начальники и властители вершат судебные дела по собственному разумению, а не на основании кодекса. И поскольку армяне, живя долгое время с ними, стали их народом и подданными, то поэтому и в ведении правовых дел следовали их образу действия, осуществляя правосудие по своему разумению, а не основываясь на кодекс. В связи с этим весьма уместно привести суждение философа Лактанция, что нижестоящие полагают своего рода делом чести в отношении вышестоящих следовать их поступкам, даже если эти поступки неблагопристойны. Вот почему, ведя правовые дела по своему разумению, они почти вовсе забыли о судебнике. [С. 651—652].

В-третьих. Неосведомленность армянского народа, за исключением церковных предстоятелей и некоторых образованных и ученых мужей, касательно судебника проистекала не только из вышеописанных обстоятельств, но также из-за постигших армянский народ многих страданий, ибо, оказавшись лишенным собственной власти, он был предан в руки безжалостных иноплеменных насильников, которые, восстав против // своего царя, опустошали гавары (разные области страны), предавали мечу стариков и вдов [...] Приневоленные жестокими страданиями и притеснениями, армяне были в состоянии лишь заботиться и прилагать все усилия, только бы сохранить христианскую веру и свою жизнь, спасти детей своих и семьи. Вот почему они оказались лишенными многого, что необходимо, а именно науки и образования, а следовательно, и представления о правах и

судах. Таким образом укоренилось их невежество, и сказанное нами находит подтверждение в историях многих других народов. Здесь подобает нам укоротить нашу речь касательно этого вопроса, ибо он хорошо всем известен [С. 652—653].

ОВСЕП (ИОСИФ) ЭМИН
(1726 — 1809 гг.)

Выдающийся представитель буржуазной просветительной философии в армянской действительности, крупный деятель национально-освободительного движения. Эмин родился в иранском городе Хамадане в семье купца. Первоначальное образование получил дома — отец научил его писать и читать на родном чзыке, а также псалмопению. Неблагоприятные обстоятельства заставили семью в 1744 году переехать в Индию, в город Калькутту[1]. В 1745 — 1750 годах учился в местной английской школе.

Тяжелая участь армянского народа в Турции и Персии, наблюдения за жизнью англичан, их войсковыми учениями привели Эмина к идее о вооруженном освобождении родины, для чего, по его мнению, необходимо всестороннее овладение военным искусством. С этой целью он тайком отправляется в Англию (1751 г.). Чтобы прокормить себя он работал носильщиком, служителем бакалейной лавки, клерком у адвоката. На часть скудных денег он брал уроки по английскому правописанию, геометрии и французскому языку.

Знаменательным событием в жизни Эмина явилось случайное знакомство с Эдмундом Берком[2] (1755 г.), который взялся руководить его самообразованием. Вскоре благодаря лорду Нортумберленду[3] Эмин стал вхож в высшее лондонское общество, в известные салоны города, в частности, в салон «королевы синечулочников» Елизаветы Монтегю, сыгравшей важную роль в его дальнейшем судьбе. Здесь он участвует в беседах и дискуссиях на политичес-

кие, общественные, литературные, философские, исторические и другие темы, приобщаясь также к идеям французских просветителей. В том же году герцог Кумберлендский определил Эмина в королевскую военную академию в Вульвиче. В 1757 — 1758 гг. Эмин участвовал в Семилетней войне. Он встречался со многими государственными и политическими деятелями Англии, с главой правительства У. Питтом относительно разработанной им программы освобождения Армении. В 1759 — 1760-х году он едет в Армению. В 1760-х годах Эмин разрабатывает политическую программу, ориентированную на создание федеративного армяно-грузинского государства под покровительством России. С этой целью он в 1761 году отправляется в Россию, а в 1763 — в Грузию. В 1763 году он окончательно поселился в Индии.

Всю свою долгую и полную приключений жизнь Эмин без остатка посвятил делу просвещения и освобождения своей родины. По совету многочисленных друзей он в 1788 году изложил на английском языке историю своей жизни с целью, с одной стороны, познакомить европейскую общественность с освободительными устремлениями и чаяниями армянского народа, его многовековой борьбой за свободу и независимость и поднять в Европе вопрос освобождения Армении, с другой стороны, просветить свой народ, пробудить любовь к свободе, просвещению и наукам. В автобиографическом труде Эмина, особенно в его многочисленных письмах, изложены его прогрессивные просветительские и освободительные идеи, сформировавшиеся под непосредственным влиянием европейской буржуазно-просветительской идеологии и философии.

Эмин — великий поборник идеи свободы личности и народов, равноправия людей и равенства народов, просвещения и науки, единства образования и практики, закона и правопорядка — необходимых условий процветания народов, обеспечения культурного и нравственного совершенствования людей, социальной справедливости и т. д.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОВСЕПА ЭМИНА[4]

Предисловие

Когда народ, находящийся в первоначальном состоянии и не достигший совершенной мудрости, силится стать нацией, то Всемогущий взирает на него как на невинное и полное надежд дитя [С. 7].

Письмо Овсепа Эмина графу Нортумберленду[5]

[...] Отец вызвал меня в Калькутту, где он занимался торговлей. Там я увидел фортификационные сооружения европейцев, учения их войск и корабли. Увидел насколько они искусны и совершенны во всем.

Все это глубоко подействовало на меня. Я скорбел о моей религии и родине и с горечью понял, что мы на этой земле были пленниками и невеждами, скитальцами как евреи [С. 71].

Я поговорил обо всем этом с отцом и объяснил ему, что все это является следствием того, что наши отцы не боролись за свою Родину.

Однако я узнал, что проживающие в горах черные армяне[6] являются свободными и с самого детства овладевают оружием. А те армяне, что находились под властью патриарха и были подвластны туркам и персам, не любили отвагу. Все они были невежественными.

А те, которые сражались, сражались дико и с естественным неистовством, без порядка и правил; они действовали подобно разбойникам.

Поэтому я решил отправиться в Европу для изучения военного искусства и других смежных с этим искусством наук. Я был уверен, что если я возвращусь в Армению в ранге европейского офицера, то смогу в какой-то мере оказаться полезным для моей Родины.

Отец не внял моим словам. Бог не наделил его способностью понимать подобного рода вещи.

И тем не менее я не мог смириться с этой животной жизнью — без Свободы, без Знания... [С. 72].

Из Письма Эмина[7]

[...] Подобно другим армянам, мой отец научил меня только читать и писать на нашем (армянском — *К. М.*) языке и псалмопению, чтобы петь их в церкви. Но он не научил меня владеть оружием для защиты той же церкви, подобно тому как поступил мой дядя, убитый у дверей церкви [С. 81].

Военное образование Эмина. Война с Францией

Эмин в течение тринадцати месяцев обучения (в военной академии Вульвича — *К. М.*) начал приобретать предварительные знания о геометрических принципах Эвклида и по алгебре; начал также чертить планы фортификационных укреплений. Но всего этого было еще недостаточно, чтобы он смог выполнить какую-либо действенную работу хотя бы в одной из отраслей военного искусства, когда обострились враждебные отношения с Францией.

Лорд Кергард от имени Эмина поговорил с его королевским меценатом о том, что ему делать, спросил, должен ли он продолжить учебу в академии или последовать за герцогом в Вестфалию.

Его Королевское высочество поручил лорду, чтобы он об этом спросил самого Эмина и узнал, что тот предпочитает.

Школа или война?

Эмин ответил, что вместо того, чтобы оставаться в школе и заниматься бездушным теоретизированием, он хотел бы отправиться на войну и в деле познать военное искусство. Он сказал также, что ему 31 год и, следовательно, для него намного полезнее будет однажды воочию увидеть военные действия, чем пять лет занятий в четырех стенах [С. 84].

Письмо Лорду Нортумберленду

[...]На свете имеется очень мало людей, которые без внешнего поручения, побуждаемые сугубо внутренним добросердечием интересовались бы судьбами других [С. 89].

Письмо Эмина, адресованное своему отцу[8]

[...] О, мой дорогой отец, ты добродетельный человек; ты упражнял меня в добродетели, когда я был вместе с тобой. Если я твой родной сын, то необходимо, чтобы я был отважным. Только таким образом я могу быть достойным называться твоим сыном, только так я могу стать достойным имени нашего великого прадеда Эмина.

О мой отец, целью моего удаления от тебя было приобретение отваги.

Каково твое мнение.—Ты полагаешь, что я приехал сюда (в Англию—К. М.) лишь для изучения английского языка?

Нет, нет! Я приехал сюда обучиться искусству войны, которое предпочтительнее всех остальных искусств на свете [...]

Именно этим искусством мы должны вести войну против тех, кто враждебно настроен и угнетает наш христианский народ, держа его в рабстве.

Невозможно объяснить и оценить все значение этого великого искусства; без него невозможно, чтобы блистала наша религия. Наши враги будут постоянно притеснять нас, если мы не будем стремиться изучать его [С. 117].

Я не приехал сюда, чтобы научиться каким-то суетным и бесполезным вещам, праздности и мотовству.

Я приехал приобрести достоинство и получить знания, я приехал познать мир, чтобы смог называться совершенным слугой моего агнцкого и лишенного пастыря армянского народа [С. 118].

По этой же причине, до тех пор пока я являюсь бесплодным, невозможно, чтобы я приобрел благоразумие; но когда я полон плодов, естественно, чтобы я был и благоразумным (послушным). Еще один пример. Мужественный человек, сколько бы времени не находился в битве, вынужден выглядеть гордым, во-первых, перед своими воинами, во-вторых, перед своими врагами. Но когда он одерживает победу, то должно быть естественным, чтобы он выглядел бла-

горазумным, если он на самом деле является истинным человеком [С. 120].

Письмо князю Ираклию[9]

Нелегкое дело познать их [европейцев] искусство войны, ибо есть много вещей, которые нелегко усвоить. Но все они превосходят методы, используемые турками и персами.

Заметьте, о могущественный царь, эти народы называются победоносными не столько благодаря силе десницы, сколько знанию и искусству. Здесь все совершается искусством и знанием, потому что ни один народ не является нацией без знания [...]

Древние римляне, которые еще до рождения нашего Спасителя были весьма могущественными, создали законы и завоевали все народы мира. Они добились этого посредством искусства и мудрости и, хотя были язычниками и идолопоклонниками, однако были добродетельными и высоконравственными в жизни.

Или же другой пример: прославленный царь российский, покойный Петр Великий, если не приехал бы сюда (в Европу — К. М.) для приобретения знаний, то не смог бы стать столь великим человеком и не смог бы обеспечить своей стране такое великое процветание и благосостояние [...]

Вот какие вещи сделали народы Европы победоносными и более просвещенными, чем все [остальные] народы земного шара [...]

Они одновременно делают большие затраты, отправляя людей во все концы света, чтобы они наблюдали и изучили все то, что производится на земле и имеет место под землей и, таким образом, расширяют границы как своих познаний, так и господства.

Города их весьма большие и народы их счастливы, ибо они не боятся ни голода, ни других опасностей. Они имеют также отборные законы, благодаря которым никто — ни бедный, ни немощный — не беспокоится, что станет жертвой беззакония.

Но, о царь, тот народ, тот великий и могущественный народ, среди которого я живу, не только велик и просве-

щен, но и является истребителем хищников человечества. Я был поражен, наблюдая, насколько в этой стране безопасно наслаждаются жизнью даже овцы, не чувствуя ни малейшего страха от волков [С. 127—128].

Еще в раннем детстве я расспрашивал отца — почему неверные притесняют нас и почему мы так презираемо жили среди этих неверных народов.

Мне боялись отвечать и мое сердце ныло, не было никого, кто успокоил бы меня.

Я говорил себе: муравьи, ползущие по земле, и те имеют своего царя, но мы не имеем своего царя; народы всех стран насмехаются (глумятся) над нами и притесняют нас, говоря, что мы не имеем своего господина, не имеем своего собственного царя и подобны евреям, рассеянным по всему свету; что мы не любим друг друга, что мы лишены достоинства и нашей национальной разобщенностью подвергаемся порицанию со стороны всех народов; что мы бездеятельны и достойны презрения, что мы настолько уверовали в силу денег, насколько язычники — в своих не-богов.

Я не мог снести все эти оскорбления. Я ныл, но не находил ничего, что могло бы исцелить раны моего сердца. Однако, одновременно я внимательно наблюдал за европейцами и их мудрыми привычками, смотрел на их корабли, которые как для судоходства, так и для войны были намного лучше индийских кораблей, я наблюдал особенно за учениями их войск, которые если даже состояли из 1000 человек, по одному приказу своего офицера в мгновение ока все вместе приходили в движение и действовали так, как будто это был как один человек [С. 129].

Узрите, о мой царь, какая великая вещь мудрость, благодаря которой этот народ знает нашу собственную страну намного лучше, чем мы сами. И пока мы спим, этот народ бодрствует [С. 130].

Эмин начинает говорить о свободе[10]

Например, никакое разумное существо не должно терпеть, чтобы оказаться пленником другого — себе подоб-

ного; оно должно остерегаться даже, чтобы его единоверцы не попытались осуществить насилие над ним.

Бог сотворил всех людей равными, дабы они управлялись приличествующими законами, одинаково справедливыми как для богатых, так и для бедных, показывая, что каждый человек обладает чувством достоинства, без которого он ничем не отличается от животного. Так, например, человек, который имеет достоинство, но не обладает понятием достоинства, подобен животному [С. 156-157].

Если бы армянские купцы оценили свободу

Говорить истину означает совершить справедливость в отношении всех. Это является настоятельным требованием (императивом) особенно для воина, язык и сердце которого должны действовать вместе.

Если армянские купцы проявили бы в отношении свободы хотя бы половину той преданности, которую они проявляют в отношении денег и предрассудков, которые являются разрушительными (гибельными) с многих-многих точек зрения, то многие из них оказались бы свободными.

И тем не менее, эти ненавистные предрассудки так сильно властвуют над ними, так пропитывают их мысли, проникая в каждый орган их тела и перемешаны с их кровью и эмоциями, что они больше достойны публичной жалости, чем осуждения.

Они действительно не знают, что такое свобода. Если они хоть раз смогли бы вкусить ее сладость и смогли бы вытравить из своих добрых сердец бабьи сказки, то они, несомненно, смогли бы стать великой нацией.

Страстным желанием Эмина было разорвать эту темную завесу, заграждающую их взор. И именно эта цель побуждала его противостоять столь многочисленным испытаниям [...]

Если читатель непредвзято подойдет к вопросу, то заметит, что автор этими своими рассуждениями о свободе желает им добра, что он ни в коем случае не имеет намерения стать причиной хотя бы малейшего их осуждения или недовольства. Наоборот, первейшим желанием автора является пробудить их от своей невинной дремоты.

Он вместе с тем сознает, что подарить такое счастье людям выше сил отдельной личности, если сам Бог своей безграничной благостью не дарует его им [С. 223].

Кто был Аван?[11]

Эмин ответил [князю Ираклию]:

Невозможно, чтобы какой-либо человек смог оправдать надежды относительно чего-либо добропорядочного, если этот человек сам рос диким образом, без образования или накопленного человечеством опыта.

Единственно возможный путь — открыть две или три обычные школы, куда отправлялись бы ребята от семи до шестнадцати лет для изучения основ религии, дабы должным образом упрочить их веру. После завершения учебы из ребят от шестнадцати до двадцати лет необходимо создавать отряды для обучения их владению оружием, как это делают европейцы.

Это должно быть их утренним занятием. После полудня в три часа в течение трех четверти часа должны читаться лекции на героические темы — краткие и приятные. После этого они должны идти играть [С. 234].

Трудность заключается в самом начинании. Если же удастся хоть раз ухватиться за потерянную нить, то будет легко развязать весь клубок.

Одновременно само собой возвратится удалившаяся из этой прекрасной страны (Армении — К. М.) мудрость. Она оживит ее и так просветит, как она сделала во всех странах Европы [С. 235].

Глава 27

Эмин совершенно уверен, что хорошее и плохое можно найти в каждой стране. Но там, где учение является предметом презрения и заключено в темницу жестокого невежества, людей нельзя винить, если они даже уподобляются диким зверям и готовы разорвать друг друга [С. 440].

Глава 30

В этих частях Азии, где путешествовал Эмин, среди различных народов представители высших сословий с детства изучают множество добропорядочных правил, которые часто делают их известными в глазах всего мира. Между тем несчастные армяне совершенно лишены этой возможности и ничему не учатся, кроме гнусных предрассудков, которые держат их абсолютно непричастными к славным добродетелям, ведущим к сладостной свободе и просвещающим человеческую мысль [С. 478—479].

МОВСЕС БАГРАМЯН
(XVIII в.)

Выдающийся просветитель, деятель армянского национально-освободительного движения 2-й половины XVIII века. Биографические сведения скудны. Известно, что первоначальное образование Баграмян получил у вардапета Геворга в Джуге, долгое время жил в России, был учеником и соратником Овсепа Эмина, вместе с которым приехал на Кавказ для организации повстанческого движения против турецко-персидского ига в Армении. В 1768 году он поселяется в индийском городе Мадрасе, где вместе с Шаамиром Шаамиряном создает политический кружок, участвует в разработке новой программы по освобождению исторической родины. В 1771 — 1773 годах он — учитель и наставник сыновей Шаамиряна, много внимания уделяет издательскому делу, организации работы мадрасской армянской типографии. Баграмян — автор первой армянской политической книги в Новое время, написанной с позицией просветительства, в которой он развивает просветительские и общественно-политические идеи своего учителя. Путь к восстановлению национальной независимости он видел в вооруженной борьбе армянского народа. Надежды на помощь Европы он считал политической иллюзией, историческим заблуждением. Будущее Армении он связывал с установлением в стране конституционного строя.

Баграмян полагал, что для реализации этой задачи необходимо повышение национального самосознания, актуализация духовной потенции народа, усматривая в этом один из важнейших факторов сознательной и успешной борьбы. В свою очередь, этого можно добиться лишь благодаря просвещению и образованию, приобщению к историческим и культурным ценностям не только своего народа, но и других цивилизованных народов. Просвещенность и образованность—необходимые предпосылки, условия, благодаря которым армянский народ не только сможет завоевать свободу, но и занять достойное место в ряду цивилизованных стран и народов. Он ратовал за отделение церкви от государства и школы от церкви.

Именно решению этой исторической для армянского народа задачи посвящена работа М. Баграмяна «Новая Книга, называемая Увещеванием». Сокращенный вариант исторической части книги был переведен на русской язык и издан в Петербурге небольшим тиражом в 1786 году. Примечательно, что среди подписчиков этой книги были и великие русские полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов.

Мовсес Баграмян написал также историко-философское произведение, которое он приобщил к изданной им в 1797 году «Истории Надир-шаха» католикоса Абраама Кретаци в качестве философского «Введения». Там же отмечается, что данное «Введение» не надо рассматривать как часть исторического труда, что оно имеет самостоятельное значение.

НОВАЯ КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ УВЕЩЕВАНИЕМ[1]

Написанная для пробуждения юношей и отроков армянских от лености и беспечной дремоты

Глава вторая

Песнь увещевательная для ободрения сынов армянских и особенно недозрелых и новораспущенных юношей и отроков

Поэтому и сочли достойным храбрые и доблестные мужи единажды умереть геройски, чем каждый день тысячу раз умирать от страха и отчаяния перед врагом, ибо они рассуждают: так как мы все умрем сегодня или завтра в соответствии естественному установлению, поэтому лучше один раз умереть с достоинством, чем жить в таком бедствии [С. 35].

Мы должны всегда признавать достоинство каждого человека, а также [знать] количество существующих у нас степеней достоинства и не забывать о своих обязанностях, но уважать почтенных и почитать достойных, а именно: служить своим господам, повиноваться нашим ишханам и всем повелителям. Кроме того, [необходимо] внимать словам мудрых и ученых людей и внимательно прислушиваться к наставлениям вардапетов и учителей [С. 39—40].

[Необходимо] всегда почитать и уважать великой любовью всех исполненных ума и сведущих людей, ревностно стремиться к принятию в свои объятия знания и образование, по достоинству любить и превозносить слова сведущих ученых, неустанно учиться и упражняться для реализации знания [на деле] и всевозможных состязательных упражнениях [С. 40].

Прелестные и прекрасные девушки и дочери [нашего народа] с печальным лицом постоянно взирают на вас [о, отроки], ибо никого, кроме отважных отроков армянских они не признают. И это естественно и соответствует писанию, согласно которому каждый идет вслед за тем, кто подобен ему. Соответственно этому и вы, отроки, стремитесь жениться на них и не допускайте, чтобы невесты ваши стали достоянием других [С. 42—43].

Старики и старухи! Во имя любви к Христу вы также станьте побудителями [стремления] к свободе и, взирая на скудость оставшихся дней вашей жизни, не говорите: кто останется в живых, дабы узреть ее. Но вы неустанно ободряйте и побуждайте к смелым поступкам здоровых и креп-

ких отроков и юношей, хотя вы сами уже не такие, и может быть потомки ваши удостоятся своего собственного наследства [С. 43].

Глава третья

Песнь молебно-увещевательная, обращенная к соотечественникам

[Армянские отроки] должны стремиться также и к овладеванию различных знаний, как разумных, так и практических искусств и особенно проявлять постоянное усердие в деле обучения свободным искусствам, потому что лишь посредством этого они могут избавиться от чужеземного рабства... [С. 44].

Не говорите, что, мол, нам достаточно и того, что знаем и что обучились зря; вместо того, чтобы вести приятную жизнь, истратили ее впустую. Но надобно всеми силами стремиться к тому, что мы должны овладеть. Может быть и для других станем примером [подражения], подобно тому как европейские народы ныне называют образцом для всех [других народов] [...].

Итак, образование и воспитание весьма полезны не только в деле просвещения, но и являются великой силой, способствующей избавлению народа от испытаний, дабы попав в затруднительное положение, он не проявил бы нерешительности, а без труда и колебаний смог бы найти выход из затруднения [С. 45].

Пролог к объяснению государства и власти в Армении

Теперь, когда мы дали столько увещеваний нашему народу, перед нами встала необходимость объяснить нашим соотечественникам могущество нашего государства и [собственной] власти в прошлом, которые мы утратили полностью, так что очень многим об этом неизвестно. Это обстоятельство обусловлено тем, что вследствие упадка на-

шего государства кончилась наша спокойная жизнь, пришли в упадок все наши университеты и школы, ибо никто никогда не оставался долго на одном месте, что могло бы поддержать, питать процесс обучения, благодаря чему вновь укрепился бы народ наш. Исключение составляли разве что монастырские школы, которые не являлись общественными (государственными). По этой причине не осталось ни философских сочинений, ни книг по древней истории, или наших предков, чтение которых возможно помогло бы узнать о героических победных деяниях и храбрейших мужах и, узнав об этом, они тем самым постарались бы самим следовать примеру своих предков. И хотя сохранились некоторые книги по истории, правда сокращенные, или исторические труды целиком или же сочинения философов, однако слишком мало тех, кому они доступны, ибо многие из этих книг хранятся в неприступных местах. Поэтому, особенно в настоящее время, среди нас находятся много таких людей, которые вовсе ничего не ведают или даже не слышали о жизни и деятельности наших доблестных мужей и царей-победоносцев. Этот недостаток мы и восполняем [ныне[, повествуя о некоторых из них вкратце, сообразно их достоинствам, а других упоминая лишь по имени. Но если вы приобретете эту книгу увещевания, то не подумайте, что мы собираемся создать что-то новое или намереваемся присвоить достоинства других, — боже упаси. Ибо мы не хотим ничего другого, кроме как вновь получить наше собственное и достоверное наследие, которое мы потеряли из-за беспорядков [в стране] и нашей нерадивости, как и вследствие нашей невежественности [С. 53].

Просьба к читателям

То что многие слова — глаголы и имена — мы повторили несколько раз в различных формах, сделано не ради чего-либо другого, кроме как сделать их удобопонятными. Ибо среди нашего народа встречается много простолюдинов, которые не являются глубокими знатоками языка нашего — грабара, другие же и вовсе не владеют. Поэтому

некоторые слова мы повторили другими [синонимичными] словами, дабы если читатели не поймут значения основных форм, то может быть с помощью [повтора синонимичными словами] воспримут труднодоступные слова... [С. 216].

ШААМИР ШААМИРЯН
(1723 — 1797 гг.)

Видный деятель и теоретик армянского освободительного движения 2-й пол. XVIII века, один из основоположников армянской буржуазно-просветительской идеологии. Шаамирян родился в городе Новая Джульфа в Персии. Трудные условия жизни вынудили его переселиться в Индию. Он обосновывается в Мадрасе, где занимается ремеслом, затем торговлей, становится одним из состоятельных и влиятельных людей города. Уже в зрелом возрасте с целью повышения уровня знаний и восполнения пробелов в образовании, он нанимает армянских и амглийских учителей. Усиление колониальной политики Англии в Индии вынудило армянскую буржуазию объединить свои силы и создать самоуправление армянской колонии, одним из организаторов и автором устава[1] которого явился Шаамирян. Самоуправление ставило задачу защитить интересы армянского населения города до восстановления государственности на исторической родине. Он начал активную деятельность и по освобождению Армении. Надежду на завоевание свободы и воссоздание национальной государственности мадрасские армяне связывали с Россией. Огромное значение для всего просветительского движения того времени имело основанная им в 1771 году в Мадрасе армянская типография, которая сыграла выдающуюся роль в деле распространения буржуазно-просветительских идей. По мнению Шаамиряна, освобождение Армении должно быть осуществлено не только с помощью извне, но одновременно и освободительной борьбой всего армянского народа. Но для этого необходимо широкое распространение просвещения, развитие чувства патрио-

тизма, национального самосознания и свободолюбия.

Взгляды Ш. Шаамиряна на прошлое и будущее армянского народа нашли отражение в его фундаментальном труде «Западня честолюбия». Это один из выдающихся памятников армянской общественно-политической и правовой мысли. Он состоит из двух частей. Первая имеет исторический и теоретический характер и включает изложение основных принципов его понимания общества, цели и задачи его политической организации и т. д. Вторая — это проект конституции и законодательство для освобожденной в будущем от турецко-персидского ига Армении. Книга впервые была издана в 1788 — 1789 годах. Шаамир Шаамирян исходит из просветительской теории о естественных правах человека, провозглашает в качестве лучшей формы государственного устройства парламентарно-демократическую республику. Народ избирает парламент и контролирует его деятельность. Принимаемые парламентом законы должны стать выражением общественных интересов и гарантом всеобщего благополучия, обеспечить имущественную неприкосновенность, безопасность личности, свободу мысли, слова и действий, избавить от рабства и дикого произвола. Власть должна исходить от народа и быть подотчетной народу. В изложении конституции приняли деятельное участие и другие видные просветители и идеологи национально-освободительной борьбы — Овсеп Эмин и Мовсес Баграмян. По проекту конституции церковь должна быть отделена от государства, а школа от церкви и т.д.

КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ «ЗАПАДНЯ ЧЕСТОЛЮБИЯ»[2]

Введение, адресованное достопочтенным читателям

Я, рукою коего написано нижеизложенное, будучи одним из самых малых и смиренных служителей страны армянской, прежде всего перед Богом и людьми должен признаться, что ничего не желаю для себя лично — ни власти,

ни богатства, ни славы, но всецело руководствуюсь любовью к своему народу и к стране своей [С. 570].

Как это принято, любое нововведение, коль скоро кто-мибудь пожелает его представить, должно быть показано, в особенности простому народу, исходя из двух точек зрения — первая, для людей недалекого ума, должна изьяснять [вопрос], основываясь на увиденном своими глазами, вторая, для людей проницательных,—основываясь на проповеди права и справедливости [...] Мне представилось, что будет хорошо изложить свою книгу в таком роде, чтобы она была лучом света для тех, кто воспринимает виденное глазами, и предостережением для проницательных [С. 575—576].

Я уповаю на Господа, что поставленная [мною в этой книге] цель послужит толчком, который выведет мудрых из забытья, и, основываясь на своих знаниях, они создадут превосходную колесницу, которая двинется по пути справедливых законов, соответствующих нашему разумному естеству, и поставят управлять ею ученого слугу, что знал бы волю господина своего, а именно своего закона [...], дабы в этом [законе] жили и пребывали все люди народа моего свободными царями и князьями, и господами над всем своим достоянием [С. 576]

Еще не родился на земле человек, который прожил бы свою жизнь, основываясь всегда на одних и тех же словах, делах и убеждениях. Читатель хорошо уразумеет это, если [восстановит в памяти] время жизни своей на земле от младенчества до юности, от юности до молодых зрелых лет, от молодости до старости с ее сединами. Как много разных изменений он обнаружит в своей природе! Ибо никто не может отрицать, что то, что сегодня хорошо, приятно, выгодно и доставляет радость нам, завтра окажется плохим, неприятным, вредным и сомнительным. Это происходит не потому, что дело, к которому устремляется наша мысль, [по сути своей] доброе или злое, но от склонности стихий нашего естества и от возникающих каждодневно различных причин в составных частях нашего естества, иногда это от пищи, иногда — от изобилия, иногда — от переменчивости

удач и неудач, или, как принято говорить, от судьбы. Все это обосновалось в нашем естестве. Однако с этим неумеренным и изменчивым естеством в нас, не смешиваясь, сочетается разумная душа [...] Поэтому следует весьма ревностно постараться, чтобы сохранить честь и силу нашего духа, которые заповедал нам, вдохнув его в нас, наш Господь и Творец, дабы жизнь свою мы вели как подобает человеку разумному и досточтимому, не так, как это свойственно естеству кипучей зверонравной юности, и не так, как это свойственно естеству колеблющейся и словно бы обленившейся старости, но подобно человеку среднего возраста, совершенному естеством, разумной силой духа, которого и следует нам избрать как образец поведения, порядка и законности в нашей жизни и обуздать изменчивое наше естество незыблемыми законами, если временами случится в нашей жизни, что мысль наша увлечет нас к делам скотским и наразумным. Крепко стягивающие железные цепи наших законов укротят наше естество и осудят соглсно закону, дабы все мы жили и пребывали достодолжно в порядке и пределах законов [С. 576—577].

Я представлю вам несколько примеров, которые убедят вас в правильности сказанного мною касательно нашей свободы и необходимости иметь нам незыблемые законы, ибо, не подчиняясь определенным законам, никто не сможет [с успехом] продвигать свое дело по прямому пути. Итак, смотрите и делайте выводы: муж, желающий построить дом, начинает с фундамента, который ставит на тверди земной; кто желает засеять поле пшеницей, ячменем или другим злаком, сперва пашет землю, размельчая крупные комья, а затем, засеяв ее как положено, поливает; отрок, желающий заняться науками, начнет сперва учить по азбуке буквы, а потом остальное; муж, желающий получить священнический сан, должен сперва пройти обучение у своего наставника-вардапета и после получить сан; муж, желающий посвятить себя воинской службе, должен изучить законы передвижения войск и все тайны воинского служения [...] Я могу представить много других примеров, ибо убежден, что наше дело не сможет продвинуться до тех пор, по-

ка мы не уясним себе, что именно мы желаем сделать, и никто не приведет свое дело к завершению, если не будет действовать соответственно установленным порядкам и правилам [С. 578—579].

От природы присуща человеческому естеству привычка прилагать усилия, трудиться, заботиться о приобретении того, чего ему недостает, и забывать, отказываться и не замечать то, что постоянно имеет под рукой или всегда бывает для него наготове. И происходит напрасная трата времени, [отпущенного] нам на жизнь, ибо все, от великих до малых, от богатых до бедных, тратят время жизни своей [на обеспечение] безопасности для себя и для своего имущества. Как князья, так и простой народ, [укрываются] в домах, обведенных стенами, и в местах хорошо защищенных. Но я осмелюсь если и не дать [ключи], то все-таки указать вам место, где находятся ключи к вратам безопасности вашей, приобретенного вами богатства и всех почестей ваших,— [ключи] которые вы сейчас не имеете и которые с давних пор потеряны нами. Вот они—ключи к вратам второго рая вашего, страны Араратской, коими являются законы ваши и правопорядок. С их помощью вы научитесь распознавать, что есть деяние доброе, а что злое, что следует делать, а от чего надо отказаться, чтобы преуспеть в деле, и тем самым укрепится ваша вера в необходимости твердо соблюдать ваши законы. Посредством этих законов вы обретете не только безопасность для себя и для своего достояния, но в вашем распоряжении окажется и время, свободное от жизненных [забот], которое вы сможете употребить на изучение премудростей наук, что принесет счастье народу вашему [...] С помощью этих законов вы все будете свободны в своих делах, из сердец ваших исчезнет страх перед вредом, который могут причинить вам неправедные люди, и каждый сможет свободно думать, говорить и верить в то, что все, что он приобретает, действительно является его собственностью [...]. Благодаря этому вы сможете уделить часть времени своей жизни на труды, часть — на подвиги, часть — на молитвы, часть — на развлечения, часть — на учебу и

другие подобающие человеку нашей страны занятия [С. 580 — 581],

Надзирающие народ, прикажите всем родившимся на земле армянской, как мужчинам, так и женщинам, научиться читать, писать и говорить по-армянски [...] Отцы сынов Армении, пошлите немедленно своих сыновей учиться армянскому языку, затем научите их обращаться с оружием и воинскому мастерству и воспитайте в них законопослушание [С. 582].

Жены, склоните свои сердца и сердца дочерей своих, чтобы они брали себе в мужья доблестных и победоносных воинов, и стыдите своих мужей, если они станут служить иным народам [...]

[В заключение] скажу, что по двум причинам не пожелал упомянуть мое имя как автора вышеизложенного: во-первых, я не желал, чтобы меня хулили невежды; во-вторых, чтобы не прославляли ученые [С. 582 — 583].

КОНСТИТУЦИЯ АРМЕНИИ

Об управлении страной армянской

Ст. 2. Всяк человек, родившийся на территории Армении, по чести имеет право называть себя армянином независимо от своей народности и вероисповедания. Он должен уметь говорить, писать и читать по-армянски.

Ст. 3. Всяк человек, родившийся в Армении, независимо от пола, национальной принадлежности и от того, родился ли он в Армении или нашел в ней убежище, был и останется свободным во всякой своей деятельности.

Никто из людей не может быть собственностью других людей. Человек — хозяин лишь своего труда и его результатов, а труд оплачивается по затратам, согласно армянским законам.

Ст. 4. Все люди в Армении обладают свободой мысли, слова и дела. За творимое добро они заслуживают уважения, за зло — наказания, согласно законам Армении.

Ст. 6. Все живущие в Армении люди, которые имеют свои собственные обычаи и веруют в своих богов, свободны в своем вероисповедании и в соблюдении своих обычаев и традиций, Никто в Армении не властен запретить эти их свободы.

Ст. 124. Ремесленники, не имеющие диплома мастера, не вправе открывать собственную мастерскую.

Ст. 132. Изобретатели новых орудий производства и совершенствующие старые орудия производства, облегчающие труд простых людей, достойны поощрения со стороны Дома Армении.

Ст. 136. Всюду в стране армянской за счет государства создаются детские приюты для содержания и воспитания незаконнорожденных детей до достижения ими семнадцатилетнего возраста.

Ст. 137. Всюду в стране армянской при приютах создаются две школы для обучения незаконнорожденных детей; одна — для обучения их грамоте, а другая — для обучения мальчиков военному делу. По достижении двадцатилетнего возраста они становятся полноправными гражданами Армении.

Ст. 138. Незаконнорожденные мальчики и девочки, а также дети вдов и сироты по достижении двадцати лет должны устроиться на работу. В случае если они не могут сделать это самостоятельно, они должны обратиться к местным властям, которые обязаны трудоустроить их в различных мастерских.

Ст. 139. Все немощные, хромые, слепые и не имеющие кормильцев старики должны быть взяты на содержание государства.

Ст. 140. В стране армянской государство берет на себя обеспечение населения лекарствами и бесплатным лечением, содержание бедноты.

Ст. 141. Все, кто желает помочь бездомным, немощным, сиротам и больным, должны вносить пожертвования непосредственно в казну соответствующих приютов страны.

Ст. 142. Все дома-приюты Армении управляются советом в составе семи духовных лиц, которые ежегодно отчитываются о своей деятельности.

Ст. 154. Дом Армении покровительствует развитию всех искусств, особенно философии, астрономии, медицины, музыки и архитектуры.

Ст. 155. Ремесленники, имеющие звание мастера, показавшие в деле свою полезность народу, получают от государства вознаграждение.

Ст. 172. Всяк человек должен быть верен данному слову и обещанию, т. к. обещание — что долг, а долг платежом красен.

Ст. 371. Долг всех мужчин почитать женшин и всегда быть готовыми оказать им помощь.

Ст. 372. Все женщины и девушки Армении могут свободно, с непокрытой головой и лицом, появляться всюду, за исключением церквей и храмов, куда они должны являться с покрытой головой.

Ст. 384. Девушки вправе свободно совершать прогулки, посещать общественные места, приемы, балы, танцевать и даже кокетничать с мужчинами и их женами. Но девушки, потерявшие свою девственность до замужества, недостойны приема со стороны общественности.

Ст. 394. Граждане, пригласившие друзей и знакомых в гости к себе на обед или ужин, обязаны хорошо знать поло-

жение званых гостей: кто они — представители власти, почетные граждане, простолюдины и т. д. и послать им письменное приглашение с указанием их места за столом. Каждый приглашенный обязан занимать свое место и не претендовать на другое место. Если же найдутся гости, которые сочтут, что указанное место роняет их достоинство, они должны попросить у хозяина извинения и удалиться из гостиной. Нежелательно, чтобы кто-нибудь из гостей опьянел, вел себя и выражался недостойно. Таких гостей второй раз приглашать в гости не следует, т. к. они создают плохую репутацию хозяевам и могут отбить охоту ходить к ним в гости.

Ст. 397. В стране армянской никто не может рассчитывать на уважение, если он не совершает добрых дел и не дает хороших советов. Только словом и делом, скромностью и добропорядочностью люди могут завоевать себе уважение, т. к. суть нравственности — добродетельность.

Ст. 398. Граждане Армении вольны в выборе украшений на свою одежду, но те, которые предпочитают отечественным изделиям иностранные, должны ежегодно платить 20 дахеканов серебром в казну Дома Армении.

ПЕТРОС КОНСТАНТИНОПОЛСЕЦИ

(2-я пол. XVIII в.)

КНИГА О ДОБРОПОРЯДОЧНОМ ПОВЕДЕНИИ

Глава первая

Вопрос: Что такое благопристойное поведение?

Ответ: Благопристойность — это благотворная способность разума и приличествующие поступки людей сообразно общепринятому мнению [С. 3].

Вопрос: Как следует вести себя во время ходьбы или в пути?

Ответ: Во время ходьбы или в дороге голову держи прямо — не очень низко, но и не очень высоко и ступай глядя перед собой. Точно так же шаги твои должны быть средними — не очень быстрыми и не очень медленными.

И будь внимателен, дабы при ходьбе не вертел головой надменно или безрассудно или же [размахивал] руками или глазел по сторонам; не ешь явства или фрукты, не разговаривай сам с собой, не думай о чем-то, вознося руки и не смейся; не хватай палку или камень и не ударяй там и сям; не испускай звуки, напевая мелодию или читая стихи вслух; не ходи играючи или кривляясь, сложив руки сзади или же скрестив их на животе. Кроме того, не держи обе руки в карманах одновременно, но одну держи, а другую вынь, если даже будет очень холодно; не оставляй рот открытым [С. 7—9].

Вопрос: Как надо поступать, если по дороге встретится товарищ или как надлежит шагать вместе с ним?

Ответ: Когда встречаешь в пути товарища и видишь, что он моложе тебя, то ты поприветствуй его первым, но если он [окажется] старше тебя возрастом или же положением или саном, то ты дождись, чтобы он поздоровался первым или [первым] поприветствовал тебя, на что ты ответишь со всей почтительностью [С. 9].

Будь осторожен, дабы вы шли не слишком громко разговаривая или бесстыдно смеясь или же насмехаясь, издеваясь над другими; не держи в руках или же у пояса цветы или другие безделушки; не плевайся и не сморкайся перед товарищем, а повернись в сторону; не загрязняй свою одежду или обувь или домашние туфли; не выставляй [напоказ] повисшие в носу сопли, ибо все это является чрезмерной срамотой.

А когда идешь с почтенными людьми, варпетом или старшим по возрасту —всегда иди сзади и ни в коем случае не ходи рядом или же впереди него [С. 10—11].

Вопрос: Как я должен вести себя при разговоре и общении с различного рода людьми?

Ответ: Без приглашения не ходи к своим родственникам. Но если узнаешь о его болезни или смерти, то иди без приглашения, дабы проведать, ободрить и утешить.

Надобно знать, что при общении или встрече с кем-нибудь необходимо предварительно разузнать, выяснить что это за человек и каким делом он занимается и к чему наиболее предрасположена его душа. Относительно таких вещей и следует беседовать с ним и спрашивать. Так, с девушками следует говорить о благопристойном поведении и обходительном общении, а также о красивой одежде, о женских украшениях и домашнем убранстве. С отроками надо говорить о предметах забавы, о съедобных плодах и одежде. Со старцами и монахами следует говорить и спрашивать о воздержанности, смиренномудрии, умеренности и святости [С. 12—13].

С учеными людьми надлежит беседовать или спрашивать относительно научных и интеллектуальных вещей. С крестьянами — о севе, вспашке, возделывании земли, о посадке и ухаживании за деревьями и виноградной лозой.

Подобным же образом с больными [надлежит говорить] о терпеливости, лекарствах, лечении и тому подобных вещах. И будь осторожен, дабы при этом не обронить хотя бы одно неуместное и непристойное слово. Но со всеми людьми говори о приятных для них вещах.

Не бахваляйся перед людьми, ибо это является [гордыней], и не порицай себя, ибо это является глупостью [С. 13].

Если два человека беседуют вместе, то ты не прислушивайся к их разговору, а быстро проходи мимо. Если два человека спорят друг с другом, то ты подумай и выясни кто из них прав и становись на его сторону, и [никогда] не воспрепятствуй истине своим фарисейством [...]

Если ты находишься в кругу ученых людей, то не занимайся пустословием; если даже рассуждаешь складно — говори мало и дай возможность, чтобы и другие высказались. Когда же говорят другие, ты не вставляй слова и не перебивай, не оставляй их мысль недоконченной, но потерпи пока они выскажутся полностью. И если они пустосло-

вят о порожних вещах, ты не издевайся и не смейся над ними при словах, относительно которых непристойно смеяться [С. 14].

В кругу простолюдинов не рассуждай о сложных и труднодоступных вещах, которые непонятны для них. И не говори на грабаре (древнеармянском литературном языке — К. М.), а говори на общеупотребительном языке, дабы они смогли понять то, о чем ты рассказываешь и не воображай себя великим или сильным или многоученым, чем они, но обшайся с ними с почтительностью [С. 15].

Когда начинаешь говорить, то, во-первых, не рассказывай длинных историй; во-вторых, не старайся пересказать только что услышанное, относительно которого ты недостаточно сведущ; в-третьих, если другие рассказывают что-то новое или же что-нибудь вообще, то ты не говори, что это тебе уже известно и не перебивай собеседника или же не кивай головой с ученым видом, хотя при этом и не перебиваешь его мысль [С. 18—19].

В-четвертых, когда рассказываешь о чем-то, то не разбрасывай слюньки на собеседников или на бумагу при чтении книг или писем; не допускай удлинения своих ногтей, дабы сор не проник вовнутрь и они не почернели.

В-пятых, когда сидишь в окружении многих людей, не нашептывай кому-либо на ухо, но попроси его выйти и поговори с ним наедине.

Но если ты еще отрок или ребенок, то тебе вовсе не приличествует говорить в присутствии взрослых людей, но лишь прислушиваться ко всем и внимать тому, о чем они беседуют или как они ведут себя и общаются друг с другом [С. 20].

Глава вторая

О том, как вести себя за обеденным столом

Вопрос: Как я должен вести себя, когда сажусь за обеденный стол?

Ответ: Когда садишься за обеденный стол, посмотри кто из сидящих за столом является почтенным человеком — священник, ишхан или годами старый человек; пусть он освятит стол и первым начнет есть или протянет руку к кушаньям. После этого и ты протяни руку. Когда начинаешь есть, не хватай кусок пятерней и не мажь все пальцы кушаньем, а бери кусок тремя пальцами. Во-вторых, не вытирай пальцы полотенцем после каждого куска и не облизывай пальцы, и не чавкай. Кроме того, не бери или не отрезай слишком большой кусок, но и не [бери] очень маленький, а нормальной величины. Когда режешь кусок, то режь двумя руками и никогда — одной. В-третьих, не ешь жадно и поспешно, но и не слишком медленно, а с чувством меры; не проглотив один кусок, не клади в рот другой [С. 24—25].

В пятых, не уставься глазами на стол и не глазей как едят другие. Не вороши рукой в кушаньях и не бери находящиеся перед другими блюда, а пользуйся только из имеющейся перед тобой порции или же с общего стола. И не усердствуй съесть больше других, а наоборот — меньше. Не клади обе руки на стол и не нагибай плечи над столом и не очень кривляйся за столом, дабы не стеснять соседей подобным непристойным поведением. Но если нагибаешься, чтобы положить кусок в рот, потом вновь садись прямо [С. 26].

В-шестых, если пред тобой на столе не остается хлеба, ты не тащи хлеб, что напротив других, ибо возможно еще принесут, если же нет, то потерпи до тех пор, пока другие заметят и сами предложат тебе [С. 27].

В-седьмых, когда накрывают стол различными явствами и случайно кладут пред тобой твое нелюбимое блюдо, то ты не отодвигай его и не тащи к себе любимое блюдо, но пусть все останется так, как есть. Если же пред тобой окажется твое любимое блюдо, то ты не старайся съесть все, ибо следует есть мало, оставляя на долю и других сотрапезников. Если некоторые из них не могут дотянуться до блюда, ты передай им, если другие предлагают тебе — бери. Не

ешь смешивая друг с другом различные блюда, ибо может статься, что другой не ест в таком виде [С. 27—28].

В-восьмых, не бери ложку или кубок вина или же нож обмазанной рукой; не бери соль из солонки, чтобы досолить кушанья; не чеши голову или тело; не тащи обмазанными пальцами; не вытирай руки об хлеб или своей одеждой или же чем попало или же же салфеткой на каленях, а попроси полотенце, чтобы хорошенько вытереть руки и после этого делать то, что собирался делать [С. 28].

В-девятых, когда ешь обед или суп ложкой, то старайся не вылить на себя или на стол или на соль [...] но возьми в меру, дабы не разлить; и ложку держи не с самого конца и не очень снизу, а — посередине. А когда попадается кость, не обгладывай ее подобно животному и не ударяй ею по столу с целью извлечь костный мозг и не пачкай руки. Не обчищай тарелки или блюдо, но пусть в них останется немного еды для прислуги [С. 28—29].

Не пей оставшиеся соки от кушаний, приставив тарелку ко рту. Не кроши в супы много хлеба, но лишь немного, если того очень пожелаешь.

В-десятых, не пей вино, не смешав его с водой и не хватай бокал обеими руками; не шипи носом когда пьешь и не воздыхай после питья. Не старайся напиваться или опьяниться. Не держи долго бокал в руках; когда пригубляешь вино, не пей очень быстро и не очень медленно, а умеренно [С. 29—30].

Кроме того, пока в твоем рту имеется не проглоченная пища, не пей воды или вина; и когда пьешь воду или вино, то не смотри в лицо людям.

Если берешь [бокал] вина, то присмотрись не держит ли кто постарше тебя и не пей, пока он не выпьет, а потой [выпей] и ты [С. 31].

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

1. Отрывки из надписей даются по тексту издания: *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960. В тексте использованы примечания переводчика.
2. *Менуа* (? — 786 г. до н. э.) — сын и преемник царя Ишпуини, царь Урарту с 810 года до н. э. При нем развернулось широкое строительство ирригационных систем, храмов и крепостей.
3. *Халди, Тейшеба, Шивини* — триада верховных урартских богов.
4. *Ишпуини* — преемник царя Сардури I. Царствовал в 824 — 810 годах до н. э. До него надписи составлялись на ассирийском языке. От него берет начало составление надписей на урартском языке.
5. *Страна Мана*, или *Манейское царство* — располагалась в бассейне озера Урмия.
6. *«Канал Менуа»* — грандиозное сооружение длиной в 80 км не только Урарту, но и всего Древнего Востока, обеспечивавшее водой столицу Тушпа-Ван.
7. *Страна Биаинили* — то есть Урарту, или Ванское царство. Так называли свою страну сами урартийцы.
8. *Тушпа-город*, или *Тушпа-Ван* — столица Урарту на берегу озера Ван, современный Ван (частица *ван* означала город, что впоследствии превратилось в собственное имя). Основан царем Сардури I в 827 — 825 годах до н. э.
9. *Аргишти I* (? — 764 г. до н. э.) — сын и преемник царя Менуа. Правил в 786 — 764 гг. и сумел объединить под своей властью почти всю территорию Армянского нагорья.

10. *Аргиштихинили* — крупный административно-хозяйственный центр, построенный в 776 году до н. э. в Араратской равнине на левом берегу реки Аракс (Республика Армения).
11. *Страна Аза* занимала территорию части Араратской равнины с Аргиштихинили на юго-западе вплоть до Тейшебаини на северо-востоке; крупная политическая и экономическая единица царства Урарту.
12. *Эребуни*, или *Ирпуни* — военно-стратегический центр, основанный Аргишти I в 782 году до н. э. вокруг холма Аринберд (юго-восточная окраина города Еревана). Современный Ереван. Это один из немногих городов древнего Востока, где скрестились пути двух древнейших культур — урартской и иранской.
13. *Сардури II* (? — 735 г. до н. э.) — преемник Аргишти I.
14. *Страна Уеликухи* или *Уеликуни* — одна из территорий могущественного племенного объединения Удури-Утиуни в присеванском бассейне.
15. *Аргишти II* (? — ок. 685 г. до н. э.) — царь Урарту с 714 года.
16. Тексты приводятся по изданию: **Арутюнян Н. В.** Новые урартские надписи Кармир-блура. Ер., 1966. *Кармир-блур* — холм на юго-западной окраине Еревана, на котором располагался город-крепость Тейшебаини.
17. *Руса II* правил в 680 — 640 годах до н. э.
18. *Тейшебаини,* то есть город бога Тейшебы. Основан Русой II в первой четверти VII века до н. э., административно - хозяйственный центр, просуществовавший до окончательного падения Урарту (590 г. до н. э.).
19. *Мардук* — верховный бог вавилонян.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

1. Фрагменты из мифа приводятся по тексту издания: **Мовсес Хоренаци**. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введение и прим. Г. Саркисяна. Ер., 1990. Имеется также перевод Н. О. Эмина (М., 1893).
2. *Хайк (или Гайк)* — праотец армян.
3. В этом, как и в других текстах эпоса о Тигране, имеет место соединение и наложение в народном сознании образов двух Тигранов — современника Кира Персидского и

Тиграна II Великого (I в. до н. э.). Историческая канва эпоса касается периода царствования Тиграна II.

4. *Мары* — то есть мидийцы, представители одной из трех основных народностей Иранского нагорья.
5. Отрывки из эпоса даются по изданию: Антология армянской поэзии. С древнейших времен до наших дней. / Под ред. С. С. Арутюняна и В. Я. Кирпотина.-М., 1940 (пер. В. Державина).
6. Отрывки из армянского героического эпоса приводятся по тексту издания: Давид Сасунский / Пер. с арм. В. В. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Липскерова, С. В. Шервинского. Ер., 1979.
7. Тексты приводятся по изданию: Армянские народные сказки. / Сост., предисл. и прим. А. Ганаланяна. Ер., 1983.
8. Образцы армянских пословиц и поговорок приводятся по изданию: Армянский фольклор. / Сост. и пер. Г. О. Карапетяна. М., 1979.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТРУДОВ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

1. Отрывок приводится по тексту издания: **Ксенофонт.** Киропедия // **Ксенофонт.** Сократические сочинения. М., 2003.
2. Отрывки приводятся по тексту издания: **Плутарх**. Сравнительные жизнеописания. М., 1999.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

ГРИГОР ЛУСАВОРИЧ (ПРОСВЕТИТЕЛЬ)

1. Или *Григор I, Лусаворич,* или *Григор Партэв*. В последнем случае указывается его родословная. Католикосский престол был закреплен за родом Григора Лусаворича.

2. *Кесария Каппадокийская* — столица Каппадокии. Ныне Кайсери.
3. Правила из «Канонов» даются по тексту издания: Армянская Книга Канонов. / Предисл., научно-критич. текст и прим. В. Акопяна. Т. I. Ер., 1964. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

МЕСРОП МАШТОЦ

1. *Область Тарон* располагалась западнее Ванского озера и входила в провинцию Туруберан. Принадлежала знаменитому нахарарскому роду Мамиконянов. Ныне на территории Турции.
2. *Вагаршапат* — одна из древних столиц Великой Армении, основанная армянским царем *Вагаршем I* (117 — 140 гг.). Нынешний город Эчмиадзин в Армении.
3. *Врамшапух* (389 — 414 гг.) — один из последних армянских царей династии Аршакуни. Активно поддержал идею создания армянской письменности, оказав всемерное содействие начинаниям Месропа Маштоца и Саака Партэва.
4. *Эдесса* или *Урфа* — город в Северной Месопотамии, крупный центр науки, культуры и просвещения в древности и средневековье.
5. *Саак Партэв* — армянский католикос (389 — 439 гг.), выдающийся церковно-политический деятель, один из широко образованных людей своего времени, один из основоположников древнеармянской письменной литературы.
6. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: Многовещательные речи. Венеция, 1954. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Имеется также перевод С. С. Аревшатяна (Ер., 2011).
7. Отрывки даются по тексту издания: Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994. Нами использованы также примечания К. С. Тер-Давтян.
8. *Моисей* — библейский пророк, предводитель и законодатель еврейского народа, через которого Бог даровал «избранному» им народу свои заповеди. Ему приписывается авторство первых пяти книг Ветхого Завета — «Пятикнижия».

9. *Хуж* — житель Хужастана, области в Персии. Это слово здась используется в переносном смысле как «варвар», «дикарь».
10. *Дуж* — «варвар», «дикарь».
11. То есть Григора Лусаворича (Просветителя).
12. *Мовсес Хоренаци* — крупнейший историк V века, «отец армянской историографии», один из выдающихся идеологов национально-освободительного движения армянского народа.
13. *Мамбрэ* по прозвищу *Верцанох* (Толкователь) — армянский писатель и мыслитель V века.
14. *Давид Анахт (Непобедимый)* — великий армянский философ V — VI вв., основоположник философской науки в раннесредневековой Армении.
15. *Егишэ* — знаменитый историк V века, участник национально-освободительной войны 450 — 451 гг., автор труда «О Вардане и войне Армянской» и целого ряда богословско-философских трудов.
16. *Иосеп (Иовсеп)* — один из учеников Месропа Маштоца, которого Саак Партэв и Месроп Маштоц назначили местоблюстителем армянского католикоса, активный участник освободительной борьбы армянского народа против персидского владычества. После Аварайрской битвы (451 г.) вместе со многими духовными деятелями был угнан в плен в Персию, где и погиб мученической смертью в 454 году.
17. *Езнак, или Езник Кохбаци* — ученик и сподвижник Месропа Маштоца, выдающийся философ V века.
18. *Ардзан Арцруни* — ученик Месропа Маштоца.
19. *Аган Арцруни* — участник Арташатского собора (449 г.), отшельник, учитель известного армянского историка V века Лазара Парбеци.
20. *Муше* — сподвижник Месропа Маштоца.
21. *Агванк, или Алуанк (Кавказская Албания)* — страна, расположенная к северо-востоку от Великой Армении. Античные авторы (Страбон, Плиний, Плутарх и др.) упоминают об Албании расположенной на левом берегу реки Куры, где жили 26 разноязычные племена, собирательным наименованием которых и служил термин албанцы. В армянских источниках сохранились два термина — «собственно Агванк» для обозначения этой территории и «Агванк», включающий после раздела Великой Армении между Римской империей и Сасанидской Персией (380-е гг.), также отторг-

нутые от Армении области Утик и Арцах, а также северо-западную часть области Пайтакаран. Вся эта территория вошла в новообразованную политико-административную единицу — марзпанство Агванк. Со временем название «Агванк» распространилось на весь этот край и поскольку оно не имело этнического происхождения, то край этот вместе с «собственно Агванком» в армянских первоисточниках часто называется «Восточный край Армении», «Северо-восточный край» (см.: *Акопян А. Л.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ер., 1987).

СААК ПАРТЭВ

1. Католикос — глава, верховный патриарх Армянской Апостольской церкви.
2. *«Первый учитель» и «первый переводчик»* — так в средневековой армянской книжности именовали Месропа Маштоца и Саака Партэва, подчеркивая их огромную роль в просветительском и переводческом деле.
3. В мировой переводной литературе окончательный вариант армянского перевода Библии считается «царицей переводов». Эта оценка была дана европейскими учеными еще в XIX веке (Лакроз, Сен-Мартен, Шредер, Гетингер и др.) (см.: **Тер-Мовсесян М.** История перевода библии на армянский язык. СПб., 1902).
4. Фрагменты из «Канонов» даются по изданию: Армянская Книга Канонов / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. Т. I. Ер., 1964. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

КОРЮН

1. Фрагменты из произведения печатаюся по тексту издания: **Корюн**. Житие Маштоца. / Пер. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Оганджаняна. Ер., 1981. Это первое произведение исторического характера в раннесреднековой Армении, в нем впервые в армянской литературе приложена хронология. Труд Корюна является первоисточником для изучения процесса создания и распространения письменности как в Армении, так и в соседних странах — Иверии и Агванке.

2. Речь идет о пребывании Маштоца в гаваре Гохтн провинции Васпуракан (ныне на территории Нахичевана Республики Азербайджан) с целью христианской проповеди среди населения, которое еще не полностью отошло от язычества.
3. *Вардапет* — в данном случае учитель, наставник, ученый монах.
4. *Страна Арама* — то есть Сирия. Это название распространялось также на Месопотамию и Ассирию.
5. *Амид* — современный город Диарбекир на реке Тигр.
6. *Самосат* — город на правом берегу Ефрата, к северу от Эдессы. В V веке находился в пределах Римской империи.
7. То есть в городе Эдессе.
8. *Азаты* — дословно «свободные» — низшее дворянское сословие, свободное от податей и находящееся в вассальной зависимости от крупных феодалов-нахараров. Они составляли основу армянской конницы, ядро армянского войска. Этот термин распространялся и на все феодальное сословие.
9. *Мамиконеаны,* или *Мамиконяны* — знаменитый армянский княжеский род в древней Армении, игравший важную роль в военно-политической жизни страны в течение многих веков. Должность спарапета — главнокомандующего армянскими войсками была наследственной в нахарарском роду Мамиконянов.
10. *Варварские страны* (или народы) — нехристианские народы.
11. *Края иверов* — страна иверов, Иверия.
12. *Бакур* — он же *Вараз Бакур* — царь иверов (416 — 429 гг.)
13. *Гавар* — территориальная единица в исторической Армении — район, округ. Термин употреблялся и в более широком значении: область, край.
14. *Ромеи* — т. е. римляне. Так называли себя византийцы после распада Римской империи на западную и восточную (395 г.). Тем самым византийцы подчеркивали свою преемственность наследия и славы Римской империи.

АГАТАНГЕЛОС

1. *Агатангелос,* Агафангелос или Агафангел — в переводе с греческого означает «добрый ангел», добрый вестник.

2. *Трдат III Великий* (286 — 330 гг.) — армянский царь, при котором христианство в Армении впервые в мире стало государственной религией (301 г.).
3. Фрагменты из произведения даются по изданию: **Агатангелос.** История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер., 2004.
4. *Албианос* — сын языческого жреца, которого Григорий Лусаворич обучил и возвел в сан епископа и назначил епископом царского двора.

ФАВСТОС БУЗАНД

1. *Бузанд* — то есть Византийский. Это — литературное прозвище, которое указывает не на происхождение, а на греческое образование историка.
2. Отрывки из произведения печатаются по тексту издания: История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворкяна. Ер., 1953.
3. То есть во время царствования армянского царя Трдата.
4. *Нахарары* — крупнейшие землевладельцы, князья, феодалы в древней и средневековой Армении. Высшие должности в стране являлись наследственной прероготивой отдельных нахарарских родов. Нахарары делились на старших и младших.
5. *Ишхан* — князь, повелитель, владыка.
6. *Пап и Атанагинес* — сыновья армянского католикоса Иусика.
7. То есть Григора Лусаворича (Просветителя).
8. *Аштишат* — крупный духовный центр в области Тарон Великой Армении, на берегу Евфрата. Был известен своими языческими храмами. В эпоху христианства село перешло в наследственное владение Григора Лусаворича.
9. *Спарапет* — главнокомандующий войсками в древней и средневековой Армении. При династии Аршакуни и в марзпанский период Армении должность спарапета была наследственной прерогативой знаменитого княжеского рода Мамиконянов. Они же являлись воспитателями царевичей.
10. *Танутэр* — глава нахарарского рода, власть которого передавалась по старшинству и каждый раз утверждалась армянскими царями.

11. *Аршакуни*, или *Аршакиды* — армянская ветвь парфянской династии Аршакидов. Правила в Армении с 64 года по 428 год.

ЕЗНИК КОХБАЦИ

1. *Аштишатская школа* — одна из первых армянских школ, основанных Месропом Маштоцем и Сааком Партэвом. Находилась в селении Аштишат.
2. *Константинополь* — столица Восточно-Римской империи, основанная императором Константином Великим (306 — 337 гг.).
3. *Никейский собор* — первый Вселенский собор, созванный в 325 году в Никее (город в Малой Азии) по инициативе римского императора Константина, на котором было отвергнуто учение Ария — арианство, принят «Символ веры» христианской церкви и утверждено 20 канонов. От Армянской церкви в нем участвовал сын Григора Лусаворича Аристакес.
4. *Эфесский собор* — третий Вселенский собор, созванный в 431 году в Эфесе (город на берегу Эгейского моря в Малой Азии), который предал анафеме учение константинопольского патриарха Нестора — несторианство.
5. *Багреванд* — область Айраратской провинции. Ныне Алашкертский гавар Западной Армении (на территории Турции).
6. Этот документ, принятый в ответ на эдикт Михрнерсеха, сохранился лишь в сочинении Егишэ «О Вардане и войне армянской».
7. Отрывки из сочинения даются по изданию: Опровержение лжеучений Езника Кохбаци. Ер., 1994. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна Имеется русский перевод, выполненный В. К. Чалояном (Ер., 1968). Недавно вышел новый перевод С. С. Аревшатяна (Ер., 2008).
8. *Маздеизм,* или *зороастризм* — официальная дуалистическая религия Сасанидской Персии, выполнявшей функцию и государственной идеологии.
9. *Пифагор* (2-я пол. VI в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ и математик.
10. *Маркион Понтийский* — христианский деятель II века, еретическое учение которого проникло и в Армению.

ЕГИШЭ

1. *Вардан Мамиконян* — спарапет Армении, предводитель армянского войска в Аварайрском сражении, где погиб героической смертью. Внук католикоса Саака Партэва.
2. Отрывки из сочинения даются по тексту издания: **Егишэ.** О Вардане и о войне Армянской. / Пер. с древнеарм. И. А. Орбели; Подг. к изд., предисл. и примеч. К. Н. Юзбашяна. Ер., 1971.
3. Егишэ обращается к иерею Давиду Мамиконяну, по просьбе которого взялся за написание своего труда.
4. Имеется в виду указ персидского царя *Иездегерда II* (439—457 гг.), обещавшего армянам конфессиональную терпимость и свободу.

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Мовсес Хоренаци**. История Армении./Пер. с древнеарм. языка, введение и примеч. Г. Саркисяна. Ер., 1990. Имеется также перевод на русский Н. О. Эмина. (М., 1893).
2. Речь идет о князе *Сааке Багратуни*, поручившем Хоренаци написать «Историю Армении», марзпане Армении (481 г.), героически погибшем в битве с персидскими войсками в 482 году.
3. *Халдеи* — древние жители Месопотамии и Вавилона, среди которых появились первые зачатки знаний по астрономии. С халдеями неправомерно связывают и возникновение астрологии, как побочного продукта астрономических наблюдений. В действительности астрология возникла и широко распространилась позже — в эллинистическую эпоху.
4. *Птоломей II Филадельф* (285 — 246 гг. до н. э.) — царь эллинистического Египта. Прозвище Филадельф — «любящий брата (или сестру)» — получил после женитьбы на своей сестре Арсиное. Был великим покровителем наук и искусств, поборником создания синкретичной греко-египетской (эллинистической) культуры.
5. *Александрия* — столица эллинистического Египта. Город основан Александром Македонским. Это один из крупней-

ших культурных и научных центров эллинистического мира. Здесь находилась и знаменитая Александрийская библиотека.

6. Имеется в виду наследование сословного статуса, что было тесно связано с феодальной собственностью.
7. *Арташес, или Артаксий* (189 — 160 гг. до н. э.) — царь централизованного государства Великая Армения. Основатель Арташесидской династии.
8. Хоренаци обращается к своему меценату Сааку Багратуни.
9. *Просветитель* — то есть Григор Лусаворич
10. Мовсес Хоренаци имеет в виду своих учителей и духовных наставников — Месропа Маштоца и Саака Партэва, которых по возвращении на родину не застал в живых.

«КНИГА ХРИЙ», или «КНИГА ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ»

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Сочинения Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1865. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ОВАН (ОВАНЕС) МАНДАКУНИ

1. *Ваган Мамиконян* — спарапет, впоследствии и марзапет Армении, предводитель национально-освободительной борьбы армянского народа против персидского ига в 480-х годах, завершившейся победой.
2. *Гусаны* — народные певцы-музыканты, певцы веселья и любви; мимы, комедианты.
3. Фрагменты из «Речей» приводятся по изданию: Речи армянского католикоса Ованеса Мандакуни. Венеция, 1836. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ЛАЗАР ПАРБЕЦИ

1. *Аган Арцруни* — двоюродный брат Вагана Мамиконяна, участник Арташатского собора в 449 году.

2. *Ширак* — один из гаваров Айраратской провинции, расположенный к юго-западу от горы Арагац.
3. *Сюник* — один из крупных областей Великой Армении, который включал юго-восточный берег озера Севан и часть Нахичевана.
4. *Эчмиадзинский монастырь* — один из крупнейших духовных и культурных центров средневековой Армении, находился в городе Вагаршапате, ныне город Эчмиадзин Республики Армения, где находится резиденция всеармянского католикоса.
5. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Лазар Парбеци**. История Армении. Письмо Мамиконяну. Ер., 1982. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
6. Имеется в виду историк Фавстос Бузанд.
7. Второй книгой истории в средневековой армянской книжности называлась «История» Фавстоса Бузанда, а первой — «История» Агатангелоса.
8. Речь идет об армянском царе *Хосрове III* (380 — 385 гг.).
9. *Григориос* — то есть Григор Лусаворич.
10. *Святой Вардан* — спарапет Вардан Мамиконян, погибший в Аварийском сражении и причисленный Армянской Апостольской церковью к лику святых.
11. *Нихор* — персидский военачальник.
12. *Арийская страна* — то есть Персия.

ДАВИД КЕРАКАН (Грамматик)

1. «Искусство Грамматики» Дионисия Фракийского — первый и самый древний переводный памятник в продукции грекофильской школы. Перевод был осуществлен на первом этапе ее деятельности, охватывающий период с середины 450-х годов (см.: **Аревшатян С. С.** Формирование философской науки в древней Армении (V — VI вв.). Изд. 2-е. Ер., 2016). Перевод данного труда был продиктован не отсутствием в армянской литературе грамматических норм и правил, о чем свидетельствует оригинальная литература, созданная в первой половине V века, а необходимостью создания национальной грамматической науки. Поэтому переводчики «не были слепыми и пассивными передатчиками греческой науки» и «вовсе не греческая, а именно ар-

мянская грамматика составляла заботу этих просветителей», в пользу чего говорят те многочисленные отступления от греческого оригиниала, его арменизация и приспособление к закономерностям армянского языка (см.: **Адамян А. А.** Эстетические воззрения средневековой Армении. Ер., 1955).

2. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Давид Кераканн**. Толкование грамматики / Изд. Г. Джаукян // Вестник Матенадарана. Т. 3. Ер., 1956. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ДАВИД АНАХТ (Непобедимый)

1. *Олимпиодор Младший* (V — VI вв.) — философ-неоплатоник, руководитель Александрийской неоплатонической школы, учитель Давида Анахта. Александрийская неоплатоническая школа, в отличие от Сирийской и Афинской, значительное место уделяла изучению математических и естественнонаучных дисциплин, а в решении логико-гносеологических проблем склонялось к Аристотелю. Эти научно-философские традиции и были привнесены Давидом в армянскую действительность, где благодаря наличию благоприятных условий они получили свое второе рождение и дальнейшее развитие.
2. См.: **Аревшатян С. С.** Философское наследие Давида Анахта // **Давид Анахт.** Философские произведения. Ер., 1980. На древнеарм. яз.
3. Отрывки из «Определений философии» публикуются по тексту издания: **Давид Анахт.** Сочинения / Сост., пер. с древнеарм., вступит. статья и примеч. С. С. Аревшатяна. М., 1980.
4. *Пирроновцы* — последователи Пиррона из Элиды (ок. 365 — 275 гг. до н. э.), основателя скептицизма в древнегреческой философии.
5. *Платон* (427 — 347 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ. В 388 — 387 гг. до н. э. основал в Афинах свою школу — знаменитую Академию, которая просуществовала до 529 г. Ряд диалогов Платона («Евтихрон», «Тимей», «Апология Сократа», «Минос», «Законы») были переведены на древнеармянский язык еще в VI в.

6. *Спанак,* от армянского **սպանել** – убивать. Здесь – мерило, убивающее раздоры.
7. Под *материальной музыкой* подразумевается инструментальная музыка, в отличие от вокальной, т. е. подлинной, «нематериальной» музыки, которая присуща разуму.
8. Имеется в виду *Александр Македонский*.
9. Отрывки из «Анализа «Введения» Порфирия» публикуются по тексту издания: **Давид Анахт**. Сочинения. М., 1980.
   Порфирий Финикийский (232/233 – 301/304 гг.) – видный представитель неоплатонической философии, ученик основателя неоплатонизма Плотина. Из множества его произведений особой популярностью пользовалось «Введение» к «Категориям» Аристотеля, которое уже в древности было переведено на латинский, армянский и сирийский языки. Древнеармянский текст издавался в Мадрасе (1728 г.), Константинополе (1793 г.), Венеции (1833 г.). Греческий текст издан Адольфом Буссе (Берлин, 1904 г.).
10. *Аристотель* (384 – 322 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. В течение 20 лет он пробыл в Академии Платона, вначале в качестве слушателя, затем – преподавателя. Логико-философские труды Аристотеля «Категории» и «Об истолковании» были переведены на древнеармянский язык в V веке.
11. *Сократ* (470 – 399 гг. до н. э.) – древнегреческий мыслитель, учитель Платона. Он не оставил письменных трудов, полагая, что письменное слово препятствует углубленному усвоению знаний, что письмена мертвы, окаменелы и всегда утверждают одно и то же. В своих устных лекциях основное внимание он уделял проблемам нравственного воспитания, совершенствования человека и общества.
12. *Гераклит Эфесский* (ок. 520 – ок. 460 г. до н. э.) – древнегреческий философ- диалектик, которого прозвали «Темным» из-за сложности языка его произведений.
13. *Клавдий Гален* (ок.130 – 200 гг.) знаменитый врач эпохи античности.
14. Отрывки из «Толкования «Аналитики» Аристотеля» приводятся по тексту издания: **Давид Анахт.** Сочинения. М., 1980. Данный труд Анахта, в отличие от других его произведений, сохранился лишь в древнеармянской версии.

АНОНИМ

1. Отрывки из произведения публикуются по тексту издания: Анонимное Толкование «Категорий» Аристотеля / Пер. с древнеарм. С. С. Аревшатяна. Ер., 1961.
2. *Антифон или Антифонт* (2-я пол. V в. до н. э.) — древнегреческий философ-софист, учитель философии. Занимался проблемой вычисления квадратуры круга.

АНАНИЯ ШИРАКАЦИ

1. Отрывки из автобиографического очерка приводятся по тексту издания: Сочинения Анания Ширакаци. / Изд. А. Г. Абрамян. Ер., 1944. На древнеарм. яз. Древнеармянский текст издавался в Петербурге (1877 г.), Вене (1895 г.), Венеции (1901 г.). Имеется перевод на русский, выполненый проф. К. Патканяном (СПб., 1877), на английский, немецкий, французский, современный армянский языки. Перевод К. А. Мирумяна.
2. *Страна Греческая* — так в средние века называли Византийскую империю.
3. *Феодосиополь* — главный город области Карин в Высокой Армении, ныне Эрзрум. По свидетельству историка XIII века Киракоса Гандзакеци после того, как Маштоц добился у императора Феодосия II разрешения распространять армянские письмена в Западной Армении, тот приказал построить в Армении город в гаваре Карин и назвал его Феодосиополем, нынче же называют его Карин.
4. *Четвертая Армения* — вторая из провинций Великой Армении, состоящая из восьми областей. В 536 году при императоре Юстиниане I она стала отдельной провинцией под названием Четвертая Армения (см.: **Еремян С. Т.** Армения по «Ашхарацуйцу»).
5. Сведения о Тюхикосе Византийском как великом ученом и учителя сохранились только у Анания Ширакаци. По-видимому, его возвеличивание было необходимо Ширакаци, чтобы обосновать фундаментальность своих знаний, что было весьма распространенным явлением в эпоху средневековья (и не только) (См.: **Мирумян К. А.** Анания Ширакаци — великий ученый, философ, педагог. Ер., 2012.. На арм. яз.).

6. Отрывки из «Космографии» приводятся по тексту издания: **Анания Ширакаци**. Космография / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер., 1962.
   Данный труд сохранился в краткой и простанной редакциях. Краткая редакция издана К. Патканяном в Петербурге (1877 г.), пространная — А. Г. Абрамяном в Ереване (1940 г.).
7. Здесь Ширакаци формулирует свой основной исследовательский и методологический принцип, позволяющий свободно обратиться к достижениям античной науки и философии.
8. Отрывки из «Географии» даются по тексту издания: Сочинения Анания Ширакаци. Оно сохранилось в двух редакциях — краткой и пространной. Текст оригинала издавался в Амстердаме (1668 г.), затем в Марселе, Венеции, Париже, Москве. Имеются переводы на французский, латинский, русский, современный армянский языки. Русский перевод выполнен проф. К. Патканяном («Армянская География VII века». СПб., 1877). В настоящем издании тексты даются в переводе К. А. Мирумяна.
9. Тексты вступительных слов к арифметическим таблицам приводятся по изданию: Сочинения Анания Ширакаци. Перевод К. А. Мурумяна. Это один из сохранившихся отрывков из его «Учебника арифметики». Хронологически вторыми являются таблицы византийского математика армянского происхождения *Николая Артавазда* (XIV в.). Из «Учебника арифметики» дошли до нас также «Шеститысячник», «О вопросах и решениях», занимательные задачи. Под арифметикой в античности понимали две самостоятельные научные дисциплины. Термином арифметика (αριθμητίχη) обозначалась наука, изучающая природу чисел, то есть теоретическая дисциплина. Практическая же арифметика обозначалась термином «логистика» (λογιθτίχή) и занималась вопросами вычисления (см.: например: **Кеджори Ф.** История элементарной математики. Одесса, 1917). Арифметичский труд Ширакаци — древнейший в мировой математической литературе учебник арифметики, содержащий самые древние из дошедших до нас учебных таблиц для выполнения арифметических действий (см.: История отечественной математики. Т. I. Киев, 1966).

10. Тексты арифметических задач приводятся по изданию: Сочинения Анания Ширакаци. Перевод К. А. Мирумяна.
11. Тексты занимательных задач приводятся по изданию: Сочинения Анания Ширакаци. Перевод К. А. Мирумяна.

МОВСЕС КАГАНКАТУАЦИ

1. Имеется в виду событие 944 года, когда отряд русских через Дербент проник в Закавказье и дошел до столицы Агванка (Алуанка) — Партава.
2. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Мовсэс Каланкатуаци.** История страны Алуанк. / Пер. с древнеарм. Ш. В. Смбатяна. Ер., 1884.
3. *Пнакит* (греч.) — алфавитная доска, которая использовалась в школах в древности.
4. *Восточный край*, Северо-Восточный край Армении или страна Восточная — одна из провинций Великой Армении.
5. *Двин* — одна из древних столиц Великой Армении.

ОВАНЕС ОДЗНЕЦИ (ИМАСТАСЕР)

1. *Имастасер* — философ, любомудр. Так он был прозван за блестящее образование, научно-философскую эрудицию и широту познаний.
2. Отрывки из речи «Против павликиан» даются по книге: **Бартикян Г. И.** Источники для изучения истории павликианского движения. Ер., 1961. *Павликиане*, павликианская ересь — антицерковное и антифеодальное движение, возникшее в приграничных районах Западной и Восточной Армении в VII веке, перекинувшееся затем в Византию, а вследствие массовых переселений и депортаций, в славянские страны — Болгарию, Киевскую Русь, а потом и в страны Южной и Центральной Европы, послужив основой еретического движения богомилов в Болгарии, катаров в Италии, альбигойцев во Франции и др. Впоследствии учение павликиан стало важнейшим элементом в деле подготовки западной Реформации (см.: **Ангелов Д.** Богомильство в Болгарии. М., 1954; **Клибанов А.** Реформационные движения в

России. М., 1960; **Осокин Н.** История альбигойцев. Казань, 1869; **Гиббон Э.** История падения и разрушения Римской империи. М., 1885; **Марр Н. Я.** Ани. М.-Л., 1934). Павликиане придерживались дуалистической философии, признающей наравне с богом и самобытной материальной субстанции. Они признавали равенство всех людей, в том числе женщин и мужчин, необходимость борьбы против христианского монизма, церковной иерархии и культа, социального зла, несправедливости. Они были *иконоборцами*. Они обвиняли официальную христианскую церковь в поклонении творениям рук человеческих и отождествляли это с идолопоклонством.

3. *Нерсес* — армянский католикос *Нерсес III Строитель* (641 — 661 гг.).

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ

1. *Монастырь Макенеац* — располагался в Гехаркунисском гаваре Сюникской области.
2. *Немесий Эмесский* (V — VI вв.) — крупнейший ранневизантийский мыслитель и ученый, епископ сирийского города Эмесы. Его сочинение «О природе человека» — своеобразная энциклопедия знаний о человеке.
3. *Григорий Нисский* (331 — 396 гг.) — виднейший представитель греческой патристики, один из отцов восточнохристианской церкви, епископ города Ниссы. Поборник размежевания сфер философии и богославия. Его работы начали переводить на армянский язык с V века.
4. *Кирилл Александрийский* (ум. в 441 г.) — крупный христианский мыслитель-богослов, патриарх александрийский. Многие его произведения были переведены на армянский язык еще в V веке.
5. *Дионисий Ареопагит* — христианский мученик I века, член древней судебной коллегии в Афинах, то есть Ареопага. В средневековье под его именем получили широкое распространение 4 трактата и 10 посланий («Ареопагитский корпус»), которые, как уже установлено в специальной литературе, были написаны не ранее 2-й половины V века и является плодом коллективного труда (см. также примеч. 2 к разделу Давида Анахта).

6. Отрывки из Жития даются по тексту издания: Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994. Нами использованы примечания К. С. Тер-Давтян.
7. Согомон — настоятель монастыря Макенис, составитель первого армянского Торжественника.
8. *Мовсес Сюнеци* — епископ Сюникский, предположительно речь идет о Мовсесе Кертоге.
9. *Айриванк* — один из известных армянских монастырей XIII века, центров средневековой армянской книжности.
10. То есть Григором Лусаворичем.
11. *Иеретеос* — учитель Дионисия Ареопагита.
12. Сочинение Немесия Эмесского «О природе человека» здесь ошибочно приписывается Григорию Нисскому.
13. *Гимн* (по-армянски *кцурд*) — духовная песня, которая поется в церквах после псалмов.
14. *Григор Гырзик* — друг и сподвижник Степаноса Сюнеци, выдающийся армянский композитор начала VIII века. Соавтор многих переводов, выполненных Степаносом Сюнеци.
15. *Роман — Роман Сладкопевец* — греческий музыкант V — VI веков, песни которого получили широкое распространение в Армении. Относительно первых двух имен высказываются различные мнения.

ОВАНЕС ДРАСХАНАКЕРТЦИ

1. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Иоаннес Драсханакертци.** История Армении./Пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. М. О. Дарбинян-Меликян. Ер., 1986.
2. *Мар Абас Катина* — предположительно сириец из армянского города Мцурна, который жил и творил в IV веке и написал свой труд на греческом языке.
3. *Нектанеб II* (367 — 350 гг. до н. э.) — последний египетский фараон. После завоевания Египта Александром Македонским была распространена династическая легенда о его происхождении от Нектанеба.
4. *Анастас* — католикос Армении (661 — 667 гг.).
5. *Анания Анеци* — Анания Ширакаци (VII в.).

6. *Иованнес* — Ованес III Одзнеци, католикос Армянский (717 — 728 гг.).
7. *Теон* (Элий) Александрийский (IV в.) — учитель риторики, автор руководств к стилистическим упражнениям.

ТОВМА АРЦРУНИ

1. Приводимые отрывки даются по изданию: **Товма Арцруни и Аноним**. История дома Арцруни. / Подг. текста к изданию, пер. и примеч. В. М. Варданяна. Ер., 1985. На древнеарм. яз. Перевод на русский язык К. А. Мирумяна.

ДОКУМЕНТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРОВ О ШКОЛЕ, ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ

ШААПИВАНСКИЕ КАНОНЫ

1. Отрывки из канонов даются по тексту издания: Установления и каноны св. Церкви, принятые армянскими вардапетами в дополнение и подтверждение апостольских и никейских канонов. / Пер. С. Аревшатяна. Историко-филологический журнал, 1959, № 2—3.

КАНОНИЧЕСКИЙ УСТАВ ВАЧАГАНА

1. Правила из устава приводятся по тексту издания: **Мовсес Каланкатауци.** История страны Алуанк. / Пер. с древнеарм. Ш. В. Смбатяна. Ер., 1984.
2. *Хостак* — дословно: дитя, сын, наследник.

КАНОНЫ ЧЕТВЕРТОГО ДВИНСКОГО СОБОРА

1. Отрывки из канонического устава приводятся по тексту издания: Каноны св. Двинского собора / Пер. С. К. Аревшатяна. // Вестник Матенадарана. Т. 6. Ер., 1962.

КАНОНЫ ОВАНЕСА ИМАСТАСЕРА

1. Каноны даются по книге*:* ***Бартикян Г. И.*** Источники для изучения истории павликианского движения. Ер., 1961.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ВОСПИТАНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (X – XV вв.)

АНАНИЯ НАРЕКАЦИ

1. Фрагмент из биографического очерка приводится по рукописи Ереванского Матенадарана им. Маштоца № 7359. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Включение данного жития в Четьи Минеи говорит о том, что Анания Нарекаци был причислен к видным деятелям армянской культуры.
2. Имеется в виду царь Анийской Армении **Аббас I Багратуни** (928 – 953 гг.), брат и преемник царя **Ашота II Ерката** (*Железного*). Приобрел большую известность благодаря военным успехам и строительству монастырей и церквей (см.: Всеобщая история Степаноса Таронского, кн. III, гл. VII).
3. *Ршуникская область* – в провинции Васпуракан. Вследствие подъема социально-экономической жизни Армении после восстановления государственной независимости, усиления центробежных сил и политики разъединения, проводимой Арабским халифатом, в 908 году образуется Васпураканское царство Арцрунидов.
4. *Василий Кесарийский* (329 – 379 гг.) – епископ Кесарии Каппадокийской, ученик *Паруйра Айказна* (Армянина) – *Проэресия* (276 – 367 гг.), один из отцов восточнохристианской церкви. Его труды были переведены на ярмянский язык в первой половине V века «первой школой переводчиков».
5. *Григор Нарекаци* (ок. 951 – 1003 гг.) – великий армянский поэт и мыслитель, ученик и племянник Анания Нарекаци.
6. Отрывки из произведения даются по тексту издания: О толковании чисел // Журнал «Арарат», 1914. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

Это философское произведение занимает особое место в письменном наследии Анания Нарекаци. В нем затрагиваются вопросы числовой символики и мистики, философские, естественнонаучные и этические проблемы. Особую ценность представляют те части труда, в которых синкретично переплетены знания, почерпнутые из патристической литературы, античных и раннесредневековых армянских философов, возрождая традиции предшествующей культурно-исторической эпохи, прерванные на полтора столетия нашествием арабов. Основные литературно-теоретические источники Анания Нарекаци — сочинения Платона, пифагорейцев, Филона Александрийского, Давида Анахта, Анания Ширакаци (см.: **Тамразян Г. Г.** Анания Нарекаци. Жизнь и литературное наследие. Ер., 1986. На арм. яз.).

7. Здесь Анания Нарекаци следует учению Платона и Давида Анахта.
8. Отрывки из произведения приводятся по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 640. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
9. Отрывки из произведения приводятся по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 5707. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
10. Отрывки из произведения приводятся по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 2680. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

1. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Григор Нарекаци.** Книга скорбных песнопений. / Пер. с древнеарм. и комм. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева. М., 1988. Книга состоит из 95 глав, каждая из которых озаглавлена: «Слово к Богу из глубин сердца». Название поэмы — «Матеан вохбергутян» — переводят и как «Книга скорби», «Книга трагедий», а в народе она прозвана просто «Нареком». Поэма Григора Нарекаци оказала огромное влияние на средневековую армянскую поэзию, а также на творчество армянских поэтов новейшего времени — Сиаманто, Д. Варужана, А. Исаакяна, О. Туманяна, В. Терьяна, Е. Чаренца и др.

Григор Нарекаци сыграл значительную роль и в развитии песенного искусства. Его песни-таги были относительно свободны и вобрали в себя многие элементы народного искусства гусанов.

ГРИГОР МАГИСТРОС

1. *Магистр* — один из высших военных и государственных титулов в Византийской империи.
2. Отрывки из писем даны по тексту издания: **Григор Магистрос**. Письма. /Изд. К. Костанянц. Александрополь, 1910. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
3. *Владыка Петрос* — католикос *Петрос Гетадарц* (1019 — 1058 гг.). При сдаче столицы Багратидской Армении города Ани византийцам и лишении царя Гагика II престола он сыграл, фактически, предательскую роль.
4. *Четыре математические науки* — то есть предметы «квадривиума» (арифметика, теория музыки, геометрия, астрономия).
5. *Стагирита* — то есть Аристотеля.
6. «Тимей» Платона вместе с другими его диалогами — «Евтифроном», «Апологией Сократа», «Миносом» и «Законами» — был переведен на армянский язык на третьем этапе деятельности грекофильской школы (510-е гг. — 600 г.) (см.: **Аревшатян С. С.** Формирование философской науки в древней Армении). У Григора Магистроса речь идет о новом переводе платоновского диалога.
7. Имеется в виду *Олимпиодор Младший* — учитель Давида Анахта, глава Александрийской неоплатонической школы.

АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРТЦИ

1. *Ластиверт* — местечко, предположительно расположенное около города Арцна области Карин. Арцн — один из крупных центров международной транзитной торговли.
2. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. / Пер. с древнеарм. К. Н. Юзбашяна. М., 1968. Работа была завер-

шена после 1072 года, но до 1087 года. Она состоит из пролога, 25 глав и эпилога, охватывая период с 1000 по 1071 год. Главная тема сочинения — описание нашествия тюрков-сельджуков.

3. Имеется в виду город Арцн.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

1. *Саркаваг* — дьякон. По мнению некоторых исследователей, так как Ованес очень рано стал дьяконом и долгое время носил этот сан, то слово «саркаваг» стало его прозвищем и утвердилось как его собственное имя (см: **Алишан Г.** Памятники страны Армянской. Т. 2. Венеция, 1870. На арм. яз.). В средневековой армянской книжности он известен и как «Имастасер» (Философ), «Поэтикос» (Поэт), «Ритор», «Анеци», «Ахпатеци».
2. *Парисос* — область исторической Армении, расположенная северо-восточнее озера Севан.
3. *Арцах* — десятый наханг (область, провинция) Великой Армении, занимал территорию начиная с реки Аракс до Иджеванского р-на Республики Армения. В 385 году был присоединен к Агванку (Алуанку).
4. *Ахпатский монастырь* — один из знаменитых средневековых армянских монастырей, крупный центр духовной, научной и культурной жизни. Основан в 957 году. Своего расцвета и славы достиг благодаря высшей школе Ов. Саркавага (см.: **Тер-Минасян Е.** Ахпатская школа и Ованес Саркаваг вардапет // Журнал «Арарат», 1901. На арм. яз.).
5. *Григорий Нисский* (331 — 396 гг.) — выдающийся христианский писатель.
6. *Григорий Богослов*, или Назианзин (328 — 390 гг.) — один из известных церковных деятелей IV века, убежденный защитник Никейского символа веры. Его речи и толкования были переведены на армянский язык в первой половине V века. Ованес Саркаваг написал толкование речи Григора Богослова «На святую Пасху» (см.: **Мирумян К. А.** Мировоззрение Ованеса Саркавага. Ер., 1984. На арм. яз.).
7. Фрагменты из биографии приводятся по тексту издания: Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с

древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994. Нами использованы примечания К. С. Тер-Давтян.

8. *Филон* — Филон Александрийский (ок. 20 г. до н. э. — 50 г. н. э.) — античный мыслитель. Разработал концепцию непротиворечивости греческой философии и религии иудаизма. Оказал сильное влияние на формирование и развитие христианской мысли. Саркаваг основательно изучил и комментировал труды Филона Александрийского.
9. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера / Изд. А. Г. Абрамян. Ер., 1956. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
10. Отрывок из произведения дается по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
11. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
12. Отрывки из произведения дается по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
13. Отрывок из произведения дается по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
14. Отрывок из письма дается по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
15. Фрагменты из произведения даются по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 5596. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
16. Фрагменты из произведения даются по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 6049. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
17. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
18. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: Труды Ованеса Имастасера. Перевод К. А. Мирумяна.
19. Фрагменты из произведения даются по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 2595. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

В богатейшем рукописном фонде Ереванского Матенадарана хранится ряд толкований «Семи книг Филона Александрийского», а именно тех сочинений античного мыслителя, которые не сохранились в оригинале и стали достоянием мировой науки и культуры благодаря их армянским переводам. Данное толкование долгое время приписыва-

лось знаменитому ученому и педагогу XI — XII вв. Ованесу Саркавагу. Однако в последнее время в арменистике было высказано мнение, согласно которому оно написано чуть позднее. Учитывая, что вопрос авторской принадлежности труда остается открытым, мы поместили его непосредственно за Ованесом Саркавагом. Настоящее толкование выделяется своим энциклопедическим характером и объемлет почти все области античного и средневекового знания: философского, естественнонаучного, космологического, медицинского, эстетического, правового, этического, богословского и др. В нем содержатся также интересные положения и рассуждения относительно нравственного воспитания, нравственных и эстетических ценностей и их взаимосвязи, духовного и интеллектуального совершенствования человека, роли и значения обучения, об особенностях методов и принципов обучения научным знаниям, искусству и ремеслу, о логических приемах критики и дискуссии, содержании обучения и т. д.

МАТТЕОС УРХАЕЦИ

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Маттеос Урхаеци**. Хронография / Древнеарм. Текст М. Мелик-Адамяна и Н. Тер-Микаеляна. Пер., предисл. и примеч. Р. Бартикяна. Ер., 1991. Перевод с древнеармянского на русский К. А. Мирумяна.
2. То есть в 1085 году.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

1. *Шнорали* — в переводе с армянского означает «Благодатный». В средневековой армянской книжности он именуется также «Ергох» (Певец), «Клаеци» (от названия крепости Кла, или Ромкла).
2. *Киликийское Армянское государство* или *Киликийская Армения* — крупное армянское царство в Киликии. В XI веке после падения столицы Багратидской Армении города Ани, вторжения турков-сельджуков многие армянские князья переселились в Киликию, находящейся под властью Визан-

тии. В 1080 году князь Рубен основал независимое армянское княжество, которое в 1198 году превратилось в сильное царство, просуществовавшего до 1375 года. Киликийская Армения находилась в тесных контактах со многими странами Европы, латинскими княжествами на Востоке, Великой и Малой Арменией. Она стала новым центром расцвета экономической, политической, научной и культурной жизни армянского народа (см.: **Микаелян Г.** История Киликийского армянского государства. Ер., 1952).

3. *Вкаясер* — то есть любящий мучеников, мартирофил. Григор Вкаясер основал в Сирии армянские монастыри, где он провел последние годы своей жизни, предаваясь также литературным занятиям.
4. *Кармированкский монастыр,* или *Кесунский Кармирванк* находился недалеко от города Кесун (близ реки Евфрат) — один из лучших «новых» вардапетаранов — монастырских школ высшего типа. Кесун — центр крупного армянского княжества Гох Васила, образованного в конце XI века.
5. Отрывки из жития приводятся по тексту издания: Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994. Нами использованы также примечания К. С. Тер-Давтян.
6. *Константин Мономах* — византийский император (1042 — 1054 гг.).
7. *Владыка Петрос*. — См. Примечание 2 к разделу Григора Магистроса.
8. *Васак Пахлавуни* — отец Григора Магистроса. Был спарапетом при царе Смбате II Багратуни. Погиб в войне в 1021 году.
9. Имеется в виду Григор Магистрос.
10. *Магистр* — см. Примечание 1 раздела Григора Магистроса.
11. *Дука,* или *Дукс* — военный и гражданский правитель области в Византийской империи.
12. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Нерсес Шнорали**. Соборное послание./ Текст, вступ. статья и комментарии Э. М. Багдасаряна. Ер., 1995. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Это речь, произнесенная при его рукоположении в католикосы в 1166 году и обращенная к различным слоям армянского общества. В ней он касается различных сторон реальной жизни, норм и

правил поведения, жизнедеятельности людей, дает картину нравов того времени и т. д.

Данное послание впервые было переведено на русский язык А. Худобашевым (Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию. Соборное послание Католикоса Армянского ко всему армянскому народу / Пер. с древнеарм. А. Худобашева. СПб., 1847). В отредактированном виде перевод А. Худобашева включен в книгу Р. Авакяна «Памятники армянского права» (Ер., 2000). Имеются также два перевода на современный армянский язык. Наш перевод сделан с критического текста, подготовленного Э. Багдасаряном. В ходе работы мы учли как перевод А. Худобашева, так и переводы на современный армянский.

13. *Рамик* — простолюдин, труженик.
14. *Шинакан* — податное сословие, главным образом крестьянство.
15. Четверостишия даются по тексту издания: Поэтические произведения Нерсеса Шнорали — армянского католикоса. Венеция, 1928. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
16. *Гим* — название третьей буквы армянского алфавита, соответсвует русской букве «г».
17. В средневековых армянских школах и вплоть до начала XIX века урок записывался на дощечке и вешался на шее ученика.
18. *Дайн* — четвертая буква армянского алфавита, соответствует русской букве «д».
19. *Жэн* — десятая буква армянского алфавита, соответствует русской букве «ж».
20. *Пэн* — двадцать шестая буква армянского алфавита, соответствует русской букве «п».
21. *Вюн* — тридцать четвертая буква армянского алфавита.
22. *Пюрн* — тридцать пятая, предпоследняя буква армянского алфавита.
23. Образцы загадок даются по тексту издания: **Мнацаканян А. Ш.** Армянские средневековые загадки (V — XVIII вв.). Ер., 1980. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
24. Буквы армянского алфавита имели также числовое значение. Число букв составляло 36. Первые девять букв обозначали единицы, вторые — десятки, третьи — сотни, четвертые — тысячи.

25. Под *двумя дверцами* подразумеваются морфология и синтаксис, а под *восьмью окошками* — восемь частей речи.
26. Фрагменты из поэмы приводятся по тексту издания: Армянская классическая лирика. Т. I. Ер., 1977. Перевод В. Брюсова. Название поэмы переводится и как «Элегия на взятие Эдессы».

НЕРСЕС ЛАМБРОНАЦИ

1. Настоящее имя Нерсеса — Смбат. Нерсесом он был назван при рукоположении его в священники. Ламбронаци — от названия крепости Ламброн в Таврских горах, между Аданой и Тарсоном.
2. *Скеврский монастырь* — крупный центр средневековой армянской культуры, славился своей богатой библиотекой и многочисленными учеными. Построен отцом Нерсеса Ламбронаци — князем Ошином.
3. *Ромкла,* или *Кла* — укрепленная крепость на правом берегу Евфрата, к западу от Эдессы, куда в 1150 году католикос Григор Пахлавуни (старший брат Нерсеса Шнорали) перенес свою резиденцию.
4. *Черная или Святая гора* — северо-восточная часть Таврских гор. В XII веке здесь существовали многочисленные армянские, сирийские, греческие и латинские монастыри.
5. *Григор Тга* (Отрок) — армянский католикос (1173 — 1193 гг.), племянник и преемник Нерсеса Шнорали.
6. Фрагменты даются по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 1142. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
7. Фрагмент из произведения дается по тексту издания: **Нерсес Ламбронаци.** Размышления о церковных порядках. Венеция, 1847. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
8. Фрагмент из письма дается по тексту издания: Послание Нерсеса Ламбронаци... царю Левону. Венеция, 1865. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
9. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: Синодальное слово Нерсеса Ламбронского, архиепископа Тарсийского // Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859-1882 гг.). М., 1897.

МХИТАР ГЕРАЦИ

1. *Гер* — ныне город Хой в Иране.
2. *«Бжшканоц»* — специальные медицинские школы при лечебных учреждениях. Обучение в них предполагало предварительное усвоение общеобразовательных дисциплин. Кроме того, в некоторых высших школах и университетах средневековой Армении помимо изучения «семи свободных искусств» с их приложениями, проходили курсы по анатомии, физиологии, паталогии, терапии, лекарствоведению и т. д.
3. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: **Мхитар Гераци.** Утешение при лихорадках / Изд. 2-е, доп. Ер., 1968. Первое русское издание вышло в 1955 году.
4. *Виды души* — речь идет о трех частях души. Это учение возникло в древнегреческой философии.
5. *Гиппократ* (460 — 377 гг. до н. э.) — величайший врач и мыслитель античности, основоположник научной медицины, «Отец медицины». С его трудами армянские врачи были знакомы еще в раннем средневековье.

МХИТАР ГОШ

1. *Гандзак* — один из крупных культурных центров средневековой Армении.
2. *Ованес Тавушеци* — известный вардапет, проповедник.
3. Для вторичного прохождения курса обучения Мхитару Гошу пришлось скрыть свою ученую степень вардапета.
4. *Закарэ Закарян* — (ум. в 1214 г.) — крупный государственный, политический и военный деятель Армении и Грузии, верховный главнокомандующий объединенными армяно-грузинскими войсками.
5. *Амирспасалар* — должность верховного главнокомандующего грузинскими войсками, спарапет.
6. *Нор Гетик* (Новый Гетик) — монастырь, один из известных центров науки, культуры и просвещения того времени, основанный Мхитаром Гошем (1191 — 1196 гг.). В его честь был назван Гошаванком (монастырь Гоша). Здесь же он похоронен. Монастырь и высшая школа при нем находились под покровительством братьев Закарянов — Закарэ

и Иванэ. Последний занимал должность атабека — воспитателя наследника грузинского престола и регента.

7. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А. А. Паповяна. Ер., 1954. К его написанию автор приступил в 1184 году.
8. В эпоху Мхитара Гоша в Армении не было царства, но возникли благоприятные условия для его возрождения. С одной стороны, при Закарянах Армения под эгидой Грузии обладала фактической независимостью, с другой стороны, царь Киликийского армянского государства **Левон II** (1187 — 1219 гг.) стремился раздвинуть границы своего царства до исторической Армении. Поэтому одна из основных задач «Судебника» — создание правовой и идеологической почвы для будущего единого армянского государства. Однако, в отличие от некоторых идеологов, надежды по восстановлению армянской государственности Гош связывал не с внешним вмешательством, а с собственными силами народа.
9. *Эпитимия* — духовная кара, церковное наказание.
10. Образцы басен приводятся по тексту издания: Басни средневековой Армении / Пер. с арм. И. Орбели. Ер., 1982.

ВАРДАН АЙГЕКЦИ

1. Местечко Марата, населенное армянами, находилось в сирийской торгово-ремесленной области Тлук (или Ллук). Здесь, начиная с XI века, возникли многочисленные крупные армянские поселения. По названию своего месторождения Вардан сам называет себя Маратаци.
2. *Айгек* — в переводе означает «Виноградник». Один из многочисленных армянских монастырей Черной или Святой горы в Киликии, основанный в последней четверти XII века.
3. Образцы басен приводятся по тексту издания: Басни средневековой Армении / Пер. с арм. И. Орбели. Ер., 1982.

КИРАКОС ГАНДЗАКЕЦИ

1. *Гандзакеци* — то есть урожанец Гандзака. В средневековой княжности именуется также «Гетикци» (из Гетика, указы-

вая на место учебы и жизни), «Аревелци» (т. е. уроженец Востока).

2. «*Страна Гандзак*» — обширная территориально-административная единица, включающая северо-восточные области Армении и ряд областей Арцаха.
3. *Ованес Ванакан* (1181 — 1251 гг.) — ученик Мхитара Гоша, основатель Хоранашатской школы, автор ряда произведений. Подготовил большое число крупных деятелей армянской культуры.
4. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Киракос Гандзакеци.** История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 1976.
5. Речь идет о деятельности Месропа Маштоца и Саака Партэва после изобретения армянского алфавита.
6. Под «внутренними» науками в средневековье подразумевались церковно-богословские, под «внешними» — светские, или языческие науки.
7. *Константин* — армянский католикос *Константин* Бардзрбердци (ум. в 1267 г.) — убежденный противник греческой ориентации армянской церкви; при нем были сделаны первые шаги в направлении сближения с латинским Западом.
8. Имеются в виду установления II Сисского церковного собора (1243 г.), своего рода кодекс моральных норм и принципов для армянского духовенства и прихожан.

ВАРДАН ВЕЛИКИЙ (Аревелци)

1. *Кайенаберд* — в переводе Кайенская крепость.
2. *Хор-Вирапский монастырь* — известный средневековый монастырь. Хор-Вирап означает глубокая яма. По преданию, армянский царь Трдат бросил Григора Лусаворича в яму за христианское вероисповедание. На этом месте, после принятия христианства государственной религией, и был построен Хор-Вирапский монастырь.
3. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Вардан Аревелци.** Толкование грамматики / Изд. Л. Хачерян. Ер., 1972. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
4. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Всеобщая история Вардана Великого. / Пер. и прим. Н. Эмина. М., 1861.

СМБАТ СПАРАПЕТ

1. *Гудстабль* (от франц. connйtable) — царский конюший, начальник конницы; впоследствии — верховный главнокомандующий войсками Киликийской Армении. Соответствует должности спарапета в исторической Армении.
2. *Пайл* (от лат. bajulus) — регент, ближайший советник царя, второе лицо в государстве.
3. *Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — до 753 г.) — крупный византийский богослов, философ, поэт, систематизатор греческой патристики.
4. «*Антиохийские Ассизы*» — судебник соседнего с Киликийской Арменией Антиохийского франкского государства, отражающий общественно-политический строй основанных крестоносцами государств на Востоке; важный источник для изучения истории средневекового права. В 1876 году, в связи с 600-летием со дня смерти Смбата Спарапета, «Ассизы» были переведены с армянского языка на французский, что позволило сличить и уточнить другие сохранившиеся «Ассизы».
5. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля). / Пер. со среднеарм. А. Г. Сукиасяна. Ер., 1971.

   Имеется также перевод на русский, выполненный А. Галстяном (**Смбат Спарапет**. Судебник. / Сост. Текста, пер. с древнеарм., предисловие и прим. А. Г. Галстяна. Ер., 1958). Перевод А. Галстяна с некоторыми поправками включен в книгу Р. Авакяна «Памятники армянского права». Ер., 2000).

ОВАНЕС ЕРЗЫНКАЦИ (Плуз)

1. *Ерзынкаци* — уроженец города Ерзынка, Плуз — «низкорослый», «синеокий».
2. *Ерзынка* — город в Западной Армении, на правом берегу Евфрата. В его окрестностях действовали многочисленные монастыри с богатыми библиотеками, где помимо монахов и отшельников творили многие ученые, педагоги, книжники. Крупный торговый и культурный центр, сохранивший свое значение до XV века. Ныне в пределах Турции.

3. *Сепух* — гора недалеко от города Ерзынка.
4. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Багдасарян Э. М.** Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. Ер., 1977. На среднеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
5. Фрагменты из документа даются по тексту издания: **Багдасарян Э. М.** Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. Перевод К. А. Мирумяна.
6. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Багдасарян Э. М.** Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. Перевод К. А. Мирумяна.
7. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: Музыкальная эстетика стран Востока. М., 1967 (Пер. С. С. Аревшатяна).
8. Ованес Ерзынкаци имеет в виду Давида Анахта, приписывая ему, подобно другим средневековым писателям, авторство «Толкования грамматики».
9. Фрагменты даются по изданию: Музыкальная эстетика стран Востока. М., 1967 (Пер. С. С. Аревшатяна).
10. Первое, второе и четвертое четверостишие даются по изданию: Поэзия Армении / Под ред. В. Брюсова. М., 1916 (Пер. В. Брюсова). Третье, пятое и шестое четверостишия приводятся по кн..: **Абегян М.** История древнеармянской литературы. Ер., 1975.

ВАГРАМ РАБУНИ

1. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Ваграм Рабуни.** Анализ «Категорий» Аристотеля / Критич. текст, пер. с древнеарм., предисл. и примеч. Г. О. Григоряна. Ер., 1967.
2. Фрагменты из речи даются по тексту издания: Речь Ваграма Рабуни при коронации Левона III царем Киликии // Журн. «Арарат», 1868, № 7 и 12, 1869, № 1 — 5. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

СТЕПАНОС ОРБЕЛЯН

1. Фрагменты по произведения даются по тексту издания: **Степанос Орбелян**. История Сюника. Ер., 1986. На арм. яз.

Перевод К. А. Мирумяна. Области Сисакан — то есть Сюника. До князей Орбелянов в Сюнике господствовал нахарарский род Сисака, к которому по материнской линии принадлежал и сам Степанос Орбелян. По названию этого рода область именовалась Сисакан. Данный труд был завершен в 1297 году.

2. *Петрос Сюнеци*, или *Кертол* (V — VI вв.) — автор речей.
3. Имеется в виду начало VII века.
4. *Ухтанес* — армянский историк X века.
5. *Маштоц* — видный церковный деятель IX века, автор исторического труда и ряда посланий.
6. *Матусага* — видный ученый и педагог. Стал сюникским митрополитом в 634 году, скончался в 643 году.
7. Имеется в виду католикос Комитас (615 — 628 гг.).
8. *Аршаруник* — пятый гавар Айраратской провинции.

ФРИК

1. Фрагменты из стихотворения даются по изданию: Армянская средневековая лирика / Вступ. статья, сост. и примеч. Л. М. Мкртчяна. Л., 1972 (Пер. Н. Гребнева).
2. Фрагменты из стихотворения даются по изданию: Армянская средневековая лирика (Пер. Н. Гребнева).
3. Фрагменты из стихотворения даются по изданию: Армянская средневековая лирика (Пер. В. Брюсова).
4. Фрагменты приводятся по кн.: **Абегян М.** История древнеармянской литературы. Ер., 1975.

КОСТАНДИН ЕРЗЫНКАЦИ

1. Фрагменты из произведений даются по изданию: **Костандин Ерзынкаци.** Утренний свет: Стихи / Предисл., сост. и примеч. Л. М. Мкртчяна. Ер., 1981. Первые два стихотворения даются в поэтическом переводе соответственно М. Лозинского и М. Синельникова, остальные — в подстрочном переводе Л. Мкртчяна

ОВАНЕС (ОВАН) ВОРОТНЕЦИ

1. Отрывок из Памятной записи дается по тексту издания: Источники по истории высших школ средневековой Армении / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1983.
2. Отрывок из Жития дается по тексту издания: Армянские жития и мученичества / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Ер., 1994.
3. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Иоанн Воротнеци.** Анализ «Категорий» Аристотеля / Пер. с древнеарм. А. А. Адамяна и В. К. Чалояна. Ер., 1956.
4. *Григор* — то есть Григор Татеваци.

ГРИГОР ТАТЕВАЦИ

1. *Гугарская область* — один из нахангов-провинций и одно из бдешхств Аршакидской Армении, на севере страны.
2. *Мецопская школа* — функционировала при Мецопском монастыре в Каджберуникской области Васпуракана.
3. *Сагмосаванк* — крупный центр средневековой армянской культуры в Араратской области.
4. *Григор* — в тексте встречается в форме Григор, Григорис, Григориос.
5. Отрывки из жития даются по тексту издания: Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и прим. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994. Нами использованы также примечания К. С. Тер-Давтян.
6. То есть родители Григора Татеваци.
7. *Есаи* — имеется в виду Есаи Ничеци, ректор знаменитого всеармянского Гладзорского университета.
8. Здесь явная описка. По этим подсчетам Григору Татеваци в это время было 12 лет. По свидетельству же Товма Мецопеци это произошло в 835 г. (1386 г.).
9. Еринджак — недалеко от современного г. Нахичевана. Здесь и Нахичеване находились центры униатов. Для развертывания более эффективной борьбы с ними Ованес Воротнеци со своими учениками перебрался в Апракунис. Здесь, по-видимому, имеются в виду Астапатская и Апракунисская монастырские школы. Известно, что после смерти

Ованеса Воротнеци два года Апракунисской школой руководил Григор Татеваци.

10. *«...престол апостола Евстафия...»* — имеется в виду Татевский монастырь. «Татев» является результатом искажения имени Евстафия... (Евстатеос).
11. Фрагменты из сочинения даются по тексту издания: **Григор Татеваци.** Книга вопрошений. Константинополь, 1729. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Данная многотомная работа энциклопедического характера была завершена в 1397 году.
12. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том. Константинополь, 1741. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Оба тома проповедей были завершены в 1407 году.
13. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Зимний том. Константинополь, 1740. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
14. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Григор Татеваци.** Толкование притчей Соломоновых / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатяна. Ер., 1999.
15. Фрагменты из произведеия даются по тексту издаия: **Григор Татеваци**. Толкование Екклезиаста и Премудрости Соломона / Пер. с древнеарм. Х. Григоряна. Е., 2005. На арм. яз. Перевод на русский язык К.А. Мирумяна.
16. Фрагменты из произведеия даются по тексту издаия: **Григор Татеваци**. Толкование Песни песен. Пер. с древнеарм. Х. Григоряна. Е., 2005. На арм. яз. Перевод на русский язык К.А. Мирумяна.
17. Фрагменты из произведеия даются по рукописи Ереванского Матенадарана им. Маштоца № 1115. Перевод на русский язык К.А. Мирумяна.
18. Фрагменты из произведеия даются по рукописи Ереванского Матенадарана им. Маштоца № 5869.

КАРАПЕТ ВИПОХ

1. *Випох* — с целью отличить нашего автора от других Карапетов филолог Г. Абегян, исходя из акростиха, приложенного к поэме, предложил литературный псевдоним «Випох».

2. Отрывки из поэмы приводятся по тексту издания: **Карапет Випох.** В назидание ученикам / Изд. Г. В. Абгарян // Вестник Ереванского университета, № 3, 1986. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

1. *Маттеос Джугаеци* — видный педагог, деятель армянской литературы и школы. В 1402 году на него было возложено руководство Татевским университетом.
2. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Аракел Сюнеци.** Анализ «Определений [философии] Давида», непобедимого философа. Мадрас, 1777. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

АКОП КРЫМЕЦИ

1. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Акоп Крымеци.** Календароведческие труды / Подг. текста, введ. и комм. Дж. А. Эйнатян. Ер., 1987. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
2. *Рабунапет* — глава учителей в монастырских школах и университетах средневековой Армении, знаменитый ученый-педагог.
3. *Геворг Ерзынкаци* — известный вардапет, ученик Ованеса Воротнеци и учитель Акопа Крымеци.
4. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Акоп Крымеци.** Календароведческие труды. Перевод К. А. Мирумяна.
5. *Навасард* — первый месяц армянского солнечного календаря.
6. *Ори* — второй месяц армянского солнечного календаря.
7. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Акоп Крымеци.** Календароведческие труды. Перевод К. А. Мирумяна.
8. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Акоп Крымеци.** Календароведческие труды. Перевод К. А. Мирумяна.

ТОВМА МЕЦОПЕЦИ

1. Фрагменты из речи даются по тексту издания: История великого учителя Товмы, написанная вардапетом Киракосом Банасером (Словесником) // Армянские жития и мученичества V — XVII вв. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994.
2. *Давид* — имеется в виду великий армянский философ V — VI веков Давид Анахт.
3. То есть «Искусства грамматики» Дионисия Фракийского.
4. То есть «Определений философии» Давида Анахта.
5. Имеется в виду знаменитое сочинение Порфирия «Введение в «Категории» Аристотеля» — один из самых распространенных и обсуждаемых в эпоху средневековья логических трактатов.
6. «Категории» — одно из основных логико-философских сочинений Аристотеля.
7. «Пери армениас», или «Об истолковании» — логическое сочинение Аристотеля.
8. «О мире» — сочинение Псевдо-Аристотеля, приписываемая средневековыми армянскими авторами самому Аристотелю.
9. «О добродетели» — сочинение Псевдо-Аристотеля.
10. «Тонкие сочинения» — философско-богослвские произведения и их толкования.
11. Имеется в виду Татевский монастырь.
12. Имеется в виду Григор Татеваци.
13. Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: **Товма Мецопеци**. История Тимур-ленга и его преемников. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К. С. Тер-Давтян. Ер., 2005.
14. Имеются в виду Есаи Ничеци — ректор Гладзорского университета и известный вардапет Тиратур, у которого Ованес Воротенци после смерти Ничеци продолжил учебу.
15. То есть Ованес Воротнеци.
16. *Ерынджак* — один из гаваров Сюникской области, где находился один из центров армянских католиков-униторов. Ныне в пределах Нахичевана.
17. *Арчеш* — город на берегу Ванского озера в Туруберанской области, крупный центр средневековой армянской культуры. Так назывались и прилегающие к городу территории.

18. *Георг Ламбронаци* и *Аристакес* — видные деятели средневековой армянской книжности. Их работы по искусству письма использовались в школах и университетах в качестве практических руководств.

АМИРДОВЛАТ АМАСИАЦИ

1. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Амирдовлат Амасиаци.** Ненужное для неучей / Перевод с арм. я зыка и комм. Ст. Варданян. Данный труд по лекарствоведению писался в течение 1478 — 1482 годов и представляет собой словарь на пяти языках. Автора отличает широчайшая эрудиция, знание учений великих врачей прошлого и богатейший опыт врача-периодевта.
2. *Мхитар* — то есть Мхитар Гераци.
3. *Агарон* — знаменитый армянский врач из Эдессы (XII в.).
4. *Степанос* — сын Агарона, ученик и последователь Мхитара Гераци, автор медицинского труда «Цагик», написанный в 1232 году.
5. *Ашхарабар* — разговорный армянский язык.
6. *Татчики* — то есть турки.
7. Фрагменты из произведения даются по тексту издания: **Амирдовлат Амасиаци**. Польза медицины / Изд. Ст. Малхасянц. Ер., 1940. На среднеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОСВЕЩЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В АРМЕНИИ В XVII – XVIII ВЕКАХ ПАМЯТНИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ

АРАКЕЛ ДАВРИЖЕЦИ

1. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Аракел Даврижеци.** Книга истории / Пер. с арм. Л. Х. Ханларян. М., 1973. Труд был завершен в 1662 году. Автор ис-

пользовал богатейший материал: памятные записи рукописей, исторические хроники, лапидарные надписи, письма, циркулярные послания, рассказы очевидцев, содержащие также достоверные сведения по истории соседних стран и народов — Грузии, Турции, Ирана и др., что обусловило неослабный интерес исследователей к этому памятнику. «Книга историй» переведена на русский, французский, польский, частично — на грузинский языки.

2. *Багеш* — ныне город Битлис в Турции.
3. Имеется в виду главный труд Давида Анахта «Определения философии».
4. Речь идет о знаменитом «Введении» Порфирия.
5. *Лим* — небольшой остров в восточной части озера Ван, на котором располагался монастырь Лим.
6. «Категории», «Пэри армениас» (или «Об истолковании»), «Аналитики» — сочинения Аристотеля; «О мире», «О добродетели» — сочинения Псевдо-Аристотеля.
7. Имеется в виду «Грамматические искусство» Дионисия Фракийского, переведенное на армянский язык грекофильской школой во второй половине V века.
8. Речь идет о «Книге Логики» крупного философа, педагога и общественного деятеля Симеона Джугаеци (1-я пол. XVII в.), дважды переведенной на грузинский язык.
9 Даврижеци имеет ввиду «Начала теологии» знаменитого греческого философа-неоплатоника V века Прокла Диодоха.
10 Симеон Джугаеци отредактировал армянский перевод, сделанный с грузинского еще в XIII веке и написал пространные оригинальные толкования к тексту. Через столетие труд Прокла вместе с толкованиями Джугаеци был повторно переведен на грузинский язык.

СТЕПАНОС ЛЕХАЦИ

1. *Лехаци* — то есть Польский. Другой его литературный псевдоним — Львовеци или Иловаци.
2. «Великое зерцало» — сборник нравоучительных рассказов, опубликованный в 1481 году на латинском языке. В начале XVII века он был переведен на польский язык, с которого и был сделан армянский перевод (1651 г.). Уже в 1702 году сборник был издан типографским способом. Степанос Леха-

ци перевел главным образом те рассказы, в которых подвергаются критике нравы феодального общества (см.: **К. Тер-Давтян.** К вопросу армянского перевода «Великого зерцала» // Вестник общ. наук, 1981, № 10. На арм. яз.

3. Ареопагитский корпус вместе с комментариями Максимоса впервые был переведен с греческого языка на армянский еще в 716 — 717 годах Степаносом Сюнеци. К XVII веку данный перевод устарел и стал труднопонятным. Учитывая значимость этого философского труда как в научном, так и образовательном плане Степанос Лехаци предпринимает второй перевод, но уже с латинского, дополнив новыми комментариями, почерпнутыми из других источников.
4. Перевод «Метафизики» на армянский является третьим по счету переводом этого труда после арабского и латинского.
5. Сочинение Иоанна Английского впервые было переведено на армянский еще в 1337 году Акопом Кырнеци.
6. Фрагменты из произведения приводятся по тексту рукописи Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца № 1756. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ЗАКАРИЙ КАНАКЕРЦИ

1. *Ованнаванский монастырь* — один из известных монастырей средневековой Армении.
2. Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Закарий Канакерци.** Хроника / Пер. с арм. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969. Впервые была издана на языке оригинала в Вагаршапате (1870 г.), а в 1876 году переведена на французский язык.
3. *Шах-Аббас II* (1587 — 1629 гг.) — персидский шах.
4. Армянская типография в Новой Джуге была основана в 1639 году епископом Новой Джуги вардапетом Хачатуром Кесареци, которая явилась первой типографией на территории Ирана.

МХИТАР СЕБАСТАЦИ

1. Перед конгрегацией стояла сложная задача: необходимо было с одной стороны учитывать позицию Римской като-

лической церкви, а с другой — интересы армянского народа. Мхитар Себастаци выдвинул идею, согласно которой католичество не является препятствием на пути служения своему народу, национальной культуре, а это, в свою очередь, не может противоречить интересам католичества, Эта идея стала теоретической и политической установкой, определяющей научно-просветительскую деятельность конгрегации Мхитаристов и многих деятелей армянской культуры.

2 Были изданы труды всех крупных представителей средневековой армянской письменности — Агатангелоса, Фавстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, Корюна, Езника Кохбаци, Егишэ, Лазаря Парбеци, Ована Мандакуни, Давида Анахта, Григора Нарекаци, Нерсеса Шнорали и др. Из изданных памятников греко-римской и западно-европейской классической литературы следует отметить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, 6 томов «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Воспитание Кира» («Киропедию») Ксенофонта, сочинения Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия, трагедии Софокла, басни Эзопа, «Божественную комедию» Данте Алигьери, «Потерянный рай», Мильтона, «Манфред» Байрона, трагедии Расина и Корнеля и многие др.

3 Фрагменты из произведения приводятся по тексту издания: **Мхитар Себастаци.** Введение в грамматику ашхарабара армянского языка. Венеция, 1727. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

4 Отрывки из произведения приводятся по тексту издания: **Мхитар Себастаци.** Словарь армянского языка. Т. I. Венеция, 1749. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

МИКАЭЛ ЧАМЧЯН

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Микаэл Чамчян.** История Армении. Т. I. Венеция, 1784. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
2. Отрывки из учебника приводятся по тексту издания: **Микаэл Чамчян.** Грамматика армянского языка. Венеция, 1779. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

ПАЛТАСАР ДПИР

1. *Дпир* — в переводе с армянского — книжник, псаломщик, дьяк. Современники именовали его также «философом», «великим грамматиком», «учителем учителей», «знаменитым историком», «ментором» издательского дела. Сам Палтасар Дпир часто называл себя Кесараци (по месту рождения), Константинополсеци (по месту учебы и деятельности). Григорян (по отцу).
2. Фрагменты из учебника приводятся по тексту издания: **Палтасар Дпир.** Краткое и легкодоступное толкование грамматики для обучающихся искусству письма новичков. Константинополь, 1736. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.
3. Четверостишия и двустишия даются по тексту издания: **Палтасар Дпир.** Стихотворение / Изд. Ш. Казарян. Ер., 1985. На древнеарм. яз. Перевод К. А. Мирумяна.

СУДЕБНИК АСТРАХАНСКИХ АРМЯН

1. Отрывки из судебника приводятся по тексту издания: Судебник астраханских армян XVIII в. //Р. Авакян. Памятники армянского права. Ер., 2000. (Перевод М. Дарбинян-Меликян).
2. Речь идет о знаменитом кодексе византийского императора Юстиниана I Великого (527 — 562 гг.).

ОВСЕП (ИОСИФ) ЭМИН

1. Армяне проживали в Калькутте еще в начале XVII века, то есть задолго до появления там англичан. Их «справедливо рассматривают даже, как одних из основателей этого города» (см. например: **Иоаннисян А. Р.** Иосиф Эмин. Ер., 1989. С. 13). В середине XVIII века в городе существовала большая армянская колония, игравшая важную роль в политической и экономической жизни города.
2. *Эдмунд Берк* (1729 — 1797 гг.) — знаменитый английский публицист и политический деятель, один из образованных

людей того времени. Его труды сыграли существенную роль в становлении эстетики романтизма. В начальный период своей жизни он выражал взгляды либеральной аристократии, а к концу жизни его политические взгляды, якобы, приобрели реакционный характер. Идеи именно молодого Э. Берка оказали влияние на Эмина. Более того, по его просьбе Эмин переписал рукописи двух трактатов — «Оправдание естественного общества» и «Происхождение наших идей о возвышенном и прекрасном» (1757 г.).

3. *Лорд Нортумберленд* — широко образованный человек, большой ценитель искусств и древностей, граф, герцог, один из ближайших советников короля Георга III и один из могущественных меценатов Эмина.
4. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Жизнь и приключения Овсепа Эмина / С англ. оригинала пер. Г. Хашманян. Бейрут, 1958. На западноарм. яз. Перевод на русский язык К. А. Мирумяна. Впервые автобиография была издана на английском языке в Лондоне в 1792 году, а в 1918 году она была переиздана его правнучкой в Калькутте, дополнившей издание сохранившимися письмами Эмина на английском языке. С этого издания и выполнен перевод Г. Хашманяна.
5. Во время знакомства с лордом Нортумберлендом Эмин рассказал историю своей жизни, о цели приезда в Англию, после чего лорд попросил его изложить это в письменном форме, что и предпринял Эмин в данном пространном послании, написанном в 1755 году. Оно было размножено и распространено в кругах высшего лондонского общества, вызвав большой интерес, в том числе и у сына короля герцога Кумберлендского, выразившему желание покровительствовать Эмину и устроить его в королевскую военную академию.
6. *Черные армяне* — то есть карабахские (арцахские) армяне.
7. По мнению исследователей письмо адресовао премьер-министру Англии У. Питту.
8. Письмо было написано на армянском, а затем переведено на английский язык.
9. Данное письмо также было написано на армянском языке. В нем Эмин стремится убедить картлийского царя Ираклия II принять на службу для обучения его войск по правилам

европейского военного искусства, чтобы объединенными армяно-грузинскими войсками освободить Армению и создать единое государство в форме просвещенной монархии.

10. Во время поездки по Армении Эмин встречался с народом, беседовал на жизненно важные темы, пропогандировал просветительские и освободительные идеи.
11. *Аван* — один из могущественных армянских меликов — князей Карабаха.

МОВСЕС БАГРАМЯН

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Новая книга, называемая Увещеванием. Мадрас, 1772. На арм. яз. Перевод К. А. Мирумяна. Хотя на титульном листе книги значится 1772 год, однако печатание ее завершилось в начале 1773 года.

ШААМИР ШААМИРЯН

1. Полное название Устава — «Книга, называемая наставление» (Мадрас, 1783).
2. Отрывки из произведения даются по тексту издания: **Шаамир Шаамирян**. Книга, называемая «Западня честолюбия» // Р. Авакян. Памятники армянского права. Ер., 2000.

ПЕТРОС КОНСТАНТИНОПОЛСЕЦИ

1. Отрывки из произведения даются по тексту издания: Книга о добропорядочном поведении. Триест, 1786. На арм. яз. Пер. К. А. Мирумяна.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

а) Рукописи

Институт древних рукописей-Матенадаран им. Месропа Маштоца. Фонд древнеармянских манускриптов. Рукописи №№ 573, 640, 732, 1115, 1142, 1666, 1756, 2184, 2595, 2680, 2711, 5259, 5596, 5707, 5869, 6049, 6453, 7359, 7823.

б) Издания текстов и научных переводов:

1. **Авакян Р.** Памятники армянского права. Ер., 2002.
2. **Абгарян Г. В.** Дидактическая поэма Карапета Випоха // Вестник Ереванского Университета, 1986, 3. На арм. яз.
3. **Агатангелос.** История Армянии / Пер., вступит. статья и примеч. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер., 2005.
4. **Адонц Н**. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915. На древнеарм. яз.
5. **Акоп Крымеци.** Календароведческие труды / Подг. текста Дж. А. Эйнатян. Ер., 1987. На древнеарм. яз.
6. **Аль-Истахрий.** Из книги путей царств // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Вып. 29. Тифлис, 1901.
7. **Амирдовлат Амасиаци.** Польза медицины / Изд. Ст. Малхасянц. Ер., 1940. На древнеарм. яз.
8. **Амирдовлат Амасиаци.** Ненужное для неучей / Пер. с арм. яз. и комм. Ст. Варданян. М., 1990.
9. **Анания Нарекаци.** О толковании чисел // Журнал «Арарат», 1914. На древнеарм. яз.
10. **Анания Ширакаци.** Космография / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер., 1962.
11. «Армянская География VII века» / Текст и пер. К. Патканова. СПБ., 1877.
12. **Анания Ширакаци**. Автобиография / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.»). СПБ., 1877.

13. **Анания Ширакаци**. Труды Анания Ширакаци. / Изд. и иссл. А. Г. Абрамян. Ер., 1944. На древнеарм. яз.
14. **Анания Ширакаци** . Задачи и решения вардапета Анания Ширакаци, армянского математика VII в. Пер. И. А. Орбели — Пг., 1918.
15. Анонимное Толкование «Категорий» Аристотеля / Пер. с древнеарм. С. С. Аревшатяна. Ер., 1961.
16. Антология армянской поэзии. С древнейших времен до наших дней / Под ред. С. С. Арутюняна и В. Я. Кирпотина. — М., 1940.
17. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. Раздел «Армения». / Сост., пер. с древнеарм. и вступ. статьи С. С. Аревшатяна. М., 1969.
18. **Аппиан.** Митридатовы войны // ВДИ, N4, 1946 (пер. С. П. Кондратьева).
19. **Аракел Даврижеци.** Книга историй / Пер. с арм., предисл. и комм. Л. Х. Ханларян. М., 1973.
20. **Аракел Сюнеци.** Анализ «Определений [философии] Давида», непобедимого философа. Мадрас, 1777. На древнеарм. яз.
21. **Аристакэс Ластивертци.** Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Пер. с древнеарм. К. Н. Юзбашяна. М., 1968.
22. **Армянские жития и мученичества /** Пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1994.
23. Армянская классическая лирика. Т. I / Вступ. статья, сост. и прим. Л. Мкртчяна. Ер., 1977.
24. Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. Ер., 1964. На древнеарм. яз.
25. Армянская средневековая лирика / Сост. Л. М. Мкртчян. Л., 1972.
26. **Асохик**. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. и объясн. Н. Эмина. М., 1864.
27. **Арутюнян Н. В.** Новые урартские надписи Кармир-блура. Ер., 1966.
28. **Багдасарян Э. М.** Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. / Исслед. и тексты. Ер., 1977. На древнеарм. яз.
29. **Бартикян Г. И.** Источники для изучения истории павликианского движения. Ер., 1961.
30. Басни средневековой Армении. / Пер. с арм. И. А. Орбели, Ер., 1982.

31. **Ваграм Рабуни.** Анализ "Категорий" Аристотеля / Пер. с древнеарм. Г. О. Григоряна. — Ер., 1967.
32. **Ваграм Рабуни.** Речь Ваграма Рабуни при коронации Левона III царем Киликии // Журн. «Арарат», 1868, № 7 и 12, 1869, № 1-5. На древнеарм. яз.
33. **Вардан Аревелци.** Толкование грамматики. / Изд. Л. Хачерян. Ер., 1972. На древнеарм. яз.
34. **Вардан Великий.** Всеобщая история Вардана Великого. / Пер. и прим. Н. Эмина. М., 1861.
35. **Григор Магистрос**. Письма. / Изд. К. Костанянца. Александрополь,1910. На древнеарм. яз.
36. **Григор Магистрос**. Толкование грамматики // **Адонц Н**. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915. На древнеарм. яз.
37. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Летний том. Константинополь, 1741. На древнеарм. яз.
38. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Зимний том. Константинополь, 1740. На древнеарм. яз.
39. **Григор Татеваци**. Книга вопрошений. Константинополь, 1729. На древнеарм. яз.
40. **Григор Татеваци.** Толкование притчей Соломоновых. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатяна. Ер., 1999.
41. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов / Изд. А.Кошкерян. Ер., 1993. На древнеарм яз.
42. **Григор Татеваци.** Толкование Песни песен / Пер. с древнеарм.. и примечания Х. Григоряна. Ер., 2005. На арм.яз.
43. **Григор Нарекаци.** Книга скорбных песнопений./ Пер. с древнеарм. и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева. М., 1988.
44. **Давид Анахт.** Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С. С. Аревшатяна. М., 1980.
45. **Давид Анахт.** Философские произведения / Изд. С. С. Аревшатяна. Ер., 1980. На древнеарм. яз.
46. **Давид Керакан**. Толкование грамматики. / Изд. Г. Джаукян // Вестник Матенадарана. Т. 3. Ер., 1956. На древнеарм. яз.
47. Давид Сасунский / Пер. с арм. В. В. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Липскерова, С. В. Шервинского. Ер., 1979.

48. **Егишэ.** О Вардане и о войне Армянской / Пер. с древнеарм. И. А. Орбели. Подг. к изд., предисл. и примеч. К. Н. Юзбашяна. Ер., 1971.
49. **Езник Кохбаци**. Опровержение лжеучений. Тифлис, 1914. На древнеарм. яз.
50. **Закарий Канакерци.** Хроника / Пер. с арм., предисл. и комм. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969.
51. **Иованнес Драсханакертци**. История Армении. / Пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. М.О. Дарбинян-Меликян. Ер., 1986.
52. **Иоанн Воротнеци**. Анализ «Категорий» Аристотеля. / Сводный текст, предисл. и примеч. В. К. Чалояна. / Пер. А. А. Адамяна и В. К. Чалояна. Под ред. С. С. Аревшатяна. Ер., 1956.
53. **Иосиф (Овсеп) Эмин**. Жизнь и приключения Овсепа Эмина / С англ. оригинала пер. Г. Хашманян. Бейрут, 1958. На западноарм. яз.
54. Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию. Соборное послание Католикоса Армянского ко всему армянскому народу / Пер. с древнеарм. А. Худобашева. СПб., 1847.
55. Источники по истории высших школ средневековой Армении (XI — XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит, статьи и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ер., 1983.
56. Каноны св. Двинского собора / Пер. С. К. Аревшатяна. // Вестник Матенадарана. Т. 6. Ер., 1962.
57. **Карапет Випох.** В назидание ученикам / Изд. Г. В. Абгарян // Вестник Ереванского университета, № 3, 1986. На древнеарм. яз.
58. **Киракос Гандзакеци.** История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 197б.
59. **Книга хрий /** Критич. текст, предисл. и комм. Гоар Мурадян. Ер., 1993. На древнеарм. яз.
60. **Костандин Ерзынкаци.** Утренний свет: Стихи / Сост. Л. М. Мкртчян. Ер., 1981.
61. **Корюн**. Житие Маштоца / Пер. с древнеарм. на рус. Ш.В.Смбатяна, К. А. Мелик-Оганджаняна. Ер., 1981.
62. **Ксенофонт.** Киропедия // **Ксенофонт.** Сократические сочинения. М., 2003.
63. **Ксенофонт.** Анабасис / Пер., статья и прим. М. И. Максимовой. М.-Л., 1951.

64. **Лазар Парбеци**. История Армении. Письмо Ваану Мамиконяну/Критич. текст Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца. Пер. на совр. арм. и примеч. Б. Улубабяна. Ер., 1982.
65. **Марко Поло**. Книга / Пер. старофранц. текста И. П. Михаева. Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. М., 1956.
66. **Мастера искусства об искусстве**. Т. 6. М., 1969.
67. **Маттеос Урхаеци**. Хронография. Вагаршапат, 1898. На древнеарм. яз.
68. **Меликишвили Г. А.** Урартские клинообразные надписи. М.,1960.
69. **Микаэл Чамчян.** История Армении. Т. I — III. Венеция, 1784 — 1786. На древнеарм. яз.
70. **Микаэл Чамчян.** Грамматика армянского языка. Венеция, 1779. На древнеарм. яз.
71. **Мнацаканян А. Ш.** Армянские средневековые загадки (V — XVIII вв.). Ер., 1980. На древнеарм. яз.
72. Многовещательные речи / Изд. А. Тер-Микеляна. Эчмиадзин, 1894. На древнеарм. яз.
73. **Мовсес Баграмян.** Новая книга, называемая Увещеванием. Мадрас, 1772. На древнеарм. яз.
74. **Мовсэс Каланкатуаци.** История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш. В. Смбатяна. Ер., 1984.
75. **Мовсес Хоренаци.** История Армении Моисея Хоренского. / Новый пер. Н. О. Эмина. М., 1893.
76. **Мовсес Хоренаци.** История Армении. / Пер. с древнеарм. яз., введение и прим. Г. Саркисяна. Ер., 1990.
77. Музыкальная эстетика стран Востока. / Раздел «Армения». Сост. и пер. с древнеарм. С. С. Аревшатяна; вступ. статья С. С. Аревшатяна и Н. К. Тагмизяна. М., 1967.
78. **Мхитар Гераци.** Утешение при лихорадках / Изд. 2-е, доп. Ер., 1968.
79. **Мхитар Себастаци.** Введение в грамматику ашхарабара армянского языка. Венеция, 1727. На древнеарм. яз.
80. **Мхитар Себастаци.** Грамматика языка грабар армянского народа. Венеция, 1730. На древнеарм. яз.
81. **Мхитар Себастаци.** Словарь армянского языка. Т. I. Венеция, 1749. На древнеарм. яз.
82. **Мхитар Гош.** Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А. А. Паповяна; ред., вступ., статья и примеч. Б. М. Арутюняна. Ер., 1954.

83. Назидательные басни и стихотворения, написанные нашими предками в назидание любознательным отрокам. Венеция, 1790. На древнеарм яз.
84. Наставления добропорядочного поведения. [Петрос Константинополсеци]. Триест, 1786. На арм. яз.
85. **Нерсес Ламбронаци.** Речи Нерсеса Ламбронаци. Венеция, 1812. На древнеарм. яз.
86. **Нерсес Ламбронаци.** Речи и письма Нерсеса Ламбронаци. Венеция, 1838. На древнеарм. яз.
87. **Нерсес Ламбронаци.** Послание Нерсеса Ламбронаци... царю Левону. Венеция, 1865. На древнеарм. яз.
88. **Нерсес Ламбронаци.** Размышления о церковных порядках. Венеция, 1847. На древнеарм. яз.
89. **Нерсес Ламбронаци.** Синодальное слово Нерсеса Ламбронского, архиепископа Тарсийского // Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859 — 1882 гг.). М., 1897.
90. **Нерсес Шнорали.** Соборное послание Нерсеса Шнорали / Текст, вступит. статья и прим. Э. М. Багдасаряна. Ер., 1995.. На древнеарм. яз.
91. **Нерсес Шнорали.** Поэтические произведения Нерсеса Шнорали — армянского католикоса. Венеция, 1928. На древнеарм. яз.
92. **Ованес Саркаваг Имастасер.** Труды Ованеса Имастасера. / Изд. и иссл. А. Г. Абрамян. Ер., 1956. На древнеарм. яз.
93. **Ован Мандакуни.** Речи Ована Мандакуни, армянского католикоса. Венеция, 1836. На древнеарм. яз.
94. **Ован Одзнеци Имастасер.** Сочинения. Венеция, 1833, 1834, 1883. На древнеарм. яз.
95. **Ованнес Одзнеци.** Сочинения. / Пер. с древнеарм., предисл. и прим. В. Амбарцумяна. Ер., 1999. На арм. яз.
96. **Палтасар Дпир.** Краткое и легкодоступное толкование грамматики для обучающихся искусству письма новичков. Константинополь, 1736. На древнеарм. яз.
97. **Палтасар Дпир.** Стихотворения / Изд. Ш. Казарян. Ер., 1985. На древнеарм. яз.
98. Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 1/ Пер. и комм. В. О. Горенштейна. М. — Л., 1949.
99. **Плутарх**. Сравнительные жизнеописания. М., 1999.
100. Поэзия Армении. / Под ред. В. Брюсова. М., 1916.

101. **Себеос.** История епископа Себеоса. /Пер. с четв. исправл. арм. издания Ст. Малхасянц. Ер., 1939.
102. **Смбат Спарапет.** Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля) / Пер. со среднеарм. А. Г. Сукиасяна. Ер., 1971.
103. **Степанос Орбелян**. История Сюника /Пер., предисл. и примеч. А. А. Абрамяна. Ер., 1986. На арм. яз.
104. **Страбон**. География. / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
105. **Товма Арцруни**. История дома Арцруни. / Критич. текст, перевод на арм. и примеч. В. М. Варданяна. Ер., 1985. На древнеарм. яз.
106. **Товма Мецопеци**. История Тимурленга и его преемников / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К. С. Тер-Давтян. Ер., 2005.
107. Установления и каноны св. Церкви, принятые армянскими вардапетами в дополнение и подтверждение апостольских и никейских канонов / Пер. С. Аревшатяна // Историко-филологический журнал, 1959, № 2 — 3.
108. **Фавстос Бузанд.** История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворкяна. Ер., 1953.
109. Фрагменты трудов Анания Ширакаци. / Изд. К. Патканяна. СПБ., 1877. На древнеарм. яз.
110. **Шаамир Шаамирян.** Книга, называемая «Западня честолюбия». Тифлис, 1913. На древнеарм. яз.

Остальная литература

111. **Абегян М.** История древнеармянской литературы. Ер., 1975.
112. **Абегян М.** Месроп Маштоц и создание армянского алфавита и письменности. // **Корюн**. Житие Маштоца. Ер., 1981. На арм., рус. и англ. языках.
113. **Абрамян А. Г.** Труды Ованеса Имастасера. Ер., 1956. На арм. яз.
114. **Абрамян А. Г.** Гладзорский университет. Ер.,1983. На арм. и рус. яз.
115. **Абрамян А. Г., Петросян Г. Б.** Анания Ширакаци. Ер., 1970.
116. **Адамян А. А.** Эстетические воззрения средневековой Армении. Ер., 1955.

117. **Акинян Н.** Нерсес Ламбронаци. Вена, 1956. На арм. яз.
118. **Акинян Н.** Классический период древнеармянского языка. Вена, 1932. На арм. яз.
119. **Акопян А. Л.** Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ер., 1987.
120. **Алишан Г.** Ованес Саркаваг вардапет // «Базмавеп», 1947. На арм. яз.
121. **Алишан Г.** Памятники страны Армянской. Т. 2. Венеция, 1870. На арм. яз.
122. **Алишан Г.** Айапатум: История и историки Армении. Венеция, 1901. На арм. яз.
123. **Алпояджян А**. История армянской школы. Ч. 1. Каир, 1946. На арм. яз.
124. **Аревшатян С. С.** Формирование философской науки в древней Армении (V — VI вв.). Изд. 2-е. Ер., 2016.
125. **Аревшатян С. С.** К истории философских школ средневековой Армении. Ер., 1980.
126. **Аревшатян С. С., Матевосян А**. **С.** Гладзорский университет — центр просвещения средневековой Армении. Ер., 1984.
127. **Аревшатян С. С.** Философское наследие Давида Анахта // **Давид Анахт**. Философские произведения. Ер., 1980. На арм. яз.
128. **Аревшатян С. С., Мирумян К. А.** История армянской философии. Древний период и раннее средневековье. Ер., 2007. На арм. яз.
129. **Болтунова А. И.** Греческие надписи Армавира // Известия Армфана СССР. 1942, № 1—2.
130. **Борисов А. Я.** Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении // Вестник Древней Истории. 1946. № 2.
131. **Брюсов В.** Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк // Поэзия Армении. / Под ред. В. Брюсова. Ер., 1916.
132. **Брюсов В.** Летопись исторических судеб армянского народа // Брюсов и Армения: в 2-х кн. Кн. I. Ер., 1989.
133. **Варданян С. А.** Амирдовлат Амасиаци — армянский естествоиспытатель и врач XV в. М., 1987.
134. Видные деятели армянской культуры (V — VIII века). Ер., 1982.
135. **Габриэльян Г. Г.** История армянской философии. Ер., 1972.

136. **Галемкерян Г.** Сюникская школа. Степанос Сюнеци // «Татев». Константинополь, 1910. На арм. яз.
137. **Гамкрелидзе Т.** Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989. На груз. яз. (Пространное резюме на русском яз.).
138. **Геворкян А. Ц.** Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ер., 1980.
139. **Дьяконов И. М., Старкова К. Б.** Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении // Вестник Древней Истории, 1955, № 2.
140. **Еремян С.** Т. Характеристика эпохи // Культура раннефеодальной Армении: IV—VII вв. Ер., 1985.
141. **Еремян С. Т.** Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху //«Известия» АН АрмССР, 1948. № 1..
142. **Зарбаналян Г**. Библиотека древнеармянских переводов. Венеция, 1889. На арм. яз.
143. **Зарбаналян Г**. История древней армянской литературы. Венеция, 1894. На арм. яз.
144. История армянского народа. Т. I—VIII. Ер., 1971—1984. На арм. яз.
145. История древнего мира. Ч. 2. М., 1982.
146. История отечественной математики. Т.I. Киев, 1966.
147. **Иоанн Крымский**. архимандрит. Описание монастырей Ахпатского и Санаинского. /СПб., 1863.
148. **Иоаннисян А. Р.** Иосиф Эмин. Ер., 1989.
149. **Кеджори Ф.** История элементарной математики. Одесса, 1917.
150. **Кедров Б.** М. Классификация наук. Т. 1. М.,1961.
151. **Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф.** История педагогики. Изд. 5-е. — М., 1982.
152. Культура Византии (IV — первая пол. VII в.). М., 1984.
153. Культура раннефеодальной Армении: IV—VII вв. Ер., 1985.
154. **Мадоян А. Г.** Аракел Сюнеци. Поэт. Ер., 1987. На арм. яз.
155. **Манандян Я.** Тигран II и Рим // Труды. Т. I. Ер., 1977. На арм. яз.
156. **Манандян Я.** О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.) // Труды. Т. VI. Ер., 1985.
157. **Манандян Я**. Грекофильская школа и этапы ее развития. Вена, 1928. На арм. яз.

158. **Мартиросян А. А.** Маштоц. Ер., 1988.
159. **Мартиросян А.** Наука начинается в первобытности. Ереван, 1978. На арм. яз.
160. **Марр Н.** Сборники притч Вардана. Ч. 1. Исследование. СПб., 1899.
161. **Марр Н.** Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934.
162. **Марр Н.** Кавказский культурный мир и Армения. Пгр., 1915.
163. **Матевосян А. С.** «Кнникон» Анания Ширакаци // Вестник общ. наук АН Арм. ССР, 1974, № 7. На арм. яз.
164. **Матевосян А. С.** Скрипторий Мецопского монастыря. Ер., 1997. На арм. яз.
165. **Микаелян Г.** История Киликийского армянского государства. Ер., 1952.
166. **Мирумян К. А.** Мировоззрение Ованеса Саркавага. Ер., 1984. На арм. яз.
167. **Мирумян К. А.** Школа, просвещение и педагогическая мысль в Армении // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.
168. **Мирумян К. А.** Культурная самобытность в контексте национального бытия. К формированию политической концепции культуры в Армении. Ер., 1994.
169. **Мирумян К. А.** Анания Ширакаци: великий ученый, философ, педагог Ер., 2012.. На арм. яз.
170. **Мирумян К. А.** Становление естественнонаучной мысли в Армении. Ер., 1991.
171. **Мирумян К. А.** Изобретение армянских письмен как фактор борьбы за культурную самостоятельность и национальную безопасность // Образование в Арцахе 405 — 2005 гг. Ер., 2005.
172. **Мирумян К. А.** О роли системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского Высокого средневековья // Вестник Российско-Армянского Университета. № 2. Ер., 2011.
173. **Мирумян К. А.** Педагогическая концепция Ованнеса Саркавага Имастасера // Философия в современном мире. Кн. VI. Ер., 2016.
174. **Мирумян К. А.** Анания Ширакаци как ученый и педагог // СОТИС. № 1. М., 2017.

175. **Мирумян К. А.** Школьно-образовательная система в раннесредневековой Армении как фактор национальной политики // Вестник Российско-Армянского Университета. № 2. Ер., 2017.
176. **Мирумян К. А.** Учебно-образовательная концепция Григора Магистроса // Философия в современном мире. Кн. VII. Ер., 2017.
177. **Мирумян К. А.** «Встреча культур» и проблема национальной идентичности // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Ер., 2017.
178. **Мнацаканян А. Ш.** Армянские средневековые загадки (V — XVIII вв.). Ер., 1980. На арм. яз.
179. **Мовсесян А. Х.** Очерки по истории армянской школы и педагогики. Ер., 1958. На арм. яз.
180. **Мовсесян А. Х.** Из истории армянской школы и педагогики. Ер.,1968.
181. Образование в Арцахе: 405 — 2005. Ер., 2005.
182. **Овсепян Г.** Жизнь Товмы Мецопеци. Вагаршапат, 1914. На арм. яз.
183. **Овсепян Г**. Хахбакяны или Прошяны в армянской истории. Антилиас, 1969. На арм. яз.
184. **Овсепян Г**. Мхитар Саснеци. Вагаршапат, 1889. На арм. яз.
185. **Оганесян Л**. А. История медицины в Армении. Т. I—V. Ер., 1946 — 1948..
186. **Орбели И. А.** Избранные труды. Т. I. М., 1968.
187. **Рабинович В.** Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991.
188. **Самвелян Х.** Древнеармянская культура. Т. I—II. Ер., 1931 — 1941. На арм. яз.
189. **Самодурова З. Г.** Школы и образование // Культура Византии (IV — первая пол. VII в.). М., 1984.
190. **Сардарян С. А.** Первобытное общество в Армении.Ер., 1967. На арм. яз.
191. **Симонян П. Р.** Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. Ер., 1971. На арм. яз.
192. **Срапян А.** Ованнес Ерзынкаци Плуз. Жизнь и учение. Ер., 1993. На арм. яз.
193. **Тамразян Г. Г.** Анания Нарекаци. Жизнь и литературное наследие. Ер., 1986. На арм. яз.
194. **Тер-Давтян К.** К вопросу армянского перевода «Великого зерцала» // Вестник общ. наук, 1981, № 10. На арм. яз.

195. **Тер-Минасян Е.** Монастыри Ахпата и Санаина (967 — 1300) //«Арарат», 1901. На арм. яз.
196. **Тер-Минасян Е.** Ахпатская школа и вардапет Ованес Саркаваг вардапет // Журнал «Арарат», 1901. На арм. яз.
197. **Тер-Мовсесян М.** История перевода Библии на армянский язык. СПб., 1902.
198. **Тер-Петросян Л.** Древнеармянская переводная литература. Ер., 1984.
199. **Тирацян К. А.** Культура древней Армении: VI в. до н. э. — III в. н. э. Ер., 1988.
200. **Тревер К. В**. Очерки по истории культуры Древней Армении. М.-Л., 1953.
201. **Фаррар Ф. В.** Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви / Пер. с англ. А. П. Лопухина. Т. I. СПБ., 1891.
202. **Феттер П.** Арменоведческие исследования. Вена, 1895. На арм. яз.
203. **Фигуровский Н. А.** Алхимия // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 2.
204. **Хачерян Л.** Г. Гладзорский университет в развитии армянской педагогической мысли. Ер., 1973. На арм. яз.
205. **Хачикян Л. С**. Артазское армянское княжество и Цорцорская школа // Вестник Матенадарана. Т. II. Ер., 1973. На арм. яз.
206. **Хачикян Л. С**. Памятные записи армянских рукописей XV века. Ч. I. Ер., 1955. На арм. яз.
207. **Хачикян Л. С**. Кырнайский духовно-культурный центр и научная деятельность Ованеса Кырнеци // **Ованес Кырнеци**. О грамматике. Ер., 1977. На арм. яз.
208. **Чалоян В. К.** Армянский Ренессанс. М., 1963.
209. **Чалоян В. К.** Развитие философской мысли в Армении (Древний и средневековый период). М., 1974.
210. **Эйнатян Дж. А.** Акоп Крымеци — армянский календаровед и космограф XIV—XV вв. М., 1991.
211. **Эмин Н. О.** Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.). М., 1897.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 6
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ 10

Раздел первый
1. ВОСПИТАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА В ЯЗЫЧЕСКИЙ ПЕРИОД АРМЕНИИ 29

2. ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ 55

ИЗ УРАРТСКИХ КЛИНООБРАЗНЫХ НАДПИСЕЙ 55
«Надписи Менуа» 55
«Летопись царя Аргишти I» 55
«Надписи Сардури II, сына Аргишти» 56
«Надписи Аргишти II, сына Руса» 57
«Новые урартские надписи Кармир-Блура» 57
Древнейшие мифы (О Гайке, О Тигране) 59
Народный эпос «Персидская война» 63
Армянский народный героический эпос «Давид Сасунский» 66
Армянские народные сказки 70
Из армянских пословиц и поговорок 73

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТРУДОВ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ 78
Ксенофонт 78
«Киропедия» 78
Плутарх 86
«Сравнительные жизнеописания» 86

Раздел второй
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV–IX вв.)

1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ. СОСТОЯНИЕ ШКОЛЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСТИТАНИЯ 89

2. ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ *130*
Григор Лусаворич (Просветитель) *130*
«Каноны» *130*
Месроп Маштоц *131*
«Многовещательные речи» *134*
«История св. Патриарха Саака и Вардапета Маштоца» *137*
Саак Партэв *142*
«Каноны»..... *144*
Корюн *146*
«Житие Маштоца» *147*
Агатангелос *153*
«История Армении» *154*
Фавстос Бузанд *158*
«История Армении» *159*
Езник Кохбаци *165*
«Опровержение лжеучений», «Наставления» *168*
Егишэ *174*
«О Вардане и войне Армянской» *176*
Мовсес Хоренаци *179*
«История Армении» *182*
«Книга хрий», или «Книга полезных знаний» *188*
Ован Мандакуни *192*
«Речь о надзирании священников над народом» *193*
«О злословии и неосудимости (поведения) вардапетов» *194*
«Речь о безбожных пьяницах» *194*
«Речь о безбожных дьявольских театрах» *195*
Лазар Парбеци *198*
«История Армении» *200*
Давид Керакан (Грамматик) *205*
«Толкование Грамматики» *206*
Давид Анахт (Непобедимый) *209*
«Определения философии» *212*
«Анализ “Введения” Порфирия» *228*
«Толкование “Аналитики” Аристотеля» *235*
Аноним *238*
«Толкование “Категорий” Аристотеля» *239*

Анания Ширакаци *248*
«О жизни трижды блаженного вардапета Анания Ширакаци» *251*
«Космография» *253*
«Георафия» *260*
«Арифметические таблицы» *262*
«Арифметические задачи» *263*
«Занимательные задачи» *265*
Мовсес Каганкатваци *267*
«Истории страны Алуанк» *268*
Ованес Одзнеци (Имастасер) *271*
«Против павликиан» *272*
Степанос Сюнеци *274*
«Житие» *275*
Ованес Драсханакертци *276*
«История Армении» *277*
Товма Арцруни *280*
«История дома Арцруни» *281*

ДОКУМЕНТЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРОВ
«Шаапиванские каноны» *282*
«Канонический Устав Вачагана» *284*
«Каноны четвертого Двинского собора» *285*
«Каноны» Ованеса Имастасера *287*

Раздел третий
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ВОСПИТАНИЕ В АРМЕНИИ В ЭПОХУ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКЬЯ (X–XV вв.)

1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ. СОСТОЯНИЕ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ *288*

2. ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ *322*
Анания Нарекаци *322*
«Житие» *323*
«О толковании чисел» *324*

«Слово и назидание евангельское» 324
«О предостережении» 325
«О раскаянии и слезах» 325
Григор Нарекаци 326
«Книга скорбных песнопений» 328
Григор Магистрос 336
«Письмо владыке Петросу» 339
«Ученикам Барсегу и Егишэ относительно книг Аристотеля» 341
Письмо «Вардапету Саргису» 343
«Послание сыну», Письмо «Князю Ваграму» 343
Аристакэс Ластивертци 344
«Повествование» 345
Ованес Саркаваг Имастасер 347
«Слово о жизни и смерти блаженного мужа божьего саркавага» 350
«Против несведущих в древних учениях» 353
«О полигональных числах» 353
«О временах года» 354
«Толкование пятисотлетнего календарного круга» 354
«О римских месяцах» 355
«Письмо Саргису» 356
«Толкование Евагрия» 356
«Назидания отрокам» 357
«Слово мудрости» 358
«О назидании отроков» 359
Аноним 363
«Анализ "Семи книг" Филона Александрийского» 363
Маттеос Урхаеци 369
«Хронография» 370
Нерсес Шнорали 372
«История жизни св. Нерсеса» 374
«Соборное послание» 377
«Назидания обучающимся отрокам» 382
«Загадки» 383
«Плач об Эдессе» 384
Нерсес Ламбронаци 384
«Толкования» 386
«Размышления о церковных порядках» 388
«Письмо... царю Левону» 388

«Синодальное слово» *388*
Мхитар Гераци *390*
«Утешение при лихорадках» *392*
Мхитар Гош *396*
«Армянский Судебник» *398*
«Басни» *408*
Вардан Айгекци *411*
Басни *412*
Киракос Гандзакеци *414*
«История Армении» *416*
Вардан Великий (Аревелци) *422*
«Толкование грамматики» *423*
«Всеобщая история» *426*
Смбат Спарапет (Гундстабль) *427*
«Судебник» *428*
Ованнес Ерзынкаци (Плуз) *431*
«Всеобщие назидания» *433*
«Устав и каноны "Братства"» *434*
«Вновь каноны и назидания для отроков» *435*
«Толкование грамматики» *435*
«Книга речей» *437*
Из философско-нравоучительных изречений *437*
Ваграм Рабуни *438*
«Анализ "Категорий" Аристотеля» *440*
Из «Речи» *445*
Степанос Орбелян *446*
«История области Сисакан»(История Сюника) *447*
Фрик *450*
«К богатым» *451*
«Жалобы» *451*
«Колесо судьбы» *452*
Отрывки из других стихотворений *453*
Костандин Ерзынкаци *453*
«Иные злословят обо мне» *454*
«Наставление, нужное и полезное всем» *454*
«О невеждах, неправду говорящих» *455*
«Стихотворение, которое имеет двоякий смысл» *455*
«Слово того же Костандина» *456*
Ованес Воротнеци *456*
«Памятная запись» 1386 года *459*

[«Житие Ованеса Воротнеци»] 460
«Анализ Категорий Аристотеля» 461
Григор Татеваци 470
«Житие Григора Татеваци» 473
«Книга вопрошений» 477
«Книги проповедей. Летний том» 481
«Книги проповедей. Зимний том» 488
«Толкования притчей Соломоновых» 492
«Толкование псалмов» 504
Карапет Випох 504
«В назидание ученикам» 505
Аракел Сюнеци 509
«Анализ "Определений [философии]" Давида» 511
Акоп Крымеци 520
«Труд, полезный для всех» 523
«Толкование календаря» 525
«Памятная запись» 532
«О науке календаря» 532
«Вопрошение рабунапета Геворга, покорно исполненное учеником Акопом» 533
«Памятная запись» 533
Товма Мецопеци 534
«История великого учителя Товмы» 536
«Истории Тамерлана и его преемников» 538
Амирдовлат Амасиаци 541
«Ненужное для неучей» 544
«Памятная запись» 548
«Польза медицины» 549

Раздел четвертый
ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ (XVII–XVIII ВВ.)

1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЯ 551

2. ПАМЯТНИКИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 554
Аракел Даврижеци 554

«Книга историй» *555*
Степанос Лехаци *563*
«Словарь философских и богословских понятий» *564*
Закарий Канакерци *567*
«Хроника» *568*
Мхитар Себастаци *571*
«Введение в грамматику» *573*
«Толковый словарь армянского языка» *574*
Микаэл Чамчян *578*
«История Армении» *579*
«Грамматика армянского языка» *581*
Палтасар Дпир *584*
«Толкование грамматики» *586*
Из философско-назидательных изречений *587*
«Судебник астраханских армян» *588*
Овсеп (Иосиф) Эмин *591*
«Жизнь и приключения Овсепа Эмина» *593*
Мовсес Баграмян *600*
«Новая книга, называемая “Увещевание"» *601*
Шаамир Шаамирян *605*
«Книга, называемая “Западня честолюбия"» *606*
«Конституция Армении» *610*
Петрос Константинополсеци *613*
«Книга о добропорядочном поведении» *613*
ПРИМЕЧАНИЯ *619*
ЛИТЕРАТУРА *665*

К. А. МИРУМЯН

АНТОЛОГИЯ АРМЯНСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

С древнейших времен до XVIII века

Главный редактор РНИ *— М.Э. Авакян*
Компьютерная верстка *— А.Г. Антонян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского
университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел.⍰факс: (+374 10) 27-70-52 (внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 7
Подписано к печати 25.01.2019г.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем 43 усл. п.л. Тираж 200 экз.